ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2011 Том 17

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

апрель – июнь

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

5 **Кусманов С.А., Гунин В.В., Акаева Т.К., Акаев О.П., Охлопков В.А.**
Экстракционное взаимодействие в системе $CaO – N_2O_5 – P_2O_5 – H_2O$ – трибутилфосфат

9 **Мамедов Ч.А.**
Резервы повышения эффективности воспроизводства осетровых рыб на рыбоводных заводах в современных экологических условиях

13 **Мурылёв А.В., Петухов А.В.**
Точка кристаллизации тканей тела медоносных пчел Apis mellifera mellifera l. и Apis mellifera carnica

17 **Парфенюк В.И., Тесакова М.В.**
Низкотемпературный катализатор для глубокой переработки природных углеводородов

24 **Тауки А.Н., Кузьмин А.Ф., Смирнов Н.А., Смирнов А.В.**
Сравнительная характеристика защитного действия препаратов солодки и эссенциальных фосфолипидов на организм белых крыс в условиях острого токсического гепатита

27 **Цветкова А.Д., Акаев О.П.**
Исследование процесса адсорбции ионов меди на модифицированном диоксиде кремния

СИСТЕМОТЕХНИКА

31 **Костров А.В., Таиров Т.Н.**
К задаче рационального формирования комплекса технологического оборудования

ФИЛОСОФИЯ

36 **Бадретдинов З.А., Бадретдинов В.З.**
Конструирование дискурса власти в социальном мире: формальная и содержательная стороны

38 **Богданова М.А.**
Телесность человека в парадигме гуманитарного мышления М.М. Бахтина

42 **Зеленова Е.Л.**
Национальные противоречия – основа глобальных противоречий

46 **Канунникова О.В.**
Метаязык как способ образования абстракций в конкретно-научном познании
49 **Карпова Т.В.**
Русские философские корни государственно-конфессиональных отношений в постсоветской России
52 **Кошлаков Д.М.**
Проблема бытия науки в исследованиях рациональности
56 **Лаврикова И.Н.**
Природа праздника: поиск истины
60 **Малахова Н.В.**
Субъективные предпосылки дискурса телесности
64 **Оботурова Н.С.**
Концептуализация идей нетрадиционной теории познания в аналитической философии Д. Дэвидсона и Х. Патнэма
68 **Омельчук Р.К.**
Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей
72 **Рыжакова Е.В.**
Одиночество как философская проблема
76 **Туман-Никифоров А.А., Туман-Никифорова И.О.**
Сущность человека как объект изучения науки
80 **Шустров А.Г.**
Созерцание или просвещение как высшее состояние культуры в оценке восточных отцов церкви
84 **Цанн-кай-си Ф.В., Андреева Л.С.**
Гуманистическое измерение истории

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

90 **Балахнина Л.В.**
Художественные источники, свидетельствующие о видоизменениях S-образного профильного женского силуэта 70-х – 80-х годов XIX столетия
93 **Ирхен И.И.**
Методологические подходы к структуризации процесса культурной глобализации в современной России
98 **Шарипова Р.М.**
Кантатно-ораториальное творчество татарских композиторов (60–80-е годы XX века)

ИСТОРИЯ

103 **Борщукова Е.Д.**
Публицистика времен Первой мировой войны и формирование общественного сознания российского общества
107 **Матвиевский И.Н.**
Образование и деятельность «Союза 17 октября» в Костромской губернии в годы первой русской революции
111 **Наградов И.С.**
Взаимоотношения старообрядцев, российского правительства и синодальной церкви в 1905–1917 годах
114 **Чибисов А.В. (игумен Мануил)**
Отношение российского правительства к факту учреждения Белокриницкой иерархии

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

119 **Андреева В.Г.**
Левин и Вронский в художественном мире романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»
123 **Баталова Т.П.**
Символика «шинели» в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя
128 **Григорьева Е.Ф.**
Литературная позиция последнего десятилетия жизни С.Т. Аксакова как проблема
132 **Каткова М.М.**
Британская рецепция России в повести А. Платонова «Епифанские шлюзы»
137 **Малкова Т.Ю.**
Знаки сакрального в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»
141 **Котлов А.К.**
Современная «традиционная» русская проза: некоторые аспекты эволюции

ЛИНГВИСТИКА

146 **Аникаева А.А.**
Конструктивизм как концепция стилеобразования в дизайне печатной рекламы
150 **Васильев А.И.**
Фразеологическая вариантность в древнерусском языке
154 **Гегнер Н.Е.**
Использование конструкций с неопределенно-личным местоимением *man* в качестве перифраза пассива в немецкоязычной печатной рекламе
158 **Глушецкая С.М., Колесников А.А.**
Диахроническая полисемия номецкой номинации *Wams*: лингвокультурологический аспект
162 **Дубинкина Н.В.**
Развитие художественно-метафорической образности на основе фразеологической семантики (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина)

165 **Зубова Ж.А.**
Фразеологизмы, характеризующие внешний вид человека, в орловских говорах
167 **Ковынёва И.А.**
Идеология голофрастических конструкций: цели создания и функции
171 **Кондратьева О.Н.**
Диахронический аспект изучения концептуальных метафор
175 **Кучмезова Л.О.**
Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики
180 **Наградова Л.С.**
Особенности фразеологической репрезентации концепта «Воля» в пьесах А.Н. Островского
182 **Мамаева С.В., Шмульская Л.С.**
Грамматические особенности дискурсивной деятельности школьников-подростков
186 **Рябова Г.Н.**
Общеинформативные коммуникативно-синтаксические типы предложения в поэтическом тексте
190 **Смирнова Е.В.**
Синонимия в современной медицинской терминологии и ее лексикографирование (на примере англо-русских словарей)
195 **Тлеумуратов Г.**
Об изменении структуры грамматического рода в среднеанглийском языке
198 **Шамсеева Г.Х.**
Анализ частеречной и структурной характеристики юридических терминов в английском и татарском языках
201 **Шаталова О.В.**
Автор и персонаж: синтаксическая репрезентация в несобственно-прямой речи
206 **Яковлев А.И.**
Пародия как интертекстуальная лингвистическая категория (на примере пушкинского интертекста в романе А. Белого «Петербург»)
210 **Яковлев А.И.**
Опыт центонного текста: рассказ Э. По «Маска Красной смерти» в романе А. Белого «Петербург»
214 **Виноградова П.П.**
Словообразовательная дистрибуция отыменных наименований пирогов на территории Костромской области

ПСИХОЛОГИЯ

219 **Абросимова Е.А.**
Социально-психологические подходы к автобиографической ретроспективе
222 **Борисов Р.В.**
Лингвистический фактор межэтнических отношений в традиционном обществе Дагестана
225 **Медведская Т.С.**
Психологические детерминанты стратегии разрешения проблемы как составляющей оценочно-поведенческого компонента активности личности
228 **Молчанова Л.Н.**
Состояние психического выгорания представителей профессий экстремального профиля в контексте личностного опыта участия в боевых действиях
232 **Скрипкина Н.В.**
Социально-психологический анализ личностного отношения педагогов к детям

ПЕДАГОГИКА

238 **Бабенко А.С.**
Преодоление стереотипов мышления с помощью изучения непрерывных динамических систем
241 **Браилко О.А.**
Педагогические условия формирования правовой активности курсантов военного вуза в условиях модернизации системы военного образования
246 **Быкова А.В., Грачёва И.В.**
Научно-исследовательская деятельность и государственный образовательный стандарт нового поколения: результаты и перспективы компетентностного подхода
250 **Воронин С.М.**
Основы реформирования физической культуры и спорта
253 **Иванова Л.А.**
Освоение подрастающим поколением медиамира: гендерная и возрастная специфика
258 **Канкулова С.Х.**
Математическое описание учебного процесса
261 **Морозова И.М., Кулагина Ю.А.**
Критерии оценки качественной подготовки педагогов профессионального обучения к использованию элементов дистанционных технологий
267 **Стакина Е.С.**
Построение фрактальных множеств как средство формирования информационных компетенций студентов
271 **Салахова В.Б.**
Высшее профессиональное образование в системе исполнения наказания

276 **Царёв Е.А.**
Социально-ценностный потенциал физической деятельности и формирование здорового образа жизни

СОЦИОЛОГИЯ

280 **Гаязова Р.А.**
Легитимность государственной власти как результат социально-компромиссного взаимодействия общества и государства

284 **Максименко А.А.**
Социологическая интерпретация понятия «ценность»

291 **Тугушева А.М.**
Социокультурные ориентации будущих государственных и муниципальных служащих (на материалах Республики Татарстан)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

294 **Александрова О.В.**
Особенности производства и разрешения гражданского иска в уголовном процессе по законодательству конца XIX века

297 **Груздев В.В.**
Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования

310 **Рощин Б.Е.**
Российское трудовое право как юридическая наука: особенности генезиса

ЭКОНОМИКА

316 **Миропольский Д.Ю.**
Взаимодействие стимулирующей и регулирующей функций хозяйственной системы

320 **Грабова О.Н.**
Школы бухгалтерского учета как основа развития теории, методологии и практики

327 **Коновалова Е.В.**
Роль семьи в формировании человеческого капитала инновационной экономики

330 **Муравьев А.А.**
Некоторые подходы к определению эффективности сетевой структуры и реализация рентоориентированного поведения актора в сети

334 **Ратькова А.Б.**
Корректирующие лаги государственного регулирования

336 **Сердцева О.А.**
Рынок ценных бумаг России: проблемы и перспективы развития в современных условиях

339 **Симонов А.Г.**
Гармоничность экономики: постановка проблемы

341 **Чекмарёв В.В., Юдина Т.Н.**
Институционализация домостроительства императрицами Елизаветой Петровной и Екатериной (II) Алексеевной Романовыми

348 **Чистяков С.В.**
Трансформация форм организации экономических отношений в образовании

ПОЗДРАВЛЯЕМ

356 **Пефтиев В.И.**
Мужество быть своим собственным авторитетом, или Не возлюби ближнего своего: динамика соседства, дружбы и вражды (к 60-летию В.В. Чекмарева)

361 **Чекмарев В.В.**
Повесть о путнике, или крестный отец нововведений (к двадцатилетию в должности проректора и в связи с 60-летием)

366 **SUMMARY**

378 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Кусманов Сергей Александрович
кандидат технических наук,
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
sakusmanov@yandex.ru,
Гунин Валерий Владимирович
кандидат технических наук,
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома),
Акаева Татьяна Карповна
кандидат технических наук,
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
akaev@list.ru
Акаев Олег Павлович
доктор технических наук,
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
akaev@list.ru
Охлопков Вячеслав Алексеевич,
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова,
ohlopkov.ru@gmail.com

ЭКСТРАКЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ CAO – N_2O_5 – P_2O_5 – H_2O – ТРИБУТИЛФОСФАТ

В статье рассматриваются вопросы получения очищенной фосфорной кислоты из продуктов азотнокислотного разложения природных фосфатов. Показана высокая степень извлечения фосфорной кислоты экстракционным методом при использовании в качестве экстрагента трибутилфосфата. Предложены оптимальные соотношения компонентов в экстракционной системе и продолжительность процесса.

***Ключевые слова**: фосфорная кислота, экстракция, трибутилфосфат, степень извлечения.*

Фосфорная кислота имеет широкое применение в различных отраслях промышленности, медицине и, главным образом, в сельском хозяйстве. Она является исходным сырьем в производстве двойного суперфосфата, аммофоса, диаммонийфосфата и других минеральных удобрений.

В промышленности фосфорную кислоту получают двумя способами: термическим – ТФК (из элементарного фосфора) и экстракционным – ЭФК (разложением природных фосфатов серной кислотой – сернокислотное разложение). Возможно также получение H_3PO_4 разложением фосфатов азотной и соляной кислотой [1; 3].

ЭФК содержит до 8–10% примесей и используется, в основном, для получения концентрированных фосфорных и комплексных удобрений. ТФК более чистая по сравнению с ЭФК, но более дорогостоящая. В настоящее время наблюдается тенденция спада производства ТФК, т. к. оно представляется весьма энергоемким и экологически опасным [2; 4]. Это определяет научный и практический интерес получение ЭФК.

Экстракционный метод позволяет получать фосфорную кислоту любого качества (технического, пищевого, фармацевтического, реактивного), обладает низкой себестоимостью и высокой технологичностью процесса [7].

Наиболее перспективным видится извлечение и очистка фосфорной кислоты при помощи органических экстрагентов из продуктов кислотного разложения природных фосфатов (метод жидкостной экстракции) [9; 10; 11]. В этом случае в органическую фазу переходит фосфорная кислота; примеси с некоторым количеством фосфорной кислоты остаются в донной фазе.

В качестве экстрагентов целесообразно использовать органические растворители, отвечающие следующим требованиям: селективностью по отношению к фосфорной кислоте, высокой экстракционной емкостью по целевому компоненту, низкой растворимостью в водной фазе, легкостью регенерации, негорючестью или достаточно высокой температурой вспышки, невысокой летучестью и низкой токсичностью, доступностью и невысокой стоимостью.

© Кусманов С.А., Гунин В.В., Акаева Т.К., Акаев О.П., Охлопков В.А., 2011

Более высокой селективностью к фосфорной кислоте обладает трибутилфосфат (ТБФ), который используется как в чистом виде, так и в виде его растворов с различными органическими разбавителями [5; 6; 12]. Малая растворимость ТБФ в воде и минеральных кислотах позволяет легко извлекать его, не требуется дистилляционная отгонка, что обусловливает незначительные потери экстрагента в процессе экстракции. Безводная фосфорная кислота полностью смешивается с неразбавленным ТБФ. На основании этого разработан непрерывный процесс очистки фосфорной кислоты противоточной экстракцией ТБФ [6]. В некоторых вариантах процесса предлагается проводить экстракцию из растворов, в которые добавлена концентрированная серная кислота [8].

В данной работе, в отличие от ранее опубликованных, где очистке подвергали фосфорную кислоту, полученную сернокислым методом, используется в качестве исходного сырья для экстракционной очистки фосфорной кислоты продукт разложения природных фосфатов азотной кислотой (азотнокислотная вытяжка). Исследование закономерности процесса экстракции фосфорной кислоты из азотнокислотной вытяжки и будет определять цель данной работы.

Для осуществления процесса очистки фосфорной кислоты экстракционным методом необходимо рассматривать следующие технологические операции:

1. Приведение в контакт и диспергирование фаз.

2. Разделение или расслаивание фаз на экстракт (извлекающая фаза) и рафинат (исчерпывающая фаза). В любом экстракционном процессе после достижения требуемых показателей извлекающая и исчерпывающая фазы должны быть разделены. Эмульсии, образующиеся при перемешивании, обычно термодинамически неустойчивы, что обусловлено наличием избыточной свободной энергии вследствие большой межфазной поверхности. Поэтому разделение эмульсий осуществляется, как правило, в две стадии. Сначала довольно быстро осаждаются (всплывают) крупные капли. Значительно более мелкие капли остаются в виде «тумана», который отстаивается довольно долго.

3. Выделение целевых компонентов из экстракта и регенерация экстрагента. Для чего наряду с дистилляцией наиболее часто применяют реэкстракцию – процесс, обратный экстракции, обрабатывая экстракт водными растворами веществ, обеспечивающих полный перевод целевых компонентов в раствор или осадок и их концентрирование.

4. Промывка экстракта для уменьшения содержания и удаления механически захваченного исходного раствора.

При распределении вещества между двумя несмешивающимися жидкостями в простейшем случае рассматривают систему, включающую три компонента K (вода, распределяемое вещество, экстрагент) и две фазы Φ (водная и органическая). В соответствии с правилом фаз Гиббса, такая система имеет три степени свободы ($C = 3 - 2 + 2 = 3$). Если давление p и температуру T поддерживать постоянными, то система будет иметь только одну степень свободы – концентрацию вещества в одной из фаз ($C = 1$). Это означает, что существует взаимно однозначное соответствие между равновесными концентрациями распределяемого компонента в исчерпываемой (c) и извлекающей (c') фазах. Благодаря этому для характеристики равновесного распределения используют кривую равновесия или изотерму экстракции $c' = f(c)$, и коэффициент распределения D ($D = c'/c$).

Скорость экстракции определяется скоростью образования экстрагирующегося соединения и скоростью его распределения между фазами. Если скорость экстракции не зависит от интенсивности перемешивания, то лимитирующей стадией является скорость образования экстрагирующегося соединения. В зависимости от природы вещества возможно регулирование скорости экстракции введением в экстракционную систему механической энергии, затрачиваемой на принудительное перемешивание и диспергирование фаз с целью увеличения поверхности их контакта и коэффициента массоотдачи в фазах. При интенсивных режимах перемешивания возможно снижение скорости разделения фаз на последующих стадиях процесса. Если скорость извлечения вещества ограничена скоростью медленных химических реакций в фазах, то при прочих равных условиях скорость экстракции не зависит от размера межфазной поверхности. Интенсификация экстракционного процесса возможна лишь за счет ускорения самих реакций. В большинстве случаев скорость переноса вещества из одной фазы в другую высока и составляет несколько минут.

Экспериментальные данные, полученные при анализе азотнокислотной вытяжки, показали высокое содержание в ней свободной фосфорной

Таблица 1

Экспериментальные данные определения времени экстракции фосфорной кислоты в системе АКВ – ТБФ (температура: 20°С)

Время, мин	Содержание H_3PO_4, %		Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в органическую фазу *R*, %
	Органическая фаза	Водная фаза		
2,5	4,67	7,68	0,61	37,81
3,0	7,64	6,33	1,21	54,69
3,5	12,28	5,92	2,07	67,47
4,0	17,93	4,65	3,86	79,41
4,5	21,58	4,17	5,17	83,81
5,0	23,91	3,92	5,76	85,20
5,5	23,91	3,92	5,76	85,20
6,0	23,91	3,92	5,76	85,20

кислоты (29,50%), что делает целесообразным выделение ее из данной системы. Кроме фосфорной кислоты в растворе находится большое количество азотной кислоты (14,36%) и оксида кальция (8,55%). Присутствие оксидов магния (1,21%), алюминия (0,02%) и железа (4,50%) не загрязняет раствор фосфорной кислоты в вытяжке, т.к. их содержание незначительное, а образуемые ими нерастворимые в воде фосфаты не приводят к существенным потерям кислоты. Плотность раствора составляет 1,49 г/см.

Извлечение фосфорной кислоты из АКВ осуществлялось с использованием ТБФ в качестве экстрагента. Для определения времени экстракции из системы АКВ – ТБФ был проведен опыт при соотношении водной и органической фаз 1:1 и температуре 20°С (табл. 1).

По истечении пяти минут содержание фосфорной кислоты в органической и водной фазах не изменяется и достигает около 24 и 4% соответственно. Степень извлечения достигает значения 85,2% по истечении того же времени и остается постоянной.

Установлено, что увеличение доли ТБФ в экстракционной системе приводит к снижению содержания фосфорной кислоты в органической фазе после экстракции и, как следствие, снижению степени извлечения фосфорной кислоты в органическую фазу (табл. 2). Таким образом, наиболее оптимальным будет соотношение АКВ и ТБФ при экстракции 1:1.

Реэкстракция фосфорной кислоты из органической фазы осуществлялась в течение 5 минут дистиллированной водой после экстракции при различных соотношениях АКВ и ТБФ (табл. 3). Соотношение органической фазы, связывающей фосфорную кислоту, и воды составляло 1:1. Результаты показали, что наиболее оптимальным соотношением АКВ и ТБФ при экстракции фосфорной кислоты по результатам реэкстракции водой является 1:1.

По результатам проведенных исследований процесса экстракции фосфорной кислоты из азот-

Таблица 2

Экспериментальные данные экстракции фосфорной кислоты в системе АКВ – ТБФ при различных соотношениях органической и водной фаз (температура: 20°С)

Объемное соотношение фаз, АКВ – ТБФ	Содержание H_3PO_4, %		Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в органическую фазу *R*, %
	Органическая фаза	Водная фаза		
1:1	23,91	3,92	5,76	85,20
1:2	22,25	5,20	4,09	80,34
1:5	18,94	7,40	2,15	68,29
1:10	16,95	7,62	1,70	62,95
1:15	12,27	7,83	1,18	54,21

Таблица 3

Экспериментальные данные реэкстракции фосфорной кислоты в системе АКВ – ТБФ при различных соотношениях органической и водной фаз (температура: 20°С)

Объемное соотношение фаз, АКВ – ТБФ	Содержание H_3PO_4, %		Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в водную фазу *R*, %
	Органическая фаза	Водная фаза		
1:1	1,22	21,80	0,06	94,54
1:2	1,66	19,31	0,09	91,96
1:5	2,98	15,33	0,24	80,92
1:10	4,10	12,62	0,48	67,72
1:15	4,65	7,51	1,03	49,45

нокислотной вытяжки и последующей реэкстракцией ее из органической фазы водой можно сделать следующие выводы:

1. Высокое содержание свободной фосфорной кислоты в азотнокислотной вытяжке свидетельствует о возможности использования ее для получения фосфорной кислоты методом жидкостной экстракции.

2. Степень извлечения фосфорной кислоты из азотнокислотной вытяжки в органическую фазу при 20°С с использованием трибутилфосфата достигает 85,20% после 5 минут экстракции при соотношении азотнокислотной вытяжки и трибутилфосфата в экстракционной системе 1:1.

3. Извлечение фосфорной кислоты при реэкстракции из органической фазы водой также характеризуется высокой скоростью и степенью извлечения. Наибольшее значение степени извлечения фосфорной кислоты в водную фазу при реэкстракции водой наблюдается при соотношении азотнокислотной вытяжки и трибутилфосфата в экстракционной системе 1:1 и составляет 94,54%.

Библиографический список

1. *Linguist B.A., Singleton P.W., Cassman K.G.* Динамика неорганического и органического фосфора в процессе увеличения или уменьшения доступного фосфора // Soil. Sci. – 1997. – V. 162. – № 4. – P. 254–264.

2. *Ангелов А.И., Левин Б.В., Черненко Ю.Д.* Фосфатное сырье. – М.: Недра, 2000. – С. 108–109.

3. *Ангелова М.А.* Динамика и прогноз мирового производства фосфатного сырья // Химическая промышленность. – 1997. – № 3. – С. 15–22.

4. *Ангелова М.А.* Производство и потребление фосфатного сырья в США // Труды НИУИФ. 85 лет. – М., 2004. – С. 105–119.

5. А.с. СССР №596542. Состав для экстракции фосфорной кислоты из пульпы сернокислотного разложения фосфорсодержащего сырья / Б.Н. Ласкорин, З.Ш. Голынко, Г.К. Целищев. Опубл. в Б.И. – 1978. – №9.

6. А.с. СССР №597635. Способ получения фосфорной кислоты / Б.Н. Ласкорин, З.Ш. Голынко, Л.П. Пушкин, Г.К. Целищев, В.В. Шаталов, А.М. Шатохин. Опубл. в Б.И. – 1978. – №10.

7. *Левин Б.В., Гриневич А.В., Мошкова В.Г.* [и др.]. Разработка технологии получения ОФК пищевого качества из Хибинской ЭФК // Труды НИУИФ. 85 лет. – 2004. – С. 105–119.

8. *Марголис Ф.Г., Унанянц Т.П.* Производство комплексных удобрений. – М.: Химия, 1968. – 367 с.

9. Пат. 2075436 Российская Федерация, МПК C01B25/46. Способ очистки экстракционной фосфорной кислоты / Лембриков В.М., Коняхина Л.В., Мошкова В.Г., Корнева З.Н., Гриневич А.В., Кошкин В.Н., Зырянова Л.П.; заявл. 1994.09.30; опубл. 20.03.97. Бюл. № 8.

10. Пат. 2128623 Российская Федерация, МПК C01B25/234, C01B25/46. Способ получения очищенной ортофосфорной кислоты / Гриневич А.В., Кочетков С.П., Парфенов Е.П., Лембриков В.М., Малахова Н.Н., Никитин В.Г., Катунина А.Б.; заявл. 1998.05.27; опубл. 10.04.99. Бюл. № 10.

11. Пат. 2205789 Российская Федерация, МПК C01B25/46. Способ очистки экстракционной фосфорной кислоты / Лембриков В.М., Коняхина Л.В., Волкова В.В., Никитин В.Г., Соловьев Ю.М., Чернышева Г.А., Ершова С.М.; заявл. 2002.06.07; опубл. 10.06.2003. Бюл. № 8.

12. Пат. 1502038 Российская Федерация, МПК B01D1/14. Способ получения очищенной ортофосфорной кислоты / Кочетков С.П., Смирнов Н.Н., Хромов С.В., Лембриков В.М., Парфенов Е.П., Малахова Н.Н., Ильин А.П., Бушуев Н.Н., Никитин В.Г.; заявл. 2003.07.31; опубл. 23.08.89. Бюл. № 31.

УДК 639.371.2

Мамедов Чингиз Агамуса оглы
кандидат биологических наук
Азербайджанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства (г. Баку)
m_chingiz@yahoo.com

РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСЕТРОВЫХ РЫБ НА РЫБОВОДНЫХ ЗАВОДАХ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Усовершенствована технология подавления сапролегниевых грибков при инкубации икры осетровых рыб. Это профилактическая обработка икры в период инкубации с помощью препарата фиолетовый «К» (концентрация 0,2–0,3 мг/л). Новый метод (Патент №2165696) позволяет также вовлекать в процесс инкубации икры с низкой (менее 50%) оплодотворяемостью. Новый метод может быть успешно использован при инкубации оплодотворенной икры других видов рыб.

***Ключевые слова**: сапролегниевые грибы, икра осетровых рыб, фиолетовый «К», оплодотворение.*

Запасы осетровых Каспийского моря, составляющие основу мирового генофонда этих реликтовых рыб, находятся в напряженном состоянии. В последние годы произошло резкое снижение масштабов индустриального воспроизводства осетровых во всем Каспийском регионе. Основной причиной падения масштабов искусственного воспроизводства осетровых является нехватка рыбоводно-качественных производителей на осетровых рыбоводных заводах (ОРЗ). В этой связи, наряду с мероприятиями по формированию во многих рыбоводных хозяйствах репродуктивных стад разных видов осетровых, в том числе исчезающих, ограничению промысловой нагрузки на естественные популяции, усилению охраны нерестовых участков и других факторов, в сохранении популяционного генофонда важную роль выполняет искусственное воспроизводство осетровых рыб.

По данным многих авторов [1; 2; 7; 9] в последние годы происходит омоложение нерестового стада осетровых рыб и основу использующихся в рыбоводных целях производителей на осетровых рыбоводных заводах составляют впервые нерестящиеся особи. Полученные от этих рыб половые продукты (икра, сперма), как правило, характеризуются низкими рыбоводными показателями и не соответствуют принятым рыбоводным нормативам. По этой причине часть самок осетровых, в особенности белуги и севрюги, в период рыбоводной кампании не реагируют на гормональную инъекцию или отдают икру низкого рыбоводного качества (оплодотворяемостью менее 50%), которая из-за поражения сапролегниозом, как правило, не используется для получения личинок.

Учитывая растущий дефицит производителей осетровых естественной генерации, требующихся для обеспечения работы рыбоводных предприятий, возникает необходимость поиска резервов, связанных со снижением потерь рыбоводной продукции на всех этапах биотехнического процесса разведения осетровых.

В результате проведенных исследований в 1998–2000 гг. на базе осетрового рыбоводного завода «Лебяжий» (Астраханская область, Российская Федерация) нами была разработана новая технология подавления сапролегниоза икры осетровых рыб [13]. Новая технология подавления сапролегниевых грибков на развивающейся икре осетровых рыб увеличивает выход личинок от живой икры в среднем на 8–10% и позволяет вовлекать в рыбоводный процесс ранее утилизировавшуюся икру с низкой (менее 50%) оплодотворяемостью.

Целью настоящих исследований являлось внедрение новой технологии подавления сапролегниевых грибков в условиях осетрового рыбоводного завода Азербайджанской Республики, а также изучение рыбоводно-биологических и иммунологических показателей полученных таким способом молоди и взрослых рыб при выращивании их бассейновым способом.

© Мамедов Ч.А., 2011

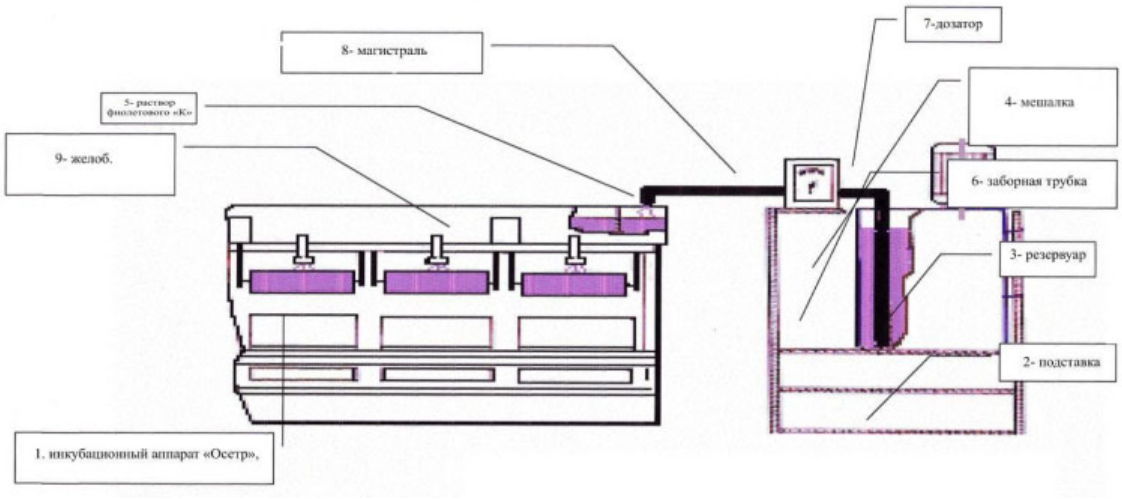


Рис. 1. Устройство, обеспечивающее постоянную концентрацию в воде препарата фиолетового «К» при инкубации икры осетровых.
1 – инкубационный аппарат «Осетр»; 2 – подставка; 3 – резервуар; 4 – мешалка; 5 – раствор фиолетового «К»; 6 – заборная трубка; 7 – дозатор; 8 – магистраль; 9 – желоб

Методика разработанной нами технологии подавления сапролегниевых грибков на развивающейся икре осетровых рыб подробно описана в ряде публикаций [12–14; 19]. Принципиальное отличие ее от традиционных способов заключается в обеспечении постоянной концентрации фунгицидного препарата (фиолетовый «К») в воде с момента закладки икры осетровых в инкубационные аппараты до стадии вращения эмбрионов (33–34 стадии развития). Подачу раствора препарата в инкубационный аппарат «Осетр» регулируется при помощи разработанного нами устройства [14], и концентрация препарата в течение инкубационного периода икры осетровых рыб поддерживается на уровне 0,2–0,3 мг/л (рис. 1).

В 2005 году усовершенствованная технология была внедрена на Хыллинском осетровом рыбоводном заводе Азербайджанской Республики. Икру осетровых рыб (персидский осетр – Acipenser persicus, куринский шип – Acipenser nudiventris и севрюга – Acipenser stellatus) от одной самки после оплодотворения и обесклеивания делили пополам на контрольную и опытную партии и закладывали в разные стойки аппарата «Осетр» в соответствии с нормативной загрузкой вкладышей. Лечебно-профилактическую обработку контрольной партии икры осуществляли традиционным способом [8; 11], а опытной – разработаннымй нами способом [13].

Для сравнительного анализа потомства, полученного с применением разных методов обработки икры, часть вылупившихся предличинок от контрольных и опытных партий по 3000 штук поместили в разные круглые пластиковые бассейны (3,14м^2) и выращивали в идентичных условиях до стандартной навески 2,5–3,0 г. Выращенную молодь оценивали по ряду рыбоводно-биологических – размерно-весовым параметрам, коэффициенту упитанности (по Фультону), среднесуточному приросту [4], выживаемости – и иммунологических показателей. После отбора крови у выращенной молоди определяли содержание гемоглобина и скорость оседания эритроцитов с часовой экспозицией [17], а также изготавливали мазки, которые окрашивали прочным зеленым по В.Е. Пигаревскому [18] и определяли активность нейтрофилов в лизосомально-катионном тесте. Индекс Бредекка, который представляет собой отношение количества лимфоцитов к количеству палочкоядерных нейтрофилов, определялся в соответствии с методикой [5]. При оценке уровня иммуноглобулинов (lg) пользовались ускоренным способом определения по реакции с раствором сульфата цинка, предложенным Мак-Эвеном с соавторами [6] и основанным на измерении оптической плотности растворов и пересчёте единиц оптической плотности в г %.

Статистическую достоверность различий между контрольным и опытным вариантами всех се-

рий экспериментов определяли по t-критерию Стьюдента [10], а также использовали пакет программ Stadia.

Внедрение усовершенствованной технологии подавления сапролегниоза на развивающейся икре осетровых рыб на Хыллинском ОРЗ подтвердило, что при обработке икры вышеуказанным способом на мертвых и травмированных икринках персидского осетра, шипа и севрюги сапролегниоз не развивается и необходимость отбора мертвой икры исключается. За счет внедрения новой технологии на Хыллинском осетровом рыбоводном заводе производственные потери оплодотворенной икры осетровых рыб в период инкубации были полностью исключены, а также в рыбоводный процесс была вовлечена икра оплодотворяемостью менее 50% [16; 20]. В результате этого выход однодневных личинок от живой икры увеличился, и в 2005 году на этом заводе дополнительно было получено более 500 тыс. штук однодневных личинок осетровых (Акт внедрения – 08.07.2005 г., п. Хыллы, г. Нефтечала, Азербайджанская Республика).

Аналогичные результаты были получены нами и при внедрении новой технологии в 2001 году на двух заводах – Лебяжьем и Александровском осетровых рыбоводных заводах Астраханской области Российской Федерации. За счет внедрения новой технологии в 2001 на двух вышеуказанных заводах дополнительно было получено 7 млн. 051 тыс. 725 штук однодневных личинок осетровых рыб [14]. Из них личинки белуги составляли 431 тыс. 870 штук, осетра – 2 млн. 454 тыс. 594 штуки, севрюги – 4 млн. 025 тыс. 261 штука, а также 140 тыс. штук однодневных личинок от икры оплодотворяемостью менее 50% (акт внедрения результатов законченной КаспНИРХом НИР «Усовершенствовать технологию подавления сапролегниевых грибков на этапе эмбриогенеза осетровых», 30.07.2001, Астрахань, Российская Федерация).

Анализ рыбоводно-биологического и иммунологического состояния рыб при их выращивании в бассейнах показал, что обработка икры новым способом не оказывает отрицательного воздействия на процесс эмбриогенеза и развитие личинок и молоди (табл. 1), что подтвердило полученные нами ранее результаты [12–14; 19].

Новая технология подавления сапролегниоза может быть успешно использована и при инкубации икры других систематических групп рыб. Та, например, в результате применения этой технологии при инкубации икры речного судака на Александровском ОРЗ (Астраханская область) удалось предотвратить появление сапролегниоза в период инкубации оплодотворенной икры у этих фитофильных рыб [3]. А в 2001–2002 гг. указанная технология была испытана при длительном выдерживании производителей белорыбицы (Stenodus leucichthys leucichthys) в бетонных бассейнах Александровского ОРЗ (Астраханская

Таблица 1

Рыбоводно-биологические и иммунологические показатели молоди персидского осетра, выращенной бассейновым способом на Хыллинском ОРЗ Азербайджанской Республики (2005 г.)

Показатели	Acipenser persicus	
	Контроль	Опыт
Плотность посадки в бассейнах, тыс. шт./м^2	3000	3000
Период выращивания, сутки	60	60
Длина тела, мм (M ± m)	88,0±2,5	89,0±2,2
Масса тела, мг (M ± m)	2820±180	2930±160
Коэффициент упитанности	0,41	0,42
Среднесуточный прирост, %	11,1	11,3
Гемоглобин, г/л	35,4±2,5	35,9±2,3
Общий белок, г/л	19,2±0,5	19,9±0,9
СОЭ, мм/ч	2,4±0,04	2,2±0,04
Эритроциты, тыс.шт./мкл	450,5±39,6	447,5±42,6
Лейкоциты, тыс.шт./мкл	7,6±0,9	7,6±1,1
Количество иммуноглобулинов, г/л$^{-1}$	0,68±0,05	0,70±0,05
Активность нейтрофилов в лизосомально-катионном тесте, усл. ед.	1,09±0,07	1,17±0,05
Индекс Бредекка	36,6±10,7	37,2±11,3

область, Российская Федерация). Было экспериментально показано, что указанный способ профилактической обработки исключает возникновение стрессовой ситуации, не приводит к травмированию рыб и значительно сокращает гибель производителей белорыбицы в период их длительной резервации в искусственных условиях.

Необходимо отметить, что данная технология ежегодно внедряется на осетровых рыбоводных заводах Астраханской области Российской Федерации и Азербайджана и в условиях нехватки рыбоводно-качественных производителей позволяет значительно снизить потери рыбоводной продукции на этапе инкубации икры осетровых рыб. Таким образом, испытывая острый дефицит производителей естественной генерации, действующие осетровые рыбоводные заводы могут значительно снизить расход самок и самцов для получения репродуктивной икры и увеличения количественных показателей выращиваемой молоди.

Библиографический список

1. *Баранникова И.А., Белоусов А.Н., Никаноров С.И., Малютин В.С.* Положение с осетровыми сложное, но не безнадежное // Рыбоводство и рыболовство. – 2001. – №1. – С. 4–6.

2. *Васильева Л.М.* Проблемы, приоритеты и перспективные проекты развития осетрового хозяйства Каспийского бассейна // Повышение эффективности использования водных биологических ресурсов Мирового океана. – М.: ВНИРО, 2005. – С. 127–129.

3. *Васильченко О.Н., Мамедов Ч.А., Шабанова Д.А., Карпунина Н.В.* Совершенствование биотехники разведения полупроходного судака в дельте Волги // Рыбохозяйственные исследования на Каспии. Результаты НИР за 2001. – Астрахань: КаспНИРХ, 2002. – С. 406–409.

4. *Винберг Г.Г.* Интенсивность обмена и пищевые потребности рыб. – Минск, 1956. – 253 с.

5. *Волегов А.И.* Устойчивости организма к злокачественным опухолям. – М.: Медицина, 1987. – 240 с.

6. *Воловенко М.А.* Определение уровня иммуноглобулинов в сыворотке крови новорожденных телят // Ветеринария. – 1975. – №4. – С. 100–104.

7. *Гаджиев Р.В., Касимов Р.Ю.* Осетровые и лососевые Куринско-Каспийского региона, их биологические группы и эколого-физиологические особенности. – Баку: Зардаби, 2005. – 249 с.

8. *Домашова А.А.* Сапролегниоз икры осетровых рыб и меры борьбы с ним // Труды ЦНИОРХ. – М.: ВНИРО, 1971. – Т. 3. – С. 134–145.

9. *Кокоза А.А.* Возможные направления дальнейшего развития пастбищного осетроводства в бассейне Каспия // Осетровые на рубеже XXI века. – Астрахань, 2000. – С. 249–250.

10. *Лакин Г.Ф.* Биометрия. – М.: Высшая школа, 1990. – 352 с.

11. *Ларцева Л.В.* Профилактика и терапия сапролегниоза икры осетровых и белорыбицы при искусственном их разведении: Автореф. дис. … канд. биол. наук. – М., 1987. – 22 с.

12. *Мамедов Ч.А.* Совершенствование способа профилактической обработки оплодотворенной икры осетровых с целью максимального вовлечения ее в рыбоводный процесс // Биоразнообразие водных экосистем Юго-востока Европейской части России. Часть II. – Волгоград, 2000. – С. 97–103.

13. *Мамедов Ч.А.* Способ инкубации икры осетровых рыб. Патент РФ № 2165696. – 2001.

14. *Мамедов Ч.А.* Снижение потерь рыбоводной продукции на этапе инкубации икры осетровых // Научный бюллетень Каспийского плавучего Университета. – Астрахань: КаспНИРХ. – 2002. – №2. – С. 98–100.

15. *Мамедов Ч.А., Михайлова М.В., Васильченко О.Н.* Методы повышения эффективности воспроизводства белорыбицы (Stenodus leucichthys leucichthys) на рыбоводных предприятиях дельты Волги // Современные проблемы биологических ресурсов Каспийского моря. АзерНИРХ. – Баку, 2003. – С. 188–190.

16. *Мамедов Ч.А., Гаджиев Р.В., Ахундов М.М.* Новые технологии осетроводства в Азербайджане. – Баку: Элм, 2009. – 260 с.

17. *Мусселиус В.А., Ванятинский В.Ф., Вихман А.А.* и др. Лабораторный практикум по болезням рыб. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. – 296 с.

18. *Пигаревский В.Е., Мазинг Ю.А.* К методике применения лизосомально-катионного теста в лабораторной диагностической практике // Лабораторное дело. – 1981. – №10. – С. 579–582.

19. *Mamedov Ch. A., Valedskaya O. V., Kokoza A.A.* A new method for sturgeon eggs treatment // Abstracts International Conference AQUA-2000. – Nice, France, 2000. – P. 433.

20. *Mamedov Ch.A.* Improved technology of saprolegnia control on developing sturgeon eggs // Abstracts International Workshop on Advanced Techniques in Sturgeon Fish Larviculture. – Urmia, Iran, 2007. – P. 9–11.

УДК 595.799

Мурылёв Александр Виталиевич
mavrus@list.ru
Петухов Александр Васильевич
кандидат биологических наук
avpetukhov@list.ru
Пермский государственный педагогический университет

ТОЧКА КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ТКАНЕЙ ТЕЛА МЕДОНОСНЫХ ПЧЕЛ *APIS MELLIFERA MELLIFERA L.* И *APIS MELLIFERA CARNICA*

В статье показан в динамике годичный цикл точки кристаллизации разных отделов тела пчелы медоносной. Отмечено различие точки кристаллизации тканей пчелы медоносной у среднерусской и карпатской рас. Данный показатель позволит объяснить на физиологическом уровне механизм адаптации пчел к неблагоприятным зимним условиям и освоению севера ареала.

Ключевые слова: *пчела медоносная, точка кристаллизации, точка максимального переохлаждения, среднерусская раса, карпатская раса.*

Медоносная пчела заняла широкий ареал, расселившись во все обитаемые части света. Это связано с приобретением видом большого комплекса адаптаций. В процессе естественного расширения пчёлами ареала за счёт расселения в зоны с умеренным и холодным климатом отбор благоприятствовал накоплению приспособлений, направленных на обеспечение экономного расходования энергии семьей, а также на развитие у неё индивидуальных механизмов устойчивости к холоду [4, с. 24–25]. Пермский край является северной границей ареала естественного распространения медоносных пчел. Успешно зимовать и продуктивно работать в этой зоне могут лишь пчелы среднерусской расы (*Apis mellifera mellifera L.*). Пчелы среднерусской расы по сравнению с некоторыми другими имеют более крупные размеры тела. Средняя масса однодневной рабочей пчелы 110 мг, длина хоботка 5,9–6,4 мм. Среднерусские пчелы лучше, чем пчелы других рас, переносят длительную зимовку и более устойчивы к заболеваниям нозематозом и европейским гнильцом [5, с. 30; 8, с. 16–17]. Однако на сегодняшний день, в результате завоза пчел других рас и бесконтрольного их скрещивания, среднерусскую расу пчел в чистом виде найти очень сложно [7, с. 16]. Но в России еще сохранились уголки, где остались незатронутыми нерациональным пчеловодством пасеки с пчелами среднерусской расы [3, с. 23].

Кроме среднерусских пчел в условиях средней тайги Пермского края многие как начинающие, так и опытные пчеловоды на своих пасеках начинают разводить карпатскую расу медоносных пчел (*Apis mellifera carnica*). Основные доводы сводятся к тому, что карпатские пчелы более миролюбивы, умеренно ройливы и способны лучше работать при слабом медосборе [1, с. 18–23].

В задачу исследования входило: изучение устойчивости медоносных пчел среднерусской и карпатской рас к низким температурам в зимний период, который в биологии медоносных пчел принято называть диапаузой; изучение точки кристаллизации пчел весенней и летней генераций. Е.К. Еськовым предложен показатель, характеризующий переход тканей пчелы из одного агрегатного состояния в другое при действии низких температур, который называют точкой кристаллизации или точкой максимального переохлаждения (ТМП). Точка кристаллизации зависит в основном от физико-химического состава вещества. Регистрация показателя точки кристаллизации происходит во время образования кристаллов при переходе из одного агрегатного состояния в другое. При достижении ТМП пчелы чаще всего погибают из-за разрывов тканей и органов, поэтому ТМП характеризует критический уровень холодостойкости [2, с. 22–23]. Изучение данного показателя позволит: 1) охарактеризовать физиологические изменения пчел разных генераций и пчел разных рас; 2) выяснить на физиологическом уровне механизмы адаптации пчел к неблагоприятным зимним условиям и освоению севера ареала; 3) установить различия точки кристаллизации медоносных пчел карпатской и среднерусской рас, а также метизированных пчел.

Исследования проводились ежемесячно с 2006 по 2010 гг., материалом послужили пробы пчел карпатской расы из пчелопитомника «Мукачево» и пчел среднерусской расы разведенческого

© Мурылёв А.В., Петухов А.В., 2011

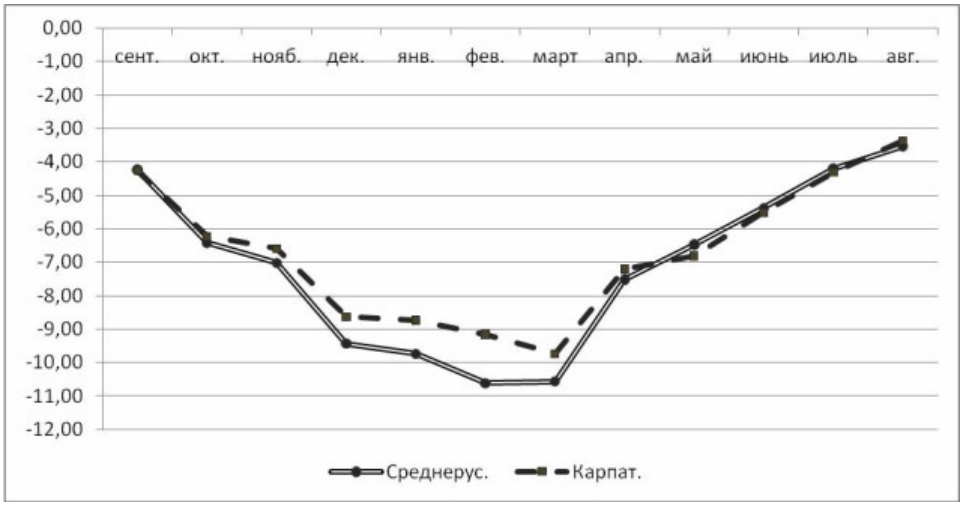


Рис. 1. Средние показатели ТМП головы у медоносных пчел среднерусской и карпатской рас

хозяйства «Нижнесосновское» Уинского района Пермского края. Согласно методике ТМП измерялась в трех отделах тела медоносной пчелы (голове, груди, брюшке). Измерения производились с помощью хром-копелевой термопары, укрепленной на деревянной основе. Термопара погружалась в один из отделов тела пчелы и помещалась в морозильную камеру холодильника. Цифровым вольтметром в момент кристаллизации фиксировалась разность потенциалов, затем с помощью формулы полученные данные переводились в температурные показатели.

Анализируя ТМП головы у медоносных пчел карпатской и среднерусской рас, можно отметить, что у среднерусской расы максимальных отрицательных значений ТМП головы по средним показателям достигла в феврале и составила -10,61°С±0,39; у карпатской расы она была выше, и составила -9,74°С±0,35 в марте (рис. 1).

Однако у отдельных особей пчел были зафиксированы и более низкие значения точки кристаллизации головы: у среднерусской расы – -13,64°С, у карпатской – -11,21°С. Самые высокие средние показатели ТМП у исследуемых рас были зафиксированы в августе, у среднерусской расы они составили -3,53°С±0,41; у карпатской – -3,37°С±0,24. Относительно общей динамики ТМП головы можно отметить, что минимальная температура точки кристаллизации на протяжении всей зимовки наблюдалась у среднерусских пчел. У пчел летней

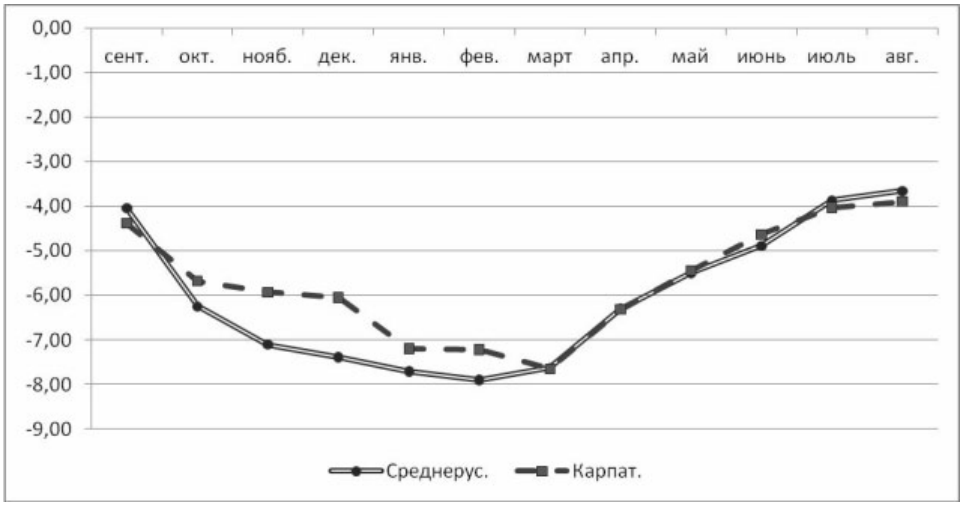


Рис. 2. Средние показатели ТМП груди у медоносных пчел среднерусской и карпатской рас

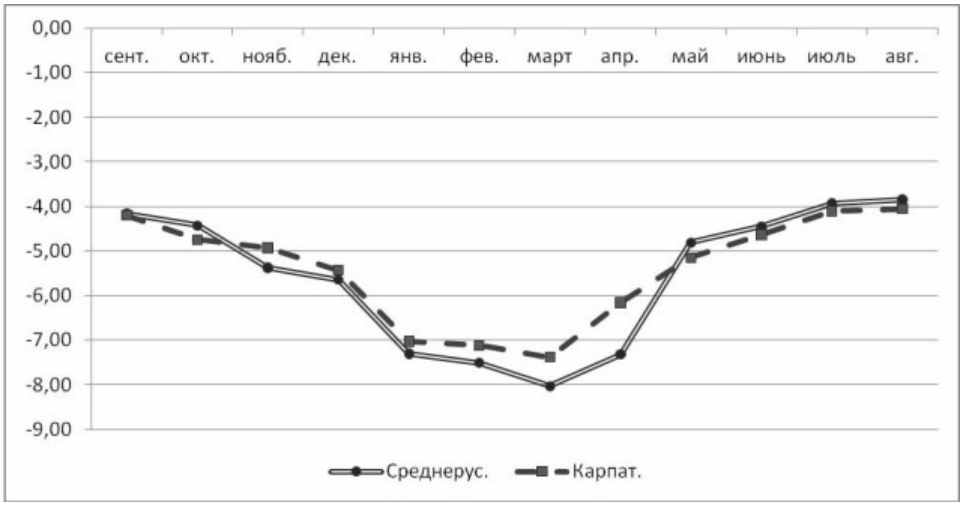


Рис. 3. Средние показатели ТМП брюшка у медоносных пчел среднерусской и карпатской рас

генерации среднерусской и карпатской рас значения ТМП головы достоверных отличий не имели, коэффициент Стьюдента (t) был равен 2,16.

В грудном отделе температура точки кристаллизации была выше. У среднерусской расы своих максимальных отрицательных показателей ТМП груди по средним значениям достигла в феврале и составила -7,90° С±0,26; у карпатской – -7,65 °С±0,44 в марте (рис. 2). Абсолютный минимум у среднерусской расы был зафиксирован в марте – -10,42°С, у карпатской расы также в марте – -9,15°С. У летней генерации пчел обеих рас средние показатели ТМП груди были самые высокие. В августе они составили у среднерусской расы -3,66°С±0,35; у карпатской – -3,90°С±0,39. Анализируя общую динамику, можно отметить, что у карпатских пчел до середины зимовки ТМП груди была выше, во второй половине зимовки, и особенно в ее конце, показания ТМП груди приблизились к значениям пчел среднерусской расы.

Более высокая температура точки кристаллизации была в брюшном отделе. У среднерусской расы своей минимальной температуры ТМП брюшка по средним показателям достигла в марте и составила -8,03° С±0,36, у карпатской расы минимальные температуры также отмечены в марте – -7,38° С±0,22 (рис. 3). Абсолютный минимум у исследуемых рас был зафиксирован в марте, у среднерусской расы он составил -10,83°С, у карпатской – -9,74°С. Самые высокие средние значения ТМП брюшка были зафиксированы у летней генерации пчел. В августе они составили у среднерусской расы -3,85°С±0,22; у карпатской – -4,05°С±0,20. Исходя из общей динамики ТМП брюшка, можно отметить, что до середины зимовки значения ТМП у всех пчел существенно не отличаются, после середины и до конца зимовки минимальные температуры преобладают у среднерусской расы. У пчел весенней и летней генераций среднерусской и карпатской рас значения ТМП брюшка достоверно не отличались (t=2,04).

Если обратим внимание на периоды роста и развития пчелиных семей (рис. 4), предложен-

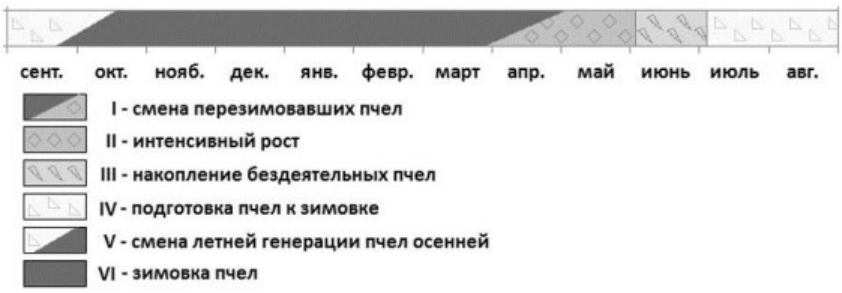


Рис. 4. Основные периоды роста и развития пчелиных семей

ные В.И. Лебедевым [6, с. 10], то заметим изменение показателей точки кристаллизации у медоносных пчел при смене разных периодов.

У пчел, с прекращением летной активности в октябре и постепенным наступлением холодов, начинают увеличиваться отрицательные показатели ТМП, достигая своих максимальных отрицательных значений к концу зимовки. В апреле происходит смена перезимовавших пчел молодыми пчелами весенней генерации. В этот период показания точки кристаллизации в отделах тела пчелы начинают увеличиваться. Это связано с увеличением содержания воды в организме пчел весенней генерации. Так, Е.К. Еськов отмечает, что у пчел, точка максимального переохлаждения которых опускается ниже, наблюдается минимальное содержание воды в теле [2, с. 22]. К аналогичному заключению пришел В.И. Лебедев, который отмечает, что, сравнивая содержание воды в организме пчел различного происхождения, можно наблюдать наименьшее процентное содержание воды в теле у высокозимостойких среднерусских пчел, а наибольшее – у слабозимостойких пчел серой горной кавказской породы [6, с. 12]. Во время интенсивного роста и накопления бездеятельных пчел точка кристаллизации в разных отделах тела медоносной пчелы продолжает увеличиваться. Появляются пчелы летней генерации, у которых наблюдаются максимальные значения ТМП. Эти показатели остаются высокими до октября месяца, а затем снова снижаются.

По результатам исследования пчел карпатской и среднерусской рас на территории Пермского края мы пришли к выводу, что температура максимального переохлаждения в течение зимовки у пчел динамично изменяется и зависит от генераций пчел и их физиологического состояния. Пчелы в конце зимы – начале весны обладают наибольшей устойчивостью к замерзанию. Точка кристаллизации тканей каждого отдела отличается, самая низкая ТМП характерна для головного отдела. Также было установлено, что наиболее приспособленными к зимнему периоду в условиях Северного Урала оказались чистопородные среднерусские пчелы. У медоносных пчел карпатской расы показатели точки кристаллизации были выше. Физиологически они менее адаптированы к суровым зимним условиям. Поэтому легко можно объяснить массовую гибель пчел на пасеках, где содержались пчелы карпатской расы. Поэтому, в результате завоза медоносных пчел в несвойственные для них места обитания, мы рискуем навсегда потерять генофонд чистопородных среднерусских пчел, взамен получив помесь, с крайне низкой зимостойкостью, агрессивных и подверженных различным заболеваниям.

Библиографический список

1. *Гайдар В.А., Пилипенко В.П.* Карпатские пчелы. – Ужгород: Карпаты, 1989. – 320 с.

2. *Еськов Е.К.* Температура максимального переохлаждения и состояния жирового тела пчел // Пчеловодство. – 2007. – №6. – С. 22–23.

3. *Кривцов Н.И.* Генофонд пчел Apis mellifera mellifera в России // Материалы Международной конференции «Пчеловодство – XXI век. Темная пчела (Apis mellifera L.) в России». – М.: Пищепромиздат, 2008. – С. 22–27.

4. *Кривцов Н.И.* Породное районирование и «лучшие пчелы» для России // Пчеловодство. – 2003. – №1. – С. 24–28.

5. *Кривцов Н.И.* Среднерусские пчелы. – СПб.: Лениздат, 1995. – 126 с.

6. *Сокольский С.С., Лебедев В.И.* Научно-обоснованная технология производства продуктов пчеловодства. – Краснодар: Агропромполиграфист, 2000. – 180 с.

7. *Удовицин О.А., Гранкин Н.Н.* Сохранность генофонда среднерусских пчел // Пчеловодство. – 2004. – №4. – С. 16–17.

8. *Шураков А.И., Еськов Е.К., Петухов А.В.* Сохранение генофонда среднерусских пчел и основные направления развития пчеловодства в Пермской области. – Пермь: ПГПУ, 1999. – 31 с.

УДК 544.6+544.47

Парфенюк Владимир Иванович
доктор химических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова,
vip@isc-ras.ru
Тесакова Мария Васильевна
кандидат технических наук
Институт химии растворов РАН (г. Иваново)
mvt@isc-ras.ru

НИЗКОТЕМПЕРАТУРНЫЙ КАТАЛИЗАТОР ДЛЯ ГЛУБОКОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ПРИРОДНЫХ УГЛЕВОДОРОДОВ

На основе ультрадисперсного медьсодержащего порошка разработан эффективный катализатор для проведения реакции конверсии монооксида углерода водяным паром. Для получения медьсодержащих соединений использовали метод катодного восстановления из водно-органических растворов электролитов. Установлены размеры частиц и химический состав полученных соединений. Использование синтезированного продукта в качестве катализатора позволяет снизить температуру проведения реакции конверсии монооксида углерода водяным паром и повысить селективность процесса по сравнению с использованием промышленных образцов катализаторов.

Ключевые слова: *электрохимический синтез, наноразмерные частицы, катализаторы, паровая конверсия синтез-газа.*

Представленная работа направлена на решение фундаментальной проблемы современных химических технологий – разработку высокоактивных катализаторов на основе ультрадисперсных медьсодержащих соединений для глубокой переработки углеводородов, в частности, природного газа метана. В России разведанные запасы метана (58 трлн. м^3) больше, чем доказанные запасы нефти (149 млрд. т). В нашей стране метан в основном используется в качестве топлива, а химическая переработка метана пока имеет небольшой удельный вес – всего 2,0–2,5% от уровня его добычи.

При этом следует учитывать и фундаментальную причину, препятствующую широкой химической переработке метана, – это трудность активации молекулы метанола. Средняя энергия связи С–Н составляет 414 кДж/моль, а энергия отрыва первого атома водорода еще выше – 435 кДж/моль. Именно отрыв первого атома водорода лимитирует дальнейшее превращение молекулы метана. В связи с этим прямая конверсия метана в ценные продукты в промышленном масштабе до сих пор не осуществлена.

Первичным продуктом переработки метана, на основе которого осуществляется дальнейший синтез целевых продуктов (метанола, диэтилового эфира, аммиака, синтетического бензина и т.д.), является синтез-газ, который является смесью газов CO и H_2 в различном количественном соотношении. Окислительная конверсия метана в синтез-газ может быть осуществлена тремя методами: паровой конверсией метана (ПКМ), парциальным окислением метана (ПОМ) и углекислотной конверсией метана (УКМ).

В настоящее время единственным крупномасштабным процессом переработки метана в синтез-газ является паровая конверсия метана (stream reforming).

Паровая конверсия метана в синтез-газ осуществляется согласно реакции:

$$CH_4 + H_2O \leftrightarrow CO + 3H_2 \quad \Delta H = +226 \text{ кДж/моль}$$

Протеканию этой реакции сопутствует паровая конверсия монооксида углерода (ПКСО).

$$CO + H_2O \leftrightarrow CO_2 + H_2 \quad \Delta H = -41 \text{ кДж/моль.}$$

В результате этой реакции получается синтез-газ, который является основным сырьем для получения ряда ценных органических продуктов, в основном водорода.

Реакция ПКМ в промышленности протекает на никелевом катализаторе при 900–1000ºС вплоть до равновесной конверсии (90–98%). Основными недостатками ПКМ являются: высокая стоимость перегретого пара и избыточное количество CO_2.

ПКМ, как главный способ получения водорода, также активно изучается с точки зрения создания источника водорода для топливных элементов в автомобилях. Предполагается, что прямо в автомобиле будет находиться каталитический реактор для получения H_2, который затем будет окисляться с выделением «чистой» энер-

© Парфенюк В.И., Тесакова М.В., 2011

гии, единственным выхлопом будут пары воды. После ПКМ синтез-газ подвергается дополнительной очистке от CO путем паровой конверсии монооксида углерода, поскольку малые примеси CO отравляют платину в топливном элементе.

ПКСО является одной из главных реакций в промышленных процессах синтеза аммиака и метанола и, как правило, следует за ПКМ. За счет этой реакции уменьшаются количества CO и CO_2, которые отравляют катализаторы синтеза аммиака, и увеличивается концентрация H_2.

Различают высокотемпературную (370–440^{0}C) и низкотемпературную (230–260^{0}C) конверсию CO [7]. Раньше при получении водорода использовали обе конверсии: низкотемпературная стадия, после охлаждения газов, шла за высокотемпературной. При высокотемпературной конверсии применяли железо-хромовые катализаторы, при низкотемпературной – катализаторы на основе оксидов меди. Сейчас на многих заводах используют одностадийную ПКСО при 370–440^{0}C. Железосодержащие катализаторы при этих температурах неприменимы, поскольку катализируют образование углеводородов по Фишеру-Тропшу, поэтому необходимо использовать катализаторы на основе соединений меди.

Как указано выше, при низкотемпературной или одностадийной конверсии оксида углерода водяным паром используют катализаторы на основе соединений меди. Такие катализаторы, как правило, состоят из CuO (~30%), ZnO и какого-либо носителя, например, окиси алюминия, силикагеля, синтетических и природных силикатов и др. Для катализаторов подобного рода максимальная активность и стабильность достигается на медьсодержащих частицах с очень малыми размерами. Эти частицы должны быть отделены друг от друга оксидами цинка и носителя (например, оксида алюминия). Большое значение при этом имеют такие характеристики, как размер пор и удельная поверхность частиц.

В настоящей работе предлагается электрохимический метод для получения каталитически активного медьсодержащего порошка. Предложенный электрохимический метод синтеза порошка достаточно прост и доступен в применении. Метод позволяет получать продукт с заданным размером частиц и химическим составом варьированием параметров электролиза и концентрацией водно-органического растворителя [17, т. 80, с. 952–955].

Введение в водный раствор электролита для получения порошка органического растворителя позволяет получить медьсодержащие частицы размером менее 100 нм и изменить химический состав порошка (увеличить соотношение в порошке оксидов меди по сравнению с порошком, полученным из водного раствора). Наличие оксидов меди в порошке обеспечивает каталитическую активность в реакции конверсии CO на низкотемпературной стадии. Катализ на малых частицах играет исключительно важную роль в промышленной химии. Катализируемые реакции обычно протекают при более низкой температуре, чем некатализируемые, и при использовании катализатора значительно увеличивается выход целевого продукта реакции.

Цель работы – исследование физико-химических свойств наноразмерного медьсодержащего порошка, полученного методом электрохимического катодного восстановления с целью их использования в качестве катализаторов в низкотемпературной реакции конверсии монооксида углерода водяным паром.

Наноразмерный медьсодержащий порошок получали из раствора сульфата меди в смеси вода – изопропиловый спирт методом электрохимического катодного осаждения [15, т. 51, с. 54–58; 10, т. 44, с. 272–275; 14, т. 53, с. 106–110]. Рабочие концентрационные диапазоны сульфата меди и изопропилового спирта, а также величину начальной плотности тока для получения наноразмерных медьсодержащих порошков определяли по результатам анализа поляризационных кривых [15, т. 51, с. 54–58]. Электролиз проводился на предельной плотности тока при поддержании постоянного напряжения на электродах.

Для проведения электролиза использовали растворимые аноды, изготовленные из электролитически чистой меди, и стальной цилиндрический катод. Использование растворимых анодов позволяет проводить процесс электролиза довольно длительное время без корректировки электролита и без каких-либо отрицательных изменений по составу и размерам частиц получаемого порошка.

Полученный осадок многократно промывали бидистиллированной водой до постоянного значения электропроводности промывочных вод и высушивали сначала на воздухе при комнатной температуре, затем в сушильном шкафу при 80°C в течение 20–30 минут до порошкообразного состояния с постоянным весом.

Величину удельной поверхности полученных катализаторов определяли методом Брунауэра-Эммета-Теллера (БЭТ) по тепловой десорбции аргона на гелиево-аргоновой смеси.

Форму и размер частиц полученных порошков определяли методом просвечивающей электронной микроскопии (ПЭМ). ПЭМ снимки получали на электронном микроскопе ЭМВ-100Л с разрешением 0,3 нм при ускоряющем напряжении 100 кВ.

Химический состав порошков исследовали электронографическим и рентгенофазовым методами анализа. Дифракционная картина ускоренных электронов получена на просвечивающем электронном микроскопе в режиме микродифракции с участков размером до 2 мкм. Для определения химического состава исследованных образцов измерены диаметры колец, вычислены соответствующие величины межплоскостных расстояний и при сравнении их со справочными данными [9] найдены среди вероятных те фазы, в решетке которых соблюдается найденная последовательность d_{HKL}. Точность измерений по электронограммам составляет около 0,1% от измеряемой величины межплоскостных расстояний.

Рентгенографические исследования порошков выполнены на дифрактометре ДРОН-3М с использованием монохроматизированного CuKa-излучения ($\lambda = 0{,}154$ нм) в интервале углов 20–70°. Дифракционные спектры получали при шаге съемки 0,01° и скорости сканирования 2 град./мин по шкале. Фазовый состав определяли сопоставлением полученных из дифрактограмм величин межплоскостных расстояний и соответствующих интенсивностей дифракционных максимумов с величинами, представленными в базе рентгенографических данных PDF (Powder Diffraction File) объединенного комитета стандартов – JCPDS (Join Committee on Powder Diffraction Standards) [2].

Каталитические свойства синтезированных ультрадисперсных медьсодержащих порошков в реакции конверсии монооксида углерода водяным паром определяли в проточной установке в интервале температур 180–240°С [4, т. 49, с. 42–45]. Испытания проводили в реакционной газовой смеси состава (% об.): H_2-55, CO-12, CO_2-9, He-24 при соотношении пар: газ = 0,7. Навеска катализатора составляла 0,5 г. Объемная скорость подачи газовой смеси на катализатор составляла 5000 $ч^{-1}$. Катализатор помещали в реактор из кварцевого стекла и нагревали в реакционной смеси со скоростью подъема температуры 4 град./мин. Состав исходной реакционной газовой смеси и состав конечной реакционной газовой смеси после реактора определяли хроматографически на газовом хроматографе «Цвет-100».

Оценку каталитической активности образцов проводили по степени превращения CO в реакции конверсии монооксида углерода водяным паром и по производительности катализатора (относительно CO). Реакция конверсии CO удовлетворительно описывается кинетическим уравнением для реакции первого порядка [19, т. 6, с. 1057–1068]. Для расчета производительности катализатора использовали уравнение, полученное путем преобразования уравнения для константы скорости реакции первого порядка, адаптированного для изучаемого процесса конверсии CO водяным паром [18]:

$$P = \frac{\left(\ln\frac{1}{(1+X)}\right)\cdot(1+n)\cdot R}{60\cdot g_{кат}}, \text{ мл/г}_{*}\text{с} \qquad (1),$$

где R – расход сухого газа, мл/мин; X – степень конверсии CO; $g_{кат}$ – масса катализатора, г; n – соотношение пар-газ.

Для установления количества побочных продуктов в реакции конверсии и определения селективности действия катализатора проводился хроматографический анализ конденсата на газовом хроматографе «Кристалл Люкс».

На рисунке 1 приведены микрофотографии наиболее мелкодисперсного порошка, полученного при оптимальной концентрации органического растворителя, и более крупного порошка, полученного из водного раствора сульфата меди. На рисунке 2 представлены гистограммы распределения частиц по размерам, полученные на основе анализа электронно-микроскопических снимков. По результатам анализа гранулометрического состава (рис. 2) можно сделать заключение, что решающую роль в формировании ультрадисперсных частиц играет органический растворитель, в частности изопропиловый спирт. Введение изопропилового спирта в электролит позволяет получать электрохимическим методом медьсодержащий порошок с размерами менее 100 нм с достаточно узким распределением частиц по размерам. Как следует из рисунка 2а, основная масса частиц порошка (85–90%) имеет размеры менее 100 нм.

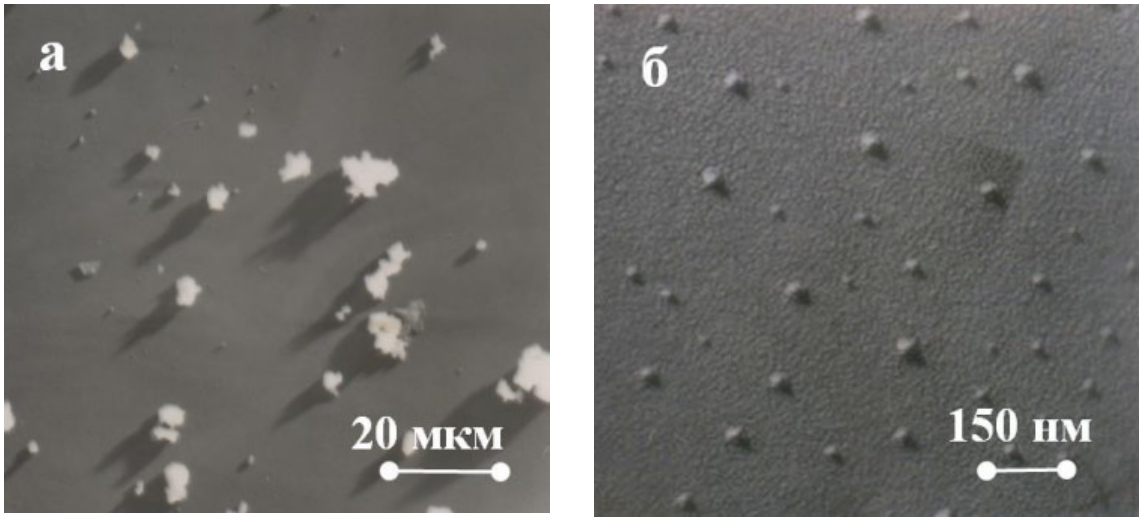


Рис. 1. Электронные микрофотографии порошков, полученных:
а – без добавки органического растворителя; б – с добавкой изопропилового спирта

Результаты электронографического метода показали наличие в составе порошков меди и двух ее оксидов: Cu_2O и CuO (табл. 1).

На рисунке 3 приведена рентгенограмма полученного порошка. На основе анализа рентгенограммы было доказано наличие в составе порошков Cu и Cu_2O. Отсутствие на рентгенограммах пиков, соответствующих оксиду меди (II), который был обнаружен электронографическим методом, можно объяснить тем, что оксид меди (II) покрывает медьсодержащие частицы очень тонким слоем и его количество недостаточно для определения методом рентгенофазового анализа. Структуру ультрадисперсной частицы порошка можно охарактеризовать в виде друзы поликристаллической меди с окисленной поверхностью. Рентгенографический метод менее чувствителен по сравнению с электронографическим. Нижний порог чувствительности этого метода составляет 2–10 масс.%. По-видимому, количество оксида меди (II) не превышает эту величину и данным методом не идентифицируется.

Использование указанных методов позволяют дать максимально объективную и полную оценку качественного состава полученных порошков. В состав порошков входят: медь и оксиды меди (CuO, Cu_2O), причем оксида меди (II) не более 10 масс. %.

Проведенные исследования каталитических свойств медьсодержащих порошков показали, что они проявляет высокую каталитическую активность в реакции конверсии CO: при температуре 200°C степень превращения CO в реакции конверсии составляет 87%. В таблице 2 представлена температурная зависимость производительнос-

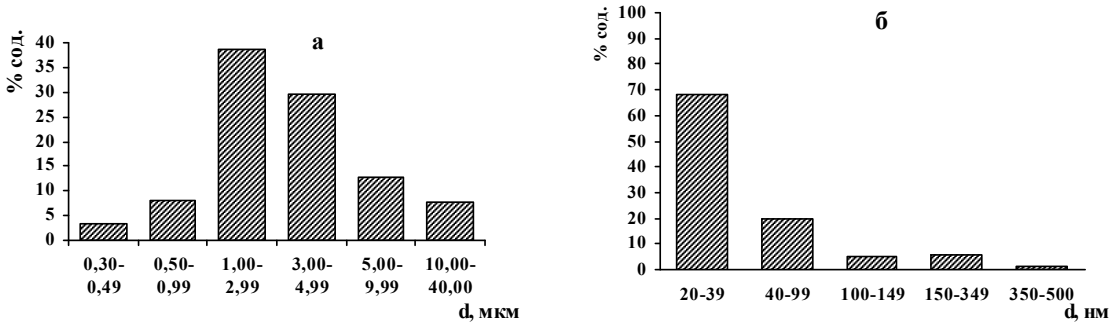


Рис. 2. Гистограммы распределения частиц по размерам для порошков, полученных:
а – без добавки органического растворителя; б – с добавкой изопропилового спирта

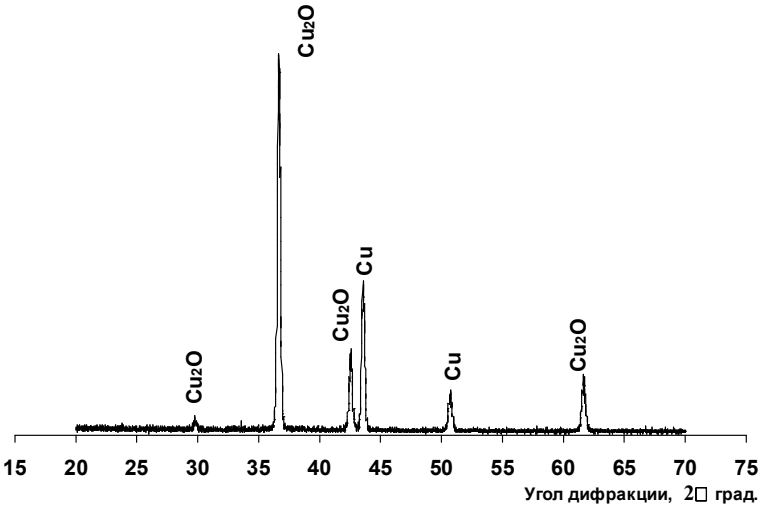


Рис. 3. Рентгенограмма ультрадисперсного медьсодержащего порошка

ти медьсодержащих порошков, полученных электрохимическим осаждением, и производительности катализаторов, полученных другими методами в реакции паровой конверсии монооксида углерода [8, т. 49, с. 48–51].

Как видно из таблицы 2, медьсодержащие порошки, полученные электрохимическим осаждением, превосходят все исследованные катализаторы в области низких температур. При 180°С производительность электрохимически осажденных медьсодержащих порошков более чем в 2 раза превышает производительность промышленного катализатора КСО. При 220°С различие между катализаторами различных типов уменьшается. В области оптимальных температур (200°С для электрохимически осажденного порошка, 240°С для промышленного катализатора) полученный нами катализатор имеет лучшие характеристики.

Селективность действия катализатора также имеет большое значение для процесса конверсии СО, поскольку паровой конденсат в производстве аммиака должен использоваться повторно [5, т. L, с. 84–93]. Содержание накапливаемых органических примесей в конденсате не должно превышать 15 мг/л. Проведении технологического цикла с возвратом конденсата способствует экономии сырья и энергетических ресурсов, уменьшению затрат на предварительную водоподготовку и обессоливание, сокращению продолжительность стадии продувки и снижению потери тепла.

Таблица 1

Радиусы колец, найденные из электронограмм, рассчитанные межплоскостные расстояния и справочные данные для Cu, Cu_2O, CuO.

№	R, мм	d_{HKL}, E	Соединение	Справочные данные	
				d_{HKL}, E	I %
1	17,54	2,06	Cu	2,08	100
2	20,00	1,81	Cu	1,81	53
3	33,15	1,09	Cu	1,09	33
4	34,75	1,04	Cu	1,04	9
5	12,00	3,01	Cu_2O	3,00	3
6	14,87	2,43	Cu_2O	2,45	100
7	24,00	1,51	Cu_2O	1,51	44
8	28,00	1,29	Cu_2O	1,28	31
9	14,50	2,49	CuO	2,51	100
10	19,32	1,87	CuO	1,85	20
11	21,00	1,72	CuO	1,70	8
12	23,00	1,57	CuO	1,57	8
13	37,00	0,98	CuO	0,98	3

Таблица 2

Температурная зависимость активности медьсодержащего порошка и активности катализаторов, полученных другими методами, в реакции паровой конверсии СО

Метод приготовления катализатора	Производительность катализатора при различных температурах, мл/г·с			
	180 °С	200 °С	220 °С	240 °С
Осаждение из аммиачно-карбонатных растворов	4,9	-	8,7	12,4
Промышленный образец КСО	5,1	-	9,6	13,2
Механохимический синтез из солей	7,5	-	14,2	13,7
Электрохимическое осаждение	10,5	13,5	11,3	11,7

Результаты хроматографического анализа продуктов реакции показали, что при использовании медьсодержащего порошка, полученного электрохимическим методом, в конденсате не содержатся метанол, ацетон и бутанол, содержание ацетальдегида меньше в 7 раз, содержание 2-пропанола меньше в 6 раз по сравнению с промышленным образцом. Суммарное содержание примесей составляет 4,04 мг/л.

Наличие в конденсате ацетальдегида, метилацетата, этилацетата, этанола, 1-пропанола и 2-пропанола свидетельствует о протекании побочных процессов гидрирования монооксида углерода:

$$2CO + 4H_2 = C_2H_5OH + H_2O$$
$$2CO + 3H_2 = CH_3COH + H_2O$$
$$3CO + 6H_2 = C_3H_7OH + 2\,H_2O$$
$$3CO + 4H_2 = CH_3COOCH_3 + H_2O$$
$$4CO + 6H_2 = C_2H_5COOCH_3 + 2H_2O$$

Полученный нами медьсодержащий порошок обладает высокой селективностью действия и превосходит по этой характеристике промышленный образец, что, вероятно, связано со снижением температуры протекания реакции до 200°С.

Высокая каталитическая активность исследованного катализатора связана с размерными характеристиками порошка и его химическим составом. Размеры частиц менее 100 нм и значительное количество в составе порошка закиси меди обусловливают высокую удельную поверхность (51 $м^2/г$) и наличие большого количества активных центров.

Несмотря на широкое применение медьсодержащих катализаторов, вопрос о природе их активных центров остается открытым [6, т. 36, с. 894–901]. Информация, имеющаяся в литературе, об активных формах меди в реакции конверсии СО довольно противоречива: по данным [11] активной предполагается нольвалентная медь в мелкодисперсном состоянии, по другим данным – в состав активных центров входят ионы Cu^+ [16, т. 31, с. 706–711, 3 т. 19, с. 915–921] или агрегаты Cu^{2+}, которые образуются в виде поверхностного твердого раствора на ZnO или на высокодисперсном CuO и поверхности металлической меди [6, т. 36, с. 894–901, 1, т. 36, с. 902–909].

Поскольку в научной литературе не имеется точных данных о природе активных центров медьсодержащих катализаторов, мы предполагаем, что ответственной за каталитическую активность является медь в степени окисления +1, обладающая высоким сродством к электрону. У ионов металлов с d^{10}-электронной оболочкой, к которым от-

Таблица 3

Выход побочных продуктов в тестовой реакции конверсии монооксида углерода водяным паром

Катализатор	Содержание в конденсате, мг/л									Σ, мг/л
	ацетальдегид	метилацетат	этилацетат	метанол	2-пропанол	1-пропанол	этанол	ацетон	бутанол	
Медьсодержащий порошок	0,76	2,09	0,17	-	0,77	0,07	0,18	-	-	4,04
Промышленный образец КСО	5,52	-	-	0,48	4,85	-	-	0,48	0,28	11,77

носится ион Cu^+, под действием тепловой энергии электроны с верхнего d-уровня легко переходят на верхний s-уровень. При переходе электронов на s-уровень d-уровень оказывается незанятым. Это свободное место (d-электронная дырка) обладает сродством к электрону и может захватывать электрон адсорбированного вещества, вызывая активированную адсорбцию на металле [13]. Информация о структуре активных центров важна для установления механизма реакции. Исходя из предположения об активных центрах катализатора, вероятным механизмом каталитической процесса будет серия последовательных реакций [12]:

абсорбция реагирующих веществ

$$CO + K \leftrightarrow KCO$$

$$H_2O + K \leftrightarrow KH_2O$$

реакция на поверхности

$$KCO + KH_2O \leftrightarrow KCO_2 + KH_2$$

десорбция продуктов реакции

$$KCO_2 \leftrightarrow K + CO_2$$

$$KH_2 \leftrightarrow K + H_2$$

Исходя из проведенных исследований, можно сделать заключение, что использование порошка, полученного электрохимическим методом, в качестве катализатора дает возможность проводить реакцию конверсии монооксида углерода водяным паром при более низких температурах и снизить выход побочных продуктов по сравнению с использованием катализаторов, полученных другими методами. Это способствует экономии энергетических ресурсов при проведении технологического цикла получения водорода в производстве аммиака.

Библиографический список

1. *Андреев А.А., Калчев М.Г., Христов Г., Андреева Д.Х.* Конверсия монооксида углерода водяным паром на катализаторах CuO/ZnO. II. Роль предшественника в образовании активной поверхности // Кинетика и катализ. – 1995. – Т. 36. – №6. – С. 902–909.

2. База рентгенографических данных PDF (Powder Diffraction File) объединенного комитета стандартов – JCPDS (Join Committee on Powder Diffraction Standards). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://database.iem.ac.ru.

3. *Боресков Г.К., Юрьева Т.М., Чигрина В.А., Давыдов А.А.* Природа каталитически активных центров медьсодержащих катализаторов конверсии окиси углерода водяным паром // Кинетика и катализ. – 1978. – Т. 19. – №4. – С. 915–921.

4. *Ильин А.А., Смирнов Н.Н.* Влияние механической активации на структуру и каталитические свойства оксида меди // Известия вузов. Химия и хим. технология. – 2006. – Т. 49. – Вып. 5. – С. 42–45.

5. *Ильин А.П., Смирнов Н.Н., Ильин А.А.* Разработка катализаторов для процесса среднетемпературной конверсии монооксида углерода в производстве аммиака // Рос. хим. ж. – 2006. – Т. L. – №3. – С. 84–93.

6. *Калчев М.Г., Андреев А. А., Зотов Н.С.* Конверсия монооксида углерода водяным паром на катализаторах CuO/ZnO. I. Структура и каталитическая активность // Кинетика и катализ. – 1995. – Т. 36. – №6. – С. 894–901.

7. *Колесников И.М.* Катализ и производство катализаторов. – М.: Издательство «Техника», 2004. – 400 с.

8. *Комаров Ю.М., Смирнов Н.Н., Ильин А.П.* Термодинамические параметры механохимического синтеза медьсодержащих катализаторов // Известия вузов. Химия и хим. технология. – 2006. – Т. 49. – №7. – С. 48–51.

9. *Миркин Л.И.* Справочник по рентгеноструктурному анализу поликристаллов. – М.: Физматиздат, 1961. – С. 863.

10. *Парфенюк В.И., Тесакова М.В.* Электрохимический синтез ультрадисперсных медьсодержащих порошков, полученных из растворов нитратов меди в водно-изопропанольных растворителях // Защита металлов. – 2008. – Т. 44. – №3. – С. 272–275.

11. Производство аммиака / Под ред. В.П. Семенова. – М.: Химия, 1985. – 368 с.

12. Справочное руководство по катализаторам для производства аммиака и водорода / Пер. с англ. под ред. В.П. Семенова. – Л.: Химия, 1973. – 248 с.

13. *Танабе К.* Катализаторы и каталитические процессы. – М.: Мир, 1993. – 176 с.

14. *Тесакова М.В., Парфенюк В.И.* Физико-химические свойства ультрадисперсных медьсодержащих порошков, полученных электрохимическим методом // Известия вузов. Химия и хим. технология. – 2010. – Т. 53. – Вып. 5. – С. 106–110.

15. *Тесакова М.В., Парфенюк В.И.* Электрокристаллизация ультрадисперсных (наноразмерных) медьсодержащих порошков из водно-изопропанольных растворов сульфата меди // Известия вузов. Химия и хим. технология. – 2008. – Т. 51. – Вып. 2. – С. 54–58.

16. *Турченинов А.Л., Шпиро Е.С., Якерсон В.И., Соболевский В.С., Голосман Е.З., Киперман С.Л.,*

Миначев Х.М. Исследование медьсодержащих катализаторов конверсии оксида углерода водяным паром // Кинетика и катализ. – 1990. – Т. 31. – №3. – С. 706–711.

17. *Чуловская С.А., Парфенюк В.И.* Влияние изопропилового спирта на процесс катодного осаждения ультрадисперсных медьсодержащих порошков из растворов электролитов // Журнал прикладной химии. – 2007. – Т. 80. – №6. – С. 952–955.

18. *Широков Ю.Г.* Разработка научных основ технологии соосажденных и смешанных катализаторов и сорбентов, применяемых при получении синтез-газа. Дис. … докт. техн. наук. – Иваново: Ивановский государственный химико-технологический институт, 1979. – 379 с.

19. *Щибря Г.Г.* Кинетика и механизм каталитической реакции окиси углерода водяным паром // Кинетика и катализ. – 1965. – Т. 6. – №6. – С. 1057–1068.

УДК 591.1 + 615.1

Тауки Ахмед Набил
Ярославская государственная медицинская академия
Кузьмин Андрей Федорович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Смирнов Николай Алексеевич
кандидат медицинских наук
Ярославская государственная медицинская академия
Смирнов Александр Владимирович
кандидат медицинских наук
Ярославская государственная медицинская академия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАЩИТНОГО ДЕЙСТВИЯ ПРЕПАРАТОВ СОЛОДКИ И ЭССЕНЦИАЛЬНЫХ ФОСФОЛИПИДОВ НА ОРГАНИЗМ БЕЛЫХ КРЫС В УСЛОВИЯХ ОСТРОГО ТОКСИЧЕСКОГО ГЕПАТИТА

На модели экспериментального токсического гепатита у белых крыс проанализировано лечебное действие у восьми различных препаратов солодки и эссенциальных фосфолипидов. Доказан защитный эффект в отношении печени у всех исследованных средств, причём наиболее эффективным был препарат фосфоглив, представляющий комбинацию эссенциальных фосфолипидов и глицирризиновой кислоты.

Ключевые слова: *токсический гепатит, эссенциальные фосфолипиды, глицирризиновая кислота.*

В связи с высокими темпами развития химической и фармацевтической промышленности, широким внедрением их продукции во все сферы жизни человека, злоупотреблением алкоголем и его суррогатами в настоящее время все большую актуальность приобретает проблема токсических гепатитов [1; 10]. В соответствии с современными принципами лечения заболеваний печени, программа комплексной терапии ее патологии обязательно включает использование гепатопротекторов, к которым относят большую группу препаратов разных фармакологических групп, защищающих печень от повреждающего воздействия экзогенных или эндогенных факторов и ускоряющих ее регенерацию [7].

Одними из наиболее эффективных гепатопротекторов являются препараты солодки и эссенциальных фосфолипидов [5; 8; 9]. На российском фармацевтическом рынке представлены препараты эссенциальных фосфолипидов различных производителей, отличающихся друг от друга по составу фосфолипидов и/или по источнику их получения [3], что может обусловить неодинаковую фармакотерапевтическую эффективность.

Целью исследования стало проведение оценки защитного действия препаратов солодки и эссенциальных фосфолипидов различных производителей на экспериментальной модели токсического гепатита.

Опыты проводились на 180 белых крысах-самцах массой 180–200 г с использованием модели двухэтапного скрининга для поиска веществ с гепатопротективной активностью [6].

Основной задачей первого этапа скрининга было быстрое, объективное и относительно нетрудоемкое выявление гепатопротективной активности препаратов с возможностью ее количе-

© Тауки А.Н., Кузьмин А.Ф., Смирнов Н.А., Смирнов А.В., 2011

ственного расчета. Для этого воспроизводилась жесткая модель токсического гепатита (введение LD_{50} CCl_4), сопровождающаяся выраженным некрозом печеночных клеток и массовой гибелью лабораторных животных. Анализируемыми критериями были процент летальности, продолжительность жизни погибших животных и весовой коэффициент печени.

На втором этапе скрининга проводили уточнение характера гепатопротективной активности исследуемых препаратов. Для этого у лабораторных животных на модели несмертельного токсического гепатита (однократное внутрижелудочное введение 5 мл/кг 50% раствора CCl_4 на подсолнечном масле) на седьмые сутки эксперимента выполняли нетрудоемкие биохимические исследования. При их помощи оценивалась степень цитолиза (активность АлАТ крови), холестаза (активность щелочной фосфатазы – ЩФ крови), гликогенсинтезирующая (содержание гликогена в печени) и белковосинтезирующая (содержание альбуминов в плазме крови) функции печени [4].

В эксперименте из эссенциальных фосфолипидов исследовали эссенциале, эслидин и эсливер форте; из препаратов солодки – глицирризиновую кислоту, отвар корня солодки, сироп солодки и ликвиритон, а также комбинированный препарат фосфоглив (содержит глицирризин и эссенциальные фосфолипиды). Введение препаратов осуществлялось внутрижелудочно через 60 минут после введения токсиканта в течение 14 дней (I этап) и 7 дней (II этап). При определении дозы препаратов для крыс учитывали коэффициент пересчета 5,9, предложенный проф. Т.А. Гуськовой [2]. Для оценки фармакологической эффективности изучаемых препаратов нами введен коэффициент гепатопротективной активности – КГА [5], который рассчитывался по формуле:

$$КГА = К – О / К – И,$$

где И – результат интактного контроля; О – результаты опыта; К – результат контроля.

Статистический анализ выполнен в программе «Statistica 6.0». В случае нормального распределения для оценки достоверности отличий применяли t критерий Стьюдента. Если распределение отличалось от нормального – непараметрический критерий Уилкоксона. Различия считали достоверными при $p<0,05$. Данные в таблице представлены в виде M±m (средняя величина и ее стандартная ошибка).

Как показали результаты I этапа скрининга (суммация данных по всем трём изучаемым показателям: выживаемость, продолжительность жизни и весовой коэффициент печени), исследуемые препараты можно подразделить на 3 группы: 1 – лекарственные средства, показавшие высокую степень гепатопротективной активности (КГА не менее 0,70): фосфоглив (1,02) и эссенциале (0,70); 2 группа – лекарственные вещества со средней степенью активности (КГА 0,40–0,69): глицирризиновая кислота (0,52), отвар корня солодки (0,48), эслидин (0,42), ликвиритон (0,41); к препаратам 3 группы относятся лекарственные средства с низкой степенью активности (КГА менее 0,40): эсливер (0,22) и сироп солодки (0,16).

Кроме того, данное исследование показало, что так называемые «препараты-аналоги» эссенциальных фосфолипидов (производящиеся на

Таблица 1

Гепатопротективная активность препаратов: итоги I этапа скрининга

Препарат	Выживаемость крыс (%)	Длительность жизни погибших крыс в днях	Весовой коэффициент печени	Суммарный КГА I этапа
Интактные	-	-	26,34±1,08	1,00
Контроль	50	2,7±0,4	32,80±1,20*	0,00
Эссенциале	80	4,0±0,6	26,23±1,04**	0,70
Эслидин	65	4,5±0,4**	30,05±2,36	0,42
Эсливер форте	60	3,0±0,4**	30,55±1,17*	0,22
Глицирризиновая кислота	70	4,2±0,6	28,40±1,93	0,52
Отвар корня солодки	70	4,5±0,6**	30,65±0,94*	0,48
Ликвиритон	60	4,2±0,8	29,30±1,93	0,41
Сироп солодки	50	3,7±0,6	32,36±1,61**	0,16
Фосфоглив	90	6,1±0,7**	26,92±2,42**	1,02

*) достоверная разница с интактными животными

**) достоверная разница с контрольными животными

разных предприятиях) обладают далеко не равнозначной активностью. Так, наибольшей гепатопротективной активностью обладал эссенциале (0,70), затем следовали эслидин (0,42) и эсслив ер (0,22).

Из четырех препаратов солодки три (глицирризиновая кислота, отвар корня солодки и ликвиритон) показали сходную эффективность (КГА 0,41–0,51). Это свидетельствует о том, что вклад тритерпеновых и флаваноидных гликозидов в гепатопротективную активность корня солодки был примерно равным. Сироп солодки гепатопротективной активностью не обладал.

Следует также отметить, что наибольшую эффективность показал комбинированный препарат фосфоглив. По гепатопротективной активности он почти в 1,5 раза превосходил эссенциале и в 2 раза глицирризиновую кислоту. В данном случае наблюдалась не просто суммация эффектов эссенциальных фосфолипидов и глицирризиновой кислоты, а их взаимодействие по принципу потенцирования.

По результатам I этапа скрининга для дальнейших исследований были отобраны 5 лекарственных средств из 8: из препаратов эссенциальных фосфолипидов – эссенциале, имеющий наиболее высокий КГА (0,70); из препаратов солодки – лекарственные средства, содержащие комплекс действующих начал (отвар корня) или отдельные их компоненты (ликвиритон и глицирризиновая кислота), также комбинированное лекарственное средство – фосфоглив.

II этап скрининга (табл. 2) позволил получить явные доказательства того, что при развитии острого экспериментального гепатита происходил выраженный цитолиз гепатоцитов (в 2,3 раза повышалась активность АлАТ крови).

Проведенные биохимические исследования показали также, что в печени имел место холестаз (повышение активности ЩФ крови на 73%), нарушался синтез белка (снижение на 26% альбуминов плазмы крови) и гликогена (падение его концентрации в печени в 14 раз).

Кроме того, II этап скрининга позволил выяснить, что исследуемые препараты существенно различаются по влиянию на динамику изменения значений маркеров патологического процесса. Так, цитолиз гепатоцитов предупреждал фосфоглив, а эссенциале достоверно ограничивал активность этого процесса. Холестазу препятствовал фосфоглив и отвар корня солодки. Значимое нарушение белковосинтетической функции печени предупреждали эссенциале и отвар корня солодки, но максимально активным был фосфоглив. Гликогенсинтезирующую функцию наиболее полно восстанавливали фосфоглив, и далее по мере убывания эффективности следовали глицирризиновая кислота, отвар корня солодки, ликвиритон и эссенциале.

Подводя итог двухэтапному скринингу, можно отметить, что наиболее активным, стабильным, разноплановым и универсальным гепатопротективным действием обладал фосфоглив (КГА=0,77), далее следовали эссенциале (0,44), отвар корня солодки (0,39), глизирризиновая кислота (0,33) и ликвиритон (0,29).

В целом, проведенное исследование продемонстрировало явное преимущество применения комбинированного средства фосфоглив перед использованием в качестве монотерапии его

Таблица 2

Гепатопротективная активность изучаемых препаратов по результатам биохимических исследований: итоги II этапа скрининга

Препарат	Активность:		Содержание:		Суммарный КГА II этапа
	АлАТ в крови мМоль /л	ЩФ в крови мМоль/л	альбуминов в крови г/л	гликогена в печени мг%	
Интактные	143 ± 9	0,19 ± 0,02	39,4 ± 3,0	3218 ± 506	-
Контрольные	331 ± 23*	0,33 ± 0,03*	30,2 ± 1,1*	223 ± 61*	-
Фосфоглив	175 ± 14**	0,23 ± 0,02**	37,6 ± 3,3**	2461 ± 216**	0,77±0,02
Эссенциале	198 ± 16*/**	0,29 ± 0,02*	35,1 ± 2,9	987±101*/**	0,44±0,10
Глицирризиновая кислота	276 ± 32*	0,28 ± 0,03*	32,6 ± 3,8	1506±211*/**	0,33±0,03
Отвар корня солодки	287 ± 16*	0,26 ± 0,03	34,9 ± 2,1	1241±188*/**	0,39±0,06
Ликвиритон	283 ± 15*	0,28 ± 0,02*	32,8 ± 3,1	1051±137*/**	0,29±0,02

*) достоверная разница с интактными животными

**) достоверная разница с контрольными животными

компонентов – эссенциале и глицирризиновой кислоты для защиты ткани печени от острых токсических воздействий.

Таким образом, из восьми исследованных гепатопротекторов с различным механизмом действия не обнаружено препаратов ухудшающих состояние печени на фоне токсического гепатита; комбинация эссенциальных фосфолипидов и глицирризиновой кислоты, представленная препаратом фосфоглив, обладает существенно более значимой гепатопротективной активностью, в сравнении с эффективностью компонентов этой комбинации, применённых по отдельности.

Библиографический список

1. *Бабак О.Я.* Медикаментозные токсические поражения печени: пути фармакологической коррекции // Здоровье Украины. – 2009. – №1. – С. 26–34.

2. *Гуськова Т.А.* Оценка безопасности лекарственных средств на стадии доклинического изучения // Химико-фармацевтический журнал. – 1990. – №7. – С. 10–15.

3. *Поливанов В.А.* Фармакоэкономический анализ терапии алкогольной болезни печени в стадии стеатоза и гепатита препаратами Эсслиевер Форте и Эсенциале Форте Н // Фармакоэкономика. – 2009. – №1. – С. 7–11.

4. Руководство по экспериментальному (доклиническому) изучению новых фармакологических веществ. – М., 2000. – 398 с.

5. *Рябоконь Е.В.* Современные аспекты клинического применения эссенциальных фосфолипидов в комплексной терапии хронических гепатитов // Здоровье Украины. – 2009. – №4. –С. 70–75.

6. *Ситников И.Г., Шошин А.А., Фёдоров В.Н.* Фармакотерапевтическая эффективность гепатопротективных лекарственных средств при парентеральных вирусных гепатитах // Инфекционные болезни. – 2005. – №3. – Т. 3. – С. 12–17.

7. *Ткач С.М.* Эффективность и безопасность гепатопротекторов с точки зрения доказательной медицины // Здоровье Украины. – 2009. – №6. – С. 7–10.

8. *Толстиков Г.А., Балтина Л.А., Сердюк Н.Г.* Солодка: применение в мировой практике (обзор по материалам охранных документов за период с 1951 по 2007 годы) // Хим.-фармац. журн. – 2008. – Т. 32. – №8. – С. 5–14.

9. *Kaur P., Kaur S.* Evaluation of antigenotoxic activity of isoliquiritin apioside from Glycyrrhiza glabra L // Toxicology in Vitro. – 2009. – Vol. 23. – №4. – P. 680–686.

10. *Lee W.M.* Drug-induced hepatotoxity // New Engl J Med. – 2003. – Vol. 349. – P. 474–485.

УДК 661.183

Цветкова Анна Дмитриевна
Военная академия войск РХБ защиты и ИВ имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)
polaris-ru@yandex.ru
Акаев Олег Павлович
доктор технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА АДСОРБЦИИ ИОНОВ МЕДИ НА МОДИФИЦИРОВАННОМ ДИОКСИДЕ КРЕМНИЯ

В статье рассматриваются адсорбционные характеристики диоксида кремния (кремнегеля) – побочного многотоннажного продукта производства фторида алюминия. Оценена степень очистки водных растворов от ионов меди модифицированной формой сорбента. Приведены кинетические параметры процесса адсорбции – константы скорости адсорбции, энергия активации.

Ключевые слова: *адсорбция, диоксид кремния, ионы тяжелых металлов, модифицирование.*

Изучаемый кремнийсодержащий материал (кремнегель) является побочным продуктом производства фторида алюминия. Кремнегель – это полидисперсный продукт, представленный достаточно рыхлыми вторичными агрегатами частиц размером 0,4–120 мкм с преобладающим размером 40–50 мкм. Удельная поверхность $S_{уд}$, измеренная методом оптической микроскопии, составляет ~10 м^2/г. После отделения на фильтре от маточного раство-

© Цветкова А.Д., Акаев О.П., 2011

ра AlF_3 диоксид кремния имеет влажность 40–50%. Основными сопутствующими компонентами являются AlF_3, $Al(OH)_3$, H_2SiF_6 в количествах, не превышающих 6,0%.

При производстве 1 т фторида алюминия образуется около 0,36 т кремнегеля (в пересчете на 100% SiO_2). Общее количество кремнегеля при производстве фторидов в стране оценивают ≈40 тыс.т/год. Долгое время он сбрасывался в отвалы вблизи промышленных предприятий, занимая полезные территории и нанося вред окружающей среде. Лишь в последнее время диоксид кремния начали применять в качестве грубодисперсного наполнителя ряда композитов [1].

Цель данной работы заключается в исследовании процесса адсорбции ионов тяжелых металлов (на примере Cu^{2+}) на диоксиде кремния (кремнегеле) с перспективой дальнейшего использования его для очистки сточных вод.

Исследование адсорбции проводили в статических условиях на модельном растворе соли меди с концентрацией 100 мг/л при соотношении Т:Ж = 3:100 при температурах 25^{0}С, 35^{0}С и 45^{0}С. Концентрацию металла определяли с помощью ионоселективного электрода. Количество адсорбированных ионов рассчитывали по формуле:

$$A = \frac{(C_{исх} - C_{рав}) \cdot V}{m_{адсорбента}}, \qquad (1)$$

где A – адсорбционная емкость, мг/г адсорбента; $C_{исх}$ и $C_{рав}$ – соответственно исходная и равновесная концентрации раствора (в пересчете на ион металла), мг/л; V – объем раствора, л; m – масса адсорбента (в пересчете на сухое вещество), г.

Для вычисления степени очистки водного раствора от ионов металла использовали следующую формулу:

$$J = \frac{(C_{исх} - C_{рав}) \cdot 100\%}{C_{исх}}, \qquad (2)$$

где J – степень очистки водных растворов от ионов меди, %; $C_{исх}$ и $C_{рав}$ – соответственно исходная и равновесная концентрации раствора (в пересчете на металл), мг/л.

Модифицирование сорбента проводили путем обработки его поверхности одноосновными предельными карбоновыми кислотами (пальмитиновой CH_3–$(CH_2)_{14}$–COOH и стеариновой CH_3–$(CH_2)_{16}$–COOH). Содержание модификатора составляло 15% от общей массы адсорбента.

Анализ экспериментальных данных показал очень низкую адсорбционную способность ионов меди исходным диоксидом кремния.

Изменение адсорбционных свойств кремнийсодержащих соединений может быть достигнуто в результате химического модифицирования их поверхности.

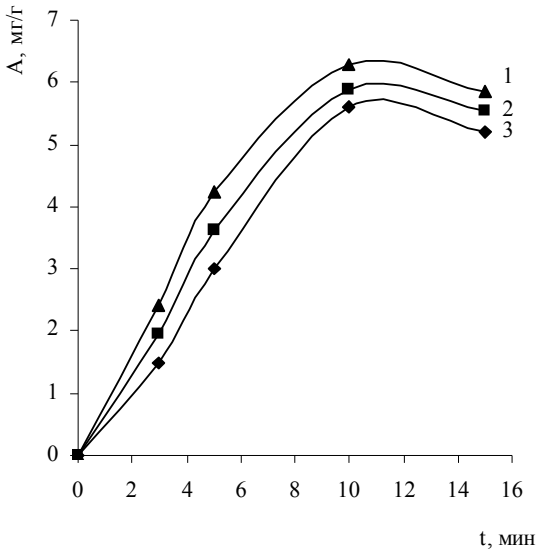


Рис. 1. Кинетические кривые адсорбции ионов меди адсорбентом, модифицированным стеариновой кислотой:
1 – при 45^{0}С; 2 – при 35^{0}С; 3 – при 25^{0}С

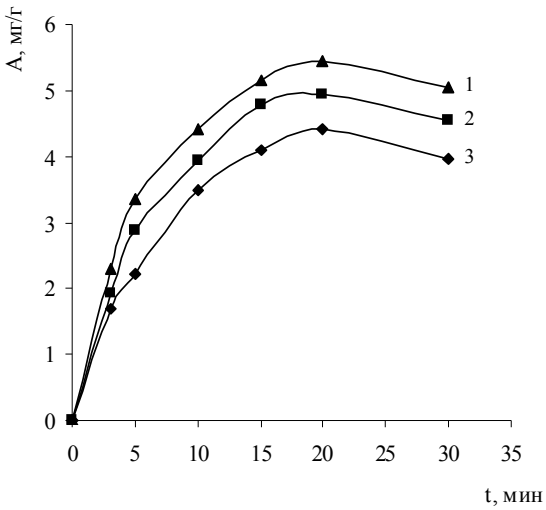


Рис. 2. Кинетические кривые адсорбции ионов меди адсорбентом, модифицированным пальмитиновой кислотой:
1 – при 45^{0}С; 2 – при 35^{0}С; 3 – при 25^{0}С

Таблица 1

Влияние вида обработки адсорбента на степень очистки раствора от ионов меди

Температура, ^{0}C	Адсорбент, модифицированный стеариновой кислотой	Адсорбент, модифицированный пальмитиновой кислотой
25	67,3±5,08	56,5±6,72
35	74,3±6,76	61,6±5,95
45	80,0±6,85	68,4±6,43

В связи с тем что электронная d-оболочка кремния не заполнена, распределение электронной плотности в гидроксильных группах поверхности кремнегеля таково, что в них отрицательный заряд сильно смещен к атому кислорода, а атом водорода частично протонирован. При частичном или полном замещении гидроксильных групп кремнезема на молекулы, обладающие сосредоточенной на периферии электронной плотностью, наблюдается усиление адсорбции ионов тяжелых металлов, являющихся электронными акцепторами, в результате включения в адсорбционный процесс донорно-акцепторного взаимодействия [2].

На рисунках 1 и 2 показана зависимость $A=f(t)$ для адсорбента, модифицированного соответственно стеариновой и пальмитиновой кислотами.

При изучении адсорбции ионов меди модифицированным кремнегелем установлено, что с ростом температуры адсорбционная емкость сорбента возрастает. Следовательно, на модифицированном алюмосиликате протекает хемосорбция, в результате на поверхности адсорбента образуются химические соединения. Образование таких химических соединений происходит благодаря наличию на поверхности адсорбента активных центров и функциональных групп, которые взаимодействуют с частицами адсорбата, увеличивая адсорбционную емкость сорбента.

После достижения адсорбционного равновесия наблюдается незначительная десорбция, что свидетельствует о непрочности связи, образовавшейся между адсорбентом и частицами адсорбата.

Для принятия решения о практическом использовании адсорбента важной характеристикой является степень очистки. Значения степени очистки раствора от ионов меди, рассчитанные с использованием формулы 2, представлены в таблице 1.

Значения степени очистки раствора от ионов меди исследуемым модифицированным кремнегелем сопоставимы с аналогичными показателями уже используемых сорбентов, что дает основания рассматривать его как альтернативный материал для очистки сточных вод от ионов меди и других тяжелых металлов.

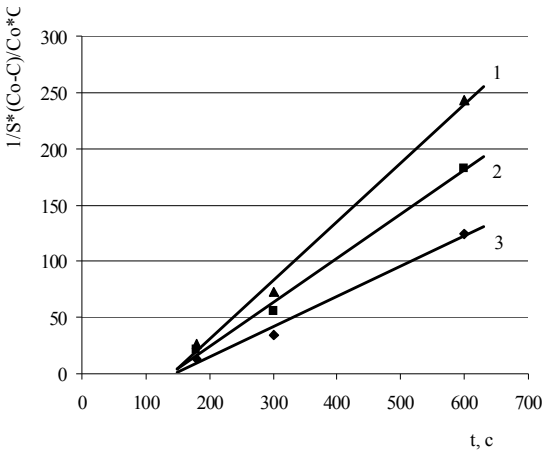


Рис. 3. Зависимость $1/S\cdot(C_0-C)/C_0\bullet C = f(t)$ для адсорбции Cu^{2+} адсорбентом, модифицированным стеариновой кислотой: 1 – при 45 ^{0}C; 2 – при 35 ^{0}C; 3 – при 25 ^{0}C

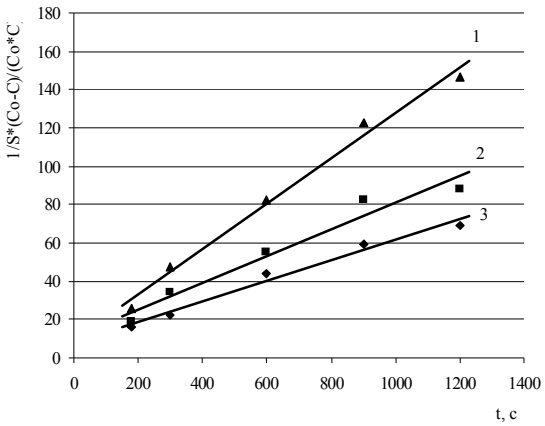


Рис. 4. Зависимость $1/S\cdot(C_0-C)/C_0\bullet C = f(t)$ для адсорбции Cu^{2+} адсорбентом, модифицированным пальмитиновой кислотой: 1 – при 45 ^{0}C; 2 – при 35 ^{0}C; 3 – при 25 ^{0}C

Таблица 2

Значения констант скорости (К · 10²) процесса адсорбции ионов меди кремнийсодержащим сорбентом, л · моль⁻¹ с⁻¹ · м⁻²

Температура, ^{0}C	Адсорбент, модифицированный стеариновой кислотой	Адсорбент, модифицированный пальмитиновой кислотой
25	27,12±2,03	5,38±0,64
35	39,35±3,58	6,95±0,42
45	52,35±4,50	11,84±1,11

Скорость адсорбции Cu^{2+} модифицированным сорбентом подчиняется уравнению второго порядка, на что указывает прямолинейный характер зависимости в координатах $\frac{1}{C} - t$ [3].

Для реакции второго порядка $w=kc^2$, где k – константа скорости реакции, учитывая гетерогенность процесса, запишем:

$$w = -\frac{1}{S}\frac{dc}{dt}, \quad (3)$$

где w – скорость реакции; S – удельная поверхность адсорбента; c – концентрация; t – время:

$$-\frac{1}{S}\frac{dc}{dt} = kc^2. \quad (4)$$

Преобразовав выражение, получим

$$-\frac{1}{S}\frac{dc}{dc^2} = kdt. \quad (5)$$

Интегрируя левую часть этого уравнения в пределах от C_0 до C и правую – в пределах от 0 до t, получим

$$\frac{1}{S}\frac{C_0 - C}{C_0 C} = kt \quad (6)$$

Построив зависимость в координатах $\frac{1}{S}\frac{C_0 - C}{C_0 C} - t$, можно определить константу k, как тангенс угла наклона прямой к оси абсцисс. Результаты представлены на рисунках 3, 4 и в таблице 2.

Для большинства реакций зависимость скорости реакции и константы скорости реакции от температуры выражается уравнением Аррениуса:

$$k = Ae^{\frac{-E}{RT}}, \quad (7)$$

где k – константа скорости реакции; A – предэкспоненциальный множитель, e – основание натурального логарифма; E – энергия активации; R – универсальная газовая постоянная; T – температура.

Прологарифмировав уравнение Аррениуса, получим:

$$\ln k = \ln A - \frac{E}{R}\frac{1}{T}. \quad (8)$$

Используя рассчитанные ранее значения констант скорости адсорбции (см. таблицу 2), построили зависимость $\ln k = f\left(\frac{1}{T}\right)$, тангенс угла наклона α к оси абсцисс равен $-\frac{E}{R}$, откуда $E = -tg\alpha \cdot R$.

В результате установлено, что энергия активации процесса адсорбции ионов меди адсорбентом, модифицированным стеариновой кислотой, составляет 24,56 кДж/моль, при модифицировании поверхности пальмитиновой кислотой энергия активации процесса равна 29,85 кДж/моль. Рассчитанные значения энергии активации указывают на то, что адсорбция на модифицированном адсорбенте протекает в переходной области, где гетерогенный процесс контролируется как диффузией, так и химическим процессом на границе фаз.

Проведенные исследования показали, что модифицированные кремнийсодержащие отходы обладают достаточно высокой адсорбционной способностью по отношению к ионам тяжелых металлов и способны конкурировать с уже используемыми пористыми материалами.

Библиографический список

1. *Мурашкевич А.Н., Жарский И.М.* Кремнийсодержащие продукты комплексной переработки фосфатного сырья. – Минск: БГТУ, 2002. – 389 с.

2. Новый справочник химика и технолога. Сырье и продукты промышленности органических и неорганических веществ. – СПб.: НПО «Профессионал», 2002. – 40 с.

3. *Стромберг А.Г.* Физическая химия: Учеб. для хим. спец. вузов / А.Г. Стромберг, Д.П. Семченко; под ред. А.Г. Стромберга. – М.: Высшая школа, 2003. – 527 с.

СИСТЕМОТЕХНИКА

Костров Алексей Владимирович
доктор технических наук
Владимирский государственный университет
Таиров Таир Надырович
кандидат технических наук
Московский государственный университет тонкой химической технологии

К ЗАДАЧЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Приводится подход к характеристике и оценке степени использования оборудования с учетом уровня его технологичности, введены типовые ситуации возникновения потерь из-за нерационального использования оборудования, предложена методика обоснования допустимого уровня потерь, а также учета мультипликаторов. На этом основании возможно оперативное определение уровня рациональной загрузки оборудования в условиях позаказного, единичного или мелкосерийного производства.

Ключевые слова: *технологическое оборудование; позаказное, единичное, мелкосерийное производство; технологичность.*

Для количественной оценки степени использования оборудования как технологического ресурса организации можно использовать следующий общий подход. Так, если **F** – множество решаемых оборудованием функций, **R** и **A** – множества имеющихся технологического оборудования и технологических процессов, то по аналогии с ними в состав модели системы могут быть включены также и кадровые ресурсы в форме множества **Q**, отражающего уровень соответствия работников (персонограмм) требованиям использования их на рабочих местах (профессиограммам) [1].

В условиях единичного или мелкосерийного производства, например при проведении ремонтных работ, обычно формируются специализированные комплексы разнородного оборудования – *рабочие центры*, РЦ. Таким образом, в этих условиях совокупный ресурс технологического комплекса, или РЦ, определяется кортежем {**F, R, A, Q**}. Формализация введенных множеств – проблема моделирования конкретной организации. Если на множествах **F, R, A** и **Q** может вычисляться некоторый функционал Ψ, отражающий обобщенные требования (объем работ, показатели выполнения графика работ, доходы, потери, риск, выигрыш и др.) к работе РЦ с учетом затрат всех видов ресурсов, то это может дать возможность оценить степень использования, а также поставить задачи развития и совершенствования производственных ресурсов организации; минимизация (максимизация) функционала Ψ за счет варьирования элементов множества **Q** позволит принять оптимальное в том или ином смысле решение.

Правда, использование формальных моделей возможно далеко не всегда, особенно в условиях позаказного единичного или мелкосерийного производства, например при выполнении ремонтных и тому подобных работ. При определении совокупного ресурса РЦ как обобщенной характеристики его описание можно привести к некоторой условной (базовой, элементарной) операции. Это может быть, в частности, некоторое простейшее действие, выполняемое за определенный отрезок (такт, квант) времени, относительно которого оцениваются характеристики всех составляющих комплекса, в частности производительность, то есть количество элементарных операций в единицу времени; это позволит формализовать описание ресурса и при этом явно учесть его уровень технологичности по составляющим и оценить степень использования этого ресурса в реальных условиях работы организации.

Связь между производительностью оборудования и уровнем технологичности и, более того, доходом от его деятельности является нечеткой и в реальном менеджменте не всегда может оцениваться корректно. Тем не менее и в этих условиях необходимо определить хотя бы уровень потерь, которые несет организация при нерациональном использовании ресурсов.

Одним из источников потерь является выполнение простых работ, не требующих высоких техно-

© Костров А.В., Таиров Т.Н., 2011

логий, на высокотехнологичном оборудовании. В сфере технического обслуживания и ремонта этот фактор распространен достаточно широко. В высокотехнологичных специализированных ремонтных центрах этот фактор не является, может быть, очень значимым, поскольку комплексы оборудования, или РЦ, в таких центрах формируются по понятным причинам целенаправленно и обоснованно. Однако ясно, что этот фактор значительно более широко распространен на низовом уровне ремонтных служб, где затруднительно сформировать РЦ в соответствии с объемом и номенклатурой разных работ и требуемой на каждом рабочем месте технологической оснащенностью и где высокотехнологичное оборудование неизбежно выполняет в том или ином объеме работы на уровне простейших операций низкого уровня, не требующих высокого уровня технологии. Полностью исключить такие потери нереально, однако их оценка позволит корректно обосновать их допустимый уровень. Здесь предлагается методическая основа такой оценки применительно, в частности, к условиям организации технического обслуживания и ремонта.

В качестве исходных принимаются следующие условия. Во всех предлагаемых вариантах рассматривается работа оборудования в течение одного и того же интервала времени – смены, месяца и т.д. При этом предполагается, что при подготовке производства определены нормативы трудоемкости единицы продукции по всем составляющим машинного времени ее изготовления как высокотехнологичного (класс 1), так и более низкого уровня технологичности (класс 2). Принимается также, что организация производства влияет на фактические затраты на производство и тем самым определяет потери.

Рассматриваются следующие варианты организации работы.

1. В соответствии с разработанными технологией и нормативами оборудование класса 1 в течение всего периода выполняет соответствующую работу; работа, не требующая высокой технологии, выполняется на более простом оборудовании класса 2 тоже в течение всего периода. Это «идеальный» вариант, при его реализации отсутствуют потери.

2. Оборудование класса 2 обеспечивает работу оборудования класса 1 в течение всего периода, но на это тратит только часть рабочего дня, а остальное время – ***q***-ю часть дня – это оборудование простаивает.

3. Оборудование класса 2 само работает в течение всего периода, но не обеспечивает работу оборудования класса 1 в течение всего периода, поэтому ***q***-ю часть рабочего дня оборудование класса 1 простаивает.

4. Оборудование класса 2 само работает в течение всего периода, но не обеспечивает работу оборудования класса 1 в течение всего периода, поэтому ***q***-ю часть своего рабочего дня оборудование класса 1 выполняет работу низкого уровня технологичности.

5. В течение всего периода оборудование класса 1 выполняет как работу на соответствующем уровне технологичности, так и работу более низкого уровня из-за отсутствия оборудования класса 2; на эту работу тратится ***q***-я часть рабочего времени.

Во всех вариантах принимается, что объем продукции (услуг) отражает только та часть рабочего времени, которая затрачена в производстве в соответствии с разработанными технологией и нормативами и уровнем технологичности оборудования. Далее все варианты рассматриваются на предмет особенностей формирования потерь.

Вводятся следующие обозначения:

$\mathbf{ЗП_1}$ – затраты за весь период использования оборудования класса 1;

$\mathbf{ЗП_2}$ – затраты за весь период использования оборудования класса 2;

ЗП – суммарные затраты за период;

ОП – объем продукции, выпущенной за весь период.

Вариант 1. В этом варианте $\mathbf{ЗП = ЗП_1 + ЗП_2 = ОП_1}$, то есть все затраты за период входят в выпущенную продукцию (услуги) и определяют именно плановые трудозатраты на выпуск продукции, потерь в этом варианте нет.

Вариант 2. В этих условиях продукция $\mathbf{ОП_2 = ЗП_1 + ЗП_2(1 - q)}$, то есть будет состоять из работы оборудования класса 1 в течение всего периода $\mathbf{ЗП_1}$ и работы оборудования класса 2 в течение части периода $\mathbf{ЗП_2(1 - q)}$; при этом затраты на использование оборудования РЦ составляют и в этом случае $\mathbf{ЗП = ЗП_1 + ЗП_2}$. В этом варианте будут потери в форме переплаты за неполное использование оборудования класса 2 в объеме $\mathbf{ЗП_2(1 - q)}$.

Вариант 3. Здесь совокупные затраты тоже $\mathbf{ЗП = ЗП_1 + ЗП_2}$, а объем выпущенной продукции составит $\mathbf{ОТ_3 = ЗП_1(1 - q) + ЗП_2}$. Здесь будут потери в форме переплаты за неполное использование оборудования класса 1 в объеме $\mathbf{ЗП_1 q}$.

Вариант 4. Совокупные затраты и здесь будут $\mathbf{ЗП = ЗП_1 + ЗП_2}$, а объем выпущенной продукции будет состоять из работы $\mathbf{ЗП_2}$ оборудования клас-

Таблица 1

Вариант	Показатель		
	ЗП	ОП	Потери
1	$ЗП_1 + ЗП_2$	$ЗП_1 + ЗП_2$	-
2	$ЗП_1 + ЗП_2$	$ЗП_1 + ЗП_2(1 - q)$	$ЗП_2 q$
3	$ЗП_1 + ЗП_2$	$ЗП_1(1 - q) + ЗП_2$	$ЗП_1 q$
4	$ЗП_1 + ЗП_2$	$ЗП_1(1 - q) + ЗП_2(1 + q)$	$(ЗП_1 - ЗП_2)q$
5	$ЗП_1$	$ЗП_1(1 - q) + ЗП_2 q$	$(ЗП_1 - ЗП_2)q$

са 2 в течение всего периода и из работы оборудования класса 1 в течение части периода $(1 - q)$ в соответствии с уровнем его технологичности и работы в течение части периода q на уровне технологичности оборудования класса 2, то есть $ОТ_4 = ЗП_1(1 - q) + ЗП_2(1 + q)$; из-за этой второй части работы оборудования класса 1 будут потери – переплата за использование оборудования класса 1 в объеме $(ЗП_1 - ЗП_2)q$.

Вариант 5. В этих условиях затраты за период ЗП равны $ЗП_1$ – затратам на использование оборудования класса 1 за период; объем продукции будет состоять из работы в течение части периода $(1 - q)$ на своем уровне технологичности, равной $ЗП_1(1 - q)$, и работы на уровне технологичности оборудования класса 2 в течение части периода q, то есть $ОТ_5 = ЗП_1(1 - q) + ЗП_2 q$; здесь будут потери в форме переплаты за использование оборудования класса 1 в объеме $(ЗП_1 - ЗП_2)q$.

Приведенные данные сведены в таблицу 1.

Величина потерь растет с увеличением q во всех вариантах, объем выпущенной продукции уменьшается с увеличением q во всех вариантах. Соответствующие графики представлены на рисунках 1 и 2 соответственно.

Естественно, желательно величину q по возможности уменьшать. Однако часто сделать ее равной нулю невозможно из-за ограничений в планировании работ и нормировании труда применительно к позаказному или мелкосерийному производству ремонтных работ. В этих условиях представляет интерес обоснование некоторой нормы $q_{гр}$, отражающей допустимую долю использования оборудования класса 1 на уровне технологичности оборудования класса 2, что характерно для вариантов 4 и 5. Задача ставится следующим образом.

Поскольку неполная загруженность оборудования класса 1 ведет к потерям, равным $(ЗП_1 - ЗП_2)q_1$ и обусловленным тем, что это оборудование выполняет работы более низкого уровня технологичности в течение части рабочего времени q_1 (вариант 5), для устранения этих потерь можно предложить использовать оборудование класса 2, даже если оно будет занято не весь период, то есть перейти к варианту 2. Однако нужно иметь в виду возникающие при этом потери в форме переплаты за использование оборудования класса 2 в объеме $ЗП_2 q_2$ (q_2 – время простоя неквалифицированного работника, при этом $q_2 \neq q_1$).

В этих условиях может быть определена такая величина $q_2 = q_{гр2}$, при которой возникшие потери $ЗП_2 q_2$ будут не больше имевших место потерь в форме переплаты за использование оборудования класса 1 в объеме $(ЗП_1 - ЗП_2)q_1$. Эта вели-

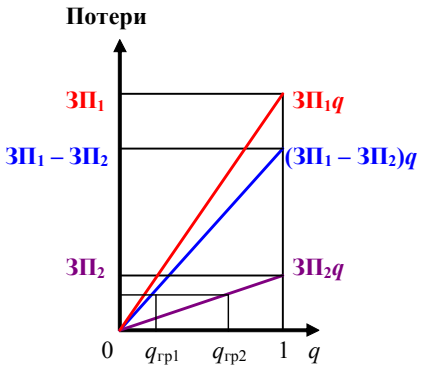


Рис. 1. Графики потерь

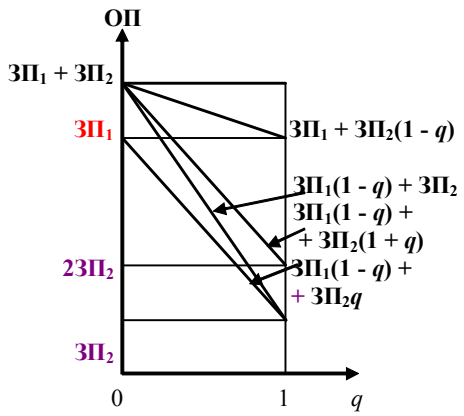


Рис. 2. Графики объема продукции

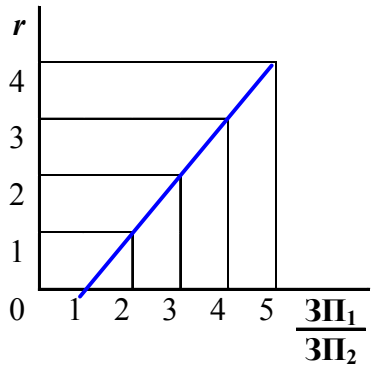


Рис. 3. График r

чина определяется неравенством

$$\text{ЗП}_2 q_2 \le (\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2) q_1,$$

откуда

$$q_2 \le \frac{(\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2) q_1}{\text{ЗП}_2} = \left(\frac{\text{ЗП}_1}{\text{ЗП}_2} - 1\right) q_1,$$

и величина $q_{\text{гр}2}$ соответственно будет равна

$$q_{\text{гр}2} = \left(\frac{\text{ЗП}_1}{\text{ЗП}_2} - 1\right) q_1 = r q_1.$$

Как видно, величина $q_{\text{гр}2}$ прямо пропорциональна q_1, коэффициент пропорциональности r определяется соотношением ЗП_1 и ЗП_2, его график представлен на рисунке 3. Нужно отметить, что при $\text{ЗП}_1 \le \text{ЗП}_2$ исходное неравенство лишается смысла.

Таким образом, имея в конкретных условиях соотношение ЗП_1 и ЗП_2 и показатель q_1 загруженности оборудования класса 1 работами на уровне технологичности оборудования класса 2, можно определить $q_{\text{гр}2}$ для этих условий. Если при этом реальные простои оборудования класса 2 $q_2 \le q_{\text{гр}2}$, то его использование эффективно, то есть возникшие за счет переплаты за его использование потери $\text{ЗП}_2 q_2$ не будут превышать переплату за использование оборудования класса 1 из-за его загруженности работами на уровне технологичности оборудования класса 2; это означает эффективность перехода от варианта 5 к варианту 2. Если же $q_2 > q_{\text{гр}2}$, то целесообразно на оборудовании класса 1 выполнять работы на уровне технологичности оборудования класса 2 в таком незначительном объеме, то есть остаться в условиях варианта 5.

Пример. Пусть $q_1 = 0{,}1$ и $\text{ЗП}_1 = 5\text{ЗП}_2$. Тогда $r = 4$ и $q_{\text{гр}2} = 0{,}4$, то есть здесь должно быть $q_2 \le 0{,}4$. Это означает, что при таком соотношении ЗП_1 и ЗП_2 использование оборудования класса 2 уже эффективно, если оно будет занято не менее 0,6 своего рабочего времени; при этом оборудование класса 1 будет занято по профилю в течение всего периода.

Нужно иметь также в виду, что объем выпущенной продукции возрастет на $\Delta\text{ОП}$ за счет увеличения вклада оборудования класса 1 на величину потерь $(\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2) q_1$, имевших место в варианте 5, и дополнительного вклада оборудования класса 2, равного $\text{ЗП}_2(1 - q_2)$. Таким образом,

$$\Delta\text{ОП} = \text{ОП}_2 - \text{ОП}_5 = (\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2) q_1 + \text{ЗП}_2(1 - q_2).$$

В условиях варианта 4 предложенный подход позволит обосновать использование дополнительного оборудования класса 2.

В ряде случаев может обсуждаться обоснование противоположного перехода – от варианта 2 к варианту 5, то есть обоснование отказа от использования оборудования класса 2 и возложение работ с уровнем технологичности оборудования класса 2 на оборудование класса 1 в течение части q_1 его рабочего времени. Здесь могут использоваться все ранее введенные выражения с соответствующими индексами переменных. В такой постановке возникающие при переходе к варианту 5 потери, равные $(\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2) q_1$, не должны превышать потери в варианте 2, равные $\text{ЗП}_2 q_2$; исходное неравенство будет иметь вид

$$(\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2) q_1 \le \text{ЗП}_2 q_2,$$

оно разрешается относительно q_1. Отсюда

$$q_1 \le \frac{\text{ЗП}_2 q_2}{\text{ЗП}_1 - \text{ЗП}_2} = \frac{1}{\frac{\text{ЗП}_1}{\text{ЗП}_2} - 1} q_2 = \frac{1}{r} q_2,$$

где r – ранее введенная величина, и $q_{\text{гр}1}$ соответственно будет равна

$$q_{гр1} = \frac{1}{\frac{\text{ЗП}_1}{\text{ЗП}_2} - 1} q_2 = \frac{1}{r} q_2.$$

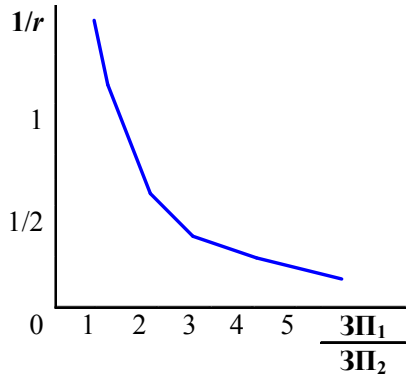


Рис. 4. График $1/r$

Граничное значение $q_{гр1}$ определяется соотношением $ЗП_1$ и $ЗП_2$ и величиной q_2. Здесь нужно иметь в виду, что при $ЗП_1 \to ЗП_2$ будет $r \to 0$ и $1/r \to \infty$. Если же будет $ЗП_1 >>> ЗП_2$, то $q_{гр1} \to 0$; нужно также отметить, что при $ЗП_1 \le ЗП_2$ исходное неравенство лишается смысла. График величины $1/r$ представлен на рисунке 4.

Таким образом, переход от варианта 2 к варианту 5, или отказ от использования оборудования класса 2 и возложение этих работ на оборудование класса 1 в течение части q_1 его рабочего времени, может быть эффективным, если $q_1 \le q_{гр1}$; как видно, эта величина ограничена снизу.

Предложенный подход позволяет учесть и так называемые *мультипликаторы*, то есть меру взаимной обусловленности работ, выполняемых разными РЦ. Так, пусть работа оборудования класса 1 по его профилю дает возможность выполнения работ еще нескольким РЦ; если оно простаивает или выполняет работы с более низким уровнем технологичности, то и у других РЦ возникают потери, то есть его потери умножаются на некоторый коэффициент μ, называемый мультипликатором. Для примера можно определить величину $q_{гр\mu}$ применительно к варианту 5; другие варианты описываются аналогично.

С учетом мультипликатора μ потери в варианте 5 будут $\mu(ЗП_1 - ЗП_2)q_1$. Тогда неравенство для определения величины $q_{гр\mu}$ в этих условиях будет иметь следующий вид:

$$ЗП_2 q_2 \le \mu(ЗП_1 - ЗП_2)q_1,$$

откуда

$$q_2 \le \frac{\mu(ЗП_1 - ЗП_2)q_2}{ЗП_2} = \left(\frac{ЗП_1}{ЗП_2} - 1\right)\mu q_1,$$

и величина $q_{гр\mu}$ соответственно будет равна

$$q_{гр\mu} = \left(\frac{ЗП_1}{ЗП_2} - 1\right)\mu q_1 = \mu r q_1.$$

График коэффициента пропорциональности μr имеет вид, представленный на рисунке 3, при соответствующем масштабном преобразовании по оси ординат. Поскольку $\mu > 1$, то $q_{гр\mu} = \mu r q_1 > q_{гр1} = r q_1$, то есть учет мультипликаторов показывает, что использование оборудования класса 2 может быть эффективным при меньшей его занятости, чем без учета этого фактора.

В приведенных условиях можно также определить стоимость для компании того или иного оборудования. Особый интерес эта оценка представляет для варианта 5, то есть когда оборудование класса 1 выполняет также и работы с уровнем технологичности оборудования класса 2. Для оценки может использоваться так называемая *гедоническая модель* [1].

Фактические затраты на использование оборудования класса 1 за весь период работы, равные $ЗП_1$, отражают непосредственно затраты на его использование на уровне технологичности оборудования класса 2 в сумме $ЗП_2 q$ и неявно – оплату его работы на своем уровне технологичности в течение времени $1 - q$ по стоимости его для компании $Ст_1$, то есть в сумме $Ст_1(1 - q)$. В этих условиях может быть составлено уравнение

$$ЗП_1 = Ст_1(1 - q) + ЗП_2 q,$$

откуда

$$Ст_1 = \frac{ЗП_1 - ЗП_2 q}{1 - q}.$$

Видно, что при $q = 0$ $Ст_1 = ЗП_1$, то есть оборудование занято строго по профилю, стоимость его для компании в этом случае совпадает с затратами на его использование, то есть с нормативными затратами. Если $0 < q < 1$, то есть оборудование выполняет еще и работу на более низком уровне технологичности, стоимость его для компании будет $Ст_1 > ЗП_1$ – больше нормативных затрат. В предельном случае $q \to 1$ будет $Ст_1 \to \infty$. В общем случае превышение равно

$$Ст_1 - ЗП_1 = \frac{ЗП_1 - ЗП_2 q}{(1 - q)} - ЗП_1 = \frac{(ЗП_1 - ЗП_2)q}{(1 - q)}.$$

Как видно, в числителе стоит величина потерь в варианте 5, но превышение стоимости оборудования для компании над нормативными затратами усугубляется тем, что оборудование не используется в соответствии с уровнем его технологичности в течение всего периода, что и отражает знаменатель. При учете мультипликаторов это превышение будет соответственно увеличиваться.

Таким образом, предложенный подход позволяет достаточно корректно и единообразно обосновать формирование варианта плана использования комплекса технологического оборудования (рабочего центра) с учетом уровня технологичности включенных в него средств, учесть наличие мультипликаторов в организации работ и оценить стоимость для компании рассматриваемого оборудования в конкретных условиях его загруженности.

Библиографический список

1. *Костров А.В.* Основы информационного менеджмента: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 528 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

Бадретдинов Зинаф Алсынбаевич
кандидат философских наук
Сибайский институт Башкирского государственного университета
vadim.badretdinow@yandex.ru
Бадретдинов Вадим Зинафович
кандидат философских наук
Зауральский филиал Башкирского государственного аграрного университета

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ: ФОРМАЛЬНАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТОРОНЫ

В статье говорится о власти как о контроле и управлении над самим собой и над другими людьми в процессе самоутверждения себя через сотворчество в общественных связях.

Ключевые слова: *власть, дискурс, биография, воля.*

В философских работах последнего времени появились работы, посвященные осмыслению и обоснованию нового дискурса власти. Новая методология обусловлена в значительной степени влиянием постмодернистских учений. Если традиционные подходы выносили субъект власти за пределы функционирования объекта власти, то современные подходы выступают как имманентные, утверждают всеналичность дискурса внутри социальной реальности [1, с. 11–25].

Действительно, в советской и постсоветской литературе можно найти массу работ, где власть рассматривается как внешнее насилие и принуждение. Хотя во многих таких работах отрицается её принудительный характер, но внешний характер власти даже непроизвольно делает её «навязыванием чужой воли». В то же время вряд ли можно согласиться, что власть проявляется по своим существенным характеристикам только в виде подчинения посредством убеждения или игровой деятельности. Власть образуется как имманентное явление, но по своей формальной направленности выступает как принуждение, продиктованное построением собственного биографического пути посредством превращения партнёра в форму и орудие собственного построения.

Мы считаем в этой связи наиболее интересным подход с формальной точки зрения – имманентную теорию, представленную конструктивизмом в лице таких её представителей, как П. Бергер, П. Бурдье, А. Шюц. В их концепциях конструирующий субъект осмысливает себя посредством собственной биографии. Имманентность здесь обозначена совместным построением единого сообщества социальных индивидов, которые раскрывают самоопределение смысла субъекта власти как бытия для себя. Согласно данному подходу, власть проявляется через язык, когда фиксируются правила использования речи. Акторы постигают своё бытие через свою языковую конструкцию, а выявленные позиции и роли позволяют определить тот текст, который организует иерархическую реальность. В соответствии с ценностями и смыслообразованиями актора вырабатывается способ реализации языка, определённый дискурс. При этом имманентная позиция считает, что власть вездесуща.

С помощью власти происходит упорядочение и урегулирование социальной системы в рамках построения своего биографического пути. Так, у П. Бурдье акторы навязывают свою волю, усваивая практические схемы общественной жизни (габитус), но при этом субъект власти рефлексирует собственный уровень и положение, обозначая направление и содержание своей власти. Построение властного дискурса приобретает здесь в конечном итоге вид поля. В отличие от «властного пространства», где просто происходит процесс передачи своей воли, а также выявляется различие его результатов с использованием оппозиций «управление – подчинение», «центр – периферия» и т.д., «властное поле» фиксирует совокупность различных агентов, включенных в сеть разнообразных взаимоотношений соответствующего порядка.

Причина волевого действия лежит не в субъективной воле человека, а в объективированных социальных явлениях, в диспозициях и тех выводах, которые сделал субъект из прошлых истори-

© Бадретдинов З.А., Бадретдинов В.З., 2011

ческих схем. Дискурс власти выявляется в виде выстроенного темпорального понимания, что предъявляет себя в текстуальной деятельности субъекта власти. Конструирование дискурса представляет, с одной стороны, действие субъекта, который способен управлять теми или иными действиями других людей, но, с другой стороны, власть сама связана с внутренней способностью актора к структурированию и управлению, что подразумевает возникновение интерсубъективности и конструкции совместного существования.

Если посмотреть порядок совместного существования конструкций властного дискурса, то можно отметить, что субъект, изменяя управленческие круги бытия, выявляет свои выводы из прошлого и планы на будущее как «внутреннее внутреннего», тогда как последующее состояние оказывается как бы «внешним внутреннего». В соответствии с этим появляется событие, которое представляет логику «внутреннего – внешнего». Власть оказывается, тем самым, навязыванием своей воли иному лицу (внешнее), но через и посредством выполнения своего «внутреннего».

Анализ содержательной стороны власти предполагает, прежде всего, выявление границ использования власти и отношение к её субъектам. «При этом следует избегать как обращения к “субъекту” в смысле трансцендентальной философии, так и попыток рассмотрения человека исключительно как органически и психически конкретного индивида» [2, с. 12] Власть как отдельное субъектно-объектное отношение не может существовать в виде изолированного акта.

Никакая власть не выразима в философском плане только по ролевым позициям, хотя на практике это и определяется. Но ведь, например, и народ имеет власть над своими руководителями, слуга может принуждать господина к выполнению своих управленческих обязанностей. Самая главная проблема в том, чтобы власть не рассматривалась просто как решение вопроса о взаимоотношении субъекта и объекта, где кто-то правит, а кто-то подчиняется. Можно даже высказать парадоксальную, на первый взгляд, мысль, что в философском ракурсе у объекта власти гораздо больше властных функций, нежели у властителя, ибо подчиненный старается избавиться от своей зависимости, а господствующий человек становится «винтиком» своего «Я».

Подлинная власть – сама природа человека в соответствии с принципом здесь и теперь. Уникальность власти не в ее природе, ресурсах или основаниях, а в ее осознании человеком. Почему человек хочет иметь власть? Это вытекает из его природы как противоречивого, амбивалентного существа, имеющего позициональную эксцентрическую форму существования. Хельмут Плеснер пишет, оценивая отличие человека от животного: «Если жизнь животного центрична, то жизнь человеческая, не способная разорвать эту центричность, но в то же время её преодолевающая, эксцентрична. Эксцентричность представляет собой характерную для человека форму его фронтальной расположенности относительно окружающего поля» [3, с. 254].

Власть существует здесь и сейчас в непосредственных актах конструирования биографической определённости. Нельзя отождествлять власть с обладанием какой-то структурной её составляющей. Процесс навязывания воли не равнозначен самой мысли о властвовании. Какими бы полномочиями, моральными и или материальными благами человек ни обладал, это ничего не значит для возникновения власти, по сути, лишь только сама мысль порождает власть. Есть только мысль о власти, а не властвующий человек, который имеет власть. Мысль наша о доминировании над другим человеком и есть наша власть. Мы порождаем нашу власть не количеством и качеством ресурсов или прав, а решением подчинить другого индивида в процессе осмысления своей жизни.

Наша власть существует, даже если её не замечаем. Мы видим бытие власти только при сопротивлении другой воле, вступая в коммуникативные связи за утверждение своих прав и интересов, поэтому власть для нас представляет собой, прежде всего, отсутствие нашего «Я». Только мышление, сознание субъекта приводят его к отождествлению собственного «Я» с определённым элементом общественной обусловленности, выступающей властной составляющей в данных условиях. Мысленная воля о доминировании субъекта над другим индивидом, проявляющаяся в единстве полновластия и безвластия, таким образом, и становится властью.

Библиографический список

1. *Бикбов А.Т.* Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования // Пространство и время в современной социологической теории. – М., 2001. – С. 11–25.

2. *Луман Н.* Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
3. *Хельмут Плеснер*. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.

УДК 316.61:82

Богданова Марина Александровна
Педагогический институт Южного Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
maraleks27@mail.ru

ТЕЛЕСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПАРАДИГМЕ ГУМАНИТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ М.М. БАХТИНА

В статье анализируется метод гуманитарного мышления М.М. Бахтина в приложении к осмыслению понятия телесности, несводимости его гуманитарного содержания к анатомии и физиологии. Автор, опираясь на анализ работ Бахтина, показывает зависимость категории человеческой телесности от мировоззренческого характера эпохи средних веков, подчеркивает различие восприятия тела в народной и официальной культуре и их закрепление в языке.

Ключевые слова: *М.М. Бахтин, гуманитарное мышление, смеховая культура, гротескный реализм, Рабле, карнавальное тело, площадная речь.*

Сегодня тема телесности, вероятно, одна из самых модных в гуманитарном знании. В отечественной науке парадигма социокультурного измерения человеческой телесности была задана М.М. Бахтиным. Изучение культуры, писал он, невозможно без осмысления «проблемы тела как ценности», проблемы, которая «строго отграничивается от естественнонаучной точки зрения: от биологической проблемы организма, психофизиологической проблемы отношения психологического и телесного и от соответствующих натурфилософских проблем» [2, с. 44].

По свидетельству В.С. Библера, свой метод осмысления культуры Бахтин называл гуманитарно-филологическим, в соответствии с которым он трактует человека «как квинтэссенцию мира», что означает – «мышление о человеке как субъекте культуры» [4, с. 176].

Несмотря на определенные подвижки в плане исследования человеческого тела в его сопряжении с ментальными проявлениями единого человеческого существа, исторически закрепленная рационалистическая традиция противопоставления «человека телесного» и «человека духовного» продолжает воспроизводиться. Это происходит не только в русле теоретических поисков, но и на практике. Оставляя в стороне конкретно-исторические обстоятельства проблемы «разъятия» телесного и духовного в человеке, необходимо отметить, что в самом общем плане периферийность проблемы человеческого тела в системе гуманитарного знания является не слишком неожиданной. Эта область знания традиционно была ориентирована на изучение не природных феноменов (одним из которых и видится человеческое тело), а на постижение специфического, искусственно созданного человеческого мира – мира культуры. Итогом стал утвердившийся на долгий период времени в гуманитарной науке «бестелесный» подход к исследованию человека, который сводит всю его сущность к его сознанию.

М.М. Бахтин, решая задачу «сращивания» «res cogitans» с «res extensa», увидел равноправие телесного и духовного в эпохе Ренессанса. «Карнавальное тело», «гротескное тело», описанное им в книге о Рабле, идеально воплощает единство телесного и духовного. Интерес Бахтина к проблеме телесной природы человека в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» сфокусирован вокруг противостояния «поста» и «карнавала».

Праздник всегда играл большую роль в жизни людей, выступая первичной формой человеческой культуры. По мнению М.М. Бахтина, широкое распространение праздников среди разных народов невозможно объяснить через практические потребности закрепления какого-либо положительного навыка общественного труда. Еще менее возможно объяснить укоренение праздника в человеческой культуре биологической потребностью в необходимости периодического отдыха. Праздник, считает Бахтин, имеет глубокое смысловое, миросозерцательное значение, не

 © Богданова М.А., 2011

сводимое к предметно-практическому бытию. «Никакое упражнение в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая “игра в труд” и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира идеалов» [3, с. 13–14].

Едва ли был период в западной истории с более неблагоприятными условиями для праздника, карнавала, спортивной игры, чем Средневековье. Тем не менее в эту самую мрачную из эпох мы найдем немало свидетельств широкого распространения различного рода праздников и зрелищ. Официальные праздники средневековья были направлены на утверждение и защиту установившегося социального строя и укрепления власти аристократической феодальной знати и церкви, как пишет Бахтин, «они никуда не уводили из существующего миропорядка и не создавали никакой второй жизни» [3, с. 14]. Официальные праздники утверждали стабильность, неизменность и вечность социальной иерархии, господствующих форм жизни, существующих религиозных, политических и моральных ценностей. Тон подобных праздников мог быть только напыщенно серьезным, проявлениям смеховой культуры и подлинно человеческой природе здесь не могло быть места, более того, отмечает автор монографии о Рабле, подобные официальные праздники искажали саму суть человеческой природы. Но наряду с официальными праздниками существовали и карнавалы, имеющие совершенно иные эстетические формы и способы репрезентации, это была подлинная праздничность, которая неистребимо жила в народном духе.

Средневековые карнавалы выросли из тысячелетней народной смеховой культуры, включая античные традиции. Только в этом празднике, отмечает Бахтин, сохраняется его связь с высшими целями человеческого существования в своей неискаженной чистоте и полноте. Желание людей окунуться в это состояние истинной свободы, равенства и изобилия было столь неистребимым, что официальной верхушке приходилось идти на легализацию некоторых карнавальных форм. «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу. Он смотрел в незавершимое будущее» [3, с. 15]. Если во время официального праздника было принято подчеркивать все знаки социального неравенства, выпячивать то, что сообщает другим о твоем общественном положении, то на карнавале все считались равными, все сословные, имущественные, служебные, семейные и прочие барьеры не имели никакого значения. Если в обычной жизни люди были разделены и разобщены непреодолимыми социальными и статусными барьерами, то стихия карнавала уравнивала всех и каждого.

Люди жили в условиях карнавала довольно продолжительное время, нередко карнавальная жизнь протекала в течение трех месяцев и более. «Здесь – на карнавальной площади – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми…» [3, с. 15]. Этот «вольный фамильярный контакт между людьми» остро чувствовался и переживался и составлял, по мысли Бахтина, смысл карнавального мироощущения. Бахтин считает, что только в стихии карнавальной жизни человек возвращал себе свою собственную природу в ее чувственно-материальном естестве и ощущал себя человеком среди других людей. «И эта подлинная человечность отношений не была только предметом воображения или абстрактной мысли, а реально осуществлялась и переживалась в живом материально-чувственном контакте» [3, с. 15]. Для такого истинно человеческого взаимодействия необходимы были и особые формы общения, которые не могли быть осуществимы в реальной жизни. Само карнавальное действо порождало формы площадной речи, жестикуляцию, характеризующиеся такой вольностью и свободой, которые необычны и даже невозможны для внекарнавальных форм жизни. Все формы и символы карнавального языка заключали в себе сознание относительности существующего порядка вещей, возможности безнаказанной перетасовки и перемещения форм бытия и элементов социального каркаса. «Для него очень характерна своеобразная логика “обратности” (à l`envers), “наоборот”, “наизнанку”, логика непрестанных перемещений верха и низа

("колесо"), лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний» [3, с. 16]. В основе всех бранных, развенчивающих, дразнящих жестов и эпитетов (показывание кукиша, носа, зада, непристойные жесты, плевание и пр.) лежала особая гротескная концепция тела, которое мыслится Бахтиным не как индивидуальное, но как всенародное, космическое рождающееся и умирающее тело. «В современных непристойных ругательствах и проклятиях сохраняются мертвые и чисто отрицательные пережитки этой концепции тела». В современной бранной лексике почти ничего не осталось от жизнеутверждающего начала гротескного тела, «кроме голого отрицания, чистого цинизма и оскорбления» [3, с. 35]. «Однако было бы нелепостью и лицемерием отрицать, что какую-то степень обаяния (притом без всякого отношения к эротике) они еще продолжают сохранять. В них как бы дремлет смутная память о былых карнавальных вольностях и карнавальной правде. Серьезная проблема их неистребимой живучести в языке по-настоящему еще не ставилась» [3, с. 35].

В карнавальной праздничности человек обретал вторую жизнь, далекую от формальностей, искусственности и абстрактности. Как было сказано, празднества карнавального типа занимали большое место в жизни средневековых людей, в них были вовлечены не только простолюдины, но «высокопоставленные церковники и ученые богословы разрешали себе веселые рекреации, то есть отдых от благоговейной серьезности, и "монашеские шутки" ("Joca monacorum"), как называлось одно из популярнейших произведений средневековья. В своих кельях они создавали пародийные или полупародийные ученые трактаты и другие смеховые произведения на латинском языке» [3, с. 19]. Бахтин приводит такие популярные в то время произведения подобного рода, как «Вечеря Киприана» («Coena Cypriani»), которая дает своеобразную карнавально-пиршественную травестию всего Священного писания, а также полупародийный ученый трактат по латинской грамматике и одновременно пародию на школьную премудрость и схоластические научные методы раннего средневековья – «Вергилий Марон грамматический» («Vergilius Maro grammaticus»). До нас дошли довольно многочисленные пародийные литургии («Литургия пьяниц», «Литургия игроков» и др.), пародии на евангельские чтения, на молитвы, на церковные гимны, на псалмы, эпитафии и пр. Для смеха, пишет Бахтин, здесь нет никаких преград, он проникает в самые высокие области религии и культа. Перевод всего высокого, духовного в материально-телесное, снижение до состояния их единства и гармоничной целостности – это ведущий литературный принцип Рабле, который Бахтин удачно обозначил как «гротескный реализм». Многие латинские пародии средневековья построены по принципу снижения священных библейских и евангельских текстов до материально-телесных уподоблений и подробностей. Большую популярность в это время, отмечал Бахтин, имели смеховые диалоги Соломона и Маркольфа, в которых первый прибегал к высоким и серьезным по тону сентенциям, а второй переводил их в веселые шутливые изречения, переносящие обсуждаемый вопрос в чувственно-материальную сферу (еды, питья, пищеварения, половой жизни). В школярской ученой среде средневековой Европы широко известна была веселая пародийная грамматика, традиции которой восходят к «Вергилию грамматическому». Ее сущность сводилась к тому, чтобы переиначить и осмыслить все грамматические категории – падежи, формы глаголов – с точки зрения телесного, прежде всего эротического поведения человека.

Новый тип взаимодействия и общения людей на карнавальной площади порождал новые формы речевой жизни: появлялись новые речевые жанры, переосмысливались или исчезали старые. Подобные явления известны нам и в условиях современного речевого общения. Близкие приятельские отношения, когда исчезает дистанция между людьми, рождает новые сценарии общения, появляется фамильярное «ты», меняются форма обращения и имени, жестикуляция, интонация, иногда появляются бранные выражения, употребленные в ласковом смысле, становится возможным взаимное осмеяние и дружеское подначивание. Речевой этикет и речевые запреты ослабляются. Но Бахтин не склонен отождествлять фамильярные контакты в современном быту с тем, что происходило на народной карнавальной площади. В современной жизни не «хватает главного: всенародности, праздничности, утопического осмысления, миросозерцательной глубины» [3, с. 22].

Средневековая христианская мораль, тяготеющая к ценностным установкам аскетизма, про-

возглашает откровенно враждебное отношение к телесной природе человека. При этом различного рода запреты и воздержание имели далеко идущие цели – изгнание телесности из самосознания. Поскольку же такая задача практически неразрешима, человек не в состоянии постоянно находится вне своих телесных проявлений, не в состоянии не чувствовать биение в себе живой материальности и чувственности, постольку решением стало членение человека на возвышенный, духовный, благородный «верх» и низменный, безбожный, телесный «низ». Противоположностью официальной трактовке «верха» и «низа» становится культура карнавального праздника, которая не только не игнорирует все проявления телесного безбожного низа, но, напротив, делает его предметом эстетического и онтологического осмысления. Бахтин отмечает, что исключительное преобладание материально-телесного образов самого тела, еды, питья, испражнений, половой жизни неправомерно связывать только с реакцией на аскетизм средневековья или только на проявление материального интереса, зарождающегося буржуазного производства эпохи Ренессанса. «Все эти и подобные им объяснения являются не чем иным, как различными формами модернизации материально-телесных образов в литературе Возрождения; на эти образы переносят те суженные и измененные значения, которые “материальность”, “тело”, “телесная жизнь” (еда, питье, испражнения и др.) получили в мировоззрении последующих веков (преимущественно XIX века)» [3, с. 25]. Между тем образы телесно-природного начала у Рабле, Боккаччо, Сервантеса, Эразма Роттердамского являются наследием народной смеховой культуры традиционных обществ аграрного типа, правда, в несколько измененном виде в соответствии с особенностями ренессансной эпохи. Здесь телесное трактуется не в его эгоистическом, партикулярном смысле, а в космическом и универсальном. А потому материально-телесная стихия – это начало глубоко положительное, созидательное, это стихия, ответственная за вечное течение жизни, за вечное ее обновление. Тело и телесная жизнь у Рабле – это вовсе не физиология в узком смысле этого слова; в его романе они не индивидуализированы и не отграничены от ритмов живого мира, его корней. Носителем материально-телесного начала выступает у Рабле не обособленная человеческая особь, не конкретный индивид, но сам народ, мудростью которого осуществляется «вечное возвращение». Как пишет в своей монографии, посвященной творчеству Бахтина, Н.И. Басина: «Гиперболизированное родовое тело-универсум с присущей ему функцией вечного порождения, столь органичное и “законное” для традиционного общества, составляет душу народного сознания. Гиперболизированное телесное в традиционализме предстает нескончаемой однообразной жизнью рода в круговороте утрат и новых рождений. Образ гротескного коллективного бездумного тела сообщает народу ощущение родового бессмертия и рассматривается Бахтиным в качестве стержня системы карнавальной образности» [1, с. 75].

По нашему мнению, требуют пояснения категории «верх» и «низ», которые не взяты Рабле произвольно как некий литературный прием, а которые сложились в культуре как философские инструменты описания окружающей человека реальности и рефлексии над ней. Дихотомический принцип разделения мира на духовный «верх» и телесный «низ» имеет длительную историю своего существования, истоки и различные варианты которого можно найти в мифологии разных народов. Одним из источников разделительной концепции является философия Платона, в основе которой идея несводимости друг к другу возвышенного мира идей и чувственного мира вещей. Сам способ осмысления процессов окружающего мира требовал принципа выделения различных сущностей мирового порядка и мысленного их обособления, как итог этого членения и категоризации мира складывались бинарные оппозиции и другого рода: светлое-темное, справедливое-несправедливое, живое-мертвое, прекрасное-безобразное, духовное-телесное и пр. В нашем случае «верх» – это небо, «низ» – это земля, в чреве которой происходят процессы рождения и гибели. В эту картину мира был органично вписан и человек, его «верхом» является голова, лицо, «низом» – производительные органы, живот, зад. В то же время такая трактовка космического мироустройства не могла не получить своей аксиологической проекции: осмысление «верха» и «низа» как разного, а подчас и полярного рода ценностей. В эпоху Ренессанса эта иерархическая картина мира разрушалась, «материя» «низа» и «верха» становилась однородной, граница между ними – проницаемой. «Этот перевод мира в одну плоскость, эта смена верти-

кали горизонталью осуществлялись вокруг человеческого тела, которое становилось относительным центром космоса» [3, с. 402].

Исходя из сказанного, становится понятным, что снижение, к которому прибегает Рабле, это не снижение в смысле непристойности, грубой вульгарности. «Снижение здесь значит приземление, приобщение к земле, как поглощающему и одновременно рождающему началу: снижая, и хоронят и сеют одновременно, умерщвляют, чтобы родить сызнова лучше и больше» [3, с. 28].

В новой оптимистической картине мира эпохи Возрождения материально-телесное начало, воплощенное в природе и человеке, животворящая земля и реальное время становятся относительным центром. Ценностные ориентации человека теперь связаны не с вертикальным подъемом индивидуальной души в высшие небесные сферы, а с историческим горизонтальным движением человечества в историческом времени. «Индивидуальная душа, сделав свое дело, – пишет автор монографии о Рабле, – стареет и умирает вместе с индивидуальным телом, но тело народа и человечества, оплодотворенное умершими, вечно обновляется и неуклонно идет вперед по пути исторического совершенствования» [3, с. 447]. В последующие времена хотя и происходит процесс сужения и огосударствления праздничной жизни, ее, в связи с этим, обеднение, тем не менее народно-праздничное начало в культуре неистребимо и обязательно находит свои новые формы. Нам представляется, что сегодня, например, спортивное зрелище, способное соблюдать дистанцию от обыденной жизни, в какой-то степени воспроизводит праздничную атмосферу средневековой карнавальной культуры.

Библиографический список

1. *Басина Н.И.* Эстетика незавершения (М.М. Бахтин). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 217.

2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 424.

3. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худ. лит., 1990. – С. 543.

4. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Издательство Прогресс, Гнозис, 1991. – С. 176.

УДК 316.3

Зеленова Екатерина Львовна
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
keiti@bk.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ – ОСНОВА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Цель статьи – провести анализ соотношения национальных противоречий над противоречиями глобализации.
Ключевые слова: *философия, глобализация, национальные конфликты, интернационализм, этносы.*

Глобализация с 1985 г. (заявление Кофи Аннона в ООН) стала проблемой, которой занимаются многочисленные ученые из разных стран мира. Возникла даже специальная дисциплина – глобалистика. Работ на этот счет достаточно много, хотя аспекты общей проблемы недостаточно вскрыты и исследованы.

Среди этих аспектов можно выделить те, которые остаются дискуссионными: а) сущность глобализации; б) хронология глобализации; в) уровни глобализации; г) сферы глобализации; д) субъекты глобализации; е) перспективы глобализации; ж) типология оппозиций глобализации.

Нам кажется, что многие из названных проблем могут быть решены при четком определении субъектов глобализации. Уже давно подвергнута критике бессубъектная концепция изложения истории человечества, или это изложение сводилось к описанию роли отдельных личностей (прежде всего царствующих особ).

Творцом истории является народ, население, нации, этносы. При этом неважно, в какой форме является их деятельность: активной или пассивной. Глобализацию в этом отношении необходимо понять как функцию народов в этом процессе. Даже оппозиционные движения в форме антиглобализма или альтерглобализма демонстрируют деятельность не столько личностей, лидеров и тем более стран, государств, сколько народных масс, наций, этносов. Национальный аспект глобализации является актуальным.

Во многом проблема национальной сущности и специфики глобализации связана с недостаточной разработкой в таких научных областях, как

 © Зеленова Е.Л., 2011

демография, этнография, политология и социология, типологии субъектов исторического процесса: нации, народы, этносы, национальности, классы, суперэтносы, субэтносы, социальные группы и пр. Некоторый прогресс произошел с 80-х годов XX века в связи с анализом понятий менталитета и этнической идентификации. Давние идеи Г. Тарда, В. Ключевского, Г. Плеханова и других (а это XIX век) как бы ожили вновь. Работы Л.Н. Гумилева по этнологии пока остаются еще слабо включенными в научный анализ.

Говоря в целом, следует заметить, что субъектная характеристика истории еще ждет своего научного исследования. Это тем более становится явным, когда рассматриваешь глобализацию. Когда-то доминировали два понятия для характеристики исторического процесса: «интернационализм» и «патриотизм». И они объявлялись не оппозиционными, а диалектически связанными: а) интернационализм как выражение единства, интеграции всех народов планеты как единого человеческого сообщества и б) патриотизм как уважительное отношение к особенностям, специфике каждого народа, его истории, его культуры, его ментальности.

Глобализация сразу же выявила свою метафизическую сущность как форма нивелирования национальных культур. Не приходится удивляться, что вместо диалектической оппозиции «интернационализм – патриотизм» возникла метафизическая оппозиция «глобализм – национализм».

Обозначенные четыре позиции дают возможность представить диспозицию поведения субъектов конфликтов в четырех вариантах.

1. Интернационализм. Концепция дружбы народов, объединения всех общественных усилий, взаимопомощь друг другу. Это форма позитивного содружества.

2. Патриотизм. Эта концепция ориентирована на уважение национальной специфики, национальной культуры каждого народа, вплоть до права на самоопределение. Эта форма позитивного уважения народов.

3. Глобализация. Эта концепция движения к однородности под лозунгом «западнизма» и «американизма» приводит к уничтожению национальных специфик многочисленных народов планеты. Это форма негативной утраты особенностей народов.

4. Национализм. Эта концепция является закономерной формой противостояния глобализации, потому что каждый народ хочет сохранить свою национальную культуру даже средствами террора, сепаратизма и т.п. Это форма негативного противостояния глобализации и стремления сохранить свою национальную культуру, историю, экономику и пр.

Даже этот обобщенный анализ показывает, что диалектическая оппозиция «интернационализм – патриотизм» является и конструктивной, и перспективной по отношению к метафизической оппозиции «глобализм – национализм».

Выявление национальной природы глобализации позволяет сказать, что в современной литературе больше обращается внимание на анализ характера видов конфликтов (экономические, политические, религиозные, культурные, экологические и пр.), чем на анализ субъектов этих конфликтов. Но история делается не экономикой или экологией, политикой или культурой, спортом или модой, СМИ или Интернет и т.п., она делается людьми, народами, нациями, этносами, которые своей деятельностью создают экономику, политику, культуру, СМИ и пр. Абстрактные понятия должны получить свое субъектное определение: культура французов, нефть ханты-мансийцев, Балтийское море прибалтов, рабочая сила мигрантов, заповедники африканцев, газ туркменов, золото якутов, олени чукчей, пирамиды египтян и т.д. За каждым достижением, потенциалом планеты стоят конкретные народы, и посягательство на их достояние является посягательством на их исторически созданную или природно данную культуру.

При этом очень важно дифференцировать два смысла понятия «национальная культура», «национальные противоречия».

С одной стороны, понятие «национальное» имеет отношение к национально-государственным формированиям на планете (Франция, Испания, США, Канада, Индия, Россия, Латвия и пр.). Защита национальных интересов в этом отношении является защитой государственных интересов, статуса страны, престижа правительства, разумеется, и народа данных стран.

С другой стороны, понятие «национальное» характеризует менталитет того или иного народа, особенности его культуры, специфику его экономики, национальный характер и т.п. В современной конфликтологической литературе именно этот аспект «национальности» специально выделяется, что выражается даже в названии ра-

бот: *Латова Н.В.* Национальная ментальность в постсоциалистических странах как фактор осуществления рыночной модернизации; *Авксентьев В.А.* Этноконфликтный процесс на Северном Кавказе: причины, тенденции, перспективы; *Неделчева Т.* Этнический конфликт в Болгарии и трансформация национальной идентичности; *Пилия Д.Ч.* Грузино-абхазский конфликт: мифы и реальность; *Георгиев П.Э.* Этническое разнообразие и социальное напряжение в северо-восточной Болгарии и др. // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. – М.: Ленанд, 2005. – 664 с.

Не должно смущать частое употребление как однозначных понятий «национальное» и «этническое». Мы уже говорили выше, что демографы и этнографы в этом отношении еще недостаточно разобрались. Дело не в терминах, а в содержании анализируемых проблем: они касаются специфики народов, национального менталитета, этнической культуры. Иначе говоря, это не столько государственные, «страноведческие» проблемы, сколько проблемы особенностей того или иного народа. Это особенно стало явным при современном массовом явлении миграции народов, этносов, национальных меньшинств.

Процессы миграции населения из одних стран в другие – одно из типичных явлений глобализации. Но этот процесс вызывает специфические национальные противоречия. Общие интеграционные процессы глобализации, связанные с экономическими явлениями и обретенностью народами суверенности, объясняют интенсивный процесс миграции. Но мигранты из всех стран едут в другие страны со своей культурой, своими традициями, обычаями, образом жизни и т.д. Эта национальная ментальность сталкивается с менталитетом коренной нации, что приводит к возникновению серии специфических конфликтов, которые являются именно национальными. Дело доходит не только до протестов местного населения, но и до принятия законов по вопросам миграции. С этим столкнулись Великобритания, Германия, Швеция, возникают сложные проблемы в России.

Конечно, приходится учитывать категории мигрантов. Это достаточно разнообразная публика:

– рабочие;
– предприниматели и бизнесмены;
– официальные лица;
– отдыхающие, туристы;
– бомжи;
– преступники.

Статистический анализ их пока дифференцированно не ведется, но уже появляются и конкретные материалы. (*Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социальные конфликты… – М.: Ленанд, 2005. – С. 98–110.)

Различные виды конфликтов, которые анализируются в литературе, при всем своем терминологическом разнообразии, в конечном счете выражают субъектные противоречия, а в качестве субъектов выступают нации, народы, этносы. Территориальные противоречия, связанные с Курильскими островами, – это противоречия народов Японии и России. Политические противоречия Грузии и Абхазии – это противоречия грузинского и абхазского народов. Экономические противоречия Украины и России – это противоречия украинского и российского народов, подобно тому как экономические (нефть) противоречия Ирака и США вызваны противоречиями иракского и американского народов. Аналогично можно интерпретировать религиозные, демографические, экологические, педагогические, спортивные, научные и иные виды конфликтов. Конечно, все они на уровне явлений обладают специфическим характером, но за явлениями необходимо видеть сущность. А эта сущность состоит в противостоянии, различии, конфликте интересов, геополитических целей, финансово-экономических программ различных народов мира, число которых специалисты насчитывают до шести тысяч. Вполне понятно, что каждый народ хочет сохранить свою самостоятельность, в частности, и в условиях глобализации: свою территорию, свой менталитет, свою культуру, свой язык, свои традиции. Государственные институты, правительства данных народов должны выражать национальные интересы, а не превращаться в саттелитов могучих держав. Эти соображения помогают понять сущность конфликтных ситуаций, связанных с Кубой, Венесуэлой, Гватемалой, Анголой, Ираком, Ираном, канадскими французами, испанскими басками, китайскими тибетцами и т.д.

Исследования глобализации в основном носят эмпирический характер, т.е. называются и рассматриваются частные ее проявления: территориальные, религиозные, политические, экономические, финансовые, предпринимательские, торговые, военные и т.п. Это своеобразная види-

мость глобализации. Она и доступна эмпирическому сознанию, о ней чаще всего и говорят (например, движение Гринпис и пр.). Но теоретический анализ глобализации предполагает изучение за ее видимостью сущностных явлений, а сущность любого процесса является многоуровневой. В нашей работе этот методологический аспект в той или иной мере учитывается. В частности, нам можно сделать некоторые выводы об уровнях глобализации, двигаясь с поверхностного, внешнего слоя к более глубинным ее процессам:

1. Внешний слой интеграционных процессов глобализации представлен очевидными явлениями объединения народов и государств: международные корпорации, финансовые объединения, образовательные сообщества, военные союзы, блоки государств, культурные сообщества, спортивные объединения, правозащитные организации и т.д. и т.п. (от ООН до союза солдатских матерей или союза узников концлагерей).

2. Второй уровень всех этих объединительных союзов, по материалам исследователей глобализации, позволяет говорить о «западнизации» (вестернизации) и «американизации» этого объединительного процесса. Этот процесс совершается под знаменем провозглашения принципов европейской демократии и американского образа жизни. (Об этом говорилось выше.)

3. Национальный характер противоречий глобализации обычно вуалируется, затесняется или просто не учитывается. Все виды противоречий глобализации, даже с учетом ее западно-европейского или американского характера (цивилизированные страны), в конечном счете сводятся к противоречиям народов, наций, этносов, интересы которых представляют соответствующие государства. Понять это важно, если иметь в виду задачу глобализации: нивелирование народов, уничтожение национальных культур. Отсюда понятны и антиглобализм, и – особенно – альтерглобализм.

4. Капиталистический, точнее, империалистический характер глобализации выражает ее глубинный уровень. Он давно обозначен В.И. Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1915 г.). Капитализация всех сфер общественной жизни – закономерный итог развития капитализма, основанного на частной собственности и на наемном труде. Этот процесс содержательно рассмотрен в ряде монографий академика А.И. Субетто (См.: «Капиталократия…», «Ноосферизм…» и др.).

Историческое изживание частной собственности, основанной на ней системы наемного труда, движение к ассоциации свободных производителей, к гуманным партнерским отношениям индивидов, а в нашем аспекте – к интернационализму и патриотизму, – это способ изживания негативов глобализации и порождаемого ею национализма.

Следует отметить, что субъектная характеристика при проведении различных научных исследований должна иметь первостепенное значение. Это касается и глобализации: при ее изучении главную роль будут играть субъекты (народ), их отношение к процессу глобализации. Национальные противоречия есть субъектные противоречия, которые в свою очередь носят глобальный характер.

УДК 100.32

Канунникова Ольга Витальевна
Вологодский государственный педагогический университет
rus_olgak@rambler.ru

МЕТАЯЗЫК КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ АБСТРАКЦИЙ В КОНКРЕТНО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В статье дан анализ метаязыка как способа образования абстракций в конкретно-научном познании. Рассмотрена возможность использования иного (по отношению к формально-логическому) способа образования абстракций. Автором показана специфика выделения, анализа, сопоставления и осмысления общих понятий в лингвистике, психологии культуры.

Ключевые слова: *метаязык, абстракции, формально-логический подход, примитивы, конкретно-научное познание.*

В современной философии науки актуальность проблемы создания абстракций, их анализа, сопоставления и осмысления в конкретно-научном познании обусловлена необходимостью поиска «новых мировоззренческих ориентаций, в выработке и обосновании новых, предельно общих программ человеческой жизнедеятельности» [9, с. 29], т.е. стремлением создать единую, унифицированную, общедоступную модель когнитивного знания, лишенную двусмысленности и неопределенностей. Основные трудности при образовании такого рода универсалий в гуманитарных науках состоят в том, что, «создавая абстрактные понятия с целью отождествления и обобщения многих реальных объектов, мы вместе с тем должны сохранить те или иные конкретные их черты и свойства» [7, с. 257].

Формально-логическим способом образования понятий традиционно считается создание абстракций через род и видовое отличие, свойственное, в основном, философам античности и средневековья. Такое стремление к ясности, анализу и систематизации языка особенно заметно у создателя логики ? Аристотеля, который развивал идею о существовании индивидуального понятия, вида и рода, т.е. подведении единичных умозаключений к более общим и фундаментальным абстракциям, согласно их логической форме.

В контексте учения о категориях как общих понятиях Аристотель указывал на то, что любое явление, предмет, свойство (первичная сущность) заключаются изначально в виде, а затем в роде (вторичная сущность), так «определенный человек заключается, как в виде, в человеке, а родом для [этого] вида является живое существо» [2, с. 408]. Для построения системы научных знаний Аристотель указывал на высшие роды, к которым должны сводиться остальные категории.

Способ образования абстракций через подведение вида под род использовался в различных инструментальных, логико-математических, формальных теориях. При этом исключалась возможность применения данного приема в конкретно-научном познании, в гуманитарных науках, в которых система понятий обладает своей спецификой, т.к. они отражают не только реальные объекты познания, но и коммуникативный, ценностный, пространственный, временной и социокультурный факторы.

Для изучения данных внелингвистических компонентов необходим новый способ создания общих понятий – метаязык, который «предоставляет нам более совершенный методологический инструмент» [3, с. 86] и используется в таких разнообразных областях знания, как логика, математика, физика, философия, лингвистика и литература, применяется для изучения социокультурной сферы и моделирования искусственного интеллекта.

Предпосылкой создания универсального семантического метаязыка как способа образования понятий явились идеи Р. Декарта, который основным методом исследований считал дедукцию, «посредством которой мы сможем составлять вещи так, что будем уверены в их истине» [5, с. 123]. Однако приступить к данному методу нельзя до тех пор, пока не будут изучены простые элементы, полученные интуитивно или с помощью индукции. Так, Декарт выдвинул идею критериев простых понятий, которые должны быть, с его точки зрения, ясными и неопределимыми. Взяв за основу метод рассуждения от частного к общему, он предложил выделять в сложных задачах простые компоненты, упорядочивать их и выстраивать в строгой последовательности.

В философии Декарта наметились основные элементы теории образования абстракций, кото-

 © Канунникова О.В., 2011

рые используются и сегодня для получения достоверного знания. Идея разложения сложных проблем на простые для тщательного их изучения нашла свое отражение в методе выделения элементарных, четких и ясных понятий, который в последующем будет применен во многих научных дисциплинах, на основных этапах развития философии науки, становясь особенно актуальным для исследования вопросов, касающихся языка и построения метаязыка.

Идею создания понятийных примитивов, простейших концептов-«кирпичиков» для построения и истолкования слов и терминов разрабатывал также Г.В. Лейбниц, который был уверен, что традиционный способ образования понятий от вида к роду не дает возможности познать сущность и индивидуальность исследуемого объекта. Поэтому он предложил иную, по сравнению с формально-логической, концепцию создания понятийных примитивов, основанную на том, что существуют первоначальные простые понятия, из которых возникают остальные, более сложные, подобно тому, как образуются «производные числа из простых» [6, т. 1, с. 133]. Данный подход, названный им методом «универсальных характеристик», предполагал дифференцировать сложные понятия в простые, создавая тем самым некий «алфавит человеческих мыслей», точно определяющий каждое понятие. Так, всем простым понятиям необходимо было подобрать некий характеризующий его символ, по аналогии с китайскими иероглифами, разработать структурирующие принципы, установить правила и методы использования этого всеобъемлющего символизма.

Такой подход к образованию абстракций послужил импульсом к разработке последующих, вплоть до современных метаязыковых теорий в конкретных, гуманитарных науках. Как способ образования понятий метаязык по-разному характеризуется и ведет себя в науках о природе, духе, культуре, несмотря на то что его основой выступает логика с ее примитивами (простыми, неделимыми понятиями), выделенными из естественного языка.

Идея о необходимости универсального языка-посредника или метаязыка впервые была высказана и разрабатывалась представителями аналитической философии, которые признавали иные, кроме формально-логического, способы образования абстракций. Они стремились создать унифицированный метаязык для решения определенных познавательных задач, отражения и описания существующих реалий, перевода естественного языка в идеальный язык науки.

Сам термин «метаязык» возник в математике и математической логике и был введен представителями Львовско-Варшавской школы аналитической философии С. Лесневским и А. Тарским. Они предложили использовать два разных языка, один из которых (объектный) являлся предметом исследования, а в терминах другого формализованного (метаязыка) строилось определение истины для него. Впервые четко отделив формализованный метаязык от объектного естественного языка, они определили и условия его построения.

Прежде всего, метаязык должен включать в себя переменные более высокого логического порядка, что является необходимым условием удовлетворительного определения понятия, содержать также термины общелогического характера, обычные формальные правила и семантические термины, как исходные, так и вводимые посредством некоторых определений. Кроме того, метаязык должен включать средства для описания синтаксиса языка-объекта, а его элементы должны быть проще, так как всякое выражение должно переводиться на метаязык, в то время как обратный перевод допускает несколько возможных вариантов.

Первостепенной задачей представителей аналитической философии являлось не только достижение ясности языковых выражений с помощью разъяснения их смысла, но и постановка вопроса о «мире языка», о «картине мира». В метаязыке простые символы они определяли через наблюдение или описание, а мысль выражалась только в осмысленном предложении. Элементарные предложения являлись неразложимыми в смысловом отношении «атомами» языка, которые фиксировали иерархию атомарных фактов, указывающих на предметы, качество и отношения. При таком подходе слова однозначно должны были соответствовать «компонентам соответствующего факта» [8, с. 23]. Атомарные предложения (например, «это белое», «это находится слева от того») Рассел объединял в более крупные молекулярные предложения посредством соединительных логических связок.

В целом, в философии логического позитивизма предлагалось использовать метаязык как способ образования абстракций в строгих, конк-

ретных науках, так как он наделялся только такими качествами, как истинность, непротиворечивость и формализованность. Однако традиционное стремление исследователей «создать “идеальный язык”, посредством которого можно было бы выстроить универсальную систему знаний, всё больше сменяется вниманием к изучению локальных контекстов, реально определяющих функционирование интеллектуальных систем разного рода» [4, с. 57]. Образование понятий, минимальных значимых элементов, посредством метаязыка позволяет не только преодолеть свойственные естественному языку семантические парадоксы, философские псевдопроблемы и построить непротиворечивое определение истины, но и способствует пониманию языковых выражений, сопоставлению и анализу различных языков, их категорий, а также национальных культур.

В современных лингвистических исследованиях метаязыковой подход к образованию понятий основан на том, что из естественного языка посредством упорядочивания и упрощения его слов и выражений выделяются элементарные смысловые единицы. Основной функцией метаязыка становится объяснение, т.е. сведение сложного к более простому (абстрагирование от грамматических и лексических особенностей и выделение элементарных смыслов). При этом метаязык должен исключать те лингвоспецифичные единицы, которым трудно подобрать эквиваленты на других языках, он должен быть максимально простым, но во всех составляющих такого рода метаязыка имя и смысл должны соответствовать.

Идея выделения «атомов смысла» или создания «смыслового метаязыка» разрабатывается Ю.Д. Апресяном в области семантических лингвистических исследований и может быть применима при моделировании автоматической обработки информационно-поисковых систем. Примитив, «атом смысла», отображает часть объективной действительности и рассматривается как «элемент некоторой ситуации, описываемой средствами языка, а сама ситуация – как упорядоченное множество таких элементов» [1, с. 123]. Определив небольшое число семантических единиц, можно описать множество выражений естественного языка. Таким образом, теория метаязыка в лингвистике становится более простой и ясной, с понятным и обоснованным логическим аппаратом, и при этом позволяет увидеть, как функционирует наш язык.

Метаязык как вторичная моделирующая система лежит в основе анализа культуры, так как языковая модель мира является одним из факторов, который регулирует национальную картину мира. Так, построение метаязыка общей семантической теории культуры в исследованиях А. Вежбицкой осуществляется благодаря выделению простейших элементов, семантических примитивов, или так называемых универсалий, выражающих базовые смысловые единицы, присутствующие у различных народов. В ее работах использована идея конструирования универсального семантического метаязыка, изначально предложенная Г.В. Лейбницем. Такой метаязык служит для описания любых языковых значений и применяется для сравнения, сопоставления различных культур и характеров без этноцентрической предвзятости.

Для выделения абстракций в национальных этносах Вежбицкая предлагает использовать «культурно обусловленные сценарии», которые она определяет как небольшие предложения или их последовательности. С их помощью можно уловить «негласные нормы культуры какого-то сообщества «с точки зрения носителя» и одновременно представить эти нормы в терминах общих для них понятий» [3, с. 393]. Такого рода сценарии отражают негласные правила, которые лежат в основе формирования личности, мышления, деятельности. Для каждой культуры они являются специфическими, но могут быть обобщены на основе семантического метаязыка, сопоставлены и интерпретированы.

Анализируя культурно-специфические выражения чувств на примере «сценариев китайской сдержанности», Вежбицкая демонстрирует, как нужно думать, хотеть, говорить. Так, согласно китайской культуре, не следует позволять себе чувствовать «что-то очень плохое» или «что-то очень хорошее»; в англо-американской культуре принято говорить о людях с похвалой – «хорошо часто говорить другим людям что-то вроде: ты сделал (делаешь) что-то (очень) хорошо»; в японской культуре не говорят похвалу в лицо – «нехорошо говорить другим людям что-то вроде: ты сделал что-то хорошее». Для их сравнения и сопоставления и используется универсальный семантический метаязык, основой которого выступают лексические универсалии.

В когнитивных науках метаязык находит свое применение в решении задач хранения, переда-

чи, обработки информации, при моделировании естественных интеллектуальных, познавательных, сенсорных способностей человека на основе теорий концептуальных зависимостей, интегральных анализаторов текстов, семантических и лингвистических моделей. Специфической особенностью таких концепций является то, что они представляют собой синтез логических и контекстуально-коммуникативных средств анализа языка, процессов понимания и интерпретации, форм межличностного общения, невербальных компонентов речи.

Таким образом, образование абстракций в конкретно-научном познании возможно не только формально-логическим способом, но и с помощью метаязыка, который позволяет выявлять и учитывать лингвистические и внелингвистические факторы. Такой неклассический подход к пониманию метаязыка как специфического способа образования понятий дает основания применять его для исследования и описания языков когнитивных, гуманитарных наук, построения моделей в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 102–150.

2. *Аристотель.* Категории // Антология мировой философии. – М.: Минс, 2001. – С. 405–416.

3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

4. *Гусев С.С.* Ситуативность коммуникативных действий // Вопросы философии. – 2008. – №7. – С. 51–60.

5. *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. – Т. 1.– М.: Мысль, 1989. – 654 с.

6. *Лейбниц Г.В.* Сочинения: В 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.

7. *Микешина Л.А.* Категоризация и особенности создания абстракций в гуманитарных науках // Философия науки. Методология и история конкретных наук. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 257–284.

8. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Изд-во «Водолей», 1999. – 192 с.

9. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. – М.: Гардарики, 1999. – 400 с.

УДК 316.472 (470+571)

Карпова Татьяна Вячеславовна

Волжский государственный инженерно-педагогический университет (г. Нижний Новгород)

Tatkar25@mail.ru

РУССКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ КОРНИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье анализируются основные подходы русской философии к исследованию государственно-конфессиональных отношений в России.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, социальные отношения, негативная диалектика, евразийство.*

Государственно-конфессиональные отношения в России всегда являлись той областью общественных отношений, в которой со всей отчетливостью проявлялись все ведущие тенденции, характерные для страны в целом, как экономические, политические, так и социальные. Специфика ситуации конца XX – начала XXI века состоит в том, что материальные условия, оставаясь базовыми для жизни каждого человека, оказываются во все возрастающей зависимости от идеальных, включая идеологию и религиозность населения страны и мира. Именно поэтому государственно-конфессиональные отношения, относящиеся к духовной сфере общества, вновь выходят на «передовую» общественных отношений.

Н.А. Бердяев писал, что «экономика есть необходимое условие жизни, без экономического базиса невозможна умственная и духовная жизнь человека, невозможна никакая идеология. Но цель и смысл человеческой жизни лежит совсем не в этом необходимом базисе жизни» [3, с. 148]. Экономические условия оказываются преходящими в постиндустриальном обществе. Материальные условия никуда не исчезли и не ослабили своего влияния на человеческую жизнь, как и ду-

© Карпова Т.В., 2011

ховная составляющая в практической деятельности.

Таким образом, социальная деятельность людей (народов, элит, партий, классов и т.д.) – субъективный фактор стал преобладающим в жизни всего мирового сообщества. Как отмечают исследователи, XX век характеризовался возрастанием сознательности, проективных побуждений правящих элит. В России этот фактор имеет существенную специфику: он имеет преимущественно государственно-бюрократический характер при достаточно низкой активности гражданского общества.

Нынешний исторический процесс уместно назвать словами А.А. Зиновьева – «управляемой историей». Следуя его теории, основу человеческой жизни образуют не экономика, не власть и не идеология, но комплекс параметров. В этот комплекс входят и экономика, и система власти, и идеология, и правовая система, и тип культуры, тип образования, многие другие факторы или параметры [4]. При этом новое социальное устройство России создавалось искусственно и сочетает в себе признаки как старой, разрушенной ныне советской системы в виде стремящегося к всевластию госаппарата, так и западной системы в виде демократии, выборов и пр. Но при всем этом следует учитывать, что «когда разрушается по тем или иным причинам жизнеспособная социальная система, – могли быть природные катастрофы, нападения врагов, – то новая система опускается с необходимостью не просто на уровень, скажем, социальной системы захватчика, то есть для нас – на западный уровень, но на уровень ниже» [4]. В нашей стране реанимируются элементы социальной организации дореволюционной России, например, государственно-церковные отношения, «православная» идеология вместо светской гражданской и прочее.

Как пишет М.М. Прохоров, нынешнее состояние общества в России и мире характеризуется нисходящей ветвью общественного развития, внутренним детерминантом которой является симуляция, в отличие от подлинного творчества и мышления, являющихся детерминантами процессов восходящей ветви развития [7, с. 89]. В контексте этой реальности приходится рассматривать все общественные явления, в том числе и государственно-конфессиональные отношения.

М.М. Прохоров утверждает, что «разрастание религии в постсоветской России – свидетель и показатель ее неблагополучия, которое религия сглаживает, гармонизируя в какой-то мере взаимоотношения между людьми. И в этом состоит ее относительно позитивное значение в негативной диалектике общества, где она призывает богатых, например, оказывать благотворительную помощь бедным, а бедных – к терпению, обещая за это рай “на том свете”» [7, с. 97]. Но именно сглаживание (при сохранении основы) не позволяет однозначно положительно или отрицательно оценивать религию.

При этом социальная несправедливость возводится в ранг неуничтожимых факторов, которые можно констатировать, но не преодолеть. Неприкосновенность социальной несправедливости канонизирует господство политических элит над народными массами, воспринимаемое как естественное противопоставление подчиняющего и подчиняемого, что приводит, по логике негативной диалектики, к отчуждению «господина» от того, на что распространяется его власть, и сохранению антагонистичности мировоззрения российского общества, когда каждый причисляет себя либо к «властвующим», либо к «подвластным».

Еще Н.А. Бердяев в «Русской идее» характеризовал русский народ как «в высшей степени поляризованный народ», совмещение противоположностей государственничества и анархии, деспотизма и вольности, жестокости и доброты, искания Бога и воинствующего безбожия. В свое время противоречивость и сложность «русской души» (и вырастающей из этого русской культуры) Бердяев объясняет тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад.

Сегодня становится очевидно, что дело не только в этом. Приходится говорить еще о негативной диалектике общественного развития, усиливающей известную «борьбу противоположностей». Вследствие действия негативной диалектики общественного развития, общество лишается своего подлинного многообразия, становясь лишь единой совокупностью лишенных качества явлений, материалом для классификации и придания необходимых форм. Всё и все взаимозаменяемы, «самые разнообразные сходства между сущим вытесняются одним единственным отношением между задающим смысл субъектом и смысла не имеющим предметом, между рациональным значением и случайным носителем значения» [1, с. 25]. Объект нивелируется, превращается в аб-

стракцию, и таким образом утверждается всеобщая повторяемость в природе и обществе. Для РПЦ народ нивелируется, превращается в абстракцию, и на основе этого становится возможным утверждение повторяемости событий и закономерностей общественной жизни, например, восстановление РПЦ в качестве культурной основы нации и государственной церкви, а также восстановление «симфонии» государства и церкви. Таким образом «симфония», являясь мифологемой, выступает в качестве «рока» для российского общества.

Однако, исследуя государственно-конфессиональные отношения, нельзя забывать и о положительной стороне, выраженной богатой отечественной философской традицией. В данном случае речь идет о поиске гармонии в обществе, в том числе и в государственно-конфессиональных отношениях, выраженном в идее соборности, тесно связанном с поиском национальной идеи и перекликающимся с концепцией «православного царства», представлением о единстве государства и православной церкви, «цивилизационной» риторикой государственных деятелей и пр.

Согласно русским религиозным философам, например, Н.О. Лосскому, понятие соборности «означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Эта идея может быть использована для разрешения многих трудных проблем социальной жизни» [6, с. 42]. Она «являет собой высший тип отношений между людьми, проникнутыми сознанием своей глубокой духовной общности» [5, с. 236]. Именно такой общности и не хватает в российском обществе. Многие исследователи отмечают, что идеи, высказанные русской религиозной философией и евразийством конца XIX – начала XX вв., серьезно повлияли на воззрения нынешних представителей РПЦ МП. И если в начале XX века русские религиозные философы воспринимались РПЦ чуть ли не как еретики, то теперь – как общепризнанные авторитеты.

Н.А. Бердяев был убежден, что «дух соборности присущ православию и идея соборности, духовной коммюнотарности, есть русская идея» [2, с. 156]. А философы-евразийцы, разрабатывая идеи об уникальности русской культуры и государственности, считали их основой православия, понимаемого не только как религиозная система, но цельная система конкретной жизни. У евразийцев не было общего представления о конкретных методах взаимодействия с другими религиями. Все прочие религиозно-бытовые уклады, существовавшие на территории Российской империи, воспринимались ими как «потенциальное православие». То есть православие являлось тем единственно достойным идеалом единения людей между собой, государства и общества, церкви и общества, к которому так или иначе должны быть приведены или прийти все прочие.

Сходные идеи прослеживаются и в речах представителей высшей иерархии РПЦ МП: православие представляет собой основу национальной культуры, национальной идентичности, поэтому и иностранец, и коренной представитель иной религии должны понимать, что живут именно в православном государстве. Именно с РПЦ у государства могут быть «симфонические» отношения. К этому же мнению склоняется все большее число государственных чиновников, что свидетельствует о «консенсусе» между церковью и государством (консенсус, как известно, неотъемлемая часть понятия соборности). Кроме того, православие создает относительный консенсус и между народом и государством.

Консенсус достигается и с представителями иных «традиционных» конфессий. И государство, и РПЦ МП ведут довольно эффективный диалог с мусульманами, буддистами и иудаистами, а кроме того, еще с рядом влиятельных так называемых «нетрадиционных» религиозных объединений. Заявления о перспективе, например, мусульман стать православными звучали бы ныне крайне вызывающе, но сам факт поиска точек соприкосновения хорошо согласуется с представлениями Н.С. Трубецкого о том, что православие должно стать терпимее, исправить созданное Петром I «искажение» и вновь вернуть себе роль духовно-идеологического стержня Евразии-России. РПЦ МП демонстрирует терпимость по отношению к инаковерящим, она уже практически исправила «искажение» Петра I, заключавшееся в полном главенстве государства над церковью, превратив его в паритет и сотрудничество. Церковь и православие действительно стали культурным символом России. При этом РПЦ МП близко подошла к реализации своих надежд на создание «православного царства» и становление себя в качестве духовно-идеологического стержня новой России.

Однако о гармоничности этого общественного устройства пока говорить рано, так как прак-

тическая реализация принципа соборности встречает на своем пути значительные трудности. С.Н. Кочеров [5, с. 239–240] отмечает противоречивый характер самого понятия «соборность» и целый ряд проблем ее земного воплощения. Например, наличие высоких требований к соборной личности, обязательное наличие общих ценностей, проблемы реализации человеческой свободы, необходимость братской любви (возможной только в границах малой группы) и «идеальной» церкви – чего нет, не было и пока не предвидится. Работы П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтера, Б.А. Кистяковского и Г.П. Федотова доказывают историческую сомнительность ключевых построений различных «православных» авторов, начиная со славянофилов и заканчивая «евразийцами» – Н.С. Трубецким, Л.П. Карсавиным, Н.Н. Алексеевым и др.

Многие исследователи указывают на то, что ни одна из религий на сегодняшний момент не может обеспечить преобладания в массовом сознании и поведении мотивов, выходящих за пределы, заданные наличным бытием, то есть социально-экономическими условиями. А главенствующее влияние на наличное бытие оказывают формы отношений распределения и обмена, возникающие в соответствии со сложившейся системой общественного разделения труда и нисходящий вектор общественного развития.

Однако и в настоящее время вопросы, поднятые евразийством и русской религиозной философией, например проблема многонационального государства, обоснование развития национальных основ российского общества и другие, не потеряли своей актуальности. Они развиваются уже в русле неоевразийской философии, где сохраняются различные трактовки государственно-конфессиональных отношений и как стремление к единству и согласию народов в рамках страны.

Библиографический список

1. *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М.; СПб., 1997.

2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Харьков; М., 1999.

3. *Бердяев Н.А.* Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – №2.

4. *Зиновьев А.А.* Постсоветизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.polit.ru/lectures/2005/09/21/prizm.html.

5. *Кочеров С.Н.* Соборность как православный и социальный идеал русской религиозной философии // Приволжский научный журнал. – 2010. – №2.

6. *Лосский Н.О.* История русской философии: пер. с англ.– М., 1991.

7. *Прохоров М.М.* Природа философии и религии в истории мировоззрения: Монография. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010.

УДК 165

Кошлаков Дмитрий Михайлович
Брянский государственный технический университет
dmkosh@rambler.ru

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ НАУКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

С современных философских позиций проводится анализ цепи «наука – техника и технология – экология», характеризующей взаимосвязь различных уровней бытия науки. Указывается, что подобный анализ должен способствовать повышению связности различных подходов философии техносферы, развитию методологии управления техносферой и решению ряда проблем, касающихся исследования рациональности.

Ключевые слова: *бытие науки, наука, рациональность, техника и технология, техносфера, экология.*

Задавшись вопросом об отражении феномена рациональности в науке и философии, можно обнаружить множество всевозможных подходов, которым может быть дана самая разнообразная классификация. Как показывает анализ, у основной массы этих подходов часто по-разному расставлены исследовательские и методологические акценты. Так, в исследованиях феномена рациональности можно выявить подходы, акцентирующие внимание на науке, технике и последствиях их бурного развития для окружающей среды [2; 4–10], причем не только социально-биосферной (т.е. экологической в узком смысле слова), но и социально-культурной. В случае с акцентированием внимания на экологии в ряде исследований признается, что

 © Кошлаков Д.М., 2011

она сегодня не сводится к «биосферно-техносферному» ракурсу рассмотрения, а имеет специфический социально-гуманитарный пласт [1–3; 6], включающий в себя такие существенные элементы, как экология социоинформационной среды, экология человеческой души и т.п.

Если рассматривать научную и технико-технологическую рациональность, а также рациональность экологическую, то можно зафиксировать, что указанные типы рациональности акцентируют свое внимание на науке, технике и технологии, проблемах экологии соответственно. При этом очевидно, что все три указанных нами возможных объекта акцентирования внимания (наука, техника и технология, экология) при исследовании рациональности не являются автономными, а находятся в системном взаимодействии: при достаточно высоком уровне рациональности развитие науки порождает развитие техники и технологии, которые в свою очередь порождают проблемы экологии в самом широком их понимании.

Рассмотрение цепи «наука – техника и технология – экология» в ее единстве и системной взаимосвязи должно способствовать повышению связности исследований рациональности и решению проблем экологии. При этом на современном этапе развития рациональности для адекватного ее анализа особо важно подчеркнуть два следующих момента.

Во-первых, сегодня уже невозможно рассматривать технику и технологию исключительно в аспекте материально-производственной сферы, на что справедливо указал в своем варианте философии техники Марио Бунге. Связано это с тем, что наука не сводится к естествознанию и такой ее важный сегмент как социально-гуманитарное знание порождает самые разнообразные социально-гуманитарные технологии, которые становятся феноменом техники и технологии в широком его истолковании [2]. Развитие социально-гуманитарных технологий (политтехнологий, психотехник, социальных и педагогических технологий и т.п.) сегодня является важным фактором управления процессами, протекающими в многомерной социально-гуманитарной реальности [1–3]. В этой связи оказывается возможным говорить даже о формировании технологического кластера социально-гуманитарных дисциплин, что в гносеологическом и эпистемологическом смыслах может рассматриваться как важная особенность современного, постнеклассического знания, как известно, обнаруживающего интенции к интеграции различных дискурсов, подходов, стратегий исследования, пластов рациональности и т.п. [3; 9–10].

Во-вторых, в случае расширения смысла понятия «техника и технология» невозможно и экологию не рассматривать расширительным образом, т.е. без редукции ее к взаимодействию биосферы, техносферы, а также биологических аспектов общественного бытия. Рассматривать экологию приходится не исключительно в естественнонаучном аспекте, а в аспекте системном вообще и социально-гуманитарном в частности. Во многом это продиктовано тем, что техника и технология (как материально-производственной сферы, так и сферы социально-гуманитарной) оказывают многомерное влияние на индивидуальное и общественное бытие и сознание, причем это влияние носит сложный характер и, как уже отмечено, не сводится к биосферным и техносферным изменениям.

В современном мире актуальность вопроса о неблагополучности не только биосферы (в связи с влиянием на нее техносферы, усложнением экологической обстановки), но и социально-культурной сферы бытия постоянно повышается («общество риска»). При этом, вводя в экологическое рассмотрение помимо биосферно-техносферного пласта развитый социально-гуманитарный аспект, мы выходим на вопрос о человеческом капитале, психологическом здоровье нации, морально-нравственном климате в обществе, которые в современном мире являются важнейшими потенциалами, определяющими национальную безопасность, качество жизни, общественное благополучие и прочие аспекты бытия.

Разные подходы к пониманию рациональности порождают разные варианты рассмотрения науки и техники, различные стратегии управления техносферой, а также разнообразные «матрицы прочтения» экологических проблем современности, да и связи между элементами цепи «наука – техника и технология – экология». В свою очередь все это способствует множественности и разобщенности рекомендаций, которые дают наука и философия по поводу управления техносферой (в широком смысле слова). Именно по этой причине с целью повышения связности в исследованиях научной, технико-технологической, экологической и экономической рациональности необходимо в том или ином виде учитывать

указанную выше трехзвенную цепь («наука – техника и технология – экология») как отражающую некую единую систему.

Одним из достоинств той философской картины, на которую намекает указанная цепь, является проблематизация рациональности в контексте связи бытия и инобытия науки (или различных уровней бытия науки). В данном случае важными моментами являются следующие позиции. Во-первых, наука обладает собственным бытием (бытие науки), на котором акцентирует внимание целый ряд подходов к исследованию рациональности (включая очень распространенную точку зрения, согласно которой рациональность тождественна научной рациональности). Однако при этом наука не сводится к своему бытию – она обладает еще и инобытием. Инобытие научных теорий и идей представлено технологией (в т.ч. и социально-гуманитарной), большей частью техники (в зависимости от того, что понимать под наукой, временем ее зарождения и соотношением науки и техники) и сопряжено с влиянием науки и техники на среду обитания человека и общества. По сути, бытие и инобытие науки – два взаимосвязанных, но не идентичных ее облика.

Можно говорить, что наука имеет два уровня инобытия: во-первых, связанный с техникой и технологией и, во-вторых, связанный с многомерным влиянием науки на окружающую среду. Особая ценность рассмотрения не только бытия, но и инобытия науки состоит в возможности разработки методологии преодоления ряда разрывов в рациональности и ее исследовании. Так, к примеру, остро стоит проблема несводимости различных подходов в философии техносферы (элементного, техноцентрического, экоцентрического, социоцентрического, синергетического и антропоцентрического) [5, с. 63–64, 339]. Скажем, с точки зрения такой широко известной модификации экоцентрического подхода как концепция устойчивого развития, кризис (экологический, экономический, социальный и т.п.) рассматривается как нечто негативное, в то время как с позиций синергетического подхода кризис может быть истолкован позитивно, к примеру, как акт развития, усложнения форм. Подобные противоречия заставляют исследователей обращаться к выстраиванию и развитию постнеклассического облика экологии (к примеру, социальной, социально-гуманитарной и философской экологии), адекватно учитывающего сложные нелинейные связи между различными уровнями бытия [6]. Целью при этом является выработка целостной методологии управления техносферой (в широком смысле слова), что, судя по всему, предполагает гармонизацию систем различного толка и уровня (технических, социальных, гуманитарных, экологических, экономических и т.д.). Отметим, что это невозможно без системного рассмотрения (явного или неявного) цепочки «наука – техника и технология – экология». На языке философских абстракций более высокого порядка это требование может быть представлено как необходимость рассмотрения бытия и инобытия науки в их единстве.

Проблема соотношения бытия и инобытия науки адресует к философии Г.Гегеля, одной из важнейших черт которой является тот факт, что Г. Гегелю удалось в русле классического способа философствования осуществить «эквивокацию», т.е. преодолеть двойственность между событийным и процессуальным видением мира [9, с. 5, 16]. Последнее, судя по всему, в философии Г. Гегеля достаточно плотно связано с утверждением единства бытия и инобытия Абсолютного духа, или, говоря иначе, духа и материи.

В таком случае мы вступаем на тематическое пространство другой, не менее важной для понимания природы рациональности проблемы – проблемы двойственности, которая преследует философию с самого ее зарождения. Одним из вариантов проявления данной проблемы в истории философской мысли является противоречие между идеализмом и материализмом. При этом подчеркнем, что проблема двойственности имеет множество других вариантов, обликов, проявлений. Противоречия между трансцендентным и имманентным, абсолютным и относительным, высшим и низшим, горним и дольним, реальным и номинальным, рациональным и эмпирическим, номотетическим и идиографическим, ноуменальным и феноменальным – только некоторые и наиболее общие из этих проявлений, по разному актуальных в разные исторические эпохи развития человеческого интеллекта и в разных философских школах [10].

Охарактеризовав данный методологический контекст, отметим, что вопрос о единстве бытия и инобытия науки актуален не просто в свете необходимости развития философской экологии, а в связи с использованием тех нетривиальных возможностей, которые предполагает постнеклас-

сическая наука и постнеклассическая рациональность. Достаточно содержательный анализ соответствующих интенций и возможностей проведен в целом ряде работ А.Ф. Степанищева, В.С. Степина и др. Различные аспекты постнеклассического знания хорошо просматриваются в работах и концепциях таких философов и ученых, как В.И. Аршинов, Д. Бом, М. Бунге, Ф. Варелла, Ф. Гватарри, Ж. Делез, У. Матурана, К. Прибрам, И.Р. Пригожин, Ю. Хабермас и др. Исторически значимыми в данном направлении философствования являются работы П. Абеляра, Аристотеля, Ф. Бэкона, М. Вебера, Г. Гегеля, Платона, А.Н. Уайтхеда, М. Хайдеггера и многих других [2; 9–10]. Так, к примеру, М. Вебер в русле неклассического способа философствования смог преодолеть свойственный неокантианцам дуализм номотетизма и идиографизма. Продуктом и средством решения данной задачи стала веберовская концепция идеальных типов, т.к. идеальный тип синтезировал в себе операцию идеализации и типизации, т.е. идиографический и номотетический методы анализа. По сути, в социологических и социально-философских исследованиях М. Вебера мы сталкиваемся со своего рода трансдисциплинарным (сплав истории и социологии) и транспарадигмальным (сплав методологических установок идиографизма и номотетизма) синтезами, ценность и актуальность которых состоит в повышении связности научного знания [10, с. 11].

Итак, проблема бытия науки, взаимосвязанное рассмотрение бытия и инобытия науки имеют высокое значение в исследованиях рациональности, находятся в контексте актуальных задач по преодолению внутренних разрывов в сфере научной рациональности, позволяют по-новому вскрыть ряд методологических проблем и сделать некоторый шаг в направлении их дальнейшего разрешения.

Библиографический список

1. *Кошлаков Д.М.* Направления философского осмысления феномена социально-гуманитарных технологий // Материалы Региональной научн. конф. студ. и аспирантов «Достижения молодых ученых Брянской области», посвящ. 80-летию Брянского гос. техн. университета. – Брянск: БГТУ, 2010. – 301 с. – С. 282–284.

2. *Кошлаков Д.М.* Техника и технология социально-гуманитарной жизни // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2009. – Вып. 7. – С. 142–150.

3. *Кошлаков Д.М.* Факторы глобального влияния США: социокультурный и политологический анализ // Социально-гуманитарные исследования в БГТУ. – Брянск, 2009. – С. 189–202.

4. *Попкова Н.В.* Антропология техники: становление. – М.: Либроком, 2009.

5. *Попкова Н.В.* Философия техносферы. – М.: Либроком, 2008.

6. *Попкова Н.В.* Философская экология. – М.: Либроком, 2010.

7. Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – 244 с.

8. Рациональность на перепутье: В 2-х кн. – М.: РОССПЭН, 1999.

9. *Степанищев А.Ф.* Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике. – Брянск: БГТУ, 2006. – 239 с.

10. *Степанищев А.Ф., Кошлаков Д.М.* Двойственность видения мира как проблема рациональности // Социально-гуманитарные исследования в БГТУ. – 2011. – Вып. 2. – С. 5–17.

УДК 13

Лаврикова Ирина Николаевна
кандидат философских наук
Тверской филиал Московского университета МВД России
ilavrikova@rambler.ru

ПРИРОДА ПРАЗДНИКА: ПОИСК ИСТИНЫ

Праздник есть мерило человечности и один из источников упорядоченного бытия. Переживая упадок в отдельные периоды истории, этот элемент культуры не исчезает совсем; он считается наиболее древним из постоянно воспроизводимых. Всякий раз, сталкиваясь с проблемой досуга в обществе, власть использует проверенные веками праздничные стандарты: важное средство формирования общественной цельности.

Ключевые слова: *методология праздника, свободное время, досуг, элемент культуры, власть, воспитание личности, теория смеха.*

Свободному и счастливому народу больше нужны празднества, чем театр; и самым прекрасным зрелищем для народа всегда будет сам народ… [8, с. 253]

Определение праздника имеется почти во всех толковых словарях: в русском энциклопедическом словаре библиографического общества «Гранат» [11, с. 300–302] было дано определение праздника, связанное с религиозными мотивами; Ф.А. Брокгауз, А.И. Ефрон уже различали религиозные и светские праздники [2, с. 940].

В.И. Даль [4, с. 380] вывел понятие «праздник» из понятия «праздность», «праздный», значит «порожний, свободный». Так полагал и М. Фасмер [10, с. 353]: понятие «праздный» заимствовано из исконно русского понятия «порожний»; существует мнение, что понятие «праздник» в русском языке произошло от древнеславянского «праздь», означающего безделье, отдых [13, с. 388].

Одним из традиционных в русской науке является толкование праздника, предложенное И. Снегиревым: *праздник как антитеза трудовых будней и проявление свободной жизни*. «Самое слово *праздник,* – писал он [9, с. 5], – выражает *упразднение,* свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом».

Ключевое значение слова «праздник» – определенный период времени (час, день или дни), заполненный бездельем; характеристика свободного времени, когда отмечают что-то выдающееся-выделяющееся из потока других событий. Последнее оформляется соответствующими символами – обрядами или ритуалами, т.е. художественно-выразительно обставлено, к тому же это время всегда необычайно радостно или торжественно.

Сверхзадача праздника – осуществить в структуре сознания некие превращения, невозможные в обыденные, занятые трудом дни, поэтому праздник нуждается в особой душевной или психологической настроенности, он же ее и усиливает.

С давних пор и до нашего времени праздник связан не только со свободным от работы временем, это не просто отдых, а свободное время, созидающее общечеловеческие ценности. Ими являются: положительная оценка свободы, праздничности, веселья и т.п., которые предстают благодаря празднику не как исключительные состояния, а как часть жизни – равноправная и существенно необходимая.

Праздник – это вид свободной деятельности людей, собравшихся добровольно. Как правило, эта деятельность располагается вне сферы материальной пользы, соотносясь не столько с миром средств, сколько с миром идеалов. Праздник позволяет общаться свободно, создает условия для коллективных переживаний и идеальных устремлений, которые на время как бы стали реальностью. Именно праздник дает ощущение полноты жизни (индивидуальной и коллективной), позволяет пережить гармонию с собой и со всем окружающим. Праздник дает людям удовлетворение избыточно, что в будничных условиях подавляется или игнорируется. Праздничные отношения становятся своеобразной «разрядкой напряженности», которая накапливается обыденно, и вместе с тем они позволяют прикоснуться к счастливой жизни.

 © Лаврикова И.Н., 2011

Типы праздников разнообразны, но все они содержат общее, в разной степени проявленное: *добровольное согласие принимать и выполнять правила праздника и не искать в нем материальной выгоды*. Это не значит, что праздники лишены практического смысла и целесообразности. Наоборот, в их основе самая целесообразная человеческая деятельность – моделирование способов истинно человеческого общения в сфере свободного времени. Такой взгляд на праздник позволяет создать его краткую формулу: «*праздник есть территория свободы*».

Данная теоретическая абстракция является сущностным определением, наряду с другими, она отражает один из самых существенных моментов содержания праздника: *соединение людей узами общности, порождение чувства свободы и коллективности.* Только праздник позволяет конкретно, чувственно ощутить единство и общность, открыто демонстрировать себя и в таком же качестве видеть других. Именно поэтому праздник является личным опытом почти всех, ведь нет таких людей, кто не пережил хотя бы один раз в жизни состояние праздничности, а пережив, не связывал бы с ним представления о свободной и по-своему счастливой жизни. Общение с другими в празднике позволяет прикоснуться к идеальному в жизни, физически и душевно гармонировать. Именно это время сопровождается особым настроением: провозглашая радостное «да» определенному событию, мы утверждаем *целостность жизни*. Праздник, как попытка избавить человека «от узко утилитарного или односторонне будничного отношения к жизни» [6, с. 12], позволяет задержать мгновенное состояние праздничности, зафиксировать его не завтра и не там где-то, а именно «здесь и теперь». Традиционно праздник остается тем типом деятельности, который имеет прямое отношение *к свободе, изобилию, радости и смеху, к периодическому обновлению всей жизни*.

В современном языке смысловое значение понятия «праздник» отделилось от понятия «праздный», которое многие авторы толкуют как бесцельный, бессодержательный. Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, авторы словаря современного русского языка, гораздо шире понимают функционирование праздников, связывая их проведение с определенными событиями в природе и обществе, но не углубляются в его социально-политическое значение. М.М. Бахтин, Д.М. Генкин, Н.М. Закович, Д.С. Лаптева, А.И. Мазаев и др. внесли ценный вклад в определение праздников, но до сих пор в философско-социологической литературе практически нет комплексного подхода к изучению функций праздников и их сущности.

Попытка изучения *функций праздника* предпринималась различными авторами. К. Кереньи видит в праздниках реализацию в основном *социально-психологических* функций, О. Больнов к социально-психологическим функциям прибавляет *материальные* и *художественные*. Х. Кокс [12] большое место уделяет рассмотрению *психофизиологических* функций праздников, обращает внимание на *игровую* и *творческую* функции, В. Эберхард рассматривает *идеологическую* функцию праздника, его политический характер, Л.С. Лаптева [5] – *социально-эстетическую*.

Естественно, что праздник, его функции основаны на определенных потребностях, которые успешно реализуются в этом виде общения. Если совокупные потребности общества условно разбить на группы, то в одну из них войдут *потребности в праздничном отдыхе* [1, с. 26]: потребности психофизиологические, в коллективной добыче и приготовлении пищи, в коллективном застолье, разрядке, рекреации, регенерации и многие другие естественно-физиологические, материальные и духовные потребности.

Разумеется, не все потребности из этого далеко не полного списка переходили из одного типа общественно-экономических отношений в другой. Так, некоторые *естественно-физиологические потребности* в коллективных половых актах были санкционированы обществом лишь в некоторые периоды его становления.

Игровые потребности занимают исключительное место в иерархии *естественно-физиологических потребностей*. Они включают в себя потребности участия в праздничных состязаниях, турнирах, игрищах, переплетаются со многими другими потребностями, их в чистом виде выделить довольно трудно. К указанной группе можно отнести и различные *эмоционально-психологические потребности*: в радости, горе, печали и т.п. Развитие и изменение их связано с различными факторами, эти потребности наблюдаются на протяжении всей общественной истории.

Очень важную группу составляют *идеологические потребности*. Они возникли с появлением общества, функционируют в государстве и отмирают при исчезновении вызвавших их причин.

Различают *потребности политические* – применительно к социально значимым современным и историческим событиям, *идейно-патриотические* – по отношению к делам общества, государства, классов, партий и т.п. Важную роль играют в обществе и *правовые потребности* – в демократии, равенстве, правосознании, свободе слова и демонстраций, отдыхе, свободном участии в праздниках.

Большое значение в обществе имеют *мировоззренческие потребности*, которые удовлетворяются праздниками. Появившись в доклассовом обществе, они способствовали формированию принципов, взглядов и убеждений людей. В классовом обществе мировоззренческая потребность выступает как составная часть идеологических потребностей, она носит классовый характер. Праздники удовлетворяют потребности в религиозном или атеистическом мировоззрении.

Художественно-эстетические и *нравственные потребности* возникли еще в первобытном обществе, в классовом обществе они также стали частью идеологических потребностей. К ним можно отнести потребности в наслаждении прекрасным, художественном творчестве, общении с искусством, потребности в художественной самодеятельности, самовыражении, в нравственной ориентации, нормах, нравственных традициях, добре, долге, чести, совести, справедливости, уважении и самоуважении, а также многие другие.

Очень важную группу составляют коммуникативные потребности – *познавательные* (в передаче социального и трудового опыта в обмене информацией, познании нового и закреплении старого). Кроме того, праздники удовлетворяют одну из главных и древнейших человеческих потребностей *в общении*, которая взаимосвязана с другими потребностями в празднике. Праздники удовлетворяют целый круг коммуникативных потребностей – в массовом, межличностном и групповом общении, а также в коллективном переживании. Б.Д. Парыгин считает, что участники праздников ощущают себя органической частью данной общности и почти синхронно реагируют на происходящее действие и предлагаемую информацию. Общность предполагает единство общечеловеческих признаков и охватывает любую совокупность индивидов, способных к общению друг с другом [7, с. 246].

Важными для общества являются потребности, которые можно объединить в одну группу – *организационные*. Удовлетворяя их в условиях любого общества, праздники выступают как средство социализации людей, сплочения и объединения их в единый коллектив, что формирует у личности чувство принадлежности к обществу, готовность к участию в общественных делах.

Отдельную группу составляют *воспитательные потребности,* которые всегда актуальны. Удовлетворяя общественные потребности в воспитании людей, особенно молодежи, праздники выступают как воспитательная, педагогическая система. Потребности в воспитании, в структуре потребностей в празднике тесно переплетены с другими.

Особую роль в иерархии потребностей в празднике играют *творческие потребности,* которые могут в нем значительно реализоваться. На праздниках удовлетворяются потребности в самых широких формах социального, духовного творчества, в самодеятельности, самовыражении, что характерно для любого общества.

Таким образом, участие в праздниках дает возможность удовлетворять различные общественные и личные материальные и духовные потребности. Конечно, выделение тех или иных потребностей в чистом виде довольно условно, кроме того, удовлетворение одной потребности сопряжено с необходимостью удовлетворения ряда других. Можно говорить лишь о неравнозначности тех или иных общественных потребностей в условиях различных общественно-экономических отношений (и даже внутри каждой из них), в целом влияющих на характер и содержание комплексной потребности в празднике.

Необходимость удовлетворения потребности в празднике побуждает к деятельности, направленной на ее удовлетворение, – праздничной деятельности, обусловленной конкретно-историческим характером развития общества.

Известно, что деятельность, формирующая потребности, может быть в значительной мере шире той, которая связана с их удовлетворением, так как потребности формируются в связи со всей социальной деятельностью личности, а удовлетворение может ограничиться лишь отдельными видами деятельности. Д.М. Генкин [3] полагает, что праздничная деятельность очень близка к игре, обеспечивающей многогранность общения. Действительно, игровая деятельность на праздниках, как и коммуникативная, присутствует практически во всех видах деятельности. Но посколь-

ку праздники удовлетворяют комплекс различных потребностей, рамки праздничной деятельности могут быть значительно раздвинуты.

Итак, празднику, как, впрочем, каждому социальному явлению, свойственна система социальных функций, которая характеризует воздействие данного явления на общество и на общественную жизнь; именно функции праздника помогают определить его социальную роль в обществе.

Несомненно, *праздник есть мерило человечности* и один из источников упорядоченного бытия. Именно поэтому, переживая упадок в отдельные периоды истории, этот элемент культуры не исчезает совсем; он считается наиболее древним из постоянно воспроизводимых.

Основное призвание праздника – организовывать и эстетически оформлять свободное время. Именно поэтому, всякий раз сталкиваясь с проблемой досуга в обществе (классе или сословии), власть использовала успешно проверенные веками праздничные стандарты, которые до сих пор являются важным средством формирования и утверждения общественной цельности, одним из действенных средств воспитания личности.

Существует мнение, что до сих пор не создана «сколько-нибудь обоснованная методология научного изучения праздника» [6, с. 4] и необходимо синтезировать то, что накоплено по разным отраслям знания.

Возникает вопрос: возможно ли создать единую систему праздника? Считаю, что основания для сомнения имеются: всякий праздник, по сути, есть «территория свободы» или феномен со столькими степенями свободы, что описать его избыточным количеством переменных не представляется возможным, а это есть одно из условий для истинной систематизации.

Полагаю, что обобщения достижимы в социально-политическом аспекте исследования: моделирование контроля за праздником со стороны органов власти, определение его эффективности в иерархии способов управления обществом и др. Проблема актуальна и интерес к ней вполне обоснован.

Библиографический список

1. *Бенифанд А.В.* Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.

2. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. – СПб., 1898. – Т. XXIV.

3. *Генкин Д.М.* Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. III.

5. *Лаптева Л.С.* Социально-эстетическая природа и функции массового праздника: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1975.

6. *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978.

7. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971.

8. *Роллан Ромен.* Собр. соч.: В 14-ти т. – Т. 14. – М., 1958.

9. *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. – М., 1837.

10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964.

11. Энциклопедический словарь русского библиографического общества «Гранат». – М., 1897, т. 33.

12. *Bollnow O.F.* Neus Geborgenheit. Das Problem einer Uberwindung des Existentislimus. – Stuttgard, 1955; *Cox H.I.* Feast of Fools. A theological essay on festivity and fantasy. – Cambridge (Mass). Harvard univ. press, 1969; Kerenyi La Religion autique. Sess Lignes fondamentales. – Geneva, 1957.

13. *Zygulski K.* Swieto i Kultura (Swieta dawne i nowe Rozwazania socjologa). – Warszawa, 1981.

УДК 1

Малахова Наталия Владимировна
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
nvmalahova@mail.ru

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДИСКУРСА ТЕЛЕСНОСТИ

В данной статье рассматриваются основания дискурса телесности, представляющие собой совокупность условий, при которых человек обнаруживает свои единство и целостность. Телесность несет в себе ресурс гармонизации отношений человека с миром, если человек осознанно конструирует феноменологическую установку, где речевые практики, жестовость, интерактивное взаимопонимание составляют неограниченный объем самоорганизации и воздействия человека на окружающих.

Ключевые слова: *телесность, субъективность, дискурс, тело языка, язык тела, феноменологическая установка.*

Среди многообразия явлений, которые относятся к бытию человека, выделяется «тело языка» как возможность человека продлевать свое существование в речи и знаково-символической реальности и в этом находить основы для структурирования «языка тела», воплощать его, делать зримым и способным к актуализации в качестве целостного феномена субъективной реальности. Концепция «тела языка» выстраивается на основе гуманитарной праксиологии Т. Котарбиньского [5]. Среди субъективных предпосылок телесной выраженности человека им отмечаются способности последнего к улавливанию, фокусировке и воздействующему содержательному наполнению интерактивных актов.

Обратимся к характеристике понятия «дискурс». Дискурс (discursus: от лат. discere – блуждать) как понятие употребляется тогда, когда следует продемонстрировать скрытые возможности речи в объективации содержания. Его смысл обусловлен существующей социокультурной ситуацией, которая современными исследователями определяется в осмыслении последствий постмодернизма.

Постмодернизм оказал специфическое воздействие на современную философию. Тип рациональности, на языке которого осуществляется дискурс субъективности, безусловно, включает состояние постмодернистского сознания, и на этой основе в современных исследованиях актуализируется интерес к телесности. Этот интерес направлен не столько на «тело», что отличает средневековую философию (греховное тело – плоть) или философию Возрождения (тело человека – отражение его внутреннего совершенства), сколько на «телесность» как своеобразный феномен философии языка современности.

Субъективность невозможно исчерпать ни в одном типе рациональности, поэтому дискурс в контексте постмодернизма открывает возможность исследовать человека в предельных ситуациях. Предельные ситуации представляют внутреннюю обусловленность параметров изучения, так как свойством человеческой природы является многомерность, которую невозможно выразить до конца, но возможно определить в качестве моделей, образцов, а также состояний предельного напряжения и концентрации.

В многомерности можно лишь указать на предельные состояния субъективности, в которых фокусируются содержания. В них присутствуют «малые возмущения» (Г. Лейбниц), сохраняющие напряженность, где дискурс становится «предельным дискурсом», воспринимаемым в целостности. В целостном восприятии дискурс доступен научному анализу.

Внутри этой целостности «малые возмущения» проясняются, превращаются в термины, обретающие определенность в рамках данного дискурса при его развертывании. Эти термины сами по себе являются фреймами, благодаря которым «малые возмущения» тематизируются, становятся доступными дискурсу. При помощи тематизации они «свертываются». Например, «свернутыми» в идее соотношения Единого как прообраза и тела человека как образа оказываются субъективность и телесность. Идея этого соотношения диктуется социокультурной ситуацией.

Постмодернизм – эпоха, значение которой заключено в приставке «пост» [1, с. 29]. Эта приставка раскрывает темы, не имеющие непосредственного отношения к историческим периодам. Они существуют виртуально, как не имеющие традиции, а, наоборот, отрицательно к ней относящиеся, перечеркивающие и отталкивающие

 © Малахова Н.В., 2011

ранее признанное в качестве ценности. Таким образом, дискурс телесности, приобретший значение именно в эпоху постмодернизма, отличается виртуальностью, т.е. не может быть отнесен не только к какой-то философской традиции, но и не может быть локализован ни в суждении, ни, тем более, в конкретном теле.

Дискурс осуществляется вне дисциплинарных барьеров и существует «сам по себе». Он представляет собой беспорядочное нагромождение восприятия «видимого», «слышимого» и начинает проясняться только при встраивании любого чужого дискурса в свой собственный. Его можно исследовать, войдя в границы текста, не привязывая его ни к теории, ни к учению, ни к концепции. Тогда любой акт восприятия будет актом творчества.

Философское мышление стремится к завершенности, способно создавать философские системы, построенные на специфике дискурса, отличающейся всеобщностью и предельностью своего основания. Дискурс субъективности, считает В.М. Розин, как философская система, «содержит все, что может содержать, а потому для нее невозможны столкновения с другим» [8]. Универсальность этого дискурса требует связанности и настроенности на Абсолют, который может быть представлен самым разнообразным образом (Бог, Идея, концепции, теории и т.д.), но его содержание включено в построение философского суждения на правах обобщения принципов конструирования всякого возможного дискурса [8].

Историко-философская традиция классической рациональности рассматривала дискурс как рационально-логическую процедуру выявления смысла, осуществляемую мыслящим субъектом. Вещь осмыслена только в поле зрения субъекта понимания и не может быть не чем иным, как конструкцией этого понимания.

В этом случае дискурс как «блуждание» изменяет себе, смыслы вынуждены выстраиваться линейно. Но в отношении к «телу языка» субъективность является нелинейной конструкцией, и, как нелинейная конструкция, она является источником дискурса телесности.

В классической европейской традиции субъективность была сведена к понятию «субъекта», который «от Аристотеля до Канта», как писал Г. Гегель, понимался либо в субъектно-предикативной структуре, либо в неупорядоченном и расширительным смысле как «сознание» [1, с. 125]. За этими пониманиями стоял глубокий антропологический синтез культуры, связанный с логикой и методологией [там же].

Антропологический синтез располагается в неявном знании, объединяя параметры истории, культуры, цивилизации. Поскольку он относится к развитию общества, то носит характер *интерсубъективной онтологии*, не совпадающей ни с субъектно-предикативной структурой, ни с индивидуально воспринимаемой картиной мира. Интерсубъективная онтология лежит в основе развития общества, организуя его в плане как объективном, так и субъективном. В субъективном плане она пронизывает тело, т. е. субъективность порождает телесность.

Телесность берет на себя и воплощает интерсубъективную предметность, растягивая содержание дискурсивной практики за пределы классической рациональности. Субъективность имеет ресурс устойчивости, заключающейся в наличии предметностей как точек совмещения факторов создания этой устойчивости. Например, древняя антропологическая традиция трактует субъективность как единство ума, души и тела. Дискурс субъективности является источником этих трех предметностей, каждая из которых осуществляет аккумулирование связей со всеми другими.

В традиции неклассического философствования дискурс субъективности принимает характер вербально-коммуникативных практик. Эти практики по-разному разрабатывались в учениях Ж. Деррида, Ж. Делеза и т.д. Интерсубъективная онтология свидетельствует о социальной обусловленности не только речевых актов, но и представлений о мире, складывающихся в картину напряженностей и направленностей, возникающих на уровне ощущений, чувств, мыслей, двигательных актов. Ю. Хабермас отмечает расширение представлений о телесности на основе рефлексии речевой коммуникации, основанной на воображении и проникновении в Другого.

Более отчетливо эта идея выражена в учениях русских философов (В.С. Соловьева, С.Л. Франка, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета). В отличие от постмодернистской философии русская философия не останавливается на вербально-коммуникативных практиках, а идет путем исследования диалектического противоречия как образа мысли, гипостазированного в реальное – «живое знание» (С.Л. Франк).

Дискурс живого знания имеет длительную традицию. Одним из воплощений этой традиции является системный подход. Термин «система» в своей этимологии сохраняет первичный смысл, вложенный в него древними греками. Его удачно подметил А.И. Уемов. «Система, по мнению А.И. Уемова, – это вещь или множество вещей, на которой реализуется отношение с заранее фиксированными свойствами» [9, с. 117].

«Вещь» – термин предельного уровня абстракции. В его определение может быть помещено неограниченное количество значений, включая человека. Тем более в его состав можно поместить «тело». И.В. Дмитревская подмечает этот аспект в философии С.Л. Франка, опиравшегося на антиномию «живого» и «мертвого» знания. С.Л. Франк наследует позицию В.С. Соловьева, дискурс которого распространялся на всеобъемлющий диапазон отношений человека и мира, а также сущего в этом мире. В представлении обоих философов «живое» знание связано с феноменом «живого» Бога, Иисуса Христа (христианство, особенно православие). В то же время «мертвое» знание – это знание о мертвом Боге (буддизм, иудаизм).

Следовательно, системное знание позволяет рассматривать культурно-символические контексты, принимающие участие в развитии человека своей осязаемостью, то есть телесностью. «Живой» Иисус Христос имеет безусловное существование в культуре, и, вместе с тем, он предельно ясен сознанию верующего человека.

Автор выделяет в живом знании «безусловное начало», которое С.Л. Франк называет «Непостижимым». В нем заложено «личное, креативное, развивающееся отношение человека» [3, с. 29]. Этот процесс познания больше, чем интуиция, и он не является завершенным. Пласты знания, не подверженные законам логики, нуждаются в обращении к «дологическим языкам» [3, с. 30], используемым в творчестве, религии, мифологии. С этой точки зрения можно интерпретировать язык тела как язык символического пласта реальности и как язык незавершенного принципа «пентадного мышления» [6]. Дологические формы языка тела – это не только предваряющие логику, но и *установочно-логические* конструкты, в которых язык тела интерпретируется в контексте связи с Первоединым (А.Ф. Лосев), Единым (Платон, А.Ф. Лосев), Абсолютом (В.С. Соловьев, Л.С. Франк). Язык тела регулирует деятельность сознания посредством установки-события, в которой каждый жест несет определенную информацию, углубляя контекст интерсубъективной связи с Первоединым, Единым, Абсолютом и т.д.

С.Л. Франк, как отмечает И.В. Дмитревская, рассуждает о соприкосновении субъекта с Абсолютом, с божественным началом, что явлено познающему человеку как «самораскрывающееся бытие». Божественное начало осуществляется и развивается через человеческую субъективность «путем трансцендирования» его содержания «вовне и во-внутрь» как отношения «Я – ТЫ» (схожесть, различия) и «основания самобытия (дух, душа)» [3, с. 30–31]. Здесь пересекаются контексты отношения человека с божественным началом и латентно присутствующая в них интенциональность, задающая интерсубъективную онтологию. Это означает, что человек посредством языка тела актуализирует себя как в направлении «вверх», так и в направлении к Другому. Таким образом, язык тела является своеобразным «инструментом» самоорганизации познающей субъективности.

Эта самоорганизация познающей субъективности раскрывается в концепции «всеединства». Системообразующим здесь является отношение к безусловному началу. «Отношение в системе “Человек – Мир – Бог” в миропонимании субъекта» – это та энергия, с помощью которой происходит «Восхождение к абсолютно Непостижимому», посредством его слияния с Я, где абсолютное отражается в единичном и является внутренней формой человеческого образа [там же]. Язык тела выражает и наполняет содержанием эту внутреннюю форму.

И.В. Дмитревская предлагает «обогатить арсенал орудий познания методами нерационального, интуитивного, созерцательного постижения мира и человека» [3, с. 38]. «Это позиция созерцания, ожидания “просвета в бытии”, куда можно войти с вопросом» [4, с. 38]. Следовательно, язык тела воплощает вопрос – вопрошание человека о собственном существовании в данный конкретный момент времени. Например, концепция «человека без кожи» [7] является преломлением этого вопрошания о существовании. «Человек без кожи» – это символ расщепления, травмированности, бездомности и неприкаянности существования в чужом для него мире.

Телесность при этом не растворяется, а остается ориентирующей основой для образования

внутренней связи с «душой» или психо-эмоциональным составом субъективности. В коммуникации каждый знает, что можно, а что запрещено, что является «личным пространством» или как «ощущать на уровне кожи». Телесность становится «узлом связи» тех конструктов, которые относятся к психике как реактивному органу связей с миром – тем, что в традиционной психологии носит название «психических процессов», и знаково-семиотической реальностью коммуникации, на фоне которых развивается интерсубъективная онтология. Человек живет в середине «между бесконечно великим с одной стороны, и бесконечно малым с другой» [7]. Но это положение «середины» предъявляет к дискурсу телесности особые требования. Для поддержания этого положения человеку необходимо удержание в сознании разнородного материала. Поэтому дискурс телесности имеет своим источником размышления о «внутреннем» или «родовом» человеке. Это «идеальный тип человека» [1, с. 167], конструируемый средствами интерсубъективной онтологии.

Таким образом, дискурс как коммуникативно-речевая практика имеет более гибкую структуру в интерпретации «внутреннего» или «родового» человека. За основу берется символ как реальность, в которой означенное (символизируемое) погружено в среду действия феноменологической установки. Он обладает свойствами виртуальности, самозавершенности и экзистенциальности. Поскольку он относится к субъективности, то служит источником символизации телесности и демонстрации через нее способностей человека к самоорганизации.

Одним из таких способов является структурирование «языка тела» при помощи дискурса. «Телесность» как своеобразный феномен философии языка современности имеет свой ресурс выражения в предельности смысла, наступление которого связано с «малыми возмущениями», направленными на глубинный процесс структурирования.

Библиографический список

1. *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М.: Путь, 2002. – 528 с. – С. 167.

2. *Гутнер Г.* Предельность философского дискурса (Замечания по поводу книги «Событие и Смысл») // Событие и смысл: синергетический опыт языка. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 257–265.

3. *Дмитревская И.В.* Системно-когнитивный анализ концепции «живого знания» С.Л. Франка. // Материалы международной научно-практической конференции (15–16 октября 2009 года). – Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново», 2010. – С. 28–38.

4. *Дмитревская И.В.* Логика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Флинта, 2006. – 384 с. (Гл. 3, 4, 5.)

5. *Котарбиньский Т.* Элементы теории познания, формальной логики и методологии наук. – Биробиджан: ИП «ТРИВИУМ», 2000. – 159 с.

6. *Лосев А.Ф.* Абсолютная диалектика – Абсолютная мифология // Миф – Число – Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.

7. *Подорога В.А.* Человек без кожи // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. – М.: ИФ РАН, 1995. – С. 126–160.

8. *Розин В.* Что такое событие? (Анализ условий философского дискурса) // Событие и смысл: синергетический опыт языка. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 266–279.

9. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с. – С. 117.

УДК 87.3

Оботорова Наталья Сергеевна
кандидат философских наук
Вологодский институт права и экономики ФСИН России
oboturova@inbox.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ НЕТРАДИЦИОННОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Д. ДЭВИДСОНА И Х. ПАТНЭМА

В статье показан вклад Д. Дэвидсона и Х. Патнэма, соединивших формально-логический подход к пониманию языка с методом взаимосогласованной интерпретации, а также классическую теорию референции с методом конвенциональной регуляции и ментальных репрезентаций, в становление основных идей неклассической теории познания.

Ключевые слова: *неклассическая теория познания, концептуальные схемы, конвенциональная регуляция, взаимосогласованная интерпретация, внутренний реализм, новая теория референции.*

Одним из основных направлений философии XX в., во многом определившим ход ее развития, явилась аналитическая философия, которая в центр внимания поставила проблемы соотношения науки и философии, рациональности, языка науки. Общеизвестны основные представители и этапы в развитии аналитической философии от логического позитивизма до постпозитивизма. Традиционно считается, что логический этап аналитической философии, ориентированный на науку, классическую, естественнонаучную рациональность, критику метафизики, был развит англосаксонскими, английскими и американскими философами, а постпозитивистский, отдающий предпочтение открытому типу рациональности, неявному знанию, роли вненаучных форм познания, – континентальными. Однако аналитическая философия, по справедливому утверждению В.В. Целищева, не ограничивается в своем стремлении к научности анализом только концепций естественнонаучных теорий и «активно вторгается в попытках получить позитивное знание в собственно философские области – этику и метафизику, не заслуживающих, с точки зрения логических позитивистов, особого внимания» [4, с. 14].

Особенно ярко эволюция взглядов представителей логического позитивизма аналитической философии в контексте разработки ими неклассической теории познания видна на примере анализа философии Д. Дэвидсона и Х. Патнэма. Разработка новых подходов к пониманию теории познания осуществляется Д. Дэвидсоном в контексте анализа логических проблем естественного языка и философско-психологических вопросов описания и истолкования человеческих действий, истины и ее интерпретации [5].

Исследуя проблемы познания как коммуникации, Дэвидсон утверждает, что смысл отдельного предложения обусловлен способностью понимания человеком языка как единой концептуальной системы. Анализируя проблему роли и характера концептуальных схем в языковом общении, Дэвидсон утверждал, что она находится в центре внимания многих философских направлений. Традиционно считалось, что концептуальные схемы представляют собой способы организации опыта, поэтому их рассматривают как определенные системы категорий, которые придают форму чувственным данным. Кроме того, концептуальные схемы нередко уподобляются «точкам зрения индивидов, культур и эпох на происходящие события» [1, с. 905]. Такой подход к пониманию концептуальных схем, в случае отсутствия перевода одной схемы в другую, с точки зрения Дэвидсона, не позволяет индивидам, принадлежащим к разным концептуальным схемам, истинно соотносить свои мнения, желания, надежды, имеющиеся знания. Более того, понимание самой реальности относительно к таким схемам затруднено, так одна схема может не приниматься в другой системе понимания.

Другой причиной несходства стилей и ценностей концептуальных схем являются языки, которые, развиваясь «во временной и пространственной дистанции, могут сильно различаться в способах обращения с тем или иным уровнем явлений» [там же]. Поэтому то, что легко входит и понимается в одном языке, может с трудом входить в другой. Кроме того, фактором концептуального плюрализма может быть и различное понимание языка, его связи с сознанием и человеческой деятельностью. Из различных языковых выражений одних и тех же концептуальных схем вытека-

 © Оботорова Н.С., 2011

ет, по утверждению Дэвидсона, необходимость их взаимопереводимости, условием реализации которой является тот факт, что «речь человека может интерпретироваться только тем, кто хорошо знает убеждения говорящего (или того, чего тот хочет, намеревается сделать)» [1, с. 906–907]. Но для достижения этого необходима теория, которая бы одновременно объясняла установки и интерпретировала речь, а проблема интепретирования «должна суммировать имеющуюся в наличии рабочую теорию значения и приемлемую теорию убеждений» [1, с. 907].

Задачей такого приемлемого, с точки зрения Дэвидсона, метода является не исключение, а осмысление разногласий, для которого необходимо «наличие *некоторого* основания в согласии» [1]. Формой такого согласия может быть или совместное полагание предложений истинными говорящими на одном и том же языке, либо – «опосредовано теорией истины, принимаемой интерпретатором для говорящего на другом языке» [1].

Для достижения этой цели необходима определенная степень доверия в корреляции предложений, по-разному истинных для говорящего и интерпретирующего. Такое доверие не приводит к серьезным ошибкам, напротив, «если мы стремимся понимать других, мы должны считать их правыми по существу» [1]. Именно теория, согласовывающая доверие и формальные условия для теории, является основой, обеспечивающей коммуникацию. При этом такой подход вовсе не устраняет имеющейся разницы во мнениях, наличие которой не тождественно позиции концептуального релятивизма. Различия в концептуальных схемах подобны различиям в убеждениях – мы проясняем различие в них, если «разделяем базис переводимого языка или одинаковых убеждений, между которыми нельзя провести четкой границы» [1]. Таким образом, с точки зрения Дэвидсона, отказываясь от дуализма схемы и реальности, мы «не отбрасываем мир, а восстанавливаем непосредственный доступ к знакомым объектам, чьи «гримасы» делают наши предложения и убеждения истинными или ложными» [1].

Особый интерес в анализе природы, роли и значения концептуальных идей вызывает постановка Дэвидсоном проблемы полного описания языка, которое он связывает с пониманием значимого фактического или потенциального высказывания. Однако такие определения конкретного значения высказывания связаны с признанием наличия априорного, конвенционального знания. Для понимания этой проблемы и той области, в которой конвенции играют свою роль, с точки зрения Дэвидсона, необходимо установить связь между понятием «значение» с убеждениями, желаниями, намерениями и целями, т.е. связь между лингвистическими значениями и установками, действиями людей, которые описываются в нелингвистических терминах.

В решении этой проблемы, по утверждению Дэвидсона, имеют место различные подходы, среди которых он выделяет несколько теорий. Первая – утверждает конвенциональный характер связи произносимого предложения, стоящего в том или ином грамматическом наклонении, с намерениями говорящего или с какой-либо более общей целью; вторая – анализирует конвенциональный характер каждого предложения; третья – доказывает «наличие конвенции, связывающей конкретные слова с экстенсией или интенсией» [2, с. 214].

Дэвидсон, в отличие от данных теорий, делает объектом своего рассмотрения «неязыковые намерения, присутствующие в высказываемых фразах, то есть их *скрытые цели*» [2, с. 222], соотнося их с понятием перлокуционных актов, введенным Дж. Остином. Противоречие, с точки зрения Дэвидсона, состоит в том, что любые высказывания всегда обладают скрытой целью, а «языковое действие» имеет место тогда, когда для него существует буквальное значение, которое по своей природе всегда имеет скрытую цель. Поэтому говорящий должен стремиться «достичь какого-то неязыкового эффекта, рассчитывая на соответствующую интерпретацию его слов аудиторией» [2, с. 223].

Этим и определяется роль конвенций, назначение которых состоит в том, чтобы осуществить эту связь между скрытыми неязыковыми целями высказывания предложения и буквальным значением этого предложения или произнесения. Именно конвенция, с точки зрения Дэвидсона, призвана ясным для говорящего и слушающего способом «отбирать» случаи, в которых «скрытая цель непосредственно указывает на буквальное значение» [2, с.224].

Таким образом, соединяя формально-логический подход к пониманию языка, его шаблонам умозаключений и струн, которые образуются логическими константами, с методом интер-

претации, Дэвидсон по-новому ставит проблему приложения к естественным языкам формальных методов, которые с успехом применяются в синтаксисе, где одна и та же модель работает для целого ряда говорящих. Однако формализация рассуждений не может служить средством, при помощи которого индивид может приспосабливать «свои теории интерпретации к потоку новой информации» [2, с. 232]. Поэтому основные проблемы своей радикальной теории интерпретации Дэвидсон разрабатывает в контексте взаимосвязи семантического значения предложений с индивидуальными и социальными структурами убеждений, идей, верований, желаний, целеполаганий, намерений.

Критика традиционной эпистемологии, классического этапа аналитической философии дана также в философии Х. Патнэма, испытавшего на себе влияние идей У.О. Куайна и ставившего широкий спектр проблем – от философского осмысления достижений логики, естественных наук до методологии науки, эпистемологии, философии сознания, языка и этики. Разрабатывая идеи «новой теории референции», направленной против традиционного представления о соотношении значения и смысла, Патнэм утверждал, что смысл не определяет и не обеспечивает систематически референцию важнейших категорий языковых выражений, тогда как значение, как совокупность нескольких компонентов, представляет собой «вектор», в котором отражаются различные аспекты употребления данного термина.

Выступая против концепции несоизмеримости научных теорий Т. Куна и поддерживая теорию научного реализма У.О. Куайна, Патнэм утверждает, что то общее, что имеет место у правильно употребляемых терминов, составляет относительно устойчивое «ядро» значения. Именно оно служит «центром конвергенции» для исторически изменяющихся значений данного термина, а инвариантность этого ядра – основой преемственности и непрерывности в их эволюции. Однако, не останавливаясь на принципах научного реализма, которые он считал не совсем удовлетворительными для исследования природы референции, соотношения языка и реальности, Патнэм, критикуя корреспондентную теорию истины, разрабатывает концепцию «внутреннего реализма» [6].

Основой этой концепции явилось утверждение о том, что в процессе познания мы членим мир на объекты на основе той или иной концептуальной схемы, поэтому истина не представляет собой идеализированной рациональной преемственности, ее критериями является операциональная применимость, когерентность, простота и непротиворечивость. В результате этого Патнэм признает возможность множества истинных описаний действительности. Отсюда вытекает и нетождественность, с точки зрения Патнэма, понятий истинности и рациональности, которую не следует понимать как «неизменный органон». Однако, несмотря на то что рациональность носит исторический, культурно обусловленный характер, она в каждом конкретном случае выполняет роль регулятивной идеи.

Развивая далее концепцию «внутреннего реализма», Патнэм говорит о необходимости «реализма с человеческим лицом», а также «естественного реализма», отказа от картезианского понимания природы ментального как области взаимодействия между когнитивными способностями человека и внешнего мира. С его точки зрения, чувственный опыт не представляет собой пассивной реакции и регистрации объектов сознания, а является переживанием живым существом в опыте различных сторон мира.

В основании таких выводов Патнэма на понимание процесса познания и сущности идеального лежали его исследования в области философии сознания, в которой он развивал идеи функционализма, как варианта «теории тождества», т.е. тождественности ощущений и восприятий определенным состояниям мозга. При этом, в отличие от физикалистского варианта «теории тождества», функциональный отождествлял ментальное не с физиологическими состояниями мозга, а функциональными. Используя достижения в области искусственного интеллекта, в частности теории А. Тьюринга, Патнэм пытался преодолеть картезианский взгляд на сознание, однако, столкнувшись с трудностями в решении данной проблематики, предложил вернуться к аристотелевскому реализму, но без аристотелевской метафизики.

Роль идеи, как концептуального уровня познания, анализируется Патнэмом в контексте соотношения позиций интернализма и реализма в процессе познания. Давая характеристику интернализма, с точки зрения которого научное знание и стандарты его обоснования должны быть полностью независимы от социокультурных ус-

ловий, Патнэм не отождествляет его с легковесным релятивизмом, с позицией – «годится все».

Интернализм, по его утверждению, не отрицает роли опытных исходных данных, но выступает против того, что существуют такие исходные данные, которые «*сами не формировались бы до известной степени нашими понятиями*, тем словарем, который мы используем для того, чтобы фиксировать и описывать их…» [3, с. 76]. Наши ощущения, их описание происходят не сами по себе, а испытывают мощное воздействие «множества наших концептуальных предпочтений» [3]. Поэтому исходные данные, на которые опирается наше знание, являются «концептуально инфицированными».

Эта взаимосвязь, согласованность теоретических, концептуальных и опытных убеждений друг с другом, в свою очередь, обусловливает приемлемость и пригодность теорий или концептуальных схем. Более того, с точки зрения Патнэма, «наши понятия согласованности и приемлемости тесно переплетаются с нашей психологией» [3], зависят от нашей биологии, культуры, не свободны от ценностей. Отсюда следует, что истина не может быть отождествлена только с рациональной приемлемостью, которая инициируется личностью и соотносится с ней. Так, высказывание «Земля – плоская» было весьма вероятным и рационально приемлемым 3000 лет тому назад, однако «оно рационально неприемлемо в настоящее время» [3, с. 77].

Таким образом, в споре между интернализмом (независимостью знания от социокультурных условий) и экстернализмом (детерминацией научного познания внешними условиями его формирования) Патнэм утверждает, что «истина представляет собой *идеализацию* рациональной приемлемости» [3], которая исходит из предположения об идеальных, с точки зрения эпистемологии, условий (например, плоскость, лишенная трения). Поэтому мы «называем высказывание «истинным», как если бы оно было обосновано в подобного рода условиях» [3]. Однако в действительности таких «эпистемологически идеальных условий» не существует, но такие «идеализации» имеют свою «наличную стоимость», поскольку «мы можем приближаться к ним в очень высокой степени» [3]. Поэтому истина, с одной стороны, «независима от обоснования здесь и сейчас, но не может считаться независимой от *любых* обоснований» [3, с. 79].

В контексте этих выводов Патнэм анализирует корреспондентную теорию истины, к представителям которой он относит и редукционистов, как метафизических реалистов, с точки зрения которых «факты, связанные с поведением, “делают истинными” утверждения относительно ментальных событий» [3, с.81]. В качестве примера такого «редукционизма» Патнэм приводит взгляды Беркли, с точки зрения которого «сфера того, что «реально существует», исчерпывается сознаниями и их ощущениями» [3].

Говоря о том, что корреспондентная теория истины прошла через всю историю философии вплоть до Канта, Патнэм критически относится к однозначной оценке взглядов Аристотеля, философия которого традиционно считается ее основанием. Патнэм называет позицию Аристотеля в вопросе об истине «*теорией референции как подобия*», которая, как и современные теории, использует идею ментальной репрезентации, т.е. представления внешней вещи, которая есть у ума, называемой Аристотелем *фантасмой,* т.е. образом. С точки зрения Аристотеля, поскольку образ и внешний объект сходны между собой, имеют одинаковую форму, то ум, имея доступ к образу, имеет также и непосредственный доступ к самой форме внешнего объекта. Однако идеальный образ разделяет с объектом лишь такие свойства, которые могут быть восприняты нашими органами чувств в их взаимосвязи, но не разделяет такие свойства, как *краснота*, которая в «наших умах не является буквально тем же самым свойством, что и краснота объекта» [3, с. 82].

Ограничения теории подобия, имеющие место уже в философии Аристотеля, становятся более значительными в философии Нового времени. Они нашли свое проявление в теории «вторичных качеств» Декарта и Локка, которые утверждали, что свойства ментального образа не являются буквально теми же самыми, что и свойства физических вещей, хотя и определяются их микроструктурой (например, ощущение цвета зависит от способности тела избирательно поглощать и отражать световые волны). Поэтому сама вещь (кусок красной ткани) и ее красный вторичный образ не являются буквально подобными, не имеют общей формы.

В теории «референции как подобия» Аристотеля, а также «вторичных качеств» Нового времени, Патнэм видит подтверждение идеи «новой теории референции», концепции «внутреннего

реализма», признающих не только возможность множества истинных описаний действительности, нетождественности понятий истинности и рациональности, но и наличие в «уме» ментальных репрезентаций, обобщенных идей, которые не являются буквальным отображением свойств объекта.

Таким образом, соединяя формально-логический подход к пониманию языка и выраженных в нем идей с методом взаимосогласованной интерпретации, а также классическую теорию референции как подобия с возможностью множества истинных описаний действительности, методом конвенциональной регуляции и ментальных репрезентаций, Д. Дэвидсон и Х. Патнэм, не отрицая роли и значения классической эпистемологии, развивали основные идеи неклассической теории познания.

Библиографический список

1. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избранные тексты / Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – 1000 с.

2. *Дэвидсон Д.* Общение и конвенциональность // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987.– С. 213–233.

3. *Патнэм Х.* Разум, истина и история. – М., 2002.

4. *Целищев В.В.* Аналитическая философия и сайентизм // Вопросы философии. – 2010. – №8. – С. 11–16.

5. *Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. – Oxford, 1985.

6. *Putnam H.* Mind, Language and Reality. Philosophical Papers. – V. 2. – Cambridge, 1975.

УДК 111:17.023.36

Омельчук Роман Константинович
кандидат философских наук
Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск)
R.Om@list.ru

ОНТОЛОГИЯ ВЕРЫ: ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЦЕННОСТЕЙ*

В статье исследуется проблема веры, которая осмысливается не как религиозный и гносеологический феномен, а бытийно-ценностно. Рассматривается, как вера и идентичность понимаются в свете онтологической модели личности. Обосновывается, что вера является своеобразными механизмами преодоления эгоизма, самоидентификации и преемственности ценностей.

Ключевые слова: *онтология веры, идентичность, онтологическая модель личности, традиция.*

Вера, идентичность и традиция представляют собой тесно связанные друг с другом механизмы преемственности ценностей. Исследование этих феноменов через призму онтологического подхода имеет не только фундаментальный, но и прикладной характер. Механизмы преемственности ценностей и идеалов, которые столетиями складывались в обществе, за последние несколько десятилетий претерпели сильнейшую деформацию. Сегодня совершенно точно можно говорить о новых традициях, которые формируют ценности совершенно иного порядка. Изучение тех тенденций, которые возникают в сегодняшнем обществе, необходимо не только для прогнозирования будущих ожиданий, но и для активного изменения ценностных ориентаций новых поколений, которые через 10–15 лет станут наиболее активной и влиятельной частью общества.

Онтология веры предполагает ее рассмотрение в качестве характеристики человеческого бытия: в этом случае вера как стремление человека к истине есть основа становления личности истинной, уникальной, поскольку именно вера определяет ценностные отношения личности с окружающим миром. Так, онтология веры, рассмотренной в масштабах личности, фундирует процессы воспитания и образования целостной

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей», грант № МК-2493.2011.6).

 © Омельчук Р.К., 2011

личности; онтология веры, рассмотренной в масштабах общества, фундирует такие процессы, как традиция и идеология. Следовательно, можно говорить о личностных и социокультурных механизмах преемственности ценностей.

Понимание веры в современной философии, выраженное в работах таких зарубежных авторов, как H.H. Price, D. Davidson, A. Plantinga, Ph. Rosemann, F. Huber, а также таких отечественных исследователей, как Е.Ю. Базаров, А.Н. Демидов, Е.А. Евстифеева, Н.А. Калюжная, К.В. Костикова, С.А. Нижников, Д.В. Пивоваров, А.В. Романов, Т.В. Ряховская, Е.В. Соловьева, М.С. Теплых, Ф.А. Хуснутдинова, И.А. Черносвитова, А.И. Шафоростов, можно классифицировать как гносеологический (когнитивный), религиозный (метафизический), а также внерелигиозный (психологический) подходы. Анализ веры как религиозного или гносеологического феномена во многом препятствовал пониманию веры как механизма преемственности ценностей. Во-первых, вера в большинстве случаев выступала только средством познания без акцента на ее самостоятельной значимости. Во-вторых, вера как иррациональный феномен, рассматриваемый в рамках теории познания, неизбежно ассоциировалась с такими понятиями, как ложь, сомнение, заблуждение, незнание. В-третьих, вера как элемент религиозного самопознания, рассматриваемый в свете межконфессионального непонимания, фактически становилась непостижимой с точки зрения несводимости в одной системе координат различного опыта. Однако необходимо отдать должное трудам А.В. Романова, С.А. Нижникова и А.И. Шафоростова, которые в большей степени способствовали формированию фундамента онтологии веры. Онтология веры предполагает преодоление существующих тенденций в понимании веры посредством разработки герменевтического, феноменологического и экзистенциального взглядов на этот феномен, а также выявление основных направлений практического использования веры в воспитании, образовании, общественной и культурной жизни человека и общества.

Своеобразный механизм функционирования веры заключается в постепенном отождествлении наличного (субъект веры) с истинным (предмет веры), или, другими словами, самой личности и того, во что она верит. Вера, по нашему мнению, должна быть рассмотрена в связи с такими понятиями, как культура, человек, истина бытия и экзистенциальные ценности, передаваемые от поколения к поколению. Независимо от времени, места и обстоятельств культура была, есть и будет определять адекватность, соответствие человека той сущности, которая заложена в само понятие «человек». Если культура как социальный феномен тесно взаимосвязана с традицией, то культура как экзистенциальный феномен тесно связана с верой, являющейся своеобразным механизмом преемственности ценностей между человеком и человеком, человеком и истиной. Задача, таким образом, – представить веру как личностное и ценностное отношение к истине, как образование и преобразование личности, а также ее экзистенциальных ценностей.

Необходимо отдать должное исследованиям А.И. Шафоростова, который исходит из того, что вера есть условие самоидентификации [7]. По нашему мнению, взаимосвязь веры и идентичности настолько тесна, что онтологический подход к изучению этих феноменов должен исходить из их тождества. Выявленный нами механизм бытийной веры заключается в том, что, принимая тот или иной идеал в качестве ценного и истинного, человек автоматически принимает соответствующий жизненный путь, а значит, и самого себя в качестве такового. В соответствии с методом бэккастинга апогеем становления личности является сама личность. «Личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит со всем окружающим» [3, с. 277]. Представить все многообразие альтернатив личностной идентичности можно на примере онтологической модели личности [5].

«Я» как личность – это уникальная индивидуальность, обладающая неповторимыми качествами. Личность проявляет себя на различных уровнях бытия, которые можно определить как «факты разной напряженности бытия, факты различных степеней реальности» [4, с. 36]. Сознание – наиболее глубинный уровень бытия личности. Функциональными признаками сознания, по которым можно охарактеризовать его уровень, являются цель, ценности, смысл и мировоззрение. Так, смысл жизни, преследуемая цель, экзистенциальные ценности и широта мировоззрения – необходимый и достаточный набор критериев, воссоздающих наиболее полный и существенный

образ личности. Ум и интеллект, выполняя разные функции, имеют в данной модели разное значение. Если ум – это центр, посредством которого личность реализуется в форме ощущения, желания и мысли, то интеллект, как и вера, выступает в качестве одного из направляющих, способствующих принятию решений на рациональном уровне. В целом модель подразумевает адекватный и неадекватный способы реализации личности.

Качества адекватной личности проявлены посредством сознания и распознаются через цели, ценности, смысл и мировоззрение. В свою очередь цели, ценности, смысл и мировоззрение адекватной личности проявлены через ум и распознаются через предмет мышления, ощущения и волеизъявления. Не только мысли и желания адекватной личности связаны с экзистенциальными целями и ценностями, но даже ее ощущения фундируются глубоко переживаемыми смыслами и мировоззрением. Такая личность адекватно переживает окружающую действительность, открыта для общения и обмена ценностями, а также свободна в выборе экзистенциальных возможностей.

Неадекватная личность вовсе не является простой противоположностью личности адекватной, поскольку постановка вопроса о неадекватности дополняет онтологическую модель личности еще одним функциональным элементом – «псевдо-Я». В этом случае личность представляется следующим образом: [Я – Сознание] – Псевдо-Я – Интеллект – Ум – Чувства. Если для адекватной личности характерна преемственность между 1) личностными качествами, 2) целями, ценностями, мировоззрением и смыслом, 3) мыслями, ощущениями, желаниями, то для неадекватной личности такая преемственность обрывается, и индивидуальное «Я» с его проявленными в сознании целями, ценностями, мировоззрением и смыслами оказывается скрытым «псевдо-Я». В этом случае функционирование интеллекта, ума и чувств будет определяться через призму «псевдо-Я» (эгоизма). Неадекватность есть следствие эгоизма: неадекватная личность «естественно» мыслит, ощущает и желает исключительно эгоистически. В таком состоянии разрыва с собой личность, внутренне признавая истинность одобряемых законом или традицией целей, ценностей, мировоззрения, смысла, на деле полагается только на эгоизм.

Бытийная вера в этой связи представляется и как механизм преодоления эгоизма, и как механизм самоидентификации, и как механизм преемственности ценностей. Развитие и обоснование таких определений веры тесно связано с формированием герменевтического, феноменологического и экзистенциального подходов к этому феномену, которые и составляют фундамент более существенного онтологического подхода. Так, вера как стремление личности к собственным естеству и полноте в свете герменевтического подхода представляется как связка «есть» (отсюда многообразие альтернатив личностной идентичности: «Я (есть) – хороший (человек)», «Я (есть) – русский (человек)», «Я (есть) – ученый (человек)» и т.д.). В свете экзистенциального подхода вера представляется как переживание собственной истинности и полноты, достигаемое через преодоление собственной ложности и конечности. При этом в свете феноменологического подхода вера всякий раз связывает личность с тем или иным уровнем человеческого бытия, способствуя все большему и большему углублению ее самосознания. Таким образом, благодаря вере личность реализуется в определенном качестве, благодаря вере личность преодолевает эту реализацию и благодаря вере личность устремляется к еще большему качественному совершенству.

Однако такие обоснования можно охарактеризовать только как теоретические. Потребность в более глубинном и одновременно ясном обосновании возникает в тот момент, когда исследование веры переходит на социокультурный уровень. Выявление и анализ вполне конкретных причин личностной неадекватности, а также поиск и обоснование методов их устранения как на личностном, так и на общественном уровне – вот, по нашему мнению, некоторые из наиболее актуальных приоритетных задач прогрессивной гуманитарной науки. В частности, исследования могут быть направлены на анализ межличностных отношений – воспитание в семье, образование в учебных заведениях, сотрудничество в профессиональных коллективах, социализация в обществе, – а также культуры этих отношений. Культура отношений в этой связи видится наиболее существенным фактором, обеспечивающим действенность и эффективность механизмом преемственности ценностей.

Вообще связь веры с культурой прослеживается через такие понятия, как *дхарма* (санскр.), *жэнь* (кит.), *пайдейя* (греч.), *гуманус* (лат.), кото-

рые в экзистенциально-онтологическом ключе свидетельствуют о своеобразной ретроспективе понимания «образцового сущего», или истины человеческого бытия. Проникновение в суть каждой из этих категорий раскрывает вполне закономерное понимание веры как устойчивости и опоры личных стремлений, веры как неотъемлемого человеческой сущности, веры как возвышающего становления и образования личности, веры как ценностного отношения к Другому. Философское осмысление веры как социокультурного механизма всякий раз сводится к идее культурной традиции: именно традиция обеспечивает преемственность ценностей от одного поколения к другому, от одной личности к другой. Однако и культурная традиция – это наиболее общее, абстрактное понятие, которое к тому же может быть неправильно истолковано.

Не надо забывать, что «понятие революции есть отрицательное, оно не имеет самостоятельного содержания, а характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого, поэтому пафос революции есть ненависть и разрушение» [1, с. 135]. Традиция, напротив, есть позитивное понятие, обязательно предполагающее сохранение и поддержание в качестве фундамента всего предыдущего опыта. Бытийная вера, естественно присущая личности в атмосфере традиции, искажается и предстает как фанатизм в атмосфере революции. Разного рода суррогаты веры существуют в идеях от солипсизма и эгоизма вплоть до национализма и альтруизма. Так, героизм, который на первый взгляд основан на вере, есть «начало не собирающее, но разъединяющее, он создает не сотрудников, а соперников» [1, с. 131–132]. Гордость, часто представляемая как позитивная противоположность гордыни, тщеславие, выдаваемое за достоинство, снисхождение вместо сострадания и любви… Эти основанные на псевдовере недостатки характерны для общества, утратившего связь с носителями истинных качеств. В самом начале XX века русский философ С.Н. Булгаков предупреждал об опасности «духовной педократии», при которой оценки и мнения учащейся молодежи оказываются руководящими для старейших [1, с. 136]. Конечно, духовная зависимость между поколениями естественна, однако ее направленность необходимо понимать однозначно – как преемственность. В целом нужно отметить, что без целостной личности традиция мертва, поэтому идея преемственности скрыто существует в межличностных отношениях и культуре этих отношений.

В масштабах общества компетентность целостной личности, воплощающей в себе идеалы индивидуальных качеств и социокультурных ценностей, реализуется в действенности и эффективности институтов семьи, образования, власти. Межличностные отношения с носителями качеств формируют новое поколение личностей, однако такие отношения от начала и до конца регламентируются бытийной верой, а потому не допускают ситуаций потери веры. В свете экзистенциальной философии XX века вера понимается нами в качестве дара, благодаря которому происходит обольщающее и соблазняющее вовлечение человека из за-бытия в бытие. Если обычно дар подносится низшим высшему или младшим старшему, то дар веры здесь не является исключением: дар веры одного поколения есть ответ на дар любви другого поколения. Дар веры предназначен возвысить человека до бытия, в полной степени компенсируя его падение в за-бытие. Особенность этого дара заключена в том, что вера – это устремление к воплощению замысла, а никак не стремление к цели. Дар веры хранит тайну, увлекающую за собой в неизвестность и в то же самое время разрушающую все мыслимые и рациональные ожидания.

Потеря веры есть следствие имперсонализма – безразличия к личности, выраженного в форме ее отрицания. Философски имперсонализм сам является следствием крайнего эгоизма, а потому он полностью противоречит культуре отношений и идее преемственности ценностей. Вера-дар проявляется как свободное, бескорыстное ценностное отношение, следовательно, именно дар отвергается безразличием, приводя к оскорблению и, соответственно, к потере веры, к утрате преемственности ценностей.

В начале XX века С.Л. Франк, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и другие близкие к экзистенциализму мыслители философски развивали и обосновывали идею служения. Онтологический подход к вере рассматривает эту идею бытийно-ценностно: служение – это движимый верой поступок, который совершается по отношению к объекту восхищения. Ясно, что служением нельзя назвать просто действие, поскольку служение необходимо является ценностным отношением, актуально содержащим в себе дар веры, а потенциально – дар любви. Традиционно

объектами служения являлись отец и мать, Родина и Отечество, Бог и Государь. Идея служение в этой связи представляется как решение проблемы эгоизма и имперсонализма, поскольку служение вечным ценностям есть бытие истинное, через которое возрождается бессмертное духовное «я». Человек, развивший множество внутренних качеств, но не использующий их для служения истине, не свободен, а значит, и не истинен. Так, например, Вл. Соловьев называет «истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» [6, с. 552]. Истинный человек служит истине, живя в соответствии с истинными духовно-нравственными нормами и ценностями, его существование сконцентрировано не на само-бытии, а на инобытии. По этой причине мы считаем необходимым определить человека как существо, направленное на Другого, причем такой направленностью является бытийная вера.

Подведем некоторые итоги. Онтологический подход к вере рассматривает этот феномен как личностный и социокультурный механизм преемственности ценностей. Бытийная вера есть ценностное отношение, проявляемое как преодолевающее эгоизм и имперсонализм служение. Онтология веры в целом преодолевает имперсональную субъектно-объектность отношений и полностью исходит из межличностных субъектно-субъектных отношений, обеспечивая этим устойчивость личности и преемственность ценностей в обществе.

Библиографический список

1. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество. – М.: Русская книга, 1992. – 528 с.

2. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Университ. кн., 2000. – 416 с.

3. *Лосев А.Ф.* Жизненное кредо // Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – С. 274–287.

4. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.

5. *Омельчук Р.К.* Вера как характеристика человеческого бытия // Вестник ИрГТУ. – 2010. – №6 (46). – С. 313–319.

6. *Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.

7. *Шафоростов А.И.* Вера как условие самоидентификации. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – 248 с.

УДК 177

Рыжакова Елена Владимировна

Волжский государственный инженерно-педагогический университет (г. Нижний Новгород)

r_and_l@mail.ru

ОДИНОЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена весьма актуальной и значимой теме – проблеме одиночества. Автор рассматривает различные философские подходы к данному вопросу и предлагает новый взгляд на сущность феномена одиночества.

Ключевые слова: *одиночество, уединение, отчуждение, индивидуальность, общество, мир, отношения.*

Проблема одиночества является одной из важных проблем философии и культурологии. В современной литературе в основном описывается «психология» одиночества. Но что такое «одиночество», каков философский статус этой категории, в чем кроется его истинный смысл и каковы его глубинные основания – эти вопросы остаются во многом еще нераскрытыми. В этой связи представляется немаловажным обратиться к историко-философским взглядам на проблему одиночества и на основании этого наметить некоторые аспекты ее дальнейшего философско-теоретического анализа.

Предварительно отметим, что проблему одиночества рассматривали многие известные философы, начиная с Аристотеля, который заметил, «что человек вне общества либо Бог, либо зверь», вплоть до Никола Аббаньяно (1901–1990 гг.), по мнению которого, индивид, оставшись наедине с собой, может непосредственно приступить к поиску пути собственного бытия.

Важное место тема одиночества занимает в философии Блеза Паскаля (1623–1662 гг.). Эту тему мыслитель раскрывает с позиции заброшенности человека в бесконечности Вселенной. Он утверждает безусловную «прелесть уединения» (в отличие от одиночества), которое позволяет

© Рыжакова Е.В., 2011

задуматься о смысле жизни, оценить свои поступки. Уединение открывает глаза человеку на суету мира, позволяет ему увидеть собственную суетность, внутреннюю опустошенность, подмену себя (собственного «я») неким воображаемым образом, созданным человеком для других людей.

Вполне очевидно, что Паскаль предвосхитил ряд идей экзистенциалистов XX века и высказал «несвоевременные» мысли, удивительно созвучные нашей эпохе.

С точки зрения Паскаля, люди опасаются бывать наедине со своими мыслями и потому ищут спасения от одиночества в развлечении. Он обращает внимание на несуразицу в поведении людей: вместо того чтобы предаваться праздному покою, о котором нередко им приходится мечтать, они неудержимо тянутся к «развлечениям», часто хлопотным, дорогостоящим и даже опасным для жизни (например, война). Эта странность весьма озадачивала философа, пока он не пришел к мысли: истинный смысл всяческих авантюр не в достижении тех целей, которые ставят перед собою люди, а в бегстве от самих себя. Люди почему-то опасаются оставаться наедине с собой.

Причина тяги к развлечениям «коренится в изначальной бедственности нашего положения, в хрупкости, смертности и такой ничтожности человека, что стоит подумать об этом – и уже ничто не может нас утешить» [4, с. 192], – считает Паскаль.

Эти «хрупкость и ничтожность» человека открываются ему, когда он пробует понять, что такое «я», каково место человека в мире. Таким образом, озабоченный слабой и смертной природой человека, Б. Паскаль вопрошает, пытается найти место человека в новом для него бесконечном мире. «Ибо что такое человек во Вселенной? – спрашивает Паскаль. – Небытие в сравнении с бесконечностью, все сущее в сравнении с небытием, среднее между всем и ничем. Он не в силах даже приблизиться к пониманию этих крайностей – конца мироздания и его начала, неприступных, скрытых от людского взора непроницаемой тайной, и равно не может постичь небытие, из которого возник, и бесконечность, в которой растворяется» [4, с. 208].

Мыслитель полагает, что одиночество отражает душевное беспокойство, спор человека с самим собой. Такой внутренний разлад воспринимается самим человеком как потеря веры и надежды, как несостоятельность своих контактов с окружающим миром. «…Сколь пусто человеческое сердце и сколь, вместе с тем, нечистот в этой пустоте…» [4, с. 208].

Нетрудно видеть, что в суждениях Б. Паскаля, таким образом, феномен одиночества предстает как неприкаянность человека в бесконечности Вселенной и как неуютность человека наедине с мыслями о себе самом. Преимущества одиночества Б. Паскаль видел только в том, что это состояние души заставляло людей задуматься о возможных путях достижения счастья и о смысле бытия.

Пристальное внимание исследованию феномена одиночества было уделено в философской литературе XIX столетия. Одним из новых методологических ориентиров в исследовании одиночества стали концепции американских трансценденталистов, среди которых видную роль играл философ, писатель, натуралист Генри Дэвид Торо.

Представители трансцендентализма придерживаются позиции, что каждый человек должен по максимуму быть независимым от социума. Каждый индивид должен быть приверженцем собственных идей и принципов и их претворение в жизнь не должно зависеть от внешних обстоятельств. Ни Бог, ни политические власти, ни общество не должны главенствовать над человеком, подавлять его стремления.

По мнению трансценденталистов, человеческая личность содержит в себе беспредельное духовное богатство, которое сковано мещанско-обывательской средой; для его раскрепощения необходимо уединение и близость с природой. Генри Торо, следуя этому мировоззрению, прожил два года и два месяца в лесной хижине на берегу Уолденского озера без каких-либо признаков цивилизации. Впоследствии он описал свой «опыт» в известной книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854). Этот труд, где Торо показывает, что человек может установить связь с природой и универсумом (космосом), учитывая собственные силы и возможности, лег в основу трансценденталистской теории уединения. «Я нахожу полезным проводить большую часть времени в одиночестве, – писал он. – Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум». Торо замечает, что он никогда не чувствовал себя одиноким и не бывал подавлен этим чувством. Осознавая себя включенным в единство мира, он говорил: «Отчего бы мне чувствовать себя одиноким? Разве наша планета не находится на Млечном пути?» «Я не более

одинок, чем мельничный ручей, или флюгер, или Северная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская капель, или первый паук в новом доме».

Уединение от людей на лоне природы Торо расценивал не как замкнутость, а, напротив, как вступление в общение и единство с величественным космосом, восприятие в себя его гармонии, чистоты.

Существенно то, что трансценденталисты первыми в истории западной мысли стали проводить различение между *одиночеством* и *уединением*. Проводя различие между этими понятиями, трансценденталисты приписывают первому отрицательный характер, а второму – положительный [2, с. 48–49]. Человеку порой сложно находиться в обществе, где превалируют одиночество, отчужденность и разочарование, то есть где имеют место все отрицательные силы бытия. Поэтому порой люди стремятся обрести состояние уединения для «перерождения» души. Несмотря на то что человек не только биологическое, но и социальное существо, он может жить автономно от общества, так как личность сама по себе *самоценна*. Главное, чтобы человек понял смысл уединения и стремился к самопознанию. Таким образом, основная позиция трансценденталистов выражается в преобразовании отчужденного одиночества в состояние уединения, где возможна реализация индивидуальных творческих способностей.

Не лишне отметить, что у трансценденталистов есть определенное сходство с представителями экзистенциальной философии в оценке *уединения*: и те, и другие считают его благотворным для человеческой личности. Расхождение между ними в трактовке одиночества основано на разном видении мира и места человека в нем: трансценденталисты, в отличие от экзистенциалистов, воспринимают мир как гармоничное целое, чувствуют себя в нем «как дома». Поэтому трансценденталисты далеки от мысли об «изначальном одиночестве» человека. По мнению Г. Торо, «мы никогда не бываем одиноки». Экзистенциальная философия, напротив, пронизана настроением человеческой «бездомности».

В экзистенциализме одиночество личности становится принципом замкнутого антропологического универсума. Внутренняя изолированность человека – это основа любого индивидуального бытия как такового. Там, где личность начинает вступать во взаимоотношения с миром и другими людьми, человек неизбежно сталкивается с холодной, безжизненно-мертвой объективностью, превращающей все внешнее во врага субъективности, что в свою очередь ведет к ее (личности) омертвению, отчуждению, одиночеству. Согласно Сартру, человек становится таким, каким он был сформирован задачами, стоящими на его пути.

Предлагаемые экзистенциализмом решения проблемы человеческого существования столь же разнообразны, сколь различны сами философы. Кьеркегор призывал отрешиться от разума и земных надежд, противопоставляя им веру в сверхъестественное. Перед богом, говорил он, все неправы. Камю проповедовал презрение к абсурдному миру и видел свободу в незаинтересованной и не сулящей успеха преданности идее. Сартр понимает свободу как нечто сугубо личное, внутреннее, основанное на независимости от любого внешнего принуждения, даже когда оно диктовалось прямой необходимостью сотрудничества с другими людьми.

Немало внимания проблеме одиночества уделил Н.А. Бердяев. В своих трудах он проводит мысль, что в прежние эпохи люди пребывали в пространстве, которое было сравнительно небольшим, можно даже сказать ограниченным. Однако они чувствовали себя более сплоченно, у них не возникало ощущения оторванности, потерянности, так сказать, изолированности. Именно это во многом спасало людей от одиночества. В современной же жизни люди живут в целом мире, в бесконечной Вселенной; таким образом, они начинают ощущать пустоту вокруг себя, каждый живет сам по себе, ощущает собственную покинутость, возникает щемящее чувство одиночества. По мнению Н.А. Бердяева, именно оторванность «я» от «ты» – это процесс самоистребления. «Я» перестает существовать, когда внутри существования ему не дано существование «другого».

Н.А. Бердяев был не согласен с Декартом, который утверждал: «Я мыслю, следовательно, существую». Он, в свою очередь, говорит: «"я" существую, окруженный темной бесконечностью, и, следовательно, мыслю… "Я" изначально и первично». Таким образом, по мнению Н.А. Бердяева, одиночество – «плод» сознания. Именно сознание может вводить человека в состояние одиночества, но также оно способно и вывести его из этого состояния. Человек одинок в том случае,

если в своих мыслях он ощущает себя никому не нужным, покинутым, лишним. Н.А. Бердяев связывает одиночество человека с его *трансцендированием*. «Моя жизнь трансцендирует себя. Но это трансцендирование делает мучительным и болезненным мое существование лишь поскольку оно не объективируется и не социализируется в мире. Но "Я" имеет свое существование лишь поскольку "Я" трансцендирует себя, во внутреннем существовании своем выходит к другому и другим» [1, с. 216–217]. То есть Бердяев в своей философии стремится показать, что чувство одиночества – это не только результат жизненных обстоятельств, оно коренится в самом бытии человека, в способе существования «Я».

Яркой иллюстрацией к понятию «одиночество» является название социологического исследования Дэйвида Ризмена «Толпа одиноких» (США, 1950 г.). «Толпа» складывается из людей, связь которых друг с другом делает ее самостоятельным организмом. В толпе «одиноких» люди разобщены. Звенья связывающей их цепи раздражают, как наручники. Общение и взаимное понимание уступают место отчужденности и вражде. По мере того как цепь затягивается, отчужденность усиливается. Это напоминает вагон метро: чем теснее он набит пассажирами, тем грубее в ход пускаются локти, тем острее борьба за место. Так и в общественной жизни, где каждый человек в деятельности, направленной на удовлетворение своих потребностей, связан с другими людьми и вместе с тем рассматривает этих «других» как враждебную силу, ограничивающую его свободу. Отдельная личность «отчуждается». Это значит, что человек порывает не только с «другими», он отказывается также и от себя, от той стороны необходимой ему жизнедеятельности, которая создает и укрепляет подавляющие его связи.

Семена отчуждения заложены в самой основе семьи в капиталистическом обществе. Даже самые тесные отношения – семейные – не избегают отчуждения. Здесь, где люди находятся в наибольшей близости друг к другу, сама форма соединяющих их уз порождает антагонизм, так как семейные связи отражают власть денег и частной собственности, господствующую во внешнем мире, и определяются ею. Как писал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»; «брак обусловливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету... Современная отдельная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество – это масса, состоящая сплошь из отдельных семей, его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев зарабатывать, быть кормильцем семьи, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается» [5, с. 239].

В экономических и философских рукописях К. Маркс указывает на силы, противостоящие отчуждению. Это то, что можно назвать гуманизацией человеческих отношений, то есть такое развитие образа жизни, которое строится на братстве людей, когда каждый видит почву для своего роста как человека в связях с другими людьми. Вместо того чтобы быть враждебной силой, «другие» становятся неотъемлемой частью его жизни, его достоянием. Познание человеческой сущности Других образует его и открывает человеческое в нем самом. Другими словами, задача состоит в том, чтобы жить как общественный человек. К. Маркс пишет: «Человеческая сущность природы существует только для общественного человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой действительности; только в обществе природа выступает как основа его собственного человеческого бытия» [3, с. 589].

Согласно К. Марксу, только в общественной деятельности, направленной на преобразование мира на благо человека, обнаруживаются свойства внешнего мира, человека и природы, и оказывается, что внешний объективный мир «учит» субъективный мир мыслей, чувств и ощущений человека. «Образование пяти внешних чувств – это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории» [3, с. 590].

В заключение статьи считаем необходимым высказать некоторые свои теоретические соображения относительно природы, сущности рассматриваемого феномена.

С нашей точки зрения, «одиночество» – это такое состояние человека, основное содержание и смысл которого определяется не только не существующей реальностью (природой и/или обществом), но и им самим (его «я»).

Иначе говоря, феномен одиночества представляет собой неукорененность человека в мире,

удаленность его от обыкновенного, обычного в жизни, от того, что принято считать нормой в жизнедеятельности людей.

Важной характеристикой одиночества является и то, что оно сопровождается распадом целостности человека, пребыванием его «я» между телом (землей) и духом (небом).

Одиночество человека во многом зависит от того, в какой мере он реализует свое собственное существование в окружающей его действительности. Несамостоятельному человеку, который не ощущает собственной жизненной состоятельности, легче принять окружающий его мир. Но любая самостоятельность исходит из противостояния человека окружающей действительности, порой целому миру, что и (по)рождает реальную угрозу одиночества в этой создаваемой человеком собственной реальности. Одиночество может проявляться как в позитивном, так и в негативном смысле. К сожалению, рассмотрение данного аспекта проблемы выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М.: Флинта, 1999. – С. 216–217.

2. *Демидов А.Б.* Феномены человеческого бытия. – Минск: Экономпресс, 1999. – С. 48–49.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 589–590.

4. *Паскаль Б.* Суждения и афоризмы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 192, 208.

5. *Энгельс Ф.* Происхождение частной собственности, семьи и государства. – М.: Политиздат, 1986. – С. 239.

УДК 111

Туман-Никифоров Аркадий Анатольевич
кандидат философских наук
Красноярский государственный аграрный университет
ATuman-Nikiforov@yandex.ru
Туман-Никифорова Ирина Олеговна
кандидат исторических наук
Красноярский государственный торгово-экономический институт
ITuman-Nikiforova@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НАУКИ

Статья посвящена рассмотрению современного состояния изучения сущности человека. Постижение сущности предмета составляет задачу науки. Современная философская антропология зачастую оперирует образом человека без сущности, что приводит к целому ряду ошибок в социальной практике. Дается авторское определение сущности человека как совокупности биологических, социальных и духовных качеств.

Ключевые слова: *сущность, явление, природа, человек, система.*

Приступая к изучению человека и смысла его жизни, требуется раскрыть понятия «природа» и «сущность» человека. Эти понятия не получили однозначной трактовки. Одни авторы употребляют понятия «природа» и «сущность» как синонимы, другие, наоборот, разделяют их, и при этом и те, и другие часто по-разному трактуют то, что стоит за этими понятиями. Человек изучается многими науками. Но большинство из них, включая и философию, имеет смутные представления о том, в чём заключаются природа и сущность человека. Между тем «сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление – то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешние формы его существования. В мышлении категории “сущность” и “явление” выражают переход от многообразия наличных форм предмета к его внутреннему содержанию и единству – к понятию. Постижение сущности предмета составляет задачу науки» [6, с. 665]. Невозможно полноценное изучение и постижение человека без постижения его сущности, что предполагает поиск адекватного определения.

Есть все основания согласиться с В.И. Деревянко, который пишет, что ни философская антропология, ни другие науки, изучающие человека, не имеют достаточно четкого представления о том, что такое сущность человека и в чем она заключается, а некоторые антропологи считают, что её и не нужно искать, поскольку именно не-

© Туман-Никифоров А.А., Туман-Никифорова И.О., 2011

уловимость его сущности и есть главнейшее качество человека [2]. Разумеется, это нельзя признать нормальным. Наука должна дать определение сущности человека, причём сделать это должны не частные науки, а именно философия, в этом состоят её гносеологическая и методологическая функции.

Переходя в изучении какого-либо предмета от многообразия его наличных форм к его внутреннему содержанию и единству, переходим к его сущности. Можно заключить, что сущность предмета – это то, что отличает данный предмет от других предметов, т.е. совокупность его главных определяющих качеств, делающих его именно этим, а не другим предметом. Какие качества отличают и отграничивают человека? На наш взгляд, эти качества подразделяются на биологические, социальные и духовные [5]. Сущность не есть сам предмет, взятый во всей его целокупности, но сущность не существует и отдельно от конкретного предмета, «в нём», «до него», «над ним» или «за ним». При этом категория сущности не является творением человеческого интеллекта, категорией сознания, как полагают некоторые, а лишь отражает объективную реальность, объективно существующую совокупность главных отличительных качеств предмета.

Так Я. Щепаньский пишет: «Человеческая сущность – это идея, творение интеллекта, что-то подобное добру, справедливости, правде. Человеческая сущность идеальное представление о человеке. Она – совокупность идеальных черт» [9, с. 17]. С этим нельзя согласиться. Добро, справедливость, правда – не просто творения интеллекта, но категории социально-этические. Они формулируются сознанием, путём их осознавания, осмысления и познания, но существуют независимо от него, в общественных отношениях. Сущность категория не только социальная, но, в первую очередь, онтологическая и гносеологическая. При этом сущность и идеал – разные вещи. Стремление к осуществлению идеала, в т.ч. к осуществлению идеала человека, действительно заложено в сущности человека, но в то же время многие люди не стремятся ни к какому идеалу, ведут «полурастительное», «полуживотное» существование, но отнюдь не перестают быть людьми в своей сущности.

Человеческая сущность – это совокупность не идеальных, а реальных, главных отличительных качеств человека. Сущность человека – это единство трёх начал: биологического, социального и духовного. Человек, таким образом, это биосоциодуховный феномен. Все остальные качества и свойства человека могут быть объяснены либо как более частный случай одной из трёх общих составляющих, либо как проявление их сложного взаимодействия. Все качества и свойства человека оказываются, таким образом, приведены в систему, состоящую из трёх основных подсистем, а также различных отношений и связей между ними.

То, что сущность категория гносеологическая, не вызывает особых дискуссий. Но действительно ли сущность категория не только гносеологическая, но и онтологическая? «Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешние формы его существования» [6, с. 665]. С этим определением следует полностью согласиться. Отсюда следует, что сущность связана с бытием предмета «самого по себе», с ноуменальным существованием предмета независимо от того, воспринимается ли он познающим субъектом, обнаружен или нет. С феноменальным существование предмета, с его обнаружением и восприятием, с его самовыражением «для нас», а не просто «самого по себе» связано как раз явление, а не сущность как таковая. Отсюда вполне можно было бы сделать следующий вывод: сущность как раз *не является* гносеологической категорией, она связана с ноуменальным бытием предмета «самого по себе», а гносеологической категорией выступает явление, которое есть отражение и постижение сущности сознанием познающего субъекта и основывается на обнаружении предмета, его восприятии и осмыслении. Предмет, будучи явлен сознанию субъекта, является предметом познания, а будучи не явлен, есть просто предмет природы, элемент бытия, существующий сам по себе, вне и независимо от сознания субъекта, но при этом обладающий своей неповторимой сущностью, которая и делает его именно этим, а не другим предметом.

Редуцировать данный вывод нельзя только по одной причине: преодолевая метафизическое противопоставление сущности и явления, Гегель утверждал, что сущность является, а явление есть явление сущности. Поэтому и сущность, и явление, рассматриваемые в их неразрывном единстве друг с другом, следует считать категориями одновременно и онтологическими, и гносеоло-

гическими. «Сущность и явление – универсальные объективные характеристики предметного мира; в процессе познания они выступают как ступени постижения объекта» [6, с. 666]. В первой части сущность и явление характеризуются как онтологические категории, во второй – как гносеологические. И то, и другое – правильно. «Теоретическое познание сущности объекта связано с раскрытием законов его развития» [6, с. 666], но это развитие разворачивается само по себе, независимо от сознания, т.е. в онтологической реальности. «Онтология… раздел философии, изучающий… наиболее общие сущности и категории сущего» [6, с. 458]. Отсюда тоже следует, что любая сущность, в т.ч. сущность человека, категория, в первую очередь, онтологическая, т.к. человек, его природа и сущность, относятся к числу наиболее общих категорий сущего, да и само указание на то, что «онтология изучает наиболее общие сущности», свидетельствует о том, что сущность – категория онтологическая. Впрочем, и гносеологическая тоже: «Законы мышления и законы бытия совпадают по своему содержанию: диалектика понятий является отражением диалектического движения действительного мира… Категории материалистической диалектики имеют онтологическое содержание и одновременно выполняют гносеологические функции: отражая объективный мир, они служат ступеньками его познания» [6, с. 459]. Как видим, даже в традиционном понимании онтологии как «учения о бытии как таковом» сущность следует полагать категорией, в первую очередь, онтологической, а уже во вторую очередь – гносеологической. Впрочем, мы трактуем онтологию не как учение о бытии, а как учение (часть философии) о природе, сближая онтологию не с метафизикой [6, с. 458], а с натурфилософией.

Подробные обоснования такого авторского понимания тема отдельного исследования, но суть в следующем. На наш взгляд, категория «бытие как таковое» является теоретической абстракцией и по-другому может пониматься только в рамках идеалистической философии. Практическим, реальным бытием являются: «бытие вещей», «бытие предметов и явлений (в т.ч. “бытие психических явлений”)», «бытие природы», «бытие общества», «бытие человека» и т.д. Однако основа основ любой формы бытия «бытие природы», без которого невозможны все остальные формы бытия. Конечно, «бытие общества», «бытие человека» и некоторые другие формы не сводимы целиком и полностью к бытию природы, относительно самостоятельны («внеприродны») от него, но в то же время невозможны в отрыве от него. Бытие природы, или, другими словами, сама природа как таковая, является основой и общества, и человека, и всего остального. Поэтому в рамках материалистической философии вопрос «что значит быть (“что такое быть?”)» фактически означает вопрос об укорененности того или иного предмета или явления в природе, об их месте в системе природы. Понимание сущности как онтологической категории не противоречит и устоявшемуся пониманию онтологии, но ещё более вписывается в наше авторское понимание: сущность – это набор тех определяющих качеств, которыми предмет обладает «от природы», т.е. которые он приобретает в процессе становления и развития. Сам этот процесс (независимо от того, социальный он или духовный) в любом случае вписан в другие (в т.ч., природные) процессы, входит составной частью в систему природы и без существования природы был бы абсолютно невозможен.

Сущность человека (в отличие от природы человека) – это то, что отличает человека от всех других предметов и явлений, т.е. совокупность его главных, определяющих качеств. Сходное понимание сущности встречаем и у С.С. Батенина (правда, он называет его природой, что лишний раз свидетельствует об изрядной путанице, царящей в области постижения природы и сущности человека): «…Природа человека всё то, в чём и чем человек отличен от всех других существ, что характеризует особенности его бытия» [1, с. 3]. Но есть ли сущность (в этом понимании) у человека? Ведь некоторые философы выступают против употребления термина «человек вообще», настаивают на том, что друг от друга люди отличаются куда больше чем от носорога [8, с. 228], что нет таких главных, определяющих качеств, которые были бы вообще у всех людей, а есть только такие, которые определяют сущность данного индивида, но не «человека вообще».

М.Л. Хорьков вслед за М. Шелером выступает против попыток определить сущность человека, подчёркивая, что именно неопределяемость как раз и является сущностью человека, которая носит двойственный характер: сущность человека как индивида и сущность человека как вида, члена сообщества [7, т. 2, с. 524–528]. В чём здесь двойственность? Член сообщества и есть индивид,

вид также состоит из суммы индивидов. И во всех этих случаях человек (индивид, член сообщества, вид) – биосоциодуховное существо. Эволюция индивида (социализация и инкультурация) действительно отличается от эволюции вида (социогенеза и культурогенеза), но в то же время связана с ней напрямую (социализация прямое следствие социогенеза, а инкультурация – культурогенеза).

«Современная философская антропология оперирует образом человека без сущности в традиционном метафизическом смысле этого слова. Человек сегодня видится как несводимое, непредопределенное, невыразимое, незаменимое, неповторимое, трансцендирующее бытие. Разумность в смысле рациональности не считается уже определяющей характеристикой человека» [3, т. 1, с. 95]. Некоторые исследователи считают такое положение дел вполне нормальным и не торопятся дать определение сущности человека: «Раскрыть природу человека через его сущностное определение всё равно, что продеть клубок через игольное ушко. Игольное ушко требует разрушения целостности клубка, раскатывания его в прямую нить и расчленения последней на отдельные части, отчего клубок исчезает. Именно это мы и делаем с человеком как сложнейшей системой, когда сводим процесс его постижения к каким-либо сущностным определениям: через тело (Фейербах), через бессознательное (Фрейд), через общественные отношения (Маркс), через личную волю (Ницше), через разум (Гегель), через эмоциональные переживания (экзистенциализм) и т.д. В результате человек как целое исчезает. Современный подход, пытаясь вернуть человеку целостность, объявляет его космобиопсихосоциальным существом. Но эта заявка остаётся пустой декларацией, ибо суммирование составляющих (даже существенных) …целостности не даёт …неясным остаётся способ связывания атрибутивных характеристик человека в органическое целое» [4, т. 1, с. 173].

Не вызывает сомнений, что человек – сложнейшая система. Это и есть его сущностное определение. Требуется только уточнить, из каких элементов (подсистем) эта система состоит и как связаны (способ связи) эти элементы в единое целое. Человек – это сложнейшая биосоциодуховная система, совокупность биологических (природных, наследственных), социальных (приобретенных в обществе, в процессе социализации) и духовных (самовоспитанных, саморазвитых, самообразованных) качеств, состоящая из трёх основных подсистем (биологической, социальной и духовной), находящихся во внутреннем единстве и взаимопроникновении друг в друга. Сущность человека в единстве биологического, социального и духовного в том, что он биосоциодуховное существо. Хотя остается отчасти справедливым замечание Г.Г. Прониной о том, что «неясным остаётся способ связывания атрибутивных характеристик человека в органическое целое» [4, т. 1, с. 173]. Поэтому исследования в этой области, безусловно, будут продолжаться, но именно после однозначного определения природы и сущности человека эти исследования могут выйти на новый уровень постижения человека и смысла его жизни. Оперируя категорией «сущность» вкупе с её однозначным, ясным и чётким определением, философские и другие науки смогут, наконец, более эффективно подойти к постижению всех остальных, разнообразных и противоречивых, про**явлений** человека, ибо явление (проявление) – это явление сущности предмета.

Библиографический список

1. *Батенин С.С.* Человек в его истории. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1976. – 296 с.

2. *Деревянко В.И.* Человековедение в системе знаний о человеке и природе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ocheloveke.narod.ru/

3. *Невважай И.Д.* От человека разумного к человеку лгущему // Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей международной научной конференции, г. Волгоград, 14–17 сентября 2004 г.: В 2 т. – Т. 1. – Волгоград: ПРИНТ, 2004. – С. 95–99.

4. *Пронина Г.Г.* Онтологический аспект проблемы целостности человека // Человек в современных философских… – Т. 1. – С. 171–175.

5. *Туман-Никифоров А.А., Туман-Никифорова И.О.* Природа и сущность человека. – Красноярск: Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. 2008. – 232 с.

6. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

7. *Хорьков М.Л.* Философская антропология Макса Шелера: тема и проект // Человек в современных философских… – Т. 2. – С. 524–528.

8. *Шестов Л.И.* На весах Иова: Странствие по душам. – Париж: YMCA-PRESS, 1975. – 412 с.

9. *Щепаньский Я.* О человеке и обществе. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 174 с.

УДК 008

Шустров Андрей Григорьевич
кандидат философских наук
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
A.Shustrov@list.ru

СОЗЕРЦАНИЕ ИЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ВЫСШЕЕ СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ В ОЦЕНКЕ ВОСТОЧНЫХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Целью данной статьи является ознакомление с восточнохристианским наследием, считающимся базисным для отечественной гуманитарной науки. Особое внимание обращается на практику духовного созерцания как высшую форму познания и преобразования мира.

Ключевые слова: *созерцание, просвещение, энергия, природа человека, культура, личность.*

Проблемы культуры всегда находились в центре внимания общественного сознания и философских систем, начиная с древности. Но не менее остро они стоят и сейчас. Очевидно, что культурные феномены неразрывно связаны с религиозной традицией. Нередко встречается понимание культуры как культового действия, как выражение до конца незримых духовных основ мировоззрения.

Философская мысль России неразрывно связана с греко-христианским, византийским, наследием, впитавшим в себя и творчески переработавшим античность. В последнее столетие все больше на наше общественное сознание оказывают влияние разного рода доктрины западноевропейских рационалистических школ и направлений. Они, казалось бы, исходят из того же источника – общехристианского философско-культурного пространства средневековой культуры. Но эпоха Возрождения, Нового и новейшего времени внесли серьезные изменения в прежде схожий язык культуры. В результате многие бытующие у нас философские термины приобретают двойное и чуть ли не противоположное значение. К числу таковых в не последнюю очередь относятся понятия культуры, личности, просвещения, созерцания, творчества.

Созерцание и просвещение всегда считались сутью процесса познания и целью духовной жизни человека. Актуально, как никогда, сейчас обратиться к восточнохристианской книжной традиции, выработавшей многие базисные для отечественной общественной и гуманитарной мысли понятия.

Начиная разговор о созерцании, как оно представлено в творениях святых отцов, мы входим в область религиозно-мистическую, трудно поддающуюся описанию. Слова здесь уступают место духовному опыту. Да и сами христианские подвижники, переживающие это состояние, могли говорить только тогда, когда в нем уже не находились. Созерцание с точки зрения православной аскетической практики выглядит как непосредственное приближение к совершенству. Суть его сводится к тому, что ум человеческий может *видеть Бога*, то есть ощущать и воспринимать идущие от Него энергии. Восточнохристианские авторы считали это *естественным* свойством человека, присущим еще первозданному Адаму. Грех разделил человека с Богом и лишил его возможности Богозрения.

По мере *возрождения* человека, которое восточнохристианское вероучение связывает с Воплощением второго лица Святой Троицы Иисуса Христа, и очищения его в добродетелях восстанавливается и способность Богосозерцания. Симеон Новый Богослов пишет: «Как дом, оставленный по небрежности строителя без крыши, не только непригоден, но еще заставляет смеяться над строителем, так и тот, кто благодаря исполнению заповедей заложил фундамент и воздвиг стены высоких добродетелей, если не получит в созерцании и знании души благодать Духа, останется незавершенным и вызывает сожаление у совершенных» [10, с. 61].

Созерцание, с точки зрения святоотеческой антропологии, является отражением в душе человека Божественной Благодати. Как очищенное зеркало, ум сияет неземным светом. При органической связи души и тела этот свет заметен и телесным взглядом. На этом основании святые отцы делят духовное просвещение *на два этапа*. На первом из них Божественный свет воспринимается чувствами. Человеческие мысли и чувства носят на себе Его отпечаток и действуют при этом в соответствии с природой. Прояв-

 © Шустров А.Г., 2011

ление греховных наклонностей в естестве ветхого человека затемняет ум, и он падает. На этой стадии человек ведет себя как *младенец*: При помощи Творческого Света и Его поддержке он передвигается, без Него, при действии собственной природы, – падает. Это состояние у святых отцов называется *младенчеством* духа, или *добродетелью*, или *начальным просвещением*. На втором этапе созерцания ум воспринимает Божественную Благодать, хотя и находясь в теле, как бы без него. Это состояние *духовной возмужалости*, когда человеческий дух устойчив. Оно выше добродетелей нравственных заповедей, потому что переросло их. Святые отцы обозначали вневременное сознание *«плодом древа познания добра и зла»*.

Отцы Церкви отмечают, что до навыка в добродетели нельзя приступать к созерцанию. «Ибо, – говорит Максим Исповедник, – нельзя иначе благословлять Бога, как воздвигая к высоте созерцания и ведения, в соответствии с навыком бесстрастия, то есть беспечального и мирного состояния, лице душевного расположения, которое образовывается у многих и различных добродетелей, подобных отличительным чертам человеческого лица» [9, кн. 2, с. 155].

В своих трудах святые отцы очень редко придерживались строго определенной терминологии. Тем более это касается высших форм духовного опыта. Иногда созерцанием они обозначали рассудочное и чувственное восприятие мира, но чаще всего это слово закрепляется за стадией духовного просветления, идущей после добродетели [2, с. 97]. Ощущение Бога в человеке как *духовного света* восточнохристианские авторы полагали за *опыт*, идущий впереди знаний, получаемых в делании заповедей. Вообще же, действие Божественной Благодати в человеческой душе они именовали *просвещением*. Жизнь христианского подвижника в аскетическом мировоззрении выглядит как *восхождение в свет*. Если добродетель – начальная стадия просвещения, то созерцание – более высокая.

Григорий Палама пишет, что существуют два *просвещения*: Одно – просвещение знаниями, а второе – просвещение собственно светом, являющегося источником первого [4, с. 60]. Святые отцы отмечали, что Божия Благодать может соединяться и с до конца не очищенным сердцем, лишь бы человек выразил желание нравственно очиститься и подтвердил это трудом. Бог ему помогает в добродетелях. Без Него человеческая душа не могла бы принести никаких плодов.

Указанный выше автор со ссылкой на Максима Исповедника говорит, что добродетель безначальна. Она предшествовала сущности, будучи первичной. «Никогда не было, когда бы не было добродетели» [4, с. 311]. Добродетель существует во времени, то есть в творении нравственных заповедей, по *причастности* к ней человеческой деятельности. Именно *сопричастность* ума и природы человека с благотворящими энергиями Бога в восточнохристианской антропологии называется *опытом*. Он предшествует *знаниям*. Знания могут быть только в свете опыта. И опыт является светом, по святоотеческому учению, и знания, но *светом знания*, то есть сокрытого в вещах Бога.

Исаак Сирский пишет, что приобрести опыт о вещах означает принять в себя *ведение* о них [8, с. 300]. Процитируем еще этого же православного автора: «У нас два душевных ока, как говорят отцы, подобно тому, как два же телесных ока; но потребность видения не одна и та же в каждом из очей душевных. Одним оком видим тайны Божией славы, сокровенные в естествах, то есть силу и премудрость Божию и совечное промышление Божие о нас, постигаемое из величия управления нами… Другим же оком созерцаем славу святого естества Божия, когда благоволит Бог ввести нас в духовные таинства и в уме нашем отверзет море веры» [8, с. 609].

Григорий Палама, опираясь на все христианское Предание, отмечает, что опыт, или Богопознание, или Божественное откровение, приобретается сначала через порядок сущего [4, с. 255]. По святоотеческому учению, Бог не сразу открывает человеку свою природу, а, как для младенцев, сквозь образы тварного мира. Далее лестница восхождения в свет или ведение поднимается от сущего к несущему. «Неужели, – пишет Г. Палама, – не познаем мы через части все Божие, как по когтям узнают льва и по краю одежды – ткань, неужели не признаем в Боге причину всех вещей…» [4, с. 252]

В православной книжности *младенчеством* называется познание Бога через сущности тварного мира, не ясно и откровенно, а прикровенно и через *символы* [4, с. 200]. Указанный автор, заручаясь свидетельством Григория Нисского, утверждает, что внешняя мудрость необходима только в силу несовершенного возраста [4, с. 192].

Символ в христианском отношении – начало преобразования вещества, земли. Заканчивается оно в состоянии духовного созерцания, когда по опыту христианских подвижников не ощущается отличия между духовным и телесным. Символы Нового Завета *действуют*, говорит Дионисий, поскольку через них совершаются таинства [5, с. 833]. Православная аскетика ставит целью совлечения всего символизма и всей культуры, всех телесных одежд, чтобы непосредственным образом духовно воспринять Бога в исходящих от Него сущностных энергиях. В христианском вероучении это осуществляется на более высокой стадии просвещения – *созерцании*.

Созерцанием православные авторы называют духовное видение Бога [8, с. 164]. Григорий Палама со ссылкой на многочисленных отцов Церкви сообщает, что восприятие Бога является восприятием идущих от Него энергий в виде *света* [4, с. 272]. Бог открывается человеку, пишет в другом месте фессалоникийский архиепископ, как свет, фаворский свет Преображения Господня, описанный в Евангелии [4, с. 71,88]. Православная антропология называет этот свет ипостасным, потому что световидной силой человеческого чувства является его ум [4, с. 61]. Григорий Палама, истолковывая слова из Посланий Апостола Павла (2. Кор. 3, 7–18), указывает, что на человеке из-за преступления Адама лежит покрывало мрака, которое снимается Духом с достойных душ [4, с. 71, 88]. Бесстрастный человеческий ум, выражает автор православный взгляд на опыт созерцания, может удостоиться сверхприродного Богоявления [4, с. 62, 186].

Божественное, пишет Григорий Палама, есть в то же время *необычайнейшее* [4, с. 62, 186]. Начальное *просвещение* человеческого ума Божественной Благодатью в святоотеческой литературе называется *озарением*. Озарение вызывает *изумление* человека перед новизной открывающегося перед ним мира. Исаак Сирский говорит, что изумление есть начало просвещения. Оно возникает только после чистой молитвы. В это время ум лишается движения и поражается изумлением, когда нет памяти о чем-либо и различия между душой и телом [8, с. 107].

Символы принадлежат времени, и они неизбежно проходят, когда ум отвлекается от всего чувственного. Это новый этап восхождения в свет. Ипостасный свет, то есть не человеческой природы, а Благодати Святого Духа, наполняющий ум и все душевные силы, не встречает более препятствий в виде плоти.

Григорий Палама отмечает, что этот свет возникает по мере успокоения всякого внешнего движения ума [4, с. 195]. Такое бездействие ума, по мнению автора, имеет не отрицательное, а положительное значение [4, с. 80]. Личность изумляется тем, что ее наполняет. Изумление усиливается оттого, что человек не воспринимает различия между духовным и материальным. Как указывает Исаак Сирский, сердце приходит в изумление при смежении двояких чувств его, плотских и душевных [8, с. 11]. Удивление вызывает жизнь без чувств [8, с. 604]. Это состояние христианские подвижники называют *сверхъестественным* [8, с. 26]. Созерцание вызывает ощущение сверхъестественного в естественном. Духовное отражение сущности мира в сердце человека более высокая стадия постижения мира, чем познание или ведение вещей. Это единое знание, и оно дается *без труда*.

Удивление происходит в душе человека, по словам Иоанна Кассиана Римлянина, от совершенно неземной чистоты [7, с. 432]. Мир больше не действует на человека [8, с. 565]. Чувства, собранные воедино, не дают выхода из себя [8, с. 39]. А поскольку нет различения на чувственное и умственное, а действует один ум, пропуская через себя Божественный свет, то нет и различия между добром и злом. Христианское Предание называет *созерцание плодом древа познания добра и зла.* Зло всегда выражается чувственно, а контроль над этими чувствами закрывает ему дорогу.

Григорий Богослов трактует понимание древа познания добра и зла следующим образом. Он пишет, что «оно было хорошо для употребляющих благовременно, потому что древо сие, по моему усмотрению, было созерцание» [1, т. 1, с. 666]. Григорий Палама также понимает древо познания духовным образом. По его словам, «только совершенным в навыке божественного созерцания и преуспеяния в добродетели свойственно тесно соприкасаться с наиприятнейшими из чувственных вещей и при этом не отвращать ума от созерцания Бога, от песнопений Ему и молитв к Нему» [3, с. 101].

Святые отцы постоянно отмечают, что *чистота* душевная и телесная является условием благодатного созерцания. Исаак Сирский пишет, что пока внешне человек не умрет для всего мирского, а внутренний – для лукавых мыслей, в нем не

будет чистоты жизни [8, с. 446]. Чистота сердечная служит наградой за труд ума по освобождению собственной природы, земли от всяческий духовных терний. Ум соединяется с телом посредством души [4, с. 181]. Центром же души является сердце. Очищенная добродетелями от проявлений чувственных образов *земля отдыхает под паром* устремленных ввысь мыслей. Энергия ума не привлекается вниз, к душевно-телесным действиям. Он предоставлен сам себе. Поэтому в его сердце, как в *зеркале*, проявляются под воздействием Божественного света, который прежде занятый плотским деланием он не пропускал, духовные сущности предметов, или логосы вещества.

Таким образом, ознакомившись с достаточно редкой практикой духовного созерцания, представленной в трудах восточнохристианских авторов, можно подытожить следующее. Под созерцанием святые отцы понимали мистический опыт общения человека с Богом, происходящий в его духовной глубине, или личности. В античной философии под созерцанием также понималась высшая форма познания мира, осуществляемая без чувств, исключительно рационально. В христианской же аскетической практике созерцание, напротив, происходит на чувственном уровне, относящемся исключительно к области духовной или личностной жизни человека, иерархически независимой от его природного начала. Созерцание у христианских мыслителей является высшим результатом духовной культуры, или, словами восточнохристианского Предания, «обработки земли» человеческого естества.

Под просвещением восточные отцы Церкви понимали опыт взаимодействия человека с Богом, с Его творческими энергиями, сопричаствуя которым человеческий ум (сверхъестественное, а не рационально начало) просвещает и свою природу. Этот опыт идет впереди знаний, свидетельствующих об этой встрече. По мысли христианских авторов, без Благодати, или Благоносных энергий, познание человеком окружающего мира и действие его в нем затруднено, а иногда и опасно. В соответствии с восточнохристианским учением, эти полученные без «света», «во тьме», знания являются источником социальных бед и внутренних проблем человека. В аскетической духовной практике созерцания несовершенные знания исправляются в соответствии с истиной, понимаемой христианскими авторами как творческая энергия, исходящая от Бога.

Библиографический список

1. *Григорий Богослов.* Собрание творений: В 2 т. – Сергиев Посад: Изд-во Троице-Сергиевой лавры, 1994.

2. *Григорий Нисский.* Аскетические сочинения и письма. – М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2007. – 335 с.

3. *Григорий Палама.* 150 глав. – Краснодар.: Паломник, 2006. – 215 с.

4. *Григорий Палама.* Триады в защиту священнобезмолвствующих. – М.: Канон+, 2003. – 383 с.

5. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкование. – СПб.: Изд-во Алетейя, 2002. – 863 с.

6. *Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. – М.: Изд-во Лодья, 2002. – 465 с.

7. *Иоанн Кассиан Римлянин.* Собеседования египетских отцов. – М.: Правило веры, 2003. – 895 с.

8. *Исаак Сирин.* Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 2006. – 709 с.

9. *Максим Исповедник.* Творения: В 2 кн. – М.: Мартис, 1993.

10. *Симеон Новый Богослов.* Аскетические сочинения. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. – 218 с.

УДК 930.1:1

Цанн-кай-си Фёдор Васильевич
доктор философских наук,
профессор Владимирский государственный университет
Андреева Людмила Сергеевна
кандидат философских наук наук,
ст. преподаватель Владимирский государственный университет

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ

На основе деятельностно-культурологического (философско-антропологического) подхода статья показывает гуманистический смысл истории как альтернативу современному пессимистическому понятию «конца истории».

Ключевые слова: *многомерность истории, гуманизм истории, культура, деятельностно-культурологический подход, отчуждение, исторический субъект, смысл истории, цель истории, философия истории марксизма.*

Проблема статьи, вынесенная в ее название, заключается в том, чтобы показать многообразие образов истории, многомерность исторической реальности. Гуманистическое измерение истории, к сожалению, в отечественной исторической науке не занимает того места, которое оно заслуживает. На наш взгляд, сегодня данная проблема приобретает особую актуальность. Это обусловлено двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство связано с продолжающейся дискуссией о «конце истории», которая была инициирована статьей Ф. Фукуямы «Конец истории?». Сегодня предмет дискуссии несколько преобразился, приняв форму дискурса о «смысле истории», «цели истории». Но достигнутая цель истории и есть ее конец. Собственно и сам Ф. Фукуяма понимал «конец истории» как достижение исторической цели: создание открытого общества, в котором господствуют либеральные ценности. Социальное бытие людей при этом продолжается, но оно перестает быть *историческим бытием*[1], так как больше нет *идеи истории*, которая бы объединяла, воодушевляла людей, становилась перспективной целью. История утратила свой смысл. Но это был относительно «оптимистический» вариант «конца истории». В настоящее время на смену ему приходит «пессимистический» вариант, теоретическое обоснование которому пытается дать философия постмодернизма.

Информационное общество, пришедшее на смену индустриально-технологическому обществу, вызвало серьезные структурные изменения в бытии человека и его взаимодействии с природой, обществом, в положении человека в мире. Сформировались новые виртуальные реальности, относящиеся к числу символических, с их особой знаковой системой, особыми средствами решения социальных задач, с нетрадиционной средой обитания и т.д. Все это существенно повлияло на мироощущение и миропонимание современного человека, на смену им своих мировоззренческих ориентиров.

Оказалось, что информационное общество, возникшее на основе европейской научной рациональности, либеральных ценностей и демократических институтов, сегодня расшатывает и разрушает сами основания европейской культуры. Происходит смещение гуманистического вектора развития: он уклоняется от идеалов Возрождения и Просвещения, ориентированных на рациональную организацию общественной жизни, на развитие личности. Поэтому и встает вопрос, сохраняются ли гуманистические ориентиры в современном меняющемся мире. Именно эти новые явления в жизни техногенной цивилизации одними из первых заметили *постмодернисты*, провозгласившие «исчезновение бытия», «смерть человека», «конец гуманизма»…

Однако, вывод постмодернизма о «смерти гуманизма» является неадекватной реакцией на имеющие место в современной цивилизации тенденции агрессивной активности. Отождествив творческое начало, творческую деятельность с разрушительной активностью, со «своецентризмом» (Г. Батищев), постмодернизм отказал современной культуре в ее человечности, во всяком случае, поставил под сомнение ее гуманистическую сущность.

Возникшая новая онтологическая и гносеологическая ситуация требует от философии истории серьезного анализа происшедшего, переосмысления традиционной методологии и выра-

© Цанн-кай-си Ф.В., Андреева Л.С., 2011

ботки новых оптимистических, жизнеутверждающих идеалов, ценностей, способных противостоять разрушительным тенденциям нигилизма и аморализма.

Таким образом, требуется противопоставить концепции постмодернизма *новую онтологическую концепцию,* разработанную на основе философско-антропологического анализа бытия человека с учетом новой информационной реальности и места в ней человека.

Актуальность данной задачи усиливается в связи с тем, что идеи постмодернистской философии истории, проникая в массовое сознание, трансформируются в нем в ожидание судного дня, с указанием даже конкретных его сроков. Правда, некоторые из них уже прошли. Все это не может не привести в состояние истерии даже нормального, здравомыслящего человека.

В действительности же информационное общество может оказаться тупиковой ветвью развития, а может стать началом перехода к новой цивилизации, в которой у человека появиться возможность выступать в своем человеческом качестве. Нам представляется, что в ситуации духовного апокалипсиса есть смысл обратиться, прежде всего, к тем социальным проектам и моделям, которые вселяют в нас какую-ту надежду и оптимизм.

Что касается второго обстоятельства, актуализирующего разработку обозначенной нами проблемы, то мы имеем в виду переход на двухуровневую систему образования. В новых государственных программах и стандартах подчеркивается необходимость усиления базовой теоретической подготовки студентов-историков. Этой цели должны служить курсы «Теория и методология истории», «История исторической мысли».

Чтение лекций и проведение коллоквиумов показали, что в сознании студентов История существует в форме двух довольно упрощенных представлений о ней: в виде хаотического потока различных исторических событий, деяний, ситуаций и в виде неопределенных, чуть ли не мистических, надличностных, надындивидуальных сил – «исторических законов».

Надо заметить, что эти распространенные в массовом обыденном сознании представления господствовали и в историографии XVII–XVIII вв., приняв концептуальный характер.

Сознание, засоренное подобными представлениями об истории, нельзя назвать *историческим.*

Поэтому и появилась необходимость показать Историю в ином ракурсе, другом измерении – *философско-антропологическом.* В нашей литературе его чаще называют *деятельностно-культурологическим подходом,* или *гуманистическим измерением истории.* В основе этого подхода лежит целый ряд идей Маркса, выдвинутых им в 40-е – 50-е гг. в процессе формирования философско-исторической концепции.

Первыми в отечественной философии советского периода, предпринявшими попытку на основе идей Маркса дать гуманистическое измерение истории, были В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон. В своей книге «Теория и история» они выделили *гуманистически-личностный подход,* цель которого – «выявление человеческого смысла истории»[2].

К сожалению, концепция В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона не получила в то время своего дальнейшего развития, более того, была подвергнута критике. Г.А. Антипов в работе «Историческое прошлое и пути его познания» расценил гуманистически-личностный подход к анализу истории как ненаучный, свойственный социалистам-утопистам, не отвечающий «критериям научной рациональности», «формам научного, т.е. естественно-исторического описания»[3].

Но надо заметить, что для того времени точка зрения Г.А. Антипова имела оправдания. Однако сегодня ситуация существенно изменилась.

Мы имеем в виду процессы гуманитаризации и гуманизации современной науки.

Если в прошлом внимание философов привлекала *специфика* гуманитарного познания, подчеркивалось его отличие от естественнонаучного, то в настоящее время акцент делается как раз на то, что сближает гуманитарные и естественные науки. На этот момент обращает внимание академик В.А. Лекторский: «Если анализировать итоги развития наук о человеке и обществе за последние 30 лет, то есть основания считать, что их развитие идет не по пути размежевания с естественными науками, а по пути сближения с ними…»[4].

Позицию В.А. Лекторского разделяют и другие ученые. Например, В.Г. Кузнецов тоже подчеркивает, что «все программы выделения специфики гуманитарных наук, которые основываются на противопоставлении их методов методам естествознания, оказывается методологически несостоятельными»[5]. Приведем еще один пример, подтверждающий наличие новой тенденции

в современной философии науки. «В способах умопостигаемости мира, – пишут Ф.А. Лазарев и С.А. Лебедев, – существует принципиальное сходство между естествознанием и социально-гуманитарными науками, вытекающее из существования единого для них корня – рационального освоения мира человеком»[6].

Современное научное познание все больше и больше принимает конструктивно-творческий характер, в нем усиливается детерминирующая роль социокультурного и исторического моментов, что и приводит к эпистемологическому повороту в гуманитарном познании. С одной стороны, идет процесс гуманитаризациии науки в целом, с другой, в гуманитарных науках начинается применение методов, процедур, норм, требований, характерных прежде для естественных наук.

Как уже было сказано выше, гуманистическое измерение истории опирается на деятельностно-культурологический подход.

Авторы статьи исходят из того, что историческое пространство и пространство культуры, взятые в философско-антропологическом измерении, во многом совпадают. Содержанием культурного процесса является развитие родовых сущностных сил человека. Естественноисторический процесс, в свою очередь, оказывается не чем иным, как деятельностью человека, преследующего свои цели. Культура и история не являются разнопорядковыми процессами, их нельзя понять разъединенными, не взаимосвязанными. Если культура оказывается развитием человека в процессе его деятельности, то история предстает как смена конкретных форм бытия культуры. Таким образом, развитие общества выступает как культурно-исторический процесс развертывания логики чувственно-предметной деятельности человека.

При философском понимании культуры последняя не сводится только к системе ее духовных форм и ценностей. Но точно также и историческая реальность не ограничивается лишь объективированными надындивидуальными структурами. У исторической реальности – истории – и культуры одно и то же онтологическое основание: чувственно-предметная деятельность, но взятая в разных измерениях.

То есть деятельностно-культурологический метод оказывается имманентным самой истории, а не привнесенным в исследование истории извне. Действительно, о смысле истории, направленности, векторе истории можно вести речь в том случае, если разные фазы и периоды эмпирической истории можно сравнить между собой по уровню их развития, выявить всеобщее в этих отличающихся исторических связях, находить то, что обеспечивает преемственность исторического развития.

Чувственно-предметная деятельность, принявшая форму культуры, и представляет то всеобщее начало, которое делает различные фазы и эпохи исторического развития стадиями *единого исторического процесса.* Благодаря этому история обнаруживает и свою направленность, и свой смысл.

Философско-антропологическое измерение истории позволяет более строго относится к проблеме самостоятельности духовной культуры, учитывая ее специфику. При деятельностно-культурологическом подходе история культуры и история общества после осевого времени и до середины XIX века образуют единую всемирную историю.

Следует еще раз подчеркнуть, что деятельностно-культурологический подход к истории – всего лишь один из ракурсов ее видения, один из аспектов истории: история в гуманистическом измерении. При таком подходе главной исследовательской задачей становится изучение, познание смысла истории, вектора ее развития. Все остальные цели оказываются подчиненными этой главной задаче.

Деятельностно-культурологический подход в исследовании истории дает возможность синтезировать онтологию истории – теорию исторической реальности как социокультурного бытия, антропологию истории – теорию исторического субъекта как свободного, творческого социально-исторического индивида, и гносеологию истории – теорию исторического познания как одну из форм познавательной деятельности.

Такова в общем виде характеристика деятельностно-культорологического подхода, избранного нами в качестве методологии статьи.

В содержательном плане гуманистическое измерение истории включает в себя следующие положения:

1. История развития общества предстает как деятельность людей, преследующих свои цели, в результате их сложения и возникает новая историческая реальность. Разумеется, речь не идет о человеке как изолированном индивиде, своеобразном «Робинзоне»: имеется в виду родовой человек, т.е. человечество в целом.

При таком подходе история оказывается не сменой абстрактных отношений, институтов, организаций, способов хозяйствования, а историей человеческой жизнедеятельности. Именно человеческая деятельность является главным фактором в развитии языка, религии, фольклора, техники, политики и экономики, т.е. различных сфер общественной жизни. Так, например, экономику, общественное производство можно представить не только как производство вещей, но как производство человеческих связей, отношений, потребностей, интересов, т.е. производство самого человека. Точно так же юридическая система норм покоится на человеческой деятельности. Политическая система, связывающая нормы, вещи и людей через власть, законы, управление, включает, естественно, и человеческую деятельность. По сути, все исторические социальные институты, организации являются формами человеческой деятельности, которые характеризуются преобладанием традиции, имитации, подражанием авторитету…

Правда, в условиях, когда отношения между людьми принимают отчужденный характер, а результаты деятельности, объективируясь, выходят из-под контроля индивидов, появляется иллюзия «внешности», независимости, противоположности и даже враждебности истории человеку, его индивидуальной жизни.

2. Гуманистическое понимание цели истории, когда цель истории трактуется как имманентная логике развития человеческой деятельности, которая в процессе истории «снимает», преодолевает отчужденные формы, а самоцелью ее становится развитие самой личности. Данная трактовка связана с исторической концепцией Маркса и позволяет лучше понять те гуманистические идеи его философии, которые в середине XIX века могли показаться утопическими.

Для Маркса подлинно человеческое состояние общества означает свободное проявление и развитие сущностных сил общественного человека.

Тогда исторический процесс предстает как движение человека к единой всемирной истории, т.е. к взаимодействию, взаимосвязи культур, не поглощающих друг друга, а взаимно обогащающих на общем цивилизационном пространстве.

3. Гуманистическое измерение истории есть разрешение противоречий, который Маркс называл «загадкой истории», и, прежде всего, это противоречие между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»[7].

Мир культуры – это мир, созданный человеком, искусственный мир, не вытекающий из закономерностей природы, который в своем генезесе вызвал раскол естественной природы, поэтому у человека возникает ощущение противоестественности мира культуры. Противостояние природы, цивилизации и культуры резко возросло во второй половине XX века в связи с превращением человечества в планетарную силу благодаря научно-техническому прогрессу и обусловленному им расширению объема техносферы, искусственного мира, вызывающего разбалансированность «первой» природы.

Человеческая чувственно-предметная деятельность постепенно и постоянно снимает их противоположность: мир природы и мир истории образует единый мир бытия человека.

Соответственно, гуманизация всех сфер жизни общества и есть способ решения проблемы отчуждения человека в современном мире, который и состоит в том, чтобы дать раскрыться возможности всестороннего творческого проявления и присвоения индивидом своей сущности.

Содержанием этого процесса являлось формирование в человеке человечности, трансформирование в человеке природно-естественного в социально-культурное, упорядочение природного хаоса и придание ему организации и порядка. И в этом смысле история общества является культурно-историческим процессом.

4. История как культурно-исторический процесс развития общества. Как мы уже отмечали, культура не представляет особую реальность, находящуюся внутри социального бытия или составляющую один из его фрагментов. Культура – особая характеристика социального бытия со стороны тех его свойств, которые открываются, обнаруживаются в результате оценки социума человеком как субъектом деятельности. Эти свойства социального бытия, которое мы называем культурой, заключаются в том, чтобы бытие стало для человека его домом. Они носят субъектно-объектный характер, возникают в результате взаимодействия человека со своим миром на основе чувственно-предметной деятельности.

Следовательно, нет жесткой границы между миром культуры и остальным миром. Теоретически всё может стать объектом культуры, если будет нести на себе печать родовой человеческой деятельности, включающей гуманистический смысл, отблеск родовой сущности человека. Смысл культуры, тем самым, заключается в гуманизации мира посредством деятельности.

Роль, назначение культуры, ее сущность состоит в том, чтобы развивать в человеке личностное, творческое начало, формировать в нем человечность, способствовать его становлению в качестве субъекта культурно-исторического процесса.

Общество и культура представляют единство, но это единство носит диалектический характер. Сравнивая периодизацию исторического и культурно-исторического процессов, мы обнаруживаем, что культурно-исторический процесс, его темпы, эпохи и этапы гражданской, социальной истории часто не совпадают[8]. Развитие общества и культуры может совпадать, однако это совпадение происходит не всегда. Они совпадают в плане направленности своего развития. Вектор истории и вектор культуры один и тот же: преодоление отчуждения и постепенная универсализация исторических субъектов. Что касается взаимоотношения конкретных исторических форм общества и культуры, то совпадение не всегда имеет место, более того – оно может носить и конфликтный характер.

Таким образом, в исторической перспективе должна произойти синхронизация развития общества и развития культуры. А это возможно только в том случае, если развитие общества совпадает с развитием самого человека. Как только в истории общества сформируются отношения, при которых общество развивается не за счет принесения в жертву человека, тогда общество начнет выполнять основную функцию культуры. Именно так следует понимать слова Маркса, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества». «Предыстория общества» – становление личностных отношений, осуществление цивилизаторской роли. «Подлинная история общества» – совпадение развития общества с развитием культуры, превращение естественно-исторического процесса в культурно-исторический процесс.

5. История как развитие личностных отношений.

В гуманистическом измерении История предстает как процесс становления индивида личностью, сущность которой совпадает с развитием рода.

Историческое развитие – это не просто смена конкретных социальных отношений и общественных структур, но и смена образов жизни, способов жизнедеятельности, воспроизводства, соотношений индивидуального и общественного… Скажем, внутри формы личной или вещной зависимости существует целая сеть разных отношений индивидов на разных уровнях, в разных сферах, с разной степенью свободы индивидуального существования, личной инициативы, формы включенности в производственные отношения, активности индивидов и с различной степенью индивидуализации, способностей. Поэтому все богатство связей индивидов с обществом, которое невозможно выразить в дефиниции, в абстракции.

Каждый индивид (а тем более исторический субъект) включен в сложную систему общественных отношений. Поэтому надо избежать двух крайностей в оценке этого понятия. Во-первых, экзистенциалистской трактовки, что субъект лишен устойчивых определений, устойчивой структуры. Во-вторых, структуралистского вывода, что индивиды «расщеплены», у них нет целостности: они просто сумма функций и социальных ролей, каждая из которых автономна и независима.

Необходимо учитывать диалектику человеческой жизнедеятельности, которая помогает увидеть единство индивидуального и общественного в господствующем социальном типе зависимости индивидов. Это единство выражается в том, что индивиды выступают в качестве определенных *общественных характеров*.

Можно констатировать: *в истории наблюдается тенденция к становлению отношений все более личностных*. И в этом находит свое выражение гуманистический вектор исторического процесса.

Гуманистическое измерение истории только еще начинает складываться: не разработана методология, не обозначены контуры самого предмета, мало специальных работ… Поэтому исследователь сталкивается со многими трудностями.

Но общее направление исследовательской деятельности уже определилось: на основе анализа объективной логики человеческой деятельности показать возможность преодоления в истории многовекового *антагонизма* – не *противоречия* – между личностью и обществом.

При гуманистическом измерении истории феномен истории скрыт не в самой истории как

особой сущности, а в предметно-преобразовательной деятельности человечества, составляющей субстанцию человеческого бытия. В этом авторы видят гуманизм реальной истории и гуманизм исторического познания.

Гуманистическое измерение истории позволяет человечеству находить достаточно рациональный общий язык, общий смысл истории, общее миропонимание, может послужить важным катализатором для перехода от общества, ориентированного на потребительский менталитет, к формированию психологии общепланетарного конструктивного созидания, «новому гуманизму».

Примечания

[1] См. подробнее: *Цанн-кай-си Ф.В., Андреева Л.С.* Гуманизм истории. – Владимир, 2007.

[2] *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. – М., 1981. – С. 284.

[3] См.: *Антипов Г.А.* Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск, 1987. – С. 116.

[4] Гуманитарные науки как предмет философско-методологического анализа (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 58.

[5] *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: МГУ, 1991. – С. 129.

[6] *Лазарев Ф.А., Лебедев С.А.* Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. – 2005. – №10. – С. 110.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. – С. 116.

[8] См.: *Карпушин В.А.* К. Маркс о культурно-историческом процессе // Культура, человек и картины мира. – М., 1987.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Балахнина Лидия Васильевна
Тобольская социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева
strannik406@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ВИДОИЗМЕНЕНИЯХ S-ОБРАЗНОГО ПРОФИЛЬНОГО ЖЕНСКОГО СИЛУЭТА 70-Х – 80-Х ГОДОВ XIX СТОЛЕТИЯ

Мода связана со всеми изменениями, происходящими в жизни общества. Спустя время художественные произведения становятся ценнейшими историческими свидетельствами о модных тенденциях 70-х – 80-х годов XIX века.

Ключевые слова: *S-образный силуэт, профильный силуэт, живописные источники, документальные источники, история моды.*

Мода теснейшим образом связана со всем, что происходит в социальной, экономической, культурной и даже политической жизни общества. Спустя десятилетия все документальные материалы о моде, одежда и аксессуары, портреты и фотографии, становятся ценнейшими историческими свидетельствами.

Объектом настоящего исследования является светский женский костюм S-образного профильного силуэта, господствовавший на подмостках европейской моды в 70-х – 80-х годах XIX столетия. За этот период он неоднократно видоизменялся, но всегда оставался изящным и грациозным.

Итак, мода в самом начале 1870-х совершила крутой поворот. В 1870–1875 годах тон задавал Париж. Чарльз Фредерик Ворт уже осуществлял план кардинальных изменений женского платья: предложенный им в 1869 году турнюр – результат сложной драпировки сзади и специальной накладки под юбкой – совершенно изменил силуэт и вошел в моду повсеместно, в том числе и в России. Завершился длительный период моды на широкие платья на кринолинах. Так, к 1870-м годам даже в глухой российской провинции дамам и барышням было ясно, что носить кринолин – признак дурного тона. Следовало шить более узкие платья на длинном корсете, с турнюром и драпированным тюником, переходящим в трен.

В женской моде этого периода была заложена основа современного дамского гардероба. Если в Германии и в Америке моден женский силуэт барокко, для которого характерна солидность, пышность форм, то есть предпочтение отдается женщине «рубенсовского» типа, то во Франции и в Англии начинают увлекаться стройностью линий, следовательно, меняется тип женского образа.

Разница между этими двумя направлениями определялась двумя художественными течениями. В Средней Европе главенствовал австрийский художник Ганс Макарт. Он задал направление целому стилю: после удачного модного показа на Всемирной выставке в Вене в 1873 году восторжествовал «макартовский» стиль. Женская одежда украшалась тяжелыми воланами, бархатом, вышивкой, тесьмой, искусственными цветами, пуговицами, а также различными драгоценностями.

В это же время в Англии зародилось новое движение в искусстве, которое освобождало моду и все с нею связанное от фальшивых исторических стилей. Во главе его стояли Джон Рескин, Уолтер Крейн и Уильям Моррис. Линия платья теперь подчеркивает стройность фигуры, во всем наблюдается стремление к возвышенной простоте. Основой нового течения является стиль прерафаэлитов, предшествующий модерну.

Носителем информации всегда было изобразительное искусство. В Европе того времени можно наблюдать кардинальные изменения и живописного пластического языка, и композиционных решений. Анализируя эти изменения, можно отметить, что типичным для живописи импрессионистов является интерес к женскому портрету, при этом, как правило, выбирается поза в полный рост. Эта особенность французской живописи второй половины XIX века является хорошим подспорьем для исследователей европейской моды данного периода времени.

Французские живописцы стали законодателями моды, на которую ориентировались и другие

© Балахнина Л.В., 2011

Рис. 1.

страны. Так, в 1874 году Палом Синеем Мерше – потомком старинных венгерских дворянских семей – была написана картина «Дама в лиловом платье», являющаяся ярчайшей характеристикой женского костюма своего времени (рис. 1). Разворот фигуры в три четверти позволил художнику максимально точно передать стиль модного турнюрного платья. Кроме того, мастер сосредоточивает внимание на фактуре атласного платья и деталях его отделки. Таким образом художник дает почувствовать зрителю модные тенденции времени, где сочетание лилового цвета платья и черных кружев изысканно дополнено кремовым ажуром отделки.

Историю французской моды можно изучать по полотнам Пьера Огюста Ренуара. Художник, как правило, погружал свои модели в непринужденную обстановку. В 1868 году Ренуар написал портрет своего друга художника Альфреда Сислея с супругой Мари. Мари одета в контрастное по цвету и объёму платье. Тяжёлой, плотной красно-жёлтой в полоску объёмной юбке противопоставляется облегченный лиф из белой воздушной кисеи. Художник-импрессионист, как никто другой, уловил дух нового времени, который будет состоять из контрастов цвета, пропорций, фактур. Отметим, что небольшой объём юбки сохраняет, казалось бы, традиционную форму кринолина, но по очертанию она приближена к будущему каркасу турнюра.

Ренуар точно чувствует и передает дух парижских модных веяний. В его картине «Мулен-де-ла-Галетт», написанной в 1876 году, образ дамы несет отпечаток, с одной стороны, таинственного флера, а с другой – ноты интимности, что сообщает образу женщины особую чувственность. И это примета нового времени. Облегающий лиф, пышная задняя юбка, сформированная при помощи драпировок, и турнюр ярко характеризуют платье своего времени. Даже цвет вторит заданным модным тенденциям: основной массив нежного персикового цвета элегантно усиливает заданную чувственность синими бантиками, сообщая портретируемой некоторую кокетливость.

О дальнейших изменениях в моде говорит профильный силуэт: он становится более сдержанным. Это можно наблюдать в портрете стоящей Жанны Самари (1878 г.) Ренуара. Она одета в вечернее платье с глубоким вырезом и белыми перчатками на фоне Ками Франсез – театра комедии. Оттенки белой ткани хорошо контрастируют с насыщенными красками интерьера и вновь вызывают у нас двойственное впечатление: изысканности и некоторой откровенности.

Продолжая анализ творчества Огюста Ренуара в области отображения модного женского платья, можно отметить, что в 1879 году была написана картина «Гребцы в Шату», где впервые появилась Алин Шариго. Она, согласно действию картины, собирается сесть в лодку вместе с мужчиной. Дама одета в костюм, который состоит из цветастой синей юбки и оранжевого облегающего удлинённого сзади жакета. Благодаря ренуаровскому творчеству, мы становимся свидетелями того, что к 1880 году произошло карикатурное увеличение объёма в области заднего полотнища юбки турнюрного платья, а спустя пять лет турнюр резко уменьшается в своих размерах (О. Ренуар, «Зонтики», 1883 г.) и быстро сходит с модных подмостков.

Другим ярким представителем постимпрессионизма является Анри Тулуз-Лотрек. В его картине «Занятия Валентина с новыми девушками в Мулен-Руж» (1889–1890 гг.) изображена наблюдающая за танцами девушка в розовом платье. Внимание зрителя привлекает пластика профильного силуэта девушки, а именно изгиб спины,

сформированный при помощи специального корсета и баски, расположенной поверх турнюра – модных элементов женского платья.

Еще до 1880 года на короткий период изменилась модная линия: лиф спустился глубоко на бока, тесно облегая тело, и тем самым ограничивал движения. Насколько сократилась юбка спереди, настолько увеличился её шлейф сзади. Узкие рукава, опущенные плечи и высокие каблуки придавали тонкой женской фигуре какую-то тепличную хрупкость. И в профиль женская голова уменьшилась. Прическа поднялась выше, только несколько кудрей падало на лоб. Маленькие шляпки с перьями и зонтики от солнца заботливо прятали лицо от солнечных лучей.

Эта мода нашла свое отражение в картине Жоржа Сёра «Воскресенье после полудня на острове Гранд-Жатт», где точно воспроизведен образец S-образного профильного силуэта женского костюма. Он находится в некотором диссонансе с одежной других персонажей картины. Так художник угадывает дух времени, предчувствуя черты будущей эпохи [4, с. 286].

Русские художники, так же как и европейские, старались преподнести женский образ в более выгодном ракурсе, отмечая изящество профильного силуэта турнюрного платья. Например, «Неизвестная» Крамского – типичный образ светской дамы 1870-х годов. В нем нет тех нот откровения, какими были отмечены ренуаровские героини. Дама одета в казак – полудлинный прилегающий к талии жакет с воротником-стойкой, на груди повязана атласная лента. Сдержанность кроя, горделивость осанки – всё характеризует персонаж: надменность затмевает женскую чувственность, которая еле-еле пробивается сквозь томность взгляда.

Рис. 2.

Напротив, образ Веры Николаевны Третьяковой (1876 г.) кисти того же автора есть выражение того человеческого, безупречно женственного тепла, в котором есть и скромность, и простота, присущие истинно русской натуре (рис. 2). Портретируемая стоит на фоне зелёной листвы деревьев, залитых солнечным светом. Приталенный силуэт ее платья с верхней юбкой – тюник и бежевый цвет в сочетании с ажуром кружева характеризуют модные тенденции того времени. Однако несколькими годами позже S-образный профильный силуэт женского костюма завоевал безупречную популярность. В портрете Софьи Ивановны Крамской (1882 г.) можно видеть яркий образец такого платья. Объём сзади достигается драпировкой ткани и треном (небольшими подборами ткани на тесьму по центру заднего полотнища юбки), а на груди – с помощью нарядного элемента, выполненного из декоративных лент и искусственных цветов. Но отметим, что мода на большой турнюр постепенно уходит, привнося пропорциональное равновесие объему костюма.

Художественные произведения важны для анализа модных тенденций, ибо художники особенно чувствительны к веяниям и изменениям, происходящим в общественной жизни, и они через детали, аксессуары, атрибуты и их соотношения способны передать стилистические характеристики своего времени. Сопоставляя живописные произведения мастеров разных стран, мы видим, что законодателями моды остаются французы и англичане. Германии свойствен больший консерватизм. Здесь хоть и наметилась тенденция к выраженности S-образного силуэта, но методы конструирования костюма лежат еще в устоявшихся традициях, когда использовались обилие декорирования и максимальные драпировки ткани. В русской живописи мастера, создавая образ героини своей эпохи, также подчеркивали

красоту дамских туалетов, при этом важным оставалась натуралистическая точность в передаче фактуры тканей и их цветовой гаммы.

Стремительные перемены моды следуют, как в калейдоскопе, за событиями в европейской и российской истории. Уследить за переменами стиля, вкуса трудно с высоты прошедших лет. Однако, исследовав живописные источники, можно сформировать представление о последовательности возникновения и внутреннего содержания стиля, силуэта минувших лет.

Живописные образы ушедших эпох способны передать в колористическим строе, фактуре, в неуловимых деталях, ритмах, формах то, что делает прошедшее нам, современникам, абсолютно видимым и ощутимым.

Библиографический список

1. *Блохина И.В.* Всемирная история костюма, моды и стиля. – Минск: Харвест, 2009. – 400 с., ил.

2. *Васильев А.П.* Русская мода. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. – 544 с.

3. *Жужа Д. Фехер, Габор Э. Погань.* Венгерская живопись 19 в. – Будапешт: Корвина, 1973. – 79 с.

4. *Кибалова Л., Гербенова О., Ламанова М.* Иллюстрированная энциклопедия моды. – Прага: Артия, 1988. – 608 с., ил.

5. *Петровец Т.Г.* Энциклопедия импрессионизма и постимпрессионизма. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. –320 с., ил.

6. *Сарабьянов Д.* История русского искусства конца 19 – начала 20 веков. – М.: АСТ-ПРЕСС; ГАЛАРТ, 2001. – 301 с.

УДК 316.722

Ирхен Ирина Игоревна
кандидат педагогических наук
Смоленский государственный институт искусств
yulianairk@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СТРУКТУРИЗАЦИИ ПРОЦЕССА КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье предпринята попытка осмыслить имеющиеся методологические подходы к структуризации процесса культурной глобализации в России. Уточняется содержание ее уровней, представляющих изменения пространственно-временного континуума, конкретизируются процессуальные характеристики каждого из них.

Ключевые слова: *глобализация, культурная глобализация, регионализация, культурная унификация, структура культурной глобализации.*

Первое десятилетие XXI века для России ознаменовано устремленностью к устойчивому развитию. Приоритеты, обозначенные в «Стратегии-2020», посвященной развитию России, призваны оптимизировать ее движение вперед, возвратить утраченные позиции в основных сферах общественной жизни. Однако развитие российского общества осложняется необходимостью тактических «ответов» на «вызовы» (А. Тойнби) времени, среди которых глобализация и ее последствия выступают метатенденцией современности. Заявляя о себе неделимым мировым хозяйством, международной финансовой системой, ослаблением национально-государственных структур, всеобщей экологической взаимозависимостью, информационными средствами быстрой связи, глобализация предстает как объективный и необратимый процесс. «Культурная экспансия не объявляется специальной самоцелью, но она имеет место как сопутствующее явление» [18, с. 409]. Отсюда противоречивость глобализации как социокультурного процесса очевидна. Ее позитивное начало выявляется посредством интеграции народов и государств в единую инфраструктуру, открывающую новые ареалы общения, иные возможности духовного развития, обмена научными идеями и технологиями, доступ к информационным ресурсам всей нашей планеты. Негативная, «болевая» точка глобализации – в ее гомогенизации жизненного мира и проблем современной цивилизации (экологических, энергетических, демографических, коммуникативных и др.), в игнорировании идентификационно-ценностной ориентации человека. Усложняя бытие в целом, глобализация порождает угрозы – экологические, информационно-психологические, духовно-информационные, этико-культурные, которые приводят к отставанию, «выпадению» отдельных стран из формирующегося миропорядка. Наряду с общим, глобализация обнаруживает специфические характеристики, обусловленные ее проявлениями в различных странах.

© Ирхен И.И., 2011

Культурологический анализ глобализации в России потребовал уточнения ряда исходных методологических позиций. Ее пребывание в рамках глобализационных процессов можно расценивать как многоуровневый процесс, где проявляется специфика каждого уровня.

Анализ литературы убеждает в сложной структурированности глобализационных процессов. Причем главной методологической линией многие ученые считают водораздел между анклавом и периферией, который подчеркивает эксплуатацию странами «золотого миллиарда» отсталых государств [3; 5; 8; 17]. Этот подход не позволяет объективно отразить все происходящие процессы, ибо здесь снимаются промежуточные страты.

Не случайно ряд московских философов выделяет четырехуровневую структуру глобализационных процессов (мета-, мега-, макро-, микроуровень) [6, с. 23–24]. По их мнению, на метауровне глобализация являет реальный прорыв к безграничной коммуникации. На мегауровне глобализация обозначена тенденцией к трансгрессии национально-государственного объединения людей. На макроуровне глобализация рождает «горизонтальное общество», структурируемое властными и профессиональными отношениями. На микроуровне глобализация готовит «гражданина мира».

Эта схема, на наш взгляд, носит несколько абстрактный характер и должна выглядеть более конкретно, ибо культур-философский анализ позволяет идти дальше. Проецирование данной схемы на культурную глобализацию в России даст содержательное уточнение уровней, представляющих изменения пространственно-временного континуума, и конкретизацию процессуальных характеристик каждого из них.

В нашем понимании метауровень глобализации воссоздает процессы на уровне ойкумены, метагалактики, каждое новое состояние которой являет собой возможный ответ системы на жизнедеятельность человечества. Мегауровень воспроизводит глобализацию мирового пространства, оказывающую воздействие на Россию.

Однако необходимо различать и мезоуровень, отражающий глобализацию постсоветского пространства стран СНГ. Этот промежуточный уровень «снимает» противоречия между глобальными и локальными тенденциями, упорядочивает движение от общепланетарного мегауровня к макро-, затем к микроуровню и наоборот. Гармонизующиеся здесь встречные потоки обеспечивают «переплавку» универсально значимого содержания в «национальном котле». Макроуровень непосредственно охватывает глобализацию в рамках региональных пространств России. Наконец, микроуровень есть проявление глобализации на уровне личности. Обозначенные уровни существуют не параллельно, а в соприкосновении и переплетении. Формируемый новый мировой порядок востребует основательную коррекцию всех сфер, в особенности социокультурной. Заявленный тезис требует более пространного осмысления.

Отметим вначале, что по отношению к общемировым процессам в целом в нашей стране есть своя специфика, с которой нельзя не считаться. Место регионов России в глобализации определяется как «двойная периферия» (внутри мировой системы и внутри страны в сравнении с городами-мегаполисами). Запуская интеграционные процессы в мировом масштабе, глобализация одновременно генерирует дифференциацию и локализацию. Поэтому регионализация, проявляемая в стремлении субъектов федерации сберечь национально-культурную самобытность, противостоит глобализации. В известном смысле глобализация и регионализация сопоставимы с взаимодействием центробежной и центростремительной сил. Центробежная сила форсирует многообразие, расчленение социокультурного единства, в то время как центростремительная сила унифицирует материальную культуру и стандарты образа жизни, нивелируя культурное разнообразие. Недаром регионализацию называют глобальным процессом современности, ибо «склеивание» глобального мира в единую целостность происходит в основном локальным путем.

Россия, как «страна регионов», извечно разнилась своими территориями ввиду исторических и географических причин. Основные различия наблюдаются по многим осям: север/юг – с особенностями, характерными для других стран; запад/восток – с чертами, обусловленными направлением «освоения»; старая/новая столица с некоторыми штрихами, общими для стран с аналогичной «двухстоличной» ситуацией; а также специфичность областей, населенных преимущественно казаками, поморами, старообрядцами» [16, с. 101]. Эти наложения образуют «контрастное сопряжение “ядерных” и “периферийных” процессов» [9, с. 13]. В этой связи право-

мерна модель социокультурного пространства как системы в совокупности ее регионов: Центральной России, Северо-Запада, Русского Севера, Юга России, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока [2; 7]. Каждому из них присуща объективность, устойчивость, своеобразная конфигурация, сложносоставность, соответствие «целому», особое богатство образа жизни и регионального менталитета. Проявления уникальности регионов увязывают и с колоритной спецификой самих культурных процессов территории. Именно поэтому региональные процессы требуют своей модификации.

Пребывая в постоянной динамике, регионы меняют векторы своего развития. Несмотря на внешние и внутренние влияния, инвариантом для культурного состояния региона остается привязанность к определенному месту и сложившиеся общности людей. Кроме того, регион образует территориальное, временное, социальное пространство, на котором происходит социализация личности, формирование и трансляция норм, ценностей, природных и культурных богатств. Здесь складывается и своя общественная, самоорганизующаяся система с культуросообразными целевыми ориентирами, собственным мировоззрением, историческими традициями. В современных реалиях российские регионы вынуждены выстраивать свою локальность в контексте глобальных процессов, ибо их «центры придают новые смыслы сложившимся цивилизационным делениям» [12, с. 69].

Неизбежное влияние глобализации просматривается в снятии с регионов «защиты расстоянием». Сегодня конкуренция достигает самых отдаленных уголков страны благодаря развитию информационных технологий, наращиванию сетевых фирм, электронной торговли, дистанционного обучения. В итоге ключевые социокультурные позиции регионов оказываются подвластны событиям на других территориях. Их функционирование напрямую зависит от приложения местных ресурсов, в том числе и культурных, привлекательных для иных потребителей. Парадоксом культурной глобализации становится нарастающая выразительность локальных различий. Уступая масштабностью, они обретают новое качество благодаря унифицирующей глобализационной тенденции.

Обращение к практике разных территорий показывает, что области Центральной России, Севера, Юга и Урала сильно разнятся. В последних трех традиционная культура богаче, что проявляется в диалекте, фольклоре, современном композиторском творчестве и даже в названиях художественных коллективов. Это доказывает, что культурная жизнь российских регионов служит определенным индикатором их событийности, ибо колоритность местных феноменов совмещается с привнесением столичных достижений на провинциальную почву.

В региональном пространстве современной России вырисовывается тенденция образования «городов-центров» в федеральных округах. Именно крупные города, ввиду стремительных культурных трансформаций, высоко развитых городских средств массовых коммуникаций, становятся центрами культурной индустрии. Синхронно изменяется и личность его жителей. Поэтому соразмеренность города и человека, их адекватность друг другу позволяют оптимально реализовать человеческую сущность. Вместе с тем из городов-мегаполисов исходит процесс вымывания традиций русской культуры. Речь идет о наращивании в 2000-х годах коммерческого сектора культурного комплекса, например Москвы, который, не выполняя базовых функций культуры, удовлетворяет в основном потребность в гедонизме. При этом москвичи позитивно оценивают возникшие учреждения, отмечая улучшение состояния культуры в городе [11, с. 557].

Таким образом, в условиях социума многомиллионного мегаполиса открываются возможности более активного включения в мировые глобализационные процессы, в то же время возникают иные последствия. Образующийся микроуровень глобализации отражает становление личности, сохранение ее культурной идентичности в условиях новых «вызовов» эпохи. Формируемый «ответ» сталкивается с негативными факторами, в частности, с запредельностью техногенного общества для личного интеллекта. Это явление обнаружимо через психологическое истощение личности.

Происходящие в мире социально-культурные изменения порождают массовую индивидуализацию жизни. Стремясь освободиться от социальных норм и общих судеб поколения, человек строит жизнедеятельность лишь на основе собственного выбора. Это касается местожительства и образования, духовных ценностей и культурных предпочтений. Подобное беспокойство, в ча-

стности, высказывалось участниками III Российского культурологического конгресса (2010 г.). Включение в единую потребительскую сеть формирует так называемую «сетевую личность», которая активно выстраивает горизонтальные сети в виртуальном и реальном пространстве, стремясь «не отстать от других» [10, с. 427]. Возникающая ситуация трансформизма отражает переход событий микроуровня до макроуровня и наоборот. В результате, то или иное локальное явление, обретая широкомасштабный характер, сказывается на частной жизни индивида.

Как мы видим, возможности воздействия глобализационных процессов на человека достаточно велики. Формирующаяся модель личности конструирует свою биографию и личностное становление исходя из диктуемых предпосылок глобального бытия [15, с. 207]. Недаром глобальный человек, с его качественно новыми характеристиками, потерями и обретениями в глобализирующемся мире, оказывается в центре философского дискурса. Его оценивают как «продукта обезличенной толпы» [1, с. 128], теряющего духовность. Преобразование сознания и поведения глобального человека акцентируется в работе А.С. Панарина. К глобализации восприимчивы: представители ростовщическо-спекулятивной среды с окружающей ее потребительско-гедонистической «богемой» общества, а также левый авангард и его круг [14, с. 399]. Это и есть типы глобального человека.

Итак, глобализационные процессы трансформируют духовные регулятивные структуры личности, удаляют ее от социальных зависимостей становления. Взращенный на достижениях человеческой культуры индивид оказывается жертвой глобализации, ибо из-за нивелирования своей идентичности, самоценных личностных качеств в нем побеждает «воля к смерти», а не воля к жизни [1, с. 148]. Поэтому глобальный человек обнаруживает себя преимущественно в эпатажном поведении, нежели в культуротворчестве. Вместе с тем меняется и общественная установка: каждый должен самореализоваться как личность, отвечать за свою судьбу. Нарастающая социальная мобильность вызывала к жизни понятие «гражданин мира», или «космополит», ставящий идею единства всех людей мира превыше идеи принадлежности к нации. Иной смысл обретает содержание понятия «патриотизм». Получает поддержку позиция «Родина там, где лучше живется», «человек может любить разные страны за их достоинства». Причем поиск оптимального местожительства, обусловленный «ускользанием от контроля, деспотизма нормы» [14, с. 193], определяет миграцию в страны с разряженной нормативностью. Речь идет о размывающемся чувстве патриотизма, негативном отношении к российской истории.

Для русского «культурного архетипа» (К. Юнг) понятия родины, патриотизма, государства всегда исполняли роль мощного национально-объединяющего фактора. Это подтверждается материалами опроса Аналитического центра Юрия Левады [13, с. 159]. Согласно опросу 2009 г., 74% россиян горды своим гражданством. Они относятся к молодежной когорте 18–24 лет либо являются представителями высокого потребительского статуса, жителями крупных городов с населением более 500 тыс. чел. Доля тех, кто не слишком гордится своим российским гражданством, не превышает 16% (заметим, что пик в 21–22% приходился на 2003–2007 гг.). Эти данные убеждают, что изначальное ощущение внешнего единства с социумом, с корпорацией, «растворение» в них порождают у россиян гордость за свое Отечество. Но при расширении чувства «большой родины» до мировых масштабов они все чаще идентифицируют свое место в географическом пространстве с «малой родиной», где вырос человек. Поэтому промежуточными между макро- и микроуровнем становятся этнические культурные ареалы как явление глобализации, ярко просматриваемое в мегаполисах. Их культура подвергается воздействию массовых мигрантов из бывших союзных республик. Компенсируя естественную убыль населения столицы, миграция может обернуться трудно разрешимыми социально-политическими проблемами. Вот почему отношение к мигрантам в регионах неоднозначно [13, с. 145]. Это касается прежде всего «выходцев с Кавказа» и Средней Азии, проживание которых на территории России призывают ограничить соответственно 38% и 20% респондентов. Так, по официальным данным [4], в Москве проживает 1,5 млн. азербайджанцев, а по некоторым данным до 3 млн., при этом миграционный прирост азербайджанской общины продолжается. Характерно, что уроженцами Москвы является азербайджанская творческая и техническая интеллигенция, которая, обрусев и приняв русскую культуру, становится ее носителями и практически занимается ин-

теграцией азербайджанцев в российское общество. Однако большинство азербайджанцев представлено переселенцами из сельских мест – рыночными торговцами и их семьями. Не принимая материнской, почвеннической русской культуры, они остаются в своей национальной культуре, порой плохо владея русским языком.

Здесь просматривается ситуация «между», которая выступает симптомом бытия мигрантов в мультикультурных городах-мегаполисах. Возросшая мобильность населения, перемещение его больших групп существенно усложняют коммуникативные взаимодействия. И хотя подавляющее большинство азербайджанцев мечтает когда-нибудь вернуться на родину, это чувство обретает характер симулякра, ибо распространяющиеся браки с иноверцами запрещаются исламом. В двойственности и противоречивости этого явления можно увидеть глобализационные культурные параллели, которые, накладываясь, представляют мозаичную картину высоко урбанизированного пространства.

В целом на микрорегиональном уровне наблюдается циркуляция смыслов и значений, которые, продуцируясь в культурных границах урбанизированного пространства, способствуют поддержанию традиции и обмену культурными идентичностями. В современных реалиях «микроглобализация» слабо сопрягается с динамичностью экономических и социокультурных процессов на других уровнях глобализации.

Таким образом, социокультурные реалии регионального пространства в современной России показывают одновременное действие глобализации и регионализации. Ограничивая и взаимодополняя друг друга, они образуют внутренне противоречивую целостность. В условиях турбулентного развития глобализации образуется новая разграничительная линия, которая фиксирует разнотипную реакцию на мета-, мега-, мезо-, макро- и микроуровнях, отражающих разные страты глобализационного процесса.

Библиографический список

1. *Абдулатипов Р.Г.* Воля к смерти (философия кризиса глобального человека). – М.: Классикс Стиль, 2007. – 192 с.

2. *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – 418 с.

3. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. Л. Каневского; предисл. Э. Тоффлера. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 133 с.

4. *Белов С.С., Кеймах В.Р.* Национальные диаспоры Москвы. – М.: Гласность, 2010. – 384 с.

5. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

6. Глобализация и мультикультурализм / Отв. ред. Н.С. Кирбаев; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2005. – 332 с.

7. *Казакова Г.М.* Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): Автореф. дис. … д-ра культурологии / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2009. – 42 с.

8. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука.– М.: Алгоритм, 2002. – 253 с.

9. *Кондаков И.В.* Архитектоника русской культуры: Автореф. дис. … д-ра филос. наук в форме науч. докл. / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. – 75 с.

10. Креативность в пространстве традиции и инновации: тезисы докладов Третьего Российского культурологического конгресса с междунар. участием (С.-Петербург, 27–29 окт. 2010 г.).– СПб.: Эйдос, 2010. – 556 с.

11. Культура и культурные потребности москвичей / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн. – М.: Экономика, 2010. – 239 с.

12. Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: Сб. науч. статей / Рос. ин-т культурологии; Под ред. Ю.М. Резника и Н.И. Мироновой. – М.: Независимый ин-т граждан. общества, 2010. – 192 с.

13. Общественное мнение – 2009: ежегодник / Аналитический Центр Юрия Левады. – М.: Левада-Центр, 2009. – Вып. 11. – 208 с.

14. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: Эксмо, 2003. – 416 с.

15. *Ремизов В.А.* Культура личности: ценностно-мировоззренческий анализ. – М., 2000. – 214 с.

16. Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни: Тезисы III Всерос. науч. конф. (Пенза, 1995 г.). – Пенза, 1995. – 208 с.

17. *Семенов Ю.И.* Философия истории: общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.

18. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. – М.: Согласие, 2010. – С. 409–412.

УДК 78.071.1: 781.6.083

Шарипова Розалия Муртасимовна
Набережночелнинский государственный педагогический институт
Roz-sagdeev@yandex.ru

КАНТАТНО-ОРАТОРИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ТАТАРСКИХ КОМПОЗИТОРОВ (60–80-е годы XX века)

Развитие хорового творчества татарских композиторов закономерно привело к освоению кантатно-ораториальных и других многочастных хоровых жанров. Многочисленные кантаты и оратории предназначались для большого состава исполнителей с важной ролью хора как ведущего участника действия. Среди авторов: Б. Мулюков, Р. Губайдуллин, А. Монасыпов, М. Яруллин, Л. Хайрутдинова, Ш. Тимербулатов и другие;

Ключевые слова: *кантата, оратория, хоровая песня, музыкальный язык, татарские композиторы, хоровой коллектив.*

Кантатно-ораториальные жанры – это значительная и разнообразная область хорового творчества татарских композиторов, развивавшаяся во второй половине XX века в русле современных традиций названных отечественных жанров. Кантаты татарских композиторов являются циклическими произведениями для солистов, хора и оркестра. В татарской музыке получили распространение кантаты и как жанр торжественной песни. Циклические кантаты имеют много общего с жанром оратории, где кроме перечисленного состава часто присутствует и чтец. Считается, что кантата – это меньшего объема произведение, чем оратория, которая обладает к тому же развитием сюжета. Но в музыке XX века жанры кантаты и оратории сближаются; иногда определение жанра зависит только от самого композитора, относящего свое произведение к тому или иному вокально-симфоническому жанру.

В кантатах и ораториях татарских композиторов прослеживается определенная линия преемственности, идущая от оперных хоров Н. Жиганова (особенно хоров из оперы «Джалиль»), а также его кантат как хоровых песен. Это проявляется в общей стилистике музыкального языка, в котором нет прямых связей с жанрами народных песен, в общих приемах построения эпизодов.

Кантаты татарские композиторы стали создавать с конца 1940-х годов. Кантаты и оратории татарских композиторов более всего связаны с патриотической, героической, праздничной тематикой, воплощаемой в торжественных звучаниях солистов, хора, симфонического оркестра. Со временем интерес к кантатно-ораториальному жанру заметно ослаб, что объясняется целым рядом причин – не только идеологического порядка, но и долгим отсутствием в Казани профессионального коллектива (типа хоровой капеллы).

Одним из первых[1] к жанру кантаты обратился М.Г. Латыпов: «О героях четвертой Ударной Армии» (слова С. Баттала и Я. Меркурьева, 1946), «О приволжцах» (1948), «Кантата о Родине» (1954), «Столице нашей отчизны – Москве» (1957). В 1949 году кантату «Урал» создает Р. Яхин. Кантаты М. Музафарова – «Путь к счастью» (слова Х. Вахита, 1950), «Цвети, Татарстан» (слова Х. Вахита, 1956). В 1950-е годы написаны кантаты: Э.З. Бакировым – «Кантата, посвященная 30-летию ТАССР», Х.В. Валиуллиным – «Родной край» (слова Н. Арсланова), Б.Н. Трубиным – «Волга». В 1960-е годы: Ю.В. Виноградовым – «Соловей и родник» (слова М. Джалиля), Б.Г. Мулюковым – «Татарстан», «Времена года», Р. Губайдуллиным – «Страна Татария», А.З. Монасыповым – «Солнечный Татарстан». В 1970-е годы: А.Б. Лупповым – «Казань» (слова В. Маяковского), Б. Трубиным – «Край родной», А.С. Миргородским – «Владимир Ильич» (слова В. Маяковского), Б.Г. Мулюковым – «Ульянов-Ленин в Казани», «Времена года»; Л.А. Хайрутдиновой – «Всегда готовы» (слова Р. Миннуллина и А. Салахутдинова); Ш.Х. Тимербулатовым – «Мать» (стихи М. Джалиля и автора музыки).

Создателем первой татарской оратории считается М.З. Яруллин – оратория «Человек», 1970-й год написания. Но в справочнике «Композиторы и музыковеды Советского Татарстана» [1] указано, что в 1969 году ораторию «Когда прилетают журавли» написал Р. Губайдуллин, живший в 1940-е – 1970-е гг. в Казани. Кроме того, и профессор А.С. Леман, многие годы руководивший кафедрой композиции Казанской консерватории, создал оратории «Ленин» и «Атланты». Оратории также на-

 © Шарипова Р.М., 2011

писаны: Э. Бакировым – «Казань», «Века и минуты», Б. Трубиным – «Сходка» (стихи Р. Кутуя).

К кантатно-ораториальным жанрам примыкают и другие многочастные произведения, которые композиторы называют хоровыми циклами, поэмами и так далее, например, вокально-симфоническая поэма «Песня родника» (стихи М. Джалиля) Ф. Ахметова, поэма для чтеца, меццо-сопрано, хора и оркестра «Памяти Мусы Джалиля» Р.А. Еникеева, его же хоровая поэма «Земля вертится».

Кантата «Татарстан» Б.Г. Мулюкова на слова Р. Хариса (1967) явилась одним из его первых значительных хоровых произведений. Увлеченность композитора жанрами хоровой музыки проявилась в том, что на протяжении более чем двадцати лет он обращался к сочинению хоровых произведений кантатно-ораториального жанра. Мулюков хорошо знал специфику хорового исполнительства – руководил рядом детских хоровых коллективов, работал в Казанском университете культуры и искусства, создавал произведения для студенческого хора этого вуза. Уже в кантате «Татарстан» проявились те черты творческого письма Б. Мулюкова, которые затем будут далее развиваться в его хоровых сочинениях. Это выразилось, прежде всего, в стремлении композитора выйти за рамки сольно-хоровой песни, весьма распространенной в хоровом творчестве татарских композиторов старшего поколения. Каждое из хоровых произведений Б. Мулюкова продумано по форме, то есть по композиции целого и его деталей; предпочтение отдается хоровому многоголосию; партия инструментального сопровождения насыщается активным функционально-гармоническим развитием. Все это проявилось в кантате «Татарстан».

Кантата М. Яруллина «Нефтяники» на слова поэта Р. Хариса предназначена для солиста, смешанного хора и симфонического оркестра. Обращение к такой теме было обусловлено веянием времени: композитор, безусловно, выполнял социальный заказ. Но в результате получилось интересное произведение, написанное с искренним увлечением и хорошо продуманной техникой композиторского письма.

В целом, кантата «Нефтяники» воспринимается и в своей второй функции – как гимническая песня. Кантата исполнялась хором нефтяников, функционировавшим в Альметьевске в 1970-е – 1980-е годы.

Первая татарская оратория для солистов, хора, оркестра и чтеца «Человек» принадлежит перу М.З. Яруллина. Этот жанр требовал от авторов музыки и текста («либретто», как сказано в изданном клавире[2], принадлежит Р. Харису) выстроенности формы, сюжетной линии, владения целым рядом приемов, которые были предназначены для объединения частей в целостную композицию. М. Яруллину предстояло решить, обратившись к жанру оратории, много новых задач, связанных со спецификой этого жанра и музыкальными средствами реализации задуманного.

В оратории семь частей: I часть «Земля и Человек» – для смешанного хора и инструментального сопровождения; II часть «Прометей» – для хора, чтеца, солиста и инструментального сопровождения; III часть «Ленин. Революция» – для хора, чтеца и инструментального сопровождения; IV часть «Труд» – для того же состава, что и I часть; V часть «Колыбельная» – для женского хора а капелла и солистки; VI часть «Война. Муса» – для хора, чтеца, инструментального сопровождения; VII часть «Человеку слава» – для хора и инструментального сопровождения. В самом расположении частей с наличием разных образов выстраивается контрастная драматургия, отражающая замысел произведения, который можно трактовать как человек в окружающем его мире. Каждая часть служит, по замыслу авторов, раскрытию одной из сторон многогранного основного образа.

Основная драматургическая функция принадлежит хору, трактованному в этом произведении многообразно, но достаточно экономно. Хоровая фактура ясна и прозрачна, не перегружена; композитор не обращается к приемам многоголосных divizi, к сонорным хоровым эффектам. Это объясняется, в первую очередь, содержанием произведения, отсутствием необходимости обращения к звукоизобразительным приемам. Вместе с тем современный музыкальный язык, свойственный оратории «Кеше», требует самого внимательного отношения к выстраиванию хоровой вертикали. Хоровой партии принадлежит в произведении важнейшее значение носителя основного тематизма, а также функция формообразования с выделением кульминационных зон и так далее. Один из первых в татарской музыке М. Яруллин обращается к использованию приемов полифонической техники на основе национального мелодизма.

В целом, оратория «Человек» характеризуется умелым и органичным сочетанием тематизма с четко выраженной национальной окраской и формой, обладающей, в основном, признаками классических композиций. Именно М. Ярулину принадлежит приоритет в обращении не только к приемам полифонического развития, но и полифоническим формам (фугато, фуга). Композитор доказал средствами хорового письма возможность построения полифонических форм на основе национального тематизма.

Оратория «Казань» Б. Мулюкова на слова Р. Хариса предназначенная для чтеца, солистов, хора и оркестра, написана в 1977 году. Это многочастное произведение с наличием общего замысла (повествование о событиях, связанных с историей Казани).

В работе над этой ораторией Мулюков внимательно отнесся к выбору вокальных тембров, напрямую связывая их с содержанием поэтического текста. При этом он очень мало обращается к традиционному для татарской музыки приему долгого звучания сольного голоса (обычно сопрано) на фоне хорового многоголосия. Весь хор активно задействован на протяжении семи частей оратории, сольные эпизоды немногочисленны и довольно кратки, чаще это начальные запевы, подхватываемые затем хоровым коллективом. В качестве примера сольного эпизода можно назвать соло девушки во II части оратории с интонационными элементами известной татарской песни «Белый калфак». Основными средствами хорового развития являются разнообразные приемы хоровых перекличек, передачи основной линии от одних тембровых групп другим. Примером может быть практически любая часть оратории, в том числе VI часть «Город труда», построенная на чередовании хоровых тембров. Быстрый темп части, отсутствие слоговых распевов (слог-звук), ровная ритмика восьмых длительностей, частые переклички тембровых групп – все способствует общему праздничному звучанию, характерному для всей части. Без сомнения, опыт создания подобных хоровых сцен пригодился Б. Мулюкову в работе над оперой «Черноликие», написанной спустя четыре года после оратории (1981).

Оратория «Тукай» (слова Х. Гарданова) была создана Б. Мулюковым в 1985 году. Навыки работы над таким жанром, как опера, оказались весьма востребованными при сочинении названной оратории. Оратория «Тукай» – это произведение, в котором явно чувствуется возросшее мастерство композитора, его умение применить в хоровом жанре приемы развития, свойственные опере с драматическим сюжетом.

«Тукай» – это масштабное произведение, события в котором можно представить в сценическом варианте, поскольку сюжет развивается как повествование о сложной судьбе великого татарского поэта. Действие сквозного характера происходит при участии хора, симфонического оркестра, нескольких солистов, чтеца, с распределением между ними разных функций. Оркестр выполняет не только функцию сопровождения, но и важную смысловую и драматургическую роль. Хор также выступает не только в роли комментатора событий, но и как выразитель основной идеи произведения. Та же существенная роль отведена чтецу и солистам.

Кантата Р. Нури (Р. Белялова) «Татарстан – страна цветов» написана композитором по типу гимнической сольно-хоровой песни, но по-новому трактованной. Обратившись к этому жанру, Р. Белялов создал произведение, в котором нашли воплощение характерные для него особенности музыкального языка. Вместе с тем он постарался воспроизвести узнаваемые черты праздничнославильных песен, жанр которых сложился еще в творчестве татарских композиторов старшего поколения.

К числу циклических форм создававшихся татарскими композиторами в 1980-е – 1990-е годы относится хоровой цикл «Зимние пейзажи» Л. Хайрутдиновой в 4-х частях, предназначенный для смешанного хора а капелла.

Все четыре поэтических текста объединены настроением зимней печали, тревоги, тоски; это настроение композитор продлевает через весь «зимний» цикл.

В целом, цикл Л. Хайрутдиновой «Зимние пейзажи» – это произведение, относящееся к новым явлениям в хоровом творчестве татарских композиторов. Гармонию данного цикла можно отнести к сонорной, то есть «оперирующей созвучиями тембро-красочного характера» [2, с. 197]. Здесь используются такие приемы сонорной гармонии, как утолщенные линии [2, с. 204], кластеры. Кроме того, в соответствии с замыслом композитора, в IV части может быть применена и алеаторика, как техника, «допускающая множественность реализации заданной структуры» [2, с. 250].

Цикл детских хоров Л. Хайрутдиновой «Звонкое лето» – это хоры а капелла с довольно сложной четырехголосной фактурой, требующей от детского коллектива хорошего разучивания интонационно-развитых хоровых партий, как внимательного ведения голосов по горизонтали, так и соотнесения их по вертикали. Л. Хайрутдинова постаралась создать из внешне разрозненных хоровых миниатюр целостное многочастное (шесть частей) произведение, объединенное, прежде всего, общим замыслом, – в череде хоровых сценок на первый план выступает радостное восприятие детьми жизни.

Особенностью данного цикла является и то, что композитор как бы переносит образы и темы «взрослого» мира в детский, юношеский мир. Но от этого мелодическая основа хоровых миниатюр не становится более упрощенной, облегченной. Напротив, Л. Хайрутдинова сохраняет общую стилистику татарской мелодики, воспитывая тем самым слуховое восприятие как молодых хористов, так и их слушателей в традициях татарской песенности.

Детям младшего школьного возраста адресован и цикл песен М. Шамсутдиновой «Деревенский зоопарк». Композитор приближает мелодику хоровых песен этого цикла к современным песням эстрадного типа, расширяя круг характерных интонационных оборотов и выводя их за пределы ангемитоники.

Детские хоры есть и в творчестве казанского композитора А. Луппова, уникально работающего в разных жанрах (крупных и малых форм) трех национальных композиторских школ – русской, татарской, марийской. Им созданы, в частности, два цикла для детского хора: цикл «Какого цвета солнце?» и кантата «Песнь о храбром джигите».

Цикл «Какого цвета солнце?», имеющий подзаголовок «Двенадцать веселых и одна грустная песенка», предназначен, в основном, для двухголосного хора. Композитор стремится ввести в произведение, созданное для исполнения детьми и детей-слушателей, новую интонационность.

Для каждого поэтического образа композитор находит такие средства музыкального языка, которые вполне соответствуют этому образу. А. Луппов не противопоставляет в этом цикле «татарскую» и «русскую» интонационность, а создает некий интонационный «сплав», что вполне соответствует его композиторскому замыслу.

Кантата «Умный ветер» – это одно из ранних сочинений В. Харисова, написанное в 1983 году. Создавая произведение, предназначенное для детского исполнительского коллектива, композитор хорошо понимал его возможности, поэтому хоровая партия не сложна, преобладают песенные интонации. Более сложен музыкальный язык фортепианного сопровождения, что придает общему звучанию свежесть и новизну.

В последующие десятилетия (80-е – 90-е годы XX века) продолжилась работа татарских композиторов кантатно-ораториальных жанров. При этом значительно расширились и обновились как содержание ораторий и кантат, так и средства музыкального языка. В хоровых сочинениях татарских композиторов явно обозначилась тематика, связанная с арабским Востоком и, более конкретно, с исламской темой. Это проявилось в обращениях к текстам из священных мусульманских книг, а также в новой стилистике музыкального языка с внедрением элементов ладов с увеличенными секундами, свойственными музыке Ближнего Востока. Хоровые циклы нового содержания создали композиторы М. Шамсутдинова, Р. Зарипов, Р. Калимуллин, З. Садыкова. Следует отметить, что татарские композиторы нашли способы органичного соотнесения национальных и инонациональных средств музыкального языка.

В настоящее время в татарской музыке продолжается работа над созданием новых сочинений хоровых жанров. В течение многих десятилетий композиторы создают произведения с расчетом на исполнительские возможности либо учебных хоров (смешанный хор Казанской государственной консерватории, хоры музыкально-педагогического факультета Казанского государственного педагогического института (ныне – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет), Казанского государственного института культуры и искусств (ныне – Казанского государственного университета культуры и искусств)), либо многочисленных самодеятельных коллективов.

В 2007 году в Казани был создан второй профессиональный коллектив – Государственный камерный хор Республики Татарстан (первым следует считать хор Татарского академического оперного театра им. М. Джалиля). За короткий срок существования камерный хор зарекомендовал себя как деятельный пропагандист хорового творчества Татарстана, выступая не только в городах республики, но и за ее пределами.

Примечания

[1] В данном списке названы и фамилии русских композиторов – членов Союза композиторов РТ. Многие из них обращались в своих произведениях к татарской тематике и татарской интонационности.

[2] Анализ музыкального текста оратории сделан по изданию [3].

Библиографический список

1. Композиторы и музыковеды Советского Татарстана / Сост.-ред. М. Нигмедзянов. – Казань, 1985. – 208 с.

2. *Холопов Ю.* Задания по гармонии. – М., 1983. – 287 с.

3. *Яруллин М.* Оратория «Человек». – Казань, 1972. – 78 с.

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47+ 57) 1914/ 1918

Борщукова Е.Д.
кандидат исторических наук
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ПУБЛИЦИСТИКА ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Социально-политическая природа русского патриотизма связана с особенностями общественного сознания различных слоев российского общества. В статье раскрываются особенности выражения патриотических чувств в годы Первой мировой войны через использование средств массовой информации. Публицистика военных лет рассматривается как пример манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: *патриотизм, формы проявления патриотизма, средства массовой информации, периодические издания, партийный характер публицистики, способ манипулирования, общественное сознание, социальный и гендерный аспекты патриотизма.*

Участие России в Первой мировой войне сопровождалось проявлением патриотизма подданных Российской империи. Этот патриотизм был динамичен и зависел от многочисленных обстоятельств. Качественное содержание российского патриотизма было обусловлено, с одной стороны, жизненным укладом людей и верностью традициям, утверждавшимся столетиями на бытовом уровне, а с другой стороны, влиянием государственных институтов, выполнявших своеобразный политический заказ и обслуживавших существовавшую власть в стране. Значительное влияние на патриотические настроения россиян оказывали отечественные газеты и журналы. В 1914–1917 гг. в стране действовало более 200 политических партий и движений, и далеко не все из них среди своих политических целей считали необходимой пропаганду российского патриотизма.

Периодические издания, поддерживавшие самодержавную власть, были самыми горячими сторонниками патриотизма, основанного на любви и преданности «царю и отечеству».

Издания либерально-демократического толка пропагандировали идеи патриотизма, ориентируясь на чувства преданности и любви российских народов к своей стране, существовавшей в географических рамках Российской империи.

Многочисленные политические партии и движения, выпускавшие свои газеты и журналы, относились к идее патриотизма по-разному: позиция одних была сходна с позицией либерально-демократических изданий, позиция других, например большевиков, состояла в том, что угнетенный народ не имеет своего отечества, а следовательно, идеи патриотизма должны быть ему чужды до тех пор, пока в стране существует эксплуатация человека человеком.

Все это публицистическое многоголосие находилось в непрерывном единстве и в состоянии внутриполитической борьбы. На разных этапах Первой мировой войны различные политические силы имели свои приоритеты и разную степень влияния на широкие слои населения страны.

На начальном этапе участия России в Первой мировой войне влияние царских и либерально-демократических изданий на все слои общества было преобладающим, что обеспечивало высокий патриотический настрой большей части населения России.

Важно отметить, что влияние средств массовой информации на патриотическое сознание россиян началось еще до вступления России в Первую мировую войну. Это влияние осуществлялось под флагом сочувствия всем антигерманским силам. При этом использовался дифференцированный подход к утверждению в сознании людей патриотических настроений. Так, средства массовой информации нередко манипулировали общественным мнением, ссылаясь на настроения всех без исключения слоев общества, особенно крестьянства как наиболее многочисленной части населения Российской империи. В частности, обосновывая необходимость моральной и фактической поддержки Сербии, газеты и журналы делали акцент на фактах славянско-

© Борщукова Е.Д., 2011

го и религиозного единства народов Сербии и России. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав населения России, следует признать, что такой подход был недостаточно эффективен, поскольку он способствовал влиянию лишь на ту часть населения страны, которая исповедовала православие и принадлежала к славянским народам (великороссы, малороссы, белорусы).

И хотя Россия юридически еще не была участницей войны, российские публицисты писали о наступившей войне и об участии в ней России как о деле почти свершившемся. Патриотическая тональность отечественной публицистики была очевидной. Начало войны усложняло задачи русской печати. Спрос на информацию, связанную с войной, очень возрос. Деятельность газет и журналов в России вызвала сплочение значительной части общества на основе приверженности идеалам императорской власти и государственного традиционализма. Уже 2 августа 1914 г. сотни тысяч российских подданных – преимущественно жителей Петербурга и пригородов – собрались у стен Зимнего дворца, чтобы продемонстрировать монарху свои патриотические чувства. Признаками патриотизма всегда являлись преданность своей Родине и готовность служить интересам своего государства. В основе российского патриотизма лежали традиционные для страны и ее народов нравственные ценности – вера в будущее России, ее жителей, вера в Бога. Все это преломлялось в деятельности публицистических изданий, число которых с момента начала Первой мировой войны значительно возросло. Патриотизм посредством публицистики утверждался в сознании россиян не только через газеты и журналы, но и через книги и брошюры.

Брошюры, как издания недорогие и не требующие длительной подготовки к печати, были особенно популярны. О патриотическом характере значительной их части говорят сами названия материалов: «Геройский подвиг русских полководцев и окончательный разгром австрийской миллионной армии», «Боевые подвиги прапорщиков», «Подвиги русских авиаторов», «Геройский подвиг сестры милосердия Елизаветы Бычковой», «Дети – герои на войне», «Геройский подвиг солдата-еврея», «Женщины – герои на войне» и т.д. Нетрудно заметить, что издания публицистического характера чаще всего были обращены к конкретной категории людей – представителям одной социальной группы, национальности, конфессии, профессии и т.д.

Патриотическая публицистика часто имела ярко выраженное гендерное звучание. Авторы статей, посвященных женщинам на фронте и в тылу, видели в женщине символ любви и продолжения жизни, нередко отождествляли ее с родиной. Учитывалось также социальное положение и предназначение женщины. В первые дни войны со страниц периодических изданий публицисты обращались к женщинам России. Примером тому были статьи и заметки в разных газетах, где печатались различные «воззвания». Подъем патриотических чувств у российских граждан вызывали материалы печатных изданий, в которых рассказывалось о женщинах-героинях, воевавших на фронте. Во всей стране было хорошо известно имя Марии Бочкаревой – полного Георгиевского кавалера, создателя и командира первого женского ударного батальона смерти, которая пошла на войну из чувства патриотизма в 1914 году [1, с. 78].

Обращение к образу женщины как важному элементу патриотического воспитания часто в печати имело вполне адресный характер, способствовало, как сказали бы сейчас, формированию имиджа тех или иных женщин, участвовавших в общественной и культурной жизни страны. Как пишет И.В. Купцова, патриотизм стал формой существования общества и интеллигенции. Война повлекла переоценку ценностей, возникновение новых источников доходов. Настроения представителей интеллигенции отражали реакцию общества на войну. Призывники – поэт А.А. Блок; композитор А.Б. Гольденвейзер; художник М.Ф. Ларионов и другие – находили возможность заниматься своими профессиональными делами, что являлось средством выражения их гражданской позиции. Война определила тематику произведений, репертуар театров и кинематографа. В первые месяцы войны возникла военная тема, которая способствовала взрыву патриотизма и ненависти к врагам. Например: «Позор Германии» М.В. Дальского; «За кулисами войны» Б.С. Глаголина и другие .В литературе появилось много военных стихов и рассказов. Содержание их определялось патриотическими настроениями авторов; которые выражались в таких сюжетах, как героизм и мужество русских воинов; образ врага; страдания мирного населения [2, с. 31].

В изданиях того времени большое место уделялось описанию патриотизма военнослужащих

в боевой обстановке. Особенно ярко освещались героические подвиги казаков, поскольку именно они олицетворяли собой наиболее подготовленную к войне социальную группу. Статьи «Героидонцы», «Казаки в бою», «Кубанцы», «Подвиги терских казаков» и многие другие, с одной стороны, символизировали народную любовь к России и государю, готовность умереть за них, а с другой – повышали авторитет самой власти. Например, частые публикации о терских казаках объяснялись не только их геройским поведением на фронте, но и тем, что именно терцы состояли в личной охране Николая II. Суть этого пропагандистского шага состояла в том, что Государь император видел и ценил подвиги своих подданных и лучшим из них доверял ответственные посты. В этом было некоторое лукавство, поскольку терские казаки состояли в личной охране государя еще задолго до начала войны. Например, в годы Первой мировой войны всем российским патриотам было хорошо известно имя героя-казака, полного Георгиевского кавалера Козьмы Крючкова, изображение которого часто украшало плакаты, призывавшие безжалостно уничтожать врага. Он олицетворял собой мужество и геройство российского защитника Отечества и прославился тем, что вместе с тремя товарищами отважно атаковал отряд из 27 врагов, который был полностью уничтожен. При этом Козьма Крючков лично зарубил 11 противников, получив в неравной схватке 16 боевых ранений.

О предметности и конкретности публикаций периодических изданий, брошюр свидетельствует и тот факт, что в них часто печатались фотографии героев войны с яркими и эмоциональными описаниями их подвигов. Д.В. Эйдук пишет, что «образ врага», формируемый военными корреспондентами, был переменной величиной и зависел от осведомленности автора, от ситуации на определенном участке фронта [4, с. 387]. Интересно трактует истоки российского патриотизма Ф. Степун, который в своей книге «Бывшее и несбывшееся» напишет: «Теоретически я за истекшие годы не переменил своих взглядов, но душою я за истекшие годы настолько отвернулся от них, что меня с каждою новою весною все сильнее и сильнее тянет в галицинские окопы» [3, с. 311].

Особое место в публикациях отводилось представителям самых современных по тем временам военных профессий. Часто издавались статьи и брошюры, посвященные героическим действиям российских авиаторов. Например, широко освещался подвиг летчика П.Н. Нестерова, совершившего воздушный таран. Российские летчики не только знали о подвиге П.Н. Нестерова, но и порой использовали его технический прием – стремились колесами собственного аэроплана сломать фюзеляж или крылья машины противника.

Большое значение в формировании у российских подданных патриотических чувств сыграли публикации о подвигах российских детей. Им были посвящены многочисленные статьи в газетах и журналах, а также отдельные брошюры. Многие дети были награждены Георгиевскими крестами.

Значительную роль в издании литературы военно-патриотической направленности играли государственные, общественные и частные организации. Об этом свидетельствует, в частности, деятельность Скобелевского комитета, издательств А.С. Суворина, В.А. Березовского. Они были известны своими патриотическими работами по всей России. О широте издательской деятельности В.А. Березовского свидетельствует каталог его изданий, выпущенный в 1915 году. Литература издавалась по 33 направлениям: уставы, положения, правила, инструкции и наставления (по родам войск); обучение и полевая подготовка войск; стратегия; тактика; конница; артиллерия; военно-инженерное дело, техника в применении к военному делу; военное искусство; военная история; военная администрация; довольствие войск; войсковое хозяйство; быт войск; топография, военная статистика и география; военно-морское дело; иностранные армии; программы и пособия для подготовки к экзаменам; подготовка населения к военному делу; справочные издания; переводчики и путеводители; словари; книги для чтения; настенные таблицы и рисунки; портреты, картины и художественные издания, призовые листы, свидетельства и бланки; издания, не подходящие под рубрики военного каталога; учебные материалы, приборы и пособия; издания, поступившие во время печатания каталога. Даже те книги и брошюры, которые, казалось бы, имели явную техническую и военно-техническую направленность, оказывали влияние на укрепление патриотических чувств у российских военнослужащих.

Вся издательская продукция рассылалась по всей стране, во все воинские части, дислоцировавшиеся как в тылу, так и на фронте, а также

направлялась по официальным каналам в германские и австрийские лагеря военнопленных, где беспрепятственно передавалась почти до конца 1916 г. российским солдатам и офицерам. Это оказывало влияние на поддержание их морального духа, укрепляло в них патриотические настроения. В публикациях военного времени много внимания уделялось освещению героизма и мужества российских военнопленных. Печать отмечала, что из германского плена бежал каждый седьмой военнопленный – российский военнослужащий. Такой массовости не было ни у одной другой европейской армии. Сам факт побега из неприятельского плена в соответствии с приказом главнокомандующего российской армии отмечался особыми нашивками на рукаве кителя и часто служил основанием для выдвижения военнослужащего на вышестоящую должность.

Во время Первой мировой войны широкое распространение в войсках и в тылу получили издания «Дешевой народной библиотеки», выходившие из печати под патронатом Скобелевского комитета.

Важную роль в освещение подвигов Первой мировой войны играла Русская православная церковь. Ее публикации многочисленными тиражами распространялись как в боевых частях, так и в тылу.

С сентября 1914 г., то есть с момента начала учебных занятий в церковных школах, у ее учеников стало проявляться более разнообразное и прочувствованное переживание войны. Церковно-приходские школы стремились усилить в детях, а через них и у взрослого населения, религиозно-нравственное настроение, поддержать патриотический подъем и бодрость духа в период военных испытаний. В школах на ежедневных утренних молитвах о здравии царя, о даровании победы, об упокоении погибших укреплялись патриотические чувства молившихся. По свидетельствам очевидцев, особой силой обладали молитвы об упокоении душ воинов из числа учителей или бывших воспитанников школ.

Очень часто газеты пропагандировали всевозможные выставки боевых трофеев, посещение которых россиянами значительно повышало их патриотический дух. Подобные выставки устраивались практически на протяжении всей войны. Уже в самом ее начале в зале телеграмм газеты «Вечернее время» для всех желающих были выставлены германские трофеи – гильзы от гаубиц, головные части бомб, элементы немецких орудий и т. д.

Таким образом, отечественная публицистика вносила свой заметный вклад в патриотическое воспитание населения России. Эта деятельность не являлась системной, однако велась непрерывно и целенаправленно, охватывая все социальные слои населения Российской империи. Она совпадала с интересами государственной внутренней политики и в силу этой причины пользовалась полной поддержкой власти.

Библиографический список

1. *Андреев В.* Кавалерист-девица из чека // Родина. – 1993. – №8–9.

2. *Купцова И.В.* Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. … д-ра истор. наук. – М., 2004.

3. *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000. – Т. 1.

4. *Эйдук Д.В.* «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг. (по материалам газеты «Утро России»): Автореф. дис. … кандидата исторических наук. – СПб., 2008.

УДК 947

Матвиевский Илья Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
matvievskayaoksana@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Целью данной работы является исследование отделения партии «Союз 17 октября» на территории Костромской губернии. Объект исследования – местный комитет октябристской партии, предмет – общественно-политическая деятельность октябристов в Костромской губернии. Актуальность работы заключается в том, что в ней исследуется такая малоизученная тема, как деятельность либеральных дореволюционных партий на региональном уровне.

Ключевые слова: *«Союз 17 октября», октябристы, Костромская губерния, местный комитет, выборы, Государственная Дума.*

Отделение партии «Союз 17 октября» в Костроме появляется 1 декабря 1905 года. Его руководящим органом было Бюро костромского отдела «Союза 17 октября». Вскоре костромские октябристы устанавливают контакты с центральными органами партии, а именно с Петербургским ЦК. Уже 18 января 1906 года Петербургский ЦК отправляет письмо в Бюро Костромского отдела «Союза 17 октября», в котором содержались вопросы о численности и деятельности местного отдела [1, л. 5]. В конце января в Петербург было отправлено письмо, содержащее ответы на эти вопросы, а также списки состава бюро. Его возглавлял городской голова Г.Н. Ботников. Он родился в 1861 году и по своему социальному положению был потомственным почетным гражданином, трижды избирался на пост городского головы и четырежды почетным мировым судьей, состоял попечителем нескольких училищ и мужской и женской гимназии. Другим видным костромским октябристом и членом бюро был В.С. Соколов – крупный землевладелец и председатель костромской уездной земской управы. Эту должность он исполнял в течение нескольких сроков, в прошлом был присяжным поверенным округа московской судебной палаты. Всего к январю 1906 года бюро насчитывало 15 человек. Кроме Г.Н. Боткина и В.С. Соколова его членами были:

Рассадин А.Д. – промышленник;

Чумаков И.М. – фабрикант;

Брюханов И.В. – подрядчик;

Трухин И.А. – непременный член крестьянского присутствия;

Геккер В.К. – инспектор торговой школы;

Иванов И.С. – помощник врачебного инспектора;

Вахрамеев М.Г. – промышленник;

Зимин Н.И. – чиновник особых поручений при казенной палате;

Скворцов Л.П. – земский врач;

Горлицин Н.И. – городской архитектор;

Сколозуб В.Н. – промышленник;

Семенов К.А. – промышленник;

Молчанов А.С. – приказчик при книжной торговле [1, л. 5].

Из этого списка видно, что большинство лидеров костромских октябристов были выходцами из земского и городского самоуправления и представителями местного капитала.

Помимо членов бюро, отделение партии насчитывало в Костроме к 26 января 1906 года 159 человек. На этом этапе деятельность костромских октябристов ограничивалась организацией периодических заседаний отдела «Союза 17 октября», на которых разъяснялась программа партии и обсуждались важнейшие вопросы современной общественной жизни. На эти заседания, помимо членов партии, допускались и посторонние лица, но без права голоса.

Проникновение октябристских идей в Костромскую губернию не ограничивалось одной Костромой. В это же время уездные отделения октябристов возникают в Буе, Галиче, Варнавине, Кологриве, Макарьеве, Солигаличе, Чухломе, Юрьевце, в селе Яковлевском [7, с. 142]. Из них выделяется своей многочисленностью отделение в Макарьеве. Инициативная группа из 27 человек, во главе с местным уездным предводителем дворянства А.П. Куприяновым, намереваясь учредить в городе Макарьеве отделение «Союза 17 октября», отправила 31 декабря 1905 года обращение в Петербургский ЦК с просьбой помочь в этом деле. В свою очередь, учредители плани-

© Матвиевский И.Н., 2011

ровали после вступления в партийное отделение 50–100 человек организовать «публичное собрание и избрать на нем председателя и членов местного комитета, установить размеры ежегодного членского взноса и принять меры к привлечению членов в пределах Макарьевского уезда» [1, л. 7].

Отделение «Союза 17 октября» в Макарьеве было открыто 27 февраля 1906 года. На первом собрании было избрано бюро правления, состоящее из председателя и 20 членов. К апрелю 1906 года Макарьевское отделение «Союза 17 октября» насчитывало около 430 человек [1, л. 7].

Тем временем приближались выборы в первую Государственную Думу. Перед местными октябристами стал вопрос о ведении предвыборной кампании, предвыборной тактике и возможных блоках с другими партиями. Желательными союзниками в глазах октябристов были так называемые умеренно-прогрессивные партии и монархисты. Первые были представлены на общероссийском уровне Торгово-промышленным союзом, Прогрессивно-экономической партией и Торгово-промышленной партией. Все они исповедовали, как и «Союз 17 октября», либерально-консервативную идеологию. Торгово-промышленная партия – единственная из этих трех партий, имевшая распространение на значительную часть России. Костромские члены партии имели к середине февраля 1906 года комитет в Костроме и нескольких уездах губернии.

В Костромской губернии действовала в тот период монархическая организация – «сусанинское общество» (местная кадетская печать характеризовала его как черносотенную организацию). В феврале 1906 года оно примкнула к костромским октябристам, образовав предвыборный блок [2].

Труднее местным октябристам было договориться о союзе с членами торгово-промышленной партии. 17 января в доме трехгорного товарищества состоялось собрание членов торгово-промышленной партии, на котором присутствовало около 75 человек. На нем дважды выступал в качестве оратора А.Д. Рассадин, член октябристской партии и ее костромского бюро. Он призывал членов торгово-промышленной партии к объединению с «Союзом 17 октября» перед лицом грозящей опасности со стороны крайних партий, стремящихся провести в Думу своих кандидатов. Но представитель торгово-промышленной партии В.А. Шевалдышев, взявший слово после А.Д. Рассадина, не рекомендовал своим однопартийцам сливаться с «Союзом 17 октября», так как последний «может выставить кандидатом кого-либо из интеллигенции – человека, которому не дороги ни торговля, ни земледелие» [4]. В итоге соглашения о блоке между костромскими октябристами и торгово-промышленниками не было достигнуто.

На 15 января Бюро костромского отдела «Союза 17 октября» наметило общее собрание членов партии. На нем должно было состояться разъяснение программы «Союза 17 октября» и обсуждение мер, необходимых для распространения среди населения октябристских идей.

Собрание костромских октябристов, как и намечалось, прошло 15 января в Городской Думе. На собрании, помимо членов партии, присутствовала и публика в количестве 200–300 человек. Началось собрание с полуторачасового выступления В.С. Соколова. В своей речи В.С. Соколов охарактеризовал провозглашенные манифестом 17 октября гражданские свободы как проявление монаршей милости. Далее оратор приступил к критике позиции «крайних партий», в первую очередь кадетов, которые не хотят ограничиться Думой, созванной в соответствии с избирательным законом 11 декабря.

Он считал, что общество должно ограничиться «органически созидательной работой думы 11 декабря» [3], требования же учредительного собрания и прямых выборов совершенно излишне. Также раскритиковал Соколов и кадетское программное требование введения всеобщего обучения – как требующего от бюджета чрезмерных затрат.

Как утверждал Соколов, ему лично довелось слышать на кадетском митинге требование ликвидировать армию и флот. В своей речи он принялся горячо критиковать эту идею и призвал содействовать властям:

«Только энергичная поддержка общества помочь правительству привести в жизнь дарованные права может вывести страну на путь правильного культурного развития и прекратить… междоусобную войну» [3]. Все русские люди, любящие свою родину, должны сплотиться вокруг этой точки зрения, которую всецело разделяет партия «Союз 17 октября».

Соколов раскритиковал и предлагаемые «крайними партиями» способы решения аграрного вопроса.

Речь В.С. Соколова вызвала возражения присутствовавших в зале кадетов, заявивших, что он исказил программу партии (приписав кадетам, в частности, намерение ликвидировать русские армию и флот). Они попросили слово для опровержения, но им было отказано на основании того, что на заседании слово предоставляется только членам октябристской партии.

Следующим октябристским оратором, взявшим слово, был П.Ф. Сипягин, который решительно выступил против всеобщих выборов.

Это выступление вызвала бурную и весьма неодобрительную реакцию у значительной части публики, которая прервала речь оратора. Надо сказать, что еще в конце выступления Соколова часть публики покинула зал и, разместившись в соседнем помещении, устроила там альтернативный митинг, направленный против октябристов.

В связи с этим, закрывая собрание, председатель объявил, что на следующие собрания октябристов будут допускаться только члены партии.

Вообще костромские октябристы не имели особого успеха в ходе публичных выступлений на митингах и собраниях, на которых периодически вспыхивала полемика между октябристами и их главными конкурентами – кадетами. Симпатии большей части собравшихся почти всегда оказывались на стороне кадетских ораторов.

Октябристы 3 марта проводили собрание выборщиков. Речь октябриста Рушина, как сообщала пресса, была встречена публикой прохладно и с невнимание. Затем разгорелась полемика В.С. Соколова с «одним из присутствующих кадетов», симпатии публики были на стороне кадета [5].

5 марта в зале дворянского собрания состоялось предвыборное собрание «Союза 17 октября», на котором выступал приглашенный оратор Беляев. Оппонировал ему лидер местных кадетов Н.А. Огородников. Между ними разгорелась жаркая полемика. Председательствовавший на собрании Г.Н. Ботников предпочел отказать в слове пожелавшему выступить З.Г. Френкелю (один из лидеров костромских кадетов).

Тем не менее, в целом, по количеству организованных публичных собраний, митингов и лекций, костромские октябристы значительно уступали местным кадетам. Октябристы попытались сделать упор на печатную агитацию. Они довольно активно распространяли в Костроме свою агитационную литературу, в том числе два «Воззвания» и маленькую брошюру «О государственной думе», которые раздавались бесплатно. В марте начинает выходить периодический орган костромских октябристов – газета «Поволжский вестник».

Но все это мало помогло местным октябристам. Их результаты на выборах были весьма скромными. На выборах по городской курии в Костроме, состоявшихся 9 марта 1906 года, октябристам удалось провести только одного своего кандидата – городского голову Г.Н. Боткина, против избранных четырех кадетов.

Губернское избирательное собрание состоялось 24 марта в здании Губернского дворянского собрания. Право вести собрание принадлежало П.И. Шулепникову – губернскому предводителю дворянства и лидеру местных кадетов. По его предложению, для проведения избирательного собрания были выбраны кадет Н.А. Огородников и октябрист В.С. Соколов.

В итоге убедительную победу одержали кадеты, четверо их кандидатов прошли в Государственную Думу, еще два мандата достались представителям от крестьян и рабочих.

Среди причин поражения октябристов в Костромской губернии на первом месте стоит то обстоятельство, что их идеология и лозунги не привлекали большую часть избирателей, чьи симпатии лежали намного левее. Другой причиной можно назвать весьма слабую и вялую избирательную кампанию, проведенную местным отделом.

Первая Дума прожила недолго. Сразу же после ее роспуска встал вопрос о новых выборах. Октябристы рассчитывали взять реванш за недавнее поражение. После Выборгского воззвания партия «Народной Свободы» подверглась преследованиям со стороны властей. Репрессии коснулись и костромских кадетов, вынужденных из-за этого вести предвыборную агитацию в весьма сложных условиях.

К этому времени фактически распалась торгово-промышленная партия, и ее остатки влились в «Союз 17 октября».

Но среди костромских октябристов произошел раскол. Второй человек в местном комитете – В.С. Соколов вступил в партию мирного обновления и возглавил ее отделение в Костроме. В выборах во вторую Думу по Костромской губернии он участвовал уже от этой партии.

Список выдвинутых костромским отделом «Союза 17 октября» выборщиков в Государствен-

ную Думу возглавил его лидер – городской голова Г.Н. Ботников. Кроме него в списке были:

Горлицин Н.И. – городской архитектор;

Орлов Е.Г. – инспектор народных училищ;

Виноградов А. – священник;

Зимин Н.И. – гласный думы [7].

В своем воззвании к избирателям, от 16 января 1907 года, костромские октябристы призывали подавать свои голоса за людей, чуждых крайностей и твердо стоящих «за основы, возвещенные Царским Манифестом 17 октября, имя которого бессменно носит "Союз" с начала его возникновения» [7]. Выбранные в Думу народные представители должны «стоять за конституционную Монархию, за неделимость России, за улучшение земледелия и землепользования, за широкий народный контроль над расходованием народных денег, за всеобщее начальное обучение, за улучшение военного и морского дела, за упорядочение отношений между рабочими и работодателями, вообще за обновление великой России» [7].

Съезд выборщиков по городской курии состоялся в Костроме 24 января, а 25 числа закончился подсчет голосов. В результате, вышеупомянутые октябристские кандидаты не прошли. Все пять выборщиков от Костромы были кадеты.

К 26 января определились по Костромской губернии выборщики в губернский избирательный съезд от городов, землевладельцев и крестьян почти по всем уездам. Октябристам удалось провести лишь двоих своих кандидатов (для сравнения: у кадетов было 35).

Губернский избирательный съезд начался 6 февраля и закончился только 10 февраля. На этот раз костромским кадетам удалось провести в думу лишь двоих своих кандидатов, но местным октябристам это мало помогло. Они опять не смогли завоевать места в думе для своих представителей.

После того как отшумели предвыборные страсти, определился состав новой Думы и она приступила к работе, состоялось еще одно важное событие в жизни «Союза 17 октября». В Петербурге 6 мая открылся второй Всероссийский съезд «Союза 17 октября» и примыкающих к нему партий. В числе прочих на съезде поднимался и вопрос об осуждении политических убийств. По этому поводу весьма яркую речь произнес на первом же дне съезда делегат от Костромской губернии, председатель Галичского уездного отдела «Союза 17 октября» Н.Л. Владимиров. Он обрушился с критикой на думское большинство за его позицию по этому вопросу и не согласился с пунктом октябристской резолюции, содержащим призыв к Думе осудить политические убийства:

«Дума… в своем большинстве явно уклоняется и притом систематически от рассмотрения этого вопроса, хотя политические убийства, насилия и грабежи растут непомерно. Что значит это умолчание? Для всех это – одобрение убийств высоким учреждением народного представительства… Я прошу отклонить эту фразу относительно Думы, которая поворачивает России спину; нужны более решительные выражения» [6, с. 325].

Эта речь произвела большое впечатление на аудиторию, оратора провожали «громовыми аплодисментами» [6, с. 325]. В итоге этот пункт резолюции был изменен на более жесткую формулировку.

Вскоре последовали роспуск второй Думы и изменение избирательного законодательства. Установление третьеиюньской политической системы ознаменовало окончание революции, а изменение избирательного законодательства давало правым партиям шанс на победу в новой избирательной кампании. На выборах в третью Думу (октябрь 1907) октябристы одержали убедительную победу, показав хорошие результаты и в Костромской губернии, где им впервые удалось провести своих кандидатов (Г.Н. Ботникова, В.С. Соколова и А.П. Александровского). Однако победа на выборах совпадала по времени с началом серьезного кризиса, охватившего региональные отделения «Союза 17 октября». Октябристская периферия фактически находилась в состоянии распада. Отделения «Союза 17 октября» на территории Костромской губернии полностью прекращают свое существование к 1914 году.

Библиографический список

1. ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. №70.

2. Костромская жизнь. – 1906. – 15 января.

3. Костромская жизнь. – 1906. – 17 января.

4. Костромская жизнь. – 1906. – 20 января.

5. Костромской листок. – 1906. – 19 января.

6. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. – Т. 1. – М.: РОССПЭН, 1996.

7. Поволжский вестник. – 1906. – 20 января.

8. *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой русской революции. – М., 1987. – С. 142.

УДК 94(47).082; 94 (47). 083

Наградов Илья Сергеевич
Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Nastavnik_Kim@rambler.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ, РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И СИНОДАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ В 1905–1917 ГОДАХ

В статье исследуются особенности конфессиональной политики российского правительства и синодальной церкви в отношении старообрядцев в 1905–1917 гг. Рассмотрены законодательные акты, административные распоряжения и их применение в регионах страны.

Ключевые слова: *конфессиональная политика, законодательство, старообрядчество.*

Исследователи считают началом нового периода во взаимоотношениях старообрядцев и власти издание высочайшего манифеста 26 февраля 1903 г. [15, с. 176, 180, 181]. Вскоре, 12 декабря 1904 г., был издан именной высочайший указ Сенату. Император приказал пересмотреть законодательство, чтобы устранить притеснения «раскольников» и лиц других исповеданий [17, с. 401–404]. Указ был подготовлен на основе резолюции Первого съезда земских и городских деятелей, состоявшегося 6–8 ноября 1904 г. Резолюция содержала требование свободы совести и была передана министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому [20, с. 376, 380, 381, 395]. Однако эти документы, при всей своей значимости, лишь декларировали облегчение положения старообрядцев. Реальные изменения в положении староверов зависели от ***законодательных актов***, ***циркуляров*** различных ведомств и ***их реализации*** местными властями.

Первым законодательным актом, содержащим конкретные меры по улучшению положения старообрядцев, стал указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Он ликвидировал само наименование старообрядцев «раскольниками», разрешил переход из православия в другие христианские вероучения, устанавливал общие правила строительства и ремонта культовых зданий для всех христианских конфессий. Все закрытые в административном порядке молитвенные здания должны были быть распечатаны [19, с. 237–238].

В марте 1906 г. пятнадцать дискриминационных статей российского законодательства о старообрядцах были отменены, а десять изменены в соответствии с принципом веротерпимости. Часть ограничений оставалась. Например, действовало наказание за побуждение к переходу из православия в старообрядчество [1, с. 131, 132].

Принципиальное значение имел императорский указ Сенату от 17 октября 1906 г. Староверам разрешалось свободное осуществление обрядов и создание общин. Для создания общины необходимо было подать заявление в губернское правление, подписанное не менее чем 50 лицами. Общине предоставлялось право избирать духовное лицо, сооружать храмы, школы, приобретать недвижимость, заключать договоры и др. Таким образом, старообрядческая община получала статус юридического лица. Духовные лица общин обязаны были вести записи о регистрации рождений, бракосочетаний и смертей в метрических книгах. Ведение же книг гражданского состояния старообрядцев, не объединённых в общины, предоставлялось в городах городским управам или городским старостам, а в уездах – волостным правлениям. Метрические книги ежегодно должны были отсылаться в губернское правление для проверки [18, с. 420–430].

Часть староверов не хотела регистрировать свои общины по религиозным причинам. При этом их не устраивала ситуация, когда они не могли строить официальные молитвенные дома без регистрации общины. Старообрядцы также были против возложенной на священнослужителей зарегистрированных общин обязанности вести метрические книги. Они требовали признать законными браки, заключённые по старому обряду до указов 1905–1906 гг., устранить формальные процедуры перехода из православия в старообрядчество [12, л. 1 об. – 2 об.]. Многие требования старообрядцев вошли в законопроект, подготовленный Государственной Думой в 1909 г. Он предполагал уменьшить количество лиц, необходимых для регистрации общины с 50 до 12 [11, л. 1–4],

© Наградов И.С., 2011

устранить разрешительный характер создания общин и ввести явочный [16, с. 363]. Несмотря на усилия старообрядцев по лоббированию этого законопроекта, Государственный Совет не утвердил нововведения [22, с. 422–423].

Экстренный пересмотр законодательства о старообрядцах привёл к необходимости постоянно дополнять императорские указы многочисленными циркулярами и распоряжениями, чтобы привести их в соответствие с реальностью. Ведущую роль в этом процессе играло министерство внутренних дел. Особый интерес у МВД вызывало старообрядческое храмостроительство. Недостаток денежных средств был одной из главных причин, затруднявших развитие провинциальных общин. Власти воспользовались этим для сдерживания развития старообрядческих организаций. В указе 17 октября 1906 г. было сказано, что совет общины может организовывать сбор пожертвований, но процедура получения разрешения на это не была прописана. Это связано с тем, что МВД разрабатывало общие правила сбора пожертвований для всех вероисповеданий. Планировалось, что вероучениям, обладающим церковной иерархией, сбор пожертвований будет разрешать их собственное церковное начальство; вероучениям, не имеющим иерархии, – губернское руководство. Впредь до утверждения этого законопроекта все дела о сборе пожертвований должны были поступать в МВД. Дальнейшая судьба правил не известна [3, л. 75–76 об.].

Указом 17 апреля 1905 г. было объявлено, что переход из одного христианского вероисповедания в другое не преследуется законом. Более конкретные указания последовали 25 июня 1905 г., когда Николай II утвердил положение комитета министров о правилах перехода. 18 августа того же года МВД разослало циркуляр с правилами по губерниям. Порядок перехода из православия в другое христианское исповедание, и прежде всего в старообрядчество, был установлен следующий. Желающее перейти в другую веру лицо должно было подать в губернское правление прошение. Консистория давала команду приходскому причту «увещевать» отщепенца остаться в православии. Тем временем заявление в течение месяца должно было быть передано настоятелю старообрядческой общины для исполнения. Нельзя было присоединять несовершеннолетних от 14 до 21 года. После присоединения старообрядческое духовное лицо, присоединившее неофита, обязано было сообщить правлению о дате совершения обряда [9, л. 7 об.]. После присоединения губернатор давал распоряжение консистории и волостному правлению сделать соответствующие отметки в документах. 12 марта 1912 г. МВД разослало циркуляр о выдаче удостоверений о переходе в старообрядчество [10, л. 16].

Полностью провалилась идея о регистрации в полиции актов гражданского состояния старообрядцев, не зарегистрированных в общины. Староверы не регистрировались в полицейских правлениях. Чтобы привести законодательство в соответствие с реальностью 1907 г., были утверждены временные правила «Для узаконения не написанных в метрические книги браков старообрядцев и сектантов, а также происшедшего от сих браков потомства». В соответствии с документом, доказательством законности брака могла служить запись в посемейных списках или показания свидетелей. 16 июля 1913 г. правила, принятые как временные, получили статус постоянного закона [1, с. 134]. Эти правила лишали запись в метрические книги при полиции какого-либо смысла.

В целом к началу Первой мировой войны законодательная база о старообрядцах сложилась. В годы войны крупных законов и циркуляров о старообрядчестве не было издано. Какие-либо ограничения в выборе веры отменило Временное правительство указом 20 марта 1917 г. [8, л. 201].

В ходе реализации законодательных норм на местах постоянно возникали конфликты старообрядцев с органами власти и духовенством. Старообрядцы белокриницкого согласия Костромской губернии неоднократно заявляли губернскому правлению, что они признают решения Вселенских соборов, установивших церковную иерархию. Следовательно, разрешать строительство храма может только епископ, а вовсе не община. В соответствии с установкой из МВД, правление отвечало, что епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий является рядовым духовным лицом, так как «закон о старообрядческих епископах вовсе ничего не говорит, и таковых губернское правление признавать высшей духовной властью не может» [4, л. 27 об., 5, л. 46 об.].

Костромские старообрядцы в 1910 г. подали несколько прошений о разрешении сбора денег на постройку храмов. Логиновская община предполагала собрать 5 тыс. рублей на территории Костромской, Вятской и Нижегородской губернии, Храмковская община – 3 тыс. рублей в Кост-

ромской губернии за 1 год, Катаевская община – 2 тыс. рублей в Костромской губернии за 1 год, Больше-Содомовская – 2 тыс. рублей в Костромской губернии за 3 год. Разрешение из МВД было получено только на сбор в Костромской губернии среди старообрядческого населения.

В августе 1905 г. МВД разослало по губерниям циркуляр с правилами перехода из православия в иную конфессию. Костромское губернское правление как минимум дважды доводило до сведения старообрядческих настоятелей и наставников эти правила циркулярами от 3 ноября 1909 г. и 28 февраля 1913 г. [9, л. 7 об.]. Однако старообрядцы постоянно нарушали порядок присоединения. Сначала проводился обряд, и только затем направлялось прошение [21, с. 15]. В фонде Костромского губернского правления нами обнаружена информация о 46 присоединениях в старообрядчество за период с 1911 г. по 1916 г. Из них 24 человека были присоединены с нарушением правил о переходе.

Духовная власть не желала, что бы старообрядцы знали, как правильно присоединять неофитов. Ведь это вело к потере паствы. Министерство внутренних дел указом от 24 ноября 1909 г. предписало губернаторам сообщить старообрядцам, не объединённым в общины, о правилах перехода из православия. Во исполнение этого указа в губернии были напечатаны листовки с правилами перехода. Узнав об этом, Православное Фёдоровско-Сергиевское братство обратилось к старшему советнику губернского правления Токмачёву с просьбой не отсылать листы в общины. Мотивировало оно своё мнение тем, что население воспримет их «в смысле властного приглашения к переходу в старообрядчество и сектантство». Токмачёв устно обещал не рассылать листовки, о чём сообщил и епископу Тихону при личной встрече [6, л. 75–76 об.]. Однако правила были разосланы в июле 1910 г. через уездных исправников [7, л. 1–22].

Что касается записи актов гражданского состояния, то в руках полиции оставалась запись не объединенных в общины старообрядцев. Старообрядцы, как это было и до 1905 г., не спешили регистрироваться в полицейских метрических книгах [2, л. 1]. Но если раньше одной из главных причин этого было нежелание подвергать опасности преследования своего священнослужителя, нежелание именоваться раскольниками, то теперь на первый план вышли другие причины. Пошехонское управление Ярославской губернии отказывало старообрядцам д. Золотилово в записи в метрические книги. Старообрядцам пришлось обращаться с жалобой в губернское правление, которое и указало управлению на неправомерность таких действий [13, л. 3–4 об.]. Но это мало повлияло на желание ярославской полиции заниматься рутинной работой. До начала 1910 г. ни одно управление не прислало в Ярославское губернское правление прошения о высылке метрических книг для записи актов гражданского состояния старообрядцев. Только после циркуляра правления 15 января 1910 г. пришло 20 заявлений на высылку метрических книг для полицейских управлений и городских управ [14, л., 1–195].

В зарегистрированных старообрядческих общинах заполнение метрических книг осуществлял священник, наставник или специально выбранное должностное лицо. Каждый год копии метрик доставлялись в губернское правление. Если были замечены какие-либо недочёты, книги возвращались в общину для исправления [4, л. 1–3, 15]. Недочёты встречались достаточно часто, что побудило Костромское губернское правление в начале 1910 г. напомнить наставникам и настоятелям старообрядческих общин о судебной ответственности за неправильное ведение метрик [6, л. 66 об.], хотя ни одного случая наказания за неправильное ведение метрических книг нами не обнаружено.

В ходе первой русской революции, указами 1905–1906 гг., гражданские права старообрядцев были значительно расширены. Вместе с тем многое не было предусмотрено, в законодательстве существовали бреши. Их заполнением с помощью административных распоряжений правительство занималось до начала 1910-х гг.

После третьеиюньского переворота властям удалось выставить на пути развития старообрядчества административные преграды, конкретизировавшие и в то же время сужавшие круг старообрядческих прав. Как несовершенство законов, так и их административная, циркулярная корректировка вызывали на местах конфликты и недоразумения между старообрядцами и губернской властью, старообрядцами и официальной церковью, официальной церковью и местными гражданскими властями. Следует отметить, что нарушать новое законодательство стремились все стороны процесса, что может быть объяснено неполноценностью государственной политики, стре-

мившейся не расширять свободу совести, а вновь после 1907 г. ограничивать её административными мерами.

Библиографический список

1. *Боровик Ю.В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох 1905–1927 гг.: Дис. … канд. истор. наук. – Екатеринбург, 2003.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 134, оп. 2-а, Д. 37.
3. ГАКО, ф. 134, оп. 2-а, д. 54.
4. ГАКО, ф. 134, оп. 2-а, д. 60.
5. ГАКО, ф. 134, оп. 2-а, Д. 64.
6. ГАКО, ф. 134, оп. 7, отд. 2, ст. 1, д. 220.
7. ГАКО, ф. 134, оп. 7, отд. 2, ст. 1, д. 272.
8. ГАКО, ф. 134, оп. 7, отд. 2, ст. 1, д. 637.
9. ГАКО, ф. 134, оп. 7, отд. 2, ст. 3, д. 188.
10. ГАКО, ф. 134, оп. 7, отд. 2, ст. 3, д. 189.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 555, оп. 1, д. 500.
12. ГАРФ, ф. 555, оп. 1, Д. 502.
13. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 79, оп. 7, д. 3580.
14. ГАЯО, ф. 79, оп. 7, д. 3952.
15. *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. – М., 1999.
16. Из Государственной Думы // Костромские епархиальные ведомости. – 1909. – 1 июня. – № 11. – Ч. неофиц. – С. 362–365.
17. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г. // Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов. – СПб., 1912. – С. 401–404.
18. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату. О порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин, а также о правах и обязанностях сих лиц // Костромские епархиальные ведомости. – 1906. – 1 декабря. – № 23–24. – Ч. офиц. – С. 420–430.
19. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату. Об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – Т. XXV. 1905. – СПб., 1908. – С. 237–238.
20. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.
21. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Фёдоровско-Сергиевского братства за 1912 г. // Костромские епархиальные ведомости. – 1913. – Прибавление к № 22. – С. 1–25.
22. Старообрядческий вопрос в Государственном Совете // Костромские епархиальные ведомости. – 1910. – 1 июля. – № 13. – Ч. неофиц.– С. 422–423.

УДК 281.93-3:262

Чибисов Андрей Владимирович (игумен Мануил)
andrvlad1@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ФАКТУ УЧРЕЖДЕНИЯ БЕЛОКРИНИЦКОЙ ИЕРАРХИИ

Определено значение факта учреждения Белокриницкой иерархии для российского старообрядчества. Показаны дипломатические отношения МИДа Российской империи с австрийским правительством. Выявлены мотивы противодействия факту учреждения Белокриницкой иерархии. Рассмотрены мероприятия царского правительства, направленные на уничтожение старообрядческой иерархии.

Ключевые слова: *митрополит Амвросий, старообрядческая иерархия, переговоры российского правительства, дипломатическое осложнение, канонический статус митрополита.*

18 января 1847 г. в древлеправославной (старообрядческой) церкви за 180 лет произошло знаменательное событие – была совершена первая архиерейская хиротония. Греческий митрополит Амвросий рукоположил на Майноскую кафедру (Турция) епископа Кирилла. После поставления епископа Кирилла белокриницкий инок Павел писал в Россию, что осталось лишь благодарить и «молиться о самодержавнейшем великом государе царе нашем Фердинанде и о всем мире» [1]. Зарубежные старообрядцы испытывали благодарность к австрийскому императору, тогда как русский царь выступал в роли мучителя и преследователя старой веры. Возникла угроза того, что многочисленные старообрядцы в России забудут верноподданнические чувства к царю и перенесут свою лояльность с враждебного и чуждого им Петербурга на еще более чуждую,

 © Чибисов А.В., 2011

но зато более ласковую к ним Вену. Вероятность подобной реакции старообрядчества русское правительство, несомненно, усмотрело сразу же после получения первых известий об учреждении старообрядческой иерархии. Лембергский [Львовский] корреспондент Русской Археографической Комиссии Д. Зубрицкий 24 декабря 1846 г. известил письмом о событиях в Белой Кринице Министерство народного просвещения. Министерство не сразу поняло его значение и только в начале января 1847 г. переслало в Святейший Синод. Обер-прокурор Синода граф Н.А. Пратасов в свою очередь уведомил императора Николая I. Царь резолюцией предписал ему срочно переговорить об этом деле с государственным канцлером иностранных дел графом К.В. Нессельроде, «дабы войти об том в переговоры с Австрийским правительством», и велел Русской миссии в Стамбуле «узнать, с какого повода патриарх дозволил себе благословить митрополита идти к раскольникам» [2]. Сведения Зубрицкого произвели в правительственных кругах эффект разорвавшейся бомбы, так как, несмотря на долгие переговоры инока Павла в Вене и уже трехмесячное пребывание митрополита Амвросия в Австрии, русское посольство ничего об этом не знало; но теперь правительственный аппарат сразу же заработал.

Граф К.В. Нессельроде немедленно направил российскому послу в Вене инструкции, чтобы тот обратил внимание Австрийского правительства на «предосудительные действия епископа Амвросия в Буковине, явившегося самовольно между пребывающими в том краю раскольниками православной церкви» [3]. В известность был поставлен и министр внутренних дел граф Л.А. Перовский, который 9 февраля за № 391 представил сведения об образовании старообрядческой иерархии Секретному Комитету по делам о раскольниках, от себя добавив, что, по его предположению, 1) патриарх не благословил Амвросия на «лже-пастырство»; а, вероятно, только снабдил его свидетельством о его сане; 2) что влияние старообрядческого епископа на Россию угрожает двумя последствиями: снабжением поповщинского толка попами и привлечением русских старообрядцев к переселению за границу; 3) действенною мерой было бы церковное отлучение митрополита Амвросия Константинопольским патриархом [4]. 2 апреля К.В. Нессельроде сообщил Н.А. Пратасову доставленные из Стамбула действительным статским советником Устиновым сведения, в соответствии с которыми «Константинопольский патриарх никогда не отпускал к помянутым раскольникам епископа, но что некто Амвросий, бывший епископом Боснийским и проживавший в Константинополе без места, внезапно скрылся и по дошедшим сведениям проживает в Австрии» [5]. В свою очередь, МВД занималось перлюстрацией всей переписки из России с Балканами и Австрией. В результате чего было установлено, что в Белую Криницу действительно приехал перешедший к старообрядцам греческий митрополит Амвросий и что настоятель Белокриницкого монастыря архимандрит Геронтий намерен посетить по делам Россию под видом купца Геронтия Левонова. Действительно, в начале 1847 г. архимандрит в сопровождении белокриницкого инока Деонисия выехал в Россию, чтобы лично информировать московских старообрядцев о восстановлении иерархии, собрать средства и, наконец, чтобы представить императору Николаю I прошение о позволении старообрядцам «заимствовать рукоположением священника от их Буковинского митрополита и епископа» [6]. Тотчас по приезде за интересуемыми личностями была установлена слежка, результаты которой направлялись императору Николаю I. Так, получив первые донесения из Москвы, он возмутился смелостью Геронтия и заявил, что «действия раскольников и дерзость их требует решительных мер». Когда же министр внутренних дел Перовский, указывая на австрийское подданство раскольников, запросил санкцию на их арест, царь наложил резолюцию: «Исполнить, доставить прямо к нам в штаб» [7]. Боясь, что из Белой Криницы могут появиться новые представители Белокриницкого митрополита, он отдал распоряжение «брать под арест» вообще всех приезжающих из Австрии раскольников [8].

В то время как в Петербурге повышенное внимание к белокриницким эмиссарам испытывали император и высшие государственные чины, в Москве против митрополита Амвросия от государственной церкви выступил митрополит Московский Филарет (Дроздов). Ему стало известно, что старообрядцы добились успеха в борьбе за епископат, и он немедленно известил по своей линии и правительство, и Синод. Через своих шпионов среди старообрядцев Филарет знал, что Рогожское кладбище в Москве видит в белокриницком событии «светлую для себя зарю», и пре-

дупреждал, что старообрядческий епископат станет «новой сильной преградой в деле сближения рогожских раскольников с православной церковью». В его глазах действия митрополита Амвросия были «греховны», и поэтому он посоветовал связаться с Вселенским патриархом, который мог запретить в служении и осудить Амвросия [9]. Когда правительство последовало его совету и обратилось к Константинопольскому патриарху, именно Филарет и составил текст обращения. В нем Синод просил патриарха «употребить силу самых священных правил данной …от Бога власти, чтобы пресечь сей новый соблазн» и «побудить непокорного епископа принести покаяние, отвергнуть и осудить общение раскольническое; и возвратиться в истинное общение церковное; а в противном случае осудить его с самоосужденными, к которым он приобщился, и если он отважился совершать неблагословенныя рукоположения, то и оныя силою церковных правил упразднить» [10].

Получив сведения об организации на австрийской территории старообрядческого церковного центра, российское правительство заподозрило Меттерниха и его коллег в поддержке раскольничьего движения в России. «Да, так далеко этого и не ожидали», – заметил шеф жандармов граф Орлов, получив протокол допроса архимандрита Геронтия, из которого «видны были все козни Венского двора». Насколько большое значение придавали МВД, Орлов и сам царь полученной от Геронтия информации, видно уже из того, что Орлов просил Липранди сдать ему окончательный текст протокола в тот же день в любое время, «в каком бы часу дня или ночи ни было» [11].

Император негодовал на старообрядцев, но еще более был возмущен австрийским правительством и немедленно приготовил ноту для передачи австрийскому кабинету. По мнению Николая I, венское правительство и Фердинанд I «недостаточно озабочивались соблюдением в своих действиях той внимательности, какой вправе взаимно друг от друга ожидать и требовать державы, находившиеся в дружественных отношениях». Еще совсем недавно царь поддержал Вену в ее борьбе с «новым учением так называемых неокатоликов, которое есть не что иное, как раскол, образовавшийся в недрах Римско-католической церкви», и потому считал себя вправе рассчитывать, что и Австрия поддержит политику России в отношении старообрядцев. На ноте царь сделал личную и очень резкую приписку, по существу ультиматум, и поручил русскому МИДу передать Австрии «решительное требование, чтобы мнимый монастырь был немедленно закрыт, а самозванец епископ выслан как бродяга» [12]. Царь требовал: «Объявить австрийскому правительству, что если я не получу скоро удовлетворения в моих настояниях, я вынужден буду прибегнуть к другим крайне мне прискорбным мерам» [13]. Однако русскому послу в Вене барону Медему инструкции были даны только через три месяца и, видимо, более умеренные. 6 декабря 1847 г. митрополит Амвросий получил распоряжение австрийского губернатора Галиции графа Стадионе немедленно явиться к нему для объяснений и отправил Амвросия к Высокому канцлеру двора Габсбургской империи графу Инцаги [14].

Престарелый митрополит приехал в Вену в середине декабря 1847 г., но министр внутренних дел принял его только через месяц. Амвросию был вручен запрос правительства из 10 пунктов, в которых австрийцы старались изобразить, что были введены старообрядцами в заблуждение, обвиняли Белокриницкий монастырь в незаконных отношениях с Россией и спрашивали об отношении Амвросия к Константинопольскому патриарху. Последний и сам начал разыскивать исчезнувшего митрополита и, видимо, узнав о его появлении в Белокриницкой митрополии, 12 марта 1847 г. заявил, что, оставив патриархию без разрешения, Амвросий «не имеет от церкви никакого дозволения совершать архиерейския действия» [15].

Русское правительство придавало большое значение каноническому положению митрополита Амвросия и его отношениям с Константинопольским патриархом и старалось добиться осуждения митрополита Вселенской патриархией. Это было важно в силу официального статуса церкви в австрийской и русской монархиях. Церковный суд над Амвросием, которого желали митрополит Филарет и царь, мог бы подорвать положение митрополита в глазах старообрядческой паствы. Но, несмотря на давление со стороны Петербурга, Константинопольский патриарх Анфим VI ограничился выговором Амвросию за уход из своей юрисдикции и посвящение в епископы лиц неясного благочестия [16]. Конечно, он подразумевал под этим принадлежность обоих посвященных Амвросием епископов, Кирилла и Аркадия, к старообрядчеству. Но со стороны Константинополя ни суда над Амвросием, ни его

запрещения в служении так и не последовало. Вполне вероятно, что, официально осуждая Амвросия за уход из своей юрисдикции, патриарх Анфим в душе сочувствовал ему и считал справедливым, что такие ревностные православные, как старообрядцы, наконец получили епископат и священство. Во всяком случае, позиция патриарха дала старообрядцам полное право считать иерархию, происшедшую от митрополита Амвросия, каноничной. Так же отнеслись к этому вопросу и австрийцы.

Митрополит Амвросий же нашел удовлетворительное объяснение своего отъезда из Константинополя: не имея разрешения патриарха, он считал своим долгом отозваться на призыв старообрядцев «для спасения лишенных пастыря овец» и лично ни в какие сношения со старообрядцами из России не входил. Конечно, все это были лишь отговорки для разгневанного Николая I, так как и митрополит Амвросий, и белокриницкие иноки прекрасно знали, что и почему делали в 1846 г. Ответы в Вене были переданы митрополитом Амвросием лично графу Инцаги 26 января 1848 г., и сам факт этой аудиенции у австрийского министра показал, что отношение властей к митрополиту не переменилось. Инцаги откровенно объявил старообрядцам, что это дело – дипломатическое, и глава австрийского МИД Меттерних не хотел бы провоцировать Николая I на «самые решительные шаги», то есть посылку войска на Буковину для ареста старообрядческих епископов и разгона монастыря. Кроме того, нараставшее в Австрии с начала 1848 г. революционные настроения делали необходимым поддержание хотя бы на время дружбы двух самых могущественных и консервативных европейских монархий. Было ясно, что добрые отношения с Николаем I важнее старообрядцев. Поэтому решение министра, санкционированное 10 февраля 1848 г. императором Фердинандом I, в корне изменило положение митрополита Амвросия. Ему сообщили, что о возвращении в Белую Криницу не может быть и речи и что дальнейшая церковно-иерархическая деятельность липован и Белокриницкого епископата должна прекратиться. Одновременно особым декретом закрывался сам монастырь. 3 марта 1848 г. он был опечатан. Инокам русского происхождения было предложено покинуть пределы Австрии, но это не коснулось тех, кто формально считался австрийскими подданными – они остались в Белой Кринице вместе с наместником митрополита Амвросия, епископом Кириллом [17]. Таким образом, австрийское правительство легко пошло навстречу требованиям Николая I и выполнило оба его требования – высылку из Белой Криницы митрополита Амвросия и формальное закрытие монастыря.

Распоряжением правительства от 11 июня 1848 г. митрополиту Амвросию было предписано отправиться на жительство в город Цилли (Штирия) или вернуться в греческую церковь. На это он ответил: «Я единожды сию религию принял и уже вспять возвращаться не желаю» [18].

В 1848 г. в Австрийской монархии произошла революция, император Фердинанд I обещал дать конституцию, а вместе с ней и свободу вероисповедания. Это позволило митрополиту обратиться к правительству с просьбой оставить его с семьей сына в Вене или Будапеште. 23 июня 1848 г. австрийский министр внутренних дел барон фон Пиллерсдорф ответил, что он «является виновным в затруднениях австрийского правительства из-за липован с Россией», а потому «обязан согласиться с определением ему места пребывания» [19]. Но старообрядческая иерархия уже была создана, и два новых епископа, Кирилл и Аркадий, могли обеспечить ее дальнейшее существование.

Таким образом, проблема со священством для старообрядцев была решена, но для российского правительства новая иерархия стала раздражающим фактором, поэтому между Австро-Венгрией и Россией возникли политические осложнения. Император опасался, как бы старообрядцы, объединившись под эгидой новой иерархии*, не перенесли бы свою лояльность на враждебную ему Вену и не забыли бы о подданнических чувствах царю. Для синодальной церкви угроза виделась в отпадении от нее старообрядцев, недавно насильственно переведенных в единоверие. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация потребовала удаления митрополита Амвросия из среды старообрядцев, однако воспрепятствовать распространению белокриницкого священства за пределы Австрийской империи было уже невозможно.

Примечание

* Российское царское правительство называло ее «австрийской», вкладывая в это определение обидный для русских людей смысл – измены России и русской национальности, почему старообрядцы и избегают этого названия.

Библиографический список

1. Письмо инока Павла из Белой Криницы в Москву, от 15 января 1847 г. // Переписка раскольнических деятелей (Материалы для истории Белокриницкого священства). – Вып. I: Письма Павла, Геронтия, Амвросия, его сына Георгия, Огняновича и др. / Издал Н. Субботин. – М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1887. – С. 92.

2. РГИА, ф. 797, оп. 17, д. 39309, л. 1–5, 43.

3. Там же, л. 43 об.

4. Приложения к записке Надеждина // МВД. Сборник правительственных документов [Министерства внутренних дел] сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. – Вып. I. – Лондон, 1860. – С. 143.

5. РГИА, ф. 797, оп. 17, д. 39309, л. 43, 49–50.

6. *Липранди И.П.* Геронтий Левонов, Белокриницкий раскольничий архимандрит // ЧОИДР. – 1871. – Кн. IV. – С. 125.

7. Приложения к записке Надеждина // МВД. Сборник. – Вып. I. – С. 145–147.

8. Повеление 25 мая 1847 г. // МВД. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 г. по 1881 г. / Сост. Д.Ф. Хартулари. – СПб., 1903. – С. 115.

9. МВД. Сборник правительственных документов [Министерства внутренних дел] сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. – Вып. II. – Лондон, 1861. – С. 205.

10. РГИА, ф. 797, оп. 17, д. 39309, л. 73.

11. *Липранди И.П.* Геронтий Левонов… – С. 118–119.

12. Нота, составленная для передачи Министерству иностранных дел, для дальнейшего направления на 20 стран // Липранди И.П. Геронтий Левонов… – С. 177.

13. МВД. Обзор. – С. 87.

14. Письмо Амвросия из Вены в Белую Криницу, от 30 января 1848 г. // Переписка раскольнических деятелей. – Вып. I. – С. 178.

15. Вторая грамота патриарха Анфима Карловицкому митрополиту Иосифу // Материалы для истории так называемой Австрийской, или Белокриницкой иерархии / Издал Н. Субботин. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. – С. 219.

16. Летопись происходящих в расколе событий // Братское слово. – 1876. – Кн. II. – С. 210.

17. Переписка раскольнических деятелей. – Вып. I. – С. 122, 129, 136.

18. Ответ на 1-е предписание министра графа Инцаги от 30 января 1848 г. в Вене от митрополита Амвросия. Перевод с немецкого на русский язык // Материалы для истории так называемой Австрийской, или Белокриницкой иерархии. – С. 237.

19. *Крамер М.* Основание старообрядческой митрополии на Буковине и пребывание митрополита Амвросия в Австрии // Духовные ответы. – Вып. 9. – М., 1998. – С. 123.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09

Андреева Валерия Геннадьевна

ЛЕВИН И ВРОНСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

В статье высказано убеждение, что герои романа «Анна Каренина», их поступки могут быть правильно оценены только в сопоставлении. Автор рассматривает образы Левина и Вронского и отмечает, как скрытые параллели помогают Толстому выразить единство законов жизни, изобразить идеал и отклонения от него.

Ключевые слова: *стройная иерархия персонажей, жизненный путь Левина и Вронского, мысль семейная и движение к вере, контрасты и сходства характеров.*

Все герои романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» связаны едиными законами жизни, проницательно уловленными автором и выраженными им через «бесконечный лабиринт сцеплений». Поэтому для полного и правильного понимания произведения в сознании реципиента должны быть проведены многочисленные связи между поступками и формами поведения как главных, изменяющихся, так и второстепенных персонажей, не только найдены параллели между их привычками и убеждениями, но объяснены причины их ошибок и неудач. Л.Н. Толстой создает стройную, продуманную систему группировки героев, которая не может быть отражена с помощью какой-либо примитивной схемы и, вместе с тем, благодаря своей иерархичности четко укладывается в сознании читателя.

В данной статье мы остановимся на сопоставлении только Константина Левина и Алексея Вронского: несмотря на то что это центральные герои романа, в литературоведении до сих пор существует путаница в их осмыслении. В жизненном пути Левина – помещика, ищущего семейное счастье, и хозяина, прислушивающегося к различными голосам окружающего мира, – многие исследователи не видят гармоничного пути к вере. Вронского в худшем случае воспринимают как «безмолвного кобеля» (так охарактеризовал героя М.Е. Салтыков-Щедрин), а в лучшем – как твердого и честного, но ограниченного в душевной восприимчивости человека. По нашему мнению, Левин и Вронский должны быть рассмотрены как движущиеся, способные к нравственному росту герои, а их сопоставление в художественном мире произведения открывает глубинные смыслы религиозно-духовного романа «Анна Каренина», совмещающего изображение идеала и отклонений от него. На примере судьбы Левина Толстой показывает читателю постепенное восхождение к вере, обязательным условием которого для героя является осознание важности семейных связей и отношений. Реципиента, выстраивающего и осознающего целостность романа, должен увлечь даже не столько путь Левина, сколько идеал, даваемый повествователем, во многом реализуемый им через *сопоставление* героев (в частности, через скрытое сравнение Левина и Вронского).

Очень важно, что в начале произведения по «взгляду невольно просиявших глаз» Кити Левин понимает, что она любит Алексея Кирилловича, а после единственной встречи с Левиным чуткая Анна Каренина отмечает сходство героев: «…Несмотря на резкое различие, с точки зрения мужчины, между Вронским и Левиным, она, как женщина, видела в них то самое общее, за что и Кити полюбила и Вронского и Левина» [7, т. 19, с. 281]. Что же это за *общее и основополагающее начало* в героях, и не оно ли способствовало зарождению в Анне чувства именно к Вронскому?

Кажется, что Левин и Вронский изображены в романе по принципу контраста. Вронский в первых частях романа предстает как молодой человек, развращенный светом, наслаждениями и военной службой, ограничивающейся смотрами, маханием оружия и скаканьем на лошадях. Для Константина Левина, только что приехавшего из деревни в Москву, жизнь большого города кажется сумасшедшей, не случайно герой «беспокойно оглядывается вокруг». Впервые Левин предстает перед нами как «сильно сложенный широкоплечий человек с курчавой бородой, который, не снимая бараньей шапки, быстро и легко взбегал наверх» [7, т. 18, с. 19]. Левин описан Толстым в единстве с окружающим его, он все-

© Андреева В.Г., 2011

гда в движении, даже если сомневается, неотделим от жизни, об улучшении которой он радеет.

Если Левин мечтает о семейном счастье, возлагая на него большие надежды по лучшему установлению хозяйства и совершенствованию жизни, то Вронский «еще меньше мог поверить тому, что он должен жениться» [7, т. 18, с. 62]. Левин, чувствуя духовную связь с Кити, стремится поскорее сделать ей предложение, а Вронский не знает, что предпринять, поскольку он впервые сталкивается с искренностью, которая не согласуется с формами поведения, данными светом, с его правилами, согласно которым все люди делятся на два сорта. Сорт настоящих людей, по Вронскому, представлен такими же, как он, блестящими людьми, но есть другой, «низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержанным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, – и разные тому подобные глупости» [7, т. 18, с. 121]. Примечательно, что автор описывает правила жизни Вронского в момент возвращения героя к оставленному в Петербурге мирку. Не раз при рассказе о существовании Алексея Кирилловича Толстой употребляет слово «колея», подчеркивая, что Вронский рождением и воспитанием был поставлен в определенные условия, выход из которых для героя, полагающегося лишь на собственные силы, чрезвычайно труден.

Параметром сопоставления Вронского и Левина становится также их окружение. Состояние Левина перед охотой (страсть и сближение с природой) можно сопоставить с действиями и положением Вронского до скачек (страсть и сближение с людьми). Разговор с приказчиком, который не желает трудиться как хозяин, сменяется разговором Левина с Василием и Мишкой. Причем все заняты общим делом – рассеванием клевера: «Левин посмотрел, как шагал Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ноге, слез с лошади, взял у Василья севалку и пошел рассевать» [7, т. 18, с. 166]. А Вронского мы видим с другом Яшвиным – игроком и кутилой. То, что это «не только человек без всяких правил, но и с безнравственными правилами» [7, т. 18, с. 186], напоминает самого Вронского с его жизненными установками. Два офицера дополняют картину праздной полковой жизни, в которой время занято не трудом, а часто хересом, рейнвейном, водкой… Если для Левина и мужиков стоит вопрос: *как* сеять, то для Яшвина – *что* выпить: «Ты лучше скажи, *что* выпить; такая гадость во рту, что…» [7, т. 18, с. 187].

В романе мы видим, как романтическое чувство между Анной и Вронским перерастает в животную страсть. Вспомним, что Вронский в разгар страсти к Анне, сидя в карете, потирает икру своей ноги, с удовольствием ощущая телесность, упругость мускулов; он максимально приземлен. А Левин, ожидая утра для объяснения с Кити, «чувствовал себя совершенно независимым от тела: он двигался без усилия мышц и чувствовал, что все может сделать» [7, т. 18, с. 424]. Герой настолько духовно возвышен, что не ощущает телесной тяжести, для него исчезает вес, сила тяготения: «Он был уверен, что полетел бы вверх или сдвинул бы угол дома» [7, т. 18, с. 424]; «Левин чувствовал, что у него выросли крылья» [7, т. 18, с. 406].

Жизнь Левина вписывается в ритм природных изменений, жизнь Вронского – в ритм большого города. Левин надевает сапоги и суконную поддевку, а Вронский – белый жилет и сюртук; Левин шагает через ручьи – Вронский сидит, облокотившись обеими руками на стол (руки его свободны от дел). Левин планирует с радостью и удовольствием хозяина, знающего цену труду и времени: «Левин сам не знал хорошенько, за какие предприятия в любимом его хозяйстве он примется теперь, но чувствовал, что он полон планов и предположений самых хороших» [7, т. 18, с. 162]. Он готов поделиться своим счастьем, ему нечего скрывать эту общую радость весеннего пробуждения жизни. Вронский смотрит в книгу французского романа. Символично, что книга эта лежит на тарелке: писатель подчеркивает, что она не может быть духовной пищей. Более того, Вронский смотрит в книгу, не читая.

Однако контраст в изображении героев не абсолютен. Одна из важнейших черт, сближающих Левина и Вронского и отличающая их от многих других персонажей романа, к примеру, от Облонского, заключается в их «страстности», под которой подразумевается положительная способность отдаваться делу, исключающая равнодушие. «Вы все, кажется, делаете со страстью», – говорит Кити Левину [7, т. 18, с. 33]. «За что ни возьмется, он все делает отлично. Он не только не скучает, но он со страстью занимает-

ся», – рассказывает Анна про Вронского [7, т. 19, с. 189].

Более того, и движение героев в романе отчасти оказывается сходным, но вот происхождением, воспитанием и отношением к родителям они оба поставлены в абсолютно противоположные условия. Уже читая восьмую главу романа, читатель понимает, что мысль семейная, прочная основа, заложенная в Левина, помогали ему не запутаться окончательно, не отчаяться: «Теперь ему ясно было, что он мог жить только благодаря тем верованиям, в которых он был воспитан» [7, т. 19, с. 379]. Левин вспоминает жизнь умерших родителей, как «идеал всякого совершенства», который «он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьей» [7, т. 18, с. 101]. Вронский же не чувствует преемственности поколений, но он в этом не виноват, поскольку не имеет положительного примера, образца: «Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина… Отца своего он почти не помнил» [7, т. 18, с. 61]. Мать Алексея не даст сыну совета, поскольку опыт ее, как может судить читатель, богат только в плане увлечений и интриг. И, состарившись, графиня Вронская продолжает заботиться лишь о мнениях света (вспомним гневные письма ее, когда увлечение сына перерастает в нечто большее). А со стороны Вронского мы не видим, разумеется, никакого сыновнего благоговения, только притворство: «Он в душе своей не уважал матери и, не отдавая себе в том отчета, не любил ее, хотя по понятиям того круга, в котором жил, по воспитанию своему, не мог себе представить других к матери отношений, как в высшей степени покорных и почтительных» [7, т. 18, с. 66].

Читатель романа осознает, что Вронский был лишен воспитания, которое стало для Левина залогом правильной жизни. Обратимся к чрезвычайно значимой в романе сцене разговора Левина со священником. Накануне свадьбы, услышав от героя о его сомнениях, священник вдруг начинает рассуждать не только о поступках исповедывающегося, но о его будущих детях: «Что же, какое воспитание вы можете дать вашим малюткам, если не победите в себе искушение дьявола, влекущего вас к неверию?» [7, т. 19, с. 7]; «Как же вы будете отвечать ему (ребенку. – *В.А.*)? Предоставите его прелести мира и дьявола?» [7, т. 19, с. 8]. Мы понимаем, что этой прелести мира в огромной степени был предоставлен с самого раннего детства Алексей Вронский, на примере жизни которого Л.Н. Толстой показал противоестественность тех условий и положений, в которые ставит человека высший свет. Однако Вронский в романе вырастает до мысли семейной, и, возможно, при поддержке Анны, он мог бы и далее значительно продвинуться на пути собственного совершенствования.

Интересно, что, как и Онегин у Пушкина влюбляется в замужнюю Татьяну, так и Вронский – в Анну Каренину, отвергая любовь Кити. На эту «несообразность» в романе в стихах Пушкина, отмеченную критиками, указывал еще В.Г. Белинский, который объяснил данный факт, во-первых, законами сердца, в которых немыслимо диктаторство, а присутствует «элемент чисто непосредственный, влечение инстинктуальное, невольное, прихоть сердца», а во-вторых, противоестественностью для Онегина поэзии брака: «Но если его могла еще интересовать поэзия страсти, то поэзия брака не только не интересовала его, но была для него противна» [1, с. 439–440]. Примечательно, что в конце 1856 – начале 1857 года Толстой был увлечен чтением статей Белинского. Н.Н. Гусев, рассматривая письма разных корреспондентов, посещавших в то время Толстого, доказывает, что чтение Белинского Толстым продолжалось в течение января, причем перед Толстым лежали статьи Белинского о Пушкине [4, с. 156, 158]. Можно предположить, что Вронский, считающий смешной поэзию брака, не случайно влюбляется в Анну – женщину, восемь лет супружества жившую естественно и без притворства исключительно *в роли матери*. Вронский, прислушивающийся к голосу Анны, с которой столкнулся при входе в отделение, улавливает ее возражение по поводу характеристики взгляда на что-то. «Не петербургский, а просто женский», – говорит Анна, по-видимому, о своем взгляде [7, т. 18, с. 67].

Вронский под влиянием любви к Анне изменяется, преображается, перерастает себя, преодолевает свое языческое отношение к Карениной. Этот факт, кстати, не был замечен Н.Н. Страховым, настаивавшим на том, что в романе «один Вронский остается *плотяным* с начала и до конца» [6, с. 401]. Герой сначала чувствует узость своих правил для новой жизни: «Вронский начинал чувствовать, что свод его правил не вполне определял все условия…» [7, т. 18, с. 322], а после – лучше всего в романе это видно по его разговору с Долли в Воздвиженском – становится

человеком, которому, как и Левину, оказывается близка мысль семейная. «Мы соединены святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. <…> И завтра родится сын, мой сын, и он по закону – Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье и сколько бы у нас ни было детей, между мною и ими нет связи», – говорит Вронский Долли [7, т. 19, с. 202]. Вронский вырывается из колеи, в которую он был поставлен своим происхождением, отсутствием семейного воспитания, условиями света, однако Анна, потратившая массу сил, не жена, не хозяйка, оказывается не в состоянии помочь в данном случае Алексею Кирилловичу.

Доказательством того, что Вронский встал на путь самосовершенствования, приблизился к верному пониманию жизни, являются его слова о поведении Каренина. «Разумеется, – сказал он мрачно, – это одна из этих *фарисейских* жестокостей, на которые способны только эти *люди без сердца*» (курсив наш. – *В.А.*) [7, т. 19, с. 203]. Вронский точно констатирует то, что в Каренине происходят странные перемены, которые подробно изобразит Толстой в последующем, показывая, как Каренин окажется под воздействием Лидии Ивановны и шарлатана Ландо. Графиня Лидия замечает, что Каренину дано новое сердце, но именно Вронский в одном предложении объяснит читателю, что, становясь фарисеем, Каренин лишается сердца, способности любить и понимать. Не случайно также, что в одной из частых ссор с Анной, описанных автором в седьмой части романа, Вронский потеряет терпение, когда Каренина назовет его «человеком без сердца» [7, т. 19, с. 324].

Таким образом, в «Анне Карениной» Л.Н. Толстой сближает мысль семейную с возможностью прихода героя к вере. В Воздвиженском Вронский впервые осознает ответственность семейной жизни, не случайно он жалуется Долли и борется с искушением, с дьяволом: «“Я о себе не говорю, хотя мне тяжело, очень тяжело”, – сказал он с выражением угрозы кому-то за то, что ему было тяжело» [7, т. 19, с. 203]. Вероятно, что указываемая Вронским тяжесть связана не только с тем, что он сам, один, ведет все хозяйство, в котором Анна оказывается словно декорацией: в Воздвиженском Долли видит, что все, даже блюда на столе, «делается и поддерживается заботами самого хозяина» [7, т. 19, с. 205]. Тяжело Вронскому и потому, что он борется с искушениями дьявола, о которых говорил Левину священник. Много неестественного и показного в быте и жизни Воздвиженского, но жизнь в имении, давшая Вронскому в полной мере ощутить себя в роли отца и хозяина, приближает его к прозрению Левина. «Я освободился от обмана, я узнал хозяина», – говорит в финале романа Левин [7, т. 19, с. 378].

Вронский обладает скрытым и неизвестным ему самому запасом жизненных сил, душевной глубиной, которые сближают его с Левиным. Анна полюбила Вронского, почувствовав возможность его нравственного роста, ту, которую видела Татьяна Ларина в Евгении Онегине, что подчеркивает Ю.В. Лебедев, говоря о героях Пушкина: «Все дело в том, что за светской развращенностью, беспочвенностью и опустошенностью “онегинства” Татьяна прозревает в Онегине не вполне осознанное им самим духовное ядро, опираясь на которое он может развернуть свою жизнь в другую, прямо противоположную сторону» [5, с. 62].

Создавая образ Алексея Вронского, Толстой, безусловно, ориентировался на характер Евгения Онегина, в котором, как отмечает Ю.В. Лебедев, Пушкин дал «художественную формулу будущего героя русских романов Тургенева и Гончарова, Толстого и Достоевского» [5, с. 63]. Толстой идет в «Анне Карениной» дальше Пушкина, конкретизируя пути духовного роста героев и определяя именно христианский смысл их движения. Рассуждая об этом движении, уместно вспомнить слова Иисуса Христа: «И сказал: для того-то и говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего» (Иоан. 6:65). И дело не в том, что Вронский и Левин изначально наделены какими-либо другими способностям, чем, к примеру, Облонский или Каренин. «…Не думай, что одним Отец благотворит, а другим – нет, по жребию, ибо это свойственно неправедному, но так понимай, что Отец благодетельствует и дает дар веры тем, у которых есть произволение», – отмечает болгарский архиепископ Феофилакт [3, с. 55]. Как мы уже увидели, под внешней мишурой сердце Вронского живо, он стремится к преображению жизни, не безучастен к окружающему.

Важно, что способностью улавливать духовные возможности персонажей наделена автором верующая Кити. «Помните, что любовь – это долг, это труд, с видением и предвидением пополам», –

пишет Н.П. Бехтерева [2, с. 10]. Кити смогла полюбить Вронского и Левина, прозрев в них *общее начало – силу жизни, способность поверить в Бога* всем сердцем и всей душою, пройти через трудности, сомнения и выйти к вере как необходимости для дальнейшего существования.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу. – М.: Современник, 1981. – 591с.

2. *Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru

3. Блаженный Феофилакт архиепископ Болгарский. Толкование на Евангелие от Иоанна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/feofilact/ioann/contents.html

4. *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. – М.: Акад. наук, 1957. – 916с.

5. *Лебедев Ю.В.* Художественный мир А.С. Пушкина и русская литература XIX века // Лебедев Ю.В. Православная традиция в русской литературе XIX века. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 23–63.

6. *Страхов Н.Н.* Литературная критика. – М.: Современник, 1984. – 431 с.

7. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социальный институт
slava964964@mail.ru

СИМВОЛИКА «ШИНЕЛИ» В «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ» Н.В. ГОГОЛЯ

Автор предлагаемой статьи анализирует цикл «Петербургские повести» Н.В. Гоголя. Мотив «шинели» присутствует во всех этих повестях. Он выражает противоречие между условностями чина и индивидуальностью человека.

Ключевые слова: *Гоголь, шинель, мотив, образ, гротеск.*

Петербургские повести Н.В. Гоголя (1834–1842) традиционно рассматриваются как цикл [см.: 5].

Вместе с тем необходимо отметить, что «Шинель» (1839–1842) занимает здесь особое место. В ней как бы сфокусирована художественная мысль всего цикла. Это – противоречие между регламентированностью жизни, прежде всего государственной, – «Ничего нет серьезнее всяких департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий» [2, с. 141] – и индивидуальностью – «Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество» [2, с. 141].В то же время это и ее лейтмотив, формирующий и сюжет, и систему образов. Образ главного героя – гротеск, сочетающий в себе отделённые друг от друга и противоречащие друг другу обобщённость и конкретность. Портрет его – «вечного титулярного советника» – характерен для мелких чиновников. Даже рост здесь как бы говорит о невозможности подняться выше 9-го ранга. Он «низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица что называется геморроидальным…» [2, с. 141].

Обобщённость этого образа создаётся остранением. Фамилия «Башмачкин» не говорит о нём ничего конкретного: его «отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подмётки» [2, с. 142]. Больше того, его мать не смогла подобрать ему имени: «пусть лучше будет он называться, как и отец его <...> Таким образом и произошёл Акакий Акакиевич» [2, с. 142]. Следовательно, и имя его сохраняет семейную традицию – готовность терпеть презрительное отношение к себе окружающих.

Степень обобщённости доведена до полной обезличенности. Так, о департаменте, в котором он служил, автор счёл за «лучшее» сказать неопределённо – обобщающе – «в одном департаменте» [2, с. 141]. Фатальность этого состояния поддерживается и «вечностью» героя. «Когда и в какое время он поступил в департамент и кто

© Баталова Т.П., 2011

определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» [2, с. 143].

Такая предельная обобщённость сочетается с противоречащей ей конкретностью. Акакий Акакиевич показан в деиндивидуализированной среде. Теперь меняется точка зрения: Башмачкин даётся в восприятии молодых чиновников (образ коллегиальный). Интересно, что при этом улавливается их ироническое отношение к особенностям друг друга. Казалось бы, парадоксально, но и преданность службе воспринимается здесь как странность. Акакий Акакиевич отличался прилежанием к службе. «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [2, с. 144]. Служебные занятия отчуждают его от товарищей. Когда, отобедав, чиновник «несётся в театр» или на улицу или идёт к своему брату в «четвёртый или третий этаж» «поиграть в штурмовой вист», Акакий Акакиевич «вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесённые на дом» [2, с. 145]. Зато «ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простирающий до того проницательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка, – что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его. Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки» [2, с. 145]. Заметим, что его платье как бы опредмечивает его особое положение. «Вицмундир» его – «не зелёный, а какого-то рыжевато-мучнистого цвета. Воротничок на нём был узенький, низенький, так что шея его <...> казалась необыкновенно длинною» [2, с. 145]. Эта характеристика «вицмундира» Башмачкина предсказывает и особенности его «шинели» – как дополнение и завершение образа. Его старую «шинель» чиновники в насмешку называли «капотом».

Особенности костюма Башмачкина выражает и его пренебрежение внешним видом в противоположность увлечённости службой. Вероятно, поэтому «всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка…» [2, с. 145].

Интересно, что через костюм автор как бы расширяет среду общения Башмачкина, «объективирует» отношение к человеку в зависимости от его одежды. Гоголевский «смех сквозь слёзы» проявляется здесь и в «реализации» русского восприятия фонетической формы «акакий». Заметим, что «приставало» и «выбрасывали» – в одной фразе, что подчёркивает обреченность положения героя. «…К тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор» [2, с. 145].

Общественные отношения прежде всего проявлялись в том, что товарищи смеялись и «острились» над ним, сыпали бумажки на его голову, называя это снегом, подталкивали под руку, мешая писать.

Очевидно, чтобы подчеркнуть бесчеловечность отношения к другому только как к носителю мундира, автор вводит образ Молодого Чиновника. В словах Башмачкина «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» он услышал: «Я брат твой». И «какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей» [2, с. 145].

Итак, именно индивидуальность Акакия Акакиевича, его неумение быть с товарищами на равных ставят его «за» ряд. Предметным выражением такого состояния является его платье. «Капот» Акакия Акакиевича противоречит обязательной для «титулярного советника» «шинели». Оба эти образа – гротески, сочетающие в себе предметное и абстрактное. «Новая шинель» Башмачкина и должна была разрешить это противоречие, т.е. заменить «капот» на «шинель», соответствующую его чину. Интересен здесь образ «мороза», подвигнувшего Акакия Акакиевича приобрести «новую шинель». Это – гротеск, т.к. в нём природное – холод – сочетает-

ся с абстрактным – характером отношений в чиновничьей среде.

Своеобразен и образ Петровича, который «занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков…» [2, с. 147–148]. Остранение связывает образ портного с автором «Табели о рангах» (1722), что тоже не нечто новое, а старое, немецкое, переделанное на русский манер. Акакий Акакиевич «увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша» (выражение величия). «И прежде всего бросился в глаза большой палец <...> с каким-то изуродованным ногтем, толстым и кривым, как у черепахи череп» [2, с. 148–149] (символ вечности). Вдохновлял его «табак» из «круглой табакерки» «с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумаги» [2, с. 150]. Это пренебрежение к личности «генерала», вероятно, можно рассматривать как намёк на абсолютизм первого русского императора. Петровские «ранги» – своеобразные «шинели». Они определяли костюм, который, с одной стороны, был объединяющим фактором для чиновников данного класса, а с другой – усреднял это сообщество, не допуская значительных различий в его рядах.

Таким образом, предприятие Башмачкина и Петровича должно было заключаться не только в пошиве шинели как одежды. Это был процесс созидания партикулярного платья. Акакий Акакиевич должен был стать вровень с товарищами. Но Петрович не предусмотрел всего: то ли потому что не был мастером по «новым шинелям», то ли потому что был одноглазым. Для «новой шинели» оказалось не нужным ни то, что Акакий Акакиевич научился ограничивать себя в расходах, ни то, что «Он сделался как-то живее, даже тверже характером. <...> Огонь порою показывался в глазах его» [2, с. 154–155].

Решающим стало то, что когда в департаменте, узнав о том, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что более капота не существует, чиновники «приступли к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мере, задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать, как отговориться» [2, с. 157]. А на вечере, устроенном вместо него Помощником столоначальника, Башмачкин «просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги, всю фигуру свою» [2, с. 160]. Он не мог ни в карты играть, ни веселиться вместе с ними. Объективным выражением этого сохраняющегося противоречия является тот факт, что, когда Акакий Акакиевич потихоньку вышел из комнаты в переднюю, «шинель» свою «не без сожаления увидел лежащею на полу» [2, с. 160].

И хотя он «стряхнул её, снял с неё всякую пушинку», логика сюжета подводит к тому, что Башмачкин и «новая шинель» – две вещи несовместные. И действительно, «новая шинель» – оказалась у грабителей, Акакий Акакиевич – умирает.

Абстрактная сторона образа «шинели» «реализуется» в фантастической концовке, условно – эпилоге. Позиция главного героя здесь не изменилась: он так и остался «за» рядом. Но в потустороннем мире её знак сменился на противоположный. И вместо того чтобы стать обыкновенным покойником, он превратился в «живого мертвеца». Содрав генеральскую шинель с плеч Значительного лица, который старался выполнять требования ранга, Акакий Акакиевич вернул ему человеческие качества. Автор вспоминает, что он «был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку» [2, с. 163].

Думается, в этой атмосфере реального / ирреального эмблематичен по отношению к «шинели», подавляющей индивидуальность, образ «кулака». У Грабителя он «величиною в чиновничью голову», у Привидения – «такой кулак, какого и у живых не найдёшь».

Таким образом, эпилог здесь зеркально симметричен основной части произведения. Это характеризует «Шинель» по своей структуре как новеллу.

Итак, «шинель», как обобщённый образ партикулярного платья, выражает противоречие между принципами определённого ранга и индивидуальностью чиновника.

Обобщённость этого образа-гротеска может придавать ему и символичность: его смысл «мерцает» (термин С.С. Аверинцева) [см.: 1] в его предметности. Следовательно, «шинель» как символ данного класса приобретает самостоятельную ценность, превращается в своеобразный фетиш. Этому явлению и посвящена повесть «Нос» (1834–1842).

Фантастика, характерная для творчества Гоголя [см.: 4], в повести «Нос», очевидно, необхо-

дима писателю для «реализации» ирреального – «шинели» как фетиша. Феерический ореол происшествию придает уже неожиданность смены событий, на которой строится сюжет произведения. Причём благополучный финал, смягчая драматизм всего происшедшего, педалирует его кульминацию – встречу майора Ковалёва со своим Носом. «Золотое шитье» мундира и «плюмаж» шляпы – атрибуты костюма «статского советника» – вызывают у коллежского асессора трепет и робость. «“Как подойти к нему? <...> Черт его знает, как это сделать!” <...> он начал около него покашливать <...> “Милостивый государь…” – сказал Ковалёв, внутренно принуждая себя ободриться» [2, с. 56].

Интересно, что здесь сама форма становится не только содержательной, но и фетишизируется.

Неестественность, кощунственность этого явления выражается и в том, что сцена происходит в Казанском соборе. К тому же Ковалёв здесь вспоминает Чёрта. Причем, может быть, не случайно, а именно для заглавной буквы, это слово поставлено в начало предложения. Следовательно, здесь поклонение «мундиру» связано с влиянием нечистой силы. Можно предположить, что таким образом автор намекает здесь на государственные реформы первого русского императора, называемого в народе Антихристом.

Вместе с тем заметим, что при превращении «шинели» в фетиш педалируются её внешние стороны. В этих условиях в общественном сознании укрепляется предпочтение внешних качеств внутренним. Этой проблеме посвящена повесть «Невский проспект (1834).

Встреча двух приятелей на Невском проспекте, появление здесь же и их героинь говорит о взаимосвязи соответствующих фрагментов произведения.

Возникающий герменевтический круг уточняет её. Думается, что источник драм и трагедий в комической форме выражен в приключении поручика Пирогова. Он потерпел фиаско, мечтая воспользоваться особенностями немецких порядков в доме Шиллера.

Действительно, «Шиллер совершенный немец, в полном смысле этого слова. Ещё с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живёт на фу-фу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в коем случае, не делал исключения». Ирония автора далее усиливается: «Аккуратность простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз…» [2, с. 42].

Заметим, что имена Шиллер, Гофман, Кунц – оттеняют гоголевский смех по поводу «печального события» – «мазурки» высеченного немцами поручика Пирогова, вызвавшей «восторг не только дам, но даже и кавалеров», – свидетельства самоунижения русских перед немцами. В то же время это комическое происшествие говорит и о чуждости немецких порядков русской почве, о пагубности их укоренения в русской жизни. В повести комический эффект Пирогова как бы смягчает трагизм истории художника Пискарёва.

Душевно ему, как художнику, близки эстетические идеалы европейской культуры, но он был потрясен душевной черствостью «чудной совершенно Перуджиновой Бианки», предпочитавшей праздность и разврат чувству чести.

Истоки подобных явлений автор предлагает увидеть на Невском проспекте. Каждое сословие демонстрирует здесь свои атрибуты – условно говоря – свои «шинели».

Почтительное отношение к ним превращает их в предмет поклонения, а Невский проспект – в «главную выставку произведений человека» – не духовных, не душевных. Так, например, служащие в «иностранной коллегии» демонстрируют «бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, чёрные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в чёрных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие» [2, с. 42].

У других сословий – свои «шинели»: у «плотных Содержателей магазинов и их Комми» – «голландские рубашки», у «Гувернёров и их Питомцев» – «батистовые воротнички» и т.п.

И каждый гуляющий старается здесь показать свою собственную «шинель». Это – «щегольской сюртук с лучшим бобром», «греческий прекрасный нос», «превосходные бакенбарды», «пара хорошеньких глазок и удивительная шляпка», «перстень с талисманом на щегольском мизинце», «ножка в очаровательном башмачке», «галстук, возбуждающий удивление», «усы, повергающие в изумление».

Заметим, что этот перечень говорит о том, что и телесная привлекательность здесь играет роль модного платья.

В заключительной ситуации повести – в картине ночного Петербурга мотив демонизма сливается с мотивом лживости «грома и блеска»: «тогда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде» [2, с. 46].

Очевидно, здесь, так же как и в рассмотренных выше повестях, присутствует тот же мотив – пагубности для русской жизни последствий петровских государственных реформ.

В гоголевском «Портрете» (1834–1842) влияние регламентированности жизни общества на самосознание русского человека показано с точки зрения художника Черткова. Он утратил свой талант схватывать и передавать в портрете тончайшие оттенки индивидуальности. Заказчики желали узнавать себя «в виде Психеи», кто «хотел Марса <...> кто метил в Байрона. <...> Кориной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он с большой охотой соглашался на всё» [2, с. 107]. Перед ним были не живые люди и страсти, а «застёгнутые лица чиновников, военных, и штатских <...> Пред ним были только мундир, да корсет, да фрак, пред которыми чувствует холод художник» [2, с. 107].

Заметим, что после осознания своей трагедии – погасшей искры огня – Черткову «хотелось изобразить отпадшего ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души» [2, с. 113]. Вновь здесь мироощущение людей в условиях регламентированности жизни писатель связывает с нечистой силой.

Сарказм «Записок сумасшедшего» (1834) как бы подытоживает размышления автора над «безумием» общественных отношений. Эта повесть – двойной гротеск. Мир как бы перевёрнут. «Трезвыми» взглядами наделены здесь собачка Меджи, переписывающаяся с подружкой Фидель, и сумасшедший чиновник. Вкусы Меджи утонченнее, чем у барыгеи Софи, рассуждения сумасшедшего – философичнее, чем у его начальника.

«Папа» Софи не интересуют человеческие качества женихов дочери. Он непременно хочет видеть её «или за генералом, или за камер-юнкером, или за военным полковником» [2, с. 204].

Меджи отвергает ухаживания Дога за грубость – «высунул свой язык, повесил огромные уши и глядит в окно – такой мужик!» [2, с. 203–204]. Она смеётся в письме к Фидель над вкусами своей хозяйки, влюблённой в камер-юнкера с «чёрными бакенбардами»: «“Куда ж, – подумала я сама в себе, – если сравнить камер-юнкера с Трезором!” Небо! какая разница! Во-первых, у камер-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокруг бакенбарды, как будто бы он обвязал его чёрным платком; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самом лбу белая лысинка. Талию Трезора и сравнить нельзя с камер-юнкерскою. А глаза, приёмы, ухватки совершенно не те. О, какая разница! Я не знаю, ma cheге, что она нашла в своём Теплове. Отчего она так им восхищается» [2, с. 204].

Право на сравнение Теплова с Трезором собачка получает благодаря доверительности Софи. Меджи откровенничает Фидель: Софи «бросилась обнимать меня… Ах, Меджи, Меджи! Если б ты знала, кто это: брюнет, камер-юнкер, а глаза какие! чёрные и светлые, как огонь!» [2, с. 204]. И вместе с тем, здравый протест против отношения к человеку в зависимости от того, какой мундир на нём, автор вкладывает в уста сумасшедшего. «Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого <...> Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности. Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником» [2, с. 206].

Отметим также, что мотив сумасшествия, «связующий» (термин Г.В. Краснова [см.: 3]) «Петербургские повести» («Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего»), придаёт символике «шинели» трагический оттенок.

Итак, предложенный анализ показывает, что «шинель», как обобщённый образ партикулярного платья, выражает противоречие между регламентированностью государственной и общественной жизни и индивидуальностью. Этот образ символизирует, с одной стороны, фетишизацию костюма, с другой – при предпочтении внешних достоинств – подавление душевных сил человека. Это говорит о пагубности для русской жизни последствий петровского реформирования государственности.

Таким образом, думается, что если Гоголь и «идёт по краю иррационального» [6, с. 102], то именно для прояснения рационального. Именно символика «шинели» объединяет гоголевские петербургские повести в неавторский цикл.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Символ // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001. – С. 977–992.
2. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений.– Т. 3. – М., 1938.
3. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.
4. *Манн Ю.В.* Поэтика Н.В. Гоголя. – М., 1988.
5. *Маркович В.М.* Петербургские повести Н.В. Гоголя // Маркович В.М. Избранные работы. – СПб., 2008. – С. 8–106.
6. *Набоков В.В.* Николай Гоголь // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – СПб., 2010. – С. 43–112.

Григорьева Елена Феофановна
Литературный институт им. А.М. Горького (г. Москва)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЖИЗНИ С.Т. АКСАКОВА КАК ПРОБЛЕМА

Цель работы – привлечь внимание к неизученности сферы потаенного, очевидной в трилогии, единой для творчества писателя, проявляющейся при изучении взаимосвязи отступлений от повествования и умолчаний трилогии – с высказываниями писателя, объясняющими побудительные причины творчества, обусловленной присущей Аксакову устремленностью к будущему историку отечественной словесности.

Ключевые слова: *позиция служения, собиратель материалов, сфера потаенного.*

Аксаковедение не имеет обобщения наблюдений, указывающих на актуальность прочтения Хроники в контексте целостности творчества писателя. Проблема целостности, по поводу которой П.М. Тамаев замечал, что суждения о целостности книг Аксакова, его «записок, хроник стали общим местом» [8, с. 76], не может быть решена без изучения представлений Аксакова о писательском труде как служении, т.е. без изучения духовного опыта писателя, как показывают работы о его современниках. «…Поэт вел… почти незаметную для современников борьбу за духовное достоинство и само духовное бытие как свое личное, так и общенародное» [3, с. 209], – о Вяземском. «Обсуждать творчество драматурга, умалчивая о его религиозных симпатиях, настроениях… – носить воду в решете, ибо …не удастся найти ту духовную силу, которая помогла бы объединить все разнородные… тенденции и устремления…» [48, с. 7], – о Шаховском. «Н.М. Языков… независимо от Гоголя начинает… читать отцов церкви, изучать Библию» [16, с. 297], – о Языкове. Современники видели в Гоголе сатирика, «продолжателя святоотеческой традиции… не узнали» [41, с. 3], – о Гоголе. Обращаясь к Аксакову, мы учитываем также позиции Т.Л. Воронина, рассматривающего творчество «как историю души, нравственно-религиозный портрет автора» [40, с. 6], и Ю.И. Минералова, который говорит о важности изучения «процесса создания произведения» [44, с. 3]. При анализе процесса создания Хроники неизбежно восстановление творческого пути в целом, но при этом и литературная позиция 1850-х гг. предстает как проблема, т.к. «биография внутренней жизни» писателя [21, с. 604], его «нравственно-религиозный портрет» есть область наименее изученного.

Работы о православном «подтексте русской литературы» [42, с. 5] и «народно-художественном самосознании в литературном опыте эпохи» [46, с. 188] констатируют не только «своеобразное положение» отечественной словесности «между сознанием Нового времени (в форме просветительства и романтизма) и сознанием церковным» [20, с. 6], но и тот факт, что «литература может быть научно освоена в *целостности* (курсив источника. – *Е.Г.*) духовно-религиозного, социально-исторического и художественно-эстетических подходов» [11, с. 114]. Сказанное о современниках писателя в той или иной мере относимо к Аксакову, который объяснял (до Хроники и после нее) побудительные причины творчества необходимостью исполнения долга перед «будущим историком» [22, с. 520], который как христианский писатель, продолживший традиции древнерусского книжника – «по большей части именно историка» [14, с. 10], понимавший чтение как «душеспасительную духовную пищу» [23, с. 380], а творчество как служение [24, с. 702], остается неизученным. Не осуществлено сопоставление окружающих трилогию высказываний писателя, проявляющее целостность творчества,

 © Григорьева Е.Ф., 2011

а Хронику – «сердцевинным явлением» [43, с. 105], свидетельствующим о единой сфере потаенного, о присущей писателю устремленности к будущему, о диалогическом характере творчества писателя, противопоставившего литературе вымысла правдивые воспоминания о действительно бывшем. Изучение Хроники без учета христианского мировоззрения Аксакова приводит к уменьшающим значение творчества писателя выводам [1], замыкаясь в рамках начатой при жизни Аксакова полемики о жанровой природе Хроники [6], прочитывавшейся современниками без учета высказываний, поясняющих побудительные причины творчества.

О недостаточной изученности творчества Аксакова пишут [52, с. 3], но одна из причин неизученности, на наш взгляд, остается вне поля зрения; выявление сферы потаенного в большой степени зависит от того, что является источником сведений о генезисе Хроники: произведения, статьи и письма писателя, рассмотренные в их «сцепленности» [9, с. 73] и взаимосвязанности, или работы С.И. Машинского середины XX в., опора на которые остается значительной. «Мысль о необходимости внимательного прочтения книг С.Т. Аксакова… является… определяющей в фундаментальном исследовании С.И. Машинского…» [53, с. 4].

О важности внимания к духовным основам жизни семьи Аксаковых писала Е.И. Анненкова: «На самом-то деле было различное, кажущееся чуть ли не полярным выражение глубинно сходных начал, восходящих к единому национальному мироощущению, в котором всегда взаимодополняли друг друга свобода, открытость души и аскетизм духа; снисхождение к слабостям жизни и неумолимая строгость долга; растворенная в жизни вера и вера, следующая всем установлениям церкви» [17, с. 46]. Она же: «отдельные произведения, создаваемые членами аксаковской семьи… раскрывают полноту… смысла лишь в соотнесенности с другими… Это относится даже к произведениям С.Т. Аксакова, художественный уровень которых никем не был оспорен» [18, с. 12]. С.Л. Соболевская писала, что трилогия не прочитана как «Книга о книгах» [7, с. 6]. По словам С.Ф. Дмитренко, необходимо более тщательное изучение отношения Аксакова к современной ему литературе [13, с. 8]. С.П. Фатеев, указывая на обеспокоенность Аксакова необратимостью природных процессов, напомнил об особом внимании Аксакова к литературе XVIII века и, цитируя Аксакова: «Мне решительно не нравится: жила в объятиях природы. Выражение бессмысленное, опошленное до гадости, завязнувшее у нас с XVIII столетия» [15, с. 16], – показывал, что письма писателя помогают более многогранному освещению творчества. П.М. Тамаеву принадлежит наблюдение, существенно обогащающее представления о творчестве писателя. «Один из главных уроков, усвоенных С.Т. Аксаковым у древнерусских книжников, – это внутреннее созревание, долгая подспудная подготовительная работа, после которых приходит решение. Подобно Епифанию, он делает записки “в свитцех и тетратех” “запаса ради, памяти ради, пользы ради”» [10, с. 78]. Н.А. Колодина, развивая эту мысль, писала о необходимости такого прочтения прозы С.Т. Аксакова, которое было бы ориентировано на «традиции древнерусской словесности» [54, с. 43]. Рассмотренные в совокупности, эти наблюдения констатируют факт насыщенности аксаковедения проблематикой, выводящей исследования на уровень, позволяющий обратиться к проблеме целостности. Но в работах об Аксакове заметна и неучтенность осуществленных наблюдений.

По словам Л.А. Сапченко, материалы журнала «Детское чтение для сердца и разума» «дают ключ» к прозе С.Т. Аксакова [4, с. 55]; творчество писателя «во многом обязано… самобытностью более глубокой традиции – доромантической и даже досентименталистской, восходящей к просветительской философии и описательной поэзии века XVIII» [5, с. 59]. Это заключение, как и утверждение, что на «рубеже XIX–XX веков… благодаря… трудам В.П. Острогорского, В.И. Шенрока, А.К. Бороздина, О.Ф. Миллера, С.А. Венгерова сложилось практически полноценное представление о творческой индивидуальности С.Т. Аксакова» [49, с. 9], не вполне соответствует действительности. Справедливо, что «налицо… стремление к реабилитации С.Т. Аксакова, к закреплению его места в пантеоне отечественных классиков» [50, с. 4], что на «рубеже XIX–XX веков… возродился интерес к наследию писателя» [51, с. 9], но утверждение о «практически полноценном представлении о творческой индивидуальности С.Т. Аксакова» требует уточнения, как и повторяющееся [2, с. 81] суждение С.И. Машинского, что «С.Т. Аксаков – трудный для осмысления писатель» и трудности «усугубляются отсут-

ствием традиций в его изучении» [45, с. 4]. На необходимость осмысления творчества Аксакова с учетом его христианского мировоззрения указывал А.С. Хомяков (1859). Но Хомяков не имел возможности сопоставления высказываний Аксакова, составляющих контекст Хроники. Прижизненная критика, в лице Добролюбова, Анненкова, Гилярова-Платонова, как И.С. Тургенев, писавший, что «Записки ружейного охотника…» можно рассматривать с двух точек зрения: «с точки зрения охотника и… естествоиспытателя» [47, с. 164], как биографы: С.А. Венгеров (1886), В.П. Острогорский (1891), В.И. Шенрок (1904), – не имела возможности сопоставления произведений Аксакова – с его объяснениями побудительных причин творчества, очевидными в 20-е гг. (речь в Обществе любителей российской словесности), 30-е (статьи о Пушкине и Шаховском) и 50-е (Вступление к «Литературным и театральным воспоминаниям», статьи о Гоголе, Шишкове, Державине, Щепкине, биография Загоскина), выявляющего сущностные Предметы внимания Аксакова: текучесть времени; необратимую изменяемость внешнего и вместе с тем связь времен – вырабатываемость будущего в настоящем, вытекаемость настоящего из прошедшего; феномен человеческого поведения, осуществлявшегося в рамках христианской культуры, но в разладе внешнего и внутреннего; собственную «биографию внутренней жизни», подлежавшую рассмотрению от самого начала «земного… странствования» [39, с. 627]; духовный мир матери.

Цель данной работы – привлечь внимание к неизученности сферы потаенного трилогии, сферы, единой для творчества, проявляющейся при изучении взаимосвязи авторских отступлений от повествования и умолчаний трилогии с высказываниями Аксакова, объясняющими побудительные причины творчества, и обусловленной присущей писателю устремленностью к будущему: потомкам, биографу, историку. В воспоминаниях о современниках Аксаков выступал как собиратель материалов, для которого расстановка приоритетов жизненных ценностей определялась христианским мировоззрением. О Шишкове он писал так: «История будет… справедливее нас. Имя Шишкова… как двигателя своей эпохи займет почетное место на ее страницах, и потомство с большим сочувствием… станет повторять стихи Пушкина: *Сей старец дорог нам…*» [25, с. 313]. Напоминая об искренности «нравственных и религиозных убеждений» Гоголя [26, с. 600], Аксаков уточнял: «Натура Гоголя… умеряемая христианским анализом и самоосуждением, проникнутая любовью к людям, непреодолимым стремлением быть полезным, беспрестанно воспитывающая себя для достойного служения истине и добру, – такая натура в вечном движении…» [27, с. 604], замечая, что накопление материалов важно для воссоздания «биографии внутренней жизни» Гоголя, повторяя, что необходимо изучение писем: они позволяют «проследить, рассмотреть в подробности духовную жизнь великого писателя…» [28, с. 606]. «Письма Гоголя… поучительны… Все его человеческие ошибки и уклонения – драгоценное наследие человечеству» [29, с. 627]. Аксаков писал о важности осознания сложности творческого пути Гоголя. «Ясности взгляда будет мешать близость предмета; надобно отойти от него подальше, и чем предмет выше, тем отойти надобно дальше: я разумею биографию внутренней жизни, искреннюю и полную» [30, с. 604]. Для Аксакова важно перечитывание произведений с учетом их взаимосвязанности; ему важно подчеркнуть, что Гоголя необходимо читать всего [31, с. 170]. Работая над биографией Загоскина, он писал, что восприятие творчества в целом отличается от восприятия отдельных произведений. Его цель – сохранить достоверность. Аксаков записывал, сколько раз вышли произведения Шишкова, Загоскина и Шаховского, напоминал о необходимости сохранения памяти о тех, кто служил во имя отечественной культуры: «…Всегда время отдавать справедливость заслуге; благодарным быть – всегда время» [32, с. 620]. Аксаков писал, что Загоскин имеет «полное право на участие и благодарность современников» [33, с.382]. «Биографии… Загоскина», по словам В.Н. Грекова и А.Г. Кузнецовой, «Аксаков придавал большое значение…» [12, с. 503]. Очевидна повторяемость мысли Аксакова о необходимости собирать материалы для будущего. «Личность князя Шаховского, его живость, веселость, забавное и безобидное остроумие, его детское притязание на хитрость, его незабвенные репетиции… представляют богатое и благородное поле для биографа» [34, с. 609]. «Моя цель – доставить материал для биографа» [35, с. 8]. Записывая воспоминания о деятелях, оставшихся в истории словесности в качестве второстепенных, Аксаков объяснял: «…В этом внимании, в этих знаках уважения к памяти вто-

ростепенных писателей выражается чувство благодарности, чувство справедливости… Писатели второстепенные приготовляют поприще… для великих… которые не могли бы явиться, если б предшествующие… не приготовили им материала…» [36, с. 7]; напоминал, что восстановление полноты истории словесности требует внимания не только к большим именам: «…Все… разыскания… полезны и даже необходимы, как материал для истории литературы… Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы» [37, с. 7]. Нельзя не заметить, что годы «подытоживания» [19, с. 266] жизни есть в то же время годы нравственного, «трудного» подвига, корнями своими уходившего в христианскую традицию долга и ответственности перед историей.

«Мое время… было… не то что поглупее теперешнего… было простее, простодушнее, наивнее… мы жили спустя рукава, не оглядываясь на свое прошедшее, не вникая в безнравственность отношений настоящего и не помышляя о будущем… Многое посеяно, может быть и бессознательно, именно в мое время, даже пустило корни, и многое, что теперь цветет и пышно красуется современностью, думая, что оно родилось вчера, – долго лежало в земле, всасывая в себя питательные ее соки…» [38, с. 622], – подобные высказывания не обобщены, как не исследовано исповедальное начало трилогии и творчества в целом.

Библиографический список

1. *Чуркин А.А.* Тема и мотивы семьи в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Русская литература. – 2009. – № 1.

2. *Лоскутникова М.Б.* Эмоционально-оценочные аспекты художественного произведения в связи с проблемой литературного характера // Аксаковский сборник. Вып. 2. – Уфа, 1998. – С. 81.

3. *Моторин А.В.* Художественное вероисповедание князя П.А. Вяземского // Христианство и русская литература. – Сб. 4. – СПб.: Наука, 2002. – С. 209.

4. *Сапченко Л.А.* Журнал «Детское чтение для сердца и разума» в жизни и творчестве С.Т. Аксакова // Вторые Аксаковские чтения. – Ульяновск, 2006. – С. 55.

5. Там же. – С. 59.

6. *Селитрина Т.Л.* Жанровая специфика «Семейной хроники» С.Т.Аксакова в трудах отечественных и зарубежных литературоведов // Аксаковский сборник. – Уфа, 2005.

7. *Соболевская С.Л.* Охотница до книг. К 225-летию со дня рождения М.Н. Аксаковой // Аксаковские чтения (1996–1997). – Уфа, 1997. – С. 6.

8. *Тамаев П.М.* «Записки…» С.Т. Аксакова как художественное целое // Жизнь и судьба малых литературных жанров. – Иваново, 1996. – С. 76.

9. Там же. – С. 73.

10. Там же. – С. 78.

11. *Троицкий В.Ю.* О духовных началах слова и словесности и целостности как основе научного анализа и преподавания литературы // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. тр. / Моск. гос. обл. ун-т. – М.: Русскій міръ, 2007. – С. 114.

12. *Греков В.Н., Кузнецова А.Г.* Комментарии // С.Т. Аксаков. Собр. соч.: В 3 т. – Т. 3. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 503.

13. *Дмитренко С.Ф.* Литература в жизни Сергея Тимофеевича Аксакова // С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука. Аленький цветочек. – М.: Олимп; АСТ, 1998. – С. 8.

14. *Лихачев Д.С.* Литература Древней Руси // Повести и сказания Древней Руси. – СПб.: «ДИЛЯ», 2001. – С. 10.

15. *Фатеев С.П.* Записки счастливого человека // С.Т. Аксаков. Охота пуще неволи. Сборник произведений. – Киев: Дніпро, 1991. – С. 16.

16. *Абашева Д.В.* Языковы в истории литературы и фольклористики. – М.: Таганка, 2009. – С. 297.

17. *Анненкова Е.И.* Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – С. 46.

18. Там же. – С. 12.

19. Там же. – С. 266.

20. *Антонов К.М.* Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 6.

21. *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. – Т. 3. – С. 604.

22. Там же. – С. 520.

23. Там же. – С. 380.

24. Там же. – С. 702.

25. *Аксаков С.Т.* – Т. 2. – С. 313.

26. *Аксаков С.Т.* – Т. 3. – С. 600.

27. *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4 т. – Т. 3. – С. 604.

28. Там же. – С. 606.

29. Там же. – С. 627.

30. Там же. – С. 604.

31. Там же. – С. 170.

32. Там же. – С. 620.

33. *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 3. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 382.

34. *Аксаков С.Т.* – Т. 3. – С. 609.
35. Там же. – С. 8.
36. Там же. – С. 7.
37. Там же. – С. 7.
38. Там же. –С. 622.
39. *Брянчанинов Игнатий, святитель*. Собр. соч.: В 7 т. – М., 2001. – Т. 1. – С. 627.
40. *Воронин Т.Л.* История русской литературы XVIII столетия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 6.
41. *Воропаев В.А.* Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – 3-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 3.
42. *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 5.
43. *Кожинов В.В.* Победы и беды России. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 105.
44. *Минералов Ю.И.* Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): Учеб. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС, 1999. – С. 3.
45. *Машинский С.И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – М.: Гос. изд. худож. лит., 1961. – С. 4.
46. *Нестерова Т.П.* Национальное самосознание в русской поэзии первой трети XIX века. – М.: Высшая школа, 2007. – С. 188.
47. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 5. – С. 164.
48. *Шаврыгин С.М.* А.А. Шаховской и духовная культура его времени: Научно-методическое пособие. – Ульяновск: УлГУ, 1996. – С. 7.
49. *Никитина Е.П.* Творческая индивидуальность С.Т. Аксакова в историко-функциональном и сравнительно-типологическом освещении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2007. – С. 9.
50. Там же. – С. 4.
51. Там же. – С. 9.
52. *Колодина Н.А.* Проза С.Т. Аксакова. Контекст и поэтика: Дис. … канд. филол. наук. – Иваново, 2003. – С. 3.
53. Там же. – С. 4.
54. Там же. – С. 43.

УДК 882.09

Каткова Майя Михайловна
Московский педагогический государственный университет
katkova_mm@yahoo.com

БРИТАНСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ РОССИИ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ»

В статье рассматриваются британская рецепция России и образ британского самосознания на примере повести «Епифанские шлюзы» А. Платонова.

Ключевые слова: *А. Платонов, рецепция, британское самосознание, национальный характер.*

В повести «Епифанские шлюзы» А. Платонов изображает британскую рецепцию России, возникающую у инженера Бертрана Перри, приглашенного Петром I для строительства судоходных шлюзов и каналов. На наш взгляд, рецепция Перри обнаруживает признаки, позволяющие охарактеризовать специфику постижения британским сознанием не только «русской темы» в целом, но и русской литературы, в частности художественного сознания писателя А. Платонова.

Повесть принадлежит к ранним произведениям Платонова. Она написана в начале 1927 года в Тамбове, куда Платонов был направлен для работы в должности подотделом мелиорации губернского земельного управления. Содержание повести несет отпечаток тамбовских впечатлений писателя.

В работе над повестью Платонов пользовался «наиболее близким ему, как инженеру, историческим материалом из книги инженера А. Легуна “Воронежско-ростовский водный путь” (1909)» [12, с. 460]. Однако у нас есть все основания полагать, что писатель художественно воссоздал исторический документ капитана и строителя доков и каналов при Петре I англичанина Джона Перри, который по результатам своей службы у русского царя напечатал сочинение «The State of Russia under the Present Czar» (1716) («Состояние России при нынешнем царе»).

Наличие сходных черт в судьбах реального Джона Перри и платоновского персонажа Бертрана Перри позволяет утверждать то, что либо писатель был хорошо знаком с данным историческим документом, либо художественный гений

 © Каткова М.М., 2011

Платонова с помощью особого не дискурсивного метода исследования сумел поразительно точно воссоздать рецепцию России английским инженером и воспроизвести образ британского сознания в целом.

По приглашению Петра I английский инженер Джон Перри в 1702 году приступил к сооружению канала, который должен был соединить реки Дон и Волга. Сочинение Д. Перри являет собой изложение его «тяжкой судьбы и затруднений», которые он претерпел, находясь в России в течение четырнадцати лет службы русскому царю.

Не отрицая меркантильный интерес своего пребывания в России, англичанин Перри делает акцент на невозможности честного исполнения своего дела вследствие «недоброжелательного отношения и постоянных препятствий в работах», мздоимстве начальников и равнодушии народа: «Я терпел недостаток в людях, в материале»; «<…> строился флот и предпринимались работы для заведения судоходства по рекам; все это русские считали ненужным, так как ни они, ни отцы их, не имели об этом понятия и без этого прожили» [8, с. 45]. Несмотря на объективно-беспристрастный тон повествования о России, Перри с симпатией отзывается о русском царе-реформаторе, восхищаясь масштабностью происходящих реформ в стране и выражая сожаление о невозможности дальнейшей службы царю.

В повести Платонова «Епифанские шлюзы» английский инженер Бертран Перри приезжает в Россию по совету своего брата Уильяма с целью заработать денег на службе у Петра I, помогая ему в строительстве большого канала между Доном и Окой. Из-за недооцененности масштаба проекта, отсутствия помощи местных властей, невежества и суеверия простого народа инженер терпит неудачу в строительстве шлюзов, за что его казнят в Москве по приказу царя. Несмотря на сходство платоновского персонажа с его реальным прототипом, для Платонова важно воссоздать внутренний мир английского инженера, раскрыть характер британской личности с ее устойчивыми признаками и тем самым показать особенность английского восприятия России.

Все происходящие события в «Епифанских шлюзах» мы воспринимаем через автора и через сознание английского инженера Перри. В начале повести Платонов выстраивает культурную диспозицию «свой» – «чужой» путем изображения «субъектно-объектного» отношения Б. Перри ко всему, что он видит в России. В основе этого отношения лежит принцип отчуждения, который, с точки зрения диалогической философии М.М. Бахтина, является неподлинным типом межчеловеческих отношений. Отсюда появляются деформационный образ в восприятии «чужого» по контрасту со «своим».

С самого начала восприятие России Перри построено на контрасте: бескрайние «сокровенные» пространства «азийского» континента противопоставляются ландшафту «теплой, людной гавани», «мрак и безлюдье» «чуждого города» – «многошумной Европе» и «многолюдству Ньюкестля». Перри на своем опыте убеждается в правдивости слов брата Уильяма, писавшего ему о «тоске пустынножительства» в чужой стране: «Четыре года в дикарях живу, и сердце ссохлось, и разум тухнет» [10, с. 124].

Мотив тоски, пустынножительства, заявленный в самом начале повести, связан с тревогой и беспокойством по поводу неизвестных и огромных пространств земли и вод России. О необъятных пространствах России писали практически все британцы, побывавшие в стране в разное время и оставившие свои воспоминания. По мнению Н.П. Михальской, «величие необозримых русских пространств» всегда определялось англичанами как один из «источников силы» России [7, с. 9]. С другой стороны, в природе России для иностранца таятся неожиданности и поражающие его контрасты.

Восприятие России британцами обусловливается их менталитетом и национальным характером, сформировавшимся под влиянием английской природы. По контрасту с бесконечными однообразными равнинами и непроходимыми лесами России в Британии все небольшое. О масштабных различиях между двумя странами, оказывающих влияние на характер наций, писала В. Вулф в своей статье «Русская точка зрения»: «…В Англии царит не самовар, а чайник; время ограничено; пространство заполнено людьми» [3, с. 242].

Таким образом, ландшафт незнакомой страны с ключевыми словами «пустынный», «обширный», «обильный» и «страшный» формирует отчужденность и непонятную тревогу, которую Перри постоянно ощущает. Все, что он видит по прибытии в Россию: природу, городской пейзаж зимнего Санкт-Петербурга, свои покои, – вызывает у него чувство замешательства, тоски и одиночества. «Бертран <…> ступил на землю –

в чуждый город, в обширную страну, где его ожидала трудная работа, одиночество и, может быть, ранняя гибель» [10, с. 125]. «Иногда он забывался и, резко оборачиваясь, ожидал встретить родную комнату в Ньюкестле, а за окном – ландшафт теплой, людной гавани и смутную полоску Европы на горизонте» [10, с. 126–127].

Обнаружив себя среди бескрайних русских просторов, непривычно высокого неба, англичанин испытывает тоску по привычному для его взора британскому пространству и пейзажу и невольно изолирует себя от окружающего его русского мира. «Жил он в тех же покоях; адмиралтейских и штатских ассамблей не посещал и знакомств с дамами и их мужьями чуждался…» [10, с. 129]. Платонов подчеркивает эту пространственную замкнутость, говоря о покоях Перри, и использует ее в описании психологического состояния героя: «Малоизвестный язык, странный народ и сердечное отчаяние низложили Перри в трюм одиночества» [10, с. 139].

Понятие тоски, по мнению Д.С. Лихачева, всегда соединено с «понятием тесноты, с лишением человека пространства» [6, с. 423]. В данном случае неспособность английского инженера Перри выйти «во внешний мир» формирует мотив одиночества в повести и является причиной оппозиционного восприятия внешнего пространства, выраженного в классической схеме «свой» – «чужой»: «родной, веселый Ньюкестль, родимая Англия, многошумная Европа, ландшафт теплой, многолюдной гавани / чуждый город, обширная, мрачная и страшная страна, «грустнейшая Пальмира», мрак и безлюдье на улице». Опасливое отношение к «чужому» как незнакомому и непонятному во многом объясняет недоверие британского инженера ко всему иному и его стремление изолироваться от окружающей его действительности.

На первом этапе восприятие Перри России носит субъектно-объектный характер, то есть Россия предстает как «другая» и абсолютно «чужая» страна. Подобный негативно оценочный образ чужого, по мнению М.М. Бахтина, является совершенно естественным на первом «психофизиологическом» этапе восприятия [9, с. 15]. Напряженность между диспозицией «свой» – «чужой» исчезает по мере узнавания и определенного понимания «другого» [4, с. 17]. В повести Платонов выводит проблему преодоления отчужденности на первый план, показывая, как Перри постепенно устанавливает контакт с другой культурой и как он пытается преодолеть ограничения, налагаемые на него британским характером и воспитанием.

В повести Платонова мы видим, что английский инженер, воодушевленный могущественным государем и его великой затеей, трудился тяжко, расходуя на работах энергию своей души. Также Перри искренне верит в то, что его невеста Мери Карборунд полюбит его только в качестве великого строителя и инженера петровской эпохи и что заработанные на службе у российского императора деньги позволят ему обрести семейное благополучие. Однако незадолго до отъезда из Санкт-Петербурга в Епифань Бертран получает письмо от Мери, в котором она, упрекая Перри в наивности, жестокости и тщеславии, извещает его о своем недавнем замужестве. Письмо Мери служит одной из главных причин трагедии Перри, но в то же время оно подталкивает его к началу диалога с первоначально чуждой для него русской культурой.

Перри пытается преодолеть отчужденность «другого» путем постепенного выхода во внешнее пространство. Предпосылки возникновения диалога Перри с русской культурой заключаются в его наблюдении за своеобразием русской природы, которая теперь вызывает у него не ужас, а восхищение: «Он с обожанием наблюдал эту природу, такую богатую и такую сдержанную и скупую. Встречались земли – сплошные удобрительные туки, но на них росла непышная растительность: худая, изящная береза и скорбящая певучая осина» [10, с. 135]. «Перри видел океаны, но столь же таинственны, великолепны и грандиозны возлежали пред ним эти сухие косные степи» [10, с. 138]. С удивлением англичанин открывает для себя «укромный» уклад жизни россов: «Казалось, что люди здесь живут с великою скорбию и мучительной скукой. А на самом деле – ничего себе. Ходили друг к другу на многие праздники, пили самодельное вино, ели квашеную капусту и моченые яблоки и по разу женились» [10, с. 148]. Стараясь преодолеть свой «национальный изоляционизм», Перри начинает интересоваться «другой» культурой, беседуя с тестем немца Форха Тарасом Родионовым о «чумаках-солевозах, татарских нашествиях и о сладких травах старых ковыльных степей».

Снятие напряженности между «своим» и «чужим» осуществляется через участие в Бытии «на

уровне личного общения и коммуникации» [5, с. 199]. Платонов показывает, как Перри напряженно ищет выход из своего изолированного положения в России путем переориентации с отчужденно-негативного первичного восприятия в сферу более пристального и внимательного вторичного восприятия.

Культурное сознание англичанина обрисовано писателем со сложным чувством симпатии и тревоги. Условия, в которые попадает герой Платонова, мало чем отличаются от условий, в которых находился его реальный прототип Джон Перри. Оба англичанина сталкиваются с роковым недостатком людских и материальных ресурсов, непониманием и недоброжелательным отношением местного населения к работам: «Я продолжал встречать недоброжелательство и постоянные препятствия в работах. …Я терпел все тот же недостаток в людях, в материале» [8, с. 79]. Платоновский Перри всеми силами хочет довести работы до конца, но чиновники умирают или сбегают, а мужики не выходят на работы. Обладая твердой уверенностью разума и чувством ответственности за порученное ему дело, платоновский инженер не сдается, в отличие от своих коллег немцев и балтийских мастеров, которые бегут по «потаенным дорогам на родину, ухватывая великие деньги». Привезя в Россию свои технические навыки, профессиональную и личную порядочность, Бертран Перри, несмотря на уверенность в своих силах, чувствует провал масштабного проекта из-за того, что он не принял во внимание ту российскую реальность, в которой он оказался. Его точно выверенные в Петербурге технические числа не посчитались с местными натуральными обстоятельствами и местным населением, которое не могло заниматься земледелием, будучи мобилизованным на работах. «Арифметический» рассудок англичанина не находит выхода из тупиковой ситуации. Перри отчетливо видит различие между «избыточностью» российского типа мышления и своим собственным и понимает, что он «не выберется живым из этих просторных суходолов». Сам того не желая, англичанин выступает как свидетель трансцендентной реальности, то есть реальности, непостижимой разумом. О непостижимости разумом русских пространств ему писал брат Уильям: «Сколь обильна *сокровенность* (курсив мой. – *М.К.*) пространств, то непостижимо даже самому могучему *разумению* и нечувственно самому благородному сердцу!» [10, с. 121]

Платонов с симпатией и сочувствием рисует образ самозабвенно преданного своему делу английского инженера с его острым интеллектом, индивидуальным сознанием и благородной натурой, который против воли оказывается вовлечен в безжалостный водоворот реформируемой России.

Перри смотрит на сокровенность русских пространств через «окно» своего национального пространственного и духовного кода культуры. Пространственный код британской культуры сформирован зеленым разнообразным британским ландшафтом в пределах небольших размеров страны, а в основе духовного кода культуры коренится представление о человеческом достоинстве как о высшей ценности, имеющей приоритет над всем внешним. С.С. Аверинцев в своей статье «Британское зеркало для русского самопознания, или Еще раз о “Сельском кладбище” Грея-Жуковского», размышляя над словами Вяч. Иванова о том, что «славяне почерпнули в недрах английского духа откровение о личности», приходит к мысли о чрезвычайной важности данного элемента английской культуры для русских классиков. Урок о человеческом «в глубинах своей конкретно-приватной обыденности» был дан именно английской культурой [1, с. 263].

Данное утверждение позволяет понять не только «сокрытость» характера платоновского инженера Бертрана Перри, но и ответить на вопрос, насколько важен для Платонова был тот факт, что Перри именно англичанин. Строгий, спокойный и сосредоточенный на своем деле национальный характер Перри, построенный на свободолюбии, в перспективе которого человек не должен быть рабом чужой воли, вступает в конфликт с неистовой русской избыточностью.

Реальный Джон Перри, будучи не в силах вынести этого, покидает Россию, платоновский персонаж – погибает в объятиях «огромного хама», лютого палача одной из башен Московского Кремля.

Кроме того, в своей повести Платонов поднимает очень важную тему – тему простых людей, которым обстоятельства не дали себя проявить иначе, как погибнуть на строительстве грандиозного проекта в эпоху реформации. Помимо казненного англичанина Перри, на строительстве шлюзов погибли как другие иностранцы, умершие от болезней, так и русские крестьяне. «Пришлые люди …чуть не все лежат больны. Великий

упадок им живет», а жены и дети мобилизованных на работы «пухли от голода» [10, с. 141]. В революционную эпоху в XX веке происходило то же самое – сотни и тысячи безвестных людей гибли на великих стройках коммунизма: Волго-Донском, Беломоро-Балтийском канале и других.

В связи с этим возникает еще одна тема – тема человеческого достоинства, которую, по мнению С.С. Аверинцева, для русской литературы открыла английская культура еще в XIX веке (поэзия Жуковского, Пушкина, Лермонтова). Эта тема по-новому зазвучала в середине двадцатых годов XX века в связи с политическими обстоятельствами, в которых находился писатель Платонов и его страна. Эпоха революционных и технических достижений – с одной стороны, а с другой – время очередного насилия над личностью, начавшегося с Петра I. Именно в этот революционный период чувство собственного достоинства, порядочность и рационализм английского характера представляются чрезвычайно важными Платонову – человеку и инженеру, который, выполняя обязанности губернского мелиоратора, подобно своему персонажу, тоже испытывал сопротивление предложенной им системе работ и тоску одиночества: «Я действовал *разумно* (курсив мой. – *М.К.*) и как чистый строитель. …У меня одно облегчение – я действовал *беспристрастно*, исключительно с точки зрения пользы строительства» [12, с. 470].

Существует еще одно подтверждение, отчасти объясняющее важность английской культуры с ее «откровением о личности» для русского писателя и его современников. Подтверждение находится в рецензии Платонова на произведения известного американского писателя Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» и «Иметь или не иметь»: «Из чтения нескольких произведений американского писателя Эрнеста Хемингуэя мы убедились, что одной из главных его мыслей является мысль о нахождении человеческого достоинства. …Главное же – достоинство – следует еще найти, открыть где-то в мире и в глубине действительности, заработать его (может быть, ценою тяжелой борьбы) и привить это новое чувство человеку, воспитать и укрепить его в себе» [11, с. 100]. Интересно то, что на Западе долгое время Хемингуэя рассматривали как писателя, воспевающего насилие и жестокость, но Платонов сумел разглядеть в творчестве своего американского коллеги сокрытое от внешнего взгляда сострадание. Существует немало подтверждений тому, что Хемингуэй был знаком с работами Платонова и с восхищением отзывался о его рассказе «Третий сын», оценив глубину и экспрессивность платоновского стиля [13, с. 7].

Таким образом, оба писателя уловили в творчестве друг друга озабоченность дегуманизацией современного общества и содержание темы, которую Г. Адамович применительно к Платонову назвал «отстаиванием человека от пренебрежительно-безразличных к нему стихийных или исторических сил» [2, с. 298]. На наш взгляд, это отчасти объясняет наследование Платоновым и Хемингуэем традиции английской культуры с ее пониманием человеческого достоинства как высшей ценности, имеющей приоритет над всем в любую историческую эпоху.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Британское зеркало для русского самопознания, или еще раз о «Сельском кладбище» Грея-Жуковского // Связь времен. – Киев: Дух и Литера, 2005. – С. 260–268.

2. *Адамович Г.* Шинель // Адамович Г. Критическая проза. – М.: Изд-во Литературного института, 1996. – С. 293–304.

3. *Вулф В.* Русская точка зрения // Атарова К. Англия, моя Англия. Эссе и переводы. Сборник.– М.: Радуга, 2008. – С. 240–258.

4. Диспозиция «свой-чужой» в культуре: монография / Под ред. А.И. Кравца. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2007. – 257 с.

5. *Коплстон Фредерик.* История философии. XX век. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – 269 с.

6. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избр. Работы: В 3 т. – Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1987. – С. 418–494.

7. *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. – М.: Литературный ин-т им. А.М. Горького, 2003. – 150 с.

8. *Перри Джон.* Состояние России при нынешнем царе. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 100 с.

9. *Пивоев В.М.* Рациональное и иррациональное в методологии гуманитарного познания // М.М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1999. – С. 7–27.

10. *Платонов А.* Епифанские шлюзы // Платонов А. Эфирный тракт: повести. – М.: АСТ Москва, 2006. – С. 122–178.

11. *Платонов А.* Навстречу людям: (По поводу романов Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!» и «Иметь и не иметь») // Платонов А. Размышления читателя: статьи. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 100–109.

12. *Платонов А.* Письма из Тамбова. 1926–1927 гг. //Архив А.П. Платонова. Книга 1. Научное издание. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 442–499.

13. Andrey Platonov. The fierce and beautiful world. Transl. by Joseph Barnes, Introd. By Yevgeny Yevtushenko. – New York: E.P. Dutton, 1970. – 252 p.

Малкова Татьяна Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tymalk@mail.ru

ЗНАКИ САКРАЛЬНОГО В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Благодаря использованию ряда символов, в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» создаётся парадигма, отражающая предельно обобщающий характер мифа. Это даёт возможность исследовать образы и мотивы произведения в мифопоэтическом аспекте. Сама «жанровая ситуация» романа обусловливается кризисным состоянием мира и человека.

Ключевые слова: *М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», космоцентричность, полимиры, знаки сакрального, архетипы, амбивалентность.*

Проблема интерпретации образов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» напрямую связана с вопросом о жанре этого произведения. Мы согласны с мнением Б.М. Гаспарова, И. Белобровцевой, С. Кульюс, В.В. Агеносова, Л.И. Сазоновой, М.А. Робинсон, отметивших мифологическую природу романа.

Как верно отметила Л.И. Сазонова, «присутствие мифа и связанных с ним архетипических представлений и мотивов влияет на внутреннее устройство романа таким образом, что почти в каждой точке его повествования образуются дополнительные, множащиеся смыслы и значения, проступают исходные контексты» [4, с. 764].

Понимание «Мастера и Маргариты», безусловно, невозможно без учёта мифологического подтекста, поскольку многочисленность перекличек романа Булгакова с другими произведениями, аналогичными по тематике, на наш взгляд, объясняется в первую очередь отражением в них древних архаических представлений о силах зла.

По мнению исследователей (В.Н. Топоров, В.В. Кожинов), развитие литературы пошло по пути расшатывания антропоцентрического видения мира и было связано с обращением к архетипам.

В чем проявляется космоцентричность мифопоэтического в «Мастере и Маргарите»? На наш взгляд, прежде всего, в способности романа отражать различные полимиры. Перед нами возникают бытийные миры (мифомир мифологизированного прошлого – «воображаемый Ершалаим»; мифомир жизни после смерти – инобытие романа), миры состояния (мифомир сна).

Миры сакрального верха и низа в их оппозиции формируют особую пространственную ось романа. Но традиционная семантика реализована лишь частично. Вспомним: в мифомире сна Ивана Николаевича Понтий Пилат «поднимается всё выше к луне» [1, с. 492], а в мифомире инобытия «Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита» [1, с. 480]. В данном случае сохранена традиционная иерархическая оппозиция «верха» – «низа», где «верх», являясь локусом Иешуа, источником света, олицетворяет добро и истину, а «низ» – локус сил демонических, пребывающих в бездне. Но, как точно отметили И. Белобровцева и С. Кульюс, «в московской сюжетной линии соотношение «верха» – «низа» чаще всего травестировано… Воланд в Москве по большей части пребывает наверху» [2, с. 64].

Исследуя роман, мы приходим к выводу, что Булгаков последовательно использует мифопоэтические символы, знаки сакрального. Это проявляется не только в отражении различных полимиров, но и в наличии специальных маркеров преодоления их границ. В романе «Мастер и Маргарита» такими маркерами являются, например, медиаторы-локативы (речка, ручей, мостик). В главе 19 Маргарите «приснилась …неизвестная

© Малкова Т.Ю., 2011

местность – безнадёжная, унылая, под пасмурным небом ранней весны… Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка…» [1, с. 324]. Сопутствующая лексика соседних эпизодов: «адское место», «тянет повеситься», «чёрт его знает что», «неживое всё кругом» – дорисовывает картину инобытийного пространства. В главе 32 «Прощение и вечный приют» «Мастер шёл со своей подругой в блеске первых утренних лучей через каменистый мшистый мостик… Ручей остался позади» [1, с. 481]. Указанные детали («корявый мостик», «мутная речонка», «мшистый мостик», «оставленный позади ручей») являются семантически «заряженными», они идут из глубин мифопоэтического сознания и являются определяющими в создании момента перехода в инобытие. «Во всех развитых мифологиях мира, – пишет Е.М. Мелетинский, – лес-вода-гора коррелируются друг с другом. Потусторонний мир, где обитают предки, есть улучшенная копия мира живых людей. Он окружён лесами, горами, водами, чтобы попасть туда, нужно совершить опасное путешествие. Лес, водное пространство, таким образом, мыслились магической границей между мирами, рубежом между бренным и вечным, смертью и бессмертием. Попадая в мировые воды, лес, человек "умирает", то есть качественно преображается» [3, с. 111]. В свете выше сказанного становится понятным, почему «ручей остаётся позади» героев: попав в трансцендентный «покой» Воланда, они перешагнули магическую границу между смертью и бессмертием. Отрезан путь к прошлому, но открыт новый путь для будущего. И переход от одного к другому связан с потерей всего лишнего и старого.

В другом случае мы наблюдаем, что мифопоэтические оппозиции: вершина горы, на которой сидит Понтий Пилат, символика локуса сакрального, и болото, ручей, символ локуса хтонического, – являются характеристиками единого пространства ведомства Воланда.

В романе М.А. Булгакова задействованы почти все медиаторы-хроносы (сумерки, рассвет, полдень, полночь, время больших праздников). Как отметили И. Белобровцева и С. Кульюс, «наиболее часто в «Мастере и Маргарите» использованы три временные точки – 12 часов дня и ночи (полдень и полночь) и закат» [2, с. 56]. Полночь в полном соответствии с мифопоэтическими представлениями связана с нечистой силой, Воландом и его свитой. Именно в полночь Варенуха и Гелла пугают Римского. В двенадцать часов ночи начинается «великий бал у сатаны» (гл. 23).

По замечанию В.Н. Топорова, «в мифопоэтическом хронотопе время сгущается и становится формой пространства (оно "спациализируется" и тем самым как бы выводится вовне, откладывается, экстенсифицируется), его новым ("четвёртым") измерением» [6, с. 243]. Пространство же бала, с нашей точки зрения, напротив, «заражается» внутренне интенсивными свойствами времени, втягивается в его движение, становится неотъемлемо укоренённым в разворачивающемся во времени мифе. Поэтому становится возможным немного задержать «праздничную ночь» [1, с. 395].

Неоднократно упомянут в обеих сюжетных линиях полдень. Он также, как пишут И. Белобровцева и С. Кульюс, «связан если не с действиями дьявола и его свиты, то, по меньшей мере, с вмешательством некой высшей силы» [2, с. 56].

Ещё одна часто используемая Булгаковым временная точка – закат солнца. В мифопоэтической традиции это граница дня и ночи, ежесуточный уход солнца – «роковой час», «та временная точка, где силы хаоса, неопределённости начинают получать преобладание» [2, с. 57]. «Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах появились два гражданина» [1, с. 123]. Именно этот «роковой час», с которого начинает разворачиваться действие романа, исполняет роль временного кода. На закате солнца Воланд покидает «нехорошую квартиру»: «Мессир! Суббота. Солнце склоняется. Нам пора» [1, с. 444]. «На закате солнца высоко над городом» [1, с. 457] Воланд беседует с Левием Матвеем.

Роман отчётливо демонстрирует нам единство синхронии и диахронии: мир сакрального не знает «Вчера», обеспечивая «принцип возвращения» (М. Элиаде), постоянную связь актуальной картины мира и золотого времени первотворения и перводействий, которые рассматриваются как прецедент. М. Элиаде отмечал, что «действия и предметы феноменального мира обретают реальность и материализуются только в случае причастности к трансцендентной действительности» [7, с. 15].

Хронотопичность мифопоэтического языка предполагает единство пространственно-временного континуума, каждый компонент которого

постулирует принцип круговращения и цикличности бытия. Рефлексией этого свойства сакрального в сфере профанного можно назвать взаимоопределимость времени и пространства (три дня пути, круговращение, или коловорот, времен, солнцестояние, равноденствие и так далее).

Ярким примером хронотопичности мифопоэтического в романе, на наш взгляд, служит перемещение в «иное» время. Именно Воланду подвластны подобные действия: Берлиозу он признаётся, «что на балконе был у Понтия Пилата» [1, с. 158] и с Кантом за завтраком разговаривал. А когда на скалистой площадке мастер решает судьбу Понтия Пилата, в инобытийном мире появляются одновременно и Ершалаим, «необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами над пышно разросшимся за много тысяч этих лун садом» [1, с. 479], и Москва, «недавно покинутый город с монастырскими пряничными башнями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле» [1, с. 480]. Так мы приходим к выводу, что Воланд не только спокойно перемещается во времени и пространстве, но и способен объединить их в единой точке инобытия, что является показателем пространственно-временного континуума.

Другим примером хронотопичности является обретение вневременного статуса из пространства круга (очерчивание круга, надевание кольца, достижение иных хронотопов через проникновение в пещеру, нору, дупло, озеро, болото и так далее). В романе «Мастер и Маргарита» мотив замкнутого сакрального пространства вводится Булгаковым уже на первых страницах. Место, где завязывается действие романа, ограничено в пространстве и оказывается почему-то пустынным: «во всей аллее не оказалось ни одного человека» [1, с. 124], Воланд окидывает взглядом «высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд» [1, с. 127]. Ещё одно важное с точки зрения замысла событие происходит в Варьете, где магический круг обозначен в буквальном смысле – ареной. Анализируя роман, мы понимаем, что замкнутое пространство становится местом, где герои проверяются на соответствие их убеждений, взглядов общечеловеческой норме. И если в первом случае на Патриарших испытанию подвергаются Берлиоз с Бездомным («…я так понял, что вы, помимо всего прочего ещё и не верите в Бога?» [1, с. 128]), то во втором – москвичи в целом. В обоих случаях автор вновь подчёркивает мысль о нетрадиционности своего Князя Тьмы, который наказывает за отступление от божественных установлений, за конформизм, жадность, жестокость. Мотив замкнутого сакрального пространства, по нашему мнению, оказывается связан с темой справедливого возмездия.

Внутри космически организованного пространства всё связано друг с другом, здесь господствует глобальный и интегральный детерминизм. Эта особенность объясняет такие трансформации, как метаморфозы типа «животное – человек», и т.д. Подобные превращения на страницах романа связаны с образом кота Бегемота.

Несомненно, что в романе Булгакова явлены многие знаки сакрального. Обратимся, например, к образу кота. Фигура кота Бегемота, помимо многочисленных литературных ассоциаций, несомненно, имеет мифологическую подкладку. Космоцентричность сакрального в мифопоэтической традиции проявляется, по наблюдениям профессора Н.В. Слухай, в наличии медиаторов-агентивов (волк, змей, конь, лягушка, кот и др.) [5]. Кот (кошка) во многих мифологических традициях связывается с луной (способность изменять форму зрачка символизирует фазы Луны). Способность кошек видеть ночью, блестящие круглые глаза превратили их в народных поверьях в загадочного зверя, которому ведомы тайные силы.

Мифопоэтические образы типично амбивалентны, то есть потенциально способны к реализации различных (вплоть до противоположных) значений. Амбивалентность мифопоэтических образов и мотивов можно проследить в используемом Булгаковым мотиве воды. Вода в мифопоэтическом контексте – символ растворения до преформального состояния (то есть символ уничтожения, смерти) и символ возрождения в новых космических формах (то есть символ жизни и плодородия) – отсюда оппозиция живой и мертвой воды.

В романе М.А. Булгакова купание Ивана Бездомного в Москве-реке после встречи с иностранным профессором можно трактовать как обряд омовения в воде, возвращение утраченной чистоты души. Мы обратили внимание на интересную деталь: в «час небывало жаркого заката» [1, с. 123] «до того была холодна вода», что у героя «перехватило дух». Возникает невольная ассоциация: купание в святой воде в крещенские морозы. И как знак духовного преображения героя – уже «новый Иван» [1, с. 227] осознаёт чудовищность своих стихов.

Мотив живой / мёртвой воды появляется в главе 30, когда Азазелло и убивает, и воскрешает героев красным фалернским вином, кстати сказать, в природе не существующим. Знаменитое фалернское имело золотистый цвет, в то время как персонажи у Булгакова должны были пить «густое красное вино» – под цвет крови (указано И. Белобровцевой). «Азазелло извлёк из куска тёмной гробовой парчи совершенно заплесневевший кувшин. Вино нюхали, налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозою свет в окне. Видели, как всё окрашивается в цвет крови» [1, с. 468].

В сцене воскрешения кота Бегемота во время облавы «нехорошей» квартиры данный мотив травестируется Булгаковым, обыгрывается пародийно: роль живой воды исполняет глоток бензина. «И, воспользовавшись замешательством, он приложился к круглому отверстию в примусе и напился бензину» [1, с. 443].

Функции образа воды в виде ручья, речки мотивированы его ролью в мифопоэтической традиции, где этот образ символизирует границу между миром реальным и инобытием.

Таким образом, мы приходим к выводу, что мотив воды в произведении М.А. Булгакова – это символ, расположенный на пересечении различных планов романной действительности и соотносящийся по большей части с образами демоническими, скрепляющими структуру «Мастера и Маргариты». Символ этот, введённый в роман в традиционном виде (очищающее купание Ивана Бездомного, речка как граница миров), одновременно и травестируется (как в случае с глотком бензина), и осложняется (убивает и воскрешает героев фалернское вино необычного цвета).

Итак, благодаря использованию целого ряда символов создаётся парадигма, восходящая к мифопоэтическому сознанию, отражающая предельно обобщающий характер мифа. Это даёт возможность исследовать образы и мотивы романа М.А. Булгакова в мифопоэтическом аспекте, без учёта которого понимание «Мастера и Маргариты» невозможно. Сама «жанровая ситуация» романа связана с обращением к архетипам и обусловливается кризисным состоянием мира и человека, отражая духовные искания Булгакова.

Библиографический список

1. *Булгаков М.А.* Собрание соч.: В 8 т. – Т. 6: Мастер и Маргарита / Вст. ст. и комм. В.В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. – С. 123–481.

2. *Белобровцева И., Кульюс С.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. – М.: Книжный клуб 36.6, 2007. – 496 с.

3. *Мелетинский Е.* Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 406с.

4. *Сазонова Л.И., Робинсон М.А.* Миф о дьяволе в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Т. 50. – С. 763–784.

5. *Слухай Н.В.* Лингвистика сферы сакрального: русская культурно-языковая традиция (введение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tree-and-leaf.ardalibrary.net/articles/myth/ling_sakr.rtf. Дата обращения: 12.09.2010.

6. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. редактор Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.

7. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость: Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 1998. – 250 с.

УДК 82

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

СОВРЕМЕННАЯ «ТРАДИЦИОННАЯ» РУССКАЯ ПРОЗА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ

В статье рассматриваются некоторые эволюционные процессы в художественном методе современных писателей, относимых к «традиционной» прозе.

Ключевые слова: *«традиционная» проза, традиция, авангард, мутации художественного метода, эволюция.*

«Наш мир не поддается описанию одной истиной», – заметил еще на исходе 1970-х годов И.Р. Пригожин [13, с. 221]. Современному писателю такая «многоистинность» действительности, многокомпонентность мира и представления о нем, их, так сказать, плюралистичность диктуют путь непрестанных творческих проб, когда обретение мировоззренческой основы не единожды подвергается сомнению и пересмотру, причем иногда с совершенно противоположных позиций. Не случайно, например, если неореализм начала XX века Т.Т. Давыдова определяет как «синтетизм» [5, с. 29], то художественные методы современной отечественной прозы характеризуются в большей степени аналитизмом, будь то постмодернизм, постреализм или любые другие творческие «измы». Вследствие этого центростремительные силы в развитии литературы вытесняются на периферию, а «культурная общность нового времени, по словам Т.Н. Марковой, приобретает отчетливо выраженный центробежный характер». В результате, по мнению данной исследовательницы, «основное русло движения современной русской прозы в сфере поэтики» можно определить категорией «эклектика», не включая в нее при этом никаких снижающих коннотаций [9, с. 3, 12].

Многочисленные «мутации» художественного метода современной прозы поддерживают представление о подобном «эклектизме». Но, по словам Н.В. Тимофеева-Ресовского, «мутации представляют собой единственный, или, во всяком случае, наиболее важный источник нового материала для эволюции. В этом смысле значение мутаций как фактора эволюции вполне очевидно» [19, с. 258]. В силу подобных мутационных процессов, действительно, «не может быть эволюции с однонаправленным временем» [14, с. 30]. Однако разнонаправленные взаимодействия (отнюдь не всецело хаотические, а, на взгляд Н.Б. Ивановой, более напоминающие инволюцию, то есть «свертывание и одновременно усложнение» [7, с. 10]) оставляют картину целостной, в том числе и в нашей современной прозе.

В критике и литературоведении, размышляющих о процессах, которые характеризуют развитие современной литературы, бытует словосочетание «традиционная литература» (в противовес «экспериментальной») [см., например: 4, с. 12]. При этом исследователи понимают условность данного термина [см.: 11, с. 45] из-за размытости пределов самого понимания «традиционности».

Антитезой «традиционализму» обычно мыслится «авангардизм» (в их различных модификациях). (В «Современном толковом словаре» «традиционализм» определяется как «обобщенное наименование художественных направлений, противостоящих радикальным устремлениям авангардизма» [17].) Однако и авангардизм XX века выработал свою «традицию» (само слово «традиция» предполагает такое расширительное определение в силу этимологии: от лат. *traditio* – передача [16, с. 502]). Следовательно, в область «традиционализма» вбираются элементы художественных систем как «классического», так и «неклассического» характера. Если, в XX веке пересекаются два «типа культуры» – «классический» и «неклассический» («модернистский») [8, с. 12], то в данном случае их границы оказываются далеко не идентичными условным пределам «традиционного» и «нетрадиционного» (авангардного).

В то же время и отрицать значимость здорового консерватизма в художественном процессе практически никто из исследователей не собирается. По сути, о том же размышлял Г.Д. Гачев: «Миросозерцание Нового времени дает почву для идеи непрерывного изменения, процесса. Рожденные им идеи тяготеют к бесконечности. И поставить точку, “закруглить”, вырваться из суеты и калейдоскопического мельтешения идей,

© Котлов А.К., 2011

представлений, осколков зрительных форм, красок и т.д., – художнику Нового времени дает силу именно причащение к традиции – жанру, сюжету, образу: они служат той песчинкой, которая, будучи брошена в раствор, производит вокруг себя бурную кристаллизацию и уплотнение» [3, с. 214].

При этом во многих исследованиях отмечаются различные генетические соответствия «традиционной литературы», например, с реалистической традицией. Так, Л.Х. Насрутдинова, рассматривая «многообразие тенденций в рамках постреализма», указывает на «сочетание канонов традиционной художественной системы реалистического произведения с элементами постмодернизма» [10, с. 7]. А С.И. Пахомова, обращаясь к поэтике Л. Петрушевской, относимой ею также к постреализму, видит в ее творчестве (как и в творчестве А. Битова, Саши Соколова, В. Маканина, Т. Толстой) «общую особенность»: «черты традиционно-реалистической поэтики сочетаются с постмодернистскими признаками» [12, с. 7]. (В.Е. Хализев вообще предлагал термин «постмодернистский реализм» для выражения странного ухода «маятника» литературного развития «в сторону» [21, с. 253].)

Таким образом, нельзя не видеть, что «традиционность» отечественной прозы рубежа XX–XXI веков, получающей иногда характеристику «реалистической», в целом весьма иллюзорна. «Системный плюрализм», возникший, по словам Ю.Б. Борева, в русской литературе XX века [18, с. 8], в еще большей степени определяет бытие нашей современной словесности, чем раньше. Н.Б. Иванова закономерно отмечает следующее: «Осколочность, фрагментарность, мозаичность и минимализм, центонность, игра с чужими стилями окрашивают не только постмодернистскую, но и традиционную прозу и поэзию» [7, с. 9].

Рассмотрим, к примеру, «фрагментарность» художественного текста, в какой-то степени абсолютизированную постмодернизмом в силу самого представления о мире как о бесконечном хаотическом пространстве.

Некий «каталог мыслей», текущих в сознании героя произведения, пусть и далекий еще от «потока сознания», становится неотъемлемой приметой и современных «традиционных» прозаических текстов. Сопоставим несколько фрагментов, объединенных одной темой – заброшенный деревенский дом (кстати, один из наиболее «банальных» образов «традиционной прозы»). (Описание, безусловно, уже по своей структуре склонно к «каталогизации».)

«Пастушья звезда» Б. Екимова: «Усадьба деда, а может, вовсе не она, но такая похожая, лежала в ночном оцепененье. Огромные кусты сирени вздымались перед окнами, смутно виделись тяжелые кисти. В полутьме дом стоял словно живой, лишь спящий. Тимофей шагнул во двор через поваленные ворота и разом узнал узкую веранду, по-старинному – галерею, что тянулась вдоль стен. Могучие груши обступали двор, родники из подножия холма, верно, сочились и теперь, камышовые заросли хоронили их» [6, с. 340].

«Дом в деревне» А. Варламова: «Дом стоял в поле. Он был сложен из растрескавшихся от времени толстых бревен, на высоком подклете, с крытым двором и пятью окнами, выходившими на коровий прогон. Со всех сторон его окружала ничем не закрытая линия горизонта, уходившая за дальние холмы и леса, и казалось, что дом как будто нарочно поставлен в самом центре идеальной окружности и всё вращается вокруг него» [1, с. 234].

«Малая жизнь» Р. Сенчина: «Они направились к кудринской избушке. Сосед сунул руку в отверстие в заборе, двинул слегу, открыл калитку. Посреди двора большая лужа талого снега, всюду толстые сухие стволья крапивы, полыни, истлевшие листы лопуха. Валяются гнилые доски и жердины; рухнувший, будто огромным кулаком прихлопнули, навес-дровяник...» [15, с. 263]

Во всех трех «разнопоколенческих» текстах, при всех стилистических нюансах, прозаический текст приобретает определенный ритм, сопутствующий по-разному выраженной лирико-субъективной интонации (для лирического стихотворения, по словам Г.Д. Гачева, «достаточен просто каталог» [3, с. 44]). Естественно, проза в данном случае еще не претендует на кардинальную «лиризацию», однако нельзя не ощутить гармоническую согласованность колонов. Дыхание литературного XX века чувствуется в этом лирико-эпическом синтезе, ставшем одним из откровений в русской прозе от А. Белого до В. Распутина.

Почему же «каталогизация», абсолютизированная постмодернизмом, в более «мягких» вариантах окрашивает и «традиционную» прозу? Современный прозаик видит мир в развитии, в течении, часто хаотическом, и некий «итог» этого движения все отдаленнее, все более неопределенны его очертания. Вследствие этого и появляется

«импрессионистичность» текста, усиленная, безусловно, кинематографическим эффектом. По словам Ю.Н. Тынянова, «кино делает *скачки* от кадра к кадру, как стих от строки к строке», то есть «лиризация» оказывается неразрывно связанной в современном прозаическом тексте с его «кинематографичностью» [20, с. 338]. Тот же Ю.Н. Тынянов утверждал: «Кино разложило речь. Вытянуло время. Сместило пространство» [20, с. 322]. Естественно, здесь речь может идти о некой взаимообусловленности: онтологический базис мышления человека Нового времени рождает кино, которое воздействует на формы художественного мышления, и появляются особенности в том числе языка и хронотопа нынешнего прозаического текста.

Так, если у Екимова и Варламова «монтажность» художественного мышления еще не столь ярко выражена, то у Сенчина – представителя более молодого поколения писателей – очень часто наблюдается «раскадровка» картины, то, что называется «клиповостью» мышления. (Например: «С трудом повернулся ключ в заржавленном замке, отпала стальная дужка. Филипьев впустил Сергея в темные, захламленные сенки. Внутренняя дверь не заперта, приколочена слегка гвоздем; дернули хорошенько и открылась» [15, с. 263]).

Однако четко разграничивает прозу Сенчина с его более старшими коллегами и то, что если в первых двух фрагментах наблюдается мифологизация создаваемого пространства, то у молодого прозаика происходит «демифологизация» реальности. Обращенность к макромиру сменяется вниманием к микромиру, действительность «препарируется», что подчеркивается натуралистической детализацией. «Абстрактное» искусство, по мнению Г.Д. Гачева, фиксирует «рассечение человека материей современного быта» [3, с. 45]. В какой-то мере эту же манипуляцию с реальностью осуществляет и постмодернизм. Например, в нашем случае живой, несмотря на запустение, видится усадьба екимовскому герою, «дыхание» мира окружает варламовский дом, в то время как в описании «малой жизни» русской деревни у Сенчина чувствуется в первую очередь запустение. Аналитизм постмодернистской эстетики воздействует на сенчинскую прозу, как показывают наблюдения над его поэтикой, в большей мере, чем на прозу его старших собратьев.

Герой Сенчина, художник, приехавший в деревню, кажется, найдет в себе в финале повести «Малая жизнь» зыбкую душевную основу самоопределения – семью, пока еще чужую, с пока еще чужими детьми: «Говоря это, он чувствовал, что снова приблизился к *пропасти* и вот делает широкий, *последний* шаг... Но вдруг оказалось, что там, впереди, – тоже опора, и он не падает, не летит вниз, а стоит на *чем-то*, его *что-то* держит. И пропасть исчезла, появилась дорога. Дорога – дальше и дальше, и по ней надо идти... Он оглядывается, он смотрит по сторонам, и там тоже дороги, *петляющие*, *разбитые*, со спусками и подъемами. *Такие же, как и его*... И Сергей толкнулся, готовясь сделать следующий шаг» (выделено нами. – *А.К.*) [15, с. 399].

Но неопределенность случившегося, сновидческий, призрачный характер происходящего, а также образ болота, возникающий в сознании читателя, когда герой словно перебирается с одной шаткой кочки на другую, – печальный символ действительности, оставляющей Сергею «хлипкую» надежду на будущее. Да и сам мотив пути рождается через образ дороги, уходящей пока в никуда. Такими же «петляющими, разбитыми» он видит и жизненные дороги окружающих его людей.

Герой Сенчина лишь нащупал в своей душе нечто похожее на религиозное чувство, если в значении слова «религия» увидеть один из возможных смыслов, открываемых этимологией: «...Начинается забвение своего “я”, себя как чего-то корыстного и особого; “я” словно рассасывается; забываются и мои особые цели, заботы, мысли, и вот уже я – просто как все, и приемлем для всех; т.е. это и есть связывание (re-ligia) всех существ в одно мировое тело, которое бессмертно, – и через это ты чувствуешь и свое бессмертие, и непринужденную переселяемость своего “я” – во что угодно: в дерево, в комара, в барса, в другого человека...» [3, с. 33] Сознание героя Сенчина мифологизировалось через причащение к другим «я», к традиционным ценностям (и в этом плане повесть своим финалом сближает текст с «традиционализмом», но – лишь отчасти).

Пастух Тимофей, вернувшийся на родную землю, в конце рассказа Б. Екимова «Пастушья звезда» сначала, отодвинув все обиды, уверит Алика – сына вороватого хозяина, к которому он нанимался, в принципе, одинокому человечку, жаждущему душевного тепла: «Не горюй! Я далеко не уйду, а тут, наблизу, на той стороне, в Рюмине, наймусь или в Камышах, а может, в посел-

ке. Буду пасть. А ты набегай» [6, с. 365]. И только после этого «навеет сон золотой» чужому ребенку: «Над огнем, наклонясь, сидел Тимофей, рассказывал, и, послушные ему, из зыбкой глуби озер поднимались сказочные золотые рыбы и вновь уходили. Осторожные ночные птицы вздымались и реяли рядом, овевая лицо, и звали за собой». И вновь – сон, теперь «золотой сон», по словам автора. Но, без сомнения, в отличие от «полусна» сенчинского героя, полный именно тем одухотворенным религиозным чувством, о котором говорилось выше. Традиционность екимовского текста налицо: художественная емкость модернистского символа сплетается с особой религиозностью чувства, присущего классическому реализму и его модификациям.

«Пограничное» положение по отношению к героям Екимова и Сенчина занимает повествователь Варламова в «Доме в деревне». С одной стороны, в подзаголовке «Повесть сердца» автор сразу же указывает на попытку своего героя совершить подобно платоновскому Саше Дванову «путешествие с открытым сердцем». (Правда, и финал романа «Чевенгур» может бросить печальную тень на варламовское повествование.) Как и герой Сенчина, городской житель переживает свой «роман» с деревней. С другой стороны, жизнь рассказчика в сельском доме станет лишь эпизодом в его судьбе, хотя и далеко не самым ординарным. Герой Варламова все равно остается чужим для мира: «А деревня живет своей жизнью. Или вернее своей смертью умирает...» [1, с. 312]. Именно подобное противоречие фиксируется в одном из заключительных фрагментов повести Варламова: «...Я перестал относиться к деревенскому дому как дому. Он стал для меня просто местом, куда можно приезжать – рыбачить, ходить по лесу за грибами или ягодами. А ощущение обетованной земли и обретенной родины пропало. Оно осталось во мне как одно из самых дорогих и сокровенных воспоминаний, и я не испытываю неловкости за свои выспренные чувства. Они были наивными, но искренними, и я благодарен судьбе за то, что это сердечное умиление у меня было» [1, с. 311]. А. Вяльцев, рецензируя повесть Варламова «Теплые острова в холодном море» (2000), не случайно отметит, что герои произведения «неизменно мрачны, но их серьезность свидетельствует об уязвимости и неустойчивости, что как-то странно для традиционалистской позиции» [2]. Однако некоторая апокалиптичность повествования в повести «Дом в деревне», связанная с крушением надежды обрести «обетованную землю», не мешает повествователю сохранить ощущение отнюдь не безрезультатности неудавшейся затеи стать деревенским жителем.

Таким образом, рассмотренные нами «мутации» творческого метода становятся залогом неких эволюционных процессов в литературе и искусстве в целом. Писателей, чье творчество при первом приближении не выявляет резких модификаций, не столь явно мутабельно, и можно отнести к «традиционалистам», хотя их творческие индивидуальности весьма разнообразны и часто находятся в далеко не однозначных отношениях с той или иной традицией.

Библиографический список

1. *Варламов А.Н.* Повесть сердца. – М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. – 381 с.

2. *Вяльцев А.* Трагическая готовность к обиде. Повесть Алексея Варламова в журнале «Москва» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vremya.ru/2006/39/10/146976.html (дата обращения 14.06.2011).

3. *Гачев Г.Д.* 60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). – М.; СПб.: Летний сад. – 480 с.

4. *Гордович К.Д.* Современная русская литература: курс лекций; материалы для самостоятельной работы студентов. – СПб.: Петербургский институт печати, 2007. – 312 с.

5. *Давыдова Т.Т.* Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.): Учеб. Пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 336 с.

6. *Екимов Б.П.* Пиночет. Повести и рассказы. – М.: Вагриус, 2000. – 416 с.

7. *Иванова Н.Б.* Современная русская проза: метасюжет развития // Современная русская литература: Проблемы изучения и преподавания: Сб. статей.: В 2 ч. – Ч. 1 / Отв. ред. М.П. Абашева. – Пермь: Пермский государственный университет, 2007. – 396 с.

8. *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 1: 1953–1968. – М.: Академия, 2003. – 416 с.

9. *Маркова Т.Н.* Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): Монография. – М.: МГОУ, 2003. – 268 с.

10. *Насрутдинова Л.Х.* Между реализмом и постмодернизмом: Переходные явления в русской прозе конца XX века. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 140 с.

11. *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX века: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

12. *Пахомова С.И.* Константы художественного мира Людмилы Петрушевской. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 120 с.

13. *Пригожин И.Р.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках: Пер с англ. / Под ред., с предисл. и послесл. Ю.Л. Климонтовича. Предисл. Г.Г. Малинецкого. – Изд. 3-е. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.

14. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Под общ. ред. и с послесл. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 296 с.

15. *Сенчин Р.В.* Ничего страшного. – М.: Зебра Е, 2007. – 400 с.

16. Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 608 с.

17. Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия» (онлайн версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-56558.html (дата обращения 14.06.2011).

18. Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 624 с.

19. *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Избранные труды / Под ред. О.Г. Газенко, В.И. Иванова. – М.: Наука, 2009. – 511 с.

20. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. 576 с.

21. *Хализев В.Е.* Классическое видение мира и культурно-художественная ситуация XX века // Классика и современность / Под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 248–253.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 659.1 (082)

Аникаева Анна Анатольевна
Тверской государственный университет
zaira32@yandex.ru

КОНСТРУКТИВИЗМ КАК КОНЦЕПЦИЯ СТИЛЕОБРАЗОВАНИЯ В ДИЗАЙНЕ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматривается история возникновения конструктивистского стиля как идейно-художественной концепции в отечественной печатной рекламе. Автор анализирует средства художественной выразительности конструктивизма и их применение в современной печатной рекламе.

Ключевые слова: *конструктивизм, реклама, дизайн, концепция, конструкция, тектоника.*

Реклама как явление массовой культуры обладает такими ее характерными особенностями, как значительная степень распространения через средства массовой коммуникации, нацеленность на вкусы среднего потребителя, стереотипичность, развлекательность, стремление к тривиализации действительности. В этом своем качестве реклама взаимодействует с элитарной, высокой культурой посредством заимствования образов, художественных приемов и методов последней.

Оригинальные находки и нестандартные решения используются печатной рекламой как знак близости к элитарной культуре и становятся символами престижности и эксклюзивности. Реклама упрощает элементы элитарного искусства и соответственным образом модифицирует их, используя фрагменты этих произведений в рекламных иллюстрациях, сводя усложненные формы к упрощенным образцам и становясь средством овладения вниманием аудитории.

Для печатной рекламы основополагающей является проблема стилизации как идейно-художественной концепции, возникающей на определенной социально-исторической почве. Именно эстетическая концепция определенного времени во многом обусловливает адекватность восприятия рекламного текста и степень внимания аудитории. Таким образом, реклама может выступать и как воплощение собственного стиля художественного направления, господствующего в данный период, и как реплика, воспроизводящая стиль уже ушедшего, потерявшего в текущий момент актуальность направления или художественного течения.

Если обратиться к отечественной рекламе, то в ней можно отметить проявление основных господствующих художественных тенденций – таких, как русский модерн начала XX века, конструктивизм 20-х – 30-х гг., романтический реализм 30-х – 50-х гг., и многих других. В данной статье речь пойдет о конструктивизме.

Целью данной работы является анализ конструктивистского стиля в рекламе. Задача состоит в том, чтобы рассмотреть историю возникновения конструктивизма, его основные принципы, влияние на современный дизайн печатной рекламы.

Одним из оригинальных явлений советского искусства 20-х – 30-х гг. был конструктивизм (от лат. constructio – построение), выдвинувший задачу переустройства, «переконструирования» материальной среды посредством создания ясных, лаконичных, функционально оправданных форм, а через изменение среды – и человека. Одним из лозунгов конструктивистов стал манифест А. Родченко: «Работать для жизни, а не для дворцов, храмов, кладбищ и музеев» [2, с. 158]. Факторами, обусловившими новое сознание конструктивистов, стали:

– развитие индустрии и техники, появление новых материалов и технологий, позволяющих использовать при формировании предметов новые конструкции, направленные на преодоление их природных свойств. Появление новых форм в индустрии привело к модификации основных понятий композиции в искусстве;

– изменение взгляда на творчество как подражание природе и стремление к экспериментирующему познанию;

– стремление вернуть искусство в жизнь и отказ от эстетизма, превращение художественной деятельности в активное созидание нового социального пространства, обеспечение участия искусства в процессе создания утилитарно полезных предметов.

© Аникаева А.А., 2011

Принципами устройства материальных структур стали **тектоника** (использование промышленных материалов соответственно общественно-политическим нуждам), **конструкция** (организация этого материала соответственно поставленной задаче) и **фактура** (сознательное управление и манипулирование ими) [1, с. 110].

Концентрированным выражением подобного обновленного социального пространства представлялся современный город, который конструктивисты стремились преобразить средствами массовой агитации и монументальной пропаганды – как политической, так и экономической, то есть рекламы. Воплощение этой идеи требовало:

– обращения к формам монументальным, обобщенным;

– использования лаконичной цветовой гаммы;

– предельной функциональности всех элементов и отсутствия побочных;

– метафоричности и символичности;

– соединения с окружающей конкретикой городского ансамбля с его реальной действительностью, которая остается «сама собой» [3, с. 23–58].

Распространению новых политических и эстетических идей способствовало не только соответствующее оформление улиц и праздников, но и такие привычные реалии, как книги, конфетные обертки, упаковка товаров повседневного спроса и, конечно, плакаты и рекламные тексты.

Одним из основателей конструктивизма и инициатором реализации его принципов в рекламной графике был А.М. Родченко, которым за два года (1923–1924) вместе с В.В. Маяковским и В.Ф. Степановой было создано более 100 эскизов рекламных плакатов – из них более 60-ти для газет и журналов, остальные – в качестве наружной рекламы. «Мы полностью завоевали Москву и полностью сдвинули или, вернее, переменили старый царски-буржуазно-западный стиль рекламы на новый, советский» [2, с. 158], – так определил результат своей совместной с В.В. Маяковским деятельности А.М. Родченко. Оригинальность этого стиля проявлялась в стремлении авторов к разработке целых серий графических структур, соответствующих определенным типам продукции Моссельпрома, Резинотреста, ГУМа. Так, для разработки были

Рис. 1. А.М. Родченко, В.В. Маяковский «Трехгорное пиво», 1925 г.

Рис. 2. И. Шлепянов «А. Файко. Учитель Бубус: комедия», 1925 г.

намечены серии «Вожди революции», «Индустрия», «Красная Москва».

Еще в 1918 году В.Ф. Степановой был разработан оригинальный метод, который можно назвать «визуальной поэзией» или, по словам самой художницы, «цветописной графикой». Его суть заключалась в соединении и оригинальном сочетании заумного текста с графическими композициями из букв и ярких цветовых пятен. Рассмотрим рекламу трехгорного пива, созданную А. М. Родченко и В.В. Маяковским (рис. 1).

Здесь звуковые сочетания, ассоциирующиеся с разнообразными ощущениями, объединены композицией из штрихов, указателей типа стрелок, геометрических фигур, графических и понятийно-знаковых элементов. Другими словами, здесь основным становится футуристический принцип взаимопроникновения и синтеза слова и изобразительного знака.

Как интересная композиция был представлен и сам текст, имеющий оригинальную структуру. Этот принцип взаимопроникновения графического и звучащего слова – «зрительного озвучивания» – стал характерным практически для всей продукции рекламы в стиле полиграфического конструктивизма. Ярким примером служит афиша театра В.С. Мейерхольда, где название спектакля как бы зашифровано в Х-образной композиции (рис. 2).

Для конструктивизма цель художественного творчества заключалась в конструировании целесообразных вещей и новой вещевой реальности, что предполагало естественную замену художника как творца этой обновленной действительности на инженера-конструктора. Именно эти установки привели впоследствии к развитию промышленного дизайна, утвердившего новый взгляд на вещь, ставя на первый план категории целесообразного и современного вместо традиционных категорий пользы, прочности и красоты.

Основными средствами художественной выразительности конструктивистской рекламы, таким образом, становятся ясность, конструктивность, лаконичность цвета, формы и объемов, отсутствие функциональной декоративности, экспрессивность и безапелляционность, динамичность. Последнее качество непосредственно сопрягается с эстетикой конструктивизма, исходящего из провозглашения действия, энергии и связанного с воспеванием революционных преобразований и города как носителя нового мироощущения. Идея движения, ритмичность проявляют себя в печатной рекламе того времени в наличии периодически воспроизводимых в конструкции элементов, параллельных линий, векторном развитии композиции.

Рассмотрим еще один пример конструктивизма в рекламе журнала «Молодая гвардия». В центре композиции рабочий, держащий в поднятых руках журналы. Его мимика передает предельную громкость призыва, суть которого дана расположенным сверху рубленым шрифтом: «Читайте журнал». Кроме этого трижды повторены слова «молодая гвардия» внизу и на журналах в его руках. А.М. Родченко и В.В. Маяковский использовали минимум цветов (красный, черный и белый). Лаконичность изображения предельна, но при этом выразительность максимальна. Композиция монументальна, устойчива, симметрична и в то же время динамична за счет позы и мимики рабочего.

Характерно, что реклама частных предприятий, основывающаяся преимущественно на эстетике эпохи модерна, выглядела гораздо менее демократичной, чем советская реклама государственных предприятий, стремящаяся подчеркнуть их превосходство не только в высоком качестве продукции, но и в доступных ценах. Ее авторы ориентировались на широкую публику, поэтому их произведения были предельно ясны и доходчивы. Для усиления реалистичности и документальности в работах использовались фотографические изображения либо рекламируемой продукции, либо конкретных персонажей, обращавшихся к зрителю.

Отметим также, что в 20-е – 30-е гг. реклама была вовлечена в единый поток развития всего искусства, представляя вместе с ним единый стиль – ***стиль агитискусства,*** искусства, для которого его пропагандистские функции и формы агитации приобретали приоритетное значение. Это были памятники монументальной пропаганды, праздничное и будничное украшение городов, проектирование агитационных сооружений (трибун, киосков, павильонов), устройство театральных «массовых действ», изменения в эмблематике и топонимике, а также агитационный театр, кино, политический плакат, массовые полиграфические произведения производственной пропаганды [4, с. 46–52].

Соответственно, общим для всех жанров и видов искусства был и художественный язык агитпропа – динамичный, оперирующий контрастами,

Рис. 3. Б.А. Такке «Требуйте! Кондитерские изделия госфабрик Моссельпром», плакат, 1928 г.

повышенно экспрессивный, плакатно-лаконичный, прямолинейный, а порой – провокационный. Ярким примером агитационного плаката в стиле конструктивизм является плакат Л.М. Лисицкого «Клином красным бей белых». Композиция плаката поделена на две равных части: белую и черную. В белой части расположен красный клин или треугольник, а в черной – белый круг. Плакат очень символичен и в то же время понятен обывателю: «…Формы недвусмысленные и сразу узнаваемые – это геометрические формы. Никто не спутает квадрат с кругом и круг с треугольником», – писал Л.М. Лисицкий [6, с. 340].

Красный клин – олицетворение революционной силы, выступающей за справедливость, добро и правду. Белый круг символизирует несправедливость, зло, притеснения, богатство. Не случайно он расположен в черной части композиции. Композиция очень динамична и представляет собой повернутый восклицательный знак.

Опыт агитискусства оказал огромное влияние на формальную и содержательную стороны всего искусства XX века. В современном дизайне нередко встречаются принципы конструктивизма.

Рассмотрим две печатные рекламы: современную (рис. 4) и рекламу Моссельпрома (рис. 3). Следует оговориться, что в левой части находится плакат, а в правой листовка. Как известно, листовка предполагает больше информации, нежели плакат.

Реклама кондитерских изделий Моссельпрома выполнена художником Б.А. Такке в стиле конструктивизма, и композиция листовки основана на принципах этого стиля. В этом они сходны. Рассмотрим их поподробнее.

На плакате Б.А. Такке на голубом фоне стоит девушка в красной косынке и держит в руках поднос с кондитерскими изделиями. Динамизм композиции передает белая лента с лозунгом «Требуйте!», спиралью обвивающая девушку. Лаконизм заключается в избрании художником трех цветов: голубого, красного и белого.

В современной рекламе доминируют два цвета: желтый и черный. Динамизм передают желтые прямоугольники с текстом, который следует в направлении их движений.

В руке у девушки карточка с лозунгом «Акция продолжается! Пробуйте!», которая по замыслу дизайнера должна быть композиционным центром. Однако взгляд бросается в первую очередь на лицо девушки, а затем уже на карточку в ее руке. Это происходит из-за шрифта, который рассеивает внимание. Можно сказать, что дизайнер не реализует поставленной перед собой задачи обратить внимание на призыв на карточке.

Отличает эти две рекламы и то, что первая нарисована художником, а вторая сделана с помощью фотомонтажа и обработана на компьютере.

Рис. 4. Листовка «Акция продолжается!», 2006 г.

Подводя итоги, следует отметить, что конструктивизм явился естественной реакцией, выраженной в художественных формах, на бурное развитие науки и техники, на рационализм как способ мирочувствования и миропонимания. Отсюда восприятие результатов промышленного творчества человека как отчужденную от личности и противостоящую ей ценность, выступающую в известных обстоятельствах как воплощение личности и ее замещение.

Дизайн печатной рекламы, ориентируясь на потенциальных потребителей, старается воспроизвести стиль жизни и предпочтения людей.

В настоящее время дизайнеры, создавая рекламу для печати, опираются на жанры, имеющие многовековую историю, и постоянно их модифицируют, порождая новые. Во многом на создание дизайна в этой сфере влияют различные технологические усовершенствования и изобретения. Совершенствуется и дизайн, но, несомненно, остаются нормы, принципы создания печатной рекламы, которые должен учитывать дизайнер.

Библиографический список

1. Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1932. – Берлин-Москва, 1993. – С. 110.

2. *Родченко А.М., Степанова В.Ф.* Будущее – единственная наша цель. – Вена, 1991. – С. 158.

3. *Ученова В.В.* История отечественной рекламы. 1917–1990: Учеб. пособие по дисциплине «Основы рекламы и паблик рилейшнз» для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 23–58.

4. *Ученова В.В., Старых Н.В.* История рекламы. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – С. 46–52.

5. Lissitzky: Life, Letters, Texts. – London, 1968. – P. 340.

УДК 81'367

Васильев Александр Ибрагимович
кандидат филологических наук
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
alex.vas2010@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена описанию различных видов вариантности древнерусских фразеологических единиц. Подобное исследование необходимо, чтобы выяснить историю фразеологической системы русского языка, начиная с древнейшего периода и заканчивая современным его состоянием.

Ключевые слова: *древнерусский язык, фразеологическая единица, фразеологическая вариантность.*

В памятниках древнерусской письменности наблюдаются многочисленные случаи вариантности фразеологических единиц (ФЕ), которые можно классифицировать по разным типам фразеологического варьирования.

Варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и степени семантической слитности [10, с. 67].

Фразеологические единицы подвергаются варьированию в плане выражения, при котором изменению подвергается формально-грамматическая структура фразеологизма при тождественности семантической структуры фразеологизма (план содержания). Таким образом, «вопрос тождества – это основная проблема фразеологической вариантности» [4, с. 20]. Именно на фоне стабильной, неизменяющейся семантики и происходит варьирование фразеологизма в плане выражения, при котором образуются формально-структурные варианты, которые являются разновидностями одного и того же фразеологизма.

Формально-грамматические варианты устойчивых словосочетаний определяются фразеологическим уровнем этих единиц. «Под фразеологическим уровнем понимается такой аспект рассматривания фразеологической системы и ее единиц, когда они изучаются с точки зрения иерархического соотношения и взаимодействия с другими частными системами и единицами» [1, с. 18].

Поскольку фразеологизм как сложная языковая единица связан с различными подсистемами системы языка (фонетика, морфология, словообразование, синтаксис, семантика), то в результате разных изменений, происходящих в том или ином ярусе языка, происходит образование различных вариантов фразеологизма. В зависимости от уровня языка, на котором происходит варьирование ФЕ, нами были рассмотрены следую-

 © Васильев А.И., 2011

щие типы фразеологического варьирования: количественное, компонентное, морфемное, морфологическое, синтаксическое, фонетическое, комплексное. Причем «совокупность вариантов, реализуемых нормой языка на всех уровнях, составляет целостную, равную самой себе фразеологическую единицу» [3, с. 78–79].

Фонетическое варьирование – «видоизменение звуковой оболочки компонента фразеологической единицы без утраты ее семантического тождества» [9, с. 228]: **бити челомъ** (НІЛСИ, 1352, 168 об.) [11] – **бити чоломъ** (Лет. Авр., 1398, 142); **водити къ крестоу** (ИЛ, 1059, 60 об.) – **водити къ хрестоу** (ИЛ, 1152, 163) – *приводить кого-либо к присяге, обязательным элементом которого являлось целование креста;* **въдати помочь** (НІҮЛ, 1167, 97об.) – **въдати помоць** (НІЛМИ, 1167, 112) *оказать помощь войсками кому-либо;* **възіати градъ** (ИЛ, 1227, 256об.) – **възіати городъ** (НІҮЛ, 1222, 125) – *захватить город;* **престоупити крестъ** (ЛЛ, 1096, 78) – **перестоупити крестъ** (ЛЛ, 1096, 78) – *нарушить клятву, договор*; **предати градъ** (ИЛ, 1208, 247) – **передати градъ** (ИЛ, 1290, 306об.) – *сдаться, пустить неприятеля в город*; **просити помочь** (ИЛ, 1247, 290) – **просити помощь** (ЛЛ, 1159, 117) – *просить помощи войском у своего союзника или родственника* и др.

Под морфемным варьированием понимается «видоизменение компонентов, связанное с заменой морфем или их наличием / отсутствием» [9, с. 228]: **бити чоломъ** (НІЛМИ, 1293, 189) – **добити чоломъ** (НІЛМИ, 1390, 231) – *просить кого-либо о чем-либо;* **водити къ хрестоу** (ИЛ, 1152, 163) – **заводити къ хрестоу** (НІЛСИ, 1118, 9 об.) – *приводить кого-либо к присяге, обязательным элементом которого являлось целование креста;* **во истиноу** (ИЛ, 1198, 242) – **по истинѣ** (ИЛ, 1097, 91) – *действительно;* **дати миръ** (ИЛ, 1273, 289об.) – **въдати миръ** (ИЛ, 1095, 84 об.) – *согласиться на мир с побежденной или более слабой в военном отношении стороной;* **дати плещи** (ИЛ, 1111, 100) – **въдати плещи** (НІҮЛ, 1111, 83) – **подати плещи** (НІҮЛ, 1375, 205об.) – *бежать с поля боя;* **переіати водоу** (ЛЛ, 1186, 136) – **отыати водоу** (НІҮЛ, 1342, 181об.) – *перекрыть поступление воды в осажденный город*; **положити ріадъ** (ИЛ, 1262, 285об.) – **положити поріадъ** (ЛЛ, 1096, 76об.) – **положити оуріадъ** (ЛЛ, 912, 38) – **положити обріадъ** (ЛЛ, 1096, 85об.) – *заключить договор*; **творити миръ** (ЛЛ: 907, 30; 980, 24 об.) – **сътворити миръ** (ЛЛ: 907, 15об.; 1097, 89) – *заключать / заключить мирный договор;*

В результате морфемного варьирования возможно образование ФЕ несовершенного или совершенного вида. К этому типу фразеологического варьирования примыкают, с нашей точки зрения, фразеологизмы, глагольные компоненты которых употребляются в формах несовершенного или совершенного вида: **въздвизати рать** (НІЛСИ, 1195, 56об.) – **въздвигноути рать** (Твер. Лет., 1195, 286) – *начинать (начать) боевые действия против неприятеля.*

При морфологическом варьировании «варианты различаются формами компонентов: числа или падежа фразообразующего компонента, степени сравнения и числа согласуемого компонента» [9, с. 228]: **въсѣсти (възсѣсти) (полѣзти) на конѣ (кони)** – *отправиться воевать, выступить в поход.* ИЛ, 1149, 140 об.: **вачесловъ же то слышавъ посла къ гюргеви рече емоу се оугри оуже идоуть а ладьсции кнази всѣлѣ оуже на конѣ а изаславъ ти оуже доспѣвлеть**; ИЛ, 1150, 147: **нъне же брате акоже ми еси самъ въреклъ полѣзи же на конѣ король же то слыша и посла по всеи своеи земли по свою дроужиноу и по всѣ свои полкъ и тако скоупа всю силоусвою король и полѣзе на кони.**

Синтаксическое варьирование – это «изменение порядка следования компонентов, не нарушающего семантического тождества: в большинстве своем – в своем большинстве» [9, с. 229]: **съіропоустнаіа неделіа** (Н1ЛМИ, 1230, 152) – **неделіа съіропоустнаіа** (ИЛ, 1095, 84) – *последний день сырной седмицы (масленицы), воскресенье, называется сыропустом, так как после него запрещается есть сыр, масло и яйца.*

Количественное варьирование – это «сокращение компонентного состава фразеологизма, не влияющее на его значение» [9, с. 229]. В результате предельной редукции фразеологизма оставшаяся его часть выражает то же самое целостное значение, что и полная форма ФЕ, т.е. способ обозначения объективной реалии при редукции ФЕ остается. Такие компоненты фразеологического оборота, оставшиеся после сокращения фразеологизма, Л.И. Ройзензон предложил называть фразеологическими осколками [6, с. 116]. В.М. Мокиенко процесс редуцирования компонентов ФЕ называет имплицированием или «семантической конденсацией» [4, с. 97]. У глагольных ФЕ в качестве фразеологического осколка

остается глагол. В предложении **и цѢлова кнѧзь свѧтославъ къ новоугородоу а дѢтеи дмитровъıх и племѧникъ его всьхъ посла къ отцю** (С1Л, 1209, 225 об.) фразеологический осколок **цѢловати**, оставшийся после редукции ФЕ **цѢловати крьстъ**, выражает метафорическое значение всего фразеологического оборота – *давать клятву, присягу, что-либо обещать.* В результате редукции ФЕ **ѡтворити градъ** – *сдать город неприятелю* в качестве фразеологического осколка выступает глагол **ѡтворити**: ИЛ, 1123, 107: **и молвѧще тако [ѧрославъ] андрѢеви и горожаномъ то есть градъ мои ѡже сѧ не ѡтворите въıидите с поклономъ то оузрите завътра пристоуплю къ гра доу и възмоу городъ**. ФЕ **въ малѢ дроужинѢ** – *с небольшим количеством войска* сокращается до предложно-именного словосочетания **въ малѢ**: ИЛ, 1154, 170об.: **ростиславъ жг҃ видѢ мНого и мНожг҃ство половг҃ць оуБоѧсѧ оу малѢ Бо Бѧхоуть пришли Начатъ слатисѧ къ изѧславоу мира просѧ**.

Верным является вывод, что «проблема эллипсиса связана с проблемой тождества и отдельности ФЕ, ее варьированием в речи. При этом инвариантным оказывается значение ФЕ, а количественному варьированию подвергается форма ФЕ» [5, с. 64].

При комплексном варьировании наблюдается «наличие двух или более типов варьирования в одной единице» [9, с. 228]: **въдати плечи – обратити плещи** *бежать с поля боя:* НIЛСИ, 1269, 144об.: **и тоу створиша зло велико оуБиша посадНика михаила и твердислава чермНого никофора радѧНича твердислава моисиевича михаила кривцевича ивача Бориса илдѧт Нича брата его лазорѧ а юрьи кНѧзь вда плечи или перевѢтъ Бълъ в Немь то Богъ вѢсть**; НIVЛ, 1380, 218: **Богъ Бо Невиди мою силою оустраши полкъı тотарьскии и поБѢждеНи оБратиша плещи свои**.

Под компонентным (лексическим) варьированием понимается «изменение компонентного состава, при котором не разрушается семантическое тождество фразеологизмов и сохраняется их компонентный состав» [9, с. 229]: **битисѧ крѢпко** (НIЛСИ, 1238, 122) – **боротисѧ крѢпко** (ИЛ, 945, 23) – **потѧгноутисѧ крѢпко** (НIЛМИ, 1301, 192) – *сражаться храбро, мужественно, самоотверженно; не жалея своей жизни;* **бити челомъ** (НIЛСИ, 1352, 168 об.) – **оударити челомъ** (ИЛ, 1148, 134 об.) – *просить кого-либо о чем-либо;* **бъıсть бои** (НIYЛ, 1348, 184) – **бъıсть брань** (ЛЛ, 1096, 86об.) – **бъıсть побоище** (НIYЛ, 1268, 153) – **бъıсть рать** (ЛЛ, 997, 44) – **бъıсть сѢча** (ЛЛ, 971, 21об.) – *была битва, бой, сражение*; **възрѢти на небо** (ИЛ, 1146, 121) – **възрѢти на бога** (ИЛ, 1190, 232 об.) – *мысленно обратившись к Богу, попросить у него помощи в каком-либо деле.*

Лексические замены компонентов ФЕ, не изменяющие смысловую структуру фразеологизма, приводят к лексической вариантности одного и того же фразеологизма.

Таким образом, замена лексических компонентов одного и того же ФЕ, варьирование «плана выражения» устойчивого оборота возможно только при условии сохранения фразеологизмом тождества языкового знака, при сохранении плана содержания. «Тождество ФЕ при ее вариантности… обеспечивается стабильностью (разумеется относи- тельной) целостного фразеологического значения… и вытекает из двух важнейших свойств фразеологизмов – раздельнооформленности и семантической слитности. Первое обеспечивает относительно широкую мобильность компонентов фразеологизма, второе – относительную стабильность его общего значения» [4, с. 20].

Однако не все исследователи признают лексическую взаимозаменяемость компонентов ФЕ, при которой сохраняется целостность значения фразеологизма, фразеологическим вариантами. По мнению Н.М. Шанского, фразеологические обороты, имеющие в своем лексическом составе общие компоненты, следует считать синонимическими (молоть вздор – молоть ерунду; бог весть – бог знает; взять под стражу – заключить под стражу). Такие ФЕ он предлагает считать дублетными [10, с. 68].

Солидарны с ним в этом вопросе А.М. Бабкин, который называет ФЕ с лексической заменой своих составных частей «фразеологическими синонимами» [2, с. 24], и А.И. Федоров, который пишет, что «понятие фразеологический вариант оправдано лишь по отношению к фразеологизмам с различными грамматическими и фонетическими формами одного и то же слова, например, «статочное (статимое, статошное) ли дело» [8, с. 20]. Федоров считает также, что замена компонентов ФЕ приводит к замене его образного представления, его оценочной и стилистической окраски и приводит к образованию «фразеологических синонимов, а не вариантов одного и того же фразеологизма» [8, с. 20].

Отсутствие признания лексической взаимозаменяемости, с нашей точки зрения, значительно обедняет понятие фразеологической вариантности и способствует непомерному расширению фразеологической синонимии.

Рассматривая вариантность ФЕ, следует иметь в виду, что норма устанавливает «характер реализации тех структурных изменений, которые заложены в системе», и «определяет общее число и типы допустимых для данного языка в определенный исторический период вариантов, а также регулирует их употребление [7, с. 8].

При лексической замене компонентов фразеологизма необходимо разграничивать фразеологические синонимы от фразеологизмов с лексическими вариантами. При таком разграничении следует руководствоваться следующим положением: если лексическая субституция компонентов ФЕ ведет к изменению плана содержания устойчивого оборота, его семантического тождества, то перед нами фразеологические синонимы, в противном же случае, если семантическая структура двух или нескольких устойчивых оборотов, имеющих одинаковые лексические компоненты, остается неизменной, то перед нами лексические варианты фразеологических единиц.

Таким образом, фразеологическая вариантность была широко распространена в древнерусском языке старшего периода XI–XIV вв. Фразеологические варианты древнерусского языка позволяли уточнить те или иные представления о самых разнообразных явлениях из военной жизни, давали возможность разнообразить речь, освобождали язык от лишних повторов, создавали определенную экспрессию высказывания. Формально-структурное и лексическое варьирование ФЕ не нарушало целостности значения фразеологизма, определялось языковой нормой и являлось необходимым условием актуализации ФЕ в древнерусском языке.

Библиографический список

1. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во. Ростов. ун-та, 1964.

2. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970.

3. *Зимин В.И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1972.

4. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М.: «Высшая школа», 1980.

5. *Ренская Т.В.* О варьировании фразеологических единств при эллипсисе // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1979.

6. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд, 1973.

7. *Семенюк Н.Н.* Проблемы формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. – М., 1967.

8. *Федоров А.И.* Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973.

9. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002.

10. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1969.

11. Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. Том первый). – М.: Языки русской культуры, 1997. – ЛЛ; Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Том второй). – М.: Языки русской культуры, 1998. – ИЛ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПСРЛ. Том III). – М.: Языки русской культуры, 2000; НIЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НIЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода; Новгородская четвертая летопись (ПСРЛ. Том IV. Часть1). – М.: Языки русской культуры, 2000. – НIVЛ; Псковские летописи, вып. II. – М., изд.-во АН СССР, 1955. – Псков. лет.; Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Том шестой. Выпуск 1). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С1Л; Рогожский летописец. Тверской сборник (ПСРЛ. Том XV). – М.: Языки русской культуры, 2000. – Рог. Лет. и Твер. Лет.; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки (ПСРЛ.Том XYI). – М.: Языки русской культуры, 2000. – Лет. Авр.; Устюжский Летописный свод (Архангелогородский Летописец). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Уст. лет. свод.

УДК 811.112.2'37-023:659.1(085)

Гегнер Наталья Евгеньевна
Московский педагогический государственный университет
gegner64@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ *MAN* В КАЧЕСТВЕ ПЕРИФРАЗА ПАССИВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ

В статье описываются языковые формы, относящиеся к семантической категории пассивности. Автор рассматривает характерные особенности неопределенно-личного местоимения ***man****, исследует возможность передачи залоговых отношений через конструкции с* ***man****. В качестве иллюстративного материала используются рекламные объявления из немецкоязычной прессы.*

Ключевые слова: *реклама, страдательный залог, неопределенно-личное местоимение* ***man****, конструкция.*

Проблеме залога в современной лингвистике уделяли внимание видные отечественные и зарубежные ученые: А.М. Пешковский, Р.О. Якобсон, М.М. Гухман, О.И. Москальская, Г.К. Хельбиг, В.С. Храковский, А.В. Бондарко, С.А. Шубик, H. Glinz , W. Jung , W. Schmidt, L. Weisgerber и многие другие. В настоящий момент существует множество теорий залога, что демонстрирует сложность и неоднородность форм и значений страдательного залога в немецком языке. Это обстоятельство делает целесообразным подход к изучению пассива и его семантики в рамках функционально-семантического поля [см.: 1; 5; 6].

В основе каждого функционально-семантического поля лежит определенная семантическая категория – тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обусловливает их взаимодействие [4, с. 567]. Анализ посвященных исследованию пассива работ позволяет выявить основные признаки языковых форм, относящихся к семантической категории пассивности:

1) устранение субъекта действия с позиции подлежащего;

2) имплицитная или эксплицитная роль субъекта действия;

3) номинация процесса;

4) «аффицированность» объекта, при которой семантический объект охватывается деятельностью семантического субъекта.

Исследование семантики пассива вызывает необходимость анализировать широкий спектр языковых явлений, например, существующие в современном немецком языке языковые средства для выражения «пассивности» или «неактивности». К таким языковым средствам можно отнести синонимичные пассиву конструкции, а именно: предложения с местоимением *man*, сочетания «функциональный глагол + отглагольное существительное», конструкции «возвратный глагол + неодушевленное существительное в роли подлежащего», конструкции, состоящие из глаголов bekommen, erhalten, kriegen + Partizip II, конструкции «sein (bleiben, gehen, stehen)+ zu + Infinitiv», конструкции «sich lassen + Infinitiv», конструкции «es gibt\bleibt + zu + Infinitiv», а также конструкции, включающие адъективные дериваты с суффиксами -bar (практически всегда в пассивном значении), -lich, -haft, -fähig, -wert, -abel (пассивное значение в зависимости от семантики основы) в роли предикатива.

Конструкции с неопределенно-личным местоимением *man* многие лингвисты относят к числу конституентов периферийного отдела функционально-семантического поля залоговости [5; 3; 14 и др.]. Данные конструкции представляют собой опосредованные средства выражения залоговых отношений. В лингвистической науке до настоящего момента не было сформулировано единого мнения о классификации предложений с *man*, хотя традиционно большинство грамматик относят *man* к разряду неопределенно-личных местоимений, как это делается, например, в словаре Duden:

man <Indefinitpron. Im nom. zu den gebeugten Fällen ein> [mhd., ahd. (Mann), eigtl. = irgendeiner, jeder beliebige (Mensch)]

1. jemand (sofern er in einer bestimmten Situation stellvertretend für jedermann genommen werden kann): von dort oben hat m. eine herrliche Aussicht; m. nehme…

2. irgendjemand oder eine bestimmte Gruppe von Personen (im Hinblick auf ein bestimmtes

 © Гегнер Н.Е., 2011

Verhalten, Tun; oft anstelle einer passivischen Konstruktion): m. vermutet (es wird allgemein vermutet), dass er es selbst getan hat; m. hat die Kirche wieder aufgebaut (die Kirche wurde wieder aufgebaut);

3. a) die Leute (stellvertretend für die Öffentlichkeit): das trägt m. heute; m. ist in jedem Punkt heute viel toleranter; b) jemand, der sich an bestimmte gesellschaftliche Normen, Gepflogenheiten hält: so etwas tut m. nicht;

4. ich, wir (wenn der Sprecher, die Sprecherin in der Allgemeinheit aufgeht od. aufgehen möchte): m. versteht ja sein eigenes Wort nicht!; wenn m. sich die Sache richtig überlegt;

5. du, ihr, Sie; er, sie (zum Ausdruck der Distanz, wenn jmd. die direkte Anrede vermeiden will): hat m. sich gut erholt? [8, с. 1045].

Характерной особенностью местоимения *man*, как это можно видеть из приведенной выше словарной статьи, является его способность обозначать человека (*Mensch, jeder, jemand, niemand, keiner*) или круг людей (*Menschen / Leute, alle, wenige, andere*), не называя их. Такая особенность объясняется денотативной характеристикой данного местоимения: быть референтом специфического субъекта. *Man* обозначает не какое-либо конкретное лицо / группу лиц, а неспецифический прототип (generischer Prototyp) этого лица / группы лиц, чьи отличительные признаки в наибольшей степени воплощаются в подразумеваемом лице / группе лиц, тем самым выполняя«генерализирующую» функцию [2, с. 13].

Данное свойство неопределенно-личного местоимения *man* позволило ему стать одним из наиболее популярных инструментов осуществления воздействия на отношение реципиента к рекламируемому объекту, что по сути является важнейшей функцией рекламы. Составителям рекламных текстов использование местоимения *man* дает возможность апеллировать к максимально широкой потребительской аудитории.

Подобного рода конструкции находят широкое применение в качестве перифраза пассива (Passivumschreibung) в текстах немецкоязычной рекламы:

1. Besser kann man Raum nicht nutzen. [23, с. 7] = Besser kann Raum nicht genutzt werden;

2. Jeder Monat hat Bilder, die man nicht vergisst. VIEW – die Ereignisse des Monats in faszinierenden Bildern. [22, № 12/2009, с. 136] = …Bilder, die nicht vergessen werden;

3. Es gibt Momente, die nur schwer zu beschreiben sind. Schön, dass man sie jetzt auf Papier bringen kann: Mit dem neuen Bubble Jet Drucker S820D und einer passenden Canon Digitalkamera. [22, № 11/2002, с. 81] = Schön, dass sie jetzt auf Papier gebracht werden können;

4. Endlich ein schöner Gürtel, den man gut verschenken kann, da er immer passt [21, с. 31]. = …ein schöner Gürtel, der gut verschenkt werden kann…;

5. Eine wunderbare Liasion bester Zutaten – für Genuss-Momente, die man nie vergisst [15, с. 129]. = für Genuss-Momente, die nicht vergessen werden;

6. Wie verbessert man die Karte, die Ihnen heute bereits diese Leistungen bietet? Im Preis. American Express Cards [16, № 19/1991, с. 75.] = Wie wird die Karte verbessert…?

7. Der Fleck entsteht schnell, aber wie bekommt man ihn wieder weg? Und vor allem: Wie schont man dabei die Farben?[18, с.59]. = Wie werden dabei die Farben geschont?

8. Was wäre, wenn man mit einer Altersvorsorge Steuern spart? [16, № 49/ 07, с. 181]. = ... wenn mit einer Altersvorsorge Steuern gespart werden?

Как можно видеть на данных примерах, конструкции с местоимением *man* допускают трансформацию в пассивные конструкции и выступают как синонимичные (конкурентные) пассиву речевые формы. Но все же считать их абсолютно синонимичными пассиву представляется неверным, поскольку местоимение *man* в роли подлежащего рассматривается как неопределенный субъект (а не объект, как в пассивной конструкции) [9, с. 54]. Р. Бартч считает, что о применении данной конструкции можно вести речь лишь в том случае, если агенс наделен признаком одушевленности, т.е. описываемое действие производится / может быть произведено каким-либо лицом или группой лиц [7, с. 122]. Приведенные нами примеры доказывают это:

1) Besser kann man (der/die Einwohner) Raum nicht nutzen;

2) Jeder Monat hat Bilder, die man (der / die Leser, alle, wir) nicht vergisst;

3) Schön, dass man (der Besitzer/Verbraucher des Druckers) sie jetzt auf Papier bringen kann;

4) ein schöner Gürtel, den man (Sie, jeder) gut verschenken kann;

5) für Genuss-Momente, die man (alle) nie vergisst;

6) Wie verbessert man (der / die Bankkunde(n)) die Karte.

По мнению Т. Хёле, можно выделить два семантических типа конструкций с неопределенно-личным местоимением *man*: конструкции со специфическим и с неспецифическим значением *man*. К первому типу будут относиться предложения, где *man* обозначает специфическую (определенную, конкретную) группу людей, к которой коммуниканты (адресант и адресат сообщения) не относятся: *Ich sah, wie man auf die Demonstranten einschlug.* Семантически в данном случае *man* соответствует местоимению третьего лица множественного числа, которое в английском языке, например, переводится как *they.* Включенность, «задействованность» в процессе обоих коммуникантов (как адресанта, так и адресата сообщения) подразумевают конструкции с неспецифическим *man*, в которых местоимение имеет значение «каждый», «все», «мы»: *Wenn man Demonstranten schlägt, macht man sich strafbar* [10, с. 109]. В печатных рекламных текстах мы встречаем использование местоимения *man* именно в таком значении:

1. Hört man, sieht man, schmeckt man. The queen of table waters [20, c. 2]. = Wir (alle) hören, wir (alle) sehen, wir (alle) schmecken.

2. Besondere Momente sollte man besonders genießen. Am besten mit einer rotblonden, auf Buchenholz gereiften Bierspezialität, die ein außergewöhnliches Geschmackserlebnis bietet [16, № 21/2008, c. 21]. = Besondere Momente sollte jeder (alle) besonders genießen.

3. Was wäre, wenn man mit einer Altersvorsorge Steuern spart? [16, № 49/ 07, c. 181]. = Was wäre, wenn wir mit einer Altersvorsorge sparen?

Рассуждения о различных возможностях применения конструкции с неопределенно-личным местоимением *man* и собственно пассивной конструкции мы находим у Г. Шёнталь. Она выделяет, как и Т. Хёле, возможность местоимения *man* обозначать агенс, подразумевающий «я» говорящего, т.е. включающий в себя, подразумевающий и адресанта в том числе. Предложения с *man*, способные конкурировать с пассивными конструкциями, по мнению исследовательницы, находят применение в тех случаях, когда невозможным представляется образование собственно пассивной конструкции, например, с глаголом *haben* [12, с. 140–142]. Трансформация предложений с *man* в пассивную конструкцию не представляется возможной в случаях, когда в качестве спрягаемой части сказуемого используются: глаголы с посессивной или партитивной семантикой (*haben, besitzen, erhalten* и т.п.); глаголы с классифицирующей, идентифицирующей или компаративной семантикой (*bedeuten, darstellen, übersteigen* и т.п.); глаголы, выражающие пространственные связи между предметами (*umgehen, bedecken, begrenzen, erfüllen* и т.п.); глаголы, вводящие количественные оценки (*kosten, wiegen, dauern* и т.п.); глаголы получения вещей и информации (*bekommen, kriegen, erhalten, erfahren*); глаголы знания (*wissen, kennen, behalten* (в значении «помнить»)); модальные глаголы в переходном употреблении (*können, mögen, wollen*); некоторые глаголы эмоционального отношения (*freuen, schmerzen, erstaunen).* Вот некоторые примеры несинонимичных пассиву предложений с местоимением *man*:

1. Als Kind muss man einige Dinge einfach haben. Auch mit 46. Der Boxter[17, c. 47].

2. Mein Haar ist wieder gesund und seidig. Das fühlt man![19, c. 60].

3. Wenn die Nase kribbelt, der Hals kratzt und man sich schlapp fühlt, sind das erste Anzeichnen für eine Erkältung. Höchste Zeit für Klosterfrau Melissengeist[19, c. 81].

4. Von Berlin hat man mehr. Berlin Tourismus[24, c. 39].

5. Office 2007 sollte man einfach zu Hause haben. [22, № 12/2009, c. 61].

6. Mit den Leichtmetallrädern „Thunder“ ist man immer sportlich unterwegs [16,№ 21/2008, c. 37].

7. Eine gute Krankenversicherung ist da, wenn man sie braucht [16, № 21/2008, c. 155].

В немецкоязычном рекламном дискурсе около 60% приходится на конструкции с *man* с залоговой семантикой, на долю предложений, не имеющих возможности трансформации в пассивные конструкции приходится примерно 40%. Однако следует упомянуть и тот факт, что в первой группе примеров содержатся предложения, которые трансформируются в так называемый бессубъектный пассив:

1. TYVEK ist ein Material, dem man vertrauen kann[16, № 19/1991, c.293]. = dem vertraut werden kann;

2. Ob auf dem Boulevard oder im Gelände – im Toyota Land Cruiser fährt es sich prachtvoll. Kein Wunder, dass man bei diesem Fahrzeug an

Edelmetall denken muss [16, № 48/2004, с. 191]. = bei diesem Fahrzeug an Edelmetall gedacht werden muss;

3. Es geht um Sportlichkeit. Ums Fahren. Ganz egal ob man vorne oder hinten sitzt. Porsche. [22, №, 51/2008, с. 2] = Ganz egal ob vorne oder hinten gesessen wird;

4. Die Zukunft beginnt schneller, als man denkt. Deshalb entwickeln wir Produkte, die morgen noch Bestand haben.[16, № 19/1991, с. 55] = Die Zukunft beginnt schneller, als gedacht wird.

Приведенные примеры демонстрируют те случаи, когда действие выражено как «чистый имманентный процесс» [11, с. 141], когда дается изображение события либо только с ориентацией на агенс (т.е. активное значение), либо без ориентации как на агенс, так и на пациенс [13, с. 372–373]. Таким образом, данные конструкции с *man* не могут быть отнесены к перифразам пассива.

Библиографический список

1. *Бондарко А.В.* К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – С. 120–135.

2. *Бровкина Ю.Ю.* Газетное рекламное объявление как речевой жанр: Дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 187 с.

3. *Габдуллин С.С.* Функционально-семантическое поле залоговости в немецком и русском языках: Дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2006. – 220 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 686 с.

5. *Озеров Г.В.* Поле пассивности в современном немецком языке: Дис. … канд. филол. наук. – М., 1971. – 235 с.

6. *Шубик С.А.* Категория залога и поле залоговости в немецком языке. – Л., 1998. – 123 с.

7. *Bartsch R.* Das Passiv und die anderen agensabgewandten Strukturen in der geschriebenen Sprache des Deutschen und Finnischen. – Frankfurt am Main: Peter lang GMbH, 1985. – 182 S.

8. Duden, Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2001. – 1892 S.

9. *Helbig G., Kempter F.* Das Passiv. Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – Berlin: Langenscheidt, 1997. – 103 S.

10. *Höhle T.N.* Lexikalische Syntax: Die Aktiv-Passiv-Relation u.a. Infinitivkonstruktionen im Deutschen. – Tübingen, 1978. – 246 S.

11. *Moskalskaja O.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – M., 1975. – 384 S.

12. *Schoenthal G.* Das Passiv in der deutschen Standartsprache. – München, 1976. – 258 S.

13. *Schulz E.* Gibt es ein reflexives Genus? // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humbolt-Universität zu Berlin, 1980. – S. 371–374.

14. *Sommerfeldt K.-E., Schreiber H., Starke G.* Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen. Langenscheidt. – Berlin; München; Leipzig; Wien; Zürich, 2008. – 128 S.

Источники

15. Brigitte 10/2008.
16. Der Spiegel 19/1991, 48/2004, 49/ 07, 21/2008.
17. Fokus 14/2007.
18. Freundin 26/2009.
19. Für Sie 26/2008.
20. Life & Style 40/2009.
21. Pro-Idee, Frühjahr 2009.
22. Stern 11/2002, 51/2008.
23. Stern 12/2009 (Journal Reise).
24. Süddeutsche Zeitung 18.06.09.

УДК 81.112.2

Глушецкая Светлана Михайловна
Белгородский государственный университет
glushetskaya@bsu.edu.ru
Колесников Алексей Анатольевич
Белгородский государственный университет
kolesnikov@bsu.edu.ru

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ НОМЕЦКОЙ НОМИНАЦИИ *WAMS*: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья указывает на необходимость исследования диахронической полисемии немецких национально-культурных номинаций тематической группы «Одежда» с целью разработки лингвокультурологического словаря.

Ключевые слова: *лингвокультурологический подход, диахроническая полисемия, лингвокультурологические словари.*

В настоящее время особую актуальность при изучении иностранного языка приобретают исследования национально-культурных номинаций (НКН) в историко-динамическом аспекте с целью выявления диахронической полисемии, знание которой нужно для правильного выбора переводческого варианта, что необходимо переводчику для достижения успешной межкультурной коммуникации. К числу НКН принадлежит лексика тематической группы «Одежда». На наш взгляд, необходимы специальные исследования немецких номинаций одежды, с учетом специфики других культур, с целью разработки лингвокультурологического словаря, содержащего рекомендации по переводу НКН тематической сферы «Одежды». Проиллюстрируем данное положение на примере немецкой НКН *Wams*. Остановимся на анализе этимологического и лингвокультурологического компонентов значения лексемы *Wams* и используемых при ее переводе на русский язык эквивалентов (на основании анализа двуязычных словарей и переводов монографий по истории немецкого костюма).

Этимология данного слова недостаточно ясна. Это обусловлено относительно поздним появлением соответствующего типа одежды (1200-е гг.), с одной стороны, и наличие двух основ более раннего периода, с которыми, возможно, родственно слово *Wams*.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, данное слово родственно среднегреческому *bambax/bambas* (хлопок), которое, по мнению Г. Пауля, является заимствованием персидской основы *pänba* (хлопок); в более поздние периоды этот корень (с озвончением *p* > *b*) встречается в английском языке в значении «хлопчатобумажная ткань» и является производящей основой лексем, заимствованных в XVIII в. в немецкий язык (*Bombast, Bombasin*), которые вначале обозначали ватированную ткань для шитья одежды – *Wams,* а позднее – ватированные пышные рукава-буфы (так. наз. *Schinkenärmel* – от: *Schinke* – окорок) [11, с. 721, 670; 8, с. 69].

Название самой ватированной одежды, которая вначале не имела рукавов, исследователи возводят к среднелатинскому *wambasium* (стеганая куртка, поддоспешная одежда), заимствованному во французский язык: *wambais* (вост.-фр.), *gambais* (юж.-фр., зап.-фр.). В германских языках преобладает восточно-французский вариант: ниж.-нем. *wambois* > *wams*, дат. *vams* (предположительно, заимствование из ниж.-нем.), свн. *wambeis* > *wambis* > *wambes*; рнвн. *wammes* > *wamms*, *wannes,* нвн. *Wamms* (XIX – нач. XX в.), *Wams* [11, с. 721, 670; 9, с. 670].

Некоторые исследователи, однако, возводят номинацию *Wams* к общегерманскому и древненемецкому слову *Wamba* (живот), обосновывая это тем, что данная одежда закрывала корпус, спасая человеку и живот от ударов холодного оружия [9, с. 307] – ср. свн. рнвн. *wambe* > *wamme*, нвн. (17–18 вв.) *Wamme* [9, с. 670].

Не исключено, что французское заимствование, на основании ассоциаций с *wambe*/*wamme,* было охотно воспринято и очень быстро подвергнуто ассимиляции в *Wammes/Wams*.

С XII по XIX вв. слово *Wams* прочно занимает свое место в сфере моды, обозначая предметы одежды самого различного функционального предназначения (от «первого» до «третьего» ряда), мужскую и женскую, утилитарную и праздничную, в связи с чем многократно меняются его фасоны и общие характеристики (длина, ширина, наличие/отсутствие рукава, форма рукава и т.п.).

© Глушецкая С.М., Колесников А.А., 2011

Диахроническая полисемия данного слова отражена в немецко-русских словарях, ср.: «*Wams* – камзол; (ватная) куртка, фуфайка, безрукавка» [1, с. 568]; «*Wams – жилет / Weste, камзол / Kamisol, фуфайка / Wamms ohne Ärmel, душегрейка / Wamms der Frauen* [5, с. 1427].

Отсутствие каких-либо пояснений к данным переводческим вариантам затрудняет их использование в переводческой практике; при этом в данных словарных статьях отражены далеко не все возможные эквиваленты, способные отразить временной колорит и социально-статусную знаковость одежды разных эпох, обозначаемых словом *Wams*.

Обратимся к характеристике денотатов (предметов моды), репрезентируемых словом *Wams,* останавливаясь попутно на переводческих аналогах, используемых переводчиками немецкой специальной литературы по истории моды при передаче слова *Wams.*

1. В XII–XIII вв. слово *wambes/wammes* представляет собой простую короткую стеганую куртку без рукавов, используемую в качестве поддоспешной одежды, нередко армированную кожаными или металлическими пластинами для защиты корпуса от ударов оружия и для смягчения давления на тело жестких кожаных, а позднее и металлических доспехов: *Kettenhemd/- panzer* (кольчуга), *Panzer* (панцирь, доспех). Вначале *Wams* и доспех были одной длины до бедер, позднее либо доспех удлиняется, закрывая бедра почти до колен (это *Lendner*, «налядвенник»), либо *Wams* удлиняется до колен, при этом нижняя часть, защищающая бедра ниже доспеха, приобретает характер широкой, нередко присборенной «юбки» (баски), становясь со временем «нарядным» элементом костюма [12, с. 114]. При переводе обычно используется аналог: «*фуфайка*» [6, с. 35]; на наш взгляд, более точным является прием конкретизации: «*поддоспешник»/ «поддоспешная одежда*».

2. В XIII–XV вв. *Wams* становится модной одеждой (и модным словом) немецкого рыцарства, подражавшего французской моде (откуда и пришло слово *wambais*), и широкий нарядный плащ, надеваемый уже на доспех, традиционно называется привычным словом *Wams*, в то время как короткая поддоспешная одежда получает название *Schecke* (от анг. *jacket*).

Однако номинации *Wams* и *Schecke* в этот период не имеют строго функционального разграничения и в этот период нередко «обмениваются» своими денотатами (в литературе по истории моды эти лексемы трактуются весьма разноречиво): если в XIII в. *Schecke* является преимущественно скромной поддоспешной одеждой, а *Wams* – предметом роскоши, демонстрирующим вкус, статус и амбиции владельца, то в XIV–XV вв. их функции меняются: словом *Wams* зачастую обозначается нижняя короткая, узкая, плотно прилегающая к телу стеганая куртка с длинными рукавами, заканчивающимися обшлагами или манжетами (*Muffen*), выглядывающими из рукавов модного широкого плаща *Schecke* [12, с. 126]. В XV в. *Schecke* как одежда «третьего ряда» нередко является столь же узкой одеждой, как и *Wams* (*Schecke* повторяет форму одежды *Wams*, являясь, однако, нарядным предметом моды, в отличие от скромного, полностью закрытого поддоспешника *Wams* – лишь манжеты, дополнявшие *Schecke*, являлись изысканной деталью).

Двойственная функция *Wams* и *Schecke* передается переводчиками различными лингвокультурологическими (функциональными, прагматическими) аналогами: а) *фуфайка, камзол, нижний кафтан, полукафтан* (в функции нижней одежды); б) *кафтан, верхний кафтан* (в функции верхней одежды) [2, с. 609–610, 722–723; 3, с. 179, 137, 180; 6, с. 35].

3. В XIV–XV вв. *Wams* становится также и модной светской одеждой (как мужской, так и женской); при этом он служит в качестве нижней одежды, а точнее – одежды «второго ряда», надеваемой поверх рубашки (нижнего платья), при этом *Wams* почти полностью закрывается короткими или длинными верхними одеждами, лишь верхняя часть частично выглядывала в области декольте или горловины, а также из-под рукавов верхней одежды, которые обычно разрезались от локтя до кисти – с тем, чтобы были видны рукава рубашки (*Hemd*); аналогично и вверху нередко делался глубокий вырез у одежд «среднего» и «верхнего» ряда, чтобы была видна верхняя часть нарядной рубашки [12, с. 142]. В XV в. со словом *Wams* конкурирует пришедшая из рыцарского лексикона лексема *pourpoint*, обретающая в немецком языке «права гражданства»: она обретает артикль и парадигму склонения существительных мужского рода [там же].

4. В XVI в. *Wams* является верхней одеждой зажиточных бюргеров (буржуа): это длинная широкая одежда, ниспадающая крупными склад-

ками (*Röhrenfalten*), плотно прилегающее в талии, широкие рукава украшаются пышными буфами, манжетами, горловина либо отделывается кружевным воротником, либо открывает ворот нижней рубашки (*Hemd*), обретающей значительную роль в качестве модной принадлежности гардероба; если *Wams* имел достаточно большой вырез, его полочки на груди удерживались искусной шнуровкой [12, с. 155–157]. При переводе используется транскрипция *вамс* либо аналоги: *кафтан, фуфайка с буфами* [6, с. 42] (последний вариант, однако, абсолютно неприемлем для данного типа богатой верхней одежды).

5. Также имеются сведения о том, что *Wams* в XVI в. был основным предметом костюма ландскнехтов (наемных воинов), у которых *Wams* был единственной одеждой – у них не было другой верхней одежды (*Mantel*, *Überrock*), поэтому вамс имел довольно толстую стеганую подкладку, защищавшую тело от холода и от ударов оружия [12, с. 179]. Описывая фасон данного вида одежды, Э. Тиль поясняет слово *Wams* посредством лексемы *Schossrock*, что свидетельствует о том, что слово *Rock* в данный период уже имеет функцию куртки (кафтана).

6. В XVII в. *Wams* обретает характер одежды «второго» («среднего») ряда: он надевается на рубашку, под верхнюю одежду. Это одежда с рукавами, но она представляет собой новую модель одежды, заимствуемую из Франции, поэтому она получает параллельно с прежним родовым названием *Wams* новое, «видовое» обозначение *weste* (от фр. «*la veste*»). Современный облик *Weste* (жилет) получает лишь в XVIII в., а в XVII в. *veste* (*веста*) имеет иную форму, ср.: «Веста – мужская куртка с узкими рукавами, не сшитыми, а скрепленными в нескольких местах, носимая в ряде европейских стран в XVI–XVII вв. В XVII столетии она превратилась в короткую узкую одежду без воротника с застежкой посередине переда. Весту носили поверх рубашки под жюстокор, вошедший во Франции в моду, начиная с середины 60-х годов. Ее делали более длинной, и, наконец, когда в 80-х годах жюстокор стали носить нараспашку, их длина сравнялась. Длинную весту (и жюстокор) застегивали на две-три верхние пуговицы и на одну-две на талии [4, т. 2, с. 424].

7. Начиная с XVII в. слово *Wams* начинает обозначать также и женскую одежду: с одной стороны, это длинная праздничная одежда, надеваемая поверх одного или двух нижних платьев (*hemd, kleid*) и предназначенная для выхода в свет; с другой стороны, домашнее платье знатных дам [2, с. 591–592]. Переводческие варианты: *(женский) кафтан*, *платье* (второй вариант нам кажется более удачным). Наряду с родовым понятием *wamsz* появляются обозначения различных видов этой одежды: *übermieder, mieder, goller* и др. [7, т. 13, с.1 464]. Переводческие варианты для данной модели одежды: *корсет, корсаж.*

8. В начале XVIII в. значение лексемы *Wams* сужается, и слово начинает обозначать безрукавый жилет с небольшими отворотами или без них, и для обозначения данного вида нижней одежды (а точнее – одежды среднего ряда) используются французские заимствования (*weste/veste*, *das camisol*), которые впоследствии полностью закрепляются за этими видами одежды, конкурируя с лексемой *Wams* и постепенно вытесняя ее в значениях «*жилет*», «*камзол*»: в XVIII–XX вв. жилет (*Weste*) уже воспринимается как нижняя одежда (Unter – kleid) [7, т. 13, с. 1 463]. Данный вид одежды закрепляется и в низших сословиях. Женский вариант получает нередко обозначение *Leibchen* (от Leib «тело», «верхняя часть тела», «корпус»), в отличие от мужской длинной одежды *Leibrock* [7, т. 13, с. 1 464].

9. В XVIII в. *Wams* является также безрукавной домашней одеждой (как мужской, так и женской), преимущественно в крестьянской среде (вместе с тем некоторые исследователи полагают, что данный вид одежды в быту использовался искони, еще до использования ее в качестве поддоспешной одежды) [7, т. 13, с. 1 462]. Переводческие варианты: *жилет, душегрея* (редко) [5, с. 1 427].

10. В конце XVIII – начале XIX вв. *Wämschen* – часть униформы юных филантропинистов, ср.: *wams als knabenkleid: «diese hohen hüte, die rund abgeschnittenen haare, die wämser in uniform (der jungen philanthropisten)»* [7, т. 13, с. 1 463].

11. В XIX в. *Wams* широко используется для обозначения длинной женской одежды (нижней или верхней), ср.: *nachtwammes, nachtwämstel, schlafwämstel «ночная сорочка/рубаха/халат»* [7, т. 13, с. 1463–1464]. В данном значении лексема *nachtwammes* конкурирует с лексемами *Schlafrock, Schlafhemd,* однако не получает широкого распространения, а к началу XX в. и вовсе исчезает. В XIX в. термином *Wams* обозначается также свободное длинное домашнее платье [там же].

12. В XX в. слово *Wams* (с вариантом *Wannes*) сохраняется лишь в отдельных регионах Германии,

и прежде всего как часть женского народного костюма (например, в Вестфалии): а) *Langwams* – длинное до пят нарядное платье (*Abendmahlskleidung*), украшенное вышивками, длинными лентами, шейным платком; б) короткий приталенный жакетик, с манжетами на рукавах и воротнике, с коротенькой баской, полы которых слегка расходятся впереди; в) праздничный наряд (*Mieder, корсаж*) невесты, усыпанный цветами, лентами и т.п.; г) *Binnenwams* – короткая куртка либо корсаж без рукава, надеваемая на *Langwams,* завязываемая длинными цветными лентами, также свисающими впереди, до нижнего края платья. Региональные названия данного типа одежды: *Wenneken* – от свн. *wenne* = *wams* + диминутивный суффикс – *ken*); *Kamisölchen* [8, с. 94, 180, 186].

Таким образом, лексика тематической группы «Одежда» является подсистемой вокабуляра, обладающего огромным культуроносным потенциалом, но не отражающего зачастую во внутренней форме свои национальные особенности, поэтому наряду с лингвистическим необходим лингвокультурологический подход к анализу этнореалий, а в итоге – разработка лингвокультурологического переводческого немецко-русского словаря, фрагмент которого представляет собой данная статья.

Библиографический список

1. Большой немецко-русский словарь / Под ред. О.И. Москальской. – Т. 2. – М.: Русский язык; Медиа, 2004. – 568 с.

2. *Вейс Г.* История культуры народов мира: Костюм. Украшения. Предметы быта. Вооружение. Храмы и жилища. Обычаи и нравы. – М.: Эксмо, 2004. – 960 с.

3. *Вейс Г.* История одежды, вооружения и утвари от 14-го столетия до настоящего времени / Пер. с нем. В. Чаева. – М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1877. – 343 с.

4. *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов: В 4 т. – М.: Академия моды. – Т. 2. – 1993. – 431 с.

5. *Павловский И.* Русско-немецкий словарь. – Рига: Изд-во Киммеля, 1902. – 1530 с.

6. *Тиль Э.* История костюма / Пер. с нем. М.Н. Козлова. – Лейпциг: Легкая индустрия, 1971. – 104 с.

7. Grimm – Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm (in 32 Teilbänden) – Leipzig: S. Hirzel, 1854–1971.

8. *Jostes F., Schmitz G.* Damals bei uns in Westfalen: Volkstracht und Mode. – Münster: Landwirtschaftsverlag, 1994. – 208 S.

9. *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin; Leipzig: de Gruóter, 1934. – 740 S.

10. Lexer 1966 – Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – Leipzig: S. Hirzel, 1966. – 343 S.

11. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. – Halle; Saale: Niemeyer, 1959. – 752 S.

12. *Thiel E.* Geschichte des Kostüms. – Berlin: Henschel, 2004. – 464 S.

УДК 882.09; 808.2

Дубинкина Надежда Витальевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
rakunova_nadezhd@mail.ru

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ НА ОСНОВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина)

В данной статье рассматривается метафорическая образность фразеологизмов в романе Л.Н. Толстого, отражающая множественность ассоциативных связей объектов. Выявляется функционирование фразеологических единиц в роли сигналов эмоционального состояния. Показаны особенности употребления фразеологических единиц в романе как базы для построения художественных образов.

Ключевые слова: *фразеологическая единица (ФЕ), метафорическая образность, художественный образ, фразеологическая семантика, ассоциативный признак.*

Фразеологическая единица, включающая языковой образ, есть попытка вместить множественность взаимосвязей объектов, соединив логико-понятийный и образно-ассоциативный аспекты, попытка, в которой преодолевается ограниченность логико-вербального характера структурирования мира в языковой единице (как единице номинации), отсюда и возникает «эврисемичность» ФЕ, о которой упоминается во фразеологических исследованиях последних лет (Алефиренко, 1990, Солодуб, 1997, Телия, 1996, 2000). Так, ФЕ *сжечь свои корабли* – это не просто сделать невозможным возврат к прошлому и решительно порвать с прежней жизнью, это и сигнал определённого эмоционального состояния персонажа, и образ огня как всепоглощающей разрушающей стихии, обусловливающий коннотативные приращения смысла. «Он [Вронский] тяготится мной и старается не быть в отношении меня бесчестным. Он проговорился вчера – он хочет развода и женитьбы, чтобы *сжечь свои корабли*»; или: «Он [Левин] чувствовал, что, не ответив на письмо Дарьи Александровны, своею невежливостью, о которой он без краски стыда не мог вспомнить, он *сжёг свои корабли* и никогда уж не поедет к ним». В художественном тексте реализуется возможность не только актуализации языковых образов, но и развития художественно-метафорической образности на основе фразеологической семантики.

1. **Фразеологическая образность является базой для построения художественного микрообраза**. В художественном тексте писатель организует повествование, объединяя образ понятия-источника с множественностью его признаков и связей. Когда речь идёт о фразеологическом понятии, художественный микрообраз реализуется на базе ассоциативного признака, обусловленного концептуальным видением мира.

Приведём примеры подобного стилистического приёма:

«Посмотреть на неё, видеть, что *сердце* её *разрывается* от отчаяния, и пройти молча с этим равнодушным лицом? Он не то что охладел к ней, но он ненавидел её, потому что любил другую женщину, – это было ясно».

Внутренняя речь Анны в данном эпизоде передаёт её мучительную душевную боль после ссоры с Вронским, во время которой он даже предлагает ей вернуться к Каренину. Холодный взгляд и равнодушное лицо Вронского приводят героиню в угнетённое состояние, репрезентированное в тексте фразеологической доминантой *сердце разрывается* (‘кто-либо испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-либо’).

«А дядя Фоканыч (так он звал старика Платона) разве станет *драть шкуру* с человека? Где в долг, где и спустит. Ан и не доберёт».

Фразеологическая единица *драть шкуру* (‘беспощадно, жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо’) изображает тяготы крестьянской жизни и точно репрезентирует тяжёлое положение крестьян. Художественный микрообраз строится на основе ассоциативного признака данной ФЕ, которая устанавливает связь с животным миром. Слова крестьянина свидетельствуют о жестоком отношении со стороны барина и порой нечеловеческих условиях труда.

«Но он [Вронский] никак не ожидал, что это дело выборов так заняло его, так *забрало за живое* и чтоб он мог так хорошо делать это дело».

В данном контексте речь идёт о выборах, которыми неожиданно для себя заинтересовался Вронский. ФЕ *забрало за живое* (‘глубоко вол-

 © Дубинкина Н.В., 2011

новать, захватывать') конкретизирует и усиливает значение глагола «заняло», что свидетельствует не о простом интересе героя к тому или иному событию, а о глубоком увлечении Вронским делом выборов. Фразеологическая образность здесь передаёт внутренние душевные волнения, страсть, избыток чувств, переполнивших героя в связи с открытием для себя нового поприща для реализации своих жизненных целей.

Особые синтаксические структуры высказывания, системы тропеических средств позволяют автору (а значит, и адресату художественного текста – читателю) раскрыть фразеологическое понятие через его ассоциативные признаки, обусловленные концептуальным видением мира. Построение художественного микрообраза на основе развития фразеологической образности является особым стилевым приёмом Л.Н. Толстого в романе «Анна Каренина».

2. **Многоликий художественный образ рождается вследствие системно-функциональной единонаправленности фразеологических единиц** как элементов образной речевой структуры романа «Анна Каренина».

Трактовки образа Анны Карениной в литературоведении чаще всего определяются тем или иным пониманием смысла эпиграфа к роману, а также зависят от исторически изменяющегося отношения к роли женщины в семейной и общественной жизни. Эпиграф к роману гласит: «Мне отмщение, и Аз воздам». В исследовательской литературе не прекращаются споры относительно его истолкования. Предполагается, что угроза неизбежного наказания, заключенная в эпиграфе, была связана с первоначальным замыслом романа. Возможно, Толстой хотел сказать, что только Бог имеет право наказать грешницу, но не люди. Но если это и так, вопрос о виновности Анны все же остается. Светское общество не имеет морального права судить Анну, однако Толстой судит ее с высоты той мысли семейной, которую он сам считал главной в романе.

Писатель, сделавший, казалось бы, все, чтобы возбудить в читателе очарование героиней романа, вместе с тем не воспринимает ее как идеал. В первой части романа героиня предстает примерной матерью и женой, уважаемой светской дамой и даже примирительницей неурядиц в семье Облонских. Жизнь Анны Аркадьевны более всего наполняла любовь к сыну, хотя свою роль любящей матери она несколько преувеличенно подчеркивала. Л.Н. Толстой актуализирует в повествовании вербальные элементы, в том числе и фразеологические, создающие образ матери, жены и светской дамы:

«Да, мы всё время с графиней говорили, я о своём, она о своём сыне, – сказала Каренина, и опять *улыбка осветила* её *лицо*, улыбка ласковая, относившаяся к нему»; «Какое-то неприятное чувство *щемило* ей *сердце,* когда она встретила его упорный и усталый взгляд, как будто она ожидала увидеть его другим»; «Любовь… – повторила она медленно, *внутренним голосом*, и вдруг, в то же время, как она отцепила кружево, прибавила: – Я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишком много значит, больше гораздо, чем вы можете понять, – и она взглянула ему в лицо».

Представленные фразеологические средства актуализированы в эпизоде первой встречи Анны и Вронского. Повествование пронизано кокетливостью, лёгким трепетом, переживаниями, связанными с зарождающимися в героине чувствами к Вронскому. Анна предстаёт перед читателями в образе счастливой матери, т.к. в разговоре о сыне *улыбка осветила её лицо*. Но в то же время в её душе возникает необъяснимое чувство тревоги («неприятное чувство *щемило ей сердце*»), которое является трагическим предвестием будущей несчастной любви между героями. Фразеологические средства не идут вразрез с остальными вербальными элементами повествования, а участвуют в создании многоликого художественного образа.

Под влиянием встречи с Вронским резко изменяются отношения Анны Карениной со всеми окружающими: она не может терпеть фальши светских отношений, фальши взаимоотношений в своей семье, но существующий помимо ее воли дух обмана и лжи увлекает ее все дальше к падению. Сблизившись с Вронским, она осознает себя преступницей. После неоднократно проявленного мужем по отношению к ней великодушия, особенно после полученного во время послеродовой болезни прощения, героиня романа все больше и больше начинает ненавидеть его, болезненно ощущая свою вину и сознавая нравственное превосходство мужа. Её душевное состояние (и чем дальше, тем сильнее) отмечено совсем другими признаками: подозрительностью, озлоблением, отчаянием, ревность. Этому соответствуют система эпитетов, применяемая Толстым:

«мучительная краска стыда»; «когда-то гордая, а теперь постыдная голова»; счастье, оплаченное «страшною ценою стыда», и фразеологические средства, создающие соответствующий образ:

«Как будто было что-то в этом такое, чего она не могла или не хотела уяснить себе, как будто, как только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, *уходила* куда-то *в себя* и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которую он не любил и боялся и которая *давала* ему *отпор*»; «Он не хотел видеть и не видел, что в свете уже многие *косо смотрят* на его жену, не хотел понимать и не понимал, почему жена его особенно настаивала на том, чтобы переехать в Царское, где жила Бетси, откуда недалеко было до лагеря полка Вронского»; «Хотя Анна упорно и с озлоблением противоречила Вронскому, когда он говорил ей, что положение её невозможно, и уговаривал её открыть всё мужу, *в глубине души* она считала своё положение ложным, нечестным и *всею душой* желала изменить его»; «Та *боль*, которую она *причинила* себе и мужу, высказав эти слова, будет вознаграждена теперь тем, что всё определится, думала она».

Все приведённые эпизоды иллюстрируют осознание Анной трагичности своего положения, осмысление всех жизненных конфликтов, произошедших с героиней в связи со встречей с Вронским. Об этом свидетельствуют изменения в её поведении: *уходила в себя* ('быть поглощённым своими мыслями и переживаниями'), *давала отпор* ('не оставлять без наказания, возмездия какие-либо действия и поступки'). Это, прежде всего, связано с преступной и тайной связью Анны с Вронским, о которой пока ещё не знал Каренин. Такая тяжесть положения не могла не способствовать нагнетанию тревожных чувств и переживаний героини, накалу негативных эмоций и мучительной боли. Всё это Анна пыталась пережить в одиночестве (*в глубине души, всею душой, боль, которую она причинила себе и мужу*). Фразеологические средства репрезентируют внутреннее состояние героини и осознание Анной необратимых жизненных конфликтов, связанных с изменой мужу.

Ни маленькая дочь, ни поездка с Вронским в Италию, ни жизнь в его имении не дают ей желаемого покоя, а приносят лишь осознание глубины своего несчастья (как при тайном свидании с сыном) и унижения (скандально-унизительный эпизод в театре). Больше всего мучений Анна Каренина испытывает от невозможности соединить вместе сына и Вронского. Углубляющийся душевный разлад, двусмысленность общественного положения не могут компенсировать ни окружение, искусственно создаваемое Вронским, ни роскошь, ни чтение, ни интеллектуальные интересы, ни привычка к успокоительным лекарствам с морфием. Анна Каренина постоянно чувствует свою полную зависимость от воли и любви Вронского, что раздражает ее, делает подозрительной, а иногда побуждает к несвойственному ей кокетству. Постепенно она приходит к полному отчаянию, мыслям о смерти, которой она хочет наказать Вронского, оставшись для всех не виноватой, а жалкой. История жизни Анны Карениной обнаруживает незыблемость «мысли семейной» в произведении: невозможности достижения собственного счастья за счет несчастья других и забвения своего долга и нравственного закона.

Употребление фразеологических единиц служит выражению сути характера Анны Карениной и раскрытию истоков её трагедии:

«Ужасно то, что нельзя *вырвать с корнем* прошедшего. Нельзя вырвать, но можно скрыть память о нём. И я скрою»; «И опять та надежда, то отчаяние по старым наболевшим местам стали *растравлять раны* её измученного, страшно трепетавшего сердца»; «Привычный жест крестного знамения *вызвал в душе* её целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для неё всё, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми её светлыми прошедшими радостями. Но она *не спускала глаз* с колёс подходящего второго вагона».

Истоки трагедии Анны не только во внешних препятствиях, но и в ней самой, в характере ее страсти, в невозможности уйти от укоров совести. Анна хотела бы вернуть прошлое, и, если бы судьба подарила ей второй шанс, она не повторила бы своих фатальных ошибок. Об этом позволяют судить фразеологические средства, используемые в финальных главах романа: *вырвать с корнем* ('совершенно, окончательно уничтожить, искоренить'), *растравлять раны* (ср. с исходной формой ФЕ *бередить рану* 'вызывать тягостные воспоминания, волновать, тревожить, беспокоить'). Безвыходность положения Анны Карениной вынуждает героиню броситься под поезд, и, в последний раз размышляя о своей

жизни, она *не спускала глаз с колёс подходящего второго вагона.*

Центральная для романа проблема рассматривается на примере нескольких семейных пар: Анна – Каренин, Долли – Облонский, Кити – Левин. И во всех случаях Толстой не находит положительного ответа на постоянно волнующие его вопросы, имеющие не просто узко интимное, но и общественное значение.

Фразеологизмы, включённые в высказывания, дающие оценочную характеристику персонажа, употреблённые в авторском повествовании и в репликах персонажей, выстраиваются в полифоничный ряд, где каждый элемент связывается с другим семантической связью, имеющей глобальное системообразующее значение. Результатом такого функционально-системного взаимодополнения смыслов различных единиц становится полноценный художественный образ персонажа.

Библиографический список

1. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: «Русские словари», 1997.

2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

3. *Фокина М.А.* Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX вв. Монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.

УДК 81'373

Зубова Жанна Арнольдовна
кандидат филологических наук
Орловский государственный университет
kuhtov@orel.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА, В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Анализ фразеологических единиц, с помощью которых носители орловских говоров характеризуют внешний вид человека, позволяет выявить особенности мировосприятия диалектоносителя, его предпочтения, оценки. В статье представлены наиболее крупные семантические подгруппы фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеосемантическое поле, микрополе, орловские говоры, сема, внешний вид человека.*

Фразеосемантическое поле «Характеристика человека» в орловских говорах одно из наиболее объемных. Оно представлено более чем 700 единицами. И это вполне естественно: фразеологические единицы по самой своей сути призваны, прежде всего, характеризовать, давать оценку тому, как человек воспринимает себя, себе подобных, свое место в окружающем мире, свои взаимоотношения с ним.

Внутри фразеосемантического поля можно выделить два микрополя, первое из которых – «характеристика внутренних, личностных качеств» – в три с половиной раза больше по числу входящих в него единиц второго – «характеристика внешнего вида». Фразеологизмы первого микрополя уже становились предметом специального описания [см., например: 1, с. 177–179; 2, с. 59–67]. В настоящей статье представим основные группы единиц, характеризующие внешний вид человека. Обратим внимание на аксиологическую и эмотивную составляющую значения, приводя иллюстративный материал в упрощенной транскрипции.

На что же обращают внимание носители орловских говоров, если речь идет о том, как человек выглядит?

При анализе фразеологизмов постоянно находишь подтверждение точности и емкости народных афоризмов – пословиц и поговорок. Среди всех групп и подгрупп микрополя «внешний вид» самая многочисленная характеризует то, что точнее всего выражено во всем известном «встречают по одежке»: 40 ФЕ информируют о небрежно, неаккуратно одетом, а 15 – о нарядно, красиво одетом человеке. Это такие единицы, как *варюха отрепьева*, *расхлебай копыта*, *как зюзя*, *в порядке*, *на разгляденье*, *как кампела* и др. Аксиологический компонент значения очевиден: позитивно оценивается опрятный, аккуратно, нарядно одетый человек, негативно – неряшливый, грязнуля. Что касается эмотивной составляющей, то кроме «неодобрительно / одобрительно» фик-

© Зубова Ж.А., 2011

сируем «пренебрежительно», «презрительно» и «иронично», что находит подтверждение в контекстах:

«Па дароги *анюта никудышняя* идеть, усихта в грязнам платьи да ничосаная». Хотынецкий р-н. «Ты пря *жук навозный*, усё грязный». Дмитровский р-н. «Он сиводня пришол весь *при галстуке»*. Свердловский р-н).

Актуален для диалектоносителей ставший популярным в свое время рекламный слоган «размер имеет значение»: пятьдесят две ФЕ характеризуют человека именно по этому признаку. При этом, как и следовало ожидать, основное внимание концентрируется на оппозиции «толстый / худой»: *баба рязанская*, *как арпеха*, *пузо три арбуза*, *душа да тело*, *жвычка жвычкой*, *спину через живот чешет* и т.д. Известно, что фразеологизмы, в первую очередь, – реакция на отклонение от нормы. Для сельского жителя важно то, что чрезмерная полнота или худоба не позволяют человеку хорошо, качественно работать. Вот почему эмотивным компонентом значения у единиц с интегральным значением «толстый» чаще всего выступают «неодобрительно», «пренебрежительно», «иронично», что можно проиллюстрировать следующими контекстами:

«А Машкина нивеска пабабила, *брюха распустила»* (Новосильский район). «Ксюша хатела на барерину учица, да куды ей, ана ш *как акамёлак»* (Мценский р-н). «Ух и *ряшку*-та он *наел»* (Орловский р-н). «Нищаво ни делаить, линивый, во какой *хибот наел»* (Хотынецкий р-н). «Машка у нас пончик, *ни в апхват»* (Кромской р-н). «Светка так расталстела, *шкуры ни хватаит»*. (Новосильский р-н).

Иногда ядро значения формирует не одна сема. Так, у ФЕ *телепень телепнём* сема «полный, толстый» интегрирована с семами «неповоротливый», «неуклюжий»: «Рибёнак *телипинь тилипнём*, нипаваротливый ужысть» (Малоархангельский р-н).

Нужно отметить, что всего в двух единицах этой подгруппы находим положительную оценку, однако она связана не с полнотой, а с указанием на крупного, плотного, а значит, физически сильного и крепкого человека:

«Тётки Дунина девка *как биток»* (Орловский р-н). «Ета баба здаровая, *што рук, што нага»* (Новосильский р-н).

Единицы с обобщенным значением «худой» часто в качестве эмотивного компонента содержат не только «неодобрительно», но и «сочувственно», «с сожалением»:

«Есть надать большы, а то растёш *жвычка жвычкай»* (Верховский р-н). «Малай у Верки вчерась из армии пришол, *как скилетина* стал, да он и был-та худой» (Новосильский р-н). «*Душа да тела*, савсем высах, адни мощи астались, вон адёшка на нём как калыхаица» (Свердловский р-н). «Он такой щуплай, яво *саплёй пиришыбёш»* (Орловский р-н).

В последнем контексте фразеологизм информирует не только о худобе, но и физической слабости, невзрачности. Приведем примеры таких единиц: *ветром качает* («Да он задрыга – иво ветрам качаить». Шаблыкинский р-н), *москля москлёй* («Там глидеть не на кава, маскля масклёй». Покровский р-н), *возгрёй убьёшь* («Ну и жыних, возгрёй убьёшь». Хотынецкий р-н). В подобных случаях находим подтверждение тому, что многослойность фразеологического значения, позволяющая интегрировать сразу несколько характеристик, – одна из его специфических черт.

Заметим, что значение «худой» иногда связано с отдельными частями тела, чаще лицом или ногами:

«Гаварили: ох и *бурды развесил*, талстамордый, значить» (Верховский р-н). «Ой, вышыл у красных гультиках, ношки *как цевки»* (Новосильский р-н). «Ды ну, Иванавна, какая там харошая, у ней *ношки-патаношки»* (Мценский р-н).

Тринадцать единиц объединены семой «рост». Здесь наблюдаем оппозицию «высокий / низкий»: *в небо дыра, полтора Ивана (Иевана), аршин с шапкой, с неба не видать*. Эмотивными компонентами значения выступают «шутливо», реже «иронично». Несколько фразеологизмов совмещают разные семы: «низкий и толстый» – *как (что) павучок* («Валотька-та мужык рабатяшшый. Плоха, што с виду малинький да круглай, гаварят, *што павучок»*. Дмитровский р-н); «низкий и некрасивый» («Витька старшой у саседа статный, красавец, а Колька младшой – *карандух карандухам»*. Мценский р-н. «А мужык-та у ниё *пистюльга пистюльгой»*. Верховский р-н), «высокий и крепкий, сильный» («Ды йиво *калом ни убьёш*, во здаровый вырас». Хотынецкий р-н).

Сема «размер» содержится во фразеологизмах, характеризующих отдельные части тела: *голован голованом*, *конь-голова* – «человек с большой головой», *шлёп-губа* – «человек с большими, как будто вывернутыми губами», *кошачий*

череп – «человек с крупными, выступающими зубами».

Единицы подгруппы «здоровый / больной» находятся на периферии всего микрополя, поскольку большинство из них информируют не только о внешнем виде, но и о физическом состоянии. В таких случаях можно говорить о зонах пересечения фразеосемантических полей. О доминировании семы «внешний вид» можно говорить лишь у таких единиц, как *в прыску* – 'здоровый, крепкий человек' («Я у моладасти была *у прыску*, харошая, кровь с малаком». Новосильский р-н), *как кампела* – 'человек со здоровым, хорошим цветом лица; кровь с молоком' («Мая дощечка стала *как кампела»*. Хотынецкий р-н), *бледня бледнёй* – 'бледный из-за плохого самочувствия, изможденный человек' («Нелька-та савсем с ним извилась, *блидня блиднёй* стала, исхудала». Мценский р-н).

Незначительным числом фразеологизмов представлены подгруппы «хромой» (*кидай-нога, шлёп-нога, рубль пять*), горбатый (*согнуться в лубок и в люльку*, *в хомут согнут*).

Среди структурных особенностей единиц микрополя «характеристика внешнего вида человека» отметим значительное количество ФЕ с тавтологией, т.е. таких, в которых минимум два компонента имеют один и тот же корень: *анчутка анчуткой, ведьма ведьмой, мазепа мазепой, ховра ховрой, бледня бледнёй, голован голованом, москля москлёй, пистюльга пистюльгой, жвычка жвычкой, телепень телепнём* [см. об этом: 3, с. 31–35].

Библиографический список

1. *Зубова Ж.А.* Фразеологические единицы как средство характеристики человека в орловских говорах // Информационный потенциал слова и фразеологизма. – Орел: ОГУ, 2005. – С. 177–179.

2. *Зубова Ж.А.* Об одной особенности фразеосемантических полей, связанных с человеком, в орловских говорах // Русское слово вчера и сегодня. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2005. – С.59–67.

3. *Зубова Ж.А.* Фразеологизмы и устойчивые сочетания с тавтологией в орловских говорах // Орловские говоры: проблемы изучения: Сб. научных трудов. – Вып. 3. – Орел: ОГУ, 2007. – С. 31–35.

4. Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. – Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991. – Вып. 5–15. – Орел, 1989–2007.

5. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–41. – СПб.: Наука, 1965–2007.

УДК 81

Ковынёва Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук
Курский государственный медицинский университет
ir_kov@yahoo.com

ИДЕОЛОГИЯ ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ: ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИИ

В статье рассматриваются как чисто лингвистические причины появления голофрастических конструкций (ГК), такие как оживление повествования, вариабельность использования языковых средств, игра словами, семантическая компрессия и обобщённость высказывания, так и экстралингвистические причины создания ГК – лингвометафизические, идеологические, а также принцип аналогии.

Ключевые слова: *голофрастические конструкции, лингвистические, экстралингвистические причины.*

Голофрастические конструкции по многим параметрам занимают некое промежуточное положение в системе новых способов словообразования русского языка, а «само по себе появление "пограничных" явлений закономерно: язык постоянно развивается, и отношения между его элементами меняются» [5, с. 3]. Эта «пограничность» голофразиса проявляется и в том, что можно выделить несколько различных целей создания слов данной группы.

С одной стороны, следует говорить о сугубо лингвистических причинах появления новообразований-голофразисов. Ещё Л.В. Щерба говорил о том, что «любая синтаксическая группа может оказаться сложным словом, которое должно отличаться от группы лишь тем, что оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов» [23, с. 52].

Операция создания слова на базе предложения, если воспользоваться мыслью И.Г. Ольшан-

© Ковынёва И.А., 2011

ского, «происходит в том случае, когда содержание синтаксической группы воспринимается как единый предмет мысли и потому требует для своего выражения синтаксически нерасчленённой, целостной формы» [18, с. 19]. Сходная мысль выражена и Е.А. Земской: «Однако обычно производное сращение не является простой суммой значений производящих, а содержит нечто своеобразное – какое-то обобщение значений производящих, иногда некоторый элемент терминологизации значений» [10, с. 205]. Хотя здесь и говорится о сращениях, но это положение верно и для голофрастических конструкций.

На разнообразие причин появления голофрастических конструкций указывает Н.М. Бердова: «Особый тип окказионального словообразования, который не типизирует словообразовательные возможности системы языка, представляет собой речевое лексико-синтаксическое стяжение. Окказиональное словообразование, возникающее в результате лексико-синтаксического стяжения, характеризуется разнообразием структурного оформления. Словообразования этого типа довольно часто встречаются в современной художественной литературе для оживления повествования, вариабельности использования языковых средств, каламбуров, игры словами, для семантической компрессии и обобщенности высказывания и др.» [3, с. 6]

Экспрессивность данных образований подчеркивает и крупнейший исследователь голофрастических структур Н.Д. Миловская: «Их появление вызвано стремлением дать более или менее экспрессивную и меткую характеристику персонажу» [16, с. 84]. Отмечается роль ГК в создании экспрессивно-стилистического эффекта, в создании метафор, сравнений, целых серий эпитетов, служащих превращению иронии из скрытой в явную.

Как средство создания редких фамилий рассматривает голофразисные образования Л.М. Щетинин: «В исключительно редких случаях сложные антропонимы восходят к целым предложениям: **Панибудьласка**» [24, с. 219]. Он же отмечает, что для европейской традиции – в противовес традициям наименования в индейских языках – подобные конструкции не характерны: «Антропонимы-предложения (за исключением императивно-объектных сочетаний) для славянских и германских языков не характерны».

Н.Д. Миловская неоднократно отмечала то обстоятельство, что данные образования подчёркивают определённую целостность нескольких называемых взаимосвязанных явлений: «Уникальная особенность многокомпонентного сращения состоит в том, что оно в форме имени существительного показывает взаимосвязь нескольких явлений, а значит, обозначает сложный денотат» [16, с. 78].

Иногда причиной появления голофразисных образований является нераскодирование принятого сообщения, т.е. непонятность для слушающего услышанного, особенно в детской речи: «Дети, воспринимая на слух стихи и песни, услышанные от взрослых, запоминают, как известно, отдельные строфы, строчки и слова в искажённом виде, если данные отрезки речи по каким-либо причинам оказались им недоступными» [8, с. 97]. Н.Г. Елина приводит примеры из детской речи: **Сатанатам** правит бал (с объяснением ребёнка: «**Сатанатам** – это дирижер»); «…5-летняя Валя эту же строчку восприняла как “Впереди страна Болгария, **позадирека-Дунай**”, причём спрашивала, что такое “**позадирекадунай**”?» [8, с. 97–98].

Т.В. Базжина, рассматривая голофразис как начальный этап детской речи, пишет: «Несмотря на то, что первые высказывания ребёнка однословны, они представляют собой законченное целое, выражающее какое-либо сообщение. Голофразы слиты с ситуацией употребления настолько, что сами являются как бы её частью» [1, с. 37].

Некоторые исследователи указывают также и на иные причины появления голофрастических конструкций, как бы отмечая, что действуют одновременно и лингвистические, и нелингвистические факторы: «“Айфенизация” означала слом некоторых норм, бунт против старой и уже устаревшей грамматики всех, и не только грамматических, подчинений. Это именно и нравилось передовым людям, сторонникам неограниченной свободы в языке, в их борьбе против общепринятого, лицемерного и обманного языка» [4]; «Поражала и свобода, с которой сочиняются такие вполне новые обороты: языковому творчеству пределы здесь не поставлены. Некоторые из моих американских друзей разуверяли меня в значимости приёма, по их мнению вульгарного. Но в последние годы я убедился, как часто он проникает в ежедневную печать (особенно в газетные и журнальные заголовки), да и в некоторые литературные сочинения. Ограничусь несколькими примерами, взятыми из свежих номеров газет: а **one-strike-and-you-are-out** policy «политика (ос-

нованная на принципе): нанеси один удар и ты им со всем покончишь» [11, с. 43–44].

Есть и объяснения иного плана, выводящие причины появления голофрастических структур за пределы лингвистики.

«Лингвометафизическое» объяснение этому явлению находим у лингвофилософа: «…Жесткая дискретность анализируемого стиля мышления может в определенных ситуациях (точнее, аспектах) психологически трансформироваться в свою противоположность – нечто нерасчлененно-континуальное» [19, с. 381].

«Идеологическое» объяснение можно найти у политиков и публицистов: «…“тоталитаризм” – решусь на попытку определения – это строй, при котором нет ничего отдельного… и все тексты пишутся слитно, без знаков препинания» [6, с. 4]; «Лингвометафизической целью власти было создать вокруг себя духовную ауру, невидимую, но незыблемую стену, сложенную не только из слов-кирпичей, но и из целых словесных блоков, своего рода монолитов» [20, с. 351].

Некоторые авторы, создававшие новообразования-голофразисы, иногда дают некоторое подобие идеологического объяснения этим фактам: «Сенатор-конь (вопит без пауз в одно длинное-длинное слово). **ДаздравствуетЦезарьтридцатьразмывсегдажелалитакогоЦезарякактытридцатьразтынашотецдругибраттыхорошийсенаториистинныйЦезарьвосемьдесятраз**! Нерон (шепчет). Свершилось! Это – не речь! (В восторге). Он ржёт! (Кричит). Свершилось! Сенатор превратился в коня!» (Э. Радзинский); «Фразы бессильны, **словаслилисьводнуфразу»** (А. Вознесенский).

Существует также описание голофрастической конструкции, которое можно интерпретировать с позиций идеологии: «Не менее интересен и следующий случай: “М-м-м-м… – вз-з-з-з… дуло парабеллума упёрлось меж лопаток и холодит душу; избит, искорёжен, во всём теле тугая резиновая боль, не шевельнуть ни рукой, ни ногой, – сознание возвращается медленно, пульсирующими толчками; голоса отдаляются, с присвистом железных подковок… **Понедельник-вторник-среда-четверг-пятница-суббота-воскресенье-на-чинальник-углубляльник-решальник-определяльник-завершальник-субботник-воскресник**”» (Г. Сатуп). Производящая база может быть представлена так: «Понедельник, вторник, …, воскресенье – начинальник, углубляльник, …, воскресник», – т.е. предложением, состоящим из 7 однородных подлежащих и 7 однородных сказуемых. 5 из 7 сказуемостных компонентов представлены лексическими новообразованиями, вызывающими в памяти идеологические клише недавних лет: «начинающий год пятилетки», «углубляющий год», «решающий год», «определяющий год», «завершающий год» (и это соотносится с рабочими днями недели), ну а суббота и воскресенье – естественно, субботник и воскресник» [12, с. 56].

Переводя подобные «идеологические» обоснования в лингвистический план, следует заметить, что многочисленные клише советского времени следовало бы записывать как голофрастические конструкции, например: **народ-и-партия-едины; экономика-должна-быть-экономной; новая-общность-советский-народ** и т.д. Да и многие высказывания нового времени уже по сути десемантизировались и воспринимаются как одно слово: **подлинно-демократическая-власть; упрочение-вертикали-власти** и под.

Таким образом, частая повторяемость того или иного выражения, термина почти неизбежно приводит к тому, что он клишируется, стандартизируется. Человеческое сознание склонно к мышлению блоками, стереотипами. Повторяемость определённых структур приводит к привыканию к ним, к некоему гипнотическому эффекту. Вот как, например, об этом пишет специалист в области психологии и риторики: «Приведённый пример скрытого погружения собеседника в гипноидное состояние характеризуется использованием монотонных повторяющихся фраз, вызывающих чувство покоя, расслабленности, комфорта» [22, с. 345]. В популярной ныне специальности «связи с общественностью» используются подобные методы [см.: 15, с. 314–317].

Важную роль в появлении голофрастических структур играет аналогия. По мысли Е.С. Кубряковой, «без описания механизмов аналогии вряд ли можно предложить исчерпывающую характеристику наблюдаемых процессов словообразования, а также объяснить поразительное разнообразие реальных словообразовательных актов, постоянно пополняющих существующую систему новыми единицами» [14, с. 72–73].

Таким образом, голофрастические конструкции, появившиеся в русском языке под воздействием немецкого и английского языков, обретают на русской почве определённое своеобразие, получают своего рода идеологическое обосно-

вание. Кроме того, голофрастические конструкции часто выступают как средство характеристики, оценочности.

Библиографический список

1. *Базжина Т.В.* Голофразис как начальный этап формирования структуры высказывания // Детская речь: проблемы и наблюдения. – Л., 1989. – С. 37–46.

2. *Басова А.И.* Сращение как способ образования окказиональных слов // Словообразовательная и номинативная деривация в славянских языках. – Ч. II. – Гродно, 1986. – С. 48–49.

3. *Бердова Н.М.* Коммуникативно-стилистическая характеристика окказиональных словообразований // Лексика и текст. – Калинин, 1983. – С. 3–10.

4. *Боровой Л.Я.* Путь слова. Очерки и разыскания. – М., 1974.

5. *Воронин С.В., Мурадян А.Ю.* Словослияние и аналогия // Проблемы пополнения словарного состава романо-германских языков. – Л., 1983. – С. 3–9.

6. *Гутионтов П.* После свидания с жирафом: Некоторые посильные размышления о судьбе гласности на закате перестройки // Радикал. – 1991. – № 9. – С. 3–8.

7. *Дьюдни А.К.* «Лестница слов»: лингвистические головоломки и возможности компьютера // В мире науки. – 1987. – № 10. – С. 86–90.

8. *Елина Н.Г.* Прогнозирование в речевой деятельности детей // Психолингвистические исследования (речевое развитие и теория обучения языку). – М., 1978. – С. 97–108.

9. *Журавлёв А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 45–109.

10. *Земская Е.А.* Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1981. – С. 133–240.

11. *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М., 2004. – 210 с.

12. *Изотов В.П.* Словообразование на базе предложений // Актуальные проблемы синтаксиса. – Орел, 1994. – С. 53–60.

13. *Ковынёва И.А.* О местоименных голофрастических конструкциях // Словообразование как факт. Вып. 3: Механизмы и структуры. – Орёл, 2004/2005. – С. 41–42.

14. *Кубрякова Е.С., Улуханов И.С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка [Рец.] // Известия РАН. Серия л-ры и языка. – 2007. – Т. 66. – № 1. – С. 71–73.

15. *Кондратьев Э.В., Абрамов Р.Н.* Связи с общественностью. – М., 2005. – 431 с.

16. *Миловская Н.Д.* Функционирование голофрастических конструкций в текстах современной художественной немецкой литературы // Лексика и текст. – Калинин, 1983. – С. 77–88.

17. *Миловская Н.Д.* Голофрастические конструкции в современном немецком языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Калинин, 1984. – 16 с.

18. *Ольшанский И.Г.* О некоторых активных процессах в синтаксисе немецкого словосочетания // Иностранный язык в школе. – 1976. – № 1. – С. 18–25.

19. *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев, 1989. – 127 с.

20. *Руденко Д.И.* От взаимосвязи категорий к взаимопроникновению парадигм // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Вып. 1. – Ч. 2. – Харьков, 1991. – С. 354–407.

21. *Турбин В.* Погружение в трясину // Анатомия застоя. – М., 1991. – 405 с.

22. *Шейнов В.П.* Скрытое управление человеком: Психология манипулирования. – Минск, 2003. – 845 с.

23. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 39–59.

24. *Щетинин Л.М.* О грамматической классификации исходных форм имён собственных в словаре // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984. – С. 215–221.

УДК 801.3(=82)

Кондратьева Ольга Николаевна
кандидат филологических наук
Кемеровский государственный университет
kondr25@rambler.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР

В данной статье рассматривается история метафоры «душа – это дом» в русской лингвокультуре. Последовательно описываются фреймы, структурирующие данную метафору, устанавливаются лексические единицы, включенные в процесс метафоризации, определяются основания метафорического переноса и их специфика для разных временных этапов. Материалом исследования являются древнерусские тексты и тексты классической литературы нового времени.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, фрейм, концептуализация, концепт, лингвокультура, диахрония, душа, дом.*

Изучение системности метафорических переносов в рамках различных сфер опыта позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, каким образом человек представляет окружающий мир и свое место в нем. Таким образом, один из инструментов исследования картины мира – это изучение концептуальной метафоры. Когнитивная лингвистика отказалась от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», метафора рассматривается как как способ познания, структурирования и объяснения мира. Метафора – это «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [4, с. 36].

Метафоры, являющиеся одним из основных инструментов познания мира, не были статичными и единообразными на протяжении существования русской лингвокультуры, их набор и специфика зависели от конкретного временного периода, кроме того, изменения происходили и в рамках отдельных метафорических моделей. В данный момент появились работы, посвященные исследованию лексической [1] и словообразовательной [2] метафор в диахронии. В изучении концептульных метафор диахронический аспект еще не получил широкого распространения.

Задача настоящего исследования – выполнить диахронический анализ концептуальной метафоры «душа – это дом» в русской лингвокультуре. Как отметила Э. Лассан, не только антропоцентрическая метафора правит миром, но и «экологическая», «домовая» – дом с входящими в его состав частями, как матрица, накладывается на наш образ мира и структурирует нашу жизнь в этом мире согласно своему устройству» [3, с. 103]. В полном объеме это можно отнести и к концепту «душа». Нематериальная душа, не обладающая в силу своей специфической сущности четкой формой и границами, приобретает их в человеческих представлениях и мыслится как вместилище, а именно дом, скрытый от внешнего взгляда и являющийся средоточием духовной жизни.

В процессе анализа языкового материала было установлено, что концептуальная метафора «душа – это дом» является достаточно структурированной, в ее состав входят несколько фреймов, каждый из которых вносит свои оттенки в создание образа души в русской лингвокультуре.

1. Фрейм «Дом (Строение) и его виды». Концепт *душа* может быть метафорически представлен как разные типы строений. Метафоризации подвергаются слова дом, *здание, церковь, храм, святилище, палата*, *дворец, тюрьма, усыпальница* и другие.

В древнерусский период преобладает именование души жилым домом в традиционном понимании данного слова: «**дажь спасение душевному ми дому, зане оскверних телесную сию храмину и несмь достоин приятн пречистое Ти тело!**» (Кирилл Туровский. Молитвы на всю седмицу); «**истлѣвши мои дшевныи домъ**» (Житие Василия Нового); «**да симъ оубо разоумѣемъ. яко правою вѣрою и добрыими дѣлы. зиждеть ся душьвный домъ. ти тако живеть въ нас богъ**» (Изборник 1076 г.); «**ти тако оуже акы тать вълѣзъ лоукавыи оукрадеть ти душьвныи домъ и боудуть ти послѣдьняя горьша пьрвыихъ**» (Изборник 1076 г.).

В литературе XVIII–XX вв. также сохраняется метафора душевного дома: *Тяжко, смутно и в то*

© Кондратьева О.Н., 2011

же время просторно, оглядно было ***на душе*** *у Настены –* ***как в доме, из которого вынесли вещи*** (В. Распутин. Живи и помни). Помимо этого при обозначении души начинает активно использоваться лексема *здание*: *От долговременного борения* ***расшаталось здание души его****; поломались тонкие связи, которыми соединены таинственные стихии мыслей и чувствований* (В.Ф. Одоевский. Импровизатор).

Второй по частотности является метафора душевной 'церкви', т.е. душа предстает как культовое строение: «**тебе в душевнеи ми церкви в словеснои храмине тела моего**» (К. Туровский. Молитвы на всю седмицу); «**да елма же оубо человѣкъ церкы душевьная и богомь сътворена боудеть богоу. ти отець и сынъ и святыи Духъ живеть и ходить въ неи**» (Изборник 1076 г.). С помощью подобных метафор создается образ души как особого сокровенного пространства, центра религиозной жизни, являющегося обиталищем божественного начала.

Сопоставление души и культового строения продолжается и в литературе нового времени. Однако вместо лексемы *церковь* при метафоризации используется уже лексема *храм*. В древнерусском языке слово **храмъ** обозначало 'дом', современное значение – 'собор, церковь' – данная лексема приобретает позже. Именно храм становится основным образом, репрезентирующим душу как особое культовое строение в литературе XVIII–XX вв. Душеный храм по-прежнему является обиталищем Бога: ***Душа,*** *что с кротостью сияешь,* ***Ты храм, Христос в тебе живет*** (Ф.П. Ключарев. Воплощение Мессии). Однако чаще душа предстает как храм, в котором живет новое божество – любимая женщина: *Как дух отчаянья и зла, Мою ты душу обняла; О! для чего тебе нельзя Ее совсем взять у меня?* ***Моя душа твой вечный храм: Как божество, твой образ там****; Не от небес, лишь от него. Я жду спасенья своего* (М.Ю. Лермонтов. Как дух отчаянья и зла); *Без нежных женственных касаний* ***Душа – как бессвятынный храм****: О горничной, блондинке Сане, Мечтаю я по вечерам* (И. Северянин. Без нежных женственных касаний).

Особый сакральный характер душевного 'строения' передается также посредством метафоры «душа-святилище». Лексема *святилище* обозначает не только храм, но и священное место, посвященное божеству, нередко служившее местом убежища для преследуемых. Именно значение закрытости, прибежища от нескромных взглядов, реализуется с помощью данной метафоры. Показательно, что в большинстве контекстов, где упоминается святилище души, есть и упоминание о толпе, от нескромных взглядов и любопытства которых оберегается сокровенный мир души, ставший прибежищем для самых потаенных мыслей и чувств: *К чему и выносить на рынок всенародный Плод сокровенных дум, и настежь* ***растворять Святилище души очам толпы*** *холодной…* (А.Н. Майков. Моему издателю); ***Когда, святилище души Замкнув пред суетной толпою****, Поэт молчит – его покою Не верь: он бодрствует в тиши* (А.А. Голенищев-Кутузов. Когда, святилище души...).

Проникновение в это душевное святилище посторонних происходит всегда помимо воли человека и воспринимается как катастрофа, поругание, осквернение: ***Я умереть хочу, ревниво охраняя Святилище души от чуждых, дерзких глаз,*** *И ненавистно мне страданье напоказ, Как после оргии развратница нагая!* (С.Я. Надсон. Последнее письмо); *Толпа вошла, толпа вломилась* ***В святилище души*** *твоей, И ты невольно устыдилась И тайн и жертв, доступных ей* (Ф.Тютчев. Чему молилась ты с любовью...).

Метафора «душа – палаты» фиксируется в летописях и поэтических текстах XVII века (палата – богатое, красивое строение, принадлежащее социально значимому лицу): «**блговѣрныи и хсълюбивыи кнѧзь Аньдрѣи. ѡт млады верьсты оумъ яко полату красну дшю оукраси всеми добрыми нравы**» (Ипатьевская летопись), «**но и рабы мои быша сопостаты, разрушили души моеи полаты**» (И. Хворостинин. Изложение на еретики-злохульники). Сходная по типу метафора «души-дворца» отмечена и в современных текстах: *В* ***дворцах души*** *цветёт Вишневый сад* (К. Бальмонт. К.С. Станиславскому).

Метафора «душа-тюрьма» является, видимо, достаточно поздней, ранее были отмечена только метафора «душа-узница» в «теле-темнице»: *Я знаю все выходы и входы* ***В тюремной крепости души*** (М. Цветаева. Яда, друг невиданный...). Последним видом душевного строения являются метафоры «душа-гробница» и «душа-усыпальница». Эти ритуальные строения предстают как дом для погибших (ср. гроб называют новым домом умершего, домовиной): *Моя* ***душа*** *безмолвна, как* ***гробница****, В ней отзыва на их призывы нет* (К. Бальмонт. Зарница); ***душа моя****, печаль-*

ница О всех в кругу моем, ***Ты стала усыпальницей*** *Замученных живьем* (Б. Пастернак. Душа моя, печальница).

Таким образом, метафоры души как особого строения могут быть представлены четырьмя типами репрезентантов: 1) жилое строение (дом, здание, дворец, палаты); 2) культовое строение (церковь, храм, святилище); 3) строение для лишения свободы (темница, тюрьма); 4) строение для мёртвых (гробница, усыпальница).

2. Фрейм «Конструкция дома». Данный фрейм представляет душу как некое сооружение, в котором просматриваются его структурные элементы – порог, двери, окна. В древнерусских текстах у концепта *душа* отмечена только такая характеристика, как 'порог': ***«но выша ми зѣлныя врази и осквернили душевныя прази*** (=пороги)» (Кн. И. Хворостинин. Изложение на еретики-злохульники). В литературе нового времени появляется упоминание о 'дверях' и 'воротах' души: *Прохор вновь узнал эту* ***назойливую гостью****; она резко* ***постучала в дверь*** *его* ***души****, она замутила его сердце каким-то гнетущим предчувствием* (В.Я. Шишков. Угрюм-река). *Постом, молитвами, бессонным бденьем Я похоть чувств попрал и укротил,* ***Врата души раскрыл*** *святым виденьям* (Д.Л. Андреев. Голоса веков).

'Двери' души, как правило, закрыты от посторонних: *Над свежей могилой любови* ***Душа словно дверь на засове****. Чужой, не стучи щеколдой!* (Н. Клюев. Стихи к Яр-Кравченко). Подобные метафоры акцентируют внимание на границах душевного мира, а также на такой значимой характеристике души, как ее закрытость от постороннего взгляда.

3. ***Фрейм «Дом и его внутреннее устройство».*** Дом души может быть метафорически представлен как отдельные части строения – *клеть, комната, чулан, мансарда* и даже *санузел.* Подобные метафоры создают образ души как небольшого, домашнего компактного пространства. В древнерусских текстах душа сопоставляется с клетью, подобная тенденция сохраняется в анонимной религиозной поэзии: *Войди же* ***в клеть своей души,*** *Святое Имя призывая И звуку каждому внимая, Со Мною слиться поспеши* (Разговор Бога с человеком). Частью культового строения является и келья: ***В моей душе, как келья, душной*** *Все эти песни родились. Я их любил. И равнодушно Их отпустил. И понеслись* (А. Блок. Две надписи на сборнике «Седое утро»).

В литературе нового времени происходит расширение класса слов, обозначающих помещения, с которыми может быть сопоставлена душа: *...все обычное отошло,* ***душа словно пустая квартира*** *– все выбросила и ждет новых жильцов...* (С. Черный. Проза поэта); ***с душой такой же шумной, как мансарда****, где голуби, гитара и холсты* (Е. Евтушенко. Три минуты правды); *Кроме явных и просторных этажей, имелся в этом человеке какой-то* ***душевный подвальчик*** (Л. Леонов); ***Душа – совмещенный санузел, где прах и озноб душевой*** (А. Вознесенский. Песня Шута). Следует отметить, что метафоры, входящие в состав данного фрейма, достаточно немногочисленны и, как правило, являются индивидуально-авторскими.

4. Фрейм «Строительство и разрушение дома». Душевный дом возникает в процессе особых строительных работ, постепенно он может ветшать и разрушаться. 'Дом' душевный создается самим человеком правою верой и добрыми делами: «**яко правою вѣрою и добрыими дѣлы. зиждеть сѧ душьвный домъ. ти тако живеть въ нас богъ**» (Изборник 1076 г.). Либо в качестве строителя предстает Бог: «**да елма же оубо человѣкъ церкы душевьная и богомь сътворена**» (Изборник 1076 г.).

В современных текстах метафоры 'строительства' души присутствуют преимущественно в религиозных текстах, где подобным образом представлена духовная работа: *здесь речь идет не о том, как* ***духовник*** *ведет свою работу, а о том, как он строит или* ***разрушает чужие души*** (митрополит Антоний (Блум). Берегитесь, братья мои, священники!). В светском дискурсе подобные метафоры встречаются крайне редко: Да, ***любовь у юноши душу строит****, а у старика душу мутит* (Б.В. Шергин. У Архангельского города).

Разрушение душевного дома связывается с нарушением христианских и общечеловеческих норм, с душевной деградацией: *Обстановка вражды, недоверия друг другу, в которой мы живем, деструктивна, она разрушает страну,* ***разрушает людские души*** (Н. Панченко. Недоверие разрушает страну и душу).

5. Фрейм «Жильцы и гости дома». Данный фрейм представляет душу как обжитое пространство, в котором постоянно живут или периодически появляются некие существа и качества человека. В состав метафорических конструкций входят субстантивы *жилец, гость*, а также глаго-

лы *жить, гостить, обитать, поселяться* и их производными.

В древнерусских текстах в душу входят и обитают в ней категории интеллектуального и морально-нравственного порядка: премудрость, благодать, закон: «**нь якоже рече приточник: в злохытрую душу не вниде премудрость**» (Новгородская 1 летопись); «**тако духъ святый творить знамения, благодати си въ душахъ вселения**» (С. Медведев. Стихотворения)**;** «**егда убо той въ душу ся вселяетъ, три благодати действомъ исполняетъ**» (С. Медведев. Стихотворения).

Однако основным жильцом, обитающим в душе человека, является Бог в его трех ипостасях: «**правою вѣрою и добрыими дѣлы. зиждеть сѧ душьвный домъ. ти тако живеть въ нас богъ**» (Изборник 1076 г.); «**да елма же убо человѣкъ церкы душевьная и богомь сътворена боудеть богоу. ти отець и сынъ и святыи Духъ живеть и ходить въ неи**» (Изборник 1076 г.).

Подобная традиция сохраняется и в литературе нового времени: ***Душа,*** *что с кротостью сияешь,* ***Ты храм, Христос в тебе живет*** (Ф.П. Ключарев. Воплощение Мессии); ***назван ли бог человеком или нет, – он все равно непрерывно живет в душе человека*** (В. В. Вересаев. Аполлон и Дионис). Однако чаще в качестве божества, живущего в душе человека, начинает восприниматься любимый человек, его образ: *Как неразлучное навеки сновиденье,* ***Твой образ сладостный живет в душе моей*** (Эллис (Л.Л. Кобылинский). Задушевная мечта); ***Но образ милый Еще живет в душе моей****, И буду помнить до могилы Я кроткий свет ее очей…* (А.Н. Плещеев. Слова для музыки).

Кроме того, в качестве постоянных ‘жильцов’ души воспринимаются персонажи мифологии и религии: ангелы и бесы, черти: *Но коль* ***черти в душе гнездились*** *– значит,* ***ангелы жили в ней****.* (С. Есенин. Мне осталась одна забава…) *Эх-ма…* ***В душе моей гульливой Живет веселый бес – Разрушь.*** *Эй, бес души, гуляй, найди-ка, Найди-ка выход для проказ!* (И. Северянин. Посв. К.Ф. и И.Д.).

Характерной особенностью литературы XVIII–XX вв. является концептуализация в качестве жильцов, поселившихся в душе человека, разнообразных эмоций. Это могут быть такие эмоции, как уныние, горесть, тоска, печаль, страх и любовь: *Желчию облито было Всё для меня;* ***Скука, уныние, горесть жили в душе*** (Н.М. Карамзин. Выздоровление); *Скучны люди, жизнь узка,* ***И живет в душе усталой Беспокойная тоска*** (Н.П. Огарев. «Длинный день проходит вяло...»); ***Страх уже поселился в душе*** *и мешал смотреть на вещи очами разума* (Л. Юзефович. Дом свиданий); ***А тайный ужас, немой, молчаливый вой, не проходил, жил в душе*** (В. Гроссман. Жизнь и судьба); ***И любовь эта жила в душе****, но как бы не имела никакого отношения к… Полин* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт). Как видно из приведенных примеров, с течением времени расширяется круг субъектов, осмысляемых как ‘жильцы’, населяющие душу. От того, кто ‘обитает’ в душе человека, зависит его самочувствие и мироощущение.

В результате исследования было установлено, что концептуальные метафоры, имеющие своим источником понятийную сферу «дом», являются одними из наиболее древних, активно развиваются и продолжают активно функционировать в рамках концептосферы «внутренний мир человека», при этом происходит вовлечение новых языковых единиц в процесс метафоризации.

Также отмечено, что с течением времени меняется ситуация использования данных метафор: в Древней Руси метафоры, уподобляющие душу дому, использовались исключительно для описания духовной жизни, представляя душу как область обитания божественного в человеке. Начиная с XVIII века подобные метафоры представляют душу как пространство личной жизни, самых сокровенных переживаний, мыслей и чувств. Таким образом, изучение метафоры в диахронии позволяет установить, как одна и та же метафорическая модель функционирует в разные эпохи, как меняется ее смысловой и оценочный потенциал.

Библиографический список

1. *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX вв. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 217 с.

2. *Козинец. С.Б.* Словообразовательная метафора в истории русского языка // Известия Саратовского университета. –2009. – Т. 9. Сер. Социология. Политология. – Вып. 2. – С. 39–45.

3. *Лассан Э.* О соотношении концепта «дом» с другими концептами в текстах русской культуры // Текст: Узоры ковра. – Ставрополь, 1999. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 103–105.

4. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

УДК 81

Кучмезова Людмила Олеговна
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
Cusmezova.liuda@yandex.ru

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В настоящей статье предпринята попытка анализа вставных конструкций по четырем аспектам: «функциональной активности», структуре, «частеречной принадлежности» и семантике. Основной целью данного исследования является описание и объяснение того, как проявляется пол в языке, какие оценки приписываются в языке мужчине и женщине и в каких семантических областях они наиболее распространены.

Ключевые слова: *вставная конструкция, аспект, гендерная лингвистика, семантика, структура.*

Гендерная лингвистика – сравнительно молодая и стремительно развивающаяся область науки. Это связано с тем, что субъективный фактор все больше и больше становится центром современных лингвистических исследований. Лингвистов интересует не только проявление авторского в тексте, но и способы, и мотивы отбора языковых средств мужчинами и женщинами. Поэтому в современных лингвистических исследованиях все чаще применяется гендерный подход, согласно которому важны не биологические и физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям.

Следует особо подчеркнуть, что объектом исследования в гендерологии становится взаимоотношение языка и пола, то есть вопрос о том, каким именно образом пол манифестируется в языке – номинативная система, лексика, синтаксис, категория рода и прочее. Основной целью таких исследований является описание и объяснение того, как проявляется пол в языке, какие оценки приписываются в языке мужчине и женщине и в каких семантических областях они наиболее распространены.

Наше внимание привлекла современная актуализирующая проза, в которой мы попытались выявить особенности мужского и женского письма на примере использования вставных конструкций (ВК). ВК мало изучены в современной научной литературе, а в гендерном аспекте они практически не рассматривались. В настоящей статье предпринята попытка анализа ВК по функциональной активности, структуре, «частеречной принадлежности» и семантике.

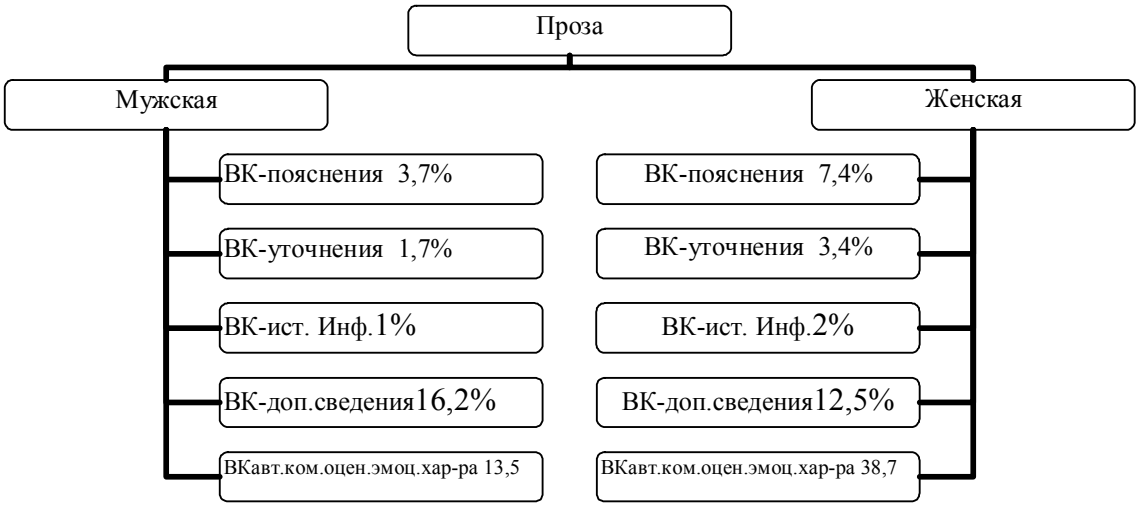


Рис. 1. Функциональная активность ВК

© Кучмезова Л.О., 2011

Исследование специфики мужской и женской речи проводилось на материале следующих произведений: Б. Акунин («Шпионский роман», «Азазель»), В. Пелевин («Жизнь насекомых»), С.Довлатов («Чемодан», «Наши»), Н. Толстая и Т. Толстая («Двое»), В. Токарева («Можно и нельзя») и др.

Использование ВК в современной прозе объясняется прежде всего потребностью автора в самовыражении и диалогизации, так как с помощью языковых единиц данного типа можно экономным образом сделать текст диалогичным. В данном случае имеется в виду диалог между автором и читателем, в связи с чем мы получаем двух- или даже трехмерный текст, изобилующий употреблением ВК. Цели, преследуемые автором при использовании ВК, различны. Во-первых, ВК позволяет уточнить или пояснить определенный фрагмент текста. Во-вторых, с помощью ВК автор может выразить свое отношение к изложенному контексту. В-третьих, ВК может содержать «чужеродную» информацию, не связанную с основным текстом, что встречается крайне редко. Таким образом, в современной прозе ВК могут выполнять пять основных функций: пояснять, уточнять, указывать на источник информации, передавать дополнительные сведения, выражать авторские комментарии оценочного и эмоционального характера, – процентное соотношение которых наглядно отражено в схематической диаграмме (рис. 1).

В результате статистического подсчета выяснилось, что в мужской прозе доминирующее положение занимают ВК, передающие дополнительные сведения. Например:

– Да что за фамилия такая! – воскликнул граф, свирепея. – Фандорин! Из греков, что ли? Фандораки, Фандоропуло!

– Почему из греков? – обиделся Эраст Петрович, в памяти которого еще были живы издевательства шалопаев-одноклассников над его фамилией ***(гимназическая кличка Эраста Петровича была «Фундук»)***. (Б. Акунин. Азазель).

В данном примере ВК дополняет содержание основного предложения, но элементы экспрессии в ней отсутствуют. ВК в данном случае является средством текстовой когезии, отсылая читателя к верхнему контексту.

В женской же прозе доминируют ВК, выражающие авторские комментарии оценочного и эмоционального характера. Например:

В программе пребывания, рассчитанной на три дня, была страничка «Где заняться спортом».

1) Спортивный клуб армии ***(Сейчас, так вас туда и пустили)***.

2) Ассоциация керлинга ***(Первый раз слышу. Нет времени выяснять. По тому же телефону указаны шейпинг и бодибилдинг, поэтому менять ничего не будем. Наверное, американцу без керлинга дня не прожить)***.

3) Секция спортивного ориентирования «Азимут» ***(Ну, это еще куда ни шло. По край-***

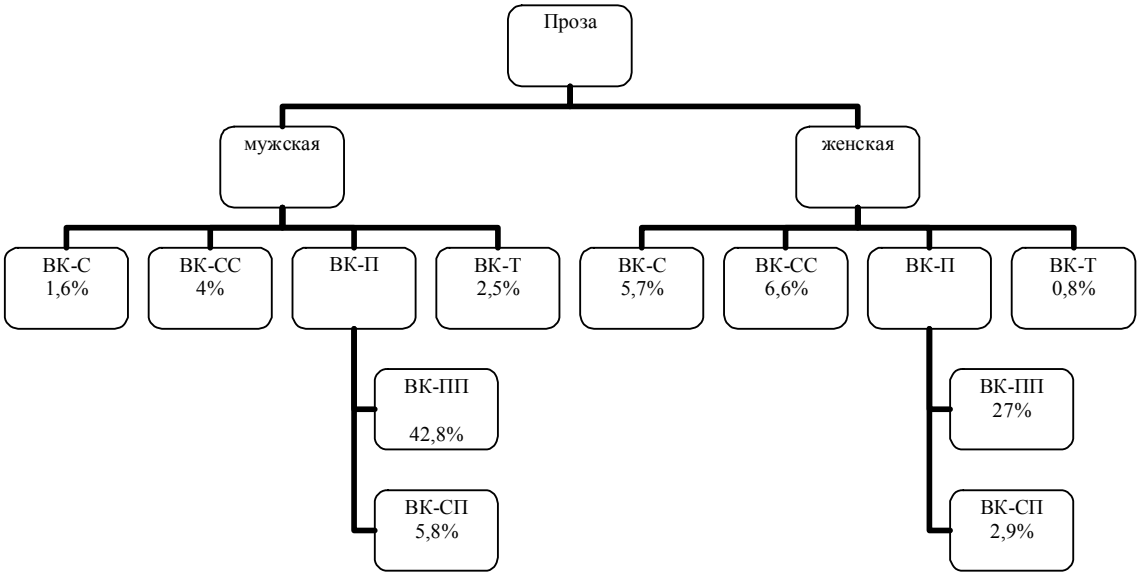


Рис. 2. Структурные типы ВК

ней мере турист не заблудится в Летнем саду и выберется по компасу из Уткиной заводи). (Н. Толстая. Двое).

В данном случае ВК разрывают структуру предложения, выражая эмоции автора. Экспрессивность достигается посредством междометий, инверсии, парцелляции.

Полученные результаты показывают, что женщины более эмоциональны и несдержанны. Поэтому их основной целью, достигаемой при помощи употребления ВК, является персуазивность текста. Но данный факт не означает, что мужчины неэмоциональны. Можно говорить о существовании «мужских» и «женских» [1, с. 196] эмоций, то есть эмоций, более значимых для определенного пола: для мужчин это, в первую очередь, гнев, а для женщин – печаль и страх. Но, тем не менее, мужчины довольно редко используют ВК для выражения своих эмоций. Они применяют ВК для того, чтобы внести в текст дополнительные сведения, уточнить или пояснить какой-то фрагмент текста.

Сказанное выше позволяет нам перейти к изучению структурных типов ВК. По структуре ВК можно расчленить на четыре типа: ВК-слово, ВК-словосочетание, ВК-предложение, ВК-текст. Проиллюстрируем это схематически (рис. 2).

Представленная схематическая диаграмма показывает, что и в мужской, и в женской прозе доминирующее положение занимают ВК, равные по своей структуре простому предложению. Однако если сравнивать использование ВК в соотношении мужская / женская проза, то мы можем заметить, что в мужской прозе доминируют ВК, являющиеся по структуре предложением или текстом. Например:

– Это не ряса. Это заграничная куртка. И кстати, подарок Леже.

(Куртка и вправду досталась мне от Фернана Леже. Но эта история – впереди.)

– Что такое «леже»? – поморщился редактор. (С. Довлатов. Чемодан)

В данном примере ВК можно считать микротекстом, т.к. она не только содержит в своем составе два предложения, но и отсылает к нижнему контексту, выполняя катафорическую функцию. ВК заинтриговывает читателя, поддерживая в нем интерес к произведению.

Что касается женской прозы, то здесь доминируют ВК, равные по своей структуре слову или словосочетанию. Например:

*На другом экзамене надо по-английски рассказать одну из трех тем: «Моя комната», «Моя семья» или «Мой день»: «Я встаю в восемь часов, делаю **(не делаю)** зарядку и принимаю душ. Потом пью чай **(кофе)**. Вечером ко мне приходят друзья, и мы слушаем радио **(смотрим телевизор)**...»* (Н. Толстая. Двое)

Данные ВК, являясь по структуре словом и словосочетанием, придают предложению иронический оттенок.

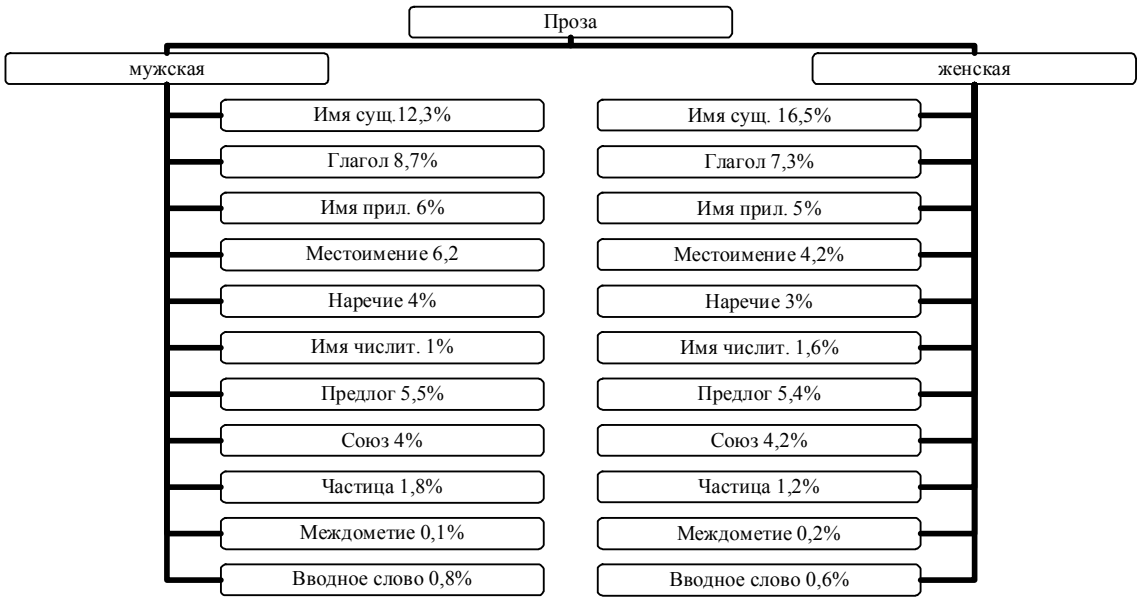


Рис. 3. Частеречная принадлежность слов

Следует заметить, что доминирование ВК, являющихся по структуре предложением, вполне закономерно, так как именно ВК данного структурного типа позволяют вносить в текст дополнительные сведения (в мужской прозе) или выражать авторские комментарии оценочного и эмоционального характера (в женской прозе).

Описанные выше функциональные и структурные особенности ВК обнаруживают необходимость проведения частеречной классификации последних с учетом не только самостоятельных частей речи, но и служебных. Данные, полученные в результате статистического подсчета, отображены в диаграмме (рис. 3).

В результате исследования мы выявили, что в мужской прозе (по сравнению с женской) чаще используются глаголы, прилагательные, местоимения, наречия, предлоги, частицы и вводные слова, а в женской прозе – существительные, числительные, союзы и междометия. Частота употребления глаголов подтверждает тот факт, что мужчины с точки зрения гендера сопоставляются с активностью, силой и действием, а частота употребления существительных в женской прозе подтверждает тот факт, что женщина сопоставляется с пассивностью и слабостью.

Следует также обратиться и к семантическому аспекту сравнения ВК, позволяющему выявить смысловые оттенки, вносимые в предложение.

Следует особо подчеркнуть, что в литературных произведениях ВК используются для создания в смысловых блоках текста своеобразных «ситуаций контраста», таких как:

1. Совмещение и повествование о чем-либо, и отношения к этому самого автора.

Например: *Он безобразничает оттого, что в бога верует* ***(так и вижу, как вы нахмурили свой лоб на этом месте – ну хорошо, пускай будет «в Бога»)****, и обижается: как же это Ты на меня, шалуна, своего отеческого взора не обращаешь, не пожуришь, ножкой не притопнешь.* (Б. Акунин. Пелагия и черный монах)

Здесь ВК представляет собой рассуждение автора. Показателем персонализации является элемент автокомментирования *так и вижу*. Пример показывает, что «авторское слово используется не только как способ повествования, но и как способ оценки» [3, с. 82] показываемых явлений, поведения и мыслей героев.

2. Характеристика персонажа с «внутренней» и «внешней» точек зрения.

Например: *При слове «беда» Митрофаний удовлетворенно кивнул, как если б и не ожидал ничего иного от этого безмерно длинного, никак не желающего закончиться дня. Поманил пальцем ободранного, запыленного вестника* ***(по манере, да и из самого крика уже ясно было, что примчавшийся невесть откуда монах именно что вестник, причем из недобрых)****: а ну, поднимись-ка.* (Б. Акунин. Пелагия и черный монах)

Использование ВК позволяет соединить характеристики героя «изнутри» (показателем чего является элемент высказывания *причем из недобрых*) и «извне» (показателем чего является элемент *ободранный, запыленный вестник*). Персонаж, таким образом, показывается с «внутренней» и «внешней» точек зрения.

3. «Сведение воедино» в одном смысловом блоке разных событийно-временных линий повествования.

Например: *Специально надев очки* ***(которые после превращения заволжской монашки в московскую дворянку передислоцировались с носа паломницы в перламутровый футляр)****, Лисицына даже заглянула в топку, где страшно вспыхивали и стреляли раскаленные угли.* (Б. Акунин. Пелагия и черный монах)

В основном контексте этого отрывка и во вставной конструкции говорится о событиях, происходивших в разное художественное время.

4. Соединение в отрезке текста и того, что казалось героям, и того, что было «на самом деле».

Например: *То-то, поди, слез и крови пролил, собирая этакое сокровище.* ***(Заметим кстати, что на те самые деньги и на том самом месте возведен великолепный монумент, до полусмерти напугавший брата Антипу.)*** (Б. Акунин. Пелагия и черный монах)

Таким образом, ВК функционируют не только в пределах какого-то отдельного предложения, но и в более широком контексте, иногда в законченном тексте в целом.

Изучение специальной литературы позволило рассмотреть высказывание с ВК в плане семантической организации, что обусловило разграничение ВК на пять семантических типов, характерных как для мужской, так и для женской прозы:

1) ВК, выражающие объективное.

Например: *Легкое, приятное занятие – сиди да переписывай. Но бессовестные мемуаристы все время подводят: вечно они напишут что-нибудь двусмысленное!*

С. Дымшиц: «К этому времени ***(лето 1913 года. – Т.Т.)*** *дочка наша уже «стала на ноги», начала бойко разговаривать».*

В. Петелин ***(о том же)****: «Сколько хлопот и радости уже тогда доставляла начавшая ходить дочурка».* (Т. Толстая. Двое)

По мнению Н.П. Перфильевой, этот семантический признак «обычно считают дифференциальным признаком вставок» [2, с. 39], отличающим их от вводных элементов, которые несут информацию о субъективном.

2) ВК, передающие более сложную информацию.

Например: *Она изображала толпу.* ***(Какой же гений без толпы, без черни?!)*** *Она умышленно задавала наивные вопросы. Как бы делала выкрики из переполненного зала.* (С. Довлатов. Наши)

Ср.: *«...Вспомнил ...добрые лица матери и Бострома...» Какого Бострома? – недоумевает читатель.* ***(Поясню: Алексей Аполлонович Бостром – отчим Толстого. Кто догадался?)*** (Т. Толстая. Двое)

В данных примерах вставка построена как риторический вопрос, вводя который автор ставит цель – не получить, а сообщить информацию и выразить свое субъективное отношение к ней.

3) ВК, содержащие второстепенную информацию и с позиции адресанта, и с позиции адресата. Так, обычно вставки интерпретируют как попутные, дополнительные замечания или маловажные сведения.

Например: *Повернув голову, он увидел склонившегося над ним Диму. Вокруг была площадка на вершине горы, над которой поднималась мачта с двумя красными фонарями* ***(сейчас они уже не горели)****, рядом стояли две складные табуретки, а сам он лежал под кустом.* (В. Пелевин. Жизнь насекомых)

4) ВК, отражающие спонтанную, неподготовленную речь или какие-то ассоциации автора.

Например: *При прежнем режиме, доперестроечном, рассказывая о поездке за границу* ***(факте, по тем временам, из ряда вон)****, советский человек пользовался лишь одним глаголом из неисчерпаемых запасов русского языка – довелось.* (Н. Толстая. Двое)

ВК, содержащие умозаключения (сентенции) обобщающего характера, – довольно частотное явление в современной прозе, и цель автора – познакомить адресата со своими размышлениями по данному поводу.

5) ВК, вводимые с целью успешного коммуникативного акта. Например: *Отец был поставщиком каламбуров и шуток. Мать обладала чувством юмора.* ***(Дистанция – как между булочником и голодающим.)*** *Такие разные люди сосуществовать не могут, это ясно.* (С. Довлатов. Наши)

Данную ВК можно интерпретировать как попутное замечание, которое для адресата может быть или избыточным, или необходимым. Более того, адресат использует ее как определенный композиционный прием, с целью лучше представить данное содержание.

Подводя итог данной части наших рассуждений, можно сказать следующее: выбор синтаксической структуры определяется вкусом языковой личности или структурной сложностью формального окружения вставки. Введение ВК позволяет сделать текст объемным, многомерным. По степени важности информации, заключенной во вставке, она может быть как незначительной, так и первостепенной важности, а значит, как обязательной, так и необязательной с позиции адресанта и с позиции адресата.

Резюмируя сказанное выше, можно заметить, что мужчины и женщины говорят о своих проблемах по-разному: мужчины имеют тенденцию к использованию описаний обстоятельств, тогда как женщины больше говорят о личном аспекте. Стать мужчиной или женщиной в нашем обществе означает, среди всего прочего, научиться пользоваться языком, соответствующим полу говорящего.

Библиографический список

1. *Бендас Т.В.* Гендерная психология: Учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2009. – 431 с.

2. *Перфильева Н.П.* Семантико-прагматический потенциал вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. – Новосибирск, 1994. – С. 36–46.

3. *Шаймиев В.А.* Роль вставных конструкций в реализации текстовых категорий // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. – Л., 1988. – С. 117–126.

УДК 811.161.1'06

Наградова Любовь Сергеевна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
Nastavnik_Kim@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ» В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье рассматривается один из базовых концептов русской культуры – концепт «Воля» – с точки зрения особенностей его репрезентации посредством фразеологических единиц в пьесах русского драматурга А.Н. Островского.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, концепт, базовые концепты русской культуры.*

Концепт «Воля», относящийся к базовым концептам русской культуры, так называемым константам [4], ярко репрезентирован в пьесах А.Н. Островского посредством фразеологических единиц (далее – ФЕ) в речи различных персонажей. Контекстуально-семантический анализ, исследование парадигматических связей ФЕ позволили выявить способы концептуализации воли, определить признаки художественного концепта «Воля», представляющего в пьесах драматурга ментальную единицу, объединяющую в себе черты как национального, так и индивидуального мировоззрения. Анализу подвергались ФЕ и словосочетания, включающие лексему *воля*, а также фразеонаборы в составе фразеологических конфигураций, способствующие реализации концептуального содержания в тексте пьес. В ходе исследования были отмечены употребления ФЕ, актуализирующих семы, выявляемые при сопоставлении различных значений слова *воля* в словарях: ‘способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели’, ‘сознательное стремление к осуществлению чего-либо’, ‘пожелание’, ‘требование’, ‘власть’, ‘возможность распоряжаться’, ‘утверждение своей точки зрения в противоположность другой’ [1], ‘неожиданность и неоправданность’ [3], ‘наказание’, ‘взыскание за неподчинение’ [5].

Следующие базовые признаки воли раскрывают общие для различных персонажей представления о ней: 1. Воля представляет собой, прежде всего, состояние свободы, играющее если не определяющую, то, несомненно, значительную роль в жизни различных персонажей. Значимость воли для персонажей подтверждает, прежде всего, высокая частотность употребления ФЕ, объективирующих концепт «Воля», его ведущие признаки. Потребность в воле с особой яркостью проявляется в речи персонажей, принадлежащих к простому сословию. В то же время помещики и купцы, имеющие власть над своими домочадцами и другими окружающими их людьми, испытывают потребность в том, чтобы их воля была исполнена, в чем раскрывается их властолюбие, стремление подавлять. 2. Воля в речи персонажей пьес А.Н. Островского классифицируется по признаку своя (собственная) – не своя (чужая, в контексте пьес часто в обращении *ваша воля* и т.п.). На базе данного признака обнаруживается смысловая оппозиция «субъект воли – объект воли», реализующая себя в рамках фразеологических конфигураций. Это, в свою очередь, способствует выявлению двух противопоставленных типов персонажей, один из которых характеризуется стремлением обрести волю (свободу), другой – стремлением подавить чью-либо волю (манифестация своеволия, своевластия). 3. Представление персонажей о воле как не своей / чужой сопровождается состоянием душевного дискомфорта, тоски, страха, тревоги или же неуверенности в своих силах, способностях, желаниях, вызывает ощущение неволи, несчастья. Обретение воли приносит чувство радости, счастья. 4. Воля как состояние свободы может носить кратковременный характер. 5. Состояния, сопровождающие ощущение неволи, «не своей воли», служат мотивацией для зарождения чувства протеста, которое персонаж, долго проявляя терпение, в конце концов выражает открыто, непосредственно – вербализует и / или манифестирует поступками. Невыраженный открыто протест может скрываться за видимой покорностью, послушанием, повиновением (яркий пример – Гриша, персонаж пьесы «Воспитанница»). 6. Очевидная покорность «чужой» воле и протест (стремление к свободе) образуют противопоставленные типы поведения персонажей – «пассивный» и «активный». 7. В пьесах А.Н. Островского выбор способов и средств концептуализации воли тесно свя-

 © Наградова Л.С., 2011

зан с социальной принадлежностью персонажей. Этот факт также нашел отражение в выявленных признаках воли. Так, помещичья воля (власть) характеризуется объемом и протяженностью, способностью распространяться (см. употребление ФЕ в речи Нади, Гриши, Василисы Перегриновны *Ваша воля во* всем [3, д. 2, явл. 2]; *На всех свою заботливость простирают* [3, д. 1, явл. 2]). В представлениях простонародного, купеческого сословий обнаруживается тесная взаимосвязь воли и ума, проявляющаяся в том, что человек, неспособный разумно мыслить, не может вести самостоятельную, сознательную жизнь – *жить своей волей*. Воля в представлении персонажей из простого народа, испытывающих притеснение, противопоставляется неволе, которая вызывает длительное состояние тоски, печали.

Благодаря употреблению ФЕ в составе фразеологических конфигураций, включающих обороты, уточняющие, распространяющие смысловое содержание ФЕ с компонентом *воля*, А.Н. Островский передает индивидуальное представление персонажей о воле, способах ее достижения. Частные признаки воли выявляются в результате интерпретации смыслового содержания ФЕ в составе различных конфигураций: 1. Воля, как покорность желаниям, стремлениям другого человека, обусловлена ощущением своей беззащитности перед ним. Например, в следующем употреблении: [Надя:] (помещице Уланбековой) *Ваша воля во* всем [3, д. 2, явл. 2]. 2. Воля, как абсолютное послушание, симулируется с целью временного избежания чьего-либо недовольства, гнева: см. контекстуальное употребление оборота *На все ваша воля-с* в речи Гриши в сочетании с авторской ремаркой *смотрит в потолок и хлопает глазами* [3, д. 4, явл.3]. 3. Воля является результатом нарушения принципов морали замужней женщиной, утраты ею разумности, здравомыслия: [Курицын:] *Воля и добрую жену портит* [5, д. 2, сц. 1, я. 2]. 4. Воля, как полученная свобода от каких-либо тягостных обязанностей, наполняет душу радостью, ощущением праздника: [Анна Ивановна:] теперь *наша воля... Гуляй – не хочу!* [2, д. 1, явл. 9]. 5. Воля, как личная свобода, ограничивается самим персонажем в соответствии с его морально-ценностными установками при внутреннем желании преодолеть установленные запреты: [Любовь Гордеевна:] *Из воли родительской мне выходить не должно* [2, д. 3, явл. 6]. 6. От воли, как возможности отстаивать свою позицию, свое мнение, персонаж может отказываться ввиду отсутствия желания, недостатка самостоятельности, уверенности, мужественности, внутренней моральной силы. При этом неотъемлемым атрибутом воли является ум. Стремление руководствоваться своим умом – это способ обретения воли: [4, д. 1, явл. 5] [Кабанова:] такие дурацкие *мысли в голове держишь* <...> а ты еще хочешь *своей волей жить* <...> [Кабанов:] я, маменька, и не хочу *своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!* [4, д. 1, явл. 5]. 7. Воля, как возможность принять решение, может быть недоступна матери в силу патриархальности взглядов и моральных установок, ее убежденности в своей бесправности, отсутствия силы духа, безволия, следствием чего становится причинение ненамеренного вреда, ограничение личной свободы дочери, обречение ее на тяжелую, безрадостную жизнь: [Пелагея Егоровна:] *не моя*, Митя, *воля*; *кабы моя воля была*, нешто б я отдала! [2, д. 3, явл. 5]. 8. Вольный человек (воля в данном случае понимается как свойство / качество, присущее человеку) – человек, не испытывающий притеснений, «обладающий» своей волей – «вольный казак», «вольная птица». При этом «вольный казак» обладает возможностью действовать самостоятельно, жить своей жизнью, самому управлять своей судьбой, имея возможность выбора: [Катерина:] Да, тебе хорошо, ты *вольный казак*, а я! [4, д. 3, сц. 2, явл. 3]. «Вольная птица» ассоциируется с человеком, для которого свобода подразумевает, прежде всего, территориальную свободу, свободу передвижения, возможность находиться в различных местах: ср. фразеологизм *свободен, как птица в полете* и употребление ФЕ в контексте: [Борис:] Что обо мне-то толковать! Я *вольная птица*. Ты-то как? Что свекровь-то? [Катерина:] Мучает меня, запирает. [4, д. 5, явл. 3]. 9. Воля – это и относительная свобода в действиях, поступках, принимаемая в силу необходимости выполнения чьих-либо условий, договоренности, соблюдение которой имеет значение для человека, принявшего на себя обязательства: [Борис:] *Не по своей* я *воле* еду. [4, д. 5, явл. 3]. 10. Воля, обретенная через посредство другого человека, способна зародить в душе расположение, симпатию к этому человеку, и, наоборот, отнятая воля провоцирует антипатию, вызывает чувство злобы, протеста: [Краснова:] Еще *дай* он мне *волю*, так я бы хоть какое-нибудь чувство к нему имела; а теперь назло буду все *напротив делать* [3, 1].

Исследование особенностей фразеологической репрезентации концепта «Воля» в пьесах А.Н. Островского посредством установления частных и базовых признаков концепта выявляет концептообразующий потенциал фразеологии, раскрывает роль ФЕ в создании идиостиля драматурга с точки зрения их концептообразующей функции.

Библиографический список

1. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.

2. *Островский А.Н.* Бедность не порок // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1959. – 424 с.

3. *Островский А.Н.* Воспитанница // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1959. – 456 с.

4. *Островский А.Н.* Гроза // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1959. – 456 с.

5. *Островский А.Н.* Грех да беда на кого не живет // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1959. – 448 с.

6. *Островский А.Н.* Свои люди – сочтёмся // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1959. – 424 с.

7. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 60000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд. испр. и доп.– М.: Астрель, 2007. – 926 с.

8. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – 824 с.

9. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 544 с.

УДК 81-25

Мамаева Светлана Викторовна
Лесосибирский педагогический институт
mamaev@krasmail.ru
Шмульская Лариса Степановна
Лесосибирский педагогический институт
lara_sh1973@rambler.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена анализу морфологических особенностей устной спонтанной речи школьников-подростков. Отмечается, что использование некоторых грамматических категорий отражает возрастные черты их дискурсивной деятельности.

Ключевые слова: *антропоцентризм, языковая личность, речевой портрет школьников, устный дискурс, грамматические категории, норма.*

Антропоцентрический характер современной лингвистики обусловил интерес к человеку, который одновременно является и объектом (воспринимающим чужие нормы и установки), и субъектом (создающим прецеденты, влияющие на изменение норм) современного языкового процесса.

Выбор возрастной группы (10–13 лет) для анализа дискурсивной деятельности обусловлен тем, что «лексикон подростков открыт для влияний со стороны всех имеющихся в национальном языке форм речи, как литературных, так и нелитературных. Их речь содержит большое количество собственно подростковых слов; <…> речевые привычки подростков специфичны и недостаточно изучены в лингвистической литературе» [2, с. 131–137].

Подчеркнем, что нас интересовала именно устная спонтанная речь, так как «исследование устных неподготовленных речевых произведений позволяет выявить особенности дискурсивной деятельности (и шире – дискурсивного поведения) языковой личности» [9, с. 105]. Под дискурсом мы рассматриваем «сложное коммуникативное явление, для понимания которого необходимо привлечение экстралингвистических факторов» [см.: 8, с. 123–131]. В нашем исследовании структура устного спонтанного дискурса рассматривается как отражение своеобразия фор-

 © Мамаева С.В., Шмульская Л.С., 2011

мирующейся языковой личности школьников-подростков.

Морфология относится к числу более устойчивых подсистем русского языка, чем, например, лексика и фонетика. По данным А.Н. Гвоздева и Л.П. Федоренко, дети сначала усваивают имена существительные и глаголы, затем их речь постепенно обогащается наречиями, местоимениями и прилагательными [1; 11]. «Соотношение частей речи – следствие потребности выражения мысли» [6, с. 226]. Несомненно, что данное соотношение определяется уровнем речевого опыта и теми потребностями, которые вызывает ситуация общения.

Конечно, к младшему подростковому возрасту школьники овладели всеми известными частями речи. Но анализ показал предпочтение одних частей речи в устном дискурсе и малочастотное использование других.

При анализе имен существительных, используемых школьниками в устной спонтанной речи, особое внимание мы обратили на категорию падежа, которая является одной из основных в системе грамматических категорий существительного. В литературе отмечалось (см. работы О.Б. Сиротининой, Е.А. Земской, О.А. Лаптевой), что устная речь характеризуется специфическим количественным распределением падежных форм. Наши наблюдения подтверждают предпочтение в устном дискурсе школьников-подростков именительного падежа (22,4%), винительного (17,3%) и предложного (27,2%): *(1) Мой **друг** хочет быть похожим **на Арнольда Шварценеггера**//. (2) **Мама** любит смотреть **телевизор**/ читать **журнал**//. (3) **Дружба**.../ это когда один **человек**/ доверяет другому/ не оставит/ выслушает твою **беду**//. (4) Я не люблю читать/ но не так давно мне давали **книгу**/ «Руки вверх Синяя Борода»/ и я ее прочитала//. (5) Никогда не скажу родителям **секреты** **о себе/ о друзьях**/ а друзьям **о прошлом / о тайнах** родителей//.*

Подавляющее большинство случаев употребления именительного падежа укладывается в ту систему значений, которая предложена «Русской грамматикой» и характеризуется не специфическими функциями падежа, а преобладанием субъективного значения и называющей функцией (примеры 1, 2). В использовании винительного падежа характерны определительно-обстоятельственные значения (примеры 1, 4). Предложный падеж чаще выступает как присубстантивный со значением объекта (пример 5).

Неверное употребление предложно-падежных форм ведет к ошибкам в согласовании и управлении:

*(1) **На выходных днях**/ когда я встаю/ то смотрю телевизор//. (2) Я бы хотела познакомиться с человеком/ который умеет **разбираться в одеждах**//. (3) Он все время **указывает о том**/ чего не было//. (4) **Разъяснение об этой проблеме** нам рассказывали на уроках ОБЖ//.*

Некодифицированность речи школьников имеет место и при склонении существительных: изменяются несклоняемые существительные: *(1) У меня старшая сестра училась в музыкальной школе/ а когда подружки ко мне приходят/ мы играем **на пианине**//. (2) О проблемах окружающей среды...?/ да.../ точно/ нам в школе **по** школьному **радиу** передавали//. (3) Я люблю ездить к бабушке/ она стряпает булочки/ и разрешает нам их **с кофем** есть//. (4) Нет/ я не люблю ходить в наш дом культуры/ там даже раздевалка не работает/ все так **в польтах** и сидят//.*

Причины повышенной активности дейктических слов (местоимений) заключаются в таких их свойствах, как «ситуативность, эгоцентризм, субъективность, мгновенность и эфемерность» [9, с. 6]. Местоимения, будучи предельно ситуативными, указывая на совершенно определенный предмет действительности, являются важнейшим средством конкретизации речи, связи ее с той наглядной обстановкой, в которой протекает речевой акт. И это очень хорошо согласуется с эмпирическим типом познания, характерным для школьников-подростков в сфере повседневной жизни [7, с. 39–43]: *(1) **Мы** дружим с Леркой/ дружим два года/ а **она** еще ни разу не предала **меня**//. (2) **Я** не буду дружить с предателем/ **который** врет все время/ **который** ничего не хочет делать для дружбы/ **который** никаких хороших поступков не хочет делать для дружбы/ **который** сбегает/ **который** оставляет друга в беде//. (3) **Я** по-разному говорю с взрослыми и друзьями/ ну... **я** со взрослыми говорю с уважением/ но секреты и плохие слова **им** не скажу/ **я** бы и друзьям тоже не стала рассказывать **свои** секреты/ наверное//.*

Причем используются местоимения разных видов, в том числе с повторами. Предпочтительными являются личные, так как они в наибольшей степени позволяют выразить свое отношение к предмету разговора, показать субъектив-

ность описываемых событий, явлений. «Местоимения чрезвычайно упрощают речь и в том смысле заменяют “полнозначные” слова, что избавляют нас от необходимости постоянно пользоваться ими» [3, с. 25]: *(1)* ***Я*** *очень люблю путешествовать/* ***я*** *была в Азербайджане/ и в Москве/* ***мы там*** *были на Каспийском море/* ***мы*** *приехали поздно/ уже осень была//. (2)* ***Я*** *люблю гулять/* ***мне*** *очень нравиться/ потому что* ***ты*** *как бы гуляешь/ дышишь свежим воздухом/* ***ты*** *общаешься с людьми/ ну* ***то*** *сё…// (3) М-м-м…/* ***который*** *не то что одевается модно/ а у* ***которого****…/ как бы модное сердце/ у* ***которого****…/ хоть* ***какой*** *человек будет/* ***он*** *все равно будет с* ***тобой*** *дружить//. (4)* ***Мы*** *это…/ туда сюда…/ там нет* ***никого*** *// (5) Настоящая дружба/ это когда человек хочет с* ***тобой*** *дружить/* ***он*** *ходит с* ***тобой*** */ то сё/ мо сё//.*

К тому же общая закономерность русского языка заключается в том, что если говорящий говорит о себе, то он никогда не использует существительные. «Местоимение Я не имеет заместительной функции; в речи говорящего о себе оно стоит не вместо имени собственного, а само за себя» [4, с. 143].

Несомненно, в возрастании количества местоимений в речи школьников большая роль принадлежит и тому стилистическому внеязыковому фактору, который называется «прямым контактом между говорящим и слушающим» [10, с. 6]. К тому же местоимения обладают способностью заменять слова, способствуя экономному выражению мысли и избеганию повторов.

Глагол в сравнении с другими частями речи обладает наиболее развитой системой категорий и форм. Видимо, этот факт является еще одной причиной частотности употребления глагола в речи школьников. Чаще всего употребляются глаголы в настоящем и прошедшем времени, инфинитив (соответственно 24% и 17%, 15% от общего числа глагольных форм). Большей частотностью обладают глаголы несовершенного вида (72% по отношению к глаголам совершенного вида), что во многом объясняется тесной связью с категорией времени: глагол-сказуемое, как правило, имеет форму настоящего времени, свойственную только глаголам несовершенного вида: *(1) Я* ***считаю*** */ настоящая дружба/ как* ***помогать*** *друзьям/* ***не бросать*** *их/* ***не обманывать****…/ и наконец/* ***доверять*** *//. (2) О будущей профессии я еще* ***не думаю*** */ но хочу туда/ где много* ***получают****…/ чтобы* ***жить*** *в Париже или Лондоне//. (3) В свободное время я* ***убираюсь*** *дома/* ***отдыхаю/ делаю*** *уроки/ но больше* ***люблю*** *ничего* ***не делать/ отдыхать*** *//.*

Интересен пример 1: в данном случае глагол *считаю* формально совпадает с настоящим временем, по значению же представляет собой вводно-модальное слово, основная функции которого выражение субъективной модальности и активизация внимания собеседника.

Прошедшее время используется в речевой ситуации «воспоминания», что является типичным для данного жанра: *(1) У меня* ***был*** *как-то раз случай с котом/ мы с ним* ***играли/ играли/*** *он там* ***бегал/*** *я* ***взял*** *мышку и* ***привязал*** *к концу/ и с ней* ***бегал*** *как с фантиком/ и так* ***бегал/ бегал и зацепился****…/ а у него привычка/ как холодильник откроется/ он это…/ он бежит к холодильнику/ ну я* ***решил*** *прикольнуться/ и* ***закрыл*** *его там/ но потом* ***выпустил/*** *а кот* ***замерз*** *//. (2) Я* ***была*** *в Москве/ мы* ***приехали/*** *но мало там* ***были/*** *…м-м-м/ просто папе надо* ***было*** *бумаги какие-то сделать/ а мне очень там* ***понравилось*** *//.*

Некоторые особенности обнаруживаются в функционировании отдельных значений несовершенного и совершенного вида в прошедшем времени. Подавляющая часть форм несовершенного вида (около 47% от общего числа глаголов несовершенного вида) имеет значение конкретного действия: *играли, были, бегал* (примеры 1, 2). Активно в рамках несовершенного вида используется прошедшее аористное (около 32%), которое несет информативную нагрузку (пример 1). Из форм совершенного вида функционирует два значения – перфектное (*приехали, понравилось, замерз, решил* – пример 2) и аористное (*взял, привязал, закрыл* – пример 1) – в соотношении 52,3% и 47,7%. По мнению В.О. Макавчик, «стереотипы выбора той или иной грамматической формы “работают” на этапе порождения речи, создания высказывания» [см.: 5, с. 221].

Небольшое количество прилагательных в устных высказываниях школьников 5-х – 7-х классов (в сравнении с другими частями речи) связано скорее с чисто лингвистическими причинами: достаточно большим количеством местоимений. «Дейктические слова благодаря своей ситуативной прикрепленности не принимают к себе атрибутов. Их атрибутивная валентность “дефективна”» [10, с. 18]. Следовательно, большое число местоимений обусловливает, с одной стороны,

меньшее количество прилагательных-атрибутов (45,6% от общего числа прилагательных), а с другой – большее количество прилагательных-предикатов (54,4% от общего числа прилагательных): *(1) Я часто слышу/ жизнь штука* ***сложная****//. (2) У нас часто* ***мерзкая*** *погода//. (3) У мой бабушки/ библиотека* ***замечательная****//. (4) Да у нее вообще/ какая-то* ***странная*** *привычка//.*

Но все-таки в устной речи младших подростков встречаются и прилагательные-атрибуты, появление которых вызвано разными причинами. Иногда они сопровождают слова слишком общей семантики (пример 1) – 27% от общего числа прилагательных-атрибутов; гораздо больше атрибутов в составе устойчивых сочетаний, некоторые обозначают единое понятие (пример 2, 3) – 35% от общего числа прилагательных-атрибутов: *(1) Думаю/ что учительница тогда/ приняла* ***правильное решение****//. (2) Обычно мы вместе празднуем* ***Новый год****//. (3) Мы в Москве ходили к* ***Вечному огню****//.*

Мы также заметили тенденцию в использовании превосходной степени качественных прилагательных (из 10 случаев употребления прилагательных 3 имеют форму превосходной степени): *(1) Мой самый* ***наилюбимейший*** *праздник/ Новый год/ потому что дарят много подарков/ потому что наступают самые длинные каникулы/ ну/ кроме летних//. (2) Мне запомнилось то/ что мы летали на самолете в Казань/ это* ***самый красивый*** *город/ какой я видел//. (3)* ***Всего больше*** *я люблю ездить куда-нибудь летом/ отдыхать/ в лагерь например//. (4) Я знаю/ что в нашем городе* ***самая сильная*** *радиация/ мне даже купаться на той стороне не разрешают//.*

Важной морфологической особенностью является практически полное отсутствие причастий и деепричастий в устной речи школьников. Мы встретили лишь три высказывания, содержащие эти части речи: *(1) Культурный/ это образованный человек/* ***имеющий*** *собственное мнение/ не матерящийся//. (2) Люблю волейбол/ это* ***развивающая*** *игра/ активный отдых//. (3) Модный человек/ это человек/* ***одевающийся*** *в соответствии с внутренним миром//.*

Этот факт, скорее всего, объясняется тем, что эти глагольные формы относят к сугубо книжным, не свойственным устной разговорной речи, к тому же на данном этапе обучения эти части речи еще недостаточно освоены, поэтому их употребление не характерно для подросткового возраста.

Увеличение числа частиц в устной речи школьников можно считать вполне естественным, так как мы анализируем речь спонтанную. Очень часто при разговоре нам приходилось наблюдать такой процесс оформления мысли: «Уже зная в общих чертах, что он хочет сказать, горящий запаздывает с вербализацией своей мысли, трудится “на глазах собеседника” над ее оформлением, заполняя при этом неизбежно возникающие паузы разного рода спонтанными элементами – частицами, модальными словами и т. д.» [10, с. 35]. Наиболее употребительны в речи младших подростков частицы *ну, вот, как бы: (1)* ***Ну****…/ я точно не знаю / надо подумать//. (2) Мы хотели на море поехать/* ***ну*** *нам нельзя/ у брата аллергия//. (3) Я хожу* ***ну****…/ в эту вот / школу английского языка//. (4) Мы собираемся вместе/* ***вот****… у бабушки/ праздники отмечаем//. (5) Люблю рисовать/* ***ну****… красками/* ***ну****…мелками//. (6) Мы* ***как бы*** *всегда ходим в гости на Новый год//. (7) У нас* ***ну… как бы****… книг много//.*

Эти частицы употребляются преимущественно в монологических «кусках» речи, когда умственное напряжение больше, чем при быстром обмене репликами. В основном частице *ну* свойственны союзные значения или оттенки значения, среди которых наиболее употребительны противопоставительно-выделительные, причем в этом значении *ну* выполняет функцию союза *но* (примеры 1, 2). Часто частица *ну* (примеры 3, 5) имеет причинно-следственные оттенки. Гораздо более однообразной по своим значениям является частица *вот*: она указывает на предмет, материально наличествующий в ситуации (примеры 3, 4). Избыточность в употреблении частиц создается и за счет повторения одних и тех же частиц, что делает речь школьников более экспрессивной, а иногда и сигнализирует о взволнованном, несобранном состоянии.

Таким образом, грамматические особенности дискурса школьников достаточно специфичны: подростки вполне свободно пользуются морфологическими средствами языка, хотя отклонения от нормы в использовании некоторых грамматических категорий имени существительного довольны частотны. Неосвоенность некоторых частей речи и их форм характеризует возрастную особенность языка школьников.

Библиографический список

1. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. – М., 1961. – 365 с.

2. *Гуц Е.Н.* К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 131–137.

3. *Красильникова Е.В.* Наблюдения над морфологией русской разговорной речи: Дис. … канд. филол. наук. – М., 1971.

4. *Лаптева О.А.* Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968. – С. 143.

5. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Монография / Под ред. Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул; Кемерово, 2006. – 420 с.

6. *Львов М.Р.* Основы теории речи. – М., 2002. – 248 с.

7. *Миронова О.П.* Использование местоимений в речи младших школьников (количественный аспект) // Сб. науч. тр. препод. и аспир. – Вып. VI. – Таганрог, 2003. – С. 39–43.

8. *Петрова Н.М.* Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

9. *Седов К.Ф.* Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. – Вып. 26. – Язык и человек. – Саратов, 1996. – С. 105.

10. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. проф. О.Б. Сиротининой. – М., 2003. – 240 с.

11. *Федоренко Л.П.* Закономерности усвоения родной речи. – М., 1984. – С. 24.

УДК 800

Рябова Галина Николаевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

galina16@inbox.ru

ОБЩЕИНФОРМАТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается один из еще недостаточно разработанных вопросов коммуникативного синтаксиса – вопрос о типологии предложения, учитывающей специфику взаимодействия коммуникативной и синтаксической структур предложения в поэтическом тексте. На материале русского и испанского языков предлагается классификация общеинформативных типов предложения.

Ключевые слова: *актуальное (коммуникативное) членение предложения, тема, рема, коммуникативно-синтаксический тип предложения, общеинформативный тип предложения.*

Современная лингвистика признает, что актуальное членение предложения является одним из важнейших аспектов предложения, который определяет не только смысловое содержание предложения, но и оказывает влияние на его формальное построение [1; 4; 6–10; 12–15; 18–20 и др.]. Действительно, говорящий (пишущий) строит свое высказывание в соответствии с тем актуальным членением, которое предложение получает в процессе коммуникации, выбирает такие лексико-грамматические формы организации предложения, которые отражали бы наиболее точно его коммуникативную интенцию, то есть цель сообщения.

Выявление закономерностей формирования предложения в соответствии с актуальным членением и построение на этой основе типологии, учитывающей как структурно-семантический, так и коммуникативно-функциональный аспект предложения, представляет собой один из ключевых вопросов коммуникативного синтаксиса. Опыт построения подобной типологии предложения предпринимался на материале различных языков: русского языка (П. Адамец, И.И. Ковтунова, И.П. Распопов), английского языка (Л.П. Чахоян, П.А. Ящук, А.Г. Хэтчер), немецкого языка (О.И. Москальская, Л.М. Михайлов), французского языка (К.А. Долинин, О.С. Егорова) и др.

Однако вопрос о типологии в коммуникативно-синтаксическом аспекте не получил еще достаточного освещения на материале испанского языка. Также недостаточно исследован вопрос о закономерностях построения предложения в соответствии с актуальным членением на материале стихотворного текста (см., например, работы Т.И. Сильман [17], И.В. Арнольд [2], О.И. Северской [16]).

В связи с этим целью данной статьи является выявление закономерностей коммуникативно-синтаксической организации поэтического тек-

 © Рябова Г.Н., 2011

ста в русском и в испанском языках и построение на этой основе классификации общеинформативных типов предложения, выделяемых с учетом особенностей взаимодействия коммуникативной (тема-рематической) и синтаксической структур предложения.

В рамках данной работы под общеинформативными типами предложения (термин заимствован у П. Адамеца [1]) понимаются типы предложения, которые заключают в себе полностью или почти полностью новую (актуальную) информацию и ремой которых являются и подлежащее, и сказуемое.

Объектом исследования явились простые повествовательные предложения, включающие подлежащее (S), сказуемое (P), объектное дополнение (C), обстоятельство (D), в стихотворных текстах русских поэтов – Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, С.А. Есенина и испанских поэтов – А. Мачадо, Х.Р. Хименеса и Ф.Г. Лорки.

Анализ фактического материала показал, что и в русском, и в испанском поэтическом тексте общеинформативные типы предложения могут различаться по составу компонентов, по конкретной цели актуальной информации, по тема-рематическому членению, по формальным показателям тема-рематической структуры. Основываясь на классификации коммуникативно-синтаксических типов высказывания О.С. Егоровой [6], мы выделили три основных варианта (подтипа) общеинформативных типов: с нулевой темой, с препозитивной темой и с постпозитивной темой.

Общеинформативные типы с нулевой темой представляют собой коммуникативно нерасчлененные высказывания, в которых в состав ремы входят одновременно подлежащее и сказуемое, а также все второстепенные члены предложения. Таким образом, все синтаксические компоненты объединяются в комплексную рему, а все высказывание содержит в себе новую, актуальную информацию. Данный тип предложения отвечает на предельно широкий общий диктальный вопрос (по терминологии Ш. Балли [3]): «Что случилось?», «Что происходит?» и т.п. Цель таких предложений – сообщение о существовании, наличии или возникновении каких-то явлений, событий, представляемых как единое целое.

Как показал проанализированный материал, и в русском, и в испанском поэтическом тексте общеинформативный тип с нулевой темой образует парадигму, включающую в себя однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные коммуникативно-синтаксические типы.

В свою очередь, однокомпонентные общеинформативные типы с нулевой темой могут образовывать следующие варианты:

1. Коммуникативно-синтаксический тип $\boldsymbol{S^R}$: *Весна…(Тютчев); Заря (Фет); …Дорога черная. / Белый конь (Есенин); Hora del último sol (Machado); Frío (Jiménez); Limonar (Lorca).*

2. Коммуникативно-синтаксический тип $\boldsymbol{P^R}$: *Светало (Фет); Не спится (Фет); Не жалею, не зову, не плачу (Есенин); No sé (Machado); Cantan (Jiménez); Ha llovido (Jiménez); Se meneaban (Lorca).*

Как показало исследование, рема в коммуникативно-синтаксическом типе $\boldsymbol{P^R}$ достаточно часто выражена глаголом в повелительном наклонении. Ср.: *Летите, летите! (Тютчев); Идем (Фет); Не ругайтесь! (Есенин); No llores (Jiménez); Calla… (Lorca).*

В двухкомпонентных общеинформативных типах предложения с нулевой темой коммуникативная нерасчлененность может быть связана с их семантической структурой: достаточно часто в них сообщается о существовании, возникновении чего-либо, о наличии какой-либо ситуации, периода времени, состояния внешней среды.

Данные типы предложения могут образовывать следующие варианты:

1. Коммуникативно-синтаксический тип $\boldsymbol{(S + P)^R}$: *Восток белел (Тютчев); Сады молчат (Фет); Избы забоченились (Есенин); Primavera vino (Machado); Los pinares se han dormido (Jiménez); El cielo estaba marchito (Lorca).*

2. Коммуникативно-синтаксический тип $\mathbf{(P + S)^R}$: *Поют деревья, блещут воды…(Тютчев); Тускнеют угли (Фет); Грезит ночь (Есенин); Pesa y duele el corazón... (Machado); Canta un ruiseñor despierto (Jiménez); Sale el sol (Lorca).*

Трехкомпонентные общеинформативные типы предложения с нулевой темой могут образовывать следующие варианты:

1. Коммуникативно-синтаксический тип $\boldsymbol{(S + P + D)^R}$: *Стон замирал в устах… (Тютчев); Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне (Фет); Роса / блестит на крапиве (Есенин); Los gorriones pían / bajo la lluvia fresca (Machado); El alma de las flores divaga entre la lluvia (Jiménez).*

2. Коммуникативно-синтаксический тип $\boldsymbol{(S + P + C)^R}$: *Травы степные сверкают росою вечерней (Фет); Луна стелила тени (Есенин);*

El tiempo lleva un desfilar de auroras / con séquito de estrellas empañadas (Machado); Vagos ánjeles malvas apagaban las verdes estrellas (Jiménez); El Tamarit tiene un manzano…(Lorca).

3. Коммуникативно-синтаксический тип ***(D + S + P)^R:*** *С поляны коршун поднялся (Тютчев); В кустах малиновки звенят (Фет); Sobre la clara estrella del ocaso / la argéntea luna brilla (Machado); En el musgo de los troncos / la cobra tendida canta (Lorca).*

4. Коммуникативно-синтаксический тип ***(C + S + P)^R:*** *Бессмертьем взор ее сияет (Тютчев); Желтые поводья месяц уронил (Есенин); Roja nostalgia el corazón sentía (Machado); Con flores de calabaza / la nueva luz se corona (Lorca).*

5. Коммуникативно-синтаксический тип ***(P + S + D)^R:*** *И льется чистая и теплая лазурь / на отдыхающее поле (Тютчев); Зреет рожь над жаркой нивой (Фет); Тенькает синица меж лесных кудрей (Есенин); Se ha asomado una cigüeña a lo alto del campanario (Machado); Llora un perro ante una puerta cerrada (Jiménez).*

6. Коммуникативно-синтаксический тип ***(P + S + C)^R***: *Подавлен ум зловещею тоской (Тютчев); Покрылись нивы сетью золотистой… (Фет); Сыплет черемуха снегом… (Есенин); Crea el alma sus riberas (Machado); Alegran flauta y tambor nuestra bandera (Jiménez); Ha besado la lluvia al jardín provinciano… (Lorca).*

7. Коммуникативно-синтаксический тип ***(D + P + S)^R***: *С полей несется голос стада (Фет); Лениво дышит полдень мглистый… (Тютчев); На болоте крячет цапля (Есенин); Al fondo del barranco suena el río (Machado); ...Por la tarde, brilla el aire (Jiménez); Por el horizonte confuso y doliente / venía la noche preñada de estrellas (Lorca).*

8. Коммуникативно-синтаксический тип ***(C + P + S)^R***: *Полнеба охватила тень (Тютчев); В разлуке есть высокое значенье (Тютчев); Хвойной позолотой взвенивает лес (Есенин); Con timbre sonoro y hueco / truena el maestro (Machado); A caballo va el poeta... (Jiménez); Con el aire se batían / las espadas de los lirios (Lorca).*

Общеинформативный тип с препозитивной темой, в отличие от общеинформативного типа с нулевой темой, является диремным, то есть коммуникативно расчлененным. В качестве темы выступает второстепенный член предложения (дополнение или обстоятельство), а подлежащее и сказуемое образуют комплексную рему. В данном коммуникативно-синтаксическом типе второстепенный член предложения (дополнение или обстоятельство), связанный семантически с левым контекстом, помещается в самом начале предложения и выполняет функцию темы. Не заключая в себе существенной информации, второстепенный член служит скорее отправной точкой высказывания; всё внимание сосредоточено на следующих за ним главных членах предложения, являющихся коммуникативным центром высказывания и занимающих по этой причине конечную позицию.

Данный тип высказывания отвечает на полный диктальный вопрос, включающий указание на объект, место или время совершения действия: «Что с ним (ней, ними и т.п.) случилось?», «Что в этом месте (в это время) происходит?» и т.д.

Анализ фактического материала показал, что общеинформативный тип с препозитивной темой может образовывать следующие варианты:

1. Коммуникативно-синтаксический тип **D^T – (S+P)^R**: *Меж теми звездами и мною / какая-то связь родилась (Фет); От лиры искры побежали (Тютчев); En el atrio hay un mendigo... (Machado).*

2. Коммуникативно-синтаксический тип ***D^T – (P+S)^R***: *Над виноградными холмами / Плывут златые облака (Тютчев); В воде опрокинулся лес (Фет); В забвенье канули года…(Есенин); En cada verso tuyo / hay un golpe de mar (Machado); De las praderas segadas / llega un suave olor a heno (Jiménez); Por el aire dulzón / ha cruzado una abeja (Lorca).*

3. Коммуникативно-синтаксический тип ***C^T – (S+P)^R***: *И шикарный вечера пожар / волна морская поглотила (Тютчев).*

4. Коммуникативно-синтаксический тип ***C^T – (P+S)^R***: *Темным елям снится / гомон косарей (Есенин); El eco de tus pasos / repite la montaña... (Machado).*

Общеинформативный тип предложения с постпозитивной темой представляет собой коммуникативно расчлененное высказывание, в котором подлежащее и сказуемое входят в состав комплексной ремы, а второстепенный член предложения (дополнение или обстоятельство), занимающий конечную позицию, является постпозитивной темой. Постпозитивная тема задана предшествующим контекстом или всей ситуацией. Она не заключает в себе существенной информации, а служит скорее всего дополнением к главной

информации, передаваемой в основной части высказывания, и имеет пояснительный, уточняющий характер. Данный тип высказывания отвечает на полный диктальный вопрос, в котором содержится указание на объект, место или время совершения действия: «Что случилось с ним (ней, ними и т.п.)?», «Что происходит там?» и т.д. Как показало исследование, данный тип высказывания имеет следующие варианты:

1. Коммуникативно-синтаксический тип $(S+P)^R – D^T$: *Лишь паутины тонкий волос / Блестит на праздной борозде (Тютчев); Звезды частые зажглися / по навесу мглы (Фет); Есть тоска веселая в алостях зари (Есенин); Abril florecía / frente a mi ventana (Machado); ...y las lágrimas rodaron / de sus ojos melancólicos (Jiménez); El amor se despierta en el gris de su ritmo (Lorca).*

2. Коммуникативно-синтаксический тип $(P+S)^R – D^T$: *И льется чистая и теплая лазурь / На отдыхающее поле…(Тютчев); Уснули рыбаки у сонных огоньков (Фет); Выходили парни бравые / за гуменные плетни (Есенин); Surge el hastío de la luz (Machado); Caían las hojas muertas, / en el jardín silencioso (Jiménez).*

3. Коммуникативно-синтаксический тип $(S+P)^R – C^T$: *Пламень белый и летучий / окаймил ее края (Тютчев); Сердце бьется у меня (Фет); Un rumor de siemprevivas / invade las cartucheras (Lorca).*

4. Коммуникативно-синтаксический тип $(P+S)^R – C^T$: *Брезжит свет на заводи речные (Есенин); Se oyen las nanas a las cunas pobres (Lorca).*

Как свидетельствует проанализированный материал, в испанском языке важным показателем коммуникативной структуры предложения, а следовательно, показателем того или иного коммуникативно-синтаксического типа выступает артикль. В общеинформативном типе с нулевой темой именные компоненты оформлены, как правило, неопределенным или нулевым артиклем, за исключением лексических единиц, обозначающих единичное (*sol, cielo, horizonte, estrellas)* или абстрактное (*alma, noche, lluvia, agua*) понятие. В общеинформативных типах с препозитивной или постпозитивной темой тематичность второстепенных членов предложения подчеркивается определенным артиклем, а рематичность подлежащего акцентируется неопределенным артиклем. Таким образом, в испанском языке каждый тип имеет более четкие формальные показатели, чем в русском языке.

Как показало исследование, наиболее продуктивными типами предложений в проанализированных поэтических текстах являются общеинформативные типы с нулевой темой, общеинформативный тип с препозитивной темой $D^T – (P+S)^R$ и общеинформативный тип с постпозитивной темой $(S+P)^R – D.^T$

Итак, рассмотренные выше общеинформативные коммуникативно-синтаксические типы представляют собой наиболее характерные схемы реализации актуального членения предложения в поэтическом тексте. И в русском, и в испанском языке данные коммуникативно-синтаксические типы представляют собой совокупность высказываний, характеризующихся определенной синтаксической, коммуникативной, лексико-семантической и линейной структурой, определенным общим коммуникативным значением и определенными формальными показателями состава темы и состава ремы, то есть систему, которая предоставляет возможность выбора необходимого типа, адекватно передающего, в соответствии с определенными целями и коммуникативными ситуациями, замысел сообщения.

Библиографический список

1. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. – Прага: Academia, 1966. – 96 с.

2. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.

3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.

4. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1981. – 208 с.

5. *Долинин К.А.* Коммуникативные варианты французского простого предложения. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975. – 46 с.

6. *Егорова О.С.* Основные типы высказывания в современном французском языке. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1999. – 128 с.

7. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

8. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.

9. *Крушельницкая К.Г.* К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55–67.

10. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения: пер. с чеш. // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 239–245.

11. *Москальская О.И.* Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

12. *Николаева Т.М.* Актуальное членение – категория грамматики текста // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 48–54.

13. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

14. *Распопов И.П.* Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи). – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1961. – 163 с.

15. *Реферовская Е.А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. – Л.: Наука, 1989. – 168 с.

16. *Северская О.И.* Информационная структура поэтического высказывания // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 24–34.

17. *Сильман Т.И.* Лирический текст и вопросы актуального членения // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 91–93.

18. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 206 с.

19. *Фирбас Я.* Функция вопроса в процессе коммуникации // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 55–65.

20. *Шевякова В.Е.* Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. – М.: Наука, 1980. – 382 с.

УДК 81'1: 61(001.4)

Смирнова Екатерина Владимировна
Ивановский государственный химико-технологический университет
change7@yandex.ru

СИНОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ (на примере англо-русских словарей)

Статья посвящена изучению синонимии в медицинской терминологии в русском и английском языках. Приводится классификация терминологических синонимов. Впервые с лексикографической точки зрения анализируется регистрация синонимичных терминов в современных медицинских словарях.

Ключевые слова: *синонимия, медицинская терминология, терминологические синонимы, терминологические дублеты, медицинские словари, регистрация в словарях.*

Проблема синонимии в терминологии привлекает внимание многих исследователей. Долгое время наличие синонимов считалось одним из недостатков терминологии, однако в настоящее время к синонимичности терминов отношение стало более прагматичным. Такой подход к термину вполне согласуется с таким современным пониманием природы термина, согласно которому термины не особые слова, а только слова в особой функции, обладающие всеми свойствами лексических единиц вообще [4].

Синонимия терминов (от греч. synonymia – одноименность) представляет собой тип семантических отношений, основанный на способности разных терминологических единиц обозначать одно специальное понятие, выражая различные дополнительные признаки понятия, эмоциональную или стилистическую окраску, употребляемость и сочетаемость с другими терминологическими единицами.

В настоящей статье будет описан и проанализирован процесс регистрации терминов-синонимов в медицинских англо-русских словарях, что позволяет выявить особенности современной медицинской терминологии и дать классификацию видов терминологических синонимов.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что до сих пор не существует ни одного переводного словаря по медицине, в котором бы отражалась информация, касающаяся употребления того или иного синонимического термина в зависимости от условий функционирования терминосистемы.

Рассмотрим кратко вопрос о существовании синонимов в терминологии и дадим основные определения.

 © Смирнова Е.В., 2011

В терминологии синонимы имеют другую природу и выполняют иные функции, чем в общелитературном языке. Под синонимией в терминологии обычно понимают явление дублетности (*например, офтальмолог – окулист и т.д.*). Между дублетами нет тех отношений, которые организуют синонимический ряд, нет эмоционально-экспрессивных, стилистических или оттеночных оппозиций, поэтому они тождественны между собой. Отсутствие стилистических показателей обусловлено природой термина и критериями, предъявляемыми к нему, а именно, термин должен быть стилистически нейтральным.

Учитывая характер синонимии в специальной лексике, Л.К. Граудиной была составлена классификация терминологических синонимов [3], по нашему мнению, наилучшим образом отражающая современное положение существования синонимии, которая может быть применена и к описанию медицинской лексики. Согласно этой классификации, терминологические синонимы подразделяются на:

1) синонимы, имеющие абсолютно одинаковое значение (абсолютные синонимы или дублеты). К данной группе мы относим этимологические, структурные и стилистические варианты. Существование таких дублетов считается допустимым. В частности, может быть допущено параллельное использование исконного и заимствованного термина, если один из них не способен образовывать производные формы:

– в русском языке: *диспноэ – отдышка, дерма – кожа;*

– в английском языке: *peloid – mud, medulla – marrow;*

2) частично совпадающие синонимы. В русской медицинской терминологии существует огромное количество частичных синонимов: *активация – возбуждение – стимуляция, объединение – соединение – агрегация; управление – регулирование – регуляция – контроль – наблюдение;*

В англоязычной терминологии можно найти следующие примеры: *chest – breast – thoracic cage; measuring hopper – batcher – meter, occlusion – block – obstruction – congestion – clotting, to close, to cover – to occlude.*

На основе печатных русскоязычных и англоязычных медицинских источников для настоящего исследования методом сплошной выборки было отобрано 1 150 терминов на русском и английском языках [6; 7]. Проведенный нами анализ медицинских текстов показал, что в медицинской терминологии обоих языков чаще всего встречаются терминологические синонимы-дублеты, имеющие абсолютно одинаковое значение. В свою очередь среди терминов-дублетов мы выделяем пять групп:

К первой группе мы относим **межъязыковые термины-дублеты**, т.е. слова или словосочетания разноязычного происхождения, корневые или словообразовательные элементы которых имеют тождественное значение. Наиболее характерны пары дублетов, состоящие из интернационализма греко-латинского происхождения и его национального эквивалента, например: *абдукция (лат. abduction «отведение») – отведение, инкогерентность (лат. incohaerentis «бессвязность») – бессвязность, гемопоэз (лат. haetoroesis «кровотечение») – кроветворение, инсуффляция (лат. insufflatio «вдувание») – вдувание, лапаротомия (греч. lapara «живот»; греч. tome «разрез») – чревосечение, неоплазма (греч. neos «новый»; греч. plasma «образование чего-либо») – новообразование, оссификация (лат. os «кость»; лат. facio «делать») – окостенение и т.д.;*

Примеры из англоязычной медицинской терминологии: *rhinitis (греч. rhin «относящийся к носу»; лат. -itis «воспаление») – nasal catharrh, distention (лат. distentus «растягивать») – bloating, cyst (греч. kystis «пузырь») – sac, hemopoiesis (лат. haemopoesis «кровотечение») – bleeding, anamnesis (греч. anamnesis «воспоминание») – medical history, hysterometer (греч. hysteria «матка»; греч. metron «мера») – uterine probing, etc.*

Как показывают приведенные примеры, в английском и русском языках заимствование иноязычного слова происходит двумя способами: транслитерацией и калькированием. Под транслитерацией понимается процесс заимствования целиком иноязычного слова через его буквенный перенос на родной язык и с сохранением звуковой оболочки слова. Ко второму способу заимствования относится создание новой лексической единицы посредством своих морфем по образцу иностранного путем точного перевода их значимых частей. Далее в обоих языках происходит закрепление заимствованного слова. Прежде всего, изменяется графическая оболочка слова, т.е. происходит процесс замены всех иноязычных букв на буквы принимающего языка, данный

процесс характерен только для русского языка, т.к. алфавит английского языка построен на основе латинских букв.

Освоение на уровне фонологической системы подразумевает замену отсутствующих в ней согласных и гласных звуков на звуки, наиболее близкие речи принимающего языка. Например, в заимствованном из латинского языка слове *"abduction"* звук /t/ в позиции перед окончанием заменяется на звук /ц/. Однако характерной чертой русской фонетической системы является озвучивание практически всех букв слова, что не свойственно английской фонетической системе. Таким образом, приспособление греко-латинских терминов к фонологической системе исследуемых языков происходит через практическую транскрипцию и через транслитерацию.

Заимствованные греко-латинские термины, попадая в состав английского и русского языков, начиняют подчиняться и их грамматическим закономерностям. Адаптация заимствованных терминов к грамматике принимающего языка более ярко проявляется в категориях рода, числа, падежа. Заимствованные слова могут присоединять к себе соответствующие морфемы (аффиксы и окончания), например, в английском языке *recurrence, immunity,* – данные флексии указывают на часть речи. В русской медицинской терминологии можно привести следующие примеры: *инсуффляция, дисфункция,* – окончания указывают на грамматический род слова.

Последним этапом заимствования иноязычного слова считается его лексическое освоение. На данном этапе заимствованные термины взаимодействуют со всей системой принимающего языка, образуя при этом синонимы и антонимы.

Таким образом, наличие в языке интернационального (латинского или греческого) и национального варианта медицинского термина обусловлено, прежде всего, стремлением объяснить данное явление средствами родного языка. В большинстве своем такие синонимические пары не вытесняют друг друга, а продолжают сосуществовать в различных микросистемах.

Второй разновидностью терминологических дублетов, как указывалось выше, являются синонимические пары, в которых **один из эквивалентов представлен словосочетанием**, например:

– на русском языке: *архэнтерон – первичная кишка, аэроэмболия – воздушная эмболия, гемотрансфузия – переливание крови, нейрорафия – шов нерва, спланхноптоз – опущение внутренних органов, артропатия – заболевание суставов, бактериолиз – разрушение бактерий;*

– на английском языке: *archenteron – primitive gut, aeroembolism – air embolism, hemotransfusion – blood transfusion, neurorrhaphy – nerve suture, splanchnoptosis – downward displacement of an organ, hepatargy – liver failure*.

Как показывают примеры, терминологические синонимы данного типа в обоих языках образованы при помощи калькирования. Чаще всего в таких дублетах калькированный эквивалент в русском и английском языках выражен терминосочетанием «прилагательное + существительное». Это указывает на наличие универсальных характеристик при образовании терминологических единиц на основе греко-латинских заимствований в обоих языках.

В третью группу мы включили **терминологические дублеты, различающиеся только своими начальными элементами,** как правило, словом греко-латинского происхождения. Зачастую такие терминологические синонимы образованы при помощи греко-латинских словообразовательных элементов. Например, в русской медицинской терминологии встречаются следующие терминологические дублеты:

– ***ангиография*** *(греч. angion «сосуд»; греч. graphia «записывание»)* и ***вазография*** *(лат. vas «сосуд»)* → *рентгенография сосудов после введения контрастного вещества;*

– ***галактотерапия*** *(греч. gala «молоко»; греч. therapeia «лечение»)* и ***лактотерапия*** *(лат. lac «молоко»)* → *введение внутримышечно коровьего молока;*

– ***гистерография*** *(греч. hysteria «матка», греч. graphia «записывание»)* и ***метрография*** *(лат. metra «матка»)* → *рентгенография полости матки после введения контрастного вещества.*

Такие же примеры синонимичных терминов можно встретить и в англоязычной медицинской терминологии, которые, как было показано выше, созданы по той же модели и на основе тех же словообразовательных элементов, как и в русском языке. Например, *angiography* and *vasography, galactotherapy* and *lactotherapy, hysterography* and *metrography, proctoscopy* and *rectoscopy, etc.* Наличие таких терминологических синонимов объясняется общими языковыми истоками, поэтому и в русском и в английском языках данные термины-дублеты сосуществуют в равной степени.

В отдельную группу мы выделили **терминологические дублеты, представленные разнокоренными словами или образованные с помощью различных словообразовательных элементов.** Например, в русскоязычной медицинской терминологии нашли свое отражение следующие термины: *брюшная полость – полость живота, желточный пузырь – желточный мешок, желчеобразование – желчеотделение, затемнение сознания – помрачение сознания, заячья губа – расщелина губы, седалищная область – ягодичная область и т.д.*

В англоязычной медицинской терминологии встречаются такие терминологические синонимы, как: *mental retardation – mental deficiency, bile duct – gall duct, cleft lip – hare lip, sound pressure – sonic pressure, ghost ophthalmoscope – mirror ophthalmoscope, link – section, etc.*

Как видно из приведенных примеров, один из эквивалентов терминологической пары образован при помощи метафоризации. Метафорический способ номинации является одним из наиболее продуктивных способов терминообразования в медицинской терминологии исследуемых языков. Вновь появившийся предмет или явление наделяется качествами и свойствами уже существующего предмета или явления, что позволяет улучшить процесс описания и, следовательно, восприятия этого описания читателями и слушателями.

К пятой группе мы относим **терминологические дублеты, выражающие бытовые и общелитературные названия**:

– на русском языке: *голодный отек – алиментарная дистрофия*, *заеда – ангулярный хейлит*, *свинка – эпидемический паротит и т.д.;*

– на английском языке: *hunger dropsy – alimentary edema, perleche – angular stomatitis, mumps – epidemic parotiditis, etc*.

Синонимы, принадлежащие общелитературному языку, как правило, используются врачами в медицинском дискурсе «врач-пациент». Один из эквивалентов данного синонимического ряда также образован посредством метафорического переноса, что делает термин понятным для неспециалистов.

Поскольку в медицинской терминосистеме наблюдается обилие синонимических терминов, упорядочение и нормализация как русской, так и английской медицинской терминологии крайне необходимы, и в этой работе, кроме специалистов различного медицинского профиля, должны активно участвовать филологи, редакторы словарей, лексикографы. Роль лексикографического описания современной медицинской терминологии поистине велика в связи с постоянным процессом заимствования и рождения новых терминов. Лексикография помогает унифицировать, упорядочить содержание терминосистемы, оптимизировать терминологию, выбрать оптимальную форму термина. Результаты этой кропотливой работы оформляются в виде нормативных переводных словарей.

Выбор двуязычных словарей, описывающих медицинскую терминологию, ограничен небольшим количеством печатных и электронных справочников. Для анализа особенностей регистрации синонимичных терминов мы выбрали самые новые печатные издания медицинских словарей на данный момент:

1) Англо-русский медицинский энциклопедический словарь (Stedman's Medical Dictionary), год издания – 1995;

2) Большой англо-русский медицинский словарь (Comprehensive English-Russian Medical Dictionary), год издания – 2005;

3) Новый англо-русский и русско-английский медицинский словарь (New English-Russian and Russian-English Medical Dictionary), год издания – 2009.

Анализ данных словарей на наличие регистрации в них синонимичных терминов показал, что в медицинских справочниках принято регистрировать синонимы, но в каждом словаре для этого существует своя собственная система.

В АРМЭС синонимы приводятся после дефиниции слова, предваряемые символом (↔). Причем синонимы могут указываться для термина как на английском языке, так и на русском:

***– Allele** (ă-lēl') – **аллель**. Серия из двух или более генов, занимающих одинаковые позиции в гомологичных хромосомах ↔ allelomorph аллеломорф ↔ аллельный ген;*

***– Columna vertebralis – позвоночный столб.** Структура, образующаяся при соединении между собой позвонков ↔ vertebral column ↔ spinal column ↔ spine позвоночник ↔ backbone ↔ rachis.*

Как видно из примеров, в АРМЭС, кроме единичных синонимов, встречаются и синонимические ряды, которые включают в себя шесть и более терминов. При наличии такого большого числа синонимов авторы АРМЭС не делают никаких

стилистических или информационных помет, касающихся приоритетности использования того или иного термина либо указывающих на область его употребления.

Терминологические синонимы также фиксируются в БАРМС. В этом справочнике синонимы как на английском, так и на русском языках приводятся в квадратных скобках:

– ***Memory [retrospective] falsification*** *ложные воспоминания;*

– ***Trifacial [trigeminal] neuralgia*** *невралгия тройничного нерва;*

– ***Deep keratitis*** *паренхиматозный [интерстициальный] кератид.*

Примеры показывают, что в данном словаре, как и в АРМЭС, отсутствуют пометы, указывающие на стилистические особенности употребления синонимов. По нашему мнению, о приоритетности употребления того или иного слова можно судить лишь по квадратным скобкам, в которых приводятся менее употребительные термины, хотя в предисловии к данному изданию этот факт никак не отмечен.

Самым новым из медицинских словарей является НАРИРАМС. Авторы в предисловии отмечают, что синонимы даются через запятую, например:

– ***Aphonia*** *[x'fOnIq] пафония, потеря голоса;*

– ***Toxemia*** *["tOk's I:mIq] n токсемия, заражение крови;*

– ***Transudate*** *['trxnsju:"deIt] n транссудант, отёчная жидкость.*

Как видно из примеров, в данном словаре для синонимов не используется никаких помет, но сами синонимы выстроены так, что сразу понятно, что первый термин – это интернациональное слово, а второй термин – это слово, использующееся как в медицинском, так и в общелитературном языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что синонимия в медицинской терминологии в английском и русском языках очень распространенное явление. Все области медицины перегружены синонимичными терминами. Специалист вынужден ориентироваться в таком количестве синонимических терминов. Помощь в выборе правильного термина могут оказать терминологические словари, задачей которых является упорядочивать и структурировать лексический материал того или иного языка. Но, как показал анализ регистрации синонимов в современных медицинских словарях, эта проблема до сих пор остается актуальной, так как на данный момент нет ни одного переводного справочного пособия по медицине, в котором бы предоставлялась информация, позволяющая специалисту выбрать подходящий для конкретной области медицины синонимический термин.

Библиографический список

1. Англо-русский медицинский энциклопедический словарь (Stedman's Medical Dictionary) / Под ред. А.Г. Чучалина. – М.: ГЭОТАР, 1995. – 717 с.

2. Большой англо-русский медицинский словарь (Comprehensive English-Russian Medical Dictionary) / Под ред. Г.Н. Акжигитова, Р.Г. Акжигитова. – М.: Формат, 2005. – 1224 с.

3. *Граудина Л.Г.* Культура русской речи. – М.: Норма, 2009. – 197 с.

4. *Гринев С.В*. Введение в терминоведение. – М., 1993. – 309 с.

5. Новый англо-русский и русско-английский медицинский словарь (New English-Russian and Russian-English Medical Dictionary) / Под ред. И.Ю. Марковиной. – М.: Живой язык, 2009. – 289 с.

6. Кардиология и сердечнососудистая хирургия. – М.: Медиа Сфера, 2010. – №2. – 97с.

7. *Mackey J.* The atlas of the heart disease. – Geneva: Worls Health Organization, 2004. – 112 p.

УДК 415.32:42/49

Тлеумуратов Генжемурат
Каракалпакский государственный университет (г. Нукус, Узбекистан)
Genjioga@rambler.ru

ОБ ИЗМЕНЕНИИ СТРУКТУРЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье основным объектом изучения является установление категориального статуса грамматического рода в среднеанглийском языке, рассматриваются этапы изменения его грамматической сущности, которая приобретает логико-семантический характер, изучаются особенности трансформации его функциональной нагрузки.

Ключевые слова: *категориальный статус, грамматический род, дейктическая функция, флективная форма, коммуникативная ситуация, родоиндикаторные местоимения, одушевленность, неодушевленность, структурные изменения, процесс персонификации, активность, пассивность.*

В древнеанглийском языке категория рода имела лексико-грамматический характер, т.е. каждое существительное со всеми его формами принадлежало к определенному роду. При этом грамматический род обнаруживался, с одной стороны, благодаря принадлежности существительного к определенному классу, типу склонения. Однако в среднеанглийском языке данные признаки грамматического рода полностью исчезли. Тенденция принадлежности существительного к определенному роду прекратилась. Род стал определяться не грамматическим способом, а лексическим или словообразовательным значением производных слов, особенно анафорической (референтной, дейктической) функцией личных местоимений he, she, hit. Тем не менее надо отметить, что классификация существительных по родам не исчезла, лишь изменился ее характер и способ проявления. «Род перестал быть грамматической категорией, он стал выражаться не грамматической формой, а лексической» [3, с. 62].

Вопрос о наличии категории рода в среднеанглийском языке и способов его выражения, содержания и функционирования решается исследователями по-разному, что отражено и в работах зарубежных авторов (И. Фодор, С. Моор, Н. Барон, К. Джоунз, Е. Классен, Е. Мейсгер, Л. Морсбах, А. Джоли, Г. Керм). По мнению этих авторов, родовая классификация как в среднем, так в новоанглийском языках осуществляется посредством личных местоимений he, she, hit (соответственно с другими формами). Они мотивируют это тем, что «согласовательное (грамматическое) средство выражения рода ослаблено и оно постепенно переходит в семантическое (понятийное) согласование». [4, с. 248]. Тем не менее отсутствуют работы, специально посвященные изучению соотнесенности родовых местоимений с производными, сложными и сложнопроизводными словами в системе лексической деривации по среднему периоду языка. В первой половине среднеанглийского периода (XII–XIII вв.) в большинстве диалектов произошло отмирание грамматического рода. Однако, с другой стороны, в южном диалекте до XII века согласование, как средство выражения грамматического рода, продолжало функционировать. Это дает основание считать, что до XII века в среднеанглийском периоде наблюдается одновременно наличие грамматического и неграмматического рода, когда постепенный перевес переходит на неграмматическое развитие категории рода и полностью исчезает грамматический род.

В начале XIII века существительные уже перестают восприниматься как принадлежащие к тому или иному грамматическому роду. К этому времени завершается процесс перестройки в классе местоимений. Указательные местоимения þe, þeo, þat утрачивают родовую дифференциацию и переходят к выполнению функции определенного артикля þe→the, а падежные формы среднего рода þat, þis – как указательные местоимения, а склонение определенного артикля стало исчезать. Например: to **þan** kinge (д.а. tō þæm cyninge), mid **þan** flōde (д.а. mid þæn flōde). И в XIV в. артикль окончательно стал неизменяемым.

Однако личные и указательные местоимения третьего лица единственного числа обладали родовой семантикой и продолжали сохранять эту дифференциацию. Об этом свидетельствуют примеры из литературных источников: «…the younge sonne hath in the Ram **his** halve cours y-ronne» ('молодое солнце пробежало половину своего

© Тлеумуратов Г., 2011

пути в знаке Овна`) [3, с. 60], где местоимение his, относящие к слову sonne, указывает либо на мужской, либо на средний род (так как формы мужского и среднего рода здесь совпадали), но никак не на женский род, куда относилось слово «sunne» в древнеанглийском.

Категория рода в среднеанглийском начинает проявляться в лексических, семантических отношениях (значениях) имен существительных, поэтому она может выражаться не непроизводным существительным, а с помощью присоединяющихся к ним деривационных формантов, других добавочных лексических (т.е. композитных) средств, а также родовыми (родоиндикаторными) местоимениями he, she, hit, заменяющими имена существительные в коммуникативных ситуациях.

Таким образом, дейктическая функция личных местоимений he, she, hit (в том числе и указательных) стала определять семантические основы одушевленных и неодушевленных существительных, которые формировались уже в древнеанглийском языке. В данном периоде указательные местоимения выполняли две функции в согласовательной группе: во-первых, они определяли существительные, которые согласовались в роде, падеже и иногда в числе и, во-вторых, служили индикатором грамматического и неграмматического рода. Например: se mann (мужской род), seo sæ (женский род), þæt lond (средний род). Примеры из «Beowulf»: «Gemunde þa **sē** god**a**, **mæg** higelaces æfenspræce» ('тогда хороший родственник из Хигелак вспомнил вечерную речь'). Встречаются случаи, когда они служили индикатором семантического рода: sēo wifmann (та женщина), sēo (женский род), wifmann (средний род).

В поздних текстах древнеанглийского языка встречаются и случаи пренебрежения грамматическим родом при употреблении личных местоимений, что можно отнести за счет забвения старого грамматического рода. Например: «Etaþ þisne **hlāf**, **hit** is mīn līchoman» ('ешь этот хлеб, это – мое тело') (from Aelfric); «hie cōmon þæt **cild** ymbsnīþan, and nemdon **hyne** hys fæder naman Zachariam» ('они пришли сделать обрезание ребенку, которого звали Захария по имени своего отца'); «**Sē** hearp**ere** wæs swiðe ungefræglice good, ðæs nama wæs **Orfeus**; **hē** hæfde ān swiðe ænlic **wif**, **sio** wæs haten Eurudice» ('Арфист был поразительно хорошим, его звали Орфей, у него была замечательная жена, и звали ее Эвридика).

«**His brōþor dohtor** eft siðð on Myrcan wearð **cwēn**, and geaxodē **his bān** and gebrohte **hit** to Bardanige mynstre, þe **hēo** micclum lufode» ('дочь его брата снова стала королевой Мерсии, нашла его кости и привезла в монастырь Бардани, который она очень любила').

«Gecwæþ tō ānum of his learnung **cnihta**, **sē** wæs gehaten Philippus» ('сказал одному из своих учеников, которого звали Филипп').

«…þā cōm **hē** on morgenne tō þæm tungerēfan **sē** þē **ēaldorman** wæs, sægde him…» ('когда он пришел в городок утром, своему правителю сказал….').

Как видно, личные местоимения, в отличие от указательных местоимений, выполняли родоиндикаторную роль не в синтаксических сочетаниях, а анафорически замещали существительных с различной деривационной структурой, классифицируя их по признакам одушевленности и неодушевленности. Это убеждает нас, что начало лексико-семантической основы категории рода существовало в корне древнего периода и развилось также при процессе расшатывания морфологического строя древнеанглийского языка, и этот процесс дополнительно обусловил дальнейшее изменение структуры категории грамматического рода.

В среднеанглийском языке находим частое и регулярное употребление личных местоимений he, she, hit при замене существительных, определяющих биологический род. В данный период языка местоимения se, seo перестали постепенно указывать на такое различие. Они перешли к форме þe, the и сохранили только определяющую функцию существительных. Местоимения he, she, указывая на анафорически (дейктически) одушевленные существительные, были индикаторами естественного рода. Определение роли неграмматического рода переходит к функции личных местоимений. Однако необходимо отметить тот факт, что здесь род выражается значением другого класса (лексико-грамматического разряда), т.е. родоразличающими признаками местоимений, а не самим существительным, так как род в среднеанглийском языке выражается и лексически. Анафорическая функция личных местоимений he, she заключается в том, что они дейктически дифференцируют биологический пол одушевленных, личных и неличных существительных, более того, нельзя забывать об их персонифицирующей роли, когда при субституции уча-

ствуют все классы местоимений: he, she, hit, him, her, it, his, himself, hirself, hitfself. Данный способ дифференциации рода является только признаком указанных местоимений, а не имен существительных, поскольку они замещают все классы существительных – конкретных, абстрактных, личных и неличных, одушевленных и неодушевленных и др.

На наш взгляд, употребление личных местоимений в процессе персонификации существительных должно рассматриваться отдельно, независимо от категории рода, на основе стилистического аспекта, как одна из функций личных местоимений, а не категории рода, ибо данный аспект является другой проблемой родовой характеристики имен существительных в среднем и новоанглийском языках. Поэтому это явление не относится к чисто родовой классификации имен существительных и не следует соотносить его с термином «род», нужно учитывать его значение при употреблении местоимений для образного употребления существительных на разных исторических этапах развития английского языка. Процесс персонификации существовал и в древнеанглийском языке, видимо отражая «эмоциональную настроенность говорящего», его «образное отношение к данному объекту», т.е. употребление «предметов», имевших при себе несколько причин (влияние мифологических и религиозных понятий, а также влияние родовых разделений латинских имен существительных, исходя из традиционных мировоззрений, и др.), связанных особенно с уровнем сознания человека того времени, а также с интра- и экстралингвистическими факторами в эволюционом развитии общества и его языка. Полное описание этого явления было предметом отдельного исследования.

Следует отметить, что в среднеанглийском лексико-семантическая основа категории рода может отражаться в деривационной структуре имен существительных при их местоименной соотнесенности. Данное явление можно проиллюстрировать следующими примерами:

«And ther come a ricchere and bringe him a gifte, he shal in to the freitur and ben i-mad ful glad»;

«An preost wes on leoden, Lagamon wes I – hoten: He wes Leovanaðes sone, liðe him beo drihten»;

«A trewe **swynkere** and a good was he,
Lyrynge in pees and parfit charitee»;

«Into þat tyme þe nobill king vith his flot and a few menge» (from Cant-T.).

Соответственно, местоимения he, she заменяли одушевленные существительные и выражали идею активности, а hit заменял неодушевленные существительные и выражал идею пассивности.

Итак, в среднеанглийском языке категория грамматического рода, выступавшая как лексико-грамматическая категория имен существительных, в процессе исторического развития постепенно стала как понятийная, лексико-семантическая категория. Необходимо отметить, что способы выражения категория рода посредством деривационных формантов и словосложения на материале среднеанглийского языка требуют своего дальнейшего, более детального изучения.

Библиографический список

1. *Ельмслев Л.О.* О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 115–127.

2. *Расторгуева Т.А.* Очерки по исторической грамматике английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 160 с.

3. *Смирницкий А.И.* История английского языка (Средний и новый период). – М.: Добросвет, 1998. – 223 с.

4. *Joly A.* Towards a theory of Gender in Modern English // Studies in English Grammar. – Paris: Universite de Lille III, 1975. – P. 228–287.

5. *Mossé Fernand.* A Handbook of Middle English. – Baltimore., 1952. – P. 44–65.

6. *Sweet H.* A New English Grammar logical and historical. – Part I. – Oxford., 1950. – P. 450–467.

Источники

7. S-ASR: Sweet H. Sweet`s Anglo – Saxon Reader in prose and verse. – Oxford: Clarendon Press, 1950. – 312 p.

8. Cant-T: Chaucer G. The Complete Works // Canterbury Tales. – London-New York., 1942. – 460 p.

9. Layamon: Layamon. Brut, or Chronicle of Britain. – London., 1974. – 210 p.

УДК 81-115

Шамсеева Гульнара Хамитовна
кандидат филологических наук
Казанский юридический институт МВД России
gulnarashamseeva@mail.ru

АНАЛИЗ ЧАСТЕРЕЧНОЙ И СТРУКТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается вопрос системности терминосистемы юриспруденции. Доказано, что юридическую терминологию следует рассматривать как в плане выражения, так и в плане содержания. Представлен частеречный и структурный анализ терминов права в английском и татарском языках.

Ключевые слова: *система юридических терминов, терминология и части речи, термины-существительные, простые термины и составные термины.*

Одним из важных требований к употреблению юридической терминологии в тексте нормативно-правового документа является единство и системность.

Для единства юридической терминологии необходимо, чтобы при обозначении в нормативном тексте определенного понятия последовательно употреблялся один и тот же термин, а при обозначении разных, не совпадающих между собой понятий использовались различные термины. Иначе в правовой деятельности возможны путаница и даже ошибки.

Говоря о системности терминологии, зачастую исследователи обращаются, прежде всего, к анализу плана выражения: термины изучаются в плане их морфологического строения, а если речь идет о составных (полилексемных) терминах, то рассматриваются основные типы моделей, на основе которых они возникают. Подобное изучение терминологии мы считаем не полным и в какой-то мере оторванным от самого объекта изучения конкретной области знания, от содержательной стороны терминов. Поэтому в нашем исследовании мы хотели бы описать терминосистемы юриспруденции английского и татарского языков, как в плане выражения, так и плане содержания. Говоря о содержательной стороне термина, мы стремимся подчеркнуть связь слова и понятия, им обозначаемого. Системность терминов, проявляющаяся как в плане выражения (внешняя системность), так и в плане содержания (внутренняя системность), может служить показателем степени упорядоченности терминологии. Этого же мнения придерживаются авторы «Общей терминологии» А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. Они считают, что жизнеспособность той или иной терминосистемы, в том числе лингвистической, определяется в первую очередь ее упорядоченностью. При этом любой из терминов должен предельно точно и логически вписываться в метатаксоническую систему. А без системной упорядоченности терминов немыслима их кодификация, чего настоятельно требует такое крупное и глубокое системное явление, каким является метаязык лингвистики [7, с. 42].

Прежде чем перейти к анализу плана выражения юридических терминов в английском и татарском языках, мы считаем, что необходимо пролить свет на вопрос так называемой «частеречности» в терминологии права. Любой ученый и лингвист, занимающийся вопросами слова и терминообразования, рано или поздно задается вопросами: «Какая часть речи является наиболее продуктивной в процессе терминотворчества? Какой частью речи чаще всего предстает терминология?» Ответы на эти вопросы не ясны и обсуждаются.

Многие лингвисты (Г.О. Винокур, Дж. Милль, С.М. Бурдин, Н.А. Щеглова, А.И. Моисеев) вслед за О.С. Ахмановой отдают безоговорочное предпочтение имени существительному: «…В европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительным» [4, с. 11]. И это неудивительно, так как термины-существительные являются ядром терминологической системы и по своей природе они обеспечивают возможность называть отвлеченно как предметы, так и качества, действия.

Тем не менее многие исследователи (М.В. Касимова, В.П. Даниленко, Т.В. Губаева, О. Манн,

 © Шамсеева Г.Х., 2011

Т.М. Балыхина, О.В. Авакова, Е.Б. Ершова, Г.И. Одинокова, С.П. Хижняк) говорят о возможном употреблении в функции термина и других частей речи, так как набор терминируемых понятий шире, чем категория существительного, и термин необходимо рассматривать в тексте, где он представлен разными частями речи.

Мы придерживаемся этой точки зрения и считаем, что терминологию не следует ограничивать рамками одной части речи. В ходе проведенного нами исследования мы выявили, что юридическая терминология в английском и татарском языках имеет в своем составе слова различных частей речи. В ее составе наряду с существительными, составляющими ядро терминосистемы права, есть и глагольные формы, и прилагательные, и наречия. Отличаются они лишь степенью продуктивности. Материал юридической терминологии подтверждает все вышесказанное. Например, в английском языке: **to appeal** – подавать апелляцию, **to rate** –облагать налогом, **to resentence** – пересмотреть дело, **guilty** – виновный, **guiltless** – невиновный, **suspicious** – подозрительный, **heretofore** – ранее, до сего времени, **urgently** – срочно; в татарском языке: **хокукый** – правовой, **дәлилләү** – аргументировать, **мәҗбүри** – принудительный, **каттый** – безапелляционный, **рәсми** – официальный, **даими** – постоянно, **кылу** – свершать, **халыкара** – международный, **аңлы рәвештә** – осознанно, **ничшиксез** – бесспорно, **каракларча** – воровски, **бушлай** – бесплатно.

В структурном плане с точки зрения формы выражения в юридической терминологии английского и татарского языков можно выделить термины, выраженные словом, термины, выраженные словосочетанием, и аббревиатуры. При этом термины, выраженные словосочетанием, составляют 40% в терминосистеме права английского языка и 71% в терминосистеме права татарского языка.

Простые термины чаще всего выражают научные понятия, которые являются родовыми по отношению к видовым понятиям. Состав однословных терминов довольно разнороден, однако в нем можно выделить три основных структурных типа.

Под **простыми (или корневыми)** терминами принято понимать однословные термины, основа которых совпадает с корнем. Давность происхождения английских базовых юридических терминов обусловила высокую степень их ассимилированности, проявившейся в редукции и опрощении, что обусловило достаточно высокий процент односложных слов в английской юридической терминологии: **judge** – судья, **fee** – гонорар, **fine** – штраф, **court** – суд, **bill** – иск, **tax** – налог, **rule** – правило, **crime** – преступление, **oath** – клятва, **draft** – вексель, **right** – право, **case** – дело, **law** – закон, **bond** –обязательство, **proof** – доказательство, **suit** – иск, **loss** – убытки, **grant** – отчуждение прав собственности и др. В корпусе исследованного нами материала они составили 30%. Совершенно иную картину можно наблюдать в татарской юридической терминологии. Корневых слов в терминосистеме юриспруденции татарского языка довольно немного (около 10%), и представлены они, прежде всего, терминами иноязычного происхождения, а также очень ограниченным числом исконно татарских слов. Например, **хокук** – право, **салым** – налог, закон, **хаким** – судья, **карар** – постановление, **җәза** – наказание, **гамәл** – действие, **чара** – средство, **матдә** – статья, **ирек** – свобода, **шарт** – условие, **дәүләт** – государство, **киңәш** – совет, **максат** – цель. Суффиксальные и сложные заимствования в татарском языке также можно рассматривать как корневые основы, так как они образованы по языковым законам источника. Такими терминами и компонентами терминосочетаний в татарском языке являются: **амнистия, санкция, штраф, шантаж, диспозиция, инстанция, инспекция, закон, документ, порнография, деликт, диверсия, мәгълүмат** – сведения, **икътисадый** – экономический, **хосусый** – правовой, **җинаять** – преступление и др.

К **аффиксальным** (или производным) относятся однословные термины, основа которых содержит корень и аффикс, например, в английском языке: **inspector** – инспектор, **offender** – правонарушитель, **holder** – владелец, **payee** – получатель платежа, **speeding** – превышение скорости, **trustee** – доверенное лицо, **misconduct** – неправомерное поведение, **misapplication** – растрата; в татарском языке: **законлылык** – законность, **саксызлык** – неосторожность, **башкаручы** – исполнитель, **җаваплылык** – ответственность, **күрсәтмә** – наглядный, **тикшерүче** – следователь и др. Сопоставительный анализ двух разноструктурных языков показал, что аффиксальные или производные термины также достаточно активны и составляют 18% от общего количества терминов в английском языке и 13 % в татарском языке.

К **сложным** относятся однословные термины, имеющие в своем составе не менее двух корневых морфем. Сложные термины, как в английском, так и в татарском языке, единичны и составляют незначительное число от количества общих терминов права: 5% в английском языке (например, **penny-weighter –** вор, крадущий ювелирные изделия); и 4% в татарском языке (**бертигез –** равный, **тавышйоткыч** – глушитель, **массакүләм –** массовые, **икетеллелек** – двуязычие, **халыкара** – международний). Анализ нашего исследования показал, что среди моделей словосложения в английском и татарском языках наиболее распространенными являются следующие:

N+N=N: в английском языке: **gunman** – вооруженный преступник, бандит, **pawnshop –** ломбард, **birthright –** право по рождению; **juryman –** член коллегии присяжных; в татарском языке: **кулъязма** – рукопись, **башкала** – столица.

Adj+N=N: в английском языке: **frank-law –** статус свободного человека, **blackmail –** шантаж, **blackmarket –** черный рынок; в татарском языке: **исерекбаш** – алкоголик, **әрәмтамаклык** – тунеядство.

Менее распространенная модель N + prep. + N для английского языка: **man – in – possession** – хранитель описанного имущества, **master – at – arms** –главный старшина корабельной полиции, и модель N+V для татарского языка: **эшкуар** – предприниматель, **юлбасар** – грабитель.

Значительную часть юридической терминосистемы составляют сокращения, среди которых самая большая роль отводится аббревиатурам. Аббревиатуры – сокращенные номинативные единицы, которые распространены в терминосистеме английского права. По нашим данным в терминологии права Англии при помощи аббревиации образовано 7% всего объема правовой лексики. Продуктивность аббревиации в современном английском языке отмечают многие современные исследователи: И.В. Арнольд, Л.Ф. Каховская, О.Д. Мешков, А.В. Абрегова и др.

В татарской юридической терминологии мы выявили незначительное число аббревиатур (около 2%): **ЭЭМ (Эчке Эшләр Министрлыгы)** – МВД (Министерство Внутренних Дел); **ТР Конституциясе (Татарстан Республикасы Конституциясе)** – Конституция РТ, **РФнең ҖК (Россия Федерациясенең Җинаять Кодексы)** – УК РФ (Уголовный Кодекс Российской Федерации), **ОҖТ (оешкан җинаятьчел төркем)** – ОПГ (организованная преступная группа), **ЭЭБ (эчке эшләр бүлеге)** – ОВД (отдел внутренних дел), **БМО (Берләшкән Милләтләр Оешмасы)** – ООН (Организация Объединенных Наций), **ЭЭО (эчке эшләр органнары)** – ОВД (органы внутренних дел), **ТТШ (торак төзү ширкәте)** – ЖСК (жилищно-строительный кооператив), **ХТУ (хезмәт белән төзәтү учреждениеләре)** – ИТУ (исправительно-трудовые учреждения).

В английском языке на основе однокомпонентных терминов права аббревиатуры представлены следующими типами:

1) инициальные аббревиатуры, состоящие из названия букв: **L.C.** – Lord Chancellor;

2) слоговые аббревиатуры: **jurisd.** – jurisdiction; **law.** – lawyer;

3) контрактуры: **dct** – document; **arrgt** – arrangement; **brd** – board.

Среди аббревиатур на базе многокомпонентных терминов в английском языке различаются следующие типы:

1) инициальные аббревиатуры, состоящие из начальных звуков слов словосочетаний: **FO** – Foreign Office – министерство иностранных дел;

2) инициальные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв и словосочетаний**:** **J.U.B.** – Justice of the Upper Bench – судья верхней скамьи;

3) слоговые аббревиатуры: **Bitt. Pr. Cas**. – Bittles ton's Practice Cases – сборник судебных решений составителя Биттельсона;

4) аббревиатуры, состоящие из начальной части слова и целого слова: **B/Lading** – bill of lading – транспортная накладная, коносамент;

5) аббревиатуры, состоящие из контрактур: **adv.frt.** – advance freight – аванс фрахта;

6) слоговые аббревиатуры, представляющие собой первый слог или слоги первого слова в словосочетании; данный тип аббревиатур используется для обозначения сборников судебных решений различных составителей, названия которых сокращаются до одного, двух слогов фамилии: **Deac – Deacon's Bancrutcy Reports** – сборник решений по делам о банкротстве, составитель Дикон.

Анализ частеречной и структурной характеристики юридических терминов в исследуемых языках показал, что терминосистема юриспруденции в исследуемых языках имеет в своем составе слова различных частей речи: имя существительное, глагол, прилагательное, наречие. От-

личаются они лишь степенью продуктивности. Термины, выраженные словосочетанием, в юридической терминологии английского языка составляют 40%, а в юридической терминологии татарского языка 71% от общего количества терминов. В английской юридической терминологии достаточно высокий процент односложных слов – 30%. Простых терминов в терминосистеме юриспруденции татарского языка нами было выявлено незначительное количество (10%). Производные термины составляют 18% в английской и 13% в татарской терминосистеме права. Сложные слова в исследуемых языках составили незначительное число от количества общих терминов права: 5% – в английском языке, 4% – в татарском языке. Были выявлены общие структурные модели: N+N=N, Adj'+N=N. Исследование показало, что при помощи аббревиации образовано 7% всего объема правовой лексики в английском языке и около 2% в татарском языке.

Библиографический список

1. *Абрегова А.В.* Специфика формирования и функционирования юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке: Дис. … канд. фил. наук. – Саратов, 2005. – 129 с.

2. *Амиров К.Ф.* Русско-татарский юридический словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. – 103 с.

3. Англо-русский полный юридический словарь. Академическое издание / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.

4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 608.

5. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка. – М., 1976. – 248 с.

6. *Николаева М.М.* Формирование и развитие терминологии уголовного права в татарском языке: Дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 238 с.

7. *Суперанская А.В.* Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

УДК 410

Шаталова Ольга Васильевна
кандидат филологических наук
Липецкий государственный педагогический университет
shat_o_v@mail.ru

АВТОР И ПЕРСОНАЖ: СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

В статье обосновывается возможность разграничения речи автора и персонажа в рамках несобственно-прямой речи на основе синтаксического анализа (на материале романа И.А. Гончарова «Обломов»).

Ключевые слова: *языковая личность, автор, персонаж, приоритетные синтаксические конструкции.*

Одной из самых актуальных проблем исследования художественного текста является разграничение позиции автора и персонажа, что связано с возможными формами представления (репрезентации) образа автора и образа персонажа в ткани текста средствами языка. Сегодня изучение личности автора и персонажа напрямую связано с концепцией языковой личности, так как язык –субстанция, в которой существует персонаж и в которой автор может проявить себя в соотношении с текстом (действием) художественного произведения. В создании и оформлении языковой личности особая роль принадлежит индивидуальной речи и автора, и персонажа, так как в языковом поведении персонажа, в порождаемых им текстах, по наблюдению Ю.Н. Караулова, «опредмечивается» духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений [1].

Лексикон и манера речи являются общепризнанными репрезентантами параметров языковой личности. В то же время можно говорить о том, что выбор говорящим синтаксической конструкции для выполнения конкретных коммуникативно-прагматических установок определяется внутренними возможностями того или иного вида конструкции. Следовательно, синтаксические параметры позволяют разграничивать языковую личность автора и персонажа.

В романе И.А. Гончарова «Обломов» автор и персонаж различаются не столько эмоционально-психическими установками, сколько сюжетно-композиционными ролями. Повествование ведется от 3-го лица (третьеличный нарратив),

© Шаталова О.В., 2011

автор здесь представлен как «неперсонифицированный всезнающий повествователь-творец, не принадлежащий миру текста и не обладающий прагматической мотивированностью» [2]. Автор-рассказчик наблюдает происходящее как бы со стороны, но в то же время вникает в размышления героев, дает квалификацию тому или иному сюжетному повороту с помощью различных языковых форм реализации своей позиции.

Объективным методом для выявления спектра приоритетных конструкций, стилистических фигур и специфических синтаксических приемов в речи автора-рассказчика является анализ текстовых отрывков, которые представляют собой прямое авторское повествование. Автор – внимательный и чуткий наблюдатель, замечающий многочисленные детали происходящего, поэтому в речи автора частотными являются следующие синтаксические конструкции: 1) предложения с однородными членами; 2) предложения с распространенным определением; 3) предложения с приложением; 4) предложения с уточнением; 5) МСП с различными видами связи; 6) СПП с придаточными причины; 7) БСП с причинными отношениями между компонентами (в речи Обломова подобные конструкции фактически отсутствуют. Это связано с тем, что причины происходящего мало волнуют его мысль. Даже тягостные раздумья о сущности собственной натуры, огорчающие Обломова, заканчиваются следующим: – *Однако… любопытно бы знать… отчего я… такой?.. – сказал он опять шепотом. Веки у него закрылись совсем. – Да, отчего? Должно быть… это… оттого… – силился выговорить он и не выговорил. Так он и не додумался до* ***причины****; язык и губы мгновенно замерли на полуслове и остались, как были, полуоткрыты. Вместо слова послышался еще вздох, и вслед за тем начало раздаваться ровное храпенье безмятежно спящего человека*).

Синтаксическая характеристика языковой личности не может быть исчерпывающей без выявления приоритетных стилистических фигур. Наиболее распространенными в речи автора в романе И.А. Гончарова «Обломов» являются 1) расширенная метафора: *Он [Штольц] считал счастливым себя уже и тем, что мог держаться на одной высоте и, скача на коньке чувства, не проскакать тонкой черты, отделяющий мир чувства от мира лжи и сентиментальности, мир истины от мира смешного, или, скача обратно, не заскакать на песчаную, сухую почву жестокости, умничанья, недоверия, мелочи, оскопления сердца*; 2) сравнение: *Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью,* ***как у больного*** *или* ***как у человека, который хочет спать****, ни случайность,* ***как у того, кто устал****, ни наслаждением,* ***как у лентяя****: это было его нормальным состоянием*; 3) инверсия, которую можно считать специфической чертой идиостиля автора, проявляющейся фактически в каждом предложении.

Автор из своих детальных и последовательных наблюдений старается сделать определенные выводы, поэтому синтаксический рисунок речи часто выстраивается специфическим периодом, когда некоторое количество разнородных фактов, логически между собой связанных и передаваемых с помощью многочленных объемных конструкций с различными видами осложняющих компонентов, завершается простым предложением минимального объема, предложением-выводом. Например: *Из Михея не выработался делец и крючкотворец, хотя все старания отца и клонились к этому и, конечно, увенчались бы успехом, если б судьба не разрушила замыслов старика. Михей действительно усвоил себе всю теорию отцовских бесед, оставалось только применить ее к делу, но за смертью отца он не успел поступить в суд и был увезен в Петербург каким-то благодетелем, который нашел ему место писца в одном департаменте, да потом и забыл о нем.*

Так Тарантьев и остался только теоретиком на всю жизнь.

Таким образом, в речи автора в романе И.А. Гончарова «Обломов» формируется специфическая синтаксическая семантико-композиционная единица, имеющая промежуточные характеристики: это сложное синтаксическое целое, логически построенное как период, где несколько предложений различной структуры выступают как компоненты одной логической части, а простое предложение-вывод – как вторая часть. Данное синтаксическое явление можно условно обозначить как ССЦ-период. Также формируется «обратный» ССЦ-период, в структуру которого входят предложение-тезис (ПП) и предложения-обоснования.

Анализ языковой личности главного героя романа Гончарова по аналогичным параметрам позволяет выявить, что приоритетны в речи Об-

ломова следующие синтаксические конструкции: 1) простые предложения; 2) СПП с придаточным изъяснительным; 3) СПП с придаточным определительным; 4) предложения с вводным и вставным компонентом.

Наиболее часто в речи Обломова проявляются такие стилистические тропы и фигуры, как: 1) лексический повтор (*...Все это* ***к лицу*** *молодости, которые легко переносит* ***и приятные и неприятные*** *волнения; а мне* ***к лицу*** *покой, хотя скучный, сонный, но он знаком мне...*), 2) эпитеты (***чистое, благоуханное*** *воспоминание;* ***фальшивый, негреющий*** *свет;* ***задумчивая, затаенная*** *сила;* ***мягкий*** *и* ***свежий*** *голос*); 3) **фразеологизмы** (*Сегодня Мехмет Али послал корабль в Константинополь, и он* ***ломает*** *себе* ***голову****: зачем? Это им постороннее: они* ***не в своей шапке*** *ходят*).

Формально речь Обломова часто оформляется как монолог, но имеющий вопросно-ответную форму: *А я что такое? Обломов – больше ничего. Вот Штольц – другое дело: Штольц – ум, сила, уменье управлять собой, другим, судьбой. Куда ни придет, с кем ни сойдется – смотришь, уж овладел, играет, как будто на инструменте... А я?.. И с Захаром не управлюсь... и с собой тоже... я – Обломов!*

В романе И.А. Гончарова «Обломов» достаточно часто внешнее оформление повествования (пунктуация, семантические и грамматические маркеры) не соответствует внутренней «принадлежности» того или иного высказывания автору или персонажу. В художественном дискурсе внутренняя речь персонажа естественно переходит из одной формы представления в другую, например, из прямой – в косвенную или несобственно-прямую. При этом она сохраняет свою лексико-грамматическую структуру, в том числе синтаксическую специфику, однако теряет пунктуационную разграниченность с авторским текстом и лишается авторских ремарок, поясняющих, что передаваемые мысли, чувства принадлежат персонажу.

«Когда же жить? – спрашивал он опять самого себя. – Когда же, наконец, пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть еще ни на что не понадобится в жизни? Политическая экономия, например, алгебра, геометрия – что я стану с ними делать в Обломовке?»

И сама история только в тоску повергает: учишь, читаешь, что вот-де настала година бедствий, несчастлив человек; вот собирается с силами, работает, гомозится, страшно терпит и трудится, все готовит ясные дни. Вот настали они – тут бы хоть сама история отдохнула: нет, опять появились тучи, опять здание рухнуло, опять работать, гомозиться... Не остановятся ясные дни, бегут – и все течет жизнь. Все течет, все ломка да ломка.

Лексический, синтаксический и стилистический рисунок текста, выделенного формально в отдельный абзац и лишенный внешнего указания на то, что это речь Ильи Ильича Обломова, органично продолжает его размышления, оформленные как прямая речь в предыдущем абзаце, содержащем авторскую ремарку. Во втором абзаце данного отрывка присутствуют такие приоритетные формы речи Обломова, как: высказывание состоит в основном из простых предложений, осложненных минимальными синтаксическими рядами с соединительным союзом (*терпит и трудится, ломка да ломка*), в которых используется прием лексического повтора (*гомозиться, работать, опять, течет, ясный*). Также данный отрывок интонационно совпадает с эмоциональными прямыми высказываниями, оформленными как произносимые вслух монологи, например, в споре с Пенкиным о сущности литературы (ч. 1, гл. 2) или в диалоге со Штольцем о жизни (ч. 2, гл. 4).

Если же речь, оформленная как авторское повествование, переходит в косвенную или несобственно-прямую речь персонажа, то она меняет свою лексико-грамматическую структуру, а также синтаксическую организацию текста.

Например, сцена утренних размышлений Обломова (ч. 1, гл. 8) написана от лица автора с незначительными по объему вставками прямой речи, передающими формальный диалог с Захаром, не влияющий существенно на семантическое развитие сюжета.

(1) *Настала одна из ясных сознательных минут в жизни Обломова.*

(2) *Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались один за другим и беспорядочно, пугливо носились, как птицы, пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине, разные жизненные вопросы.*

(3) *Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так широко и полно живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования*.

(4) *В робкой душе его выработывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца*.

(5) *А между тем он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы, и давно пора этому золоту быть ходячей монетой*.

(6) *Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором*. (7) *Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища*. (8) *Что-то помешало ему ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли*. (9) *Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения*…

(10) *И уж не выбраться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку*. (11) *Лес кругом его и в душе все чаще и темнее; тропинка зарастает более и более; светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы*. (12) *Ум и воля давно парализованы, и, кажется, безвозвратно*.

(13) *События его жизни умельчились до микроскопических размеров, но и с теми событиями не справится он; он не переходит от одного к другому, а перебрасывается ими, как с волны на волну; он не в силах одному противопоставить упругость воли или увлечься разумом вслед за другим*.

(14) *Горько становилось ему от этой тайной исповеди перед самим собою*.

Однако то, что автор передает эмоциональное состояние героя, его духовно-нравственные искания, влияет на внутритекстовое развитие повествования. Анализируемый отрывок представляет собой авторское повествование, которое начинается с объективного описания внешнего положения и внутреннего состояния героя и постепенно переходят в перечисление тех фактов, которые составляют образ идеальной жизни в представлении Обломова. Но чем более автор погружается в описание мира Обломова, тем более приближается интонация и семантика речи автора к интонации и семантике речи героя, происходит последовательное изменение и субъективно-модальной интонации, которая становится более эмоциональной, окрашенной экспрессивными оттенками («субъективно-модальный план персонажа чаще связан с эмоциональной оценкой ситуации, а авторский – с интеллектуализованной» [3]).

Здесь можно наблюдать своеобразный кинематографический прием («наезд камеры»), когда от крупных планов (в данном случае имеются в виду объективные авторские оценки) происходит переход к детальному изображению объекта, и в этот момент происходит подмена того, чьими глазами читатель / зритель видит происходящее, то есть проникновение, погружение в мир Обломова происходит при непосредственном его участии. Затем процесс принимает обратное направление (по внешнему фабульному развитию сцены Обломов начинает засыпать), происходит «отъезд камеры», читатель слышит уже не голос Обломова, а вновь речь автора, спокойно и относительно беспристрастно наблюдающего своего героя. Такая «волнообразная» организация текстового пространства, характеризующаяся переходом типа «прямая речь автора – несобственно-прямая речь персонажа – прямая речь автора», проявляется в том числе и в синтаксическом оформлении. Учитывая приоритеты использования синтаксических конструкций, стилистических фигур автором и персонажем, можно выстроить следующую схематическую характеристику текста, основанную на структурных и коммуникативно-прагматических свойствах каждого предложения:

1) ПП, предложение-тезис в ССЦ-периоде; (Автор – далее: А)

2) МСП, составные компоненты осложнены однородными членами (*судьба и назначение; беспорядочно, пугливо*), сравнительным оборотом (*как птицы*), распространенными и нераспространенными определениями (*пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине* и др.); (А)

3) МСП с разными видами связи, составные компоненты осложнены однородными членами (*неразвитость, остановка, тяжесть*), минимальными синтаксическими рядами с соедини-

тельным союзом (*широко и полно; узкая и жалкая*), распространенными и нераспространенными определениями (*мешающую всему* и др.), присутствуют книжно-риторические метафоры (*зависть грызла его; как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования*); (А / ПЕРСОНАЖ – далее: П)

4) МСП с однородным подчинением, с придаточными определительными, составные компоненты – простые предложения, ничем не осложненные, используются эпитеты (*в **робкой** душе его вырабатывалось **мучительное** сознание*), лексический повтор (*вырабатывалось, разработаны*), присутствует метафора (*стороны натуры не пробуждались… тронуты… не разработаны*); (А / П)

5) МСП с разными видами связи, составные компоненты осложнены однородными членами (*хорошее, светлое*), сравнительным оборотом (*как в могиле; как золото в недрах горы*), определениями (*теперь уже умершее* и др.), вводными словами (*может быть*), используется лексический повтор (*золото*), предложение организовано семантически как развернутая метафора; (А / П)

6) ПП, осложнено минимальным синтаксическим рядом с соединительным союзом (*глубоко и тяжело*) и фразеологизмом (*лететь на всех парусах*); (П)

7) ПП, осложнено минимальными синтаксическими рядами с соединительным союзом (*украл и закопал, миром и жизнью*); (П)

8) аналогично предложению 7; (П)

9) аналогично предложению 6; (П)

10) ПП, осложнено минимальным синтаксическим рядом с соединительным союзом (*из глуши и дичи*) и вводным словом (*кажется*); (П)

11) БСП, составляющие компоненты осложнены минимальными синтаксическими рядами с соединительным союзом (*кругом и в душе, чаще и темнее, более и более, просыпается и будит*), присутствует метафора (*сознание просыпается и будит спящие силы*); (П)

12) аналогично предложению 10; (П)

13) МСП с разными видами связи, составные компоненты осложнены однородными членами (*хорошее, светлое*), сравнительным оборотом (*как с волны на волну*), используется лексический повтор (*события*) и фразеологизм (*не в силах*), присутствует инверсия; (А / П)

14) ПП, предложение-вывод (А).

При этом и лексико-семантическое наполнение предложений, характерных для речи автора и речи персонажа, различается. Высказывания автора как лица, объективно и относительно нейтрально наблюдающего Обломова, лексически достаточно нейтральны, в них присутствуют научные термины, имеющие определенные рационально-количественные оттенки в значении (*одна из, параллель, остановка в росте, нравственный, сознание, парализован, микроскопический*); персонаж предстает как эмоциональная личность, поэтому в его речи присутствуют неопределенные местоимения, слова с книжно-риторической коннотацией, отражающие экспрессию говорящего (*судьба, назначение, жалкий, мучительный, дрянь, сор, кто-то, что-то, поприще*).

Таким образом, текстовый рисунок обозначается переходом от собственной речи автора, через посредство конструкций, носящих промежуточный характер, то есть построенных с использованием синтаксических приоритетов как автора, так и персонажа, к конструкциям, характерным для речи именно персонажа, а затем обратный переход. Причем этот процесс отличается плавностью, соблюден один из основных языковых принципов – образование промежуточных зон между изначально полярными составляющими.

Таким образом, анализ синтаксической природы данного отрывка позволяет выявить специфику взаимоперехода речи автора в речь персонажа и наоборот, реализующегося в типе несобственно-прямой речи.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2003. – С. 70.

2. *Попова Е.А.* Литературная коммуникация как объект изучения лингвистики нарратива // Филологos. – 2008. – Т. 1–2. – №4. – С. 224.

3. *Коростова С.В.* Несобственно-прямая речь как объект лингвопрагматического анализа художественного текста // Русский язык в школе. – 2010. – №7. – С. 17.

УДК 882.09

Яковлев Артём Игоревич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
artyakovlev@mail.ru

ПАРОДИЯ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (на примере пушкинского интертекста в романе А. Белого «Петербург»)

Статья посвящена проблеме интертекстуальных вкраплений пародийного характера в романе А. Белого «Петербург». Исследование основывается на теоретических положениях, выдвинутых Ю. Тыняновым в труде «О пародии» (1929). Рассматриваются лингвистические основы иронического переосмысления пушкинского текста, выявляется разнообразие интертекстем, определяется их роль в структурно-смысловой организации текста.

Ключевые слова: *пародия, ирония, гротеск, интермедиальность, градация, претекст.*

Несмотря на широкую популярность уже со времён античной литературы, пародийный жанр стал объектом лингвистического исследования относительно недавно. Впервые теоретическую концепцию пародии представил в своей статье отечественный исследователь Ю.Н. Тынянов; в дальнейшем проблема рассматривалась в рамках общелингвистической теории интертекстуальности. Жерар Женетт определил пародийные и травестийные связи между текстами термином *гипертекстуальность*. Другими видами интертекстуальных отношений, согласно классификации Женетта, являются собственно *интертекстуальность* (цитата, аллюзия, плагиат), *паратекстуальность* (внутритекстовые отношения между текстом и заголовком, эпиграфом, предисловием, послесловием и другими надтекстовыми образованиями), *метатекстуальность* (связь текста и критического комментария к нему), *архитекстуальность* (жанровая общность текстов) [5].

Ю. Тынянов теоретически углубляет и развивает филологическое определение пародии, разработанное его предшественниками (в частности, данное в словаре Буйе [см. : 9, с. 286]). В его понимании пародия есть не просто комическая трансформация отдельно взятого произведения: в тексте может полностью отсутствовать комический эффект, или же произведение основывается на имитации не просто претекста, но целого жанра, стиля писателя, даже литературного направления. Чаще всего новый текст содержит иронию, направленную на пародируемый объект.

Яркую ироническую окрашенность приобретают пушкинские интертекстемы в романе Андрея Белого «Петербург» (1913–1922) [1; 2]. Используемое название города в сильной текстуальной позиции (первоначально роман назывался «Лакированная карета», затем автор рассматривал несколько других вариантов) служит элементом противопоставления текстам Пушкина уже в самом прологе. Повторяющаяся дважды фраза *Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер* [2, с. 9] со сниженной стилистической коннотацией последнего элемента контрастна пушкинскому описанию Петербурга из вступления к «Медному всаднику» [7], также паратекстуального элемента произведения, схожего с «Прологом»: *...и перед младшею столицей // померкла старая Москва* [7, с. 275]. Стилистически нейтральное определение «*старая*», используемое Пушкиным в качестве элемента олицетворения, усиливается Белым в описании двух исторически предшествующих столиц, перифразы которых содержат архаичные интертекстуальные элементы высокого стиля, летописные крылатые выражения *Град первопрестольный – Москва; и мать градов русских есть Киев* [2, с. 9] (*первопрестольная*, устар. ‘почётно-торжественное название Москвы с начала XVIII в. после перенесения из неё столицы в Петербург’ [3]; о происхождении крылатого выражения *мать городов русских* см. [6]).

Другим переосмысленным описанием Санкт-Петербурга в романе Белого является знаменитый пушкинский перифраз *Люблю тебя, Петра творенье, // ...Невы державное теченье...* [7, с. 275] Метонимия *Петра творенье* и метафора *Невы державное теченье* находятся в оппозиционной интертекстуальной связи с метонимией Белого *кишащая бациллами вода* [2, с. 45, 53 и далее], использующейся сначала для негативной характеристики Невы, а позже – для передачи нездоровой атмосферы Петербурга. Это выражение многократно повторяется на протяжении всего романа и становится одним из лейтмотивов

 © Яковлев А.И., 2011

произведения. Ключевая авторская метафора *бацилла* приобретает объёмную семантическую продуктивность: *бацилла параграфа* [1, с. 411], *развивающийся бациллою Енфраншиш* [2, с. 280], *Я – не бацилла* [2, с. 273], сравнение в речи Александра Дудкина. В романе Белого имеется не только гипертекстуальная отсылка к Пушкину, но и аллюзия гоголевской «Шинели», построенная на пересечении семантических полей ядерных компонентов *бацилла* и *жаба*: *...ветер, по петербургскому обычаю, дул на него [Акакия Акакиевича] со всех четырех сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу...* [4, с. 494]. Хотя в произведении Гоголя нет прямой отсылки к «Медному всаднику» Пушкина, она появляется при рассмотрении текстуальной цепочки «Медный всадник» – «Шинель» – «Петербург». Гипертекстуальность в романе Белого служит связующим звеном между двумя другими произведениями, придаёт пародийный смысл гоголевской цитате. И.П. Смирнов в своей монографии «Порождение интертекста» назвал такое явление конинтертекстуальностью [8, с. 110].

Пародия на Пушкина представлена также и в интертекстемах более высокого уровня: в частности, в образе Медного всадника. Любопытно, что даже само название памятника, метатекстуальное образование, является в русском языке общекультурным крылатым выражением, о чём свидетельствует его использование в текстах многих писателей в функции генерализации авторских идей усиления диалогичности текста, субъективации художественного повествования. Пушкинский образ проникает в контекст романа Белого и приобретает негативную окрашенность при помощи целого ряда интертекстуальных средств, создающих языковую игру: прямой цитации, паратекстуальных ономастических вкраплений, приёмов интермедиальности.

Цитатность в романе Белого в большинстве случаев носит неатрибутированный характер, что способствует более естественному «внедрению» элементов претекста в новый текст. Однако наиболее яркая цитата, используемая при создании образа Петра I, выделяется из контекста как раз минимальным уровнем ассимиляции: в безумном видении Александра Ивановича Дудкина памятник императору произносит: *Petro Primo Catherina Secunda* [2, с. 283]. Текст, написанный на гранитном камне под памятником, вкладывается Белым в уста самого Петра, что способствует как созданию субъективного сюрреалистического повествования, олицетворения неодушевлённого объекта, так и моментальной идентификации образа читателем.

Другой цитатой из Пушкина является фраза, сказанная провокатором Липпанченко в момент давки тараканов перед собственной смертью: «*Ужо мало вам было?*» [1, с. 475] Хотя цитация здесь ограничивается использованием лишь одного элемента и имитирования структуры предсмертного высказывания Евгения: «*Добро, строитель чудотворный! – // ...Ужо тебе!..*» [7, с. 286]. Экспрессивность разговорно-сниженного наречия и схожесть сюжетного фрагмента служат средством вхождения Медного всадника в образную структуру эпизода. Пётр I прямо не присутствует в этом эпизоде, но оба высказывания героев построены по одинаковой коммуникативной модели: *говорящий – безмолвный адресат* (в случае Липпанченко адресатами являются тараканы, в случае Евгения – памятник Петру). В сознании читателя происходит восполнение схемы скрытого пародийного сравнения Петра с тараканом, что служит средством выражения авторской иронии.

Интересны и названия Медного всадника, которые Белый использует на протяжении кульминационных фрагментов повествования. Белый подвергает языковой игре крылатое выражение *Медный всадник*, выстраивая целый ряд трансформаций путём подмены компонентов: *Медный всадник – Медный Пётр* [2, с. 282]. Смысловые ассоциации пушкинской интертекстемы с известным выражением *медный купорос* прослеживаются в перифразе *Купоросного цвета плащ* [2, с. 341]. Наиболее интересным видом трансформации названия является *Медный гость*, контаминация двух пушкинских паратекстуальных выражений *Медный всадник* и *Каменный гость* [2, с. 282]. На базе этой трансформации возникают и другие схожие названия: *Крепкий гость* [2, с. 278], *Металлический гость* [2, с. 282]. Подчёркивание призрачности Петербурга, почерпнутое у самого Пушкина, усиливается Белым при помощи сравнения города с *Летучим Голландцем*, название которого объединяется с контаминациями крылатых выражений при перенесении качества нереальности, таинственности на основателя города: *Летящий всадник*, *Летящий гость* [2, с. 278]. Герой романа, Александр Иванович, без какого-либо авторского пояснения,

дважды прямо соотносится с пушкинским Евгением. Фраза рассказчика *...теперь повторилися судьбы Евгения...* предвосхищает дальнейшее развитие сюжета. Далее имя Александра Ивановича уточняется именем пушкинского героя при помощи обособленного приложения: *Александр Иваныч, Евгений, впервые тут понял: столетие пробежал понапрасну...* Гиперболизированная метафора *столетие пробежал понапрасну* приобретает символический смысл. Она отсылает читателя к сцене погони памятника за Евгением, а нарушение временных связей между пушкинским текстом и романом Белого, отмеченное обстоятельством образа действия в постпозиции, демонстрирует бессмысленность и самого «творения Петра», и всей петровской эпохи.

Интересна специфика интермедиальных связей обоих произведений с архитектурными памятниками. Амплификация эффекта безумия Евгения достигается за счёт использования в качестве ключевого образа не просто призрака Петра I, но – его памятника работы Фальконе, который представляет собой неодушевлённую скульптуру. Этот монумент ни разу не упоминается в тексте «Петербурга», однако Белый дважды описывает другой памятник Петру работы Растрелли: *И конная статуя вычернялась неясно от площади; посетители Петербурга той статуе не уделяют внимания: великолепная статуя!* [2, с. 319]. С одной стороны, Белый ярко описывает её при помощи окказионализма *вычерняться*, с другой – использует обстоятельство образа действия *неясно*, добиваясь почти оксюморонного словосочетания. Обособленное эллиптическое восклицание «*великолепная статуя!*» передаёт авторское восхищение и создаёт смысловую оппозицию Пушкину. При сравнении монументов противопоставляются и тексты-примитивы, надписи на памятниках: возвышенному стилю латинской надписи Всадника соответствует идентичное по структуре, но гораздо более скромное, домашнее послание Павла I: «*Прадеду правнук*».

В одной из немногих атрибутированных (при помощи авторской сноски) аллюзий *тяжёлозвонкое скаканье* [7, с. 286] «Медного всадника» Пушкина становится *тяжёлозвонким цоканьем* [2, с. 271]. Пушкинский окказионализм *тяжелозвонкий* порождает в романе Белого целое словообразовательное гнездо схожих композитов, но элемент качественного прилагательного чаще используется для цветописи. Ср.: *медноглавый*, *золотощекий*, *беломраморный*. Огромное количество таких окказионализмов приводит к гиперболизации авторской речи.

В статье «О пародии» Ю.Н. Тынянов отмечает, что гипербола – одно из важнейших средств создания пародийности [9, с. 305–307]. В романе «Петербург» преувеличение образа Петра осложнено тем, что исходный образ пушкинского Медного всадника преувеличен, вследствие чего у Белого концентрация гиперболы чрезвычайно обширна, особенно в кульминационных сценах. В уже упоминавшейся главе «Гость», описывающей бред Дудкина, преувеличение выражается при помощи синтаксического параллелизма с нарушением пространственно-временных связей: *...пробегая по дням, по годам, по сырым петербургским проспектам – во сне, наяву...*; *...по деревням, городам, по подъездам, по лестницам...* [2, с. 282]. Наряду с градацией используются эллипсис и повторы: *Аполлон Аполлонович – удар камня; и Петербург – удар камня; кариатида, – которая оборвется, – удар...* [2, с. 282]. Многократные повторы существительного *удар*, имитирующие шаги монумента и создающие своеобразную звукоподражательную ткань повествования, а также метонимии, описывающие громадного императора (*зеленеющий локоть, плащ матовый, дробящая камни рука* [2, с. 283]) противопоставляются ничтожности Александра Дудкина. Элементы нарратива от первого и второго лица, вторгающиеся в третьеличный нарратив (*Тот грохот я слышал; ты – слышал ли?* [2, с. 282]), имитирующие дискурс «Апокалипсиса», вместе с крылатым выражением '*архангелова труба*' (звуковой знак, возвещающий о начале Страшного суда (призывающий на Страшный суд) [10]), встречающемся, помимо «Откровения святого Иоанна Богослова» также в «Слове о полку Игореве», соотносят пушкинский и библейский образы, сравнивая вторжение ожившего монумента Петра I в комнату Дудкина со вторым пришествием Христа. С одной стороны, это делает повествование более динамичным, привносит элементы гротеска. С другой стороны, подобное сочетание имплицитно выражает противоположную пушкинской идею о крахе самобытной восточной России с приходом новой, Петровской эпохи.

Противопоставление «кажущегося русским» востока «пушкинскому» западу – одна из цент-

ральных идей пародирования «Медного всадника» в «Петербурге». Город Пушкина – типично европейский, что ярко демонстрируется в использовании многочисленных топонимов: (*...Природой здесь нам суждено // В Европу прорубить окно...*; *...Отсель грозить мы будем шведу...* [7, с. 274]; *...Пусть волны финские забудут...* [7, с. 276]). А в романе Белого рассказчик, используя менее ассимилированные и непривычные русскоязычному читателю топонимы, говорит, что род Аблеуховых происходит от Сима, *прародителя семитских, хесситских и краснокожих народностей* [2, с. 11]. Здесь же, используя заимствованный иранский термин *мирза* для обозначения титула прапрадеда Аблеуховых, рассказчик показывает цепочку ассимиляции фамилии *Аб-Лай* через прозвище *Ухов* в, казалось бы, исконно русскую фамилию *Аблеухов*.

В описании Николая Аполлоновича восточность подчёркивается прямо, при помощи определений: *восточная гостиная комната*, *восточный человек*, *бухарский халат*, *татарские туфельки, татарская ермолка* [2, с. 42–43]. Идея восточности прослеживается и в реминисценции, которая несколько раз повторяется рефреном с небольшими вариациями в разных контекстах: *...желтая пята взошла на гряды высот порт-артурских; проволновался Китай, и пал Порт-Артур...* [2, с. 26, 49 и далее]. Здесь гиперболизация, препозиции сочинительного союза *и* и метонимии также структурно имитируют библейское повествование, противопоставляя его пушкинскому «Медному всаднику».

Схожая идея выражается Белым и в лирическом отступлении, которое в 1922 году войдёт в его «Глоссалолию»: *В звуке “ы” слышится что-то тупое и склизкое...*; *перед ним сидело просто какое-то “Ы”* [2, с. 41–42]. Уверенность в том, что гласный /ɨ/ роднит русский язык с языками алтайской семьи, провоцирует у Белого многочисленные случаи словотворчества, в первую очередь создание имён собственных: *Ерыкало*, *Енфраншиш* и анаграммное *Шишнарфнэ*; в первом примере гласный среднего ряда верхнего подъема находится в ударной позиции, в анаграмме – в сильных пост- и препозиции. Шишнарфнэ Белого – ирреальное дьявольское начало, облечённое в форму *младоперса Шишнарфиева*, который в образной системе романа коррелирует с образом Медного всадника, то противопоставляясь ему, то оказываясь в схожих сюжетных ситуациях. С описанной выше сценой вторжения Петра I соотносится эпизод появления Шишнарфнэ, которое сопровождается цветописью. Но если спектр Всадника сине-зелёный (синонимический ряд представлен эпитетами *купоросный*, *позеленевший*, *зеленеющий* [см.: 2, с. 267–275]), то в характеристиках Шишнарфнэ преобладают оттенки жёлтого (*освещённый луной*, *блещущий луной*, *выбиваемый из лампы* [там же]). В итоге обе цветописи сходятся в спектре ярко-красного, пламенного (олицетворения *стены плясали в огне*, *вспыхнула обёрточная бумага* [2, с. 270–275], эпитеты *опаляющий*, *красно-багровый* [2, с. 281–283]. Совпадает и результат воздействия нереальных персонажей на Александра Ивановича: нарушаются пространственно-временные связи, демонстрируя сумасшествие персонажа (гиперболы: *...Петербург: четвёртое измерение...*; *...шаровая поверхность громадного астрального космоса...* [2, с. 274]; *...помчали его через то, что можно назвать всего проще междупланетным пространством...* [2, с. 270]). Это косвенно выражает собственную концепцию Белого, противоположную мнению Пушкина. Россия Белого – самостоятельная и самодостаточная; за полным её подчинением как Востоку, так и Западу неминуемо последует гибель империи.

Таким образом, пародия объёмно создаётся на всех языковых уровнях, от фонетического до текстового и даже сверхтекстового, занимает центральное место в концептуальной и образной системах литературного произведения. Андрей Белый творчески модифицирует пушкинские интертекстемы, широко используя различные стилистические приёмы: метафоры, олицетворения, гиперболы, метонимии, творчески подходит к синтаксису пушкинского языка, обыгрывает идеи претекста при помощи интермедиальных вкраплений. Функции пародии значительны и разнообразны: генерализация авторских идей, переосмысление образов, создание текстовой модальности.

Библиографический список

1. *Белый А.* Петербург (Сиринское издание 1913 г.). – Киев: Дніпро, 1990. – 600 с.

2. *Белый А.* Петербург (Берлинское издание 1922 г.). – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 448 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – 1-е изд-е. – СПб.: Норинт, 1998.

4. *Гоголь Н.В.* Шинель // Гоголь Н.В. Избр. соч.: В 2 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 475–499.

5. *Женетт Ж.* Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.

6. *Лихачев Д.С.* Повесть временных лет // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. – Т. 2. – Л.: Худож. лит., 1987. – С. 3–342.

7. *Пушкин А.С.* Медный всадник: Петербургская повесть // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 4. Поэмы. Сказки. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – С. 273–288.

8. *Смирнов И.П.* Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 190 с.

9. *Тынянов Ю.Н.* О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 284–309.

10. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 вып. / Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. – Т. 6. – Л.: Наука, 1984. – 278 с.

УДК 882.09

Яковлев Артём Игоревич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
artyakovlev@mail.ru

ОПЫТ ЦЕНТОННОГО ТЕКСТА: РАССКАЗ Э. ПО «МАСКА КРАСНОЙ СМЕРТИ» В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Статья посвящена рассмотрению центонного текста в романе А. Белого «Петербург» – комплекса цитат и аллюзий, соотносящего произведение с рассказом Э.А. По «Маска Красной смерти». А. Белый создаёт особый язык иносказания, построенный на эпитетах и метафорах, значительно переосмысливающий претекст. Интертекстемы, подвергающиеся семантическим и структурно-семантическим трансформациям, употребляются в кульминационном эпизоде произведения и преломляют основные конфликты романа.

Ключевые слова: *интертекстуальность, паратекстуальность, центонный текст, метафора, эпитет, контаминация.*

В рамках современной лингвистической теории интертекстуальности под центонным текстом понимается «целый комплекс аллюзий и цитат (в большинстве своем неатрибутированных), и речь идёт... о создании некоего сложного языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями» [5, с. 137]. Рассказ Э. По «Маска Красной смерти» занимает в интертекстуальном пространстве романа А. Белого особое место, так как аллюзии к этому произведению порождают обширный кульминационный фрагмент произведения: интертекстуальные связи «Маски Красной смерти» и «Петербурга» создают самостоятельный центонный текст внутри романа.

Комплекс многоуровневых цитат и аллюзий к этому произведению в романе «Петербург» распадается на два дистантно расположенных фрагмента. Первый из них предшествует сцене маскарада и включает в себя использование лишь одного образа из претекста – собственно *Красной смерти*. В рассказе Э. По Красная смерть – не просто название таинственной болезни, уничтожившей всю страну, но авторское крылатое выражение, вынесенное в заглавие рассказа и обыгрываемое в тексте на разных уровнях: в первую очередь – служащее базой для характеризующих эпитетов и метафоризации повествования. О намерении Э. По сделать словосочетание собственным крылатым выражением говорит и его необычное графическое оформление – в оригинальном издании рассказа фраза маркирована кавычками.

А. Белый, вслед за Э. По, выносит окказионализм в заглавие, но трансформирует его: подглавка, в которой впервые появляется образ красного домино, носит название «Красный шут» [1, с. 64–66]. Почти оксюморонная подмена ключевого компонента *Смерть – Шут*, с одной стороны, намекает на переосмысление претекста в ироническом ключе; с другой стороны – является контаминацией сразу двух образов из творчества Э. По, совмещая в изменённом образе Николая

 © Яковлев А.И., 2011

Аполлоновича черты *Красной смерти* и *Лягушонка*, шута из одноимённого рассказа автора, жестоко уничтожившего своих обидчиков; о контаминации говорит и зооморфный эпитет ***лягушачье*** *выражение [лица]*, многократно повторяемый в качестве характеристики Николая Аполлоновича. Сюжетно-композиционная особенность, предвещающая появление Красного домино, тоже соотносится с «Лягушонком» – Софья Петровна, постоянно требовавшая развлечений и заигрывавшая с Николаем Аполлоновичем, внезапно отказывается от его ласк и резко отвергает его: *Уу... урод, уу...* ***лягушка****... Ууу –* ***красный шут*** [1, с. 65]. Оскорбление Николая и оскорбление Королём Трипетты, подруги Лягушонка, отождествляются через похожие по семантике гиперболы: *...он с силой оттолкнул Трипетту и* ***выплеснул вино из полного до краев кубка*** *ей прямо в лицо...* [2, с. 355]; *...она* ***укусила до крови её искавшие губы****...* [1, с. 65]. Белый амплифицирует претекст, добавляя метонимию и обстоятельством образа действия *до крови* предвещая появление общей цветописи в красном спектре и самого образа *красного домино*.

В следующей главе, «Подлость, подлость и подлость» [1, с. 66], красное домино появляется и моментально соотносится с претекстом Э. По: ***Красное домино*** *протянуло Маврушке свой* ***кровавый рукав****...* [1, с. 67]. Метафорический эпитет *кровавый* – экспрессивная подмена нейтрального компонента *красный*; далее же появляется перифраз ключевого компонента выражения – *смерть*: *...Софья Петровна разглядывала визитную карточку, на которой начертан был* ***череп с костями*** *вместо* ***дворянской короны****...* [там же]. Противопоставление *черепа с костями* и *дворянской короны* – стилистически усиленный, маркированный плеоназм ключевой антитезы рассказа *Смерть – Принц Просперо.*

Данный эпизод служит своеобразным сигналом, средством предвосхищения трансформации интертекста в контексте романа. В последующих подглавках, как и в третьей главе, непосредственные межтекстовые связи с рассказом Э. По отсутствуют; возобновляются они в четвёртой главе, «в которой ломается линия повествования» [1, с. 131]. Началу сцены маскарада предшествует цветопись; эпитеты и олицетворения, заимствованные у Э. По: *Над Невою бежало огромное и* ***багровое солнце****...* Ср. *Едва на теле жертвы, и особенно на лице, выступали* ***багровые пятна*** *– никто из ближних уже не решался оказать поддержку или помощь зачумлённому* [2, с. 524]. Определение *багровый* используется у Э. По для характеристики самой болезни; Белый же прибегает к эпитету, дополнительный смысловой оттенок которого появляется в интертекстуальной цепи для описания петербургского солнца – и, следовательно, всей атмосферы «больного» города перед балом. Эта же идея прослеживается и в окказионализме, олицетворяющем архитектуру города: ***Кровавился рыже-красный*** *дворец...* [1, с. 136]. И окказионализм *кровавиться*, и композит *рыже-красный* содержат сему *'красный'*, актуализация которой служит основой для плеоназма, усиливающего экспрессивность фразы.

Линия повествования в этой главе действительно значительно меняется; и в первую очередь это происходит благодаря многомерному переосмыслению *маскарада*. Бал-маскарад в романе А. Белого – не просто сюжетный элемент. Он воздействует на персонажей романа: главные герои подменяются, метафорически переосмысляются, надевают несвойственные им «маски». Поражённая нахальностью Николая Аполлоновича, Софья Петровна Лихутина соотносится с *принцем Просперо* и становится *мадам Помпадур*. Сближает этих персонажей их изначальная интертекстуальная природа: *принц Просперо* – аллюзивный образ, связанный с *Просперо* из «Бури» Уильяма Шекспира, изгнанным на необитаемый остров. *Мадам Помпадур* у Белого – реминисцентный образ, отсылка к реально существовавшей фаворитке Людовика XV. Основанием для метафорического сравнения двух героев служит их изоляция, попытка убежать от реальности и создать рай вокруг ада – и закономерный крах этой идеи. «Маска» Софьи Петровны – *Помпадур* – является основой для конинтертекстуальности, связующим звеном между собственно Софьей Петровной и принцем Просперо из рассказа Э. По. А. Белый соотносит отдельные черты маркизы де Помпадур с поведением Софьи: *И – вспомнила; было* ***третье какое-то слово****, с которым заснула она.* ***Третьим словом был: муж, офицер!*** *На невзрачное слово теперь натолкнулась она...* [1, с. 135]. Неопределённое местоимение *какое-то* намекает на незначительную роль мужа в насыщенной жизни Софьи Петровны, об этом же свидетельствует и эпитет *невзрачное*. Денотатом этой аллюзии служит известный факт из жизни Антуанетты – её легкомыслен-

ное отношение к мужу и гораздо большая заинтересованность в молодёжи, окружавшей её. Так же описывается и круг общения Софьи Петровны: *...граф **Авен**, **Оммау-Оммергау**, и **Шпорышев**, и **Вергефден**, и даже... **Липпанченко**...* [1, с. 65]. Немотивированные антропонимы, предположительно взятые из словообразовательных элементов разных языков и помещённые в ряд однородных членов, усиленный полисиндетоном, объясняют решение Софьи стать *мадам Помпадур*.

С другой стороны, Помпадур – имя собственное, получившее отрицательную коннотацию и ставшее синонимом эпохи разврата, транжирства, бесконечных развлечений, – соотносится с *принцем Просперо.* Ср.: *Здесь были **фигляры и импровизаторы, танцовщицы и музыканты, красавицы и вино*** [2, с. 524]; ***А** те, кто остался за стенами, **пусть сами о себе позаботятся**!* [там же]. Экспрессивна здесь попарная сочинительная связь однородных членов; наплевательское отношение принца к собственному населению подчёркивается восклицанием, а также сочинительным союзом *а* во фронт-позиции, усиливающим противопоставление *Обычные люди – Королевская свита*.

Подмена персонажей подчёркивается и А. Белым, и Э. По: ***Ждали масок**. И – **не было масок*** [1, с. 144]. *В подборе **масок** тоже чувствовалась его рука. И уж конечно – **это были гротески**!* [2, с. 526] А. Белый делает акцент на трепетном предвкушении этой подмены, которое передаётся неопределённо-личным предложением, повтором дополнения *Масок* и эллипсисом, ярко имитирующим длительное ожидание. Прямое дополнение *Масок*, в котором проявляется категория одушевлённости-неодушевлённости русского языка, показывает, что ждут живых людей, надевших маски. У Э. По же описывается скорее изысканность подмены, что выражается в идентичном эллипсисе, предшествующем предикативу *гротески*, функционирующему на гиперболизированном метафорическом уровне.

Синтаксическое сходство между двумя текстами подчёркивает «превращение» Николая Аполлоновича в *красное домино* – аналог *Красной смерти*. С другой стороны, оно служит первым элементом антикульминации – так как изначальные авторские интенции не совпадают с последующим описанием домино: *За первою парою – **домино и маркизою** – тронулись: **арлекины, испанки, кисейные существа, веера, серебристые спины и шарфы*** [1, с. 150]. Домино у А. Белого не противопоставляется остальным маскам, как у По, но помещается в контекст метонимий, выраженных обширным рядом однородных членов. Ср.: *Слух о появлении новой **маски разом облетел гостей**...* [2, с. 527]: имперсональность, смещение субъекта действия с *людей* на олицетворённый *слух* у Э. По подчёркивает бессознательный страх масок перед новым, неизвестным господином. У обоих авторов прослеживается идентичная метафора *Человек – Насекомое*, но функционирует она по-разному. У Э. По звукоподражания передают боязливые перешёптывания людишек-масок: *...**пока не загудела, не зажужжала вся толпа**, выражая сначала недовольство и удивление, а под конец – **страх, ужас и негодование*** [2, с. 527–528]. Ономатопею сопровождает градация *страх, ужас и негодование,* характеризующая усиление эмоций растерянных участников бала. У А. Белого метафора выражается родовым понятием: *Вдруг кто-то сказал: – "Господа, пойдемте отсюда..." И **рой – убежал***. [1, с. 145–146]. *Рой* здесь скорее преувеличивает огромную толпу масок, совершенно безразличных к появлению Аблеухова-младшего. Маски относятся к Красному домино с долей сарказма: *Милое домино набрало в рот воды?* [1, с. 185]. Ирония передаётся соположением эпитета *Милое* и фразеологического оборота *набрать в рот воды* 'о нежелающем отвечать'. [Здесь и далее дефиниции языковых единиц приводятся по словарям, указанным в библиографическом списке. – *А.Я.*]

Домино не раз намеренно преуменьшается – либо эпитетами (***сутулое** домино* [1, с. 152]), либо антитезой *Николай Аполлонович – Домино*, которая развёртывается на протяжении почти всей сцены маскарада и говорит о том, что Николай Аполлонович никогда до конца не превращается в Домино, никогда не надевает свою маску полностью: *...стремительно **пролетел Николай Аполлонович**; и **кровавый атлас за ним влёкся** на лаковых плиточках...* [1, с. 153]. Здесь антитеза затрагивает не только самого Николая Аполлоновича и его карнавальный костюм; противопоставлены и сказуемые-действия: *пролетел – влёкся*, причём первый компонент усиливается эпитетом *стремительно*, но связь с претекстом тем не менее сохраняется – через эпитет *кровавый*. О неспособности Николая Аполлоновича принять на себя новую роль говорит и описание его

маски: *...**маску же красное домино позабыло спустить**; и стояло **с приподнятой масочкой, с полуоткрытым ртом и с невидящим взором**...* [там же]. Контекст получает дополнительный семантический оттенок при помощи суффикса (*-очк-*), который переосмысляет претекст в ироническом ключе, и префиксов (*при-*, *полу-*), показывающих неполноту, незавершённость действий. Ср.: *Маска <...> столь **точно воспроизводила застывшие черты трупа**...* [2, с. 528]. Эпитет *застывшие* порождает у А. Белого ряд эпитетов с близкой семантикой и с категориальным значением статичности – *полуоткрытый*, *невидящий,* – но характеризует он уже не маску, а самого Николая Аполлоновича. Литоту, описывающую Красное домино, создаёт и перенесение отдельных черт характера принца Просперо в образ мужа Софьи, офицера Сергея Лихутина. Эту функцию выполняют две интертекстемы, представляющие собой гиперболизированные аллюзии на тему претекста. Узнав о происках Николая Аполлоновича и намерении Софьи Петровны присутствовать на бале, Сергей Сергеевич *...**стал краснеть, покраснел до морковного** цвета: **кровь бросилась в голову*** [1, с. 120]. Ср.: *...в следующий миг **лицо его [принца Просперо] побагровело** от ярости* [2, с. 528]. В описании Лихутина ирония передаётся за счёт подмены оригинального определения *багровый* на метафорический эпитет *морковный*, что создаёт новый смысловой оттенок – бессилие Сергея Сергеевича противостоять своей жене. Состояние Лихутина передаётся при помощи градации с последним элементом цепи – фразеологизмом *кровь бросилась в голову* (экспрес. 'пришёл в исступление; испытал сильное возбуждение').

Вторая интертекстема появляется в тексте уже после сцены маскарада и передаёт нарушение пространственно-временных связей во внутреннем дискурсе Сергея Сергеевича. В главе «Полоумный» [1, с. 175–180] Лихутин, замышляя самоубийство, высчитывает время отсутствия Софьи Петровны, разбивая временной промежуток сначала на минуты, затем перемножая минуты и получая точное количество секунд: *"Дважды шесть есть двенадцать; один в уме: одинождды шесть – шесть; плюс единица; еще – два нуля: итого – **семь тысяч двести секундищ**"* [1, с. 178]. Постепенное «нанизывание» компонентов составных числительных действительно приводит к замедлению временного континуума; эта же идея прослеживается и в суффиксации существительного-окказионализма *секундища*, которое словно бы «олицетворяет» время, ставя его в один ряд с существительными *чудище*, *чудовище*, а также иногда употребляемыми в романе *страшилище*, *уродище*. Подобная передача времени в дискурсе героя тоже заимствуется А. Белым из рассказа Э. По, в котором схожий приём демонстрирует замешательство масок при бое часов в таинственной комнате: *А когда пробегали шестьдесят минут – **три тысячи шестьсот секунд быстротечного времени** – и часы снова начинали бить, наступало прежнее замешательство...* [2, с. 526]. Составное числительное «замедляет» течение времени, а эпитет *быстротечное*, наоборот, «ускоряет» его – оксюморон приводит к ёмкой передаче тяжёлого состояния толпы: наслаждения быстро проходящим часом спокойствия, но вместе с тем тягости постоянных ударов часов.

Постепенное переосмысление образа *Красного домино – Николая Аполлоновича* путём внедрения интертекстем в другие образы, их обыгрывания, трансформаций, приводит к закономерной интерверсии претекста. А. Белый иначе разрешает конфликт, и таинственная *Красная смерть*, гиперболизированная у Э. По с помощью сравнений (*Она прокралась, **как тать в ночи***), цветописных эпитетов (*…В **забрызганных кровью** пиршественных залах*) и капитализированного ряда однородных членов в градации (*Воцарились **Мрак, Гибель и Красная смерть***), оказывается Николаем Аполлоновичем, описания которого в схожем контексте антонимичны. Достаточно обратить внимание на оценочную характеристику, порождающую аксиологические смыслы: *Николай Аполлонович **как-то жалко оскалился**...*; выдающую пренебрежение суффиксацию: *...**гуляла зараза догадок** по поводу странного поведения сенаторского **сынка**...* [1, с. 154]. В последнем примере, в сравнении с претекстом, заметна и подмена подлежащего: ***Слух** о появлении новой маски **разом облетел** гостей...* [2, с. 527]. *Зараза догадок* – метафора, переносящая интертекстуальную характеристику *Красной смерти* с Николая Аполлоновича на гостей и преломляющая структуру интертекста.

Создание самостоятельного «центонного» текста на основе рассказа Э.А. По «Маска Красной смерти» – уникальный случай интертекстуальности в романе «Петербург». Средства цветописи, эпи-

теты, метафоры, изначально выстроившие языковую ткань рассказа, вводятся А. Белым в текст своего произведения, где подвергаются значительной экспликации. Лингвистически нейтральные элементы сменяются более экспрессивными, участвуют в создании окказионализмов. Паратекстуальные элементы Э. По являются моделью для создания авторских выражений А. Белого, служащих средствами перифраза – иного «наименования» трансформированных образов Николая Аполлоновича, Софьи Петровны. За счёт усиления коннотативного смысла образных средств претекст гиперболизируется, что позволяет автору выстроить литоту – падение, крах Николая Аполлоновича.

Библиографический список

1. *Белый А.* Петербург. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 448 с.

2. *По Э.* Рассказы. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1981. – 573 с.

3. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

4. *Тихонов А.Н.* Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Электронное издание]. – М.: Флинта, Бизнессофт, 2008.

5. *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.

УДК 808.2

Виноградова Полина Павловна
соискатель ученой степени канд. наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ ОТЫМЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ПИРОГОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В говорах Костромской области весьма показательна в плане лексико-словообразовательного и ареального анализа группа отыменных наименований пирогов, мотивированных видом начинки. Большинство данных лексем являются универбатами словосочетаний «прил.+сущ. пирог*» с суффиксами* -ик/-ник *(*картофельный пирог → картофельник, луковый пирог → луковник*). В пределах корневых гнёзд имеются особенности в территориальном распределении лексем.*

Ключевые слова: *диалектология, словообразование, лексикология, лингвистическая география.*

Народ не затрудняется приискать в сокровищнице своей новое выражение, если оно ему понадобится <...>: берётся одно только слово, ближайшее к главному понятию, а затем, изменением окончания, приставкою одного или двух предлогов и иногда ещё переносом ударения, придаётся выражению этому любой вид и значение.

В.И. Даль

Необходимым аспектом целостного семемно-лексемно-словообразовательного анализа, проводимого в рамках системного изучения лексики, является изучение процессов словообразовательной деривации. Н.И. Толстой отмечал важность для семасиологии исследований, в которых выясняется, как одними и теми же языковыми средствами достигается различная сегментация внеязыковой действительности, а также, как производится одинаковая сегментация внеязыковой действительности различными формальными средствами [6, с. 73].

Исследование особенностей аффиксальной парадигматики и словообразовательной дистрибуции отыменных наименований пирогов в говорах Костромской области на фоне русских говоров Европейской части России позволяет выявить характерные для костромских говоров словообразовательные типы в пределах данной лексико-семантической группы, описать функции морфем, охарактеризовать активность и продуктивность морфем в исследуемом ареале, а также помогает решить некоторые вопросы лексикографии, так как «при составлении словарей возникает проблема интерпретации слов с общим

 © Виноградова П.П., 2011

корнем, описания элементов одного диалектного корневого гнезда» [7, с. 208].

Основным материалом исследования послужили данные картотеки Костромского областного словаря (ККОС), лексикографические источники и личные наблюдения автора. В работе подвергаются анализу как собственно диалектная, так и общерусская лексика, входящая в рассматриваемую семантическую группу.

Наименования пирогов в говорах Костромской области весьма разнообразны благодаря богатой мотивационной базе, обычно легко угадываемой. В большинстве случаев в основе номинации лежит либо характерный признак выпечного изделия, важный с точки зрения носителя языка, например, вид начинки (*рыбник, грибник, ягодник*), способ приготовления теста (*пресник, квашенник*), вид муки (*пшеничник*, *ячник*), форма изделия (*бобушка, колобушка, круговик*), либо действие, сопровождающее изготовление изделия (*витушка, вьюшка, загибень, наливашник, намазник, натёртыш, свёртыш, сгибень* и другие). При этом производящие основы производных слов указывают на связь с тем или иным номинационным признаком наименования, суффиксы же чаще всего имеют обобщённое значение отношения/принадлежности.

Предметом анализа данной статьи является продуктивная группа отыменных наименований пирогов, мотивированных видом начинки.

В словарях современного русского литературного языка слово *пирог* определяется как выпечное изделие из раскатанного теста с начинкой. Толкование лексемы иллюстрируют словосочетания *пирог с капустой, мясной пирог* [8, т. 9, с. 1211; 11, т. 3, с. 124; 12, с. 419]. И.С. Лутовинова отмечает, что «словом *пирог* называется любое печёное изделие из раскатанного теста с начинкой, это может быть и ватрушка, и оладья» [4, с. 114]. Таким образом, наличие начинки является основным признаком этого выпечного изделия.

В Костромской крае начинки для пирогов весьма разнообразны, что привело к появлению целого ряда однословных наименований этих изделий. Нередко они образуют гнёзда однокоренных лексем: *карто́фельник, карто́фник, карто́вник, карто́вешник, карто́сник, карто́зник* ‘пирог с начинкой из картофеля’; *лу́ковник, лу́ковик, лу́квенник* ‘пирог с начинкой из лука’; *гала́ношник, гала́нник* ‘пирог с начинкой из галанки (брюквы)’; *ку́рник, куре́ник, ку́рень* ‘пирог с начинкой из курицы’; *грибни́к, грибо́вник, грибовик* ‘пирог с начинкой из грибов’. Некоторые наименования пирогов, мотивированные видом начинки, представлены в костромских говорах одним-двумя дериватами. Это и пироги с «растительными» начинками (овощи, ягоды, грибы): *капу́стник, капу́стничек*: *«В капустники завёртываем прожаренную капусту»* (Павин.; Шарьин., Пыщуг. Кологр., Мант. р-ны), *морко́вник*: *«Морковники-ти часто пекли»* (Костр., Павин. р-н), *горо́ховик* (Шарьин. р-н), *я́годник*: *«Уж ягодник не стряпаешь, одни грибы в лесу»* (Межев.; Сусан. Павин. р-ны), *черни́чник «Шипко уж я черничники люблю»* (Вохом. р-н), *гу́бник* ‘пирог с начинкой из грибов’ (Вохом., Павин. р-ны); и пироги с начинкой из мяса или рыбы: *ры́бник*: *«Зятёк-от рыбы поймал, я из щурёнка рыбник испеку»* (Вохом. р-н; повсем.), *мясни́к, мяснично́к*: «*Колька мой цай любил с картофельниками или мясниками кушать»* (Межев.; Сусан., Судисл., Костр. р-ны); и пироги с начинкой из каши: *ка́шник*: *«Спеки кашник-то»* (Костр. р-н).

Рассмотрим, как лексико-словообразовательные особенности однокоренных наименований, мотивированных тем или иным видом начинки, проецируются на ареальные характеристики тех же лексем.

В говорах Костромской области встречаем следующие названия пирогов с картофельной начинкой: *карто́фельник* (Кологр., Мантур. р-ны), *карто́фник* (Макар., Чухл. р-ны), *карто́вник* (Вохом., Красн., Судисл., Пыщуг. р-ны), *карто́вешник* (Шарьин. р-н), *карто́шник* (Вохом., Павин. р-н), *карто́сник* (Вохом., Павин. р-ны), *карто́зник* (Вохом. р-н): *«Картофельник – это сковородка* (т.е. лепёшка, испечённая на сковороде) *из пресного теста, в которую заливают картофельное пюре с яйцом, молоком и маслом»* (Кологр. р-н), *«Оладышей напекла да картовник»* (Судисл. р-н), *«В праздники картозники пекли»* (Вохом. р-н), *«Сочни скали из чёрной муки. Краешки загибали. Картошку лупили горячую, толкли, молока немножко лили, яйцо били. Потом накладывали на сочень. Вот и картовники»* (Вохом. р-н); *«Мама, испеки картошников на сочнях»* (Павин. р-н).

Данные наименования восходят к атрибутивному словосочетанию «относительное прилага-

тельное (производное от видового названия продукта питания, служащего начинкой для пирога) + существительное *пирог*». Сложный формант *-ник*, при помощи которого образованы исследуемые лексемы, является результатом присоединения суффикса производного *-ик* к форманту производящего слова *-н-* и реализует словообразовательное значение отношения к тому, что названо производящей основой (*картофельный пирог* → *картофельник*). В структурном плане эти наименования могут соотноситься как с основой прилагательного, так и с основой существительного, то есть получают «возможность двоякого словообразовательного членения и двойной мотивации своего значения» [5, с. 130]: *картофельник* – 'картофельный пирог', 'пирог из картофеля'. По словам Ю.С. Азарх, подобные образования являются суффиксальными универбатами, дублирующими словосочетания [1, с. 79–80].

На фоне однотипности словообразовательной структуры наименований пирогов с начинкой из картофеля обращает на себя внимание варьирование корневых согласных *в/ф, з/с, ш* в морфах *картов-/картоф-/картос-/картоз-/картош-*. Костромские говоры демонстрируют источник этих чередований: наряду с литературными *картофель* и разговорным *картошка* встречаем *картовь, картозы, картосы*; *картовный, картофный, картозный*. Варьирование согласных в корне, вероятно, связано с тем, что слово «картофель» было заимствовано в русский язык относительно недавно (в XVIII веке) из нем. *Kartoffel* и диалекты отражают стремление языка избежать нехарактерного для русского языка звука «ф». «Выбор» согласной на месте «ф», несмотря на общность лексической базы и словообразовательной модели данных лексем, оказывается весьма показательным в ареальном аспекте. Наименования *картофельник, картофник*, *картовник*, по данным словарей, широко распространены в северных и северо-восточных говорах, в том числе костромских: в СРНГ лексема *картовник* 'пирог с картофелем' даётся с пометами Перм., Арх., Калин., Ср. Урал, Свердл. и др. [17, вып. 13, с. 101]. Наименования *картосник, картозник*, видимо, локализованы только в некоторых периферийных говорах. Например, эти наименования есть в говорах Вохомского района Костромской области, в Областном словаре вятских говоров встречаем наименования *картосные калачи, картосные шаньги*, в других областных словарях подобные наименования не обнаружены.

Следует также отметить, что в западной и юго-западной части говоров Костромской области, тяготеющих к центральным, картофельные пироги – это закрытые пироги с начинкой из картофеля (ср. в Словаре орловских говоров *картошечник* – 'пирог, начинённый картофелем'). В более архаичных говорах севера и северо-востока области это прежде всего открытые пироги, «намазанные» сверху картофелем (ср. в вологодских говорах лексемы *карто́вник, картову́ха, картону́шка, картовну́ха*, *карто́шник* имеют значение 'лепёшка с загнутыми краями и картофельным верхом, ватрушка' [15, вып. 5, с. 21; 14, 1987, с. 41-43].

Наименования пирогов с луковой начинкой представлены в говорах Костромской области тремя дериватами с корневой морфемой *-лук-*: *лу́ковник* (Красн., Мант., Нерехт., Поназ., Судисл. р-ны), *лу́ковик* (Вохом., Костр., Межев., Шарьин. р-н), *лу́квенник* (Судисл. р-н): *«А с луком пекчи ? луковник будет, тоже вкусно»* (Судисл. р-н), «*Луковники на сенокос готовили»* (Судисл. р-н), *«На луковик надо лук-то хороший брать, а то невкусно будёт»* (Костр. р-н), «*Раньше и ячники пекли, и луковики*» (Межев. р-н); «*Луквенники пеку с репчатым луком*» (Судисл. р-н). Слово *луковник* в значении 'пирог с начинкой из лука' известно с XVI века, фиксируется оно и словарями XIX века [18, т. 1, с. 267; 9, т. 2, с. 273]. Эта лексема образована от основы прилагательного *луковый* с помощью суффикса *-ник,* распространена повсеместно в современных русских говорах. Наименование *луковик*, образованное с помощью суффикса *-ик-*, встречается в северо-восточных районах Костромской области и, далее, в основном в говорах севера и северо-востока Европейской части России (в СРНГ даётся с пометами Пск., Твер., Новг., Волог., Киров., Перм., Свердл.) [17, вып. 17, с. 189]. Характерно, что те же ареалы распространения имеет изосема 'блюдо и из лука и кваса', присутствующая у тех же лексем [17, вып. 17, с. 189–190]. Отметим также, что для северных районов Европейской части России характерен более широкий, нежели для южных, словообразовательный ряд лексем в значении 'пирог с луковой начинкой' с корнем *-лук-*: в Словаре вологодских говоров зафиксированы дериваты *лу́коватик, луковéчник, лу́ковик, лу́ковичник,*

лу́ковник, в костромских говорах – *луковник, луковик, луквенник,* в Словаре орловских говоров подобные наименования не представлены [14, 1990, с. 54].

В Костромской области нередко пекли пироги с начинкой из брюквы. В русских говорах встречается до 40 названий брюквы: *брюкла* (костр.), *буква* (вят.), *бухма, бушма, бушня* (ниж.), *калива* (новг.), *калига* (пск.), *голань, галанка, ланка, ландушка* (костр.), *немка* (яросл.), *бакланка, баклага* (костр.), *грухва* (ниж.), *грыжа* (смол.), *грыза* (твер.), *желтуха, землянуха* (арх.), *дикуша, рыганка* (вост.), *синюха* (смол.) и др. [9, т. 1, с. 133]. Несмотря на широкую лексическую базу, в говорах для обозначения реалий, связанных с брюквой, основой деривации являются корневые морфемы *галан-* и *брюкв-*. В костромских говорах наименования пирогов с брюквой зафиксированы на северо-востоке области, где их называют *гала́ношники, гала́нники*: *«Галаношники-то сладкие получаются»* (Павин. р-н), *«Галанку парили в печи, потом толкли толчком в чугунке, потом в тесто закручивали – получался галанник»* (Вохом. р-н). Данные наименования соотносятся с прилагательным *гала́ночный*. Реже в словарях русского языка встречаются названия пирогов с корневой морфемой *-брюкв-*. В СРНГ зафиксировано наименование *брю́ковник* в значении ‘пирог с начинкой из брюквы или репы’ с пом. Волог., Арх., Перм. В ККОС встречаем только адъективное словосочетание *брюквенный / брюквечный пирог*: «*Пирог-то брюквечный какой вкусный»* (Нерехт. р-н). В целом наименования пирогов с начинкой из брюквы встречаются в основном в северных говорах Европейской части России. Это, вероятно, связано с внеязыковыми факторами: брюква – морозоустойчивый, скороспелый овощ, его использовали в пищу прежде всего на севере.

Пироги с куриной начинкой в говорах Костромской области называют *ку́рник* (Буйск., Галич., Нерехт., Костр. р-ны), *куре́ник* (Макар. р-н), *ку́рень* (Костр. р-н): «*Дочка больно любит куреники, вот и балую её*» (Макар., Костр., Нерехт. р-ны), «*Я в начинку-то лук кладу, так курник вкусней*» (Чухл. р-н). Лексема *курник* существовала ещё в древнерусском языке, она образована от прилагательного *kurьnъjь* (*курный*) с помощью суффикса *-ikъ* [19, вып. 13, с. 134; 16, т. 2, с. 1380] и повсеместно распространена в русских говорах. Лесема *курень* образована от существительного с помощью непродуктивного для данной группы наименований суффикса *-ень*, в других областных словарях в значении ‘выпечное изделие’ не зафиксирована. В костромских говорах пирог с начинкой из курицы называют также *ку́ричий пирог* (*куричий* – прилагательное, характерное, по данным СРНГ, для севернорусских говоров): *«Сноха-то вкусный куричий пирог давеча испекла»* (Костр.; Нерехт., Судисл. р-ны.); *пирог с кури́ньим мясом*: *«С куриньим мясом пироги-то больно хороши»* (Сусан. р-н). Отметим, что в костромских говорах, как и в некоторых других русских говорах, слово *курник* нередко теряет свою непосредственную мотивацию и обозначает другие виды пирогов, обычно праздничных: ‘высокий свадебный пирог’ *«Курник испекла, на свадьбу к им пойду»* (Судисл. р-н), ‘закрытый пирог с мясом’: *«Курник лучше печь с говядиной»* (Чухл. р-н), ‘открытый пирог с рыбой или вареньем’: *«Курник-то у нас пекли родственники, когда рождался ребятёнок»* (Костр. р-н). Бóльшая часть наименований пирогов с начинкой из куриного мяса зафиксирована в юго-западных говорах Костромской области, тяготеющих к говорам центра.

По словам Ю.С. Азарх, «в говоре у лексико-семантической группы обычно используется несколько типичных для её членов словообразовательных моделей (то есть образцов, по которым воспроизводятся или образуются вновь слова с определённой семантикой, конкурирующие друг с другом)» [1, с. 4]. В целом можно говорить об общности структурной семантики отыменных наименований пирогов, мотивированных видом начинки: в костромских говорах большинство лексем исследуемой лексико-семантической группы образовано в результате стяжения двучленного сочетания «прилагательное + существительное *пирог*» в одно прилагательное при помощи суффиксов *-ик/-ник* (*луковый пирог* → *луковик*). Следует отметить, что данная словообразовательная модель характерна также для наименований пирогов, мотивированных видом муки (например, *ржаник, ячник, пшеничник, овсяник, житник*) и некоторых других. И.С. Лутовинова отмечает эту особенность названий выпечных изделий в отличие от наименований похлёбок, супов, образованных, по её наблюдениям, в основном при помощи суффиксов *-иц(а)* и *-к(а)* (*грибошница, картофельница, гороховка, крупянка*) [3,

с. 49]. В целом можно сказать, что исследуемая лексико-семантической группа характеризуется широкой лексической базой для образования слов и относительной несвободой в выборе суффикса.

Высокая продуктивность исследуемых в статье производных обусловлена историей словообразовательного типа. Суффикс *-ик* ещё в праславянский период использовался для субстантивации древнего синкретичного имени и был очень продуктивен, в древнерусский и старорусский периоды он был регулярен при деривации суффиксальных универбатов атрибутивных словосочетаний [2, с. 542; 1, с. 84]. Эти причины обусловили продуктивность суффиксов *-ик/-ник* при номинации пирогов. Важно, однако, отметить, что для названий пирогов в говорах Костромской области характерны и другие суффиксы: *-к-* (*ржанка*), *-ец* (*преснец, ржанец*), *-ыш* (*солоделыш*), *-ышк-* (*круглышка*), *-ух-* (*ржануха*) и другие, однако они активны в других семантических пластах.

Несмотря на многообразие однословных наименований пирогов, мотивированных видом начинки, «всё же в народе более распространены двусоставные названия пирогов, где определение выполняет основную роль в названии выпечного изделия, а слово *пирог* присутствует неизменно» [4, с. 118]. Это справедливо и для костромских говоров, и для современного литературного языка.

Библиографический список

1. *Азарх Ю.С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. – М.: Наука, 2000.

2. *Иорданиди С.И.* Отглагольные существительные с суффиксом -ец (-ьць) в истории русского языка // Славистика: синхрония и диахрония. – М., 2006.

3. *Лутовинова И.С.* Словообразовательный анализ названий кушаний в псковских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 5. – Л., 1989.

4. *Лутовинова И.С.* Слово о пище русской. – СПб.: Авалон, 2005.

5. *Новикова Л.Н.* Особенности мутационного словообразования в тверских говорах (на материале ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2006.

6. *Толстой Н.И.* Избранные труды, т. 1. Славянская лексикология и семасиология. – М.: «Языки русской культуры», 1997.

7. *Шаброва Е.Н.* Гнездо однокоренных слов как объект диалектной лексикографии // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Часть 2. ? Вологда, 2008.

Лексикографические источники и принятые сокращения

8. БАС – Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – М.; Л., 1948–1965.

9. Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М., 1995.

10. ККОС – Картотека Костромского областного словаря [Рукопись, хранится на кафедре русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова].

11. МАС – Словарь русского языка. – Т. 1–4. – М., 1985–1988.

12. Ожегов – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1985.

13. ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 5. – Киров, 2008.

14. СВГ – Словарь вологодских говоров.– Вып. 1–8. – Вологда, 1983–1999.

15. СОГ – Словарь орловских говоров. – Вып. 5–10. – Орёл, 1992–1999.

16. Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1–3. – СПб., 1893.

17. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–41. – М.; Л., 1965–2007.

18. СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка. – Т. 1–2. – СПб., 1847.

19. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып. 1–27. – М.: Наука, 1974–2000.

Принятые сокращения названий районов Костромской области

Буйск. – Буйский, Вохом. – Вохомский, Галич. – Галичский, Кологр. – Кологривский, Костр. – Костромской, Красн. – Красносельский, Макар. – Макарьевский, Мантур. – Мантуровский, Межев. – Межевской, Нерехт. – Нерехтский, Павин. – Павинский, Поназ. – Поназыревский, Пыщуг. – Пыщугский, Судисл. – Судиславский, Сусан. – Сусанинский, Чухл. – Чухломский, Шарьин. – Шарьинский.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:316.6

Абросимова Екатерина Анатольевна
Челябинский государственный университет
ek_abrosimova@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В статье раскрывается понятие автобиографической ретроспективы с точки зрения социальной психологии. Автор рассматривает социально-психологические характеристики автобиографической ретроспективы, такие как субъективность, влияние социокультурной среды, установок значимых лиц, потребность в положительном оценивании собственного прошлого. Автобиографическая ретроспектива рассматривается как структурная часть «Я-концепции» личности.

Ключевые слова: *автобиографическая ретроспектива, социальность, субъективность, социокультурная среда, установка, «Я-концепция», референтные лица.*

Термин «автобиографическая ретроспектива» не является чем-то принципиально новым для психологии. В большом психологическом словаре ретроспекция (лат. retro – назад; specto – смотрю) – «припоминание и анализ лично наблюдавшихся и пережитых событий, собственных действий и переживаний, а также рассказ о них» [2]. В словаре русского языка С.И. Ожегова ретроспектива – «взгляд в прошлое, обозрение того, что было в прошлом» [7]. В психологическом словаре под редакцией В.В. Давыдова и др., ретроспекция – это «обзор прошедших событий, мысленное обращение к прошлому, в частности, к своим переживаниям, поступкам и действиям» [5].

Автобиографическая ретроспектива понимается нами как сознательное обращение человека к своему прошлому, мысленный обзор прожитой жизни, а также осознание прожитой жизни как единой целостности. Биографическая ретроспектива включает в себя осознание целостного времени собственной жизни (своего прошлого, настоящего), своего психологического и биологического возраста, степени реализованности своей жизни на настоящий момент. Мы также рассматриваем прожитую жизнь с позиции «взаимосвязанности – отдельности»: прошлое предстает с точки зрения общения, взаимодействия человека с другими людьми (в особенности с референтными лицами – родителями, друзьями, учителями), а также с самим собой, миром природы, музыки, искусства, предметным миром; прошлое предстает с точки зрения отдельности, уникальности единичного существования, которое представлено важными выборами, переломными моментами жизни, отстаиванием своей точки зрения, несмотря на противодействие окружающих. Содержание автобиографической ретроспективы характеризуется следующими параметрами:

1. Первые воспоминания в жизни человека и с чем они связаны: с событиями, со значимыми людьми, со своим внутренним миром, с «другим» миром (миром природы, музыки, искусства).

2. Общение в детском (от 5до 10 лет) и в подростковом (от 10 до 15 лет) возрасте. Общение в этих возрастах рассматривается нами по нескольким критериям:

– с кем больше общается человек: со сверстниками, с родителями, с другими по возрасту ребятами, с самим собой (своим внутренним миром), с другим миром (миром природы, музыки, искусства);

– каков характер этого общения: глубокий и личностный; обычный, не очень глубокий; поверхностный, не глубокий.

3. Самостоятельность (несамостоятельность) важных выборов, которые осуществлял человек в разные временные периоды своей жизни.

4. Степень осознанности важных жизненных выборов.

5. Отстаивание своей точки зрения, даже если это противоречит мнению значимых (референтных) людей, и последствия такого отстаивания в личной жизни.

6. Рефлексия жизненного пути: насколько часто человек задумывается о том, какой он был раньше, какой он сейчас и каким он будет в будущем.

© Абросимова Е.А., 2011

7. Самостоятельная жизненная стратегия: верит ли человек в то, что способен самостоятельно «строить» собственную жизнь.

8. Психологический возраст – то, на сколько лет «чувствует» себя человек в душе, независимо от хронологического возраста.

9. Реализованность собственной жизни на настоящий момент.

10. Осознание времени собственной жизни, которое делится на два фактора:

– наличие субъективной взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим;

– субъективное преобладание какой-либо временной категории (прошлого, настоящего и будущего) в настоящий момент; то есть какая временная категория в настоящий момент является наиболее важной для человека.

Автобиографическая ретроспектива, на наш взгляд, является частью «Я-концепции», которая, как известно, представляется сложным, составным образом или картиной, включающей в себя совокупность представлений индивида о себе самом вместе с эмоционально-оценочными компонентами этих представлений. «Я-концепция» личности формируется в процессе жизни человека на основе взаимодействия со своим социально-психологическим окружением и реализует мотивационно-регуляторную функцию в поведении личности. Если следовать логике «Я-концепции», разработанной в рамках феноменологического подхода, то можно говорить о следующих характеристиках автобиографической ретроспективы:

1. Автобиографическая ретроспектива не столько объективна, сколько субъективна.

2. Автобиографическая ретроспектива – это одновременно и продукт восприятий человека, и совокупность представлений, в которых содержатся ценности, привнесенные из социокультурной среды.

3. Потребность в положительном отношении к собственному прошлому возникает через усвоение опыта положительной оценки своего прошлого значимыми (референтными) людьми.

4. Каждый человек нуждается в поддержании и повышении ценности своего прошлого, то есть своей биографии.

По предложенной Р. Бернсом схеме, структура «Я-концепции» есть структура установок по отношению к себе самому [6]. Основу этих установок составляют когнитивные установки (реальное «Я»), эмоционально-оценочные установки (социальное «Я»), а также то, каким человеку хотелось бы быть (идеальное «Я»). Автобиографическая ретроспектива отражает все три компонента установок, но в нашем исследовании изучаются установки реального «Я» и социального «Я». Рассмотрим каждую характеристику автобиографической ретроспективы.

1. Содержание автобиографической ретроспективы социально по своей сути, потому что наиболее важными событиями, которые вспоминает человек, являются начало или окончание значимых социальных связей (1 сентября и последний звонок, поступление и окончание университета, свадьбы и разводы, начало работы и перемена места работы и т.д.) Но, являясь по сути социальными, эти события наполняются субъективно значимым содержанием, личностно преломляются. Человек запоминает события как личностно значимые феномены, и только так они «встраиваются» в картину жизненного пути. Автобиографическая ретроспектива постоянно реинтерпретируется, реконструируется. Люди меняют отношение к собственному прошлому, находя в нем новые аспекты, новые смыслы, значения. Поэтому субъективность – важнейшая черта автобиографической ретроспективы.

2. Социокультурная среда, в которой живет и творит человек, несомненно, оказывает влияние на его представления о собственном жизненном пути. В какой-то мере эта среда и создает такие представления. Принадлежность личности к мужскому или женскому полу, а также возрастная принадлежность – важные аспекты социокультурной среды и основания для автобиографической ретроспективы. Различают два процесса формирования половой принадлежности – половая идентификация и половая типизация. Первый – более ранний процесс, в основном, бессознательное отождествление себя с ролью другого человека и подражание этому ролевому поведению. Второй процесс – это более осознанный процесс овладения культурно одобряемыми нормами поведения, типичными для роли мужчины и женщины в данном социальном контексте. В каждом обществе (культуре) существуют социально одобряемые нормы, стандарты поведения для мужчин и женщин. Так как характеристики, связанные с традиционными представлениями о половых ролях, наиболее устойчивы в обществе, то, по-видимому, и автобиографическая ретроспектива мужчин и женщин в нашей культурной среде будет различаться.

Хронологический возраст (а также и психологический) оказывает значительное влияние на содержание биографических воспоминаний. Нет сомнений, что лица юного возраста будут оценивать события своей прожитой жизни, ее реализованность, удовлетворенность жизнью иначе, чем представители ранней и, тем более, поздней зрелости. Реализованность жизни, а также психологический возраст личности должны увеличиваться с годами. Также и восприятие времени собственной жизни будет меняться – у лиц юношеского возраста в автобиографической ретроспективе будут преобладать настоящее и будущее время, у лиц зрелого возраста в картине жизненного пути увеличивается удельный вес прошлого.

3. Одно из главных отличий автобиографической ретроспективы от автобиографической памяти [3], например, состоит в ее осознаваемости – это сознательное обращение человека к своему прошлому, осознанный взгляд на события и уроки своего прошлого. Автобиографическая ретроспектива имеет произвольную форму функционирования, поскольку необходимость ответственно и честно взглянуть в лицо своему прошлому, проанализировать происшедшие в прошлом события, осознать цели и смыслы – все это, несомненно, требует волевого усилия. Поэтому восприятия человека и его представления о собственной жизни, о ее удачах и поражениях, о событиях, ее наполняющих, – все это, несомненно, играет ведущую роль в автобиографической ретроспективе. Однако другой важнейший источник формирования представлений о собственном жизненном пути – это установки (сознательные и бессознательные) значимых других (референтных) лиц, прежде всего родителей, учителей, ближайшего социального окружения. Большинство теоретиков и исследователей по проблемам личности согласны с тем, что стандарты, устанавливаемые значимыми другими, жизненно важны для развития «Я-концепции», следовательно, и для автобиографической ретроспективы, если мы рассматриваем ее как часть «Я-концепции» личности. Существует множество исследований, показывающих, что если референтные лица признают, принимают, одобряют индивида, то у последнего формируется, скорее всего, положительная «Я-концепция». Если другие – родители, сверстники, учителя – отвергают индивида, критикуют его, то, несомненно, у него будет развиваться отрицательная «Я-концепция» [4; 6]. Те же механизмы характерны, на наш взгляд, и для автобиографической ретроспективы: если установки (сознательные и бессознательные) ближайших референтных лиц (прежде всего родителей, учителей и сверстников) по отношению к жизненному пути индивида будут положительными, одобряющими его поступки и этапы жизни, то автобиографическая ретроспектива такого индивида будет, в целом, оцениваться им как позитивная, успешная, с преобладанием жизненных достижений. И наоборот – если установки значимых других по отношению к жизненному пути индивида будут отрицательными, то автобиографическая ретроспектива такого индивида будет оцениваться им как, в целом, негативная, неуспешная, несчастная, с преобладанием жизненных неудач.

4. Потребность в положительном отношении к собственному прошлому возникает через усвоение опыта положительной оценки своего прошлого значимыми (референтными) людьми. Следующая характерная черта автобиографической ретроспективы вытекает из данного положения: человек не только формирует положительную оценку собственного прошлого через положительные установки референтных лиц к собственному прошлому, но и нуждается в поддержании и повышении ценности своего прошлого. Для каждого индивида свойственно стремление положительно оценивать собственное прошлое, такое стремление – неотъемлемая и важная черта личностного развития, целостности личности. Следовательно, все, что не будет поддерживать позитивное оценивание собственного прошлого, станет так или иначе, сознательно или бессознательно, отвергаться личностью.

Таким образом, автобиографическая ретроспектива занимает важное место в структуре «Я-концепции» личности и, несомненно, так же, как и жизненный путь, является предметом анализа биографического метода. «Представление о своей судьбе, составляющих ее событиях и внутренних закономерностях развертывания во времени является одним из важнейших механизмов самодетерминации жизненного пути личности. Без понимания того, что представляет собой индивидуальное видение прошлого, нельзя познать личность во всей ее глубине и сложности» [1, с. 58].

В данной статье предпринята попытка описания особенностей автобиографической ретроспективы с точки зрения социальной психологии – ее субъективности, ее зависимости от социокуль-

турной среды, от половозрастной принадлежности и от установок значимых лиц. Данные характеристики автобиографической ретроспективы являются, конечно, далеко не исчерпывающими. От целостности автобиографической ретроспективы, от осознания прожитой жизни как единого целого, зависит психологическое здоровье и рост личности. Осознание собственной жизни в качестве прерывистого явления, отсутствие связи прошлого, настоящего и будущего времени, даже осознание своей жизни в качестве отдельных событий – все это ведет к дисгармонизации личности, к патологичному разделению личности на различные «Я». Это убеждает в важности дальнейшего теоретического и практического исследования феномена автобиографической ретроспективы.

Библиографический список

1. *Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В.* Биографическое интервью: учебно-методическое пособие / Под ред. В.Г. Безрогова. – М.: УРАО, 2001. – 88 с.

2. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г.Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд. доп. и перераб. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.– 672 с.

3. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память (Структура, функции, механизмы): Дис. … канд. психол. наук. – М., 1998. – 305 с.

4. *Первин Л., Джон О.* Психология личности: Теории и исследования. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 606 с.

5. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.

6. Социальная психология / Под ред. А.Л. Журавлева, В.Л. Соснина, М.А. Красникова. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2006. – 416 с.

7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: «Рус. яз.», 1992. – 917 с.

УДК 159.9.072.43+316.6

Борисов Руслан Викторович
кандидат психологических наук
Дагестанский государственный институт народного хозяйства (г. Махачкала)
borisovr@list.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ДАГЕСТАНА

В статье представлены результаты изучения лингвистического аспекта в системе межэтнических отношений в Республике Дагестан.

Ключевые слова: *язык межнационального общения, традиционное общество, поликультурное общество, Дагестан.*

Дагестан является полиэтническим регионом РФ. Он представляет собой уникальный геоисторический феномен: здесь невозможно выделить титульный этнос, поскольку в республике проживает более 30 этносов, 9 из которых – коренные. Каждый этнос имеет свой этнический язык, а иногда ещё и несколько диалектов. Языком межнационального общения в Дагестане является русский язык. В этой ситуации мы имеем дело с двуязычием, или даже многоязычием, т.к. отдельные жители Дагестана владеют своим этническим языком, языком межнационального общения – русским, и зачастую языком какого-нибудь другого этноса республики. Есть также «полиглоты», которые помимо вышеперечисленных языков владеют ещё и несколькими иностранными языками. Совершенно верно утверждает Ж.Т. Уталиева, что двуязычие и многоязычие в полиэтнических обществах становится необходимым и практически единственным путём преодоления барьеров между людьми, говорящих на разных языках [2, с. 72]. Национально-русское двуязычие в Дагестане является результатом длительного исторического взаимодействия разноязычных этносов. Причём взаимодействие этнокультур отразилось практически во всех сферах жизни народов, населяющих Дагестан.

Исследование, представленное в данной статье, было направлено на изучение лингвистического аспекта межэтнических отношений в Дагестане. Специально для этого была разработана анкета «Язык и этническая идентичность», соавторами которой стали такие специалисты в обла-

 © Борисов Р.В., 2011

сти этнопсихологии и этнопедагогики, как Г.И. Кислова и В.Н. Цатуров [1, с. 168]. Анкета включала вопросы, с помощью которых выявлялся уровень компетентности в этническом языке и «ином» языке – языке межнационального общения, то есть русском языке. Кроме того, данная методика позволяет выявить субъективную важность оснований, позволяющих человеку идентифицировать себя со своей и иной этническими группами. Это определялось с помощью таких вопросов, как «По какому признаку, по Вашему мнению, человеку следует идентифицировать свою этническую принадлежность?», «По какому признаку Вы идентифицируете (определяете) свою национальность?» и др. Респондентам предлагалось выбрать из предложенного перечня признаков и ситуаций один или несколько главных. Подсчитывалась частота указанных респондентами ситуаций и признаков, анализировались сходства и различия субъективных критериев актуализации этнической идентичности в ответах учащихся школ и студентов.

В исследовании приняли участие 88 учеников старших классов школы-гимназии № 17 и лицея № 39 г. Махачкалы и 86 студентов 1–5 курсов Дагестанского государственного университета и Дагестанской государственной медицинской академии. Таким образом, выборочная совокупность исследования составила 174 респондента, которая определялась методом случайных чисел. На вопросы анкеты были получены следующие ответы респондентов (на первом месте всегда указан результат школьников, на втором – студентов):

1. Назовите языки, на которых Вы можете общаться с другими людьми: языки народов Дагестана выбрали 29,7% и 65,7% респондентов; языки народов России – 81% и 92,1%; языки народов мира – 25,6% и 81,5%.

Как мы видим, большая разница в процентном соотношении между школьниками и студентами присутствует в умении общаться на языках народов Дагестана. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что школьники в подавляющем большинстве являются городскими жителями, многие из них крайне редко посещают родные сёла и аулы и поэтому не испытывают острой необходимости в знании родного языка. Что касается студентов, то многие из них являются жителями сельской местности, которые приехали для обучения в вузе в поликультурную столицу Дагестана – Махачкалу, где и проводилось настоящее исследование. Именно поэтому они демонстрируют высокий процент умения говорить как на языках народов Дагестана, так и на языках России (в основном на русском языке).

2. Пользуетесь ли Вы в образовательном процессе, помимо русского языка, дополнительно родным или другими языками для полного понимания учебного материала? Отвечать на данный вопрос отказались 1,3% и 2,6% учащихся. На ответ «нет» указали 60,8% и 52,9% респондентов; иногда – 23% и 31,5%; часто 9,4% и 13,1%; всегда – 5,4% и 0%. Отметим, что «всегда» пользуются другим языком, кроме русского, для полного понимания учёбного материала 5,4% учащихся школ, в то время как процент умения общаться как на языках Дагестана, так и на родных языках довольно низок.

3. Далее мы спросили у респондентов, на каком языке они обычно мыслят (думают). Считается, что для того, чтобы думать на каком-либо языке, необходимо иметь очень высокую компетентность в этом языке. Итак, ответы респондентов распределились следующим образом: только на русском языке мыслят 83,7% и 73,6% дагестанской молодёжи; только на родном – 2,7% и 7,9%; и на русском и на родных языках думают 12,1% и 18,5% респондентов; на каком-либо другом языке мыслят 1,3% школьников и 0% студентов.

4. Считаете ли Вы допустимым общение на родном языке с педагогом одной с Вами национальности? Отметим, что на данный вопрос отказались отвечать 4% школьников и 2,6% студентов.

В учебном процессе допускают общение с педагогами одной с ними национальности 8,1% и 5,2% респондентов, во внеучебной деятельности 63,5% и 52,6%. Отрицательно ответили 77% и 86,8% и соответственно 21,6% и 39,4% респондентов. Затруднились ответить на данный вопрос 10,8% и 7,9% и соответственно 8,1% и 5,2% принявших участие в опросе.

5. Очень интересным, с позиции нашего исследования, стал вопрос: «Какой язык Вы считаете своим родным?». На язык своей национальности указали 90,6% и 71%; русский язык выбрали 8,1% и 26,3% опрошенных. На данный вопрос отказались отвечать 1,3% старшеклассников и 2,6% студентов вузов. Отметим, что национальность в опросных листах респонденты указывали исходя из личного желания.

6. Язык выступает в качестве важного измерения этнической идентичности. Высокий уро-

вень предпочтения родного языка для общения в полиэтнической среде рассматривается как один из признаков негативных типов этнической идентичности. Для выяснения уровня предпочтения родного языка в процессе межэтнического восприятия молодёжи был задан такой вопрос: «Как Вы считаете, на каком языке следует общаться молодёжи в многонациональной среде?» 45,9% и 71% опрошенных считают, что общаться в многонациональной среде следует на русском языке. Никто из опрошенных 174 человек не ответил, что молодёжь в поликультурном обществе должна общаться на родном языке. О том, что необходимо в данных условиях общаться одновременно и на русском и на родном языке, полагают 47,2% старшеклассников и 21% студентов.

Анализ ответов, данных на этот вопрос, показывает, что молодёжь Дагестана испытывает уважение как к русскому, так и к родному языку.

7. На вопрос анкеты «По какому признаку, по Вашему мнению, человеку следует идентифицировать свою этническую принадлежность?» были получены такие ответы: на родной язык указали 33,7% и 26,3% респондентов; этнокультуру (обычаи, традиции, национальное творчество, песни, танцы, спортивные игры) выбрали 28,3% и 26,3%. Этническое происхождение (этнические корни) в ответах на данный вопрос отметили 14,8% и 28,9% из числа принявших участие в опросе. Идентифицировать свою этническую идентичность согласно месту проживания предложили 1,3% старшеклассников и 5,3% студентов. В перечне предложенных ответов на данный вопрос методики был пункт «другое», где респондентам предлагалось вписать тот признак, который *они* считают важным при определении своей национальности. Отметим, что чаще всего в этот пункт дагестанская молодёжь вписывала «собственное желание» или фразу «национальностей быть не должно, все люди равны». Эти варианты ответа, предложенные самими участниками опроса, указывают на то, что, в основном, молодёжи в Дагестане присуща позитивная этническая идентичность. Молодые люди убеждены, что позитивная этническая идентичность – это тот залог толерантности, который просто необходим в любом полиэтническом обществе.

8. Последний вопрос методики был направлен на выяснение признаков, по которым респонденты лично определяют свою национальность. Вопрос в анкете звучал так: «По какому признаку Вы идентифицируете (определяете) свою национальность?» Родной язык «вышел в неоспоримые лидеры» среди ответов на данный вопрос. Так, 67,5% старшеклассников и 63,1% студентов вузов называют родной язык главным критерием определения своей национальности. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что язык является важным фактором формирования этнической идентичности в мультикультурном обществе. Следующим признаком стала этнокультура, которую в опросных листах отметили 12,1% и 21% респондентов. Согласно истории своего народа национальность определяет 8,1% и 7,9% всех опрошенных. В этом вопросе мы опять позволили участникам анкетирования вписать те признаки, которые *они* считают измерителями этнической идентичности. Среди предложенных критериев наиболее часто встречаются выражения «всё вышеперечисленное, собственное желание, национальность родителей (в основном отца), не отношу себя ни к одной национальности». Такие признаки указали 5,4% старшеклассников и 5,2% студентов из числа принявших участие в опросе. Отметим также, что 2,6% опрошенных старшеклассников отказались отвечать на этот вопрос. Возможно, потому что эти старшеклассники ещё недостаточно чётко определились, по каким признакам следует определять свою национальность. Среди студентов отказавшихся отвечать на этот вопрос не было.

Итак, результаты исследования показали, что лингвистический аспект действительно имеет важное значения в межэтническом общении дагестанцев, а язык является важным измерением этнической идентичности в полиэтнической среде. Кроме того, наметилась тенденция к тому, что дагестанским старшеклассникам и студентам характерна позитивная этническая идентичность, которая представляет собой баланс толерантности по отношению к своей и «иным» этническим общностям.

Библиографический список

1. *Борисов Р.В.* О межэтническом общении в Дагестане. – Berlin: LAP – Lambert Academic Publishing, 2010. – 179 p.

2. *Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности: Дис. … канд. психол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1995. – 175 с.

УДК 159.9.07

Медведская Татьяна Сергеевна
Российский университет дружбы народов (г. Москва)
meinestadt@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОЦЕНОЧНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена изучению специфики проявления активности личности и ее компонентов в связи с разрешением объективно возникающих препятствий. Анализируется уровень продуктивности усилий субъекта в процессе преодоления жизненных ситуаций в зависимости от особенностей проявления оценочно-поведенческого компонента активности личности.

Ключевые слова: *активность личности, структурно-функциональная модель активности, разрешение проблемы, продуктивность копинга.*

Проблема активности личности в настоящее время становится все более актуальной. В связи с ускорением ритма жизни общества личность сталкивается с принципиально новыми стрессорами, вызванными иными условиями коммуникации и жизнедеятельности. С теоретической точки зрения новизна данного исследования состоит в том, что на основе теоретического анализа источников выделяются основные структурно-содержательные и функциональные компоненты активности личности, позволяющие более глубоко изучить особенности проявления активности, условия ее возникновения, а также наметить пути построения структурно-функциональной модели активности личности. С точки зрения практической значимости, данное исследование приближает нас к ответу на вопрос о том, благодаря каким механизмам реализуется или тормозится активность личности; каким образом одни люди с успехом преодолевают жизненные сложности, а другие ломаются, не выдержав стрессовых ситуаций; как происходит процесс реализации активности.

Интеграция различных подходов к изучаемому феномену в отечественной и зарубежной литературе (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Г.С. Арефьев, В.И. Дружинин, В.В. Знаков, Д.В. Ушаков. В.Л. Хайкин, А.В. Либина, Г. Гартман, А. Адлер, В. Франкл, К. Меннингер, Р. Моуз, Р. Лазарус, С. Фолькман и др.) позволяет вычленить основные структурно-содержательные и функциональные компоненты, переосмысление которых приводит к построению структурно-функциональной модели активности личности. Последняя состоит из содержательно-когнитивного, деятельностно-мотивационного, оценочно-поведенческого и личностно-результативного компонентов.

Содержательно-когнитивный компонент активности является системой усвоенных и осознанных знаний о сущности активности; представлением о себе как об активном субъекте, принятием на себя ответственности за происходящее. В качестве критерия проявления активности на содержательно-когнитивном уровне выступает стратегия принятия на себя ответственности, а также когнитивная ориентация (интернальный локус контроля).

Деятельностно-мотивационный компонент активности – это движущая сила активного поведения, то, ради чего выполняется та или иная деятельность, самоориентирование в процессе деятельности. Критерием проявления активности на деятельностно-мотивационном уровне выступают мотивация личности к успеху, результату, а также ориентация на конкретные действия.

Оценочно-поведенческий компонент отражает уровень выраженности активности в поведении личности, оценку и контроль поведенческих усилий в процессе реализации активности. При этом критерием проявления активности с точки зрения данного компонента являются конкретные стратегии преодоления трудностей, препятствий в процессе активности личности, а также контроль деятельности на этапе ее планирования, реализации и в случае неудачи.

Личностно-результативный компонент представляет собой степень личностной значимости активности, уровень продуктивности прилагаемых усилий по преодолению наличных условий ситуации. Критерием проявления активности на данном уровне служит успешность совладания

© Медведская Т.С., 2011

с постоянно меняющимися внешними условиями, продуктивность разрешения стрессовых ситуаций, а также психологическая адаптация к новой ситуации.

Таким образом, становится понятно, что структурно-функциональная модель активности личности отвечает на вопрос об особенностях устойчивых связей между компонентами, обеспечивающими сохранность и целостность данного феномена при изменении внешних условий, а также роли изучаемого явления в структуре более сложных социальных процессов, например, адаптации, а также субъект-субъектных отношений.

С целью диагностики структурно-содержательных и функциональных компонентов активности личности применялись «Шкала контроля за действием» Ю. Куля, методика «Когнитивной ориентации» Дж. Роттера, «Индикатор стратегий» Д. Амирхана, «Мотивация к успеху» Т. Элерс, «Мотивация к избеганию неудачи» Т. Элерс, «Шкалы копинг-стратегий» Р. Лазаруса, «Определение индивидуальных копинг-стратегий» Э. Хайма, «Методика рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга. Для обработки полученных эмпирических данных применялись математико-статистический и качественный анализы (корреляционный анализ Спирмена, простой и множественный регрессионный анализ с использованием пакета SPSS Statistics 17.0).

В исследовании специфики проявления активности и ее компонентов в процессе разрешения стрессовой ситуации приняли участие 496 человек 17–23 лет. Выборка условно разделялась на юношей и девушек младшего юношеского возраста 17–18 лет, обучающихся в среднем специальном учебном заведении – подмосковном машиностроительном техникуме, а также на студентов РУДН 19–23 лет аграрного, филологического, экологического, инженерного и физико-математического факультетов. Репрезентативность выборки обеспечивалась уравнением ее по полу, так что в обе возрастные подгруппы входило по 124 юноши и 124 девушки.

Корреляционный анализ показывает, что стратегия разрешения проблемы положительно связана с мотивацией как к успеху ($S_{0,01}$=0,31), так и к избеганию неудачи ($S_{0,01}$=0,156), что, возможно, свидетельствует о двух неодинаковых типах преодоления стрессовой ситуации, различающихся, с одной стороны, степенью готовности к риску-конфронтации и, с другой стороны, осторожностью. При этом стратегия разрешения проблемы также сопровождается принятием на себя ответственности ($S_{0,01}$=0,137), положительной переоценкой ситуации ($S_{0,01}$=0,201) и планированием решения ($S_{0,01}$=0,399) с высоким самоконтролем ($S_{0,01}$=0,135). С другой стороны, избегание проблемы, возможно, также базируется на двух непохожих составляющих, связанных, с одной стороны, с экстернальным локусом ($S_{0,01}$=0,119) и дистанцированием от стрессора ($S_{0,01}$=0,124), а с другой стороны, сопровождающихся самоконтролем ($S_{0,01}$=0,178), фиксацией на чувстве ответственности ($S_{0,01}$=0,148) и рационализацией, основанной на положительной переоценке ситуации ($S_{0,01}$=0,14).

Мы предположили, что между положительной переоценкой ситуации и избеганием проблемы как проявлением пассивных стратегий поведения на уровне оценочно-поведенческого компонента активности существует нелинейная зависимость. Для проверки данного предположения был проведен простой регрессионный анализ. Оценка криволинейности распределения избегания проблемы и положительной переоценки показывает, что в случае линейной регрессии величина R^2=0,026 при $p \leq 0,0001$. В то же время для квадратичной регрессии, которая учитывает криволинейную связь между избеганием проблемы и положительной переоценкой, R^2=0,029 при $p \leq 0,001$. Высокий уровень значимости в обоих случаях свидетельствует о достоверности результатов, однако очевидно, что квадратичная регрессия описывает отношения между избеганием проблемы и положительной переоценкой более адекватно, чем линейная. Можно видеть, что при очень низком уровне положительной переоценки ситуации, когда личность оказывается неспособной к позитивному истолкованию произошедшего, наблюдается высокий уровень избегания проблемы. Последнее связано с невозможностью сознательной переработки информации и вызывает бегство от травмирующего источника для восстановления внутреннего баланса. В то же время в ситуации завышенной положительной переоценки ситуации также выявлен высокий уровень избегания проблемы, что свидетельствует о защитной компенсаторной оценке препятствия, когда субъект оказывается неспособным к адекватному восприятию сложности и не готов адаптироваться к новым условиям. Таким образом, получается, что с низким уровнем избега-

ния проблемы связан некий оптимальный уровень положительной переоценки ситуации, который, с одной стороны, означает готовность личности к поиску положительной стороны в происходящем, а с другой стороны, предполагает адекватное восприятие потенциальных и реальных негативных последствий ситуации.

Оценка криволинейности распределения по изучаемым переменным разрешения проблемы и уровня мотивации к успеху показывает, что в случае линейной регрессии величина R^2=0,095 при p≤0,0001. Для квадратичной регрессии, учитывающей криволинейную связь между мотивацией к успеху и разрешением проблемы, R^2=0,096 при p≤0,0001. В данном случае квадратичная регрессия описывает отношения между избеганием проблемы и положительной переоценкой несколько более адекватно, чем линейная при высокой значимости обеих.

Полученные результаты означают, что очень низкий и высокий уровень мотивации к успеху является дезадаптивным и препятствует активному разрешению проблемы, что согласуется с куполообразной кривой, отражающей закон об оптимуме мотивации Йеркса-Додсона. Для осуществления деятельности, в том числе связанной с разрешением проблемы, необходим достаточно высокий уровень мотивации к успеху. Однако при ее слишком высокой выраженности происходит фиксация на конкретном результате, усиливается напряжение, вследствие чего эффективность активности ухудшается.

На следующем этапе исследования для оценки степени влияния на выраженность разрешения проблемы различных переменных, входящих в состав структурно-содержательных и функциональных компонентов активности, нами был использован множественный регрессионный анализ. Применялась комбинация пошаговых методов, в ходе которых в уравнение регрессии последовательно были включены переменные планирования решения, мотивации к успеху, интернального локуса контроля, контроля за действием при реализации активности и мотивации к избеганию неудачи. Кроме того, необходимо отметить, что все входящие в уравнение переменные являются положительными, т.е. с их увеличением происходит возрастание разрешения проблемы. Наибольший вклад в уравнение регрессии вносит шкала планирования решения, далее следует мотивация к успеху, интернальный локус контроля, контроль за действием при реализации активности и мотивация к избеганию неудачи. При этом данные переменные объясняют приблизительно 92% дисперсии по шкале разрешения проблемы.

Полученные результаты, вероятнее всего, означают, что наибольший вклад в разрешение проблемы вносит умение тщательно планировать решение. Последнее способствует тому, что человек хорошо представляет собственную программу действий, ведущих к разрешению возникшей ситуации. Кроме того, наиболее вероятным является тот факт, что испытуемые с высоким уровнем мотивации к успеху, интернальным локусом контроля, а также контролем за действием при реализации активности будут более успешно разрешать проблемные ситуации. Примечательно, что мотивация к избеганию неудачи тоже является предиктором уравнения регрессии и обусловливает приблизительно 14% дисперсии. Полученные данные по этой шкале свидетельствуют об уже звучавшем выше предположении, что мотивация к избеганию неудачи связана с более осторожным копингом. Он предполагает менее эмоциональный, ненаступательный характер действий и связан с меньшим риском для личности.

Итак, на процесс разрешения проблемы на уровне содержательно-когнитивного компонента активности оказывает влияние наличие интернального локуса контроля, т.е. осознание субъектом собственной роли в жизненном пути. На уровне деятельностно-мотивационного компонента активности для продуктивного разрешения проблемы необходим высокий уровень мотивации к успеху при одновременно осторожном, разумном копинге. На уровне оценочно-поведенческого компонента активности в уравнение регрессии по переменной разрешения проблемы входит высокий уровень планирования решения, а также контроля за действием при реализации активности. В стрессовой ситуации наиболее конструктивной является стратегия разрешения проблемы, направленная на поиск наиболее оптимального решения. Осознание своей ответственности и следующее за ним самобичевание не являются эффективным способом преодоления возникающих проблем. В ситуации самообвинения интернальный локус контроля может только тормозить активность, так как основные силы тратятся не на поиск решения, а на негативные переживания собственной вины в случившемся.

С другой стороны, при выборе конструктивного пути в ситуации препятствия данная поведенческая стратегия связана с интернальным локусом контроля, то есть осознание собственной ответственности помогает человеку взять инициативу в свои руки и начать самостоятельно действовать.

Библиографический список

1. *Васильева О.С., Демченко Е.А.* Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 74–85.

2. *Либина А.В.* Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. – М.: Эксмо, 2008.

3. *Медведская Т.С.* Структурно-функциональная модель активности личности // Вестник университета управления ГУУ. – 2010. – № 15. – С. 48–50.

4. *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5–19.

5. *Хайкин В.Л.* Активность (характеристики и развитие). – М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000.

6. *Ryan R., Deci E.* On happiness and human potential // Annual Review of Psychology. – 2001. – № 51. – P. 141–166.

УДК 159.944.4:341.321.3

Молчанова Людмила Николаевна
кандидат психологических наук
Курский государственный медицинский университет
molchanowa.liuda@yandex.ru

СОСТОЯНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО ОПЫТА УЧАСТИЯ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В статье дается теоретическое и эмпирическое обоснование проецирования ценностно-смыслового содержания форм личностного опыта участия в боевых действиях на генез состояния психического выгорания представителей профессий экстремального профиля.

Ключевые слова: *состояние психического выгорания, генез, личностный опыт участия в боевых действиях, фиксированная, потенциальная и оперативная формы, барьерность – реализуемость.*

В современном мире большое число профессий предполагает деятельность специалистов в особых условиях, которые связаны с постоянным или эпизодическим действием на человека экстремальных ситуаций. Данная ситуация таит в себе либо вызов, либо угрозу жизнедеятельности человека, зачастую вызывает невосполнимые потери [1]. К экстремальным ситуациям, предъявляющим к людям требования, которые превышают их обычный адаптивный потенциал и в которых зачастую невозможна реализация стратегий совладания с жизненными трудностями и происходит деформация жизненных характеристик, относят ситуации боевых действий [1].

Перед представителями профессий экстремального профиля, переживших ситуативное экстремальное воздействие боевого действия, встает сложная задача смыслообразования, необходимость переосмысления трагического личностного опыта, который он приобрел на войне, корректировка всей системы ценностей, восприятий и самовосприятий [1]. Согласно Ш. Шварцу, ценности представляют собой мотивационные цели, которые служат руководящими принципами в их жизни. Если их существование не поддерживается человеком, не реализуется, то они постепенно теряются [3]. Изменения в ценностно-смысловой сфере приводят к возникновению неблагоприятных психических состояний, в том числе состоянию психического выгорания [8]. Следует отметить, что, несмотря на немалое количество работ, посвященных изучению отдельных форм профессиональной деформации у сотрудников, связанных с деятельностью в экстремальных условиях [7; 9], проблема изучения генеза состояния психического выгорания у представителей профессий экстремального профиля в контексте личностного опыта участия в боевых действиях является неразработанной, что и определяет одновременно и актуальность, и цель настоящего исследования.

Для реализации цели исследования на базе Отряда милиции специального назначения при

 © Молчанова Л.Н., 2011

УВД по Курской области были обследованы сотрудники в количестве 82 человек, имеющие опыт участия в боевых действиях (от 1 до 12 боевых командировок продолжительностью 3–4 месяца каждая). Средний возраст испытуемых составил 27,64±4,12 лет. Градация выборки испытуемых осуществлялась с учетом критерия длительности личностного опыта участия в боевых действиях: 1–3 командировки (около 1 года), 4–6 командировок (около 2 лет), 7–12 командировок (около 3 лет).

Изучение генеза состояния психического выгорания у сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД в контексте личностного опыта участия в боевых действиях осуществлялось в рамках факторного экспериментального плана с помощью методики В.В. Бойко [2], методики «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой [4], теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [6], а статистическая обработка результатов – с использованием пакета прикладных программ «STATISTIKA 6.0».

Методологическим основанием исследования выступили концепция личностного опыта [5], теория Н.Р. Салиховой об организации жизненного пространства личности [11], а также современные теоретические подходы и эмпирические исследования психического выгорания [7–10].

В соответствии с личностно-ориентированным подход источником процесса развития личностного опыта являются фиксированные и оперативные формы [5]. Фиксированная форма (прошлый опыт) включает в себя важную информацию, результат серьезного анализа событий, их оценки. Это объективная ценность, ставшая субъективной установкой, взглядом, убеждением, собственным выводом происходящего. Под оперативной формой понимают активизированную форму прошлого опыта. Это применение ценностных ориентаций, смыслов, убеждений в конкретной жизненной ситуации. Потенциальная форма личностного опыта представляет собой новые, обогащенные ценности, смыслы, убеждения [5].

В нашем исследовании под личностным опытом участия в боевых действиях понимаем набор событий, интегрирующих в себе пережитую ситуацию боевых действий. В качестве источника его генеза принимаем три формы: фиксированную, оперативную и потенциальную, соответственно, их содержание определяем через личностные ценности и смыслы. А в качестве количественной и динамической характеристики форм личностного опыта участия в боевых действиях, по Н.Р. Салиховой [11], рассматриваем барьерность – реализуемость личностных ценностей, которая задается полярными смысловыми тенденциями согласования и рассогласования важности и доступности ценностей. Согласование выражается в том, что человек осуществляет то, что может реализовать в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно. Психометрическим индикатором этой тенденции является индекс реализуемости, определяемый как прямая корреляционная связь параметров важности и доступности ценности [11]. Рассогласование выражается в разнонаправленном изменении параметров важности и доступности ценности: недоступность ценности увеличивает, а высокая доступность понижает её важность, соответственно, реализуемое и доступное обесценивается, а недоступное кажется еще более ценным и важным. Количественно оно фиксируется через индекс барьерности, определяемый как прямая корреляционная связь важности ценности с разностью «важность – доступность» [11].

Психическое выгорание определяют как состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы и включающее в себя три составляющих: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [10; 13]. В исследованиях состояния психического выгорания, посвященных соотносимости выраженности его фаз с длительностью профессиональной деятельности, представлены неоднозначные результаты [10; 12].

Изучение генеза состояния психического выгорания у сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД в контексте личностного опыта участия в боевых действиях предусматривало реализацию следующих задач: анализ средних значений показателей состояния психического выгорания; изучения генеза состояния психического выгорания у сотрудников с различной длительностью личностного опыта участия в боевых действиях; изучение генеза состояния психического выгорания в контексте ценностно-смыслового содержания форм личностного опыта участия в боевых действиях.

Анализ средних значений показателей состояния психического выгорания у сотрудников от-

Таблица 1

Значения средних тенденций и результаты значимости различий показателей состояния психического выгорания сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД с различной длительностью личностного опыта участия в боевых действиях (критерий U-Манна-Уитни, α=0,05; U*эмп<Uкр)

№ п/п	Этапы длительности	Фаза «напряжение» (1)		Фаза «резистенция» (2)		Фаза «истощение» (3)		1-2		2-3	
		Хср. ± δ	качественный	Хср. ± δ	качественный	Хср. ± δ	качественный	$U_{эмп}$	ρ	$U_{эмп}$	ρ
1.	около одного года	45,00± 17,02	В стадии формир.	51,98± 24,93	В стадии формир.	37,24± 23,85	В стадии формир.	437,5*	0,000	552,5*	0,003
2.	около двух лет	47,69± 22,36	В стадии формир.	55,15± 22,88	В стадии формир.	37,85± 21,50	В стадии формир.	89,5*	0,003	104,5*	0,010
3.	около трёх лет	42,58± 30,31	В стадии формир	49,70± 26,03	В стадии формир.	37,65± 24,65	В стадии формир.	69,5*	0,0004	99,0*	0,006

Примечание: * – значимость различий

ряда милиции специального назначения при УВД указал на наличие умеренного уровня выраженности, что свидетельствует о его возникновении: среднее значение показателя на фазе «напряжение» составило $\overline{X}$=45,33±22,93, на фазе «резистенция» – $\overline{X}$=52,20±24,50, $\overline{X}$=37,24±23,22 отмечалось на фазе «истощение».

Изучение генеза состояния психического выгорания у сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД с различной длительностью личностного опыта участия в боевых действиях указало на следующие тенденции (табл. 1).

В целом динамика всех трёх фаз состояния психического выгорания представлена однонаправленным характером в пределах уровня регистрируемых значений: с увеличением длительности личностного опыта участия в боевых действиях от 1 года до 2 лет отмечается увеличение средних значений показателей; от 2 до 3 лет – некоторое их уменьшение. Выявленная достоверность различий в уровнях выраженности показателей состояния психического выгорания на фазах «напряжение» и «резистенция», «резистенция» и «истощение» у сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД на всех этапах длительности личностного опыта участия в боевых действиях указывает на несоотносимость фаз с этапами его длительности, что в свою очередь позволяет выдвинуть предположение о проецировании на генез состояния психического выгорания ценностно-смыслового содержания форм.

Кроме того, у сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД генез состояния психического выгорания представлен следующей последовательностью фаз: «истощение» – «напряжение» – «резистенция» у сотрудников с длительностью личностного опыта участия в боевых действиях около 1 года (табл. 1). Следовательно, истощение психоэмоциональных ресурсов и психическое выгорание не связаны с напряженными условиями профессиональной деятельности, что свидетельствует о дискретном и скачкообразном характере его генеза и проецировании ценностно-смыслового содержания форм личностного опыта участия в боевых действиях на его генез.

Сравнительный анализ частот выборов приоритетных ценностей сотрудниками отряда милиции специального назначения при УВД с различным опытом участия в боевых действиях позволяет выделить следующую тенденцию: если у сотрудников с небольшим опытом участия в боевых действиях (около 1 года) на приоритетные позиции выходят такие ценности, как «актив-

ная деятельная жизнь», «интересная работа», «счастливая семейная жизнь», представляющие его потенциальную форму, характеризующуюся освоением новой социальной ситуации, экстремальными условиями профессиональной деятельности и появлением новых, обогащенных ценностей, смыслов и убеждений, то у лиц с длительностью личностного опыта участия в боевых действиях около 3 лет можно наблюдать следующую доминирующую триаду ценностей: «активная деятельная жизнь», «уверенность в себе» и «здоровье». Таким образом, в структуре ценностей сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД, длительность личностного опыта участия в боевых действиях которых составила около 3 лет, особую значимость приобретают второстепенные на предшествующих этапах «уверенность в себе» как свобода от внутренних противоречий и «здоровье», определяющие содержание его фиксированной и оперативной форм.

Результаты сравнительного анализа барьерности – реализуемости личностных ценностей у сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД с различной длительностью личностного опыта участия в боевых действиях указал на наличие следующих тенденций. В роли реализуемых ценностей, то есть важных и доступных, выступает «уверенность в себе» как свобода от внутренних противоречий (индекс реализуемости rs =0,78**) у «выгорающих» сотрудников с длительностью личностного опыта участия в боевых действиях около двух лет. У лиц, подвергшихся непродолжительному воздействию ситуации боевых действий (около 1 года), обесценились «здоровье» (индекс барьерности – реализуемости rs =0,68**-0,83**) и «красота природы и искусства» (переживание прекрасного: rs =0,80** -0,81**), у сотрудников, подвергшихся её более продолжительному воздействию (около 2 лет), – «творчество» (rs =0,85**-0,64**) , около 3 лет – «уверенность в себе» (rs =0,68**-0,70**). Для всех «выгорающих» сотрудников, независимо от длительности личностного опыта, очень важны и недоступны такие ценности, как «наличие хороших и верных друзей» (rs =0,74**; rs =0,78**; rs =0,80**), «познание» (rs =0,73**; rs =0,76**; rs =0,60*), «свобода» (r=0,63*; rs =0,64**; rs =0,67*), «счастливая семейная жизнь» (rs =0,78**; rs =0,76**; rs =0,82**).

Сравнительный анализ средних значений показателей состояния психического выгорания в группах сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД с различной длительностью личностного опыта участия в боевых действиях и крайне низким и высоким значениями индекса барьерности указал на значимость различий всех трёх фаз у сотрудников, чей личностный опыт составил около 2 лет (Uэмп.=4,0 при ρ=0,037; Uэмп.=2,0 при ρ=0,019; U эмп.=2,5 при ρ=0,021), а также около 3 лет (Uэмп.=2,0 при ρ=0,033; Uэмп.=2,0 при ρ=0,033; U эмп.=2,0 при ρ=0,033). Полученные результаты свидетельствуют о проецировании ценностно-смыслового содержания фиксированной и оперативной форм личностного опыта как результата серьезного анализа событий боевых действий и их оценки на генез состояния психического выгорания сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД.

Изучение взаимосвязей смысложизненных ориентаций с показателями фаз состояния психического выгорания у всех сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД зафиксировало корреляционные взаимосвязи сильной степени выраженности и отрицательной направленности всех фаз состояния психического выгорания с показателем осмысленности жизни (около 1 года: с фазой «напряжение»: rs = -0,76**; с фазой «резистенция»: rs = -0,90**; с фазой «истощение»: rs = -0,88**; около 2 лет: rs = -0,80**; rs = -0,88**; rs = -0,88**; около 3 лет: rs = -0,94**; rs = -0,83**; rs = -0,97** соответственно). Таким образом, неадекватная ситуации осмысленность жизни, деформированное её восприятие проецируются на генез состояния психического выгорания сотрудников отряда милиции специального назначения при УВД.

Следовательно, изучение генеза состояния психического выгорания у представителей профессий экстремального профиля в контексте личностного опыта участия в боевых действиях позволило сформулировать вывод о проецировании ценностно-смыслового содержания его форм на генез состояния психического выгорания, что служит основанием для организации коррекционно-профилактических мероприятий по оказанию им квалифицированной психологической помощи.

Библиографический список

1. *Абдурахманов Р.А.* Психологические проблемы послевоенной адаптации ветеранов Афганистана // Психологический журнал. – М., 1992. – Т. 13. – №1. – С. 131–134.

2. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Питер, 1999. – 105 с.

3. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.

4. Клиническая психология в социальной работе / Под ред. Б.А. Маршинина. ? М.: Академия, 2002. – 224 с.

5. *Ледяева И.Л.* Личностный опыт как один из факторов формирования социально-активной личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rspu.edu.ru/rspu/science/conferences/conference_ped/ledieva.doc

6. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. - М.: Смысл, 1992. -16 с.

7. *Малышев И.В.* Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик личности в экстремальных условиях профессиональной социализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. - 22 с.

8. *Мушастая Н.В.* Эмоциональное выгорание как фактор деформации ценностно-смысловой сферы личности в условиях экстремальных ситуаций: Дис. … канд. психол. наук / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2007. – 177 с.

9. *Недуруева Т.В.* Социально-психологические детерминанты профессионально-личностных деформаций представителей профессий групп риска: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Курский государственный педагогический университет. – Курск, 2007. - 22 с.

10. *Орёл В.Е.* Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: Дис. ... д-ра психол. наук / Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова. – Ярославль, 2005. – 449 с.

11. *Салихова Н.Р.* Жизненное пространство личности в зависимости от барьерности или реализуемости ценностей // Известия Тульского государственного университета. Серия «Психология». Вып. 6. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. – С. 149–165.

12. *Baker M., North D., Smith D.* Burnout, sense of coherence and sources of salutogenesis in social work // Psychology: J. of Human Behavior. – 1997. – Vol. 34(1). – P. 22–26.

13. *Maslach C., Jackson S.E.* Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // Journal of Health and Human Resources Administration. – 1984. – Vol. 7. – P. 189–212.

УДК 159.9:316.6

Скрипкина Надежда Витальевна
Челябинский государственный университет
cknadezhda@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ПЕДАГОГОВ К ДЕТЯМ

В ходе исследования обозначена структура профессиональных ценностей (установок на детей) у педагогов образовательных учреждений, а также характер личностного отношения к детям у представителей других профессий. Статистически значимо доказано, что такие факторы, как семейное положение и родительский опыт, уменьшают возможность проявления негативных установок и увеличивают возможность проявления позитивных установок на детей.

Ключевые слова: *любовь к детям, личностное отношение к детям, система оценочных установок личности, семейное положение, родительский опыт.*

Эффективность процесса педагогического воздействия определяется сложившейся у того или иного педагога системой его личностного отношения к детям. Личностное отношение к детям представляется как механизм интериоризации педагогом социальных ценностей. В нем обозначен «взгляд» педагога на ребенка (детей) как на ценность, «достойную того, чтоб на нее ориентироваться в своем поведении и деятельности» [1]. Хорошо и должно, когда личностное отношение педагога к ребенку является положительным, поскольку без любви к детям (положительного личностного отношения к детям) педагогическая деятельность принимает механический характер, не отвечает требованиям общества и в целом теряет уникальный педагогический статус, который складывался на протяжении многих десятилетий. Другой

 © Скрипкина Н.В., 2011

стороной в проблеме желательного присутствия у педагога любви к детям (положительного личностного отношения к детям) является глобальная цель образования – воспитание нового поколения. И здесь система отношений «педагог-ребенок» является определяющей, поскольку только педагог, любящий детей, сможет раскрыть заложенные в ребенке потенции, открыть для себя новое измерение ученика – его индивидуальность и самоценность, и, соответственно, принять ребенка таким, каков он есть, не путая «хороший» с «удобным» [7, с. 224–228].

Полностью картину феномена «личностного отношения педагога к детям» можно получить только при изучении этого явления в системе педагогических профессиональных установок, так как его сущность составляет такая психологическая категория, как «установка». По утверждению Д.Н. Узнадзе, установка является связующим звеном в цепи свойств личности, указывающим на готовность личности к деятельности в данных условиях [6, с. 156]. Личностное отношение педагога к детям (установка на детей) – это готовность педагога действовать определенным образом по отношению к детям в типичных ситуациях взаимодействия. Исходя из этого, целью нашего исследования является проведение социально-психологического анализа личностного отношения педагогов к детям.

В нашем исследовании решались как общие, так и специфические задачи. К общим задачам мы относим выявление знака и силы установки на детей у педагогов и сравнение с наличием таковой у представителей других профессий. К специфическим задачам мы относим определение некоторых факторов, способствующих проявлению и укреплению позитивной установки на детей, как у педагогов, так и у представителей других профессий. Фактор (от лат. *factor* – делающий, производящий) – в психологии: причина, движущая сила какого-либо психического изменения, явления [2, с. 208]. В нашем исследовании к факторам, определяющим характер личностного отношения к детям, относятся возраст респондентов, их семейное положение и родительский опыт (наличие в семье детей). Мы сравнили установки на детей у педагогов-родителей и родителей, не занимающихся педагогической деятельностью, а также установки на детей у педагогов-родителей и педагогов, не имеющих родительского опыта, установки на детей у педагогов и представителей других профессий по фактору «семейное положение».

Всего в исследовании приняли участие 166 человек. Эмпирическая база исследования представлена двумя группами испытуемых – экспериментальной и контрольной:

1) педагоги – N=112. В её состав вошли педагоги дошкольных муниципальных образовательных учреждений (ДОУ) – N=58 и педагоги, работающие в школе (МОУ) г. Челябинска – N=54;

2) респонденты, вошедшие в группу «представители других профессий» – N=54. Группа «представители других профессий» исключает принадлежность к педагогической профессиональной деятельности. В нашем исследовании в эту группу входят представители торговли, пищевой промышленности, здравоохранения, ИТР и др.

Для определения характера установки на детей в нашем исследовании мы использовали диагностический метод – тест «СОУЛ» (система оценочных установок личности), представляющий модификацию известного на Западе теста «семантический дифференциал». Метод семантического дифференциала (СД) получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Популярность метода можно объяснить тем, что исследователи получили возможность определять такие интимные процессы, как отношение субъекта к миру вещей, социальному окружению и самому себе [4, с. 110–124]. Разработанный вариант теста СД – СОУЛ валиден и надежен при изучении иерархии ценностей, при исследовании психологических установок [3, с. 54–65]. В нашем исследовании диагностический метод – тест «СОУЛ» позволяет обозначить структуру профессиональных ценностей (установок на детей) у педагогов образовательных учреждений, а также характер личностного отношения к детям у представителей других профессий. Тест позволил нам проективным образом исследовать (выявить подсознательное отношение) различного рода установки, в том числе и установку на детей, установку на дошкольника, установку на школьника, установку на трудного подростка. Кроме этого, тест позволил определить знак установки и установить степень ее выраженности и представленности в исходной выборке испытуемых.

В качестве контрольных слов нами были взяты следующие слова: «солнце», «друг», «чело-

век» – это общечеловеческие ценности (ОЦ) – и «тяжелая болезнь», «враг», «слякоть» – общечеловеческие антиценности (ОАЦ). В качестве исследуемых объектов взяты следующие слова: «дети», «дошкольник», «школьник», «трудный подросток», то есть это некая схема родовидовой структуры «дети». На наш взгляд, такой подход позволяет провести тонкую дифференциацию становления установочных механизмов личности по отношению к детям, увидеть проблемы, которые возможно решить ещё на этапе обучения будущего педагога в вузе, а также организовать психологическое сопровождение на наиболее уязвимом этапе отношений «педагог – дети».

По результатам исследования выявлено, что, по сравнению с другими группами, количество респондентов с положительной установкой на детей в группе «представители других профессий» больше, чем респондентов с негативной установкой на детей в этой же группе (различия значимы: $m=31$, $p\leq0,05$). Сопоставление иерархических структур всех трех категорий испытуемых (табл. 1) показал, что представители других профессий меньше всего отличаются по своим установкам от педагогов дошкольных образовательных учреждений ($d=12,81$), а больше всего отличаются от педагогов, работающих в школах ($d=18$). Иначе говоря, по своему отношению к перечисленным объектам представители других профессий ближе к педагогам ДОУ, чем к педагогам МОУ.

В первую группу значимых ценностей у всех категорий испытуемых (педагогов МОУ, педагогов ДОУ и представителей других профессий) вошли объекты «солнце», «дети», «друг», «дошкольник». Интересно, что у представителей других профессий и педагогов ДОУ на первом месте по степени выраженности разместился объект «дети», в отличие от педагогов МОУ, у которых на первом месте находится объект «солнце». У педагогов МОУ на объект «трудный подросток» наблюдается слабо негативное отношение (-1,24). Здесь очевиден большой разрыв в значениях к объектам в родовидовой структуре «дети» и объекту «трудный подросток», тоже относящегося к указанной структуре, но только по смыслу, а не по значению (табл. 1).

В таблице 2 представлено распределение испытуемых (в процентах) в зависимости от силы выраженности их установки на детей, дошкольника, школьника, трудного подростка – от весьма положительного (+18 баллов), до весьма отрицательного (-18 баллов). Так, установка на дошкольника у всех категорий испытуемых носит исключительно положительный характер. В установке на школьника у педагогов ДОУ отмечается 6,9% от «слабо негативного» до «негативного отношения»; у педагогов МОУ регистрируется 1,9% «слабо негативного» отношения к школьнику; у представителей других профессий – 7,4% «слабо негативного» отношения к школьнику. Установка на трудного подростка у всех категорий испытуемых

Таблица 1

Средние значения исследуемых объектов у трех категорий испытуемых

Исследуемые объекты	Педагоги МОУ	Педагоги ДОУ	Представители других профессий
Солнце	15,57	14,82	13,8
Друг	13,3	13,22	12,1
Человек	10,05	10,28	9,82
Дети	14,5	15,0	15,4
Школа	9,48	7,22	7,13
Школьник	8,53	9,05	9,09
Дошкольник	14,63	13,96	13,16
Трудный подросток	-1,24	0,327	1,29
Тяжелая болезнь	-14,2	-14,03	-10,27
Враг	-12,0	-11,5	-9,11
Слякоть	-8,85	-10,0	-9,02
Сумма разностей (d)	d =18	d =12,81	-
	2-4	3-4	

Примечание: Сумма разностей (d) 2–4 – это разность между показателями средних значений в группе «педагоги МОУ» – «представители других профессий». Сумма разностей (d) 3–4 – это разность между показателями средних значений в группе «педагоги ДОУ» – «представители других профессий».

Таблица 2

Распределение оценок испытуемых по отношению к объектам «дети», «дошкольник», «школьник», «трудный подросток» (в %) у представителей разных профессий

Профессиональная деятельность	Диапазон оценок					
	Весьма позитивное (+18..+13)	Позитивное (+12..+7)	Слабо позитивное (+6..0)	Слабо негативное (-1..-6)	Негативное (-7..-12)	Весьма негативное (-13..-18)
«дети»						
Педагоги ДОУ	74,14 %	18,96 %	6,9 %	0	0	0
Педагоги МОУ	74 %	22,2 %	1,9 %	1,9 %	0	0
Другие профессии	81,4%	12,9 %	3,8 %	1,9 %	0	0
«дошкольник»						
Педагоги ДОУ	65,5 %	29,3 %	5,2 %	0	0	0
Педагоги МОУ	68,5 %	31,5 %	0	0	0	0
Другие профессии	55,6 %	37 %	7,4 %	0	0	0
«школьник»						
Педагоги ДОУ	31 %	46,6 %	15,5 %	5,2 %	1,7 %	0
Педагоги МОУ	24 %	48,1 %	26 %	1,9 %	0	0
Другие профессии	26 %	44,4 %	22,2 %	7,4 %	0	0
«трудный подросток»						
Педагоги ДОУ	1,7 %	24,1 %	25,9 %	34,5 %	6,9 %	6,9 %
Педагоги МОУ	0	20,4 %	27,8 %	33,3 %	5,5 %	13 %
Другие профессии	3,7 %	26 %	31,5 %	24 %	11,1 %	3,7 %

отличается большой вариативностью. Так, у 48,3% педагогов ДОУ зафиксирована негативная установка на трудного подростка (от «слабо негативного» до «весьма негативного»). Более половины педагогов МОУ имеют негативную установку на трудного подростка (51,8%), причем выраженность «весьма негативного» отношения к подростку в этой группе респондентов превышает значения в двух других группах (13%). В группе представителей других профессий наблюдается 38,8% негативных установок на трудного подростка, что меньше, чем у представителей педагогических профессий.

В родовидовой структуре «дети» у педагогов (N=112) позитивное отношение к детям наблюдается в 49,1% случаев; у представителей других профессий (N=54) – в 57,4% случаев. Следовательно, разница между двумя группами составляет 8,3% в пользу представителей других профессий. Средние значения, указывающие на положительное отношение к детям, в родовидовой структуре «дети» (дети, дошкольник, школьник, трудный подросток) у педагогов находятся в интервале от + 16,75 до +5,75 баллов; у представителей других профессий – в интервале от + 16,75 до +6 баллов, то есть различия по силе выраженности положительных установок не зафиксированы. Необходимо отметить, что позитивная установка на детей (в тех случаях, где таковая есть) как у педагогов, так и у представителей других профессий

носит устойчивый характер, поскольку процент «слабо позитивных» по силе выраженности оценок незначителен (5,45% и 3,23 соответственно).

Дальнейшие результаты нашего исследования направлены на решение его специфических задач. В ходе исследования мы определили некоторые факторы, влияющие на характер установки на детей (возраст респондентов, семейное положение и родительский опыт).

Благодаря сравнению показателей взаимосвязи установочного отношения к детям и возраста испытуемых мы обнаружили, что положительное отношение к детям чаще проявляется у педагогов в возрасте от 21 года до 30 лет (31%) и реже у педагогов старше 51 года (16%). У представителей других профессий, как и у педагогов, чаще всего позитивное отношение к детям наблюдается в возрасте от 21 года до 30 лет (45%), реже всего позитивные установки на детей встречаются у респондентов в возрасте от 41 года до 50 лет (3%). Благодаря сопоставлению показателей личностного отношения к детям и возраста испытуемых, мы обнаружили благоприятный возрастной интервал в проявлении позитивных установок на детей – это интервал от 21 года до 30 лет. Этот феномен выражается не только в частоте встречаемости у респондентов в возрасте 21 года – 30 лет позитивных установок на детей, но и в определении периода благоприятствования формирования и переформирования установок.

Затем мы выяснили влияние двух факторов (семейное положение и родительский опыт) на характер установки на детей на всей выборке испытуемых (табл. 3). Полученные результаты были проверены с помощью критерия φ* Р. Фишера [5, с. 158–176]. Выводы, полученные на репрезентативной выборке (N=166), свидетельствуют о благоприятном влиянии семейного положения ($\varphi^*=2{,}81$, $p\leq0{,}001$) и родительского опыта ($\varphi^*=1{,}94$, $p=0{,}026$) на проявление позитивных установок на детей.

Следующим нашим шагом было изучение влияния указанных факторов на характер установки на детей отдельно у педагогов и представителей других профессий. Достоверно выявлено, что среди незамужних педагогов (N=112) больше лиц с отрицательной установкой на детей, чем с положительной установкой ($\varphi^*= 1{,}89$, $p =0{,}029$). По наличию / отсутствию родительского опыта и проявлению у педагогов позитивных установок на детей значимых различий между педагогами с позитивной установкой на детей и педагогами с негативной установкой на детей не выявлено ($\varphi^*= 0{,}376$). Дальнейшее сопоставление и детализация данных исследования позволили выявить значимые различия отдельно в группе педагогов дошкольных образовательных учреждений и отдельно в группе педагогов, работающих в школе. Так, достоверно выявлено, что доля замужних педагогов ДОУ с положительной установкой больше, чем доля замужних педагогов с отрицательной установкой на детей ($\varphi^*=2{,}59$, $p =0{,}004$). Более того, у педагогов ДОУ, имеющих своих детей, больше лиц с положительной установкой на детей, чем с отрицательной установкой. Различия достоверны ($\varphi^*= 2{,}19$, $p =0{,}014$). Обработка результатов исследования в выборке педагогов, работающих в школе, показала положительное влияние семейного положения на характер установки на детей ($\varphi^* = 1{,}504$, $p =0{,}067$, при $p\leq0{,}05$). Значимых различий по фактору «родительский опыт» здесь не выявлено ($\varphi^* = 0{,}18$). Анализ экспериментальных данных в группе представителей других профессий не показал значимых различий между респондентами с положительной установкой на детей и респондентами с отрицательной установкой на детей по фактору «семейное положение» ($\varphi^*= 0{,}77$). Однако по фактору «роди-

Таблица 3

Показатели личностного отношения к детям в зависимости от семейного положения и родительского опыта респондентов

Знак установки на детей в экспериментальной (1) и контрольной группе (2)		Кол-во респондентов	Семейное положение		Наличие детей	
		Всего человек	Замужем – женат	н/замуж. – холост	Есть	Нет
Положительная установка	1	55	43	12	48	7
	2	31	22	9	24	7
Отрицательная установка	1	57	30	27	44	13
	2	23	14	9	13	10

тельский опыт» различия достоверны ($\varphi^* = 1{,}64$, $p \leq 0{,}05$). Следовательно, у представителей других профессий, имеющих своих детей, больше лиц с положительной установкой на детей, чем с отрицательной установкой.

В результате социально-психологического анализа личностного отношения к детям у педагогов и представителей других профессий сделаны следующие выводы**:** 1) сопоставление показателей личностного отношения к детям в двух группах испытуемых показало преимущественное значение позитивных установок на детей у представителей других (непедагогических) профессий; 2) позитивная установка на детей (в тех случаях, где таковая имеется) носит устойчивый характер как у педагогов, так и у представителей других профессий; 3) наличие негативного отношения педагогов к трудному подростку сигнализирует о снижении эффективности педагогического воздействия на личность подростка; 4) существует возрастная специфика в проявлении у респондентов позитивных установок на детей; важным для нас является тот факт, что влияние фактора возраста на проявление позитивных установок на детей в группе педагогов несущественно, в отличие от аналогичных показателей в группе представителей других профессий; 5) положительное влияние родительского опыта на позитивный характер установки на детей статистически подтвердилось только у педагогов дошкольных образовательных учреждений, у педагогов, работающих в школе, различия по этому фактору не значимы; между тем у представителей других профессий доказано влияние родительского опыта на проявление позитивной установки на детей; 6) по результатам исследования можно утвердительно сказать, что семейное положение как снижает количество проявлений негативного отношения к детям, так и увеличивает количество проявлений позитивной установки на детей у педагогов всех образовательных учреждений; следовательно, незамужнее положение отрицательно сказывается на проявлении у педагогов положительной установки на детей.

Таким образом, в результате социально-психологического анализа выявлены специфические особенности личностного отношения педагогов к детям и доказано влияние некоторых факторов на проявление позитивных установок на детей как у педагогов, так и у представителей других профессий.

Библиографический список

1. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. – М., 1978.

2. *Конюхов Н.И.* Словарь-справочник практического психолога. – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1996. – 224 с.

3. *Панасюк А.Ю.* Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – №3. – С. 54–65.

4. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – М.: Издательство МГУ, 1997. – 399с.

5. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. – СПб., 2000 – 154 с.

6. *Узнадзе Д.Н.* Теория установки / Под ред. Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 448 с. – С. 156.

7. *Шадриков В.Д.* Способности человека. – М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 288 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.08

Бабенко Алёна Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
alenbabenko@yandex.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ МЫШЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ИЗУЧЕНИЯ НЕПРЕРЫВНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В данной статье рассматриваются непрерывные динамические системы, заданные дифференциальным уравнением. Раскрывается вопрос о преодоление стереотипов мышления при изучении нелинейной динамики.

Ключевые слова: *непрерывная динамическая система, дифференциальное уравнение, стереотип мышления, преодоление стереотипов мышления.*

При изучении математики учащиеся часто пользуются отработанными решениями, алгоритм действий которых хорошо известен. Но при нахождении ответа к задаче приходится искать другие пути действия, и здесь возникают проблемы, потому что уже сформировался образец решения (стереотипное решение).

Стереотип (от греч. *твердый отпечаток*), согласно толковому словарю русского языка, – прочно сложившийся, постоянный образец чего-нибудь, стандарт [4].

Стереотип – «неизменное, крайне устойчивое, жестко зафиксированное знание, имеющее тенденцию к объективации и объективирующееся» [3].

Таким образом, стереотипы – шаблоны мыслей, поступков, привычная манера поведения, восприятия, реагирования.

Стереотипы играют в жизни человека как положительную, так и отрицательную роль. Положительная роль стереотипов заключается в том, что они облегчают жизнь, позволяют решать стандартные задачи. Отрицательная роль стереотипов состоит в том, что человек начинает думать шаблонами, решать шаблонами, стереотип не позволяет творчески мыслить, закрепощает мышление. В связи с этим возникает необходимость преодолевать стереотипы мышления.

Преодоление стереотипов восприятия и мышления достигается за счет использования следующих приемов: личностное уподобление, при котором надо представить себя изучаемым процессом, деталью, прибором и т. п.; прямая аналогия – поиск сходных процессов, структур, явлений из совершенно других сфер; использование изобретательских задач – таких, в которых требуется найти оптимальное решение, изобрести новый принцип, способ действия [1]; рассмотрение совершенно новых задач, дающих решение, не согласовывающееся с установленными взглядами.

Таким образом, преодоление стереотипов происходит в результате решения нетривиальных задач, требующих оригинального решения, изменения сложившихся взглядов на решение задачи.

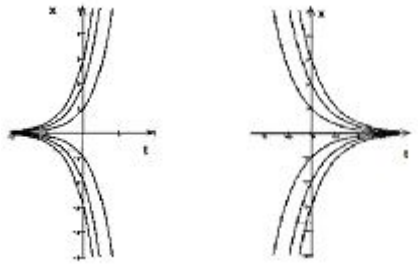
Преодоление одного из стереотипов мышления в математике можно проследить при изучении непрерывных динамических систем, где произошла смена парадигм в 60-ые годы прошлого века, было доказано, что предсказать поведение некоторых систем невозможно.

На занятиях следует воспользоваться приемами использования изобретательских задач [1] и рассмотрения совершенно новых задач. В течение всего курса «Введение в нелинейную динамику» студенты решают задачи, которые возникали на каждом этапе развития науки, и готовят доклады, при этом они могут воспользоваться современными информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ) для поиска информации.

На протяжении всей истории человечества ученые стремились описать то или иное явление, чтобы предсказать поведение его с течением времени. В XVII в. появился основной способ моделирования процессов – дифференциальные уравнения и их системы, которые дают возможность описывать основные законы физики и других областей знаний. Решая дифференциальное уравнение, получали функцию, описывающую поведение системы.

Рассмотрим примеры задач, которые позволяют моделировать некий процесс для того, чтобы предсказать его поведение.

© Бабенко А.С., 2011



а) б)

Рис. 1. Фазовый портрет системы (1)
а) $a > 0$, б) $a < 0$

Задача 1. Исследовать рост численности популяции.

Пусть x – численность некоторой популяции, тогда изменение ее можно задать следующим образом:

$$x' = ax, \qquad (1)$$

где a – коэффициент рождаемости (знак плюс означает, во столько раз увеличилась численность, а знак минус – уменьшилась).

Решив данное уравнение, получаем функцию $x = Ce^{at}$. Студенты проводят анализ решения: при увеличении переменной t (показывает время) переменная x экспоненциально растет или, наоборот, убывает (в зависимости от коэффициента рождаемости a) (рис. 1).

Студенты, интерпретируя полученное решение, делают вывод: численность популяции, в зависимости от коэффициента a, будет постоянно увеличиваться или уменьшаться. В случае $a > 0$, численность популяции растет, при этом не учитываются смертность и другие факторы. В случае $a < 0$, популяция вымирает, однако не учитываются рождаемость и другие факторы. Таким образом, заданное нами линейное уравнение не описывает точно поведение системы, в этом случае предсказать изменение численности популяции с течением времени невозможно (численность популяции будет либо увеличиваться, либо уменьшаться, что не соответствует реальности).

Студенты пробуют смоделировать численность популяции с помощью другого уравнения, чтобы учесть рождаемость, смертность и т.д., поэтому рекомендуется использовать нелинейное дифференциальное уравнение.

Задача 2. Исследовать рост численности популяции при условии, что изменение численности популяции задается уравнением

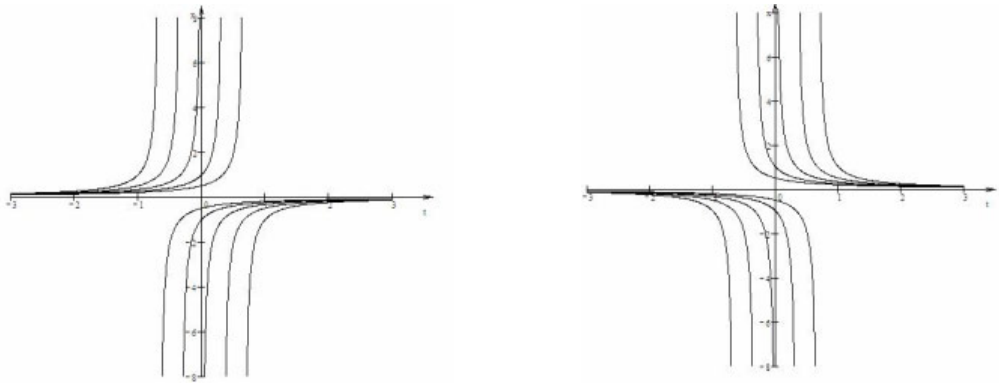
$$x' = ax^2, \qquad (2)$$

где a – коэффициент рождаемости.

Анализируя полученное решение $x = \dfrac{1}{c - at}$, студенты делают вывод, что картина не изменилась, численность популяции, в зависимости от коэффициента a, будет постоянно увеличиваться или уменьшаться (рис. 2).

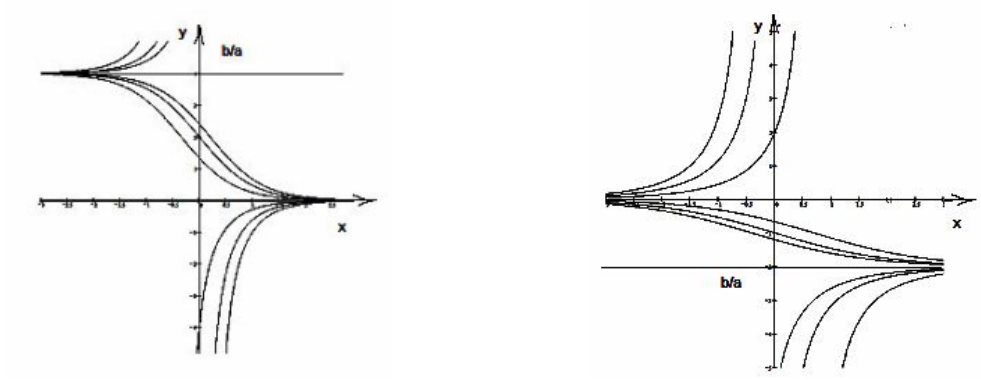
Таким образом, замена линейной системы на нелинейную путем изменения правой части на квадратичную функцию приводит к изменению решения, но не приводит к изменению результата, модель не описывает реальную картину.

Для того чтобы добиться большей адекватности модели, студенты могут предложить изменить уравнение, ввести новый параметр и задать уравнение $x' = ax^{\alpha}$. Но после нахождения решения



а) б)

Рис. 2. Фазовый портрет системы (2)
а) $a > 0$, б) $a < 0$



а) б)

Рис. 3. Фазовый портрет системы (3)
а) $a < 0$, $b < 0$; $b < 0$, $a > 0$; б) $a > 0$, $b > 0$; $b > 0$, $a < 0$

$x = \left(\left(1-\alpha\right)at + C\right)^{\frac{1}{1-\alpha}}$ $(\alpha \neq 1)$, очевидным становится, что результат остается тем же и изменения степени реалистичности мы не добились.

Задача 3. Задача остается той же – исследовать рост численности популяции, но $x' = x(a - bx)$ (3).

Исходя из найденного решения $x = \dfrac{aCe^{at}}{1 + bCe^{at}}$, можно построить фазовый портрет системы (3) (рис. 3).

В результате исследования студенты делают вывод, что приведенная система лучше демонстрирует процесс роста численности популяции: так, численность популяции стабилизируется около значения $\dfrac{a}{b}$ и затем остается в этих пределах.

Возможны и другие описания роста численности популяции с помощью нелинейного уравнения, например, $x' = x - x^2 - a$ или $x' = x - x^2 - ax$ [2], или $x' = rx(K - x) - mx$ [5], которые можно рассмотреть со студентами, дав их на самостоятельное изучение по группам.

В результате исследования студенты делают вывод, что нелинейные дифференциальные уравнения лучше демонстрируют процесс роста численности популяции, но при этом изменение среды, питания, наличие стихийных бедствий в модели не учитываются. Поступает предложение от студентов перейти к системам двух и трех дифференциальных уравнений, так как коэффициенты, используемые в уравнениях, тоже меняются со временем.

Библиографический список

1. *Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки: Учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 312 с.

2. *Арнольд В.И.* «Жесткие» и «мягкие» математические модели. – М.: МЦНМО, 2000. – 32 с.

3. *Мурадян С.А.* Гносеологический анализ проблемы стереотипа: Дис. … канд. филос. наук. – Ереван, 1977. – 168 с.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аришнова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

УДК 378

Браилко О.А.
Военная академия войск РХБ защиты и ИВ имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются педагогические условия эффективности процесса формирования правовой активности курсантов военного вуза, реализация которых углубляет, систематизирует и концептуализирует имеющиеся научные представления о специфике и особенностях правовой социализации курсантов военного вуза в переходный период развития российского общества.

Ключевые слова: *активность личности, курсант военного вуза, правовая активность, формирование, этапы, педагогические условия, образовательный процесс военного вуза.*

Во все времена армия была и остается одним из важнейших социально-политических институтов, от качества функционирования которого в значительной мере зависит эффективность деятельности государства, стабильность законности и правопорядка в стране. В силу этого важнейшей проблемой в процессе выработки сознательного правового отношения военнослужащих Вооруженных Сил России – курсантов военного вуза к выполнению своих служебных обязанностей является правильное понимание сущности принципов и основных институтов права Российской Федерации, четкое представление об осуществлении государственно-властных полномочий в соответствии с законом, умение самостоятельно ориентироваться и принимать решения в юридически значимых ситуациях, соотносить свое поведение с существующими нормами права, повышая уровень своей правовой культуры.

Все это требует определенного уровня правовых знаний, умения и навыков применения их на практике в деятельности курсантов военного вуза, что отражено в экспериментальной работе. Без этого правовое поведение курсантов будет, по сути, представлять собой процесс, в котором правомерные (зачастую механически законопослушные) поступки постоянно перемешиваются с противоправными, порождаемыми либо незнанием правовых положений, либо неумением или нежеланием действовать в соответствии с ними. Несомненно, что правосознание является регулятором юридически значимого поведения. Результаты опытно-экспериментальной работы свидетельствуют о необходимости проводить в курсантской среде целенаправленную работу по повышению их общей правовой культуры, способствующей у них формированию правовой активности, профессионального правосознания и правовой культуры.

Выделяют ряд общих существенных признаков активности личности. К ним относят представления об активности как:

– форме деятельности, свидетельствующей о сущностном единстве понятий активности и деятельности;

– деятельности, к которой у человека возникло собственное внутреннее отношение, в которой отразился индивидуальный опыт человека;

– личностно значимой деятельности: форме самовыражения, самоутверждения человека, с одной стороны, и о человеке как о продукте активного и инициативного взаимодействия с окружающей социально-правовой средой – с другой;

– деятельности, направленной на преобразование окружающего мира;

– качестве личности, личностном образовании, проявляющемся во внутренней готовности к целенаправленному взаимодействию со средой, к самодеятельности, базирующейся на потребностях и интересах личности, характеризуемой стремлением и желанием действовать, целеустремлённостью и настойчивостью, энергичностью и инициативой.

Представление об активности, как форме деятельности, позволяет утверждать, что активности должны быть присущи основные составляющие деятельности: цель или целенаправленность, мотивация, способы и приёмы, с помощью которых осуществляется деятельность, а также осознанность и эмоции. Говоря о цели, исследователи подразумевают, что любая деятельность осуществляется для чего-то, то есть она направлена на достижение определённой цели, которая трак-

© Браилко О.А., 2011

туется как сознательный образ желаемого результата и определяется мотивацией субъекта деятельности. Человек, находясь под воздействием комплекса внешних и внутренних мотивов, выбирает главный из них, который превращается в цель деятельности, направленной на его достижение. Поэтому цель можно также рассматривать как главный осознанный мотив. Отсюда становится понятным, что продуктивная деятельность носит мотивированный и осознанный характер. Однако не все мотивы, в отличие от целей, осознаются человеком. Это не означает, что неосознаваемые мотивы не представлены в сознании человека. Они проявляются, но в особой форме – эмоций, как элемент эмоциональной составляющей деятельности, которые возникают по поводу событий или результатов действий и которые связаны с мотивами.

Способы и приёмы выступают элементом деятельности, но не просто как средство для осуществления действия, к которому приспосабливаются движения, а как элемент схемы действия, как орудие, обогащающее последнее ориентацией на отдельные свойства предмета-орудия. Следовательно, определяя активность как особую форму деятельности, требуется осознавать её отличия, её особенности. В качестве отличительных черт предлагается рассматривать интенсификацию основных характеристик деятельности, а также присутствие двух дополнительных свойств: инициативности и ситуативности.

Правовая активность рассматривается как явление, как состояние и как отношение.

Исследователи проблем правовой активности сопоставляли данную дефиницию с общим понятием социальной активности личности. Общеизвестно, что философы (Е.А. Ануфриев, Т.С. Лапина и др.) объясняют правовую активность как новаторскую, творческую и общественно полезную деятельность. Стоит согласиться с мнением В.М. Шафирова, который заметил, что «связывать правовую активность граждан с неправомерным поведением значит признавать, что норма права имеет своей целью не только позитивное, но и негативное поведение». Правовая активность, действительно, является следствием более высокой степени правосознания граждан и, по мнению В.М. Чхиквадзе, «превосходит обычное требование закона». Такие суждения позволяют сделать вывод о необходимости формирования ее не только в таком компоненте содержания обучающего процесса, как «знание», но и в практико-ориентированном контексте, предполагающем использование правовых знаний в жизни. Это обусловливает активные методы, приемы и средства правового обучения.

Анализ опыта военных вузов позволяет выделить этапы формирования правовой активности.

Первый этап – диагностический, представляет собой совокупность действий, направленных на распознавание, выявление и стимулирование правовой активности и самостоятельности курсантов военного вуза.

Второй этап – проектировочный. *Проекция* «создает образ будущего», выступает как прогноз, план, перспектива. Жизненный план возникает, если личность начинает размышлять не только и не столько о каком-либо конкретном результате, но и о средствах, способах его достижения, и о тех «субъективных и объективных ресурсах», которые ей потребуются.

Третий этап – реализационный, с помощью традиционных и инновационных технологий правового обучения и воспитания.

Четвертый этап – оценочно-результативный, цель которого – определить результативность процесса формирования правовой активности.

Учитывая специфику обучения в военном вузе, мы рассматриваем три уровня целей формирования правовой активности курсантов военного вуза:

1. Инвариантный, который продиктован требованиями государственного образовательного стандарта к выпускнику любого высшего профессионального учреждения, связан с общечеловеческими ценностями, социальным статусом. В данном случае он предполагает в исследуемой среде, что курсант должен уметь делать осознанный выбор действий и способов их осуществления на всех этапах решения правовой задачи; анализировать свои действия, их непосредственные и отсроченные последствия; действовать разумно, грамотно в сложной, трудной, экстремальной ситуации; брать на себя ответственность за самостоятельное принятие решений и учиться на ошибках; сохранять свою индивидуальность в различных правовых ситуациях; взаимодействовать с людьми.

2. Специальный. Он рожден спецификой осваиваемой образовательной области, тенденцией развития профессиональной подготовки для конкретной сферы деятельности, стратегией раз-

вития Вооруженных Сил страны в современных условиях, что предполагает развитие таких умений, как умение добывать, перерабатывать, интерпретировать и использовать правовую информацию для постановки и решения учебно-боевых задач; строить правовую коммуникацию в условиях особой ситуации общения; устанавливать социальные контакты с населением в системе вертикальной и горизонтальной субординации в мирное время и в ситуации военного (социального) конфликта, техногенной катастрофы, природных катаклизмов, в различных социальных и профессиональных средах, в формальной и неформальной обстановке, но в правовом поле, формируя и реализуя правовую культуру, правовое самосознание, правовое воспитание.

3. Индивидуальный, который связан с особенностями личности курсанта, жизненного опыта, характером и степенью осознанности его жизненных планов.

При реализации любого уровня вышеназванных целей в анализируемом процессе решаются задачи: познакомить, дать возможность соотнести со своим представлением о средствах и методах повышения правовой культуры, правосознания, показать необходимость его наличия у себя; создать условия, чтобы курсант воспользовался этим в имитируемой или реальной ситуации, осознавая важность формирования и реализации правовой активности.

Субъектами анализируемого процесса, прежде всего, являются преподаватели, командиры военного вуза.

В ходе своего опытно-экспериментального исследования автор делает акцент на педагогической подготовке и повышении квалификации – на усилении педагогического, правового образования, на правовом просвещении и развитии всего комплекса педагогических умений, среди которых правовым отводится одно из приоритетных мест, в целях обеспечения формирования правовой активности курсантов военного вуза. Кроме этого, шире практиковать в методической работе с преподавателями различные формы правового взаимодействия, ролевые игры, моделирующие педагогические ситуации, имитацию, требующую смену ролей, то есть выступление педагога в позиции не только обучающего, но и обучаемого, обучающегося.

Выделяя *особенное* в процессе формирования правовой активности курсантов, мы исходили из специфики военного вуза, организации в нем учебно-воспитательного процесса, особенностей жизнедеятельности курсантов во время получения образования. Курсанты, в отличие от другой учащейся молодежи, сочетают обучение и несение военной службы, как особого вида федеральной, государственной службы; курсантский коллектив и отношения в нем относительно замкнуты, наблюдается гендерная ассиметрия в общении; курсанты подчиняются жестким дисциплинарным требованиям, их жизнедеятельность регламентирована требованиями уставов, существует строгая служебная иерархия взаимоотношений. В качестве особенностей назовем также вынужденную «выключенность» курсантов из части социально-правовых связей во время получения ими образования в военном вузе, что обусловило определенные трудности в их правовом ориентировании; большее влияние на курсантов военного вуза как социального института (в сравнении с влиянием семьи на школьников, гражданского вуза на студенчество), что, с одной стороны, способствует преемственности военных традиций, а с другой стороны, несколько обедняет возможности для взаимодействия.

Потенциал для формирования правовой активности курсантов есть и у образовательного учреждения – Военной академии:

– образовательный процесс как целенаправленная, специально организованная система учебной и воспитательной деятельности профессорско-преподавательского состава, руководства вуза и общественных организаций по подготовке в нем квалифицированных военных специалистов с развитыми профессионально значимыми и личностными качествами. По своей сущности в военном вузе – это процесс правовой, призванный реализовать положения Конституции Российской Федерации о защите Отечества, действующего законодательства по оборонным вопросам и других требований органов государственной власти, органов военного управления о необходимости укрепления и поддержания обороноспособности и безопасности страны на уровне надёжной разумной достаточности;

– воспитательный процесс, как система правового воспитания, представляет собой совокупность основных элементов правовоспитательного процесса, обеспечивающая его определенный порядок и организацию. Такими элементами являются: цель, задачи, содержание, принципы,

функции, субъекты, объект, направления, средства, формы, методы, а также результаты правового воспитания. Пути совершенствования организационно-методических основ правового воспитания военнослужащих, способствующие формированию высокого правосознания, необходимы для выполнения конституционного и воинского долга по защите Отечества;

– педагогический процесс, в военном вузе – это сложный, противоречивый, многоступенчатый процесс. На него оказывают влияние самые различные факторы – внутренние и внешние, объективные и субъективные, долговременные и ситуативные. Поэтому в этом процессе своеобразно проявляются законы и закономерности различного уровня и порядка. Высший уровень составляют наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. В педагогическом процессе своеобразно проявляются закономерности развития общества, формирования личности и коллектива, познавательной деятельности и др. И, конечно, ему присущи педагогические закономерности, комплексно выражающие наиболее существенные связи и отношения этого процесса. Основными элементами организационной структуры педагогического процесса как системы являются теоретическая и практическая подготовка курсантов во время учебных занятий; педагогические аспекты служебно-боевой, общественной и иной деятельности обучающихся; воспитательная, культурно-досуговая и спортивно-массовая работа; стажировка в частях и структурных подразделениях силовых министерств и ведомств. Характерной чертой педагогического процесса в военном вузе является особая цикличность его функционирования. Практика показывает, что эффективность функционирования в военном вузе педагогического процесса как системы, качество подготовки его выпускников во многом зависят от степени осознания педагогами, курсантами задач обучения, воспитания, психологической подготовки и личностного развития будущих офицеров.

В то же время в ходе исследования были выявлены *образовательный, воспитательный* и *развивающий* потенциалы содержания образования в формировании правовой активности курсантов.

В ходе опытно-экспериментальной работы мы установили, что формирование правовой активности курсантов военного вуза будет эффективно при соблюдении ряда педагогических условий.

При реализации *первого* условия – *формирования субъектной позиции курсантов относительно получаемой информации при использовании различных технологий обучения и диалоговых форм организации воспитательной работы* – мы опирались на то, что такая позиция курсантов относительно получаемой ими информации характеризуется способностью к свободному социально-правовому и личностному самоопределению, к соблюдению своих и чужих полномочий и прав, к повышению уровня правовой грамотности, правосознания, к определению собственных путей достижения социально значимых целей, обеспечивает их подготовленность к правовому позитивному поведению. Результатом реализации данного условия становится повышение уровня осведомленности курсантов о современном состоянии общества, развитие способности к выделению из огромного массива повседневной правовой информации полезной и важной, свободная ориентировка в получаемой правовой информации, освоение правовой терминологии, накопление словарного запаса, необходимого для грамотного социально-правового взаимодействия, использование полученной правовой информации для самообразования, правовой грамотности, правовой культуры, правосознания, для решения повседневных задач.

Второе условие – *непрерывность и преемственность накопления курсантами опыта социально-правового взаимодействия в учебной и внеаудиторной деятельности.* Реализации данного условия способствовало наличие шестилетней программы деятельности по правовому ориентированию, которая предусматривала широкий комплекс мероприятий и предполагала тесную связь учебной и воспитательной, социально-бытовой и досуговой деятельности. Формирование правовой активности курсантов военного вуза способствует активной гражданской позиции, повышению уровня правовой грамотности. Правовая активность представляется важной характеристикой современного человека. В настоящее время трудно представить себе успешность в военном деле, политике, бизнесе или любой другой сфере деятельности без инициативы, самостоятельности и активности людей.

Третье условие – *распространение правовых знаний в правовую пропаганду, правовую идеологию, правовое просвещение* – посредством формирования правовой активности спо-

собствует реализации правомерного поведения курсантов. Правомерное поведение – это социально полезный вариант поведения субъектов права, соответствующий требованиям правовых норм, приемлемый и гарантируемый государством. *Правовая идеология* представляет собой систему правовых идей, теорий, принципов, выражающих осознанное отношение к праву со стороны общества, социальных групп, индивидов. По сравнению с правовой психологией правовая идеология характеризуется *целенаправлениым и целостным осознанием права,* которое осуществляют специалисты-правоведы. Если в правовой психологии находит отражение эмоционально-чувственный аспект правовой жизни, который опирается на повседневный опыт индивида, то правовая идеология стремится к выявлению *сущности и смысла права.* Правовая идеология отражает интересы больших групп людей: общества, классов, политических партий, мирового сообщества. Эти группы участвуют в реапизации властных отношений на основе определенной правовой идеологии, определяющей для них «правила игры».

Высший уровень проявления правовой культуры – *правовая активность* индивида. Она выражается не только в законопослушном поведении индивида, но и в способности личности к активным, творческим действиям в сфере реализации права, а также в сфере правового регулирования. Общее правило сформулировано в статье 64 Устава внутренней службы. «Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности, выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других. Взаимоотношения между военнослужащими строятся на основе взаимного уважения».

Реализация *четвертого* условия – *системная подготовка преподавателей и командиров подразделений к правовому ориентированию курсантов* – базировалась на понимании *подготовки* как формирования и обогащения установок, знаний и умений, необходимых человеку для правового, адекватного выполнения какой-либо задачи. Необходимость подобной подготовки была обусловлена, во-первых, недостаточной мотивацией преподавателей и командиров подразделений к формированию правовой активности курсантов, недостаточным осознанием ее важности; во-вторых, разным уровнем психолого-педагогического мастерства преподавателей кафедр и командиров подразделений. Подготовка преподавателей и командиров подразделений предполагала помощь в осознании значимости формирования правовой активности курсантов для их социально-правового становления, для повышения уровня правовой грамотности курсантов, понимании цели и задач данного процесса, путей и способов его осуществления. Для этого была разработана и опробована на методических сборах и частично в системе командирской подготовки программа «Правовое ориентирование курсантов» (24 часов), в которую были включены беседы, консультирование, тренинги и т.д.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. – М.: Аспект Пресс, 2000.

2. *Баранов П.П.* Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права. Курс лекций. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993.

3. *Басова В.М.* Теория и практика формирования социальной компетентности личности. – Кострома: Изд-во КГУ, 2004.

4. *Затонский В.А.* Сильное государство и активная личность: теоретико-правовой аспект / Под ред. проф. А.В. Малько. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005.

5. *Ивлев А.К.* Правосознание и правовое воспитание молодежи. – М.: Б.и., 1982.

6. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 2 т. – М., 1993.

7. *Певцова Е.А.* Формирование правового сознания школьной молодежи: состояние, проблемы и перспективы // Государство и право. – 2005. – №4.

8. *Певцова Е.А.* Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX–XXI веков. – М.: Новый учебник, 2003.

9. Правовое образование в общеобразовательных учреждениях: проблемы реализации концепции модернизации образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 12–14 мая 2003 г. – М.: Новый учебник, 2003.

УДК 378

Быкова Анна Викторовна
кандидат филологических наук
Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярёва
anna_bykova@mail.ru
Грачёва Ирина Владимировна
кандидат географических наук
Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярёва
iragrath@rambler.ru

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье предпринята попытка описать этапы и первые результаты исследования, направленного на выявление и оценку уровня сформированности компетентности научно-исследовательской деятельности у студентов технической специальности. Согласно ФГОС-3 компетентностный подход становится ключевой составляющей процесса обучения в вузе, в том числе и научной деятельности студентов.

Ключевые слова: *научно-исследовательская деятельность студентов, компетенция, компетентность научно-исследовательской деятельности, профессиональная деятельность, активность, результативность.*

В современном образовательном пространстве научно-исследовательская деятельность студентов является вектором развития высшего профессионального образования. В связи с развитием информатизации и интеллектуализации различных технологий растёт объем научно-технической информации. В этих условиях необходима модернизация системы образования в направлении совершенствования интеллектуальной культуры и развития творческих способностей будущих специалистов.

Научная деятельность студентов в вузе представлена системой научно-исследовательской работы студентов (далее НИРС). Система НИРС – это обязательная часть подготовки квалифицированных специалистов, которые способны, используя творческие методы, решать профессиональные научные, технические задачи как индивидуально, так и коллективно. Специалисты такого рода способны применять в практической деятельности достижения научно-технического прогресса, а также адаптироваться к современным социальным и экономическим ситуациям. Несомненно, что важнейшим требованием к научным исследованиям в современном образовательном процессе является получение практико-ориентированных научных результатов и новых знаний.

НИРС ставит перед собой ряд важнейших задач, среди которых следует отметить:

– развитие у студентов способностей к самостоятельным обоснованным суждениям и выводам;

– предоставление студентам возможности применить свои знания в решении актуальных задач по различным направлениям;

– готовности и способности к постоянному самообразованию и самосовершенствованию.

Очевидно, будучи научной и практической составляющей процесса обучения, НИРС носит также учебно-воспитательный характер, что делает образовательный процесс целостным и законченным.

В последнее время происходит перенастройка всей образовательной системы, поскольку изменяется подход к обучению. Компетентностный подход получает сегодня широкое распространение. Актуальность компетентностного подхода обусловлена тем, что он дает возможность студенту «строить себя», определять свой личностный и профессиональный рост [3, с. 6], тем самым быть конкурентоспособным на рынке труда, что является логическим результатом процесса обучения в вузе.

Возникает вопрос: как связаны компетентностный подход и научная деятельность студентов? Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения (ФГОС – 3), в основу которых положен компетентностный подход, прописывают обязательное научное исследование. Также приоритетным направлением является формирование компетенций у студентов за время обучения в вузе. А значит, имеет смысл говорить о компетенциях, необходимых для выполнения научно-исследовательской работы.

© Быкова А.В., Грачёва И.В., 2011

Таблица 1

Контингент студентов, обучавшихся по специальности 280101, в период 2006–2010 гг.

Группы	Б-101	Б-102	Б-103	Б-104	Б-105	Б-106	Б-107	Б-108	Б-109
Годы	Количество студентов в группе, участвующих в СНПК								
2006	7	7	2	3	6	-	-	-	-
2007	-	5	9	4	3	2	-	-	-
2008	-	-	5	4	2	2	2	-	-
2009	-	-	-	7	8	2	-	2	-
2010	-	-	-	-	10	6	3	2	-
Общее кол-во студентов в группе	24	24	23	24	23	20	12	20	19
Кол-во студентов в группе - участников в СНПК	7	9	11	16	15	6	4	3	-

Известно, что модель выпускника строится на основе модели специалиста в данной профессиональной области, а та, в свою очередь, строится на основе модели трудовой (профессиональной) деятельности. Для построения модели специалиста большое значение имеет описание объекта труда. Объектом труда выступает сама профессиональная деятельность, элементы которой непрерывно связаны с научно-исследовательской деятельностью (например, технология трудового процесса, задачи труда и т.д.).

Целью данного исследования является установление взаимосвязи компетенций, необходимых для НИРС, и уровня их сформированности для профессиональной деятельности. Исследование проводится с участием студентов с 1 по 5 курсы специальности 280101 «Безопасность жизнедеятельности в техносфере» ГОУ ВПО «Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярёва». Сбор данных проводился в течение пяти лет (2006–2010 гг.) по итогам участия в ежегодной студенческой научно-практической конференции (далее СНПК), данные представлены в таблице 1.

Конкретная задача, на которую направлено наше исследование, заключается в выявлении (оценке) сформированности компетентности научно-исследовательской деятельности у студентов в начале профессиональной деятельности. Мы опираемся на следующее определение компетентности: «это общепрофессиональные знания, умения, навыки, способности, а также готовность их актуализировать в сфере определенной группы профессий» [5, с. 3–5].

По ФГОС – 3 принято разделение компетенций на две группы: общекультурные (ОК) и общепрофессиональные (ОПК и ПК) [6, с. 9–11]. В состав этого кластера входят компетентности выпускника в сфере научно-исследовательской деятельности.

Для решения поставленной задачи необходимо сопоставить компетенции, выбранные студентами как необходимые для научно-исследовательской работы, и уровень компетентности студента в научно-исследовательской деятельности, сформированный к началу профессиональной деятельности. Среди студентов данной специальности был проведен анкетный опрос по изучению степени важности компетенций, необходимых в НИР.

Анализ данных анкетного опроса показывает, что наиболее важными компетенциями являются (в иерархической последовательности):

1. Способность систематизировать информацию по теме исследований (ПК-20).
2. Базовые знания в различных областях (ОК-11).
3. Способность применять знания на практике (ОК-16).
4. Способность работать самостоятельно (ОК-8).
5. Письменная и устная коммуникация (ОК-14).
6. Профессиональная мобильность (ОПК 1).

Основной вывод, который необходимо сделать из анализа представленной иерархии, следующий. Студенты специальности «БЖД в техносфере» правильно представляют особенности на-

учно-исследовательской работы, в которой важным инструментом является сочетание хорошей теоретической подготовки, навыка выделения ключевой информации и умения применить ее в конкретном исследовании (докладе).

При оценке мнения студентов об иерархии компетенций для научно-исследовательской деятельности отмечается совпадение с выбором профессорско-преподавательского состава кафедры, на которой реализуется профессиональная подготовка по указанной специальности [2, с. 55–61]. Этот факт заслуживает отдельного внимания, поскольку свидетельствует о единстве понимания задач научно-исследовательской деятельности в рамках научного сообщества кафедры. Сегодня требуется единство в понимании того, какие цели ставятся, что выступает профессиональным ядром образовательных стандартов и программ, какие компетенции должны быть сформированы [1, с. 68].

Таким образом, отмечается правильное понимание студентами целей, задач и методов научно-исследовательской работы как составляющей будущей профессиональной деятельности, а также преемственность компетенций, выбранных студентами и преподавателями, что является позитивным направлением в формировании специалиста в современном образовательном пространстве.

На основе анализа полученных данных было отмечено, что если исходить из данного выше определения компетентности, то уровень её сформированности можно обозначить двумя показателями: активность участия студентов в научно-практической конференции и результативность этого участия. В первом случае имеется в виду участие отдельно взятого студента в нескольких секциях одной конференции и участие на протяжении нескольких лет. Второй показатель «результативность» описывается как признание участия студента на высоком уровне, т.е. присуждение сообщению студента одного из трёх призовых мест, а также решение представить данное научное сообщение во втором туре конкурса студенческих научно-исследовательских работ. Мы считаем, что к составляющим результативности можно отнести и поступление в аспирантуру, что является следующей ступенью научно-исследовательской деятельности. Представляется, что термины «активность» и «результативность» как нельзя лучше подходят под определение «компетентность», а именно в той части, где говорится о готовности актуализировать полученные в вузе знания, умения и навыки.

За период исследования общее количество студентов, обучающихся по специальности 280101 «БЖД в техносфере», составляет 189 человек. По данным исследования, количество студентов, принимавших в той или иной мере участие в научно-практической конференции, составляет 37,6%. Данная цифра говорит о том, что 1/3 студенческого контингента видит научно-исследовательскую работу как неотъемлемую часть своей будущей профессиональной деятельности. На рисунке 1 представлена гистограмма, показывающая количество студентов – участников СНПК от общего количества студентов специальности в одном взятом учебном году.

Из общего числа студентов в научно-практической конференции в течение нескольких лет

Рис. 1. Количество студентов, принимавших участие в СНПК в 2006–2010 гг.

и в нескольких секциях одновременно участвовали 24 человека. Таким образом, в процентном отношении показатель активности студентов составляет 12,7%, то есть 1/7 часть контингента студентов данной специальности высоко мотивирована на научно-исследовательскую деятельность и готова актуализировать вышеуказанные компетенции в своей профессиональной деятельности.

Можно отметить также тенденцию к повышению показателя активности студентов при переходе на старшую ступень обучения (4 и 5 курсы, примеры групп Б-104, Б-105, Б-106). Очевидно, что при переходе освоенных компетенций в компетентность существуют именно такие явления, как активность (вполне мотивированная самим студентом) и результативность (то, что и мотивирует студента в большей степени).

Мотивационный характер результативности, второго показателя сформированности компетентности, подтверждается тем фактом, что конкретный результат научно-исследовательской работы студента признан на более высоком уровне и побуждает к активному стремлению актуализировать полученные знания. Данный факт подтверждается полученными в ходе исследования цифрами, представленными на рисунке 2.

Из 24 человек рассматриваемой группы специальности «БЖД» 10 студентов получали призовые места на научно-практической конференции постоянно, что составляет 42%. Далее, не менее важное значение для анализа результативности научно-исследовательской деятельности студента имеет решение выдвинуть данную научную работу во второй тур конкурса научно-исследовательских работ на межрегиональный уровень. Из числа студентов рассматриваемой группы это составило 4%. Итак, почти половина студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, имеет высокий уровень сформированности компетентности к началу профессиональной деятельности.

Другим убедительным доказательством наличия компетентности у студентов – выпускников данной группы является тот факт, что 12% из них после окончания высшего учебного заведения поступили в аспирантуру академии по своей специальности. Основная задача аспирантуры – это самостоятельная научная работа, то есть именно тот вид деятельности, основной целью которой является актуализация сформированных в вузе компетенций.

Рис. 2. Диаграмма результативности студентов по итогам участия в СНПК

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о сформированности компетентности в научно-исследовательской деятельности, что позволяет выпускникам рассматривать её как область своей профессиональной деятельности.

В заключение следует отметить, что компетентностный подход в образовании предоставляет широкий спектр возможностей для формирования специалиста нового поколения. Научно-исследовательская работа – это лишь часть той большой области профессиональной деятельности, где выпускник может реализовать освоенные компетенции.

Библиографический список

1. *Байденко В.И.* Болонский процесс: проблемы, опыт, решения. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 110 с.

2. *Быкова А.В., Грачева И.В.* Научно-исследовательская деятельность студентов в рамках компетентностного подхода // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные науки и образование». Часть II. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2010. – С. 55–61.

3. *Гришанова Н.А.* Студентоцентрированность как новая характеристика образовательного процесса. – М., 2008. – 57 с.

4. *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.

5. *Ильязова М.Д.* Компетентность, компетенция, квалификация – основные направления современных исследований. Профессиональное образование // Столица. – 2008. – № 1. – С. 3–5.

6. Проект федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 141 б – техносферная безопасность. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 27 с.

УДК 796.01

Воронин Сергей Михайлович
кандидат биологических наук
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ОСНОВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Сложившаяся в настоящее время тревожная ситуация в физической культуре и спорте требует решения. Необходимо развивать все формы физической культуры. Уровень спортивных достижений общества зависит от массового спорта и физической подготовленности детей, подростков и молодежи.

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, оздоровление.*

Сложившаяся к настоящему времени тревожная ситуация с физическим и духовным здоровьем нации во многом обусловлена социальными причинами, в числе которых – недооценка оздоровительной, воспитательной и социально-экономической роли физической культуры и спорта как со стороны государства, так и со стороны населения. Именно эта недооценка является главной проблемой, сдерживающей развитие массовой физической культуры и спорта.

Специалистами установлено, что объем двигательной активности, необходимый для улучшения уровня здоровья и физической подготовленности молодого организма, в настоящее время составляет лишь 25% от необходимого. В последние годы сеть физкультурно-спортивных сооружений постоянно сокращается, многие сооружения находятся в аварийном состоянии, не отвечают санитарно-гигиеническим нормам, не обеспечены техническими средствами, приборами и оборудованием для учебно-тренировочного процесса и соревнований.

Если бы удалось добиться четкого понимания большинством людей того, что физическая активность и спорт для всех категорий населения, включая молодежь, – необходимое и важнейшее условие нормального развития ума и тела, что абсолютное большинство психических и физических заболеваний так или иначе связаны с обездвижением и ожирением, что физическая активность и занятия «спортом для себя» улучшают качество жизни, снимают стрессовые состояния, повышают работоспособность и т.д., то удалось бы не только приостановить физическую деградацию нации, но и значительно поднять уровень ее здоровья и работоспособности. В современном российском обществе целями и задачами модернизации физической культуры и спорта являются: стратегической целью – повышение уровня здоровья населения, а также эффективное использование средств физической культуры и спорта по предупреждению заболеваний, поддержанию высокой работоспособности людей, профилактике правонарушений, преодолению наркомании, алкоголизма, других вредных привычек, подготовке к защите Родины, реализации обеспечения конституционной гарантии права граждан на равный доступ к занятиям физической культурой и спортом.

Стратегия обеспечения здоровья и активного долголетия граждан России путем лечения и медикаментозной профилактики заболеваний, как и любая стратегия, основанная на защите, не может привести к успеху. На смену ей должна прийти наступательная стратегия – стратегия здорового образа жизни. Основой этого образа жизни являются физическая культура и спорт, целенаправленно, естественным путем повышающие жизнеспособность систем и функций организма человека.

Осуществление на практике здорового образа жизни с раннего возраста способно не только укреплять здоровье, но и поднять уровень активного долголетия.

© Воронин С.М., 2011

Физически культурный образ жизни следует формировать с самого раннего детства, так как именно дети лучше всего воспринимают поступающую информацию, глубоко усваивают её, и, таким образом, у них легко образуются культурные привычки и потребности.

Уровень спортивных достижений общества зависит от развития массового спорта и физической подготовленности детей, подростков и молодежи, поскольку это развитие определяет потенциал состава занимающихся в специализированных спортивных учреждениях, возможность поиска талантливой в спортивном отношении молодежи, ее способность переносить современные физические и психические нагрузки.

К основным направлениям реформирования физической культуры и спорта относят следующее. Физкультурно-спортивным организациям совместно с органами образования, здравоохранения и средствами массовой информации предстоит создать систему физкультурного образования для всех социально-демографических групп населения. Нужно создать и необходимые условия и предпосылки для самостоятельных физкультурных занятий.

Внимание учреждений образования следует сосредоточить на внеурочных формах занятий. Необходимо проводить больше и с большим охватом учащихся спортивных соревнований, праздников, мероприятий на удлиненных переменах, туристических походов. Нужно создать условия для занятий по месту жительства, стимулировать самостоятельные занятия в парках, дома, увеличивать число спортивных школ, клубов, центров.

Приоритетными должны стать программы развития физической культуры и спорта среди инвалидов, детей-сирот, «трудных» подростков, а также специальные программы, направленные на преодоление наркомании, алкоголизма, курения и других вредных привычек.

Следует значительно увеличить число доступных одноступенчатых (без предварительного отбора) соревнований по массовому спорту для всех возрастных групп населения (в трудовых коллективах, по месту жительства и отдыха населения, в учреждениях образования).

Проведение массовых соревнований не должно быть самоцелью. Их главная задача – стимулировать стремление людей к ежедневным физкультурно-спортивным занятиям, вовлекать в соревновательную деятельность новые слои населения, прежде всего детей, подростков, молодежи.

Пропаганда физической культуры должна адресоваться непосредственно человеку, убедительно показывать приоритетное значение физической культуры и спорта в воспитании, профилактике болезней, продлении активного долголетия, в борьбе с наркоманией, курением, употреблением алкоголя, другими негативными явлениями. Задача средств информации – повышать у людей интерес к физическому совершенствованию, раскрывать гуманистические ценности физической культуры, активно популяризировать самостоятельные занятия с широким использованием природных факторов, настойчиво формировать в массовом сознании понимание жизненной необходимости физкультурно-спортивных занятий.

Пропаганда физической культуры должна способствовать повышению престижности разносторонней физической подготовки человека и его умения владеть своим телом, уровня знаний в области гигиены и физической культуры, базироваться на последних научных исследованиях и открытиях.

Одно из важных направлений развития физической культуры и массового спорта – усиление их гуманизации. Не должно поощряться развитие видов спорта и физических упражнений, связанных с неоправданным риском для жизни и здоровья занимающихся, не отвечающих этическим требованиям, формирующим культ насилия и жестокости.

Цель физического воспитания конкретизируется в его задачах. В отношении такой возрастной категории, как студенческая молодежь, можно выделить следующие задачи:

– оздоровительная задача состоит в гармоническом развитии форм и функций организма, направленном на укрепление здоровья, повышение устойчивой сопротивляемости к заболеваниям организма и его закаливания, в формировании жизненно важных двигательных умений, навыков и знаний;

– воспитательная задача заключается в использовании средств физической культуры для воспитания активной личности, мобильного человека, способного быстро адаптироваться в условиях изменяющейся жизнедеятельности и использовать имеющиеся знания, умения и навыки в различных жизненных ситуациях;

– образовательная представляет собой освоение конкретных знаний в области физической культуры, формирование умений и навыков через развитие самостоятельности как ведущего качества личности современного человека в процессе субъектного включения студента в педагогический процесс и формирования у него рефлексивной позиции.

Перечисленные задачи можно отнести к первой группе задач.

Ко второй группе задач относятся задачи связи физического воспитания с другими сторонами воспитания, а именно – нравственной, умственной, трудовой и эстетической.

Третья группа задач – это задачи общественно-политического характера, состоящие в привлечении молодежи к общественно-политической деятельности, в патриотическом воспитании, в укреплении дружеских связей между спортсменами.

Решение обозначенных задач предполагает: понимание роли физической культуры в развитии личности и подготовке ее к профессиональной деятельности; знание научно-практических основ физической культуры и здорового образа жизни; формирование мотивационно-ценностного отношения к физической культуре, установки на здоровый стиль жизни, физическое самосовершенствование и самовоспитание, потребности в регулярных занятиях физическими упражнениями и спортом; овладение системой практических умений и навыков, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, психическое благополучие, развитие и совершенствование психофизических способностей, качеств и свойств личности, самоопределение в области физической культуры, обеспечение общей и профессионально-прикладной физической подготовленности, определяющей психофизическую готовность студента к будущей профессии; приобретение опыта творческого использования физкультурно-спортивной деятельности для достижения жизненных и профессиональных целей.

Содержание физической культуры включает две составляющие: во-первых, все то ценное, что создает и использует общество в качестве специальных средств, методов и условий их применения, позволяющих оптимизировать физическое развитие и обеспечить определенный уровень физической подготовленности людей (функционально обеспечивающая сторона физической культуры); во-вторых, позитивные результаты использования этих средств, методов и условий (результативная сторона физической культуры).

Наряду с ролью в физическом совершенствовании человека, физическая культура может оказывать существенное влияние и на его духовный мир – мир эмоций, эстетических вкусов, этических и мировоззренческих представлений. Однако то, какие именно взгляды, убеждения и принципы поведения формируются при этом, зависит в первую очередь от идейной направленности физкультурного движения, от того, какие социальные силы его организуют и направляют.

Понятие «система физического воспитания» отражает в целом исторически определенный тип социальной практики физического воспитания, целесообразно упорядоченную совокупность ее исходных основ и форм организации, зависящих от условий конкретной общественной формации.

В совокупности с определяющими ее положениями система физического воспитания характеризуется:

– идеологическими основами, выраженными в ее социальных целевых установках, принципах и других отправных идеях, которые продиктованы потребностями всего общества;

– теоретико-методическими основами, которые в развитом виде представляют собой целостную концепцию, объединяющую научно-практические знания о закономерностях, правилах, средствах и методах физического воспитания;

– программно-нормативными основами, т.е. программным материалом, отобранным и систематизированным согласно целевым установкам и принятой концепции, и нормативами, установленными в качестве критериев физической подготовленности, которая должна быть достигнута в результате физического воспитания.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что систему физического воспитания характеризуют не столько отдельные явления практики физического воспитания, сколько ее общая упорядоченность и то, на каких исходных системообразующих основах обеспечивается ее упорядоченность, организованность и целенаправленность в рамках конкретной общественной формации.

Общими принципами, на которых основывается современная система физического воспитания, являются: принцип всестороннего развития личности; принцип связи физического воспитания с трудовой практикой; принцип оздоровительной направленности.

Компонентами физической культуры выступают:

– спорт – часть физической культуры, основанная на использовании соревновательной деятельности и подготовке к ней. В нем человек стремится расширить границы своих возможностей; это огромный мир эмоций, популярнейшее зрелище, в котором присутствует сложнейший процесс межчеловеческих отношений. В нем ярко проявляется стремление к победе, достижению высоких результатов, требующих мобилизации физических, психических и нравственных качеств человека;

– физическое воспитание – педагогически организованный процесс развития физических качеств, обучения двигательным действиям и формирования специальных знаний. Целью физического воспитания является воспитание физически здоровых людей, всесторонне физически подготовленных к творческому труду;

– профессионально-прикладная физическая культура создает предпосылки для успешного овладения той или иной профессии. Содержание и состав средств ППФК определяется особенностями трудового процесса;

– оздоровительно-реабилитационная физическая культура. Она связана с направленным использованием физических упражнений в качестве средств лечения заболеваний и восстановления функций организма, нарушенных или утраченных вследствие заболеваний, травм, переутомления и других причин. Ее разновидностью является лечебная физическая культур;

– фоновые виды физической культуры. К ним относят гигиеническую физическую культуру, включенную в рамки повседневного быта (утренняя гимнастика, прогулки, другие физические упражнения в режиме дня, не связанные со значительными нагрузками), и рекреативную физическую культуру, средства которой используются в режиме активного отдыха (туризм, физкультурно-оздоровительные развлечения).

Библиографический список

1. *Воронин С.М.* Личностно ориентированная физическая подготовка студентов непрофильных вузов. – Ярославль, 2009. – 282 с.

УДК 37.035.44

Иванова Людмила Анатольевна
Иркутский государственный лингвистический университет
media-lai@mail.ru

ОСВОЕНИЕ ПОДРАСТАЮЩИМ ПОКОЛЕНИЕМ МЕДИАМИРА: ГЕНДЕРНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА

В данной статье рассматривается проблема «гендерных стереотипов» и возрастных медиапредпочтений современного поколения. Цель исследования – на основании полученных данных определить приемы эффективного медиаобразования различных возрастных групп.

Ключевые слова: *современные СМИ, гендерные стереотипы, возрастные медиапредпочтения, ценностные установки семьи, негативное влияние.*

Статья основана на материалах многочисленных анкет, бесед, опросов дошкольников, школьников и их родителей, учителей, студентов, преподавателей высших профессиональных учреждений города Иркутска, проведенных сотрудниками секции «Проблемы медиаобразования в школьной и вузовской педагогике» в течение 1990–2010 гг. (нами было охвачено опросом шесть тысяч респондентов). Вышеназванная секция является структурным элементом Восточно-Сибирского Центра развития педагогической науки и образования Международной Академии наук педагогического образования (МАНПО). Помимо этого привлекались материалы средств массовой информации (СМИ); социологических опросов; справочные и отраслевые издания; официальные статистические данные; публикации отраслевых Интернет-порталов. В статье мы рассмотрим два аспекта: гендерную и возрастную обусловленность в отношении к СМИ.

Когда речь идет о постиндустриальном (информационном) обществе, нельзя рассматривать влияние современных СМИ на воспитание и социальное формирование подрастающего поколения без учета гендерной и возрастной обус-

© Иванова Л.А., 2011

ловленности в отношении масс-медиа. От рождения до смерти человека сопровождает ураган радио-, телепередач, телефильмов, газет, журналов; сравнительно недавно этот перечень пополнился Интернет, мобильной, спутниковой связью, благодаря которой можно принимать информацию из самых разных стран. Сегодня становится всё более очевидным, что такое широкое распространение масс-медиа имеет неизбежные последствия для детей и юношества. Выяснением характера этих последствий, путей влияния СМИ на воспитание и социальное формирование подрастающего поколения и роли учителя в использовании масс-медиа занимается целый ряд ученых, одни из которых разрабатывают теорию медиаобразования, проводят эмпирические исследования. Другие исследуют гендерные стереотипы восприятия информации современных СМИ и т.д. Предрасположенность к СМИ является производной от множества факторов, ни один из которых нельзя вычленить и рассматривать независимо от остальных. Основными из этих факторов специалисты в области гендерных исследований считают пол, а затем уже возраст, отношения в семье, отношения детей и юношей в группах сверстников.

Анализ проведенных исследований подтвердил, что знакомство детей со СМИ начинается с книг, детских журналов, которые читают родители (чаще всего матери), с рассматривания картинок. Параллельно с журналами в жизнь ребенка входит телевидение. К трем годам ребенок больше смотрит телевизор: сказки, фантастические истории и телевизионную рекламу, чем слушает чтение взрослых. Материнское влияние определяет репертуар в этом возрасте.

С трех лет и включая младшие классы школы (по результатам исследований, проведенных в конце 1990-х годов прошлого столетия) телевидение все ещё занимает главное место в СМИ, с которыми соприкасались дети. Вместе с тем наши исследования показали, что в начале XXI века принципиально изменились медиапредпочтения подрастающего поколения. Чем старше становится ребенок, тем большую привлекательность для него приобретают компьютерные озвученные игры с объемным изображением. Ни одно исследование, особенно гуманитарного профиля, не может претендовать на то, чтобы считаться полностью независимым, поэтому мы апеллировали к исследованиям коллег с одной лишь целью – дабы избежать возможных ошибок и заблуждений в процессе обработки полученных нами данных, нам было важно объективно оценить ситуацию. Справедливости ради следует отметить, что мы сознательно не стремились «замкнуть» свое исследование на одном регионе. Нам были интересны результаты, полученные исследователями в других регионах России и зарубежья. В целях дополнительной валидизации полученных результатов мы использовали методику триангуляции (М. Хаммерсли), когда данные разных подходов проверяют выводы об одном и том же. Результаты наших исследований совпали по многим позициям. Подтверждение нашим выводам находим и в статье А.А. Бушуевой: «Систематическое наблюдение за младшими школьниками 8–10 лет в течение трех лет показало, что доминирование компьютерных игр в досуге детей изменяет их предпочтения относительно других видов досуговой активности. По данным ряда диагностических срезов из 208 опрошенных нами школьников играли в компьютерные игры “хотя бы раз” – 97% респондентов, 51% из них имеют игровой компьютерный опыт от трех и более лет (т.е. впервые с компьютерными играми познакомились еще в дошкольном детстве). Виртуальные увлечения одинаково распространены как среди мальчиков, так и среди девочек, но мальчики тратят на них больше времени – в среднем до 3–5 часов в день. Причем… “компьютеризация” досуга в основном отразилась на субкультуре мальчиков, нежели девочек» [1, с. 333]. Нам удалось выяснить, что в исследуемый отрезок возраста материнское влияние все ещё достаточно велико, гендерный подход чаще всего находится на периферии определения репертуара компьютерных игр, фильмов. Кроме того, характеризуя воспитательное пространство школы, исследователи справедливо отмечают «мощную феминную тенденцию», основные социальные роли на всех уровнях иерархии образовательных структур заняты женщинами. Поэтому в этом возрасте предпочтения принципиально не расходятся у мальчиков и девочек. По данным небольшого социологического опроса, проведенного среди детей от 7 до 10 лет, удалось выяснить, что треть мальчиков и девочек предпочитают только зарубежное, шестая часть – российское, остальные – и то, и другое. Фильмами для взрослых интересуются 40% опрошенных, детские картины привлекают 30%, а мультфильмы любят все. О документаль-

ном кино у мальчиков и девочек этого возраста ещё смутное представление, многие просто не знают, что это такое. Фантастика, триллеры и детективы выбирают около трети учащихся, независимо от пола. Любимы и популярны среди детворы боевики, комедии и программы о животных, в то время как музыкальные фильмы, мелодрамы и исторические кино не пользуются популярностью у тинэйджеров. И мальчики и девочки ценят и понимают толк в спецэффектах, любят актеров и внимательно следят за развитием сюжета. Таким образом, у детей до 11 лет гендерные различия выражены слабее, чем у подростков.

Возраст 11–13 лет считают «пиковым» в использовании СМИ для детей обоего пола: ребенок уже легко читает, смотрит по телевизору не только дневные, но и вечерние передачи. Как нам удалось увидеть в процессе многолетнего исследования, наблюдается резкая переориентация кинопредпочтений мальчиков и девочек подросткового возраста на западные фильмы. Так, по результатам нашего исследования, доля западных фильмов в структуре художественных ориентаций составляет 65,2%. Причем в этом возрасте существенно меняется и структура жанровых предпочтений. Более детальный анализ показывает, что именно в этот период лидирующие позиции начинают приобретать боевики, фильмы ужасов, эротические фильмы. По сути дела, эти фильмы любят смотреть и дети до 11 лет. Отличительной особенностью является, пожалуй, лишь то, что к этим жанрам добавляются психологические триллеры и фильмы-катастрофы. Таким образом, исследуемый возраст в целом характеризуется одной общей тенденцией: «агрессивные» фильмы с большим числом сцен насилия и эротики приобретают все большую популярность среди школьников подросткового возраста, вытесняя фильмы классической драматургии и кинокомедии. Можно сделать вывод о том, что с переходом России в условия информационного общества у подростков увеличивается как само «информационное поле» понравившихся медиапродуктов в различных СМИ, так и разнообразие СМИ, определяющих структуру информационных предпочтений. Сегодня подросток может выбрать любую интересующую его электронную версию журнала, любой сетевой компьютерный журнал и взаимодействовать с ними в интерактивном режиме.

Любопытной и заслуживающей пристального внимания является мысль известного американского этнографа детства Маргарет Мид. Она предлагает свою типологию культур, проливающую свет на полученные нами данные, что, несмотря на «мощную феминную тенденцию» в воспитательном пространстве школы и семьи, запреты, тинэйджеры обоего пола уходят из-под влияния и начинают очень активно взаимодействовать с Интернет [2].

Кроме того, результаты исследования выявили амбивалентную ситуацию, когда, с одной стороны, различий между полами в степени интереса и стремления к использованию Интернет подростками в практической деятельности не обнаружено. С другой – было установлено, что частота, постоянство стремлений к взаимодействию с Интернет ярче проявляются у мальчиков-подростков. Они имеют более высокую готовность к освоению новой информации в Интернет. К тому же в этом возрасте мальчики отдают предпочтение больше виртуальным играм, чем реальным. Если ещё в 10 лет, чтобы попинать мяч или погонять шайбу, они бежали во двор, собирая компанию сверстников. Теперь предпочитают сесть за стол, щелкнуть по кнопке компьютера, надевают перчатки, дающие тактильные ощущения, шлем с очками, благодаря которым при повороте головы в очках меняется изображение, и ребенок как бы находится внутри виртуального мира. У девочек эти стремления представлены в меньшей степени. При этом девочки имеют более негативное отношение к информационным технологиям, чем мальчики. Таким образом, различия гендерного характера в группах подростков испытуемых оказались гораздо ярче, чем у детей до 11 лет. Сегодня, на данном этапе исследования, нам становится всё более очевидным, что эта общая схема гендерной и возрастной обусловленности в отношении к СМИ никогда не прослеживается в идеальном виде.

Сравнивая двадцать последовательных констатирующих «срезов» (1991–2010 гг.) среди учащихся школ, студентов вузов города Иркутска, Иркутской области, нам удалось проследить определенные изменения, которые произошли у молодежи в результате сдвигов в социокультурной ситуации, происходивших в стране. Проведенный нами анализ в 1990-х гг. прошлого века выявил приоритетное положение в сфере предпочтений в молодежной среде тех лет – видео и телевидение, как было описано выше, подобная тенден-

ция наблюдалась и в подростковой среде, школьников-подростков 11–13 лет. Анализ собранных анкет «Что ищет и находит молодое поколение в СМИ?» в начале века позволил сделать вывод о том, что в настоящее время электронные СМИ – самые распространенные в молодежной среде. Через них молодое поколение получает образцы поведения, стиль жизни. Также нам удалось выяснить, что с помощью электронных СМИ формируются нравственные основы бытия. В юношеском возрасте ярче возрастает интерес к интерактивным масс-медиа, в использовании которых открываются новые аспекты, позволяющие самым непосредственным образом включиться в неконтактное информационное взаимодействие, «войти и присутствовать» в реальном времени в представленном «экранном мире», причем учащийся сам активно вмешивается и создает видеоряд, что является абсолютно беспрецедентным до сих пор. Информационные технологии глубоко проникли в жизнь современной молодежи, неотъемлемой её частью становятся многофункциональные портативные устройства – мобильные телефоны. Невзирая на название «телефон», это средство коммуникации используется девушками и юношами для решения разнообразных задач. Мобильный телефон перестает уже быть только «мобильным домом», когда он связывает с кругом близких людей, воспроизводя музыку, игру или книгу для чтения. Но с помощью него осуществляются «мобильная учеба», деловые беседы и извлекается справочная информация из недр Интернет. Молодежь разного пола полностью интегрировала Интернет в свою жизнь (несмотря на протесты взрослых) – музыкальные файлы и видеофильмы напрямую качаются из Интернета через компьютер, мобильный телефон на плейеры, коммуникаторы или устройства типа iPod. Интернет для них – центр цифровой вселенной: музыки, видео, участия в онлайновых сообществах, форумах, блогах, чатах, электронной переписке и онлайн-играх. Все это объединяется понятием «компьютерно-опосредованная коммуникация». В этом возрасте главная ценность – система отношений со сверстниками. Общение со сверстниками приобретает для юношеского возраста большую ценность, часто большую, чем учение, общение с родителями и взрослыми. Для юношеского возраста отношения с товарищами выделяются в отдельную сферу его личных отношений, которые автономны от влияния взрослых, в которых он действует самостоятельно, проявляя свое стремление к взрослости. У юноши и девушки выражено желание быть принятым сверстниками, а поэтому возможно предположить, что оценки сверстников играют одну из основных ролей в формировании представлений о себе. В связи с этим виртуальное общение облегчает контакты со сверстниками на почве общих увлечений и повышает социальный престиж в их среде. Социологическое исследование будней вокруг домашнего персонального компьютера убедило нас, что видеосвязью юношей и девушек уже не удивишь, и все благодаря веб-камере. Сейчас это уже не банальный видеоглаз, а настоящее мультимедийное устройство с множеством разных функций. Например, при помощи камер Microsoft LifeCam VX-7000, Logitech QuickCam Ultra Vision Special Edition и др. или даже рассчитанной на подрастающее поколение детской камере Samsung Pleomax PWC-5300 можно общаться в голосовом и видеорежимах. Помимо этого отметим и некоторые гендерные различия. Юноши увереннее чувствуют себя при работе с электронными СМИ, со службой Windows Live Messenger, т.е. в онлайновом общении, больше любят компьютерные игры. Юноши в первую очередь интересуются играми с жесткими правилами, азартом и риском («азартная игра», «охота», «гонки» и т.д.). Большинство из них любят играть в интеллектуальные игры. Девушек отличает индифферентное отношение к интеллектуальным играм, а любимые материалы Интернет-СМИ, как правило, связаны с удовлетворением познавательных и развлекательных потребностей. Юноши постоянно испытывают потребность в новом, создании этого нового в виртуальном пространстве, стремлении к новой информации, организованности и настойчивости в поиске новой информации; при необходимости могут целенаправленное и продолжительное время работать в Интернет-пространстве без отдыха. Девушки испытывают меньшую уверенность при работе с информацией в интерактивном режиме. Причем структура интересов девушек и юношей, использующих Интернет, различна. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что для девушек Интернет – это в основном общение и поддержание социальных связей; структура же деятельности юношей более широка. Можно предположить, что влияние школы и семьи не может изменить сложившуюся ситуацию.

Помимо анализа гендерной и возрастной обусловленности в отношении к СМИ, особый интерес представляет также роль социально-стратификационных факторов (материального положения семьи и уровня образования родителей). Выбор в значительной степени связан с влиянием родителей, с ценностными установками семьи ребенка. Проведенное нами исследование убеждает, что в семьях с высокими ценностными установками, где детей ориентируют на достижение высокого статуса, строже лимитируется время взаимодействия с СМИ, приучают детей различать продукты СМИ – масс-медийной культуры (элитную, специализированную, массовую, «желто-прессовую» (В.Д. Попов)), учат реалистическому подходу к СМИ как источнику информации; в семьях с невысокими ценностными установками и с низким материальным уровнем жизни для детей СМИ все больше превращаются в источник развлечения и способ ухода от неприглядной действительности, параллельно с практическим отношением к телефильмам очень сильны мотивы убегания от реальности (эскапизма) независимо от пола. При серости и обыденности жизни многих мальчиков и девочек такие фильмы дают им выход в иллюзорную жизнь – красивую, с любовью, чего в реальности им недостает. Взрослея, ребенок в семье с низким прожиточным уровнем все чаще обращается к СМИ, что обусловлено несколькими факторами, в частности, возможностью использования терапевтической, компенсаторной, рекреативной и др. функций медиасообщения, способствующих снятию нервного напряжения. Иллюзорная жизнь – вытесняет реальную. Ребенок адаптируется, примитивизируясь, утрачивая светлые и тонкие качества души. Если семья живет за чертой прожиточного уровня, то самые распрекрасные слова родителей о нравственных нормах подрастающее поколение отвергает. Оно же видит: родители соблюдают такие нормы, а в итоге «прозябают». «Я так жить не хочу», – решает ребенок. Но в таком случае и родители, по его мнению, достойны лишь презрения. Эти установки подкрепляются и в СМИ. На телевидении, в прессе культ молодости, здоровья, благополучия.

Исследуя различные группы мальчиков и девочек, констатируем, что в последние годы произошли существенные деформации детской картины мира. Также нам удалось выяснить, что от степени гармонизации этой картины мира зависит психо-эмоциональное благополучие ребенка, его душевное и духовное здоровье. Центральную роль в процессе дисгармонизации картины мира ребенка играет тема секса, насилия, завуалированная, а порой и откровенная пропаганда наркотиков и т.д. через СМИ.

Нередко ребенок получает из медиа информацию об отношениях полов, которая противоречит системе представлений, сложившихся у него на основании личного социального опыта, что ведет к конфликту ценностей. Наиболее яркий тому пример – контраст поведения окружающих его реальных взрослых и теле-, кино-, видео-, фото-, литературных героев. Ребенок, усвоив образ теле-, кино-, видео-, фото-, литературного героя Мужчины и Женщины, тяжело воспринимает несоответствие своих родных, самого себя этому образу. В результате возникает ценностный конфликт, преодолеть который тем труднее, чем больше интенсивность средств массовой коммуникации. В нашей статье мы очертили лишь небольшой круг вопросов, связанных с изучением гендерной и возрастной обусловленности отношения к СМИ. Понятно, что эта проблема велика и крайне актуальна, требует своего решения и детерминирует формирование у детей и юношества медиакомпетентности. Медиакомпетентность – это целенаправленный результат, цель медиаобразования. Информацию об этом относительно молодом направлении в педагогике можно найти на специализированном сайте Ассоциации кинообразования и медиапедагогики России http://edu.of.ru/mediaeducation, а также на портале Министерства образования и науки Российской Федерации на сайте Электронная научная библиотека «Медиаобразование» http://edu.of.ru/medialibrary. Цель проведенного нами исследования – на основании полученных данных определить приемы эффективного медиаобразования различных возрастных групп, но это тема следующей статьи.

Библиографический список

1. *Бушуева А.А.* Социально-педагогические механизмы преодоления страхов, вызванных компьютерными играми у младших школьников // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – С. 331–335.

2. Культура и мир детства: Избр. произведения: Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

УДК 37.01:51
К19

Канкулова Салдуса Хамтиевна
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
madina196868@mail.ru

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Так как любые процессы, происходящие в дидактических системах и связанные с процессом обучения, называются дидактическими процессами, то будем характеризовать состояние обучаемого в рассматриваемом процессе тем количеством информации, которое усвоено им к данному времени.

Ключевые слова: *модель, модель обучения, система, дидактическая система, дидактический процесс, сила, аксиома, сопротивление, сила умозаключения.*

В ряде работ [1; 2; 3] делаются попытки математического описания учебного процесса. При этом авторы предлагают различные модели обучения. Правда, как отмечается в одной из указанных работ, «непосредственное использование этих моделей для решения задач оптимизации весьма проблематично» [3, с. 23]. И все же рискнем предложить один из вариантов математического описания учебного процесса с целью оптимизации. Для этого воспользуемся формально-аксиоматическим методом. Рекомендация использовать этот метод для решения поставленной задачи дана, например, в работе [4, с. 239].

Сформулируем необходимые определения и аксиомы следующим образом.

Основным объектом изучения дидактики является система, состоящая из обучающих и обучаемых и называемая дидактической [4, с. 239]. Элементы дидактической системы могут взаимодействовать между собой как непосредственно, так и посредством учебников, учебных пособий, а также технических средств обучения, к числу которых относятся прежде всего ЭВМ.

Любые процессы, происходящие в дидактических системах и связанные с процессом обучения, называются дидактическими процессами.

Будем характеризовать состояние обучаемого в рассматриваемом процессе тем количеством информации, которое усвоено им к данному времени. Эту величину обозначим через S. Измерять S можно в битах, как это делается в теории информации. Но для оценки учебной информации такой путь не представляется целесообразным, ибо при этом, как известно, не учитывается смысловая ценность принятых и переданных сообщений.

Оставляя вопрос о единицах измерения учебной информации открытым, отметим, что имеются предложения использовать для рассматриваемых целей стаб [1, с. 66], Хартли [5, с. 30], СЕД (семантическая единица информации) [3, с. 70].

При протекании дидактического процесса величина S непрерывно изменяется. Это изменение описывается уравнением вида $S= S(t)$. Функции этого вида, т.е. функции, выражающие явным образом зависимость количества усвоенной информации от времени, будем называть потоками усвоенной информации.

Первая производная по времени от потока усвоенной информации называется скоростью дидактического процесса. Обозначая эту величину через V, имеем $V = S$. Единицей измерения скорости дидактического процесса является единица учебной информации в секунду. Так, при чтении (по экспериментальным данным) информация обрабатывается со скоростями порядка 20–80 бит/с [6, с. 239].

Величина, которая характеризует действие на элемент дидактической системы, изменяющее объем усвоенной информации, называется силой дидактического воздействия. Примерами таких сил являются: сила дидактического воздействия обучающего, сила дидактического воздействия какого-либо технического средства обучения (ЭВМ, устройства контроля знаний и т.п.), сила сопротивления дидактическому процессу, сила забывания учебной информации, сила умозаключения.

Используя понятие силы дидактического воздействия, примем следующие аксиомы.

Аксиома 1. Сила дидактического воздействия какого-либо источника на элемент дидактического системы равна скорости изменения потока изучаемой информации за счет действия указанного источника.

Аксиома 2. При действии на элемент дидактической системы нескольких источников дидак-

 © Канкулова С.Х., 2011

тического воздействия одновременно силы дидактического воздействия складываются алгебраически.

Аксиома 3. Если какой-либо элемент дидактической системы действует на другой, то сила дидактического воздействия второго элемента на первый равна нулю.

Первая аксиома определяет силу дидактического воздействия как меру влияния одних элементов дидактической системы на другие. Из нее следует, что единица измерения силы дидактического воздействия совпадает с единицей измерения скорости потока изучаемой информации. Будем обозначать силу дидактического воздействия через Т. Примерами могут служить следующие выражения сил:

сила дидактического воздействия обучающего: $T_н = H$, $H=H(t)$ – поток сообщаемой информации;

сила сопротивления дидактическому процессу: $Tr = -rS$, где r – коэффициент сопротивления;

сила забывания учебной информации: $T= -fS$, f – коэффициент забывания;

сила умозаключения: $T_C=C\,S$, С – коэффициент умозаключения.

Вторая аксиома формирует правило сложения сил дидактических воздействий. Согласно этой аксиоме принимается, что источники дидактических воздействий на обучаемого не зависят друг от друга.

Из первых двух аксиом следует, что дидактические процессы описываются следующими уравнениями:

$$V_j = \sum_{i=1}^{n} T_{ji},\ (j = 1,2,...,k), \qquad (1)$$

где V_j – скорость дидактического процесса в j-м элементе дидактической системы; T_{ji} – сила дидактического воздействия на j-й элемент i-го источника; n – число источников дидактического воздействия; $к$ – число элементов дидактической системы.

Равенство (1), выражающее связь между скоростью дидактического процесса в каком-либо элементе дидактической системы и силами дидактических воздействий на него, называется основным уравнением дидактики.

Последнее говорит о том, что скорость дидактического процесса в каком-либо элементе дидактической системы равна алгебраической сумме всех сил дидактических воздействий на этот элемент.

Третья аксиома дидактики необходима для описания взаимодействий между элементами дидактических систем.

Основное уравнение дидактики позволяет решать задачи следующих типов:

1) считая поток информации известным, найти неизвестную силу дидактического воздействия;

2) считая все силы дидактического воздействия известными, найти вызываемый ими поток информации;

3) считая некоторые силы дидактического воздействия известными, а все другие – управляемыми, найти такие зависимости последних от времени, чтобы поток информации обладал характеристиками, заданными заранее.

Указанные типы задач называются, соответственно, первой, второй и третьей основными задачами дидактики.

Рассмотрим примеры применения изложенной выше теории.

Пример 1. Экспериментально установлено, что забывание информации человеком в первые часы после ее получения можно описать экспоненциальной функцией [7, с. 164]. Исходя из этого, найти выражение силы забывания. Вычислить показатель экспоненты, приняв, что (по экспериментальным данным) усвоенная информация за первые два часа уменьшается на 55% [8, с. 99].

Обозначим количество усвоенной информации к некоторому моменту времени, принимаемому за начальный, через S_0. Согласно экспериментальным данным изменение количества усвоенной информации вследствие забывания описывается уравнением

$$S = S_0 e^{-ft}, \qquad (2)$$

где f – постоянный коэффициент. На основании первой аксиомы дидактики получим

$$T_f = \dot{S} = -fS_0 e^{-ft} = -fS.$$

Для оценки величины f (коэффициент забывания) воспользуемся опытными данными. Имеем

$$S\big|_{t=0} = S_0,\ \ S\big|_{t=t_1=7200c} = 0{,}45S_0.$$

Подставив условия для $t=t_1$ в уравнение (2), получим $0{,}45 = e^{-ft_1}$, откуда $f = 1{,}1\cdot 10^{-4}c^{-1}$.

Пример 2. За промежуток времени t_1=3600 с обучающемуся удалось увеличить за счет умозаключения количество исходной информации на 10%. Считая силу умозаключения пропорциональной потоку усвоенной информации, найти ее выражение. Принять коэффициент забывания

постоянным и равным $10^{-4}c^{-1}$. Сопротивлением пренебречь.

Основное уравнение дидактики в рассматриваемом случае имеет вид

$$V=T_C+T_f.$$

Учитывая, что $V=\dot{S}$, $T_c=cS$, $T_f=-fS$, и вводя обозначение $C-f=m$, получим

$$\dot{S}=mS=0. \qquad (3)$$

Параметр m можно назвать коэффициентом усвоения.

Равенство (3) является линейным однородным дифференциальным уравнением первого порядка. Его решение имеет вид

$$S=S_0\,e^{mt}.$$

Подставив сюда конечные условия $S|_{t=t_1}=1{,}1S_0$, найдем $1{,}1=e^{mt_1}$, откуда $m=2{,}65\cdot10^{-5}c^{-1}$, $c=1{,}265\cdot10^{-4}c^{-1}$.

Таким образом, при указанных условиях $T_e=cS$, где коэффициент умозаключения с равен $1{,}265\cdot10^{-4}c^{-1}$.

Пример 3. Считая силу дидактического воздействия обучающего на обучаемого постоянной и равной $T_н$, а силы забывания и умозаключения обучаемого пропорциональными количеству усвоенной информации, найти выражения потока усвоенной информации. Соответствующие коэффициенты равны f и c. Сопротивлением пренебречь. Вычислить значения $T_н$ и c, приняв, что $f=3\cdot10^{-5}c^{-1}$ и что по оценкам при нулевой начальной информации к моменту времени t_1=2400 с обучаемый усвоил 240 стабов учебной информации, а к моменту времени t_2=4800 с – 280 стабов [1, с. 24].

Основное уравнение дидактики в рассматриваемом случае имеет вид

$V=T_H+T_c+T_f$, откуда

$$\dot{S}-mS=T, \qquad (4)$$

где $m=c-f$, $T_H=const$.

Проинтегрировав уравнение (4), найдем

$$S=-\frac{T_H}{m}+\left(S_0+\frac{T_H}{m}\right)e^{mt}, \qquad (5)$$

где S_0 – количество информации, усвоенной к началу рассматриваемого дидактического процесса.

Уравнение (5) является искомым. Если положить $S_0=0$, то оно примет форму

$$S=\frac{T_H}{m}+(e^{mt}-1). \qquad (6)$$

Для оценки величины силы дидактического воздействия коэффициента умозаключения воспользуемся экспериментальными данными [1, с. 24].

Судя по этим данным, к моменту времени t_1 =2400с было усвоено 210 стабов учебной информации, а к моменту t_2=4800с – 280 стабов. Подставив эти данные в уравнение (6) и решив полученную при этом систему уравнений относительно m и T_H, найдем $m=-45{,}78\cdot10^{-5}c^{-1}$, $c=-42{,}78\cdot10^{-5}c^{-1}$, $T_н=0{,}144$ стаб/с.

Пример 4. Сила забывания и сила умозаключения обучаемого пропорциональны потоку усвоения информации, причем коэффициент забывания f постоянен, а коэффициент умозаключения в течение занятия продолжительностью т секунд меняется согласно равенству $c=C\sin kt$, где $C=const$, $k=\pi\tau^{-1}$. Сила дидактического воздействия обучающего на обучаемого является непрерывной функцией времени и описывается уравнениями:

$$T_H=\begin{cases} a_1t-a_2t^2 & \text{при } 0\le t<t_1 \\ T_{\max} & \text{при } t=t_1 \\ a_3(\tau-t)-a_4(\tau-t)^2 & \text{при } t_1<t\le\tau, \end{cases}$$

где a_1, a_2, a_3, a_4 – постоянные коэффициенты.

Считая максимальное значение силы T_H известным и исходя из условия, согласно которому скорость потока усвоенной информации не превышает величины $V_{max}=0{,}8\,T_{max}$, найти такие значения a_1, a_2, a_3, a_4, при которых количество усвоенной к концу занятия информации максимально. Сопротивлением пренебречь.

Оценку полученного результата провести при следующих числовых исходных данных: τ=5400с, S_0=0, f=0,00022с$^{-1}$, C=0,00014с$^{-1}$, $T_{max}=1$ед. уч.инф./с.

Основное уравнение дидактики запишем в форме

$$V=T_H+T_e+T_f \qquad (7)$$

Учитывая, что $T_e=cS$, $Tf=-fS$, и используя обозначение $c-f=m$, перепишем уравнение (7) в виде:

$$\dot{S}=mS=T. \qquad (8)$$

Равенство (8) является линейным неоднородным дифференциальным уравнением первого порядка с переменными коэффициентами. При условии $S|_{t=0}=0$ его решение, как известно, выра-

жается функцией

$$S = z(t)\int_0^t T_H / z(t)dt, \text{ где } z(t) = \exp\int_0^t m(t)dt .$$

Подставляя сюда задание выражения m и T_H, найдем, что на промежутке $[0, t_1]$ поток усвоенной информации выражается функцией

$$S = e^{-x}\int_0^t (a_1 t - a_2 t^2)e^x dt ,$$

а на промежутке $[t_1, \tau]$ – функцией

$$S = S_1 + e^{-x}\int_{t_1}^t \left[a_3(\tau - t) - a_4(\tau - t)^2\right]e^y dt ,$$

где $x = ft + (C/k)coskt$, $y = f(\tau\text{-}t) + (C/k)cosk(\tau\text{-}t)$,

S_1 – значение S при $t=t_1$.

Учитывая, что при $T_H=T_{max}$ при $t=t_1$ и $T_н=0$ при $t=0$, и полагая T_{max} равным единице, установим, что коэффициенты a_1, a_2, a_3, a_4 можно представить равенствами:

$$a_1 = \frac{2}{t_1},\ a_2 = \frac{1}{t_1^2},\ a_3 = \frac{2}{\tau - t_1},\ a_4 = \frac{1}{(\tau - t_1)^2}.$$

Теперь рассматриваемая задача сводится к определению такого значения момента времени t_1, принадлежащего промежутку $[0, \tau]$, которое при условии $(S)_{max} \le 0{,}8$ обеспечивает максимальное значение S при $t=\tau$.

Решение найдено перебором возможных вариантов на ЭВМ. Он показал, что искомым является значение t_1, равное 64 мин.

Библиографический список

1. *Авчухова Р.Э.* Некоторые модельные представления при исследовании системы уравнения процессов обучения: Дис. … канд. техн. наук. – Рига, 1974. – С. 24, 66.

2. *Ительсон Л.Б.* Математические и кибернетические методы в педагогике. – М., 1964.

3. *Леонтьев Л.П., Гохман О.Г.* Проблема управления учебным процессом: Математические модели. – Рига, 1984. – С. 23, 70.

4. *Архангельский С.И.* Лекции по теории обучения в высшей школе. – М., 1974. – С. 239.

5. *Шанталова В.А.* Измерение учебной информации, изложенной в течение одной лекции // Научная организация учебного процесса и применение автоматизированных управляющих и обучающих систем в вузах Латвийской ССР. – Рига, 1982. – С. 25–32.

6. *Беспалько В.П.* Основы теории педагогических систем. – Воронеж, 1977. – С. 239.

7. *Кунисевич Ч.* Основы общей дидактики / Пер. с польского О.В. Долженко. – М., 1986. – С. 164.

8. *Невельский П.Б.* Объем памяти и количество информации // Проблема инженерной психологии. – Л., 1965. – Вып. 3. – С. 99.

УДК 378

Морозова Ирина Михайловна,
Кулагина Юлия Александровна
Пензенская государственная технологическая академия
Julafina@mail.ru

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭЛЕМЕНТОВ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье раскрыты компоненты, критерии и уровни оценки эффективной подготовки педагогов профессионального обучения к организации образовательного процесса с применением элементов технологий дистанционного обучения в средних специальных учебных заведениях.

Ключевые слова: *критерии оценки, компетенции в области дистанционного обучения, уровни подготовки, технологии дистанционного обучения.*

Одной из важнейших задач высшего педагогического образования на современном этапе развития общества стала подготовка будущих педагогов к педагогической деятельности в системе дистанционного обучения для учебных заведений высшего и среднего профессионального образования [2]. Несмотря на возрастающее количество публикаций, посвященных данной проблеме, в них не представлена четкая схема подготовки.

Именно поэтому для решения задач образования в условиях информатизации необходимо сформировать у будущего педагога профессионального обучения готовность к реализации тех-

© Морозова И.М., Кулагина Ю.А., 2011

нологий дистанционного обучения, которая в ближайшее время станет одним из важнейших компонентов готовности педагога к профессиональной деятельности в условиях информатизации общества и образования [1].

Проанализировав ФГОС ВПО третьего поколения по направлению подготовки 051000 «Профессиональное обучение (по отраслям)», мы находим в перечне компетенций, которыми должен обладать выпускник по направлению подготовки 050100 «Профессиональное обучение (по отраслям)» с квалификацией «бакалавр», наличие следующей компетенции: готов к организации образовательного процесса с применением интерактивных, эффективных технологий подготовки рабочих (специалистов) (ПК-27).

Для формирования данной компетенции нами была разработана модель организации подготовки педагогов профессионального обучения к использованию элементов технологий дистанционного обучения в учебном процессе средних специальных учебных заведений.

Наиболее сложным блоком любой модели является оценочно-результативный блок. Рассмотрим его подробнее.

Оценочно-результативный блок включает три уровня подготовки: низкий (теоретический), средний (практический) и высокий (профессиональный).

Каждый из уровней оценивается по трем компонентам:

– мотивационный компонент показывает, насколько должны быть замотивированы студенты для работы в системе дистанционного обучения на каждом из уровней подготовки;

– деятельностно-когнитивный компонент показывает, насколько должны быть сформированы знания, умения и владения для осуществ-

Таблица 1

Компетенции педагога в области дистанционного обучения, формируемые на теоретическом этапе подготовки

№ п\п	Компетенции в области дистанционного обучения	Знания, умения и владения
		Мотивационный компонент
1.	Осознает личностную заинтересованность в освоении технологий дистанционного обучения.	**Знает** требования ФГОС ВПО к выпускникам, с точки зрения их компетентности в условиях информатизации общества и образования; **Умеет** проводить сравнительный анализ деятельности педагога традиционного и дистанционного обучения, видеть плюсы и минусы дистанционного обучения; **Владеет** информацией о необходимости изучения технологий дистанционного обучения.
		Деятельностно-когнитивный компонент
1.	Имеет целостное представление о специфике дистанционного обучения.	**Знает** особенности и теоретико-методологические аспекты дистанционного обучения, понимает роль педагога в системе дистанционного обучения; **Умеет** видеть отличия технологии дистанционного обучения от других педагогических технологий, проводить сравнительный анализ деятельности и функций педагога традиционного и дистанционного обучения; **Владеет** информацией об особенностях технологии дистанционного обучения.
		Рефлексивный компонент
1.	Способен организовать рефлексию педагогической деятельности в системе дистанционного обучения.	**Знает** особенности основных методик анализа педагогической деятельности в системе дистанционного обучения; **Умеет** адекватно и критически подходить к диагностике уровня сформированности компетенций в области дистанционного обучения с помощью предложенных методик; **Владеет** практическим опытом проведения рефлексии собственных достижений в области теоретических аспектов дистанционного обучения.

Таблица 2

Компетенции педагога в области дистанционного обучения, формируемые на практическом этапе подготовки

№ п\п	Компетенции в области дистанционного обучения	Знания, умения и владения
		Мотивационный компонент
1.	Готов к освоению методик создания элементов технологий дистанционного обучения.	**Знает** необходимость создания и применения в учебном процессе элементов дистанционных технологий; **Умеет** активизировать учебную деятельность по созданию элементов дистанционных технологий; **Владеет** способностью актуализировать и активизировать знания, умения и владения по созданию элементов технологий ДО.
		Деятельностно-когнитивный компонент
1.	Способен самостоятельно работать на компьютере, с электронной почтой и ресурсами Интернет.	**Знает** технологию работы с компьютерными программами, с электронной почтой, с ресурсами сети Интернет; **Умеет** самостоятельно работать с компьютерными и информационно-справочными, обучающими программами, умеет осуществлять взаимодействие с помощью электронной почты, осуществлять поиск информации в поисковых системах Интернет, работать с ресурсами электронных библиотек и образовательных порталов, а также пользоваться электронными учебно-методическими материалами; **Владеет** практическими навыками работы с компьютерными и информационно-коммуникативными технологиями.
2.	Готов к созданию элементов технологий дистанционного обучения в учебной деятельности.	**Знает** основные алгоритмы, технологии и методики создания элементов дистанционных технологий; **Умеет** создавать и пользоваться элементами дистанционного обучения в учебном процессе; **Владеет** практическими умениями и навыками создания элементов дистанционного обучения.
		Рефлексивный компонент
1.	Готов анализировать и корректировать результаты своей деятельности.	**Знает** суть психолого-диагностических методик проведения рефлексии; **Умеет** правильно подбирать методики для анализа, своевременно проводить рефлексию своей деятельности и корректировать результаты этой деятельности; **Владеет** практическими навыками подбора методик для организации рефлексии в системе дистанционного обучения, анализа собственных результатов и их коррекции.

ления работы с дистанционными технологиями в учебном процессе средних специальных учебных заведений на каждом уровне подготовки;

– рефлексивный компонент показывает, насколько должны быть сформированы компетенции в области рефлексии педагогической деятельности у студентов, готовых к применению элементов дистанционных технологий на каждом уровне подготовки.

Каждый уровень оценивается по ряду определенных нами критериев оценки, выраженных в компетенциях педагога. Рассмотрим каждый из уровней.

1. Низкий (теоретический).

Основными задачами этого уровня подготовки являются:

– формирование мотивации студентов специальности 051000 «Профессиональное обучение (по отраслям)» к освоению технологий дистанционного обучения;

– познание особенностей дистанционного обучения, роли педагога в системе дистанционного обучения и специфики работы с дистанционными технологиями.

На данном уровне подготовки у будущих педагогов должны быть сформированы следующие компетенции (табл. 1).

Таблица 3

Компетенции педагога в области дистанционного обучения, формируемые на профессиональном этапе подготовки

№ п\п	Компетенции в области дистанционного обучения	Знания, умения и владения
	Мотивационный компонент	
1.	Владеет устойчивой мотивацией к использованию элементов дистанционных технологий в своей будущей профессиональной деятельности.	**Знает** необходимость использования технологий дистанционного обучения в учебном процессе ССУЗов; **Умеет** своевременно и быстро активизировать и актуализировать умения и владения для создания и использования элементов дистанционного обучения в учебно-профессиональной деятельности; **Владеет** способностью активизировать практический опыт по разработке и использованию элементов дистанционных технологий в профессиональной деятельности**.**
	Деятельностно-когнитивный компонент	
1.	**Научно-исследовательская деятельность** Способен организовать учебно-исследовательскую работу обучающихся с применением элементов дистанционных технологий.	**Знает** процесс организации учебно-исследовательской деятельности с помощью дистанционных технологий; **Умеет** организовывать и принимать участие в заочных теле- и видеоконференциях, Интернет-конференциях, семинарах, дискуссиях и других научно-практических мероприятиях, осуществлять поиск информации и готовить доклады для выступления с применением элементов дистанционных технологий; **Владеет** практическим опытом организации и участия в заочных и виртуальных научно-практических мероприятиях с использованием дистанционных технологий.
2.	**Организационно-технологическая деятельность** Готов к организации образовательного процесса с применением интерактивных, дистанционных, эффективных технологий подготовки специалистов.	**Знает** методику организации образовательного процесса с применением элементов дистанционных технологий; **Умеет** организовывать практическое и теоретическое обучение с помощью элементов дистанционных технологий и в системе дистанционного обучения; **Владеет** практическим опытом организации образовательного процесса с применением элементов дистанционного обучения.
3.	**Коммуникативная деятельность** Способен моделировать стратегию и технологию общения для решения конкретных профессионально-педагогических задач в системе дистанционного обучения.	**Знает** психологические и педагогические особенности общения с обучающимися в системе дистанционного обучения**;** **Умеет** налаживать связь между участниками процесса ДО и поддерживать связь с ними регулярно и постоянно, моделировать стратегию и технологию общения в конкретной ситуации в системе дистанционного обучения; **Владеет** практическими навыками общения в системе дистанционного обучения.

Окончание таблицы 3

4.	Готов к оказанию индивидуальной консультативной помощи обучающихся с тем, чтобы помочь ему максимально эффективно управлять собственным обучением в системе дистанционного обучения.	**Знает** технологию организации и проведения консультативной деятельности; **Умеет** своевременно оказать индивидуальную консультативную помощь обучающимся на очных встречах и в процессе заочного дистанционного общения; **Владеет** практическим опытом проведения индивидуальных очных и дистанционных консультаций.
5.	**Образовательно-проектировочная деятельность** Способен проектировать и оснащать образовательно-пространственную среду для теоретического и практического обучения специалистов в системе дистанционного обучения.	**Знает** методические аспекты разработки, анализа учебно-методической информации, подбора и проектирования методов, форм и дидактических средств для теоретического и практического обучения в системе дистанционного обучения; **Умеет** проектировать комплекс дидактических средств, методов и форм теоретического и практического обучения, конструировать содержание учебного материала, разрабатывать и корректировать учебно-методическую информацию собственного курса для системы дистанционного обучения; **Владеет практическим опытом** проектирования и оснащения образовательно-производственной среды теоретического и практического обучения в системе дистанционного обучения (с применением элементов дистанционных технологий).
Рефлексивный компонент		
1.	Готов быстро реагировать на нововведения в системе дистанционного обучения и способен своевременно их внедрить в учебный процесс.	**Знает** психолого-педагогические методики рефлексии педагогической деятельности в системе дистанционного обучения; **Умеет** анализировать плюсы и минусы нововведений, эффективно использовать их в своей профессиональной деятельности; **Владеет** практическим опытом отслеживания результативности внедрения нововведений.
2.	Готов помочь обучающемуся осознать как затруднения, так и позитивный опыт и результаты в процессе обучения в системе дистанционного обучения.	**Знает** методики диагностики результатов деятельности обучающихся; **Умеет** показать студентам их успехи и неудачи и предложить пути их устранения либо дальнейшего усовершенствования; **Владеет** практическим опытом анализа и коррекции результатов деятельности обучающихся в процессе обучения с использованием технологий дистанционного обучения.

Для достижения поставленных результатов на теоретическом (низком) этапе подготовки необходимо:

1. Изучить теоретико-методологические аспекты дистанционного обучения.

2. Организовать учебный процесс студентов с использованием элементов технологий дистанционного обучения через процесс внедрения элементов дистанционных технологий в процесс изучения дисциплин основной образовательной программы по направлению 051000 «Профессиональное обучения (по отраслям)» (Педагогические технологии, Общая и профессиональная педагогика, Введение в педагогическую специальность, Методика профессионального обучения, Психолого-педагогическая диагностика, Психология профессионального обучения и др.).

3. Разработать и внедрить в учебный процесс студентов специальности «Профессиональное обучение (по отраслям)» теоретико-информационный блок по изучению психолого-педагогических методик рефлексии педагогической деятельности в области дистанционного обучения через программу индивидуальной работы в ходе изучения отдельных дисциплин основной образовательной программы специальности (психология профессионального обучения, психолого-педагогическая диагностика, методика профессионального обучения).

2. Средний (практический).

Основными задачами этого уровня подготовки являются:

– формирование мотивации студентов специальности 051000 «Профессиональное обучение (по отраслям)» к созданию элементов технологий дистанционного обучения;

– развитие практических умений по овладению студентами создания и применения элементов дистанционных технологий в процессе обучения.

На среднем уровне подготовки у будущих педагогов должны быть сформированы следующие компетенции (табл. 2).

Для достижения поставленных результатов на практическом (среднем) этапе подготовки необходимо:

1. Активизировать деятельность студентов специальности 051000 «Профессиональное обучение (по отраслям)» в создании элементов технологий дистанционного обучения в образовательном процессе академии и кафедры «Педагогика и психология» (в ходе выполнения учебной и научно-исследовательской деятельности совместно с преподавателями, а также индивидуальной творческой работы).

2. Внедрить элементы технологий дистанционного обучения в учебный процесс будущих педагогов профессионального обучения.

3. Разработать и внедрить в процесс обучения будущих педагогов факультативный курс «Технологии дистанционного обучения», направленный на формирование у них ключевых компетенций в области дистанционного обучения.

3. Высокий (профессиональный).

Основными задачами высокого уровня подготовки являются:

– формирование устойчивой мотивации студентов специальности 051000 «Профессиональное обучение (по отраслям)» к использованию элементов технологий дистанционного обучения в учебном процессе средних специальных учебных заведений;

– формирование профессионального опыта в области создания и применения элементов дистанционных технологий в образовательном процессе учреждений среднего профессионального образования.

На высоком уровне подготовки у будущих педагогов должны быть сформированы следующие компетенции (табл. 3).

Для достижения поставленных результатов на профессиональном (высоком) этапе подготовки необходимо:

1. Обеспечить тесную и постоянную связь учебного процесса вуза с учреждениями среднего профессионального образования через педагогическую практику студентов специальности 051000 «Профессиональное обучение (по отраслям)», а также взаимосвязь с учетом запланированных практических и лабораторных занятий факультативного курса «Технологии дистанционного обучения».

2. Предоставить возможность студентам-практикантам выполнять роли тьютора (консультанта, преподавателя-предметника, методиста, проектировщика, организатора, автора курсов) на учебных занятиях в средних специальных учебных заведениях.

Библиографический список

1. *Закотнова П.В.* Подготовка преподавателей вуза к деятельности в системе дистанционного обучения: Дис. … канд. педагогических наук. – Омск, 2004.

2. *Синьковская Т.А.* Проблема готовности будущего учителя информатики к использованию технологий дистанционного обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ict.edu.ru/.

УДК 372.08

Стакина Елена Сафаровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
stakinaes@yandex.ru

ПОСТРОЕНИЕ ФРАКТАЛЬНЫХ МНОЖЕСТВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

В данной статье представлены способы построения фрактальных множеств, указано, каким образом следует организовать обучение фрактальной геометрии, чтобы направить его на развитие информационных компетенций студентов.

Ключевые слова: *информациооная компетенция, фрактальное множество, L – система, множество Жюлиа.*

В последнее время исследователи всё чаще обращаются к проблеме формирования компетентности. Не удивительно, что современные работодатели заинтересованы в компетентных специалистах, которые готовы работать в быстроизменяющихся условиях окружающего мира, могут ориентироваться в постоянно нарастающем потоке информации и принимать верные решения.

Одной из профессиональных компетенций бакалавра по направлению подготовки «Прикладная математика и информатика» является информационная компетенция, которая включает умения самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее [3].

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по направлению подготовки «Прикладная математика и информатика» (от 20.05.10) в составе информационной компетенции можно выделить: способность приобретать новые научные и профессиональные знания, используя современные образовательные и информационные технологии; способность решать задачи производственной и технологической деятельности на профессиональном уровне, включая: разработку алгоритмических и программных решений в области системного и прикладного программирования; способность применять в профессиональной деятельности современные языки программирования [2].

По нашему мнению, данный вид компетенций будет подлежать формированию в процессе выполнения студентами следующих заданий.

Таблица 1

Описание аксиомы и порождающего правила фрактала «салфетка» с помощью L – систем

Аксиома (AXIOM)	F+F+F+F
Порождающее правило (NEWF)	F-F+F
Начальный угол (α')	0^0
Угол поворота (o)	90^0

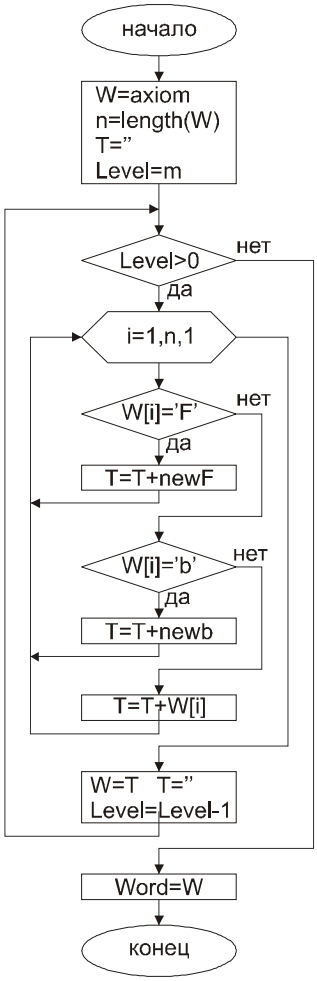


Рис. 1. Блок-схема реализации L – систем

© Стакина Е.С., 2011

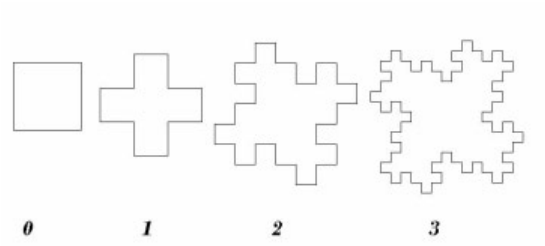


Рис. 2. Фрактальное множество «Салфетка»

1. Построение фракталов с помощью L – систем.

Задания данного типа заключаются в следующем: чтобы построить определенное фрактальное множество необходимо, во-первых, создать таблицу, в которой должны быть указаны аксиома, порождающее правило, начальный угол и угол поворота; во-вторых, на основе этой таблицы построить блок–схему, и, в-третьих, используя какой-либо из языков программирования (к примеру Turbo-Pascal), рассмотреть несколько итераций данного фрактального множества. То есть работа по построению фрактальных множеств с помощью L – систем осуществляется в три этапа.

Рассмотрим на примере (см. табл. 1).

После реализации полученной блок-схемы [1] (рис. 1) с помощью компьютера можно получить несколько итераций данного фрактала (рис. 2).

На втором и третьем этапе учащиеся самостоятельно разрабатывают алгоритмы создания фрактальных множеств и используют их в определенных средах программирования. Создавая некоторые классические фракталы (по образцу) и собственные фрактальные множества, студенты развивают свои навыки и способности в области алгоритмических и программных решений,

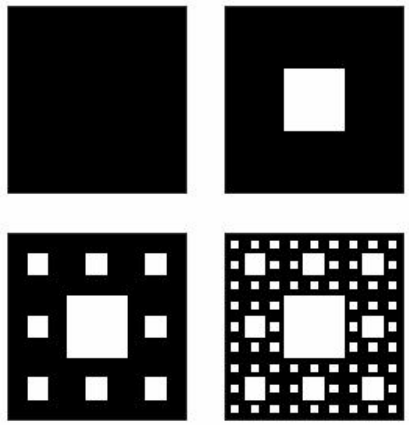


Рис. 3. Ковёр Серпинского

таким образом, происходит формирование информационных компетенций.

2. Построение фрактальных множеств с помощью сжимающих аффинных преобразований.

Допустим, что на плоскости введена прямоугольная координатная система. Тогда каждой точке А ставится в соответствие упорядоченная пара чисел (x, y) ее координат. Вводя на плоскости еще одну прямоугольную систему координат, мы ставим в соответствие той же точке А другую пару чисел – (x’, y’).

Переход от одной прямоугольной координатной системы на плоскости к другой описывается следующими соотношениями: $x_{n+1} = ax_n + by_n + e$; $y_{n+1} = cx_n + dy_n + f$, где a, b, c, d, e, f – определенные вещественные числа. Данные формулы понимаются в том смысле, что изменяется точка и со-

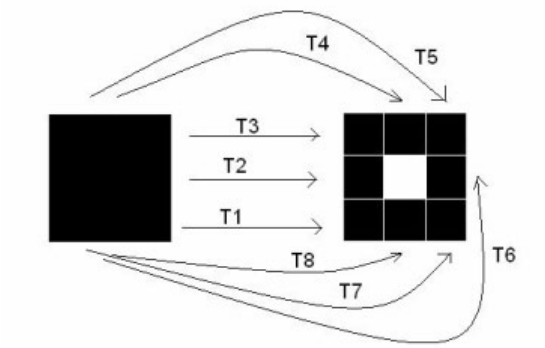


Рис. 4. Схема построения ковра Серпинского методом аффинных преобразований

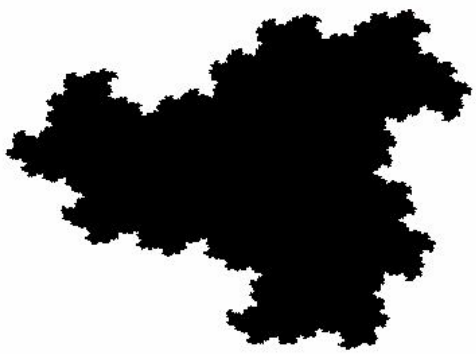


Рис. 5. Заполняющее множество Жюлиа для функции $f(z) = z^3 + 0.5 + 0.3i$

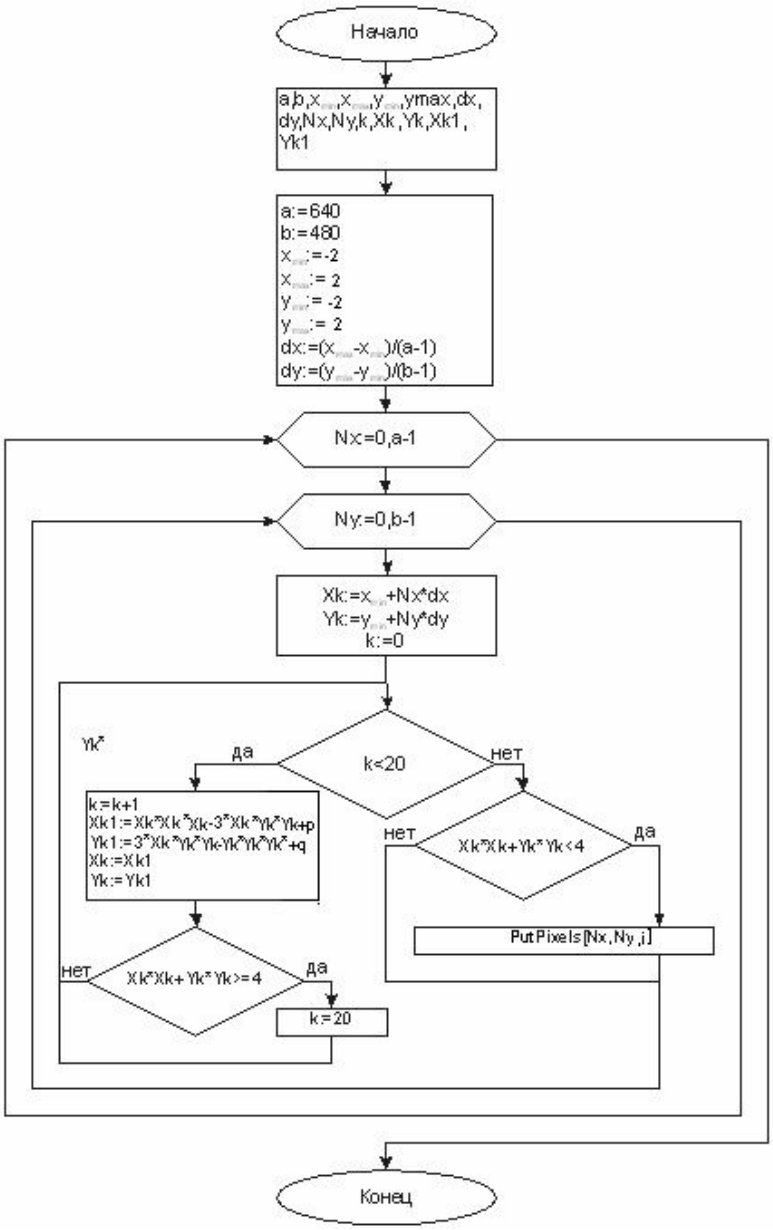


Рис. 6. Блок-схема построения заполняющего множества Жюлиа для функции $f(z) = z^3 + c$

храняется координатная система, а формулы задают отображение, переводящее произвольную точку $A(x_n, y_n)$ в точку $A'(x_{n+1}, y_{n+1})$, координаты которой определены в той же координатной системе [1].

Аффинные преобразования можно представить в матричной форме:

$$\begin{pmatrix} x_{n+1} \\ y_{n+1} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a & b \\ c & d \end{pmatrix} \begin{pmatrix} x_n \\ y_n \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} e \\ f \end{pmatrix}.$$

Рассмотрим применение аффинных преобразований на примере построения ковра Серпинского (рис. 3).

Для построения использовались восемь сжимающих аффинных преобразования, каждое из которых переводит исходный квадрат в соответствующие квадраты (см. рис. 4).

$$T_1 \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix};$$

$$T_2\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0 \\ 1/3 \end{pmatrix};$$

$$T_3\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0 \\ 2/3 \end{pmatrix};$$

$$T_4\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 1/3 \\ 2/3 \end{pmatrix};$$

$$T_5\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 2/3 \\ 2/3 \end{pmatrix};$$

$$T_6\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 2/3 \\ 1/3 \end{pmatrix};$$

$$T_7\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 2/3 \\ 0 \end{pmatrix};$$

$$T_8\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1/3 & 0 \\ 0 & 1/3 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 1/3 \\ 0 \end{pmatrix}.$$

Далее студентам также предлагается разработать компьютерные алгоритмы построения фрактальных множеств, полученных с помощью сжимающих аффинных преобразований. Как известно, компьютерные модели более наглядно представят нам последующие фрактальные итерации. Таким образом, студенты знакомятся с новым способом построения фрактальных множеств, при этом вырабатываются умения структурировать информацию, создавать алгоритмы; закрепляются навыки работы с языком программирования Turbo Pascal.

3. Построение фрактальных множеств на комплексной плоскости.

Множество Жюлиа для функции комплексного переменного $f(z)$, обозначаемое $J(f)$, определяется как $J(f) = \partial\{z : f^{(n)}(z) \to \infty, n \to \infty\}$, где ∂ – граница области притяжения бесконечности, а $f^{(n)}(z) = f(f^{(n-1)}(z)), n = 1, 2, \ldots$. Заполняющее множество Жюлиа состоит из точек, орбиты которых пойманы, в отличие от границы этого множества, являющейся настоящим множеством Жюлиа [1].

Студентам предлагается рассмотреть кубические функции комплексного переменного $f(z) = z^3 + c$, где c – произвольный параметр (рис. 5).

Студенты получают задание построить заполняющее множество Жюлиа в среде программирования Turbo Pascal и проследить, как влияет на его изображение изменение параметра с. Блок-схема, описывающая алгоритм, изображена на рисунке 6.

Таким образом, студенты закрепляют навыки работы с языками программирования, развивают исследовательские способности и закрепляют умения сравнивать, обобщать и анализировать информацию.

Изучение фрактальных множеств дает прекрасные возможности для формирования информационных компетенций студентов: во-первых, они приобретают новые научные и профессиональные знания, используя ИКТ; во-вторых, студенты разрабатывают алгоритмические и программные решения в области прикладного программирования, то есть развивают способности решать задачи на профессиональном уровне; в-третьих, закрепляют навыки работы с современными языками программирования. Обучение фрактальной геометрии открывает большие возможности для развития профессиональных компетенций будущих бакалавров по направлению подготовки «Прикладная математика и информатика» в целом.

Библиографический список

1. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств: Учеб. пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 56–61.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 010400 «Прикладная математика и информатика» (от 20.05.2010). – С. 8–12.

3. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. – 2003. – №2. – С. 58–64.

УДК 378:343.8

Салахова Валентина Борисовна
Ульяновский государственный университет
Vell8686@mail.ru

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ*

В статье представлены результаты исследования проблемы исправления и перевоспитания личности осужденных в современной уголовно-исполнительной системе. Выделены противоречия и предложена альтернатива их решения в рамках методов и подходов пенитенциарной системы. Дана характеристика учебно-профессиональной деятельности в системе исполнения наказания.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, пенитенциарная система, исправление и перевоспитание осужденных, учебно-профессиональная деятельность.*

В современном российском обществе, наряду с экономическими, социальными и политическими трудностями, отмечается значительный рост преступности. В связи с этим увеличивается число осужденных за различные виды преступлений. Сложившаяся в стране пенитенциарная система во многом унаследовала от прошлого традиционные методы работы с осужденными, которые в целом характеризуются карательной направленностью. В действительности такой односторонний подход к исправлению осужденных не дает значимого эффекта, так как не вызывает существенных продуктивных изменений в деформированной личности преступника. Более того, может порождать социальную отчужденность, агрессивность, тревожность, негативное отношение к обществу и его правовым и нравственным нормам.

В связи с этим возникает потребность в смене требований к органам, исполняющим уголовное наказание. Практические структуры, осуществляющие работу, направленную на индивидуальную профилактику преступлений, исправление и перевоспитание осужденных, должны иметь комплекс необходимых программ, методов, форм и средств воздействия для эффективного обеспечения возвращения осужденных к законопослушному поведению. От степени разработанности представленного комплекса воздействия зависит эффективность всей системы индивидуально-профилактической деятельности и во многом состояние преступности в целом.

Уголовное наказание является не только карой за совершенное преступление, оно также служит исправлению и перевоспитанию личности преступника, а также предупреждению совершения новых преступлений. В юридической и психологической литературе, массовом сознании формируется мнение, что пенитенциарные учреждения не справляются с решением вышеперечисленных задач. Высказываются утверждения, что лишение свободы не является надежным средством сдерживания преступного поведения среди лиц, отбывающих наказание. Практическим подтверждением этому служит постоянный рост преступности, увеличение количества рецидивов.

Объяснение неэффективности пенитенциарных учреждений, на наш взгляд, можно найти в том, что в процессе отбывания наказания осужденный приобретает негативные черты, проявляющиеся в склонности к насилию, корысти, неповиновению, тунеядству, неуважению к обществу и т.д. Причины такой перестройки могут быть связаны с недостаточной проработанностью методов организации служб, исполняющих наказание, а также с непрерывным укреплением и дальнейшим развитием сформированного ранее преступного стереотипа поведения личности осужденного в условиях лишения свободы. Однако факторы, оказывающие влияние на делинквентную личность, несомненно, имеют более разнообразный и широкий спектр. Еще недостаточно изучено влияние изоляции на психику человека, неоднозначно определяются характерологические особенности осужденного и степень воздействия на них режима, наказания и трудовой деятельности в условиях лишения свободы. Не дано объяснение того, в силу каких субъективных или объективных причин происходит перестройка в структуре личности осужденного, какие изменения претерпевает подструктура опыта. Отсутствуют надежные критерии оценки эффективности воздействия и груп-

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК № П2408.

© Салахова В.Б., 2011

пового взаимодействия осужденных между собой и администрацией. Данные факты свидетельствуют о том, что методы, направленные на исправление и перевоспитание личности, совершившей преступление, не только не учитывают вышеперечисленные проблемы, но и не приводят к непосредственному результату.

Таким образом, остро встает проблема поиска дополнительных средств воздействия на личность осужденного с целью ее исправления и перевоспитания в условиях исполнения наказания. Исследование данной проблемы и предложение альтернативных путей ее решения требуют предшествующего анализа структуры личности осужденного в условиях исправительного учреждения.

Проблема такого феномена, как личность, ее структура и природа организации, компонентный состав и влияние на поведение и деятельность человека по-разному представлены в концепциях психологических теорий личности и достаточно известны. В нашем исследовании необходимо обратить пристальное внимание на характеристики личности, которые, согласно той или иной концепции, входят в ее структуру.

Итак, исходя из научных исследований, проведенных в разное время, в той или иной научной парадигме, мы можем сказать, что общепризнанной характеристикой личности, входящей в ее структуру, является направленность деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов, В.Н. Мясищев и др.), а также ценностные ориентации – как составляющая направленности личности (В. Штерн, Б.Г. Ананьев, Б.Г. Ломов, Л.И. Анцыферова и др.). Важными качествами личности являются коммуникативные свойства, способности (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова и др.). К числу важнейших качеств личности относят самооценку (А. Бандура, К. Левин, К. Роджерс и др.), с которой связан уровень притязаний, потребность в достижениях (К. Левин, В.Н. Мясищев и др.). Существенными в структуре личности считают свойства экстраинтроверсии (К.Г. Юнг, Г. Айзенк, Б.Г. Ананьев). Значимость включения интеллектуальных свойств в структуру личности отмечали К.Г. Юнг, Э. Эриксон, А. Бандура, Дж. Келли, В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, Б.Г. Ананьев, К.К. Платонов и др. На локус контроля как личностную черту указывали Дж. Роттер, Л.И. Анцыферова.

Таким образом, проведенный анализ теорий личности, различных подходов к толкованию ее структуры и входящих в нее структурных компонентов позволили выделить в качестве сопутствующих личностному развитию и изменению в процессе человеческой деятельности такие личностные качества, как направленность личности, ценностные ориентации, коммуникативные способности, самооценка, потребность в достижениях, интеллектуальные способности и самоконтроль. Деятельность в данном случае рассматривается в качестве основного средства развития и изменения вышеперечисленных личностных качеств. Но возникает вопрос: любой ли вид деятельности приводит к данным результатам? Здесь нельзя не упомянуть общеизвестное положение Л.С Выготского о том, что именно обучение как деятельность приводит к развитию и изменению личности в целом (Л.С. Выготский, 1984).

Для более глубокого понимания проблемы профессионализации личности с позиции ее развития и изменения, мы обратились к основным положениям целостных концепций, раскрывающих все звенья механизма получения высшего профессионального образования как самостоятельного процесса.

В рамках концепции, разработанной Т.В. Кудрявцевым, учебно-профессиональная деятельность рассматривается как целостный процесс обретения профессиональной и *социальной зрелости личности.* Следовательно, данный процесс влечет за собой длительные, динамичные и многоуровневые изменения в структуре личности индивида.

Главной задачей концепции А.Т. Ростунова является создание эффективной системы управления формированием профессионализации личности. Основным понятием в его концепции является понятие «профессиональная пригодность», которое он рассматривает как некую систему, состоящую из четырех взаимосвязанных подсистем: профориентация, профотбор, профподготовка и профадаптация. Каждая подсистема, в свою очередь, имеет несколько подсистем (блоков) более низкого ранга, которые обеспечивают функционирование как соответствующих подсистем, так и системы в целом, детерминируя процессы развития личности.

Наиболее интересной, на наш взгляд, представляется концепция профессионального развития личности Ю.П. Поваренкова. Результаты экспериментального исследования, проведенного этим автором, свидетельствуют о том, что стадия

профессионального обучения делится на два периода: учебно-академический и учебно-профессиональный. На первом формируется учебная деятельность, адекватная университетским требованиям, и личность студента; на втором начинают закладываться основы личности профессионала, психологическая система профессиональной деятельности, что приводит в конечном итоге к развитию личности индивида, к ее перестройке (Ю.П. Поваренков, 2003).

Как видно из литературы, посвященной проблемам исследования субъекта различных форм профессиональной активности и профессионализации в целом, в процессе обучения профессиональной деятельности ведущие элементы психологической структуры личности в ее качественном и количественном составе претерпевают значительные изменения, что было также подтверждено Ю.П. Поваренковым и другими учеными. Это доказывает сам факт влияния образовательного процесса на мотивационную сферу личности (направленность, потребности, интересы, мотивы и т.д.); способности личности (общие и специальные способности, одаренность, познавательные и психомоторные способности); характер и темперамент (устойчивые черты личности, описываемые с содержательной и динамической сторонами); опыт личности (знания, умения, привычки и т.д.); самосознание личности (структура и уровни Я-концепции, самопознание и самооценка, самоконтроль и само регуляция и т.д.) [3, с.5–44].

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной литературы (Ф. Парсонс, Г. Эббингауз, К. Ховланд, Д. Сьюпер, Дж. Гилфорд, Дж. Голланд, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков, А.Г. Асмолов, Е.А. Климов, Н.П. Ерастов, Г.В. Суходольский, К.А. Абульханова-Славская, А.К. Маркова, Ю.П. Поваренков и др.) доказывает влияние учебно-профессиональной деятельности на развитие личности в целом. А процесс профессионального становления личности приводит к изменениям определенных компонентов в ее структуре (переориентация направленности личности, смена системы ценностных установок, изменение самооценки и др.).

Но правомерно ли говорить о том, что происходящие изменения в структуре личности в процессе получения высшего образования могут способствовать перевоспитанию и исправлению личности осужденного в условиях исполнения наказания? Поиск ответа на данный вопрос определил направление нашего дальнейшего исследования.

Представляется необходимым привести анализ существующих подходов к исправлению и перевоспитанию личности осужденного, а также методов, реализующих данный процесс. Целью данного анализа является методологическая обоснованность выбора учебно-профессиональной деятельности как средства, способствующего исправлению и перевоспитанию личности.

Существует множество подходов к рассмотрению данной проблемы. Так, Ю.В. Жулева определяет исправление осужденного как «возобновление или повторность действия» и как противодействие социальной деградации личности. Далее она говорит о ресоциализации в смысле социальной адаптации, рассматривая в частности и процесс исправления. Т. Предов определяет исправление и перевоспитание личности осужденного как целенаправленный процесс, управляемую нравственно-психологическую подготовку, профилактическую деятельность. Е.В. Кулебякин под процессом исправления подразумевает несколько видов адаптации: адаптацию к макросреде, адаптацию к микросреде и адаптацию к самому себе (внутриличностную адаптацию, достижение необходимого единства внутреннего духовного мира и внешнего поведения личности). Сходной точки зрения придерживается Н.А. Крайнова. Она предлагает рассматривать процесс перевоспитания осужденного как процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена обществ, который осуществляется на основе применения к лицу, совершившему преступление и осужденному за него, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия на различных этапах уголовной ответственности с целью недопущения совершения им в дальнейшем противоправных деяний. Широкая трактовка и подробный анализ изучаемой нами проблемы приводятся у М.С. Рыбака, который говорит о том, что исправление – это корректировка свойств личности осужденного в направлении придания ей черт, необходимых и достаточных для жизни в определенной положительной или нейтральной с точки зрения общественной безопасности социальной группе, определенной микросреде [6, с. 23–31].

Краткий обзор основных подходов, направленных на исправление личности осужденного, позволяет нам говорить о том, что учебно-профессиональная деятельность как процесс, в ходе которого осуществляется профессиональное становления личности осужденного, как субъекта профессиональной деятельности, как активного, мобильного, способного к постоянному развитию, готового к инновационной деятельности специалиста, может быть также рассмотрена как средство перевоспитания личности осужденных.

Что касается методов, реализующих процессы исправления и перевоспитания личности преступника, то на сегодняшний день в практике пенитенциарной системы в качестве основных используются: режим, труд, воспитательная работа и обучение (Ю.М. Антонян, 2004).

Анализ соответствующей литературы показывает, что под *режимом* понимается урегулированный нормами права порядок исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. В психологическом отношении речь идет о формировании новых (должных) стереотипов поведения, необходимых привычек, новых качеств личности. Режим в данном случае призван выполнять три взаимосвязанных функции: карательную, воспитывающую и обеспечивающую порядок отбывания наказания. Однако современные исследования показывают, что режим определяется как долговременный фрустратор, лишающий человека определенных благ, ограничивающий удовлетворение практически всех базисных физиологических и социальных потребностей. Поэтому режим, как метод пенитенциарной системы, в психологическом аспекте никоим образом не способствуют успешному исправлению и перевоспитанию, а сочетание психологических и криминологических качеств личности преступника может привести к его дезадаптации и нервно-психическим срывам.

Другим не менее важным средством исправления и перевоспитания личности осужденного к исполнению наказания является *труд*. Наряду с режимом труд должен представлять собой одно из важнейших средств воздействия на личность преступника, так как основной функцией труда является воспитание личности осужденного. Еще Ф.М. Достоевский отмечал, что мука вынужденного сожительства ослабляется уходом человека на работу. Труд, таким образом, должен представлять замещающую функцию, отвлекая осужденных как от угнетающих мыслей, так и от различного рода антиобщественных действий [2, с. 32–66]. Но современное состояние исправительной системы характеризуется свободой выбора данного средства исправления, что означает отсутствие оптимальной реализации вышеизложенных функций труда в системе исполнения наказания.

Следующим методом исправления личности преступника является *воспитательная работа с осужденными.* Психологическое воздействие в системе исполнения наказания должно включать следующие методы: переубеждение (коренная ломка и перестройка взглядов и убеждений личности, замена их другими, противоположными по содержанию); регулирование межличностных отношений; регулирование поступающей информации; внушение – как метод воспитания и перевоспитания, основывающийся на авторитете сотрудника ИУ.

Реализацией данного метода в системе исполнения наказания занимается психологическая служба УФСИН РФ. Обзор современного состояния психологических лабораторий исправительных учреждений показал, что в связи с ограниченность кадрового состава достижение представленных целей невозможно, так как требует глубокой, продолжительной и индивидуальной работы с каждым осужденным (на примере Ульяновской области: 3 тыс. осужденных / 2 сотрудника психологической службы).

И, наконец, последним методом в системе исполнения наказания является обучение. Именно данное средство исправительного воздействия представляется, на наш взгляд, наиболее проблемным в пенитенциарной парадигме.

Анализ как отечественной, так и зарубежной литературы показал, что данное средство призвано воспитывать и перевоспитывать личность преступника в условиях лишения свободы при соблюдении определенных условий: сообщаемые сведения должны являться научными; знания должны быть доступными для восприятия; знания должны воздействовать не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу личности; осужденный должен приобретать необходимые умения и навыки; получать информацию о поведении в обществе. Перечисленные условия носят обобщенный характер и не обеспечивают возможности для осуществления какого-либо прогноза в русле исправления и перевоспитания личности преступника. Более того, в усло-

виях лишения свободы акцент ставится на предоставление осужденным общеобразовательного образования, как необходимого образования в условиях современного общества.

Таким образом, анализ существующих подходов к исправлению и перевоспитанию личности преступника, а также методов, реализующих данный процесс, показал, что современная пенитенциарная система не справляется с возложенными на нее функциями и задачами и необходим новый виток в ее развитии, обеспечивающий полноценную и многомерную работу исправительных учреждений. На наш взгляд, именно высшее профессиональное образования может заполнить пробелы исправительной системы, связанные с изменением определенных компонентов в структуре личности осужденного, его личностным развитием, «перерождением» преступника в добропорядочного, законопослушного гражданина.

Целью нашего исследования являлось определение противоречий и предложение альтернативных путей их решения в современной уголовно-исполнительной системе. Было выявлено, что методы и средства учреждений исполнения наказания, направленные на исправление и перевоспитание личности осужденного, не всегда справляются с целями и с задачами, регламентирующими их деятельность. Основным показателем данных выводов является ежегодное увеличение количества совершенных рецидивных преступлений. Кроме того, данные статистики свидетельствуют о том, что лишь 30% осужденных успешно проходят социальную адаптацию и ресоциализацию. Конечно, мы не отрицаем, что вероятность повторного рецидива – это не только следствие репродуктивного процесса исправления делинквентной личности, но и «заслуга» власти (отсутствие закона о проблемах социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания, как это имеет место во многих зарубежных странах). Тем не менее существующая система исполнения наказания, характеризующаяся карательной направленностью и не приводящая к необходимым результатам, нуждается в реформировании основных средств и методов организации исправительного процесса. В качестве альтернативного метода, призванного перевоспитать личность преступника и помочь в дальнейшей ресоциализации, нами была предложена учебно-профессиональная деятельность – как важнейший этап в процессе становления и развития личности. Представлены методологические обоснования данного выбора на основании анализа трудов отечественных и зарубежных авторов, практики работы в УФСИН РФ. Однако реализация данной цели подразумевает проведение эмпирического исследование и анализ продуктивности внедрения высшего профессионального образования в условия исполнения наказания. Данное исследование является перспективным направлением нашей дальнейшей работы по созданию максимально эффективной системы исправления и перевоспитания личности осужденного в условиях лишения свободы.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М.: МПСИ, 2009. – 160 с.

2. *Баранов Ю.В.* Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. Гл. I Сущность наказания в виде лишения свободы и ресоциализация осужденных. – СПб., 2006. – С. 32–66.

3. *Бебенин В.Г.* Образовательная деятельность как средство исправления и последующей социальной адаптации осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. … докт. пед. наук. – М., 2008. – С. 5–44.

4. *Выготский Л.С.* Вопросы детской психологии // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 243–386.

5. *Жулева Ю.В.* Теоретические аспекты ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания. Сб. науч. трудов адъюнктов и соискателей. – Рязань, 1999. – С. 18–19.

6. *Михлин А.С.* Изучение личности в ИТУ. – М., 1975. – С. 23–31.

7. *Антонян Ю.М.* Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – СПб., 2004. – 364 с.

УДК 796

Царёв Евгений Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Данная статья направлена на определение понятия «здоровый образ жизни» и определение механизмов и средств спорта, посредством которых формируется «здоровый образ жизни».

Ключевые слова: *социализация, ценностный потенциал спорта, мотивация формирования здоровья, определение понятия.*

Идея развивающейся личности в быстро изменяющемся мире неразрывно связана с гуманистической тенденцией развития общества. Воспитание подрастающего поколения Российских граждан на многовековых традициях является основным направлением в современной педагогике.

Обращение к основополагающим принципам системы образования: фундаментальности, доступности, специализации в выбранном профессиональном образовании его динамичности, адекватности современным социальным, экономическим, политическим процессам развития личности.

Разработка теоретико-методологических основ физического воспитания как части педагогической науки основывалась на классической дидактике, концентрированной свое внимание на развитии физических качеств, формировании двигательных умений и навыков, их психологическому обоснованию, понимание индивидуальности как многоуровневой системы в развитии личности. Однако в последние годы возрос интерес к изучению педагогических ,психологических, социальных, философским аспектам изучения физических действий в области освоения физической деятельности.

Сегодня в любой сфере человеческой деятельности невозможно обойтись без физических действий и спорта – общепризнанных социальных ценностей общества в целом и каждого в отдельности.

Основным средством физических действий является спортивная деятельность направленная на движения поставленных перед человеком специфических задач:

1. Массовый спорт решает задачи укрепления здоровья, развития физических качеств и двигательных навыков, воздействовать на человеческие отношения, удовлетворять и развивать определенные потребности личности и общества, физического воспитания личности, обучения, социальной интеграции и коммуникативности.

2. Спорт высших достижений – вид деятельности направленный на специализацию личности в выбранном виде. Как важный социальный феномен пронизывает все общество, влияет на национальные отношения, деловую жизнь, общественное положение, формирует моду, эпические ценности, обладает значительным социализирующим воздействием.

3. Профессиональный спорт несет кроме свойственных спортивной деятельности в ее широком смысле функций особую экономическую составляющую. Средства вложенные в спорт через профессиональную его составляющую возвращающуюся в общество, прежде всего в повышении уровня здоровья населения, удлинении социально активного долголетия, развития науки, материально-технической базы, подготовленной специалистов в области массового спорта.

Культурологическая парадигма наполняет сущность физической деятельности новым пониманием современных исследований в физическом образовании.

Образовательные задачи в области физической деятельности и спорта предполагает формирование системы ценностей, на основе которых эффективно выстраивается соответствующая им деятельность.

Ценность следует рассматривать как мотив деятельности. Ценность приобретает побудительную силу мотива тогда, когда она интерноризирована, когда человек может четко формулировать цели своей деятельности, находить средства их организации, правильного своевременного контроля, оценки и корректирования своих действий.

© Царёв Е.А., 2011

«Спорт можно с полным основанием отнести к тем видам человеческой деятельности, через которые личность проявляет свои ценности и создает их. Ценности здесь могут проявляться в виде здоровья, физического совершенствования либо как конкретные результаты (занятое место, рекорд) или опосредованное повышение производственности труда, уровня боевой подготовки общественной воспитанности и культурности человека» (В.М. Выдрин).

Н.И. Понамарев «Спорт как социальное и педагогическое явление». К ценностям спорта он отнесет: уровень здоровья, физическую подготовленность, физическое развитие, спортивно-психические результаты, идейные, организационные, научные и методические основы спортивной тренировки.

«Для всех спортсменов существенны ценности: функциональное содержание спорта, общение, волевые и моральные качества, социальное признание, авторитет, чувство личного достоинства и чувство долга, самовоспитание и др. Ценности спорта могут проявляться и опосредованно – в виде повышения производственности труда людей, занимающихся физическими упражнениями. Ценности спорта, следовательно, связаны с его использованием как средства удовлетворения социальных и биологических потребностей людей, культурных запросов общества.» (Н.И. Понамарев)

Спортивная деятельность социально-значимое явление, поскольку его ценностный потенциал обеспечивает прогресс в развитии общества и личности. Сущность такого подхода заключается в переориентации целевых установок физического воспитания на максимально возможное удовлетворение интересов каждого занимающегося, на возможно более полный учет его индивидуальных морфофункциональных и психологических особенностей, на обязательное соответствие содержание физических действий ритмам возрастного развития человека и основным закономерностям целенаправленного преобразования его физического потенциала.

В дидактическом плане развития физической деятельности предполагает совершенствование методов и приемов педагогики, а также способов и средств развития специализированных видов физического воспитания и спорта. Основой развития должны стать технологии накопленные человечеством в ходе его культурного развития. Именно образцы совершенной моторики задают «планку» развития, ориентируют человека на творческое освоение индивидуальной двигательной активности и здорового образа активной жизни.

В разработках авторов Л.И. Лубышева, В.К. Бальеевич, В.И.Столяров в структуре ценностей выделяют три важнейших компонента:

Общекультурный компонент ценностей спортивной деятельности составляют социальные процессы правового, экономического, политического, информационного и образовательного полей социального пространства.

Социально-психологический компонент ценностей спортивной деятельности обеспечивается уровнем общественного сознания, общественного мнения, интересов, мотивов, ценностных ориентаций людей, а также уровнем взаимоотношений, которые выстраиваются в сфере спорта.

Специфический компонент ценностного потенциала спортивной деятельности вырастает в способности спорта удовлетворить потребности человека в физическом совершенствовании, социализации, формировании здоровья, самореализация и повышение социального престижа личности в обществе путем достижения высокого результата, победы, рекорда. Культурологический ракурс анализа, фиксирующий внимание на социально-ценностном потенциале физической деятельности, позволяет иначе посмотреть на средства и методы физического воспитания, оценить роль физических упражнений, понять природу и потенциал двигательных действий, в которых, наряду с моторно-исполнительными (операционными) механизмами, присутствуют познавательные, проектно-смысловые и эмоционально –оценочные аспекты. В этом контексте правомерным является переход от категории физических упражнений как основного средства физического воспитания. К понятию физическая деятельность – именно она выступает психологическим основанием физической культуры человека в его телесно – духовном единстве.

Сущность технологической, инструментальной составляющей физической культуры, определяющий уровень развития физической культуры человека, выражается категорией деятельности. Ее следует рассматривать в качестве интегрирующего понятия, отражающего все многообразие физической активности человека, направленной на сознательное совершенствование

и развитие его биологической природы посредством использования физических упражнений. По отношению к ней применимы все характеристики человеческой деятельности отражающей основное ценностное действие. Формирование здорового образа жизни.

Понятие «здоровый образ жизни» появилось совсем недавно в 70 годы 20 века. В настоящее время определение понятия «здоровый образ жизни» у разных авторов практикуется в зависимости от направления изучения. Представители философско-социологического направления рассматривают здоровый образ жизни как глобальную социальную проблему (В.А. Понамарчук), В.И. Столяров, О.А. Мильштейн и д.р.).

В направлении психолого-педагогического цикла здоровый образ жизни изучается как сознательная, мотивационная деятельность человека.

Медико-биологический подход к изучению проблемы основан на развитии морфофункциональных качеств человека.

Однако, любой подход к изучению феномена здорового образа жизни направлен на достижение одной цели укрепления и достижения определенного уровня здоровья человека, который является предпосылкой для жизнедеятельности человека, возможности активного выполнения им социальных функций.

Здоровый образ жизни – базисная основа для любого другого вида человеческой деятельности, обеспечивающий оптимальный уровень потребностей человека на основе физического и психического здоровья, ценности в социализации и устойчивых мотиваций для достижения поставленных общественно значимых задач.

Отечественные ученые (В.К. Бальеевич, П.А. Виноградов, Н.Д Граевская) определяют, что здоровый образ жизни выражает ориентированность личности на укрепление и развитие личного и общественного здоровья, реализует наиболее ценный вид профилактики заболеваний – первичную профилактику, предотвращающую их возникновение, способствуют удовлетворению жизненно важной потребности в активных телесно-двигательных физических упражнений.

В формировании здорового образа жизни по мнению ученых (Ю.В. Валентин, А.В. Мартыюнко, В.А. Полесский) важную роль играют следующие компоненты:

Объективные общественные условия.

Конкретные формы жизнедеятельности, позволяющие реализовать здоровый образ жизни.

Система ценностных ориентаций, направляющих сознательную активность.

Эти компоненты или уровни формирования здорового образа жизни должны реализоваться в единстве. Каждый уровень здоровьеформирования адекватно влияет на достижение поставленной цели.

Здоровый образ жизни это реализация комплекса социально-психологических, медико-биологических мероприятий ,в которых можно выделить основные составляющие.

Воспитание здоровых привычек и навыков, окружающая среда, отрицание вредных привычек (курение, алкоголь, наркотики); питание, отвечающее необходимым потребностям конкретного человека; двигательная деятельность; гигиена личная и общественная.

Необходимо отметить, что формирование здорового образа жизни неотрывно связано с цивилизованным, гуманистическим, общекультурным восприятием здорового образа жизни, а не является самоцельно приводящей к эгоистическому поведению в обществе.

Здоровый образ жизни реализуется в повседневном быте, предметной деятельности индивида, укрепляющей адаптивные возможности организма.

Без поддержек государства достичь социально-значимого поворота к этому образу жизни невозможно, поэтому современное руководство России декларирует:

«Формирование здорового образа жизни должно стать одним из приоритетов властей всех уровней. Речь идет о доступности спортивных сооружений для всех детей и подростков» (В.В. Путин, 2009 г.)

«Нам сегодня нужно подумать о том, как на современном уровне, без занудства и пошлости, пропагандировать здоровый образ жизни». (В.Д. Медведев, 2009 г.)

Здоровый образ жизни – это системный процесс, включающий многоуровневый подход, охватывающий множество компонентов деятельности человека в обществе и самого общества, по развитию и утверждению здорового образа жизни как главного условия жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Закон Российской федерации «Об образовании». – М., 2002.

2. *Сластенин В.К.* Педагогика. – М., 2000.

3. Теория и методика физического воспитания / Под ред. Т.Ю. Кудрявцева.

4. *Бальеевич В.К.* Физическая культура для всех и каждого. – М.: Физкультура и спорт, 1988–2007.

5. *Изуткин Д.А.* Формирование здорового образа жизни // Советское здравоохранение. – 1984. – №11. – С. 8–11.

6. *Мартыненко А.В., Валентик Ю.В.* Формирование здорового образа жизни молодежи. – М.: Медицина, 1988.

7. *Corbin C.B., Lindsey R.* Concepts of Benchmark publishers, 8th edition, 1994.

8. Закон РФ «О физической культуре и спорта». 2007 г. №329-03.

9. *Арифбаев А.* Совместная работа школы и семьи по физическому воспитанию учащихся начальных классов: Дис. … канд. пед. наук. – Ташкент, 1979. – 165 с.

10. *Бабанский Ю.К.* Избранные труды. – М.: Педагогика, 1989 – 558 с.

11. *Ведмеденко Б.Р.* Воспитание привычки к занятиям физической культуры и здоровый образ жизни. – М.: Мысль, 1990. – 34 с.

12. *Виноградов П.А.* Физическая культура и здоровый образ жизни. – М.: Мысль, 1990. – 34 с.

13. *Белоусова В.В., Решетень И.Н.* Воспитание в процессе занятий физической культуры. – М.: Физическая культура и спорт, 1964. – 69 с.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.012

Гаязова Регина Адиповна
Казанский государственный технологический университет
regina.gayazova@mail.ru

ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНО-КОМПРОМИССНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В статье раскрываются ключевые факторы легитимации государственной власти. Анализируется сущность нового социального контракта, как результат социально-компромиссного взаимодействия общества и государства. Рассматривается содержание процесса конструирования образа легитимной власти.

Ключевые слова: *легитимность государственной власти, объединяющая идеология, системная модернизация, гуманитарные инновации, социальный контракт, образ легитимной власти.*

Государственная власть в выполнении своих функций может основываться на силе или легитимности. В первом случае «управляющие» стремятся реализовать принятые решения вопреки желанию «управляемых», во втором, наоборот, опираясь на их добровольное согласие или даже солидарность. Государственная власть не может долгое время опираться на силу: «Штыки хороши всем, кроме одного, – на них нельзя сидеть» [8]. Такая власть не может быть в длительной перспективе социально эффективной, ибо «управляемые» с помощью силы внутренне не расположены к реализации принятых властью решений. Поэтому государственная власть, чтобы быть успешной, с точки зрения готовности граждан исполнять ее решения, должна быть, прежде всего, легитимной.

Важным средством повышения легитимности государственной власти являются идеи, находящие поддержку у населения. Поэтому государство не было бы государством, если бы не владело той или иной пропагандистской машиной, тем или иным орудием воздействия на массы и массовое сознание для укрепления выбранной им идеологии. Идеология – это мощное объединяющее средство, без которого любое государство разваливается, теряет свою монолитность, поэтому никакое государство не может быть неидеологическим длительный период.

В то же время идеология нужна не только государству, но и населению. Идеология не просто совокупность определенных идей. Это система, определяющая видение будущего, интерпретацию прошлого, а также ту или иную ценностную ориентацию (это – хорошо, это – плохо) и линию поведения человека. Ее отсутствие ведет к утрате координат, позволяющих человеку ориентироваться в обществе.

Руководитель Центра изучения элиты Института социологии Российской академии наук (Москва) Ольга Крыштановская в интервью Виталию Ярошевскому осенью 2004 года, отметила, что «одна из причин, почему нет солидарности в нашем обществе – это отсутствие национальной идеологии. Наша идеология была разрушена. Эта идеология давала ответы на простые и сложные вопросы: что первично, а что вторично; или в каком обществе мы живём; или кто наш враг. Идеология позволяет народу ориентироваться в социальном пространстве. А сейчас, выходит, наши люди дезориентированы, растеряны» [1, с. 8–9].

Новые вызовы из XXI века потребовали нового уровня и качества диалога между людьми, между народами, между народом и властью о законности, об экологизации, о сотрудничестве, о благополучии, т.е. объединяющей идеологии [2, с. 390].

Следовательно, взаимодействие общества и государства должно основываться на объединяющей идеологии, которая формируется на компромиссе интересов, ожиданий, ценностей как различных социальных групп, так и государства, так как ключевой функцией компромисса во взаимоотношении общества и государства является легитимация государственной власти.

Компромисс наиболее отчетливо проявляет себя в те периоды существования социумов, когда им предстоит качественное обновление, модернизация.

Идея обновления и модернизации страны ныне в центре внимания всего общества. Хотя

© Гаязова Р.А., 2011

эта проблема, в принципе, не должна уходить из поля зрения народа, думающего о своем благополучии, о будущем своих детей и внуков. Модернизация – это непрерывный процесс научно-технического развития человечества. Общество, сползающее с этого пути, обречено на гибель. Без надежды нет будущего, а без будущего нет человека.

Чтобы оценить перспективы модернизации в России, необходимо посмотреть, в каком состоянии находятся основные слагаемые этого процесса. Следовательно, необходим системный подход к модернизации страны, включающий в себя не только создание и закупку новых технологий, но и, в первую очередь, гуманитарные инновации, политику социальной справедливости, новый баланс между центром и регионами, формирование благоприятного делового климата.

В своей книге «Социология компромисса» В.Н. Кузнецов отмечает, что «крайне важно осуществить гуманитарные инновации – это нематериальные инновации – общенациональная цель, ценности, ответственность, солидарность, которые во взаимосвязи с объектом инноваций (чаще всего тоже невещественным, нематериальным) могут взаимодействовать более эффективно с учётом влияния инновационной гуманитарной среды» [2, с. 391].

Гуманитарные инновации должны быть основой системной модернизации, которая, наряду с объединяющей идеологией, также является фактором легитимации государственной власти.

«Именно такой – системной модернизации – с центральным местом в ней *реформ общественных отношений* и создания нового *социального контракта* между государством и обществом, хочет российский народ» [7].

Социальный контракт представляет собой «негласное соглашение и обмен». В самом общем смысле, по-видимому, можно говорить об обмене по формуле «безопасность в обмен на лояльность»: государство представляет набор благ, включая безопасность, взамен требуя от граждан политической лояльности и выполнения определенных социальных функций. Если исходить из последних, то более или менее очевидно, что у различных социальных групп будут складываться различные социальные контракты [6].

Но в то же время рассматривать социальный контракт как определенной результат взаимоотношений между государством и обществом не следует, поскольку государство само по себе и есть социальный контракт, заключенный между определенными группами (чаще всего их именуют элитными) [6]. Социальный контракт между обществом и государством быть не может, поскольку государство – лишь один из общественных институтов. Другими словами, государство вторично по отношению к породившему его обществу и не может вступать с обществом в равноправные договорные отношения [3]. Государство – предмет «общественного договора», а не его сторона. Непосредственными сторонами социального контракта являются общество (различные социальные группы) и государственная власть в лице государственных служащих.

Государственный служащий персонализирует абстрактное государство, выступая носителем реальной власти, который может помогать или препятствовать реализации потребностей и интересов людей [5]. При этом необходимо отметить, что госслужащие имеют двойственную природу: с одной стороны – интересы и ожидания общества, реализация которых диктуется долж-

Рис. 1. Моделирование типов государственной власти под воздействием социального контроля

ностными обязанностями, их можно определить как внешние мотивы, а с другой стороны – свои личные интересы и ожидания, которые являются внутренними мотивами. При этом важнейшим фактором является уровень нахождения компромисса между воздействием общественных интересов (внешних мотивов) и интересов самой личности государственного служащего (внутренних мотивов). Как следствие этого, формируется типичный поведенческий образ профессиональной деятельности государственного служащего. Данный образ должен соответствовать ожиданиям аудитории.

Общество заинтересовано, чтобы каждый по своим способностям, уровню образования и квалификации занимал соответствующую должность, ожидая, что человек с соответствующей уровнем знаний, квалификацией будет выполнять данную деятельность более результативно, с пользой для общества.

В результате внутренний мир субъектов (государственных служащих), под социальным контролем, становится достоянием «других», он институционализируется, объективируется (рис. 1).

В результате можно выделить идеальную модель, а также актуальную модель образов профессиональной деятельности государственного служащего. Идеальная модель формируется в результате социально-компромиссного взаимодействия, достигнутого социального компромисса, основанного на балансе ожиданий общества и ожиданий личности госслужащего. Чем больше имеется соответствия идеальной модели государственной службы с реальными действиями государственных служащих, тем выше уровень легитимности.

«Образ легитимной власти создается в атмосфере веры и убежденности граждан в том, что субъекты власти принимают решения и отдают приказания, соответствующие должному уважению человеческого достоинства и в соответствии с демократическими представлениями о политической свободе и правах личности» [9, с. 33].

Если возникают отклонения от нормы, аномии в действиях субъекта власти, а также рассогласования целей и ценностей правящего режима с представлениями основной части граждан о необходимых средствах и формах политического регулирования, нормах справедливого правления, то в результате развивается кризис легитимности. Данную модель назовем актуальной моделью.

Эксперты Института социологии во всероссийском исследовании «Готово ли российское общество к модернизации», которое было проведено в марте – апреле 2010 года, попросили россиян ответить на следующий вопрос: «Что является главным тормозом прогресса в России?». В результате, 55% россиян назвали – государственных гражданских чиновников, а 33% – правоохранительные органы. То есть 88% россиян считают, что враг модернизации номер один – государственный аппарат.

Сложившийся в общественном и групповом сознании образ государственной власти способен затормозить или ускорить реализацию государственных планов и программ. Образ госслужащего напрямую определяет знак отношения к действиям властей, являясь одним из каналов, осуществляющим связь власти и общества. И именно посредством целенаправленного его конструирования возможно осуществление управления общественным настроением, воздействие на общественное мнение.

Действенным фактором и средством моделирования образа государственного служащего является совершенствование управления государственной службой на основе социально-компромиссного взаимодействия общества и государственной власти, которое отражало бы ожидания как внешней среды (общества), организации (государства), так самого государственного служащего как личности.

Можно предположить, что государство, государственные служащие и общество являются взаимосвязанными элементами одной единой функциональной системы, в которой успешная реализация функций и социальный порядок, стабильность зависят от «нового» социального контракта.

Развитию легитимности государственной власти способствует создание нового социального контракта, за которым стоят высшие человеческие ценности – истина, свобода, справедливость, разум, в котором ключевыми факторами являются (рис. 2):

– *объединяющая идеология* – это формирующаяся относительно устойчивая артикулированная совокупность понятых и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку: в формировании и конструктивном функционировании исторической памяти, российской меч-

Рис. 2. Ключевые факторы развития легитимности государственной власти

ты и смысла жизни на основе уважительного диалога, культуры мира и культуры патриотизма; в достижении им достойного качества и уровня благополучия, надёжной безопасности [2, с. 404];

– *системная модернизация*, в которой главной инновацией является правовое и подотчетное обществу государство, равенство всех перед законом, политика выравнивания доходов, уничтожение всеобъемлющей государственной и политической коррупции, а также гибкое, уважительное, бережное отношение к благополучию и безопасности человека, к его счастью, к его удовлетворённости жизнью;

– соответствие реальных действий государственной власти *«образу» идеальной власти*, сконструированному в сознании общества. Чем больше имеется соответствие, тем выше уровень легитимности;

– *рациональная легитимность* – как законность данного политического строя непосредственно зависит от того, были ли выполнены процедурные условия для достижения консенсуса [4].

Следовательно, если будет достигнуто социально-компромиссное взаимодействие общества и государства (в лице госслужащих) на основе объединяющей идеологии, если реальные действия государственных служащих будут соответствовать «идеальному» образу государственной власти, сконструированному в сознании общества, а также если будет осуществляться системная модернизация, то это обязательно приведет к усилению легитимности государственной власти.

Легитимность государственной власти в Российской Федерации – это та необходимая составляющая, которая функционирует в пространстве ценностных ориентаций индивида и общества и осуществляет взаимосвязь между народом, государством, государственной властью, являясь важным элементом для обретения стабильности как в государственной, так и в общественной жизни.

Библиографический список

1. *Крыштановская О.* Вертикальная страна (Беседа с В. Ярошевским) // Новая газета. – 2004. – 7–10 октября. – №74. – С. 3–9.

2. *Кузнецов В.Н.* Социология компромисса: Уч. пособие. – М.: Книга и бизнес, 2010. – 588 с.

3. *Малкин Д.* Новый социальный контракт по Грефу или ошибка обыденного сознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravda.ru/economics/25-09-2000/824110-0

4. Общественный договор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/

5. *Пименов А.В.* Формирование позитивного образа государственного служащего как фактора повышения эффективности государственного управления в субъекте Российской Федерации: Дис. … канд. социол. наук. – Н. Новгород, 2004. – 170 с. РГБ ОД, 61:05-22/221 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/125608.html

6. *Полесский Янов.* Контуры социального контракта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nmnby.eu/news/analytics/1797.html

7. *Рыжков Владимир.* Как понимает модернизацию народ, и как – Кремль? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: echo.msk.ru

8. Талейран Ш. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://words.wlink.ru

9. *Хомелева Р.А.* Политология. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 65 с.

УДК 316.354

Максименко Александр Александрович
кандидат психологических наук
alex-maximenko@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТЬ»

В настоящей статье автор рассматривает становление понятия «ценность» в теориях социологии, а также значение этого понятия в социологии управления.

Ключевые слова: *интерпретация понятия «ценность», аксиологический подход, теории социологии, социология управления.*

Основа социологических представлений о ценностях закладывается в работах В. Дильтея, предложившего разделение «объяснения» и «понимания», и продолжает развитие у неокантианцев Баденской школы – В. Виндельбанда и Г. Риккерта. В их понимании ценность является не объективной реальностью, а выражением идеального бытия. Ценности отделяются от субъективности человеческих желаний и страстей, получают автономное и самодостаточное значение, телеологически изолируются, то есть признаются как цели сами по себе, которые не способны быть средством для каких-то иных целей. Отказывая ценностям в онтологическом статусе, представители Баденской школы неокантианства рассматривают их как идеал, носителем которого является трансцендентальный субъект. Ценности рассматриваются как нормы, не зависящие от субъекта и образующие метаоснову конкретных ценностей и культуры.

Г. Риккерт проводит четкую дифференциацию понятий «ценность» и «оценка», акцентируя тот факт, что их смешение является одной из самых распространенных «болезней» научного знания. Он призывает видеть различие между понятием «ценности» и понятием «психического акта оценивающего субъекта», точно так же как между понятием ценности и понятием объектов (благ), в которых ценности обнаруживаются. «Проблема ценности – есть проблема “значимости” (Geltung) ценности, и этот вопрос ни в коем случае не совпадает с вопросом о существовании акта оценки» [1, с.459].

Г. Риккерт в работе «Система ценностей» (1914) также первым предложил выделять следующие типы ценностей: логические (ценности науки), эстетические (ценности искусства), нравственные (ценности морали), социально-этические (ценности общественного бытия), теологические (ценности религии), мистические (ценности языческой культуры), личные (ценности индивида).

Следующий этап в развитии аксиологии связан с феноменологической теорией ценностей М. Шелера, рассматривавшего ценности как объективные априорные сущности. По мнению ученого, в мире первоначально выделяются два рода бытия – бытие вещей и бытие благ, и лишь затем мы открываем в них ценности через чувства ценностей. Субъект не является предпосылкой априорных ценностей, а также создателем критериев и порядка их ранжирования. Ценности интенционально соотносятся с миром материальных объектов и благ.

Дальнейший существенный шаг в развитии аксиологии связан с «критической онтологией» Н. Гартмана, который так же, как и М. Шелер, отстаивал идею об определённой объективности ценностей.

Институционализация аксиологии и генезис аксиологического подхода в социально-гуманитарном знании отразились в формировании иного подхода в теориях ценностей. Аксиологическому трансцендентализму В. Винделъбанда и Г. Риккерта был противопоставлен натуралистический психологизм Дж. Дьюи, Р. Перри и др., рассматривавших ценности как объективные, эмпирически наблюдаемые и верифицируемые явления реальности. По мнению Дж. Дьюи, ценности имеют биолого-психологическую основу, выражающуюся в потребностях индивида, таким образом, любой объект, удовлетворяющий ту или иную потребность людей, может быть интерпретирован как «ценность».

М. Вебер ввел проблему ценностей в социологию, в своем «понимающе-объясняющем» подходе он взял за основание неокантианский тезис о том, что осмысленным каждый человеческий акт предстает лишь в соотнесении с ценностями, посредством которых артикулируются социальные нормы и цели индивида. Г. Риккерт разработал метод индивидуализирующих «понимающих» наук как метод «отнесения к ценнос-

 © Максименко А.А., 2011

ти», то есть «придания значения». На этот методологический принцип опирался М. Вебер, разрабатывая концепцию социального действия, в которой критерий «понимания» выступил в качестве основополагающего критерия его интерпретации и типологизации. В рамках типологии социального действия он выделил его ценностно-рациональный тип, который «основан на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового» [2, с. 628]. В отличие от целерационального действия и подобно аффективному, смысл ценностно-рационального действия заключается не в достижении какой-либо внешней цели, но в его собственном характере, так как основной для действующего субъекта, в данном случае, является эстетическая, религиозная или иная ценность этого действия как такового.

Стремясь разработать методологию исключения ценностных суждений из «наук о культуре», в том числе из социологии, М. Вебер применил метод отнесения к ценности, показав, каким образом формальная рациональность индустриального общества обусловлена этическими ценностями протестантизма и как вообще зависят интенсивность и рациональность экономической и политической жизни той или иной страны от степени религиозного восприятия мира. По мнению С.А. Кудриной, «непременным условием применения этого метода было вынесение всех оценок за пределы теоретической системы, возможно более полное исключение из такой системы *понимания как подведения под общую оценку* путем замещения его операцией *каузального понимания*» [3, с. 38].

Э. Дюркгейм разработал понятие «коллективных представлений», близкое к понятию ценностей, однако в своих поздних работах, в частности, «Ценностные и «реальные» суждения» (1911), он более подробно останавливается на данной проблематике. Он также акцентирует различие ценности и оценки, рассматривает субъективную и конвенциональную природу ценностей, выделяет различные виды ценностей. Э. Дюркгейм также следует в интерпретации ценностей критерию «значимости», а не утилитаристскому критерию «полезности», утверждая, что «если бы ценность вещей действительно измерялась степенью их социальной (или индивидуальной) полезности, то система человеческих ценностей должна была бы быть подвергнута пересмотру и полному разрушению, так как с этой точки зрения место, отводимое в данной системе ценностям роскоши, было бы непонятно и неоправданно» [4, с. 291].

В социологии В. Парето ценности рассматриваются в контексте его концепции деривации и понятия «резидуев» – остатков. Деривации рассматриваются им как те или иные идеологические концепции и доктрины, удовлетворяющие потребности в оправдании «нелогических» и «иррациональных» действий, по отношению к которым они представляют собой вторичные, производные, частные явления. Социологии следует, по мнению В. Парето, раскрывать основу этих учений, обусловливающие их эмоциональную составляющую, которую он рассматривает посредством понятия «резидуи», то есть остаточные элементы, выступающие как психические константы. «Остатки соответствуют тем или иным инстинктам, которые свойственны людям; поэтому им обычно недостает определенности, и поэтому между разными остатками нет четкого разграничения» [5, с. 142]. Т. Парсонс выделял в работах В. Парето две категории остатков: 1) остатки, продуцируемые инстинктами; 2) нормативные остатки или ценностные установки. У самого В. Парето эти виды не различаются.

Таким образом, в работах как Э. Дюркгейма, так и В. Парето ценности характеризовались объективным, надиндивидуальным, конвенциональным характером, устойчивостью и воспроизводством во времени и директивным свойством по отношению к действиям индивида.

В процессе развития социологического знания понятию ценности стараются придать операциональное определение, применимое в эмпирических исследованиях и верифицируемое. В работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польской крестьянин в Европе и Америке» ценности интерпретируются как совокупность «правил поведения», с помощью которых группа сохраняет, регулирует и распространяет соответствующие типы действия среди ее членов. Таким образом, ценности рассматриваются как регуляторы групповой идентификации и группового конформизма, они носят конвенциональный характер, и отношение к ним свидетельствует об уровне интеграции группы. Нельзя не отметить, что в данном контексте реализуется подход, характерный для социологической традиции, идущей от Э. Дюркгейма, рассматривавшего ценности как объективные

конвенциональные факторы социальной солидарности. У. Томас и Ф. Знанецкий в большей степени акцентируются на коллективных, а не на индивидуальных ценностях, что опять же является продолжением дюркгеймовой традиции. По мнению У. Томаса и Ф. Знанецкого, социальная ценность – это «любой факт, имеющий доступные членам некой социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которых он есть или может стать объектом деятельности» [6, с. 343].

Следует отметить, что в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого ценность интерпретируется в нормативном аспекте, ценности как «правила поведения» фактически синонимичны с нормами и нормативными убеждениями. Такая нормативная трактовка ценности возобладала в начале XX века в американской социологии. В этом просматривается определенная близость к аксиологическим идеям И. Канта.

П.А. Сорокин применил аксиологический подход в исследовании социокультурной динамики. По его мнению, «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации» [7, с. 429]. Социокультурная динамика последовательно сменяющих друг друга типов культуры: идеациональной, идеалистической и чувственной, видится им как траектория от генезиса до угасания и отрицания базовой ценности, лежащей в основании той или иной культуры.

П.А. Сорокин вводит ценность в качестве одного из основных компонентов социального действия. По его мнению, «каждый процесс значимого человеческого взаимодействия состоит из трех компонентов… Эти компоненты включают в себя: 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [7, с. 429].

Ценности анализируются и интерпретируются П.А. Сорокиным через категорию «значение», которое используется в одних случаях отдельно от понятия «ценность», а в других случаях синонимично сливается. Значения классифицируются на: 1) когнитивные значения; 2) значимые ценности; 3) нормы. «Любое значение, – пишет он, – в узком смысле слова является ценностью (когнитивной или иной). Любая ценность предполагает норму по ее реализации или отвержению… С другой стороны, любая норма – юридическая, этическая, техническая или любая другая – непреложно является значением, позитивной или негативной ценностью» [7, с. 200].

В исследовании социокультурной динамики П.А. Сорокиным ценность помимо категории «значение» связывается с категориями «идеал» и «эталон», которые лежат в основании той или иной конкретной культуры. Ценность-идеал определяет телеологию и своеобразие культурных подсистем цивилизации – этики, религии, права, экономики, политики и т.д. В данном аспекте социологическая интерпретация ценности перекликается с ее философскими и культурологическими определениями. Известным в отечественной науке является философско-культурологическая интерпретация ценности В.П. Бранским в работе «Искусство и философия». Для него ценность «связана с понятием идеала; более того, она является результатом реализации некоторого идеала… в основе системы ценностей, составляющей данную культуру, лежит идеал» [8, с. 243]. Необходимо отметить, что определение ценности как идеала / эталона носит частный характер и свидетельствует только об одном из аспектов ее интерпретации, несколько отстоящем как от социологической трактовки ценности в контексте «значения» и «значимости», так и от утилитаристской трактовки ценности в контексте «полезности», «пользы», «блага».

В социологии и социальной психологии ценности-идеалы (эталоны) рассматриваются в теории референтности (Г. Хаймен, М. Шериф, Р. Мертон, Т. Ньюком) как атрибутивные свойства референтной группы в сознании индивида. Референтная группа интерпретируется как реальная или воображаемая социальная группа, ценностно-нормативная система которой выступает для индивида в качестве эталона. В данном контексте определение ценности через идеал / эталон представляется вполне обоснованным и верифицируемым в эмпирических исследованиях.

В структурно-функциональном анализе Т. Парсонса понятие ценности приобретает

смысл в контексте анализа социальных отношений и институтов, система социальных отношений строится на основании конвенциональных и легитимных социальных ценностей, призванных обеспечивать интеграцию и адаптацию индивида или группы и способствовать поддержанию социального порядка. Ценности выступают как основа связей между социальной системой и системой личности, они влияют на формирование мотивации социального действия, имеют нормативную и регулятивную функции. Т. Парсонс интерпретирует ценности как «критерий или стандарт для выбора из альтернатив ориентации, внутренне присущих определенной ситуации» [цит. по: 9, с. 147].

Социальные ценности носят социализирующую функцию, так как ретранслируются в культурных образцах конкретной социальной системы и, интернализировавшись в сознании нового поколения, являют свой принудительный легитимный характер в программах его социализации. Как отмечает Т. Парсонс, «поскольку ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, постольку они оказываются общепринятыми. Даже если они не принимаются индивидом, то все же благодаря своему происхождению они определяются в связи с культурной традицией; а их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции» [10, с. 85]. Интернализация легитимных ценностей рассматривается Т. Парсонсом как один из основных механизмов воспроизводства социальных систем, упорядочивания и поддержания системного равновесия. Институционализация ценностных ориентаций, по мнению Т. Парсонса, является наиболее оптимальным средством социальных изменений и, в частности, социального реформирования.

Ценности руководят выбором по типовым (эталонным) переменным, в результате формируется модель поведения, которая управляет поведением реальным. Т. Парсонс выделяет пять таких переменных:

1. Аффективность – аффективная нейтральность.
2. Ориентация на себя – ориентация на коллектив.
3. Универсализм – партикуляризм.
4. Качество – результативность.
5. Специфичность – диффузность.

«Первая переменная, – пишет американский социолог, – применяется, чтобы определить, имеет ли место оценивание в данной ситуации. Вторая – преобладают ли моральные эталоны в процессе оценивания. Третья – преобладают ли познавательные или катексические эталоны. Четвертая – подходит ли к объектам как комплексам качеств или деятельностей. Пятая – степень значимости объекта» [11, с. 498].

Типовые эталонные переменные выступают в качестве ценностных ориентаций, определяющих действие индивида в ситуации выбора. Дихотомия «аффективность – аффективная нейтральность» предполагает, что индивид нацелен на актуальные, непосредственные, близкие потребности или отказывается от них в пользу перспективных, более отдаленных и стратегически важных целей.

Дихотомия «ориентация на себя – ориентация на коллектив» предполагает возможность действий индивида либо исходя из собственных интересов и целей, либо он руководствуется групповыми ценностями и нормами и действует, ориентируясь на коллектив. Таким образом, эта дихотомия в ценностной ориентации социального действия означает возможности действий индивида в своих собственных интересах, но с учетом потребностей коллектива.

Дихотомия «универсализм – партикуляризм» предполагает, что поведение актора может подчиняться какому-то общему правилу или же он руководствуется спецификой момента ситуации.

Дихотомия «качество – результативность» (часто переводящаяся как «качество – деятельность») подразумевает ориентацию актора на социальные характеристики партнера по интеракции либо на имманентно присущие ему свойства.

Дихотомия «специфичность – диффузность» (часто переводящаяся как «конкретность – диффузность») предполагает возможность альтернативного выбора индивидом в качестве объекта ориентации общих или специфических характеристик ситуации.

Типовые переменные используются в структурном функционализме также для анализа процессов социального взаимодействия, для характеристики различных социальных ролей и ролевых экспектаций, типологизации культур и субкультур, исходя из доминирующей в них ценностной ориентации. Т. Парсонс, в свою очередь, выделяет три вида ценностных ориентаций:

1) когнитивные;
2) оценочные (appreciative);

3) моральные стандарты ценностной ориентации [10, с. 85].

Проблематика ценностей выводится Т. Парсонсом и на общесистемный уровень теоретического анализа. Он выделяет две «оси ориентации» социальных систем: внутреннее / внешнее и инструментальное / консуматорное. Наложение этих осей в перекрестных таблицах позволяет ему выделить четыре «функциональных пререквизита», то есть основные функции, необходимые для воспроизводства социальной системы (так называемая схема AGIL): категории адаптации и целедостижения во внешней ориентации системы и интеграции и поддержания латентных образцов во внутренней. Следует отметить, что логика системного воспроизводства и универсальность применения этих пререквизитов Т. Парсонсом относительно любых видов социальных систем позволяет рассматривать их (в рамках структурно-функционального анализа) как базовые надиндивидуальные ценности системного выживания и равновесия.

Т. Парсонс комбинирует типовые переменные (ценностные ориентации) и функциональные пререквизиты:

1. Специфичность и диффузность определяют необходимость адаптации системы.

2. Аффективность и аффективная нейтральность – построения системной телеологии, целедостижения.

3. Диффузность и партикуляризм связаны с императивом интеграции.

4. Качество и результативность демонстрируют связь с пререквизитом латентности, предполагающим два требования: 1) поддержания стандартов – сохранения форм организации, посредством поддержания культурных образцов; 2) управления напряжением, то есть снятия напряжения, разрядки.

В рамках структурно-функционального подхода акцент делается преимущественно на анализе детерминированности социального действия ценностно-нормативной системой общества. Индивидуальное сознание и поведение основываются на той или иной степени интернализации ценностей и норм, иерархически выстраивающихся от макро- к мезо- и микроуровням социальной реальности. Но обратный вектор – влияние индивидуальной рефлексии существующей ценностно-нормативной системы и индивидуальных ценностей на группу и далее на все общество – практически игнорируется. Индивидуальные ценности рассматриваются через конформистское принятие или нонконформистское непринятие групповых и общественных ценностей и норм. Фактически игнорируется данная детерминация и в работах учеников и последователей Т. Парсонса. Концепция «нормативного морфогенезиса» в работах Р. Мертона, логически приближаясь к данной проблематике, также обходит ее стороной, акцентируясь на генерации норм и ценностей по вектору от макро- к микроуровню социальной реальности.

Критика и ревизия парсонсианской теории со стороны представителей интерпретативных парадигм в социологии способствовала появлению индивидуалистической трактовки ценностей, не акцентированной на жесткой социальной детерминации их генезиса. В рамках феноменологической социологии А. Щюца и этнометодологии Г. Гарфинкеля ценность предстает как явление, относящееся преимущественно к внутреннему миру индивида. Однако основной издержкой интерпретативного подхода в определении и анализе ценностей является постулирование методологии крайнего субъективизма, либо отрицающего, либо игнорирующего существование общезначимых объективных ценностей группы и общества, легитимизированных в общественном сознании и интернализованных конкретным индивидом.

Поэтому представляются более обоснованными умеренные варианты индивидуалистской интерпретации ценностей, не отрицающие реальность общих ценностей, но рассматривающие их как вторичные по отношению к индивидуальным ценностям, как следствие конвенционального согласия входящих в эту общность индивидов. Однако конвенциональность ценностей и норм в данном аспекте отличается от понимания конвенциональности в рамках объективистской методологии, где признается как макро-, так и микроуровни формирования конвенционального согласия.

Пример умеренной индивидуалистической интерпретации ценностей представлен в исследованиях М. Рокича, который акцентировал в понятии ценностей субъективный компонент и выделил ценности-цели (терминальные ценности), то есть устойчивые убеждения относительно предпочтительного образа конечного состояния, и ценности-средства достижения терминальных

ценностей (инструментальные ценности) – устойчивые убеждения относительно предпочтительного образа поведения. М. Рокич разработал стандартизированный инструмент измерения ценностей и в ходе эмпирических исследований выявил и верифицировал восемнадцать терминальных и около сотни инструментальных ценностей [12].

Необходимо отметить, что специфика эмпирических исследований ценностей и ценностных ориентаций как конкретных индивидов, так и социальных групп и общностей объективно подталкивает социологов к интегральному подходу в интерпретации и анализе данных объектов, сглаживающему крайности объективистского и интерпретативного подхода и сочетающему умеренную индивидуалистическую интерпретацию ценностей с объективистским признанием существования надиндивидульных общезначимых ценностей. Эмпирические исследования ценностей россиян, осуществленные коллективом авторов под руководством В.А. Ядова, разработавшего диспозиционную концепцию и поместившего ценностные ориентации на наиболее высокий уровень системы индивидуальных диспозиций, представляет именно такой подход.

В основе программы мониторинговых эмпирических исследований базовых ценностей россиян, проводившихся в 1980-х – 1990-х годах XX века коллективом социологов под руководством Н.И. Лапина, лежат различающиеся подходы в интерпретации ценностей, развивающиеся в теоретическом русле идей Э. Дюркгейма и М. Вебера. Н.И. Лапин отходит от марксистской трактовки ценностей как объективных производных социально-экономического базиса и утверждает их базовый для общества характер, определяемый спецификой генезиса и исторического воспроизводства общества и культуры. По его мнению, ценности – это «обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы и соотносят свои действия. На основе этих ориентиров складываются конкретные типы поведения, в том числе социокультурные типы отношений ...к политической и экономической трансформации...» [13; 14; 15].

Рассматривая проблему интерпретации ценности в современной социологии, следует констатировать тот факт, что в научной литературе существует определенная дифференциация точек зрения на ее генезис, сущность и определение. Существующие различия детерминированы спецификой методологической позиции исследователя, укладывающейся в координаты дихотомий, существующих в современной социологической теории. Данные дихотомии обусловливают различия в социологической интерпретации ценностей, на что совершенно справедливо указывает В.А. Спиридонова, выделившая в аксиологическом дискурсе следующие бинарные оппозиции:

– объективизм / субъективизм (социальные ценности существуют объективно или в сознании социальных субъектов);

– материализм / идеализм (социальные ценности посюсторонни или образуют трансцендентный мир ценностей);

– структурализм / индивидуализм (социальные ценности воплощены в социальных структурах или в поведении индивидов);

– микроподход / макроподход (социальные ценности нужно искать на одном из уровней социальной системы);

– экономизм / культурологизм (социальные ценности обусловлены экономическими либо культурными факторами);

– механизм / волюнтаризм (социальные ценности бессубъектны либо имеют своим носителем волюнтаристского субъекта);

– рационализм / иррационализм (социальные ценности либо рациональны, либо иррациональны);

– абсолютизм / релятивизм (социальные ценности абсолютны либо релятивны, исторически изменчивы);

– когнитивизм / прагматизм (социальные ценности – объект в основном теоретического либо практического интереса);

– нормативизм / реализм (социальные ценности как должное либо как сущее, реальное);

– элитизм / демократизм (социальные ценности продуцируются и имеют носителем либо элитарного социального субъекта, либо широкие слои населения);

– консенсус / конфликт (социальные ценности имеют стабилизационную функцию в обществе либо функцию социального изменения);

– тоталитаризм / либерализм (социальные ценности увеличивают свободу людей либо жес-

ткость социального управления);

– социологизм / психологизм (социальные ценности можно познать методами социологии либо методами психологической интроспекции);

– агностицизм / познаваемость (социальные ценности непознаваемы либо познаваемы);

– теоретизм / эмпиризм (социальные ценности – объект теоретического интереса либо эмпирически познаваемы);

– наблюдение, описание / понимание, объяснение (социальные ценности можно описывать либо только понимать) [16, с. 92].

На наш взгляд, можно обобщить и выделить следующие основные аксиологические подходы в социологической интерпретации ценностей:

1) утилитаристский подход – ценности рассматриваются через категорию «польза», «выгода», «благо», как материальный объект или духовное явление, имеющие какую-либо пользу и способные удовлетворить ту или иную потребность человека;

2) идеалистический подход – ценности интерпретируются в контексте категорий «идеал», «эталон», «референтность»;

3) нормативный подход – ценности ограничиваются контекстом их нормативной функции, получают статус нормативных регуляторов социального действия и поведения;

4) понимающий подход, идущий от неокантианской аксиологии к социологии М. Вебера – ценность рассматривается в контексте ее соотнесения с понятиями «значимости», «значения», «придания значения» («отнесения к ценности»).

По мнению автора, все представленные подходы могут быть рассмотрены как взаимодополняющие и комплиментарные по отношению друг к другу, та как они выражают определенную и реальную сторону ценностей. Несмотря на то что они имеют разные основания и некоторым образом различаются по субъекту ценностного отношения, тем не менее, данные подходы отражают дифференциацию реально существующих ценностных отношений.

Ценность можно интерпретировать как значимое для индивида, либо группы явление духовной культуры или предмет материальной культуры, воспринимаемые субъектом оценки в качестве нормы, идеала, блага, пользы и выгоды.

Таким образом, специфика интерпретации ценности в социологии управления предполагает рассмотрение ценности в контексте ее соотнесения с понятием «значимости», то есть «отнесения к ценности» (придания значения) тех или иных явлений. Субъектом оценки выступает индивидуальный либо коллективный субъект, рассматриваемый с позиции системного подхода как компонент социальной организации.

В методологии социологического исследования приоритетным является именно отнесение к ценности, а не допущение ценностных суждений. Ценностные суждения так или иначе ангажированы субъективными предпочтениями, приоритетами и, в конечном итоге, субъективными оценками исследователя, препятствующими применению принципа методологической нейтральности. Принцип отнесения к ценности существенным образом отличается от ценностной оценки, поскольку представляет собой методологию отбора и организации эмпирического материала. В отличие от методологии и методики социологического исследования, практическая деятельность социолога (а тем более, в сфере управления) с неизбежностью предполагает использование ценностных суждений, в идеале основанных не столько на субъективной ценностно-нормативной позиции исследователя / эксперта / менеджера, сколько на результатах исследований и опыте практической деятельности, осмысливаемых в рамках научного знания.

Библиографический список

1. *Риккерт Г.* О понятии философии Философия жизни. – Киев, 1998.

2. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения: Пер с нем. – М.: Прогресс, 1990.

3. *Кудрина С.А.* Ценностные приоритеты и их онтологические основания // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 38.

4. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995.

5. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

6. *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки (1918) // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд. МГУ, 1994.

7. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

8. *Бранский В.П.* Искусство и философия. – Калининград, 2000.

9. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. – М., 1998.

10. *Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002.

11. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002.

12. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. – N.Y., 1973.

13. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994.

14. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М., 1996.

15. Пути России: социокультурные трансформации. – М., 2000.

16. *Спиридонова В.А.* Проблема ценностей в социологии: Историко-теоретический аспект: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. – М.: РГБ, 2005.

УДК 353.2:316.61:316.346.32-053.6

Тугушева Аделя Минхатовна
Казанский государственный технологический университет
adel-bik@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ (на материалах Республики Татарстан)

Приток на государственную и муниципальную службу талантливой и преданной интересам общества молодежи – один из важных факторов повышения эффективности государственного и муниципального управления. Целью работы является выявление социокультурных ориентаций будущих государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: *социокультурные ориентации, ценности, молодежь, государственные и муниципальные служащие, система управления.*

Социокультурные изменения, происходящие в российском обществе, обострили интерес к осмыслению природы государственной службы. Преодоление кризисных явлений в российском обществе требует мобилизации интеллектуального, творческого, профессионального потенциалов муниципальной службы, значительного повышения духовно-нравственного уровня ее субъектов. Особое значение имеют развитие стиля мышления и поведения, становление системы отношений между органами власти и населением.

Любые преобразования влекут за собой изменения ценностно-нормативной базы и общества в целом, и отдельных социальных групп, в первую очередь это касается молодого поколения. Молодежь, с одной стороны, быстрее адаптируется к новым условиям и, соответственно, имеет больше шансов на реализацию активной жизненной стратегии и достижения успеха, а с другой – она подвержена деструктивному влиянию последствий макросоциальных процессов. Сегодняшнюю ситуацию в стране можно определить как промежуточную между системой ценностей, которая дает существенные сбои, и новыми ценностями, которые только зарождаются. Это время, когда каждому приходится определять смысл и направление своей жизни. Молодежь острее других социально-демографических групп чувствует меняющиеся общественные настроения и больше расположена к политическим новациям [3, с. 95].

В процессе социализации особое значение приобретает вопрос о социокультурных ориентациях молодежи, среди которых, на наш взгляд, можно выделить мировоззрение, образ жизни, традиции, ценностные ориентации, мотивации, установки.

В марте 2010 года в рамках изучения вопроса о социокультурных ориентациях муниципальных служащих было проведено пилотажное исследование. Объект исследования – студенты РТ, обучающиеся по специальности «Государственное и муниципальное управление», а главная задача состояла в том, чтобы показать, на что ориентированы будущие государственные служащие.

Самой общей и наиболее глубокой личной характеристикой человека социологи и социальные психологи считают систему базовых ценностей [2, с. 36]. Ценности и ценностные ориентации определяют отношение человека к окружающей реальности, которая, в свою очередь,

© Тугушева А.М., 2011

Таблица 1

Какие из ценностей лично Вы цените более всего?

Варианты	Проценты (%)
семейное счастье, любовь, дети	26,3
материальное благосостояние	16,2
личная безопасность	11,8
интересная, творческая работа	9,2
авторитет, уважение окружающих	4,8
самостоятельность, независимость	3,8
надежные социальные связи	3,5
известность, популярность и общественное признание	3,5
профессионализм, компетенция	3
обладают властью, лидерство	2,1
интересный досуг, полноценный отдых	2,1
современное образование	0,8

влияет на его поведение и характер деятельности, способы самореализации [4, с. 25].

В ходе исследования были определены те ценности, которые студенты ценят больше всего (табл. 1). (Ответ на этот вопрос разрешал респондентам делать до трех выборов. Поэтому суммарный процент превышает 100%.)

Патриотизм всегда являлся и является определяющей ценностью для любого государственного и муниципального служащего. Для 39,4% опрошенных студентов понятие Родина связано, прежде всего, с Россией и с республикой, в которой они живут 27,6%. А 11,8% респондентов связывают это понятие с «родным городом (деревней)» и «обычаями, традициями, образом жизни, национальным характером своего народа». 7,8% студентов вообще лишены чувства патриотизма, о значении которого, как консолидирующей общество идеи, постоянно говорит правительство РФ.

Как показало исследование, большая часть респондентов задумывается о будущем государства. У 72,3% студентов возникает желание изменить ход развития страны. Важно подчеркнуть, что большинство опрошенных студентов 52,6% «стараются быть в курсе всего происходящего на политической арене».

Исходя из проведенного исследования, можно говорить о серьезности досуга студентов. Позитивным является то, что книги пользуются популярностью у молодого поколения. Большим спросом пользуются романы (30,2%) и историческая литература (27,6%). Что касается телевизионных передач, то здесь наибольший интерес вызывают информационно-аналитические передачи (48,6%) и документальное кино (25% всех опрошенных).

В последнее время появилось множество самых разных молодежных объединений, в том числе и политических. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что среди них крайне мало объединений, созданных самой молодежью для реализации собственных интересов. Подавляющее большинство из них либо молодежные отделения ведущих политических партий, либо политические проекты, созданные старшим поколением для решения каких-то конкретных политических задач. Не случайно большинство опрошенных респондентов демонстрируют индифферентное отношение ко многим из них. Лишь 18% что-то знают или слышали о деятельности молодежных организаций и движений, в то время как более половины опрошенных (51%) ничего о них не знают, а еще 30% затруднились с ответом [1, с.56–58].

Для того чтобы проникнуть в более глубокие, фундаментальные слои сознания респондентов, необходимо определить, что им дорого, что движет их поведением, каковы мотивы выбора именно этой специальности, каковы личностные перспективы.

Так, на вопрос, испытываете ли Вы чувство гордости, когда говорите на кого учитесь, ответы распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Испытываете ли Вы чувство гордости, когда говорите на кого учитесь?

Однозначно, да	32,8
Скорее да, чем нет	46
Скорее нет, чем да	14,4
Определенно нет	1,3
Затрудняюсь ответить	5,2

Большая часть студентов собирается работать по специальности, а при поступлении на работу в органы государственной и муниципальной власти будущие служащие будут руководствоваться возможностью сделать карьеру (32,8%), стремлением занять престижное место в обществе (23,6%), общественными интересами (19,7%), личными интересами (11,8%), необходимостью где-то работать (9,2%), сочетанием перспектив карьерного роста, хорошей заработной платы и существованием вакантного места (2,6%).

Для того чтобы достичь жизненного успеха, молодому человеку необходимо трудолюбие и добросовестность; знакомства и поддержка влиятельных лиц; положение, связи и материальная помощь родителей, – считают будущие государственные и муниципальные служащие.

Необходимо отметить и то, что студенты, осваивая свою специальность, берут пример и с современных государственных и муниципальных служащих, наблюдая за их поведением, за стилем их работы.

По мнению студентов, современные государственные и муниципальные служащие целеустремленные, ответственно выполняют свои должностные обязанности, обладают высокой профессиональной квалификацией. Они исполнительны, надежны, преданы своему делу, талантливы, умеют подать себя. Современные служащие очень трудолюбивы, «работают день и ночь». Многие государственные и муниципальные служащие преданы своему народу, направляют свои усилия исключительно на поддержание и улучшение благосостояния государства и общества. Однако есть среди них и те, кто ориентирован только на личную выгоду, приобретение связей. Студентов также возмущает поведение депутатов Государственной Думы, Федерального Собрания Российской Федерации, которые не ходят на заседания, а те, кто и присутствует, читают газеты или говорят по телефону.

Государственная служба ассоциируется у студентов с бездействием, коррупцией. Однако молодые люди считают работу в органах власти престижной. Так, на вопрос, в чем причины коррупции, студенты ответили, что причина в недостаточно высокой заработанной плате (38,1%), желании быть «не хуже» других состоятельных людей (19,7%), стремлении к созданию резерва денежных и имущественных средств на случай увольнения с государственной службы (14,4%), особенности характера (11,8%), жадности, безнаказанности (9,2%), и лишь 6,5% считают, что причина в существующей системе управления.

Проведенное исследование свидетельствует о положительной тенденции воспитания нового поколения государственных и муниципальных служащих. Будущие управленцы имеют активную гражданскую позицию. Семейное счастье, любовь и дети – это то, что молодое поколение ценит более всего. Студентов отличает высокий уровень профессионализма и реализма в подходе к постановке и оценке проблем, связанных с государственной и муниципальной службой.

Несмотря на положительные тенденции, мы продолжаем наблюдать в органах власти низкий уровень культуры поведения, недобросовестное исполнение должностных обязанностей. Новые люди, приходящие во власть, легко осваивают традиционные модели корпоративного поведения и лишь актуализируют (подсознательно) соответствующий сценарий поведения. На наш взгляд, проблема – в самой системе управления. Существующая система управления воспроизводит определенный тип отношений, навязывая свои ориентации и установки.

Вопрос заключается в том, как поведут себя будущие государственные и муниципальные служащие, будут ли удовлетворены сложившимся положением вещей или же постоянно будут саморазвиваться, повышать свой профессиональный уровень. Модернизация системы управления, приведенная в соответствие с новыми условиями, – это основная задача нового поколения служащих.

Библиографический список

1. *Горшков М.К.* Молодежь новой России: ценностные приоритеты // ИНАБ. – 2007. – №4. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 95с.

2. *Заславская Т.И., Крылатых Э.М., Шабанова М.А.* Новое поколение деловых людей России. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2007. – С. 36.

3. *Орлова В.В.* Ценностные приоритеты молодежи в Сибирском регионе // СОЦИС. – 2009. – №6. – С. 95.

4. *Павленко М.В.* Духовно-нравственные основы деятельности государственных служащих в современных социокультурных условиях России: Дис. … канд. соц. наук / Курский государственный технический университет. – Курск, 2006. – С. 25.

5. *Тихонов А.В.* Социология управления. – М.: Канон+, 2007. – 472 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Александрова Ольга Валерьевна
Костромской государственный технологический университет
Olyena2005@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КОНЦА XIX ВЕКА

В статье перечислены основные правила производства и разрешения гражданского иска в уголовном процессе, определенные Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. На основе анализа судебной практики Костромского окружного суда по уголовным делам конца XIX века выделены особенности толкования и применения судами норм Устава уголовного судопроизводства в части разрешения требований потерпевшего о возмещении вреда, причинённого преступлением.

Ключевые слова: *гражданский иск в уголовном процессе; оправдательный приговор; обвинительный приговор; удовлетворение иска; оставление иска без рассмотрения.*

Законодательства, допускающие соединенный процесс, устанавливают конкретные правила производства и разрешения гражданского иска в уголовном суде. Чаще всего в виде общего положения они определяют, что при рассмотрении гражданских исков уголовные суды руководствуются правилами гражданского процесса, но с исключениями, которые вытекают из самого факта соединения гражданского и уголовного исков.

Отечественное право конца XIX века не содержит точных указаний о применении правил гражданского процесса к разбирательству гражданских исков в суде уголовном, а анализ судебной практики позволяет сделать вывод об обязательности для уголовного суда при разрешении гражданских исков лишь материальных, но не процессуальных гражданских законов.

Согласно сложившейся судебной практике, в конце XIX века порядок рассмотрения гражданского иска в уголовном суде совершенно отличался от принятого в гражданском суде. Во-первых, уголовный суд за рассмотрение требований о возмещении вреда, причинённого преступлением, не взыскивает с потерпевших ни канцелярских, ни судебных пошлин [1, §142].

Во-вторых, разрешение иска в уголовном процессе производится не по формальным доказательствам, а на тех же основаниях, по которым разрешается вопрос о виновности, поскольку от разрешения этого вопроса зависит и разрешение вопроса об удовлетворении гражданского иска. При этом необходимо отметить, что правила о доказательствах в уголовном суде несравненно шире тех же правил в суде гражданском [2, с. 344].

Уставом уголовного судопроизводства запрещалось присуждение исков голословных. Суд уголовный обязывался разрешать иск во всем его объеме, не ограничиваясь признанием его в принципе, с правом лишь отложить разрешение вопроса о размере иска до дальнейших расчетов; отказ истца от заявленных требований и неявка его в судебное заседание устраняли гражданский иск [7, ст. 785].

Права, предоставленные гражданскому истцу в уголовном процессе ст. 630 и 631 Устава уголовного судопроизводства, несравненно больше тех, которыми пользуется истец по ст. 409 и 411 Устава гражданского судопроизводства. Права эти принадлежат истцу как в суде, так и в ходе предварительного следствия [4, §193]. Право обжалования судебного приговора предоставлено гражданскому истцу, но в более узких пределах, а именно: участвующий в деле гражданский истец может обжаловать решение только относительно своего иска, прочие же части приговора могут быть опровергаемы им в апелляционном и кассационном порядках лишь тогда, когда ими нарушается его право на вознаграждение [7, ст. 859, 906]. «Приговор, обжалованный только в отношении к гражданскому иску, вступает в законную силу во всех частях, не касающихся иска» [7, ст. 944].

Гражданский иск в уголовном деле разрешается теми органами, которым принадлежит право рассмотрения дела по существу; в судах присяжных разрешение гражданского иска принадлежит коронному элементу суда.

© Александрова О.В., 2011

Как же разрешается гражданский иск? Постановив приговор по уголовному делу, суд в соответствии со ст. 776 Устава уголовного судопроизводства делает постановление о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступным деянием, но это постановление не может быть признаваемо отдельным, независимым от приговора решением и составляет лишь дополнение приговора о виновности и наказании [3, §92]. В Уставе уголовного судопроизводства не содержится никаких указаний относительно влияния решения по уголовному делу на гражданский иск в соединенном процессе, поэтому выяснение этого существенного вопроса составляет задачу анализа судебной практики.

Удовлетворение требований потерпевшего о возмещении вреда и убытков составляет одно из последствий судебного приговора по уголовному делу [3, §93]. Для признания исковых требований потерпевшего от преступления необходимо, чтобы между судебным решением по вопросу об уголовной ответственности обвиняемого и постановлением суда о вознаграждении существовала известная причинная связь, чтобы одно из другого вытекало, как следствие из причины. При наличности такого соотношения между приговором и постановлением относительно гражданского иска уголовный суд не вправе отклонить от себя разрешение этого иска, так как соединенный процесс имеет конечною своей целью одновременное решение уголовного и гражданского исков, и закон, допустив присоединение гражданского иска к уголовному делу, тем самым обязывает суд дать определенное решение по вопросу о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением или проступком.

Удовлетворение иска о вознаграждении за вред и убытки может быть последствием как обвинительного, так и оправдательного приговора.

Обвинительный приговор, в виде общего правила, влечет за собою признание иска, вытекающего из преступления [3, §93]. Обвинение кого-либо в преступлении или проступке, заключая в себе признание известных фактических вопросов, необходимых для разрешения гражданского иска, представляет полное основание для удовлетворения потерпевшего, если только самый вред и убытки доказаны истцом. Если по ст. 31 Устава уголовного судопроизводства решение в уголовном порядке вопросов о факте преступления и участии в нем обвиняемого признается обязательным для суда гражданского в случаях отдельного производства уголовного и гражданского исков, то это же должно быть признано обязательным для суда, постановившего обвинительный приговор в соединенном процессе.

Более сложным представляется вопрос об удовлетворении требований потерпевшего в случаях оправдательного приговора; здесь при разрешении гражданского иска необходимо иметь в виду различные основания вынесения данного вида приговора.

Во-первых, обвиняемый может быть оправдан вследствие «непреступности» того деяния, в котором он обвиняется. Иск о вознаграждении подлежит рассмотрению в уголовном порядке только в тех случаях, когда он вытекает из преступного деяния, а потому, если суд не признает в деянии, послужившем предметом судебного разбирательства, признаков наказуемого деяния, то этим устраняется всякое основание для разрешения гражданского иска в уголовном суде. Иск о вознаграждении в настоящем случае должен быть оставлен без рассмотрения, при этом в соответствии со ст. 31 Устава уголовного судопроизводства не исключается его предъявление в гражданском суде на основании правил «о вознаграждении за вред и убытки, последовавшие от деяний, не признаваемых преступлениями и проступками» (Т. X, ч. 1, ст. 684–689).

Так, Костромским Окружным судом по уголовному делу №150 за 1872 год о самовольной порубке леса крестьянами в Нейскокашинской даче гражданский иск был оставлен без рассмотрения, поскольку производство по делу было прекращено в связи с отсутствием умысла у обвиняемых. «При таком воззрении на дело, суд не может принять на себя удовлетворение гражданского иска, который подлежит в сем случае единственно гражданскому суду» [6, с. 10]. Таким образом, в случаях оправдания кого-либо по непризнанию судимого деяния преступным (то есть в связи с отсутствием состава преступления), гражданский иск должен быть оставлен без рассмотрения.

Во-вторых, при передаче судом дела по подсудности, гражданский иск потерпевших также оставляется без рассмотрения при деле для его дальнейшего разбирательства судом, которому надлежит рассмотреть уголовное дело по существу. Так, гражданский иск Курковой на сумму 40 рублей по уголовному делу № 758 за 1892 год Костромским Окружным судом был оставлен без

рассмотрения, при этом в определении указывалось следующее: «Жалоба Курковой остается без последствий на основании ст. 17 и 18 Временных правил о Волостном суде; дело подлежит разбирательству Лапшинским Волостным судом, гражданский иск отправить для разбирательства с делом по подсудности» [5, с. 14–15].

В-третьих, обвиняемый может быть оправдан по коллективному вопросу о виновности; при неизвестности в подобных случаях оснований оправдательного приговора уголовный суд не может признать иск подлежащим удовлетворению, но, с другой стороны, он не может и отказать в иске, так как оправдательный приговор сам по себе не служит еще доказательством того, что событие преступления не совершилось и что оно не было деянием оправданного. «Разрешение уголовным судом гражданского иска, замечает Сенат, уместно лишь тогда, когда уже признано, что событие преступления действительно совершилось и оно было деянием того лица, к которому иск предъявлен. Если уголовный суд разрешил отдельно элементарные вопросы, из коих слагается понятие виновности или невиновности подсудимого, а именно – совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли быть вменено в вину (ст. 754 Устава), то все это не может возбудить сомнения. Но если подсудимый оправдан по коллективному вопросу и такое оправдание последовало по решению присяжных (ст. 837 Устава), то при неизвестности, на каком основании подсудимый оправдан, сомнение должно быть истолковано в пользу общего правила о подсудности гражданского иска гражданскому суду, то есть иск должен быть оставлен без рассмотрения и обращен по ст. 31 Устава в гражданский суд» [3, §94].

Обвиняемый может быть оправдан на том основании, что событие преступления не совершилось и не было деянием подсудимого. Подобный приговор влечет за собою отказ в иске, так как там, где нет самого факта, не может быть и последствий, вытекающих из него. Уголовный суд не вправе в настоящем случае отклонить от себя рассмотрение исковых требований потерпевшего, тем более что признание судом, что событие преступления не совершилось и не было деянием подсудимого, фактически устраняет возможность предъявления иска в гражданском суде, для которого обязательно окончательное решение этих вопросов в уголовном порядке; при этих условиях обращение потерпевшего с иском в гражданский суд представляется, по замечанию Сената, «делом совершенно бесплодным».

Обвиняемый может быть оправдан по одной из указанных в законе причин невменения. «Невменение подсудимому в вину его деяния, по ст. 31 Устава уголовного судопроизводства, не устраняет гражданского иска» [3, §94]. Это общее правило вполне сохраняет свою силу в соединенном процессе при одновременном рассмотрении обоих вытекающих из преступления исков. Обвиняемый, признанный судом невиновным за отсутствием способности ко вменению, не освобождается от гражданской ответственности, которая не всегда совпадает с уголовною и подчиняется особым правилам, установленным в гражданских законах. Оправдательный приговор по невменению в вину содеянного предполагает признание судом действительности события преступления и участия в нем обвиняемого, то есть таких фактических обстоятельств, которые обыкновенно имеют решающее значение в удовлетворении потерпевшего за вред и убытки. При этих условиях иск о вознаграждении не может быть устранен от рассмотрения его по существу. Уголовный суд, освободив оправданного от уголовной ответственности, обязан вынести постановление о вознаграждении за вред и убытки [7, ст. 776, 778].

Таким образом, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством конца XIX века, суд, постановив приговор по уголовному делу, обязан начать рассмотрение гражданского иска, за исключением тех случаев, когда обвиняемый оправдан по коллективному вопросу о виновности или вследствие непризнания деяния преступным; в последних двух случаях гражданский иск должен быть оставлен без рассмотрения и может быть обращен в гражданский суд. При рассмотрении гражданского иска в порядке уголовного судопроизводства с потерпевших не взимается пошлина. Доказательства, используемые при обосновании требований потерпевшего, не должны носить формальный характер, иск не может быть голословным. При рассмотрении иска доводы гражданского истца должны быть исследованы в полном объеме.

Библиографический список

1. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского гражданского процесса. – М., 1913.

2. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство. – СПб., 1910.

3. *Тальберг Д.Г.* Гражданский иск в уголовном суде, или соединённый процесс. – Киев: Типография В.И. Завадского, 1888.

4. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – Т. I (издание 4-е). – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1912.

5. Уголовное дело Костромского Окружного суда №758 по обвинению Василия Крутикова по ст. 1483 Уложения о наказаниях о нанесении побоев Курковой. Начато: 05.11.1892 года. Рассмотрено 30.11.2892 года.

6. Уголовное дело Костромского Окружного суда №150 о самовольной порубке леса крестьянами в Нейскокашинской даче на сумму 512 рублей. Начато: 01.07.1872 года. Рассмотрено: 29.09.1976 года.

7. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // Справочно-правовая система «Гарант», раздел «Классика российского правосудия».

УДК 351

Груздев Владислав Владимирович
кандидат юридических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bora@kmtn.ru

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуются теоретические подходы к пониманию правового воздействия, его основных элементов, механизма. Рассматриваются вопросы соотношения правового регулирования и правового воздействия, определяются их общие и отличительные признаки.

Ключевые слова: *право, правовое воздействие, правовое регулирование, правовые средства, механизм, действие права.*

Становление в Российской Федерации правового государства, динамическое преобразование общественных институтов, трансформация существующих и возникновение новых отношений, посредством которых удовлетворяются разнообразные интересы их участников, предопределяют необходимость позитивного разрешения складывающихся в обществе экономических, политических, социальных и других проблем. Поскольку право как нормативный регулятор занимает в этом процессе важную роль, вопросы правового влияния на общественные процессы приобретают особое значение, актуализируя их научную разработку.

Право как явление многогранное выполняет разные функции. Характеризуя социальную роль права, особо выделяют правовое воздействие, под которым понимают не только нормативное, но и психологическое, идеологическое влияние права на чувства, сознание и действия людей. При этом к формам правового воздействия относят правовое регулирование, информационное и ценностно-ориентационное влияние права [27, с. 317–318].

Правовое регулирование не охватывает всех форм правового воздействия [17, с. 17; 35, с. 34–35]. Однако право способно влиять на общественные отношения не только как специально-юридический механизм, но и в целом как идеологическая сила, подобно любому иному надстроечному явлению. В первом случае говорят о правовом регулировании, во втором – о правовом воздействии [16, с. 301; 7, с. 106; 6, с. 168].

Определение правового воздействия в качестве достаточно широкого по содержанию понятия требует его соотношения с категорией правовое регулирование, которое в отечественной юриспруденции выступает достаточно частым объектом исследований и является сравнительно близким понятию правовое воздействие.

С точки зрения русской лексики термины «регулировать» и «воздействовать» обозначают не вполне совпадающие понятия. Термин «регулировать» имеет значение упорядочивания, налаживания, направления развития, движения, приведение в соответствии с установленными нормами, правилами [8, с. 226]. В свою очередь термин «воздействовать» обозначает оказание влияния, процесс достижения необходимого результата [20, с. 92].

Сопоставление данных терминов позволяет сделать вывод о том, что термин «воздействие»,

© Груздев В.В., 2011

по сравнению с «регулированием» является более широким, поскольку не ограничивается подчинением определенному порядку, правилам и нормам, а предполагает оказание любого влияния на что-либо.

Правовое регулирование обычно определяют как осуществляемый при помощи целостной системы правовых средств (юридических норм, правовых отношений, индивидуальных предписаний и т.д.) процесс целенаправленного, нормативно-организационного упорядочения общественных отношений [5, с. 209].

Правовое регулирование имеет следующие признаки:

– это разновидность постоянного социального упорядочения общественных отношений в целях установления устойчивого и эффективного правопорядка;

– имеет, как правило, государственно-властный характер и выражается как правило в том, что отношения между субъектами облекаются в определенную правовую форму, содержанием которой являются установленные субъективные права и обязанности. В то же время оно может осуществляться через участие общества, помимо прямого посредства государства;

– имеет системно-нормативный характер, поскольку реализуется при помощи системы юридических средств;

– имеет высокую степень гарантированности доведения предписаний норм права до их исполнения.

Понятие «правовое воздействие» более широкое.

Некоторые ученые видят в правовом воздействии влияние права на сознание и поведение людей на основании самого факта наличия правовых требований. Речь идет о том, что принятие и наличие определенных законов влияет на людей, оказывает на них воспитательное воздействие. В этом проявляется общесоциальная функция права: оно влияет на формирование культуры, закрепление определенных жизненных позиций и др. [30, с. 246].

Другие рассматривают юридическое воздействие как оказание того или иного влияния на общественные отношения и на их участников в направлении, которое в общем и целом определяется природой, назначением и политикой государства на каждом данном этапе развития общества. При этом политика обуславливается теми реальными процессами, которые происходят в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни [38, с. 45].

На наш взгляд более точно сущность правового воздействия отражает его лаконичная характеристика как взятого в единстве и многообразии всего процесса влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей [34, с. 622].

Поскольку правовое воздействие и правовое регулирование по смыслу являются понятиями близкими, частично совпадающими, но по содержанию и форме проявления не тождественными, следует провести соотношение между ними. Оно, как представляется, состоит в следующем.

Сфера правового регулирования по сравнению с областью правового воздействия уже. Правовое регулирование по своему назначению не может не регламентировать действия субъектов права как участников общественных отношений. Правовое воздействие способно реализовываться и вне такой регламентации, когда правовые явления не только моделируют определенные политические, экономические и другие отношения, но и оказывают влияние на иные правовые явления, не опосредованные правовыми нормами.

Юридическую форму нельзя рассматривать исключительно с точки зрения регулятивной функции права. Право влияет на деятельность субъектов права, даже не наделяя их в определенные моменты правами и обязанностями. Это общеидейное, информативное влияние. Такое идеологическое, информативное влияние по содержанию специфично, играет большую роль в формировании правосознания и предотвращении правонарушений. Но в нем нет особенностей, которые свойственны правовому регулированию, и в этом смысле оно не отличается чисто юридической спецификой [40, с. 204].

Кроме того, правовое воздействие распространяется на систему неюридических объектов, когда правовые явления в том или ином отношении оказывают на них свое влияние.

Между правовым регулированием и сознанием человека существует неразрывная связь, которая выражает восприятие закрепленные в правовых нормах принципы и правила. Поэтому неслучайно Г.В. Мальцев подчеркивает нерешенность фундаментального вопроса о процессе взаимодействия механизмов психической регуляции и правового регулирования. Все изменения в правовой сфере связаны с глубокими индивидуаль-

ными переживаниями, личными или коллективными чувствами, общественными страстями, которые развертываются на базе волевых и эмоциональных процессов. Поэтому ученый полагает, что юристы должны обращаться к материалам изучения процессов психической регуляции, имея в виду предмет правового регулирования, т.е. им необходимо выяснить, как поступки, обладающие правовой значимостью, формируются в психике человека, как под воздействием норм и других внешних регулирующих факторов они определяются в качестве актов правового поведения [15, с. 122]. Но для этого необходимо исследовать весь спектр правовых явлений, которые воздействуют на личность, общество, социальные процессы и перестать игнорировать в этом процессе роль правосознания. Подобные слова вполне применимы и другим воздействующим явлениям: правовой культуре, правовой информации, правовой политике и т.д.

Правовое регулирование – это воздействие с помощью системы специальных правовых средств, через механизм правового регулирования.

В.А. Сапун, посвятивший правовым средствам специальное исследование, определяет их как институционные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе. Они есть регуляторы, предусмотренные нормами права, образующие вещество, узловые пункты права, рассматриваемые с практической, функциональной стороны – под углом зрения их роли в оптимальном воздействии на общественные отношения [31, с. 56, 38, 60]. В этом отношении правовое регулирование есть специально-юридическое воздействие предусмотренных нормами права правовых средств на общественные отношения.

Правовое воздействие осуществляется не только посредством специальных правовых средств, которые предусматриваются нормами права, но и при помощи иных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых принципов, правотворческого процесса), то есть тех, которые непосредственно к механизму правового регулирования не относятся, а служат его своеобразным базой, «фоном» и результатом. В этом отношении С.А. Комаров правильно подчеркивает, что при рассмотрении механизма правового воздействия в статическом состоянии, его понятие, по существу, совпадает с категорией «правовая надстройка», под которой понимают всю совокупность юридических явлений, вырастающих над экономическим базисом [12, с. 382].

Соотношение правового регулирования и правового воздействия может быть рассмотрено не только в статике, но и в динамике. Использование термина «механизм правового воздействия», позволяет сосредоточить внимание на динамической характеристике всех правовых явлений, в том числе на взаимодействии и соотношении всех правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие. Следовательно, механизм правового воздействия раскрывает структурные особенности правовой надстройки, рассматриваемый в движении, в динамике [19, с. 92–93].

Исследование правового воздействия в этом аспекте дает возможность сделать уточняющие выводы о моменте, с которого начинается правовое регулирование и правовое воздействие.

Ряд ученых рассматривают правовое регулирование в узком смысле, связывая его лишь с упорядочиванием общественных отношений, границы которого задают субъективные права и обязанности. Так, А.В. Поляков отмечает, что правовое регулирование есть только там, где достигаются коммуникативно-правовые цели. Если, например, закон не реализовался в поведении субъектов, не конституировал субъективные права и обязанности, то это означает, что правовое регулирование отсутствует [24, с. 611].

Ю.К. Толстой считает, что воздействие нормы права на поведение людей проходит три стадии: правоспособности, юридического факта и правоотношения. На первой стадии нормы права еще не регулируют поведение людей; они воздействуют на волю и сознание людей лишь самым общим образом. Причины этого в том, что для правового регулирования, по сравнению с воздействием норм права на поведение людей в стадии правоспособности, характерна большая конкретность в определении юридически возможного и должного поведения участников общественных отношений. Норма права начинает регулировать поведение людей лишь на стадии юридического факта и заканчивает его в тот момент,

когда в результате осуществления субъективных прав и обязанностей правоотношение прекратит свое действие [34, с. 6–7].

В этом же аспекте определяет водораздел между правовым регулированием и правовым воздействием А.М. Витченко, когда рассматривает правовое регулирование в качестве упорядочения общественных отношений путем подчинения их участников воле государства при помощи норм права с момента наступления юридического факта [9, с. 92].

Другие ученые рассматривают правовое регулирование более широко, полагая, что его не следует сводить исключительно к специфически юридическому воздействию на общественные отношения, которое осуществляется путем наделения их участников субъективными правами и юридическими обязанностями.

Так, В.М. Горшенев полагает, что правовое регулирование охватывает исключительно все формы и средства влияния права на общественную жизнь, а его понимание в качестве воздействия права на поведение людей в процессе реализации норм права в правоотношениях неоправданно сужает богатую анатомию правового регулирования и делает ее односторонней [10, с. 20–21].

По мнению Ф.Н. Фаткуллина и Ф.Ф. Фаткуллина правовое регулирование осуществляется путем подключения в юридическое воздействие всех «прямых производных» правовых норм (прав, свобод, обязанностей, мер восстановления и т.д.); оно может в той же мере выражаться в закреплении определенных общественных отношений (например, народовластия в стране, форм собственности, организационно-правовых форм юридических лиц) или, наоборот, в их вытеснении при помощи запретов, в установлении правового статуса, компетенции или полномочий соответствующих лиц, в возложении на них юридической ответственности или, наоборот, применении к ним мер поощрения. Они полагают, что нельзя искусственно обеднять богатое содержание данного понятия, сужая его до юридических актов, рассчитанных на воздействие только на определенную разновидность общественных отношений при помощи некоторой части юридических средств из сложного метода правового регулирования [38, с. 54–55].

Правовое регулирование следует относить к возникшему правоотношению, отличием которого является четкость и определенность прав и обязанностей его субъектов. Широкое понимание правового регулирования является следствием недостаточного учета особенностей специально-юридического воздействия права в процессе его общего влияния. Поэтому правовое регулирование, будучи по своей природе специальным, распространяется не на будущие, возможные, а на существующие права и обязанности, принадлежащие конкретным индивидуальным или коллективным субъектам.

В то же время возникает вопрос о регламентации тех характеристик субъектов, которые позволяют рассматривать их в качестве субъектов права, о возможности их отнесения к сфере специально-юридического воздействия права.

Анализ употребления термина «правовое регулирование» позволяет сделать вывод о том, что его использование в значительной мере зависит от понимания того, что регулируется правом. Традиционно, в качестве предмета правового регулирования называются общественные отношения. Однако они, как правило, с точки зрения строения и наличия элементов юристами рассматриваются редко. Данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку позволяет не только установить предмет правового регулирования, но и определить границы правового регулирования, впоследствии соотнеся его с правовым воздействием.

В.Н. Кудрявцев считает, что общественные отношения выступают в качестве социальных связей между людьми, которые могут не только выступать в виде каких-либо человеческих поступков, но и существовать в «застывшей», пассивной форме, например, в виде «позиции» людей по отношению друг к другу: в форме правового или социального статуса граждан, в виде социальных институтов и т.д. [14, с. 18].

Другой точки зрения придерживается В.Н. Протасов. Общие черты его концепции заключаются в следующем. Если отношение, разновидностями которого являются связи, зависимости и разграничения, есть взаимоположение обособленных предметов, явлений, возможное в силу их общей природы и основывающееся на их свойствах, если отношение существует между явлениями, а внутри него отсутствуют всякие элементы, то в социуме, наряду с общественным отношением, есть два других компонента: субъекты, между которыми данные общественные отношения существуют и социальная деятельность,

поведение субъектов. Правовое регулирование осуществляется в отношении социальной сферы в единстве данных компонентов: субъектов, отношений и деятельности. На отраслевом уровне через специальные (специализированные) нормы определяется круг участников, а через нормы, устанавливающие права и обязанности, формируются отношения между субъектами и определяется требуемое и возможное поведение [25, с. 501–517]. Иными словами, правовое регулирование охватывает систему, под которой понимаются социальные качества субъектов применительно к роду определенной деятельности и, собственно, сами общественные отношения как связи, зависимости и разграничения, которые существуют или могут существовать между субъектами на основе их свойств применительно к определенному роду деятельности.

Если правовое регулирование есть процесс целенаправленного, нормативно-организационного упорядочения, который осуществляется с помощью системы правовых средств, то, возможно будет разумно распространять его не только на общественные отношения, которые понимаются в указанном В.Н. Протасовым аспекте, но и на регламентацию статических характеристик субъектов, в качестве условий необходимых для их участия в соответствующих правоотношениях.

Соотношение в данном случае будет заключаться в следующем. Имея в виду специально-юридическое воздействие на общественные отношения, осуществляемое путем наделения их участников субъективными правами и обязанностями можно говорить о правовом регулировании общественных отношений. Если же специально-юридическое воздействие распространяется не только на общественные отношения, но и охватывает результат действия системы правовых норм, регламентирующих статические характеристики субъектов права, допустимо использовать понятие более широкого содержания – «правовое регулирование». Первое – рассматривается с практической, функциональной стороны, второе – наряду с динамичной составляющей (реальной или потенциальной), включает элементы статики, которые необходимы для оптимального упорядочения общественные отношения

В этом смысле соотношение категорий «правовое регулирование» и «правовое регулирование общественных отношений» имеет сходство с соотношением «правового воздействия» и «правового регулирования», где второе составляет часть содержания первого.

Правовое регулирование, которое напрямую не направлено на упорядочение общественных отношений, в качестве необходимой вспомогательной части опосредованно обслуживает данный процесс с помощью специфического механизма регуляции. В частности, определяется правовое положение субъектов, их правоспособность, компетенция и полномочия, закрепляются исходные, руководящие начала общего характера, даются определения правовых, политических и иных понятий и др., т.е. все то, без чего правовые отношения представить трудно. В то же время не следует упускать тот факт, что правовое регулирование осуществляется при помощи и на основе норм права, связь с которыми может быть прямой или опосредованной, поскольку иные правовые средства выступают как регуляторы, предусматриваемыми нормами права. Поэтому началом правового регулирования следует считать начало момента действия нормы права, которое определяется вступлением в силу нормативно-правового акта, содержащего норму права.

Надо сказать, что границу, точнее взаимопроникновение рассматриваемых явлений определить довольно сложно. В некоторых случаях ее обнаружить просто невозможно. С одной стороны, правовое регулирование, которое не направленно на общественные отношения напрямую, есть необходимый компонент процесса упорядочения общественных отношений, без которого оно или не сможет достичь своих целей, или будет неэффективным. С другой стороны, ему в значительной степени присущ информационный и оценочный характер. Именно здесь «сходятся» не только специально-юридический и социальные аспекты правового воздействия, но и взаимодействуют правовое регулирование общественных отношений и регламентация необходимых условий для возникновения правоотношений, условий реализации права, условий возложения юридической ответственности и т.д.

Следует также учитывать дискуссионность вышеуказанных положений и плюрализм существующих по этим вопросам мнений. Поэтому представленные соображения не являются окончательными и подлежат дальнейшему обсуждению.

Правовое воздействие шире, им охватываются не только возникшие на основе юридических фактов правоотношения, не только возможные,

потенциальные правоотношения, абстрактные модели которых установлены в нормах права, и не только необходимые условия для их возникновения. Связь правового регулирования и правового воздействия проявляется в том, что определение вариантов возможного поведения приводит в действие целую систему внеправовых стимулов деятельности, являющихся немаловажным средством развития социальной активности личности. Стимулирование определенного поведения – это одна из разновидностей управления, имеющая, однако, более «опосредованный» характер, чем «прямые» предписания [13, с. 10].

Правовое воздействие осуществляться посредством процесса правообразования. В правообразовании выделяется несколько этапов. Первый охватывает формирование объективных факторов, процессов и явлений, определяющих основное содержание создаваемых норм права. В нем обособляются стадия формирования, развития и исчезновения различных природных, экономических, социальных условий жизни, а также стадия преломления и конкретизация данных условий в индивидуальных и коллективных интересов. Последние определяются в качестве связующего звена со вторым, субъективным этапом правообразования. Данный этап учитывает формирование и развитие общественного правосознания и воли, а также их последующее выражение в виде государственной воли, права [33, с. 32–34].

Обычно нормы права устанавливаются после того, как та или иная идея, сложившаяся в обществе, осознается лицами, участвующими в правотворчестве. Ярким примером этого служит процесс принятия Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», когда в обществе сложилось преимущественно отрицательное отношение к существующему порядку организации и ведения игорного бизнеса, что логично привело к существенному изменению его правовой регламентации.

Но может сложиться и так, что основой для правового воздействия выступает правосознание определенной социальной группы. Так, примером того, как, по-видимому, групповое правосознание оказало в целом отрицательное воздействие на социальную политику в России, является принятие Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ о замене социальных льгот денежными выплатами.

Связь права и правосознания отличает сложный и взаимный характер. С одной стороны, первое зависит от второго, с другой стороны, последнее в значительной степени обуславливается первым. Поэтому следует учитывать, что возможное выделение начала процесса правового воздействия (в отличие от правового регулирования), будет достаточно условным. В определенном роде это напоминает вечный спор об известных явлениях – что появилось раньше другого. Более того, мы полагаем, что в правовом воздействии как процессе влияния всех правовых явлений на социальную жизнь, нельзя выделять определенные периоды, ступени его развития (стадии). Более правильно говорить о тех или иных элементах правового воздействия, о направлениях и степени их влияния.

Оригинальная концепция понимания правового воздействия и правового регулирования предложена Т.Р. Ореховой. Правовое воздействие определяется как процесс влияния права посредством действия его инструментов на ту или иную сферу общественных отношений, вызывающего в ней определенные изменения. Как результат воздействия упорядоченность возникает не всегда, поскольку возможны изменения, приводящие к разрушению объекта. Регулирование же должно быть направлено на достижение поставленных целей, определенного, заранее осмысленного результата в виде абстрактной модели. Поэтому, по мысли автора, отличие правового регулирования от правового воздействия заключается не в «степени» или применяемом инструментарии, а в сознательности, рациональности волевого фактора, логичности и целесообразной направленности его действия, его полезности для субъектов права, общества. На основании этого Т.Р. Орехова приходит к выводу, что не будут правовым регулированием волевые действия, хотя и облеченные в правовую форму, но направленные на резкое реформирование параметров экономической системы, не учитывающие ее внутреннего состояния и потребностей. Указанные волевые действия следует отнести к правовому воздействию [22, с. 68].

С указанными положениями вряд ли можно согласиться по следующим основаниям. Во-первых, не совсем ясно, что понимает автор, когда относит волевые действия, облеченные в правовую форму к правовому регулированию. Если

это правовые средства (например, правоотношения), то возникает вопрос: кто способен выступать в качестве субъекта, который будет давать оценку логичности и целесообразной направленности указанных правовых явлений, их полезности для субъектов права, общества. Тем более, что данная оценка чаще всего не проводится. Такой подход основывается на субъективных факторах, что предопределяет дополнительный потенциал неопределенности соотношения правового воздействия и правового регулирования. Во-вторых, возникает вопрос, можно ли тогда вообще будет говорить о правовом регулировании. Например, вряд ли в Российской Федерации (любом другом государстве) принятие любого нормативного правового акта обязательно влечет достижение поставленных целей, наступление заранее осмысленного положительного результата. Но это не должно и не может быть основанием для разграничения правового воздействия и правового регулирования. Это, скорее, сфера вопроса об эффективности правового регулирования.

В указанном аспекте следует скорее вести речь о том, что правовое воздействие есть активизация широкого и не всегда прогнозируемого спектра воздействующих свойств и характеристик правовых явлений. Это может способствовать регулированию, но может ему и препятствовать. Находясь в одной плоскости, правовые явления активно взаимодействуют, что приводит к неизбежному взаимному изменению. Напротив, для правового регулирования нахождение правовых явлений в одной плоскости дополняется строгой расстановкой на разные уровни, что позволяет им не только влиять друг на друга, но выстраивать стабильные отношения управления и подчинения. Это находит выражение в тех устойчивых связях, которые образуются между соответствующими явлениями в существующей иерархии «регулирующее – регулируемое».

Другой важный аспект соотношения правового воздействия и правового регулирования состоит в том, что следует учитывать, что правовое регулирование есть составная часть правового воздействия. Не всегда строгий учет этого обстоятельства может привести к ошибочным выводам, которые, по сути, разрывают эти понятия, отказывая им в наличии закономерной и неразрывной связи.

Это, в частности, прослеживается в одной из характеристик правового воздействия, которая дается О.Ф. Скакун. Она считает, что правовое воздействие является не специфически правовым, а общим, в котором действует не право как совокупность норм, а «дух» права, прослеживается влияние права на систему общественных отношений, на потенциал психического склада личности, на его правовое сознание и культуру [32, с. 303]. То, что правовое воздействие нельзя отнести в полной мере к специфически правовому, отмечается ученым правильно, но отрицание за ним специально-юридического воздействия, просто исключает данный аспект влияния права из правового воздействия, с чем мы согласиться не можем. Нельзя разграничивать эти явления таким образом, поскольку правовое регулирование осуществляется в специфической форме, которая в то же время есть форма правового воздействия. В этом случае разграничению подлежат лишь различные формы правового воздействия.

Поэтому следует уточнить позицию тех авторов, которые указывают, что и воздействие права, и регулирование – процессы, способные протекать одновременно [27, с. 482]. Процесс правового регулирования – это одновременно и процесс правового воздействия. Но процесс правового воздействия – это не всегда процесс правового регулирования. Поэтому, как представляется, следует скорее говорить о том, что правовое воздействие вне регулирования помыслить можно, тогда как правовое регулирование вне воздействия представить нельзя.

Смысловая направленность термина «регулирование» предполагает цель приведения чего-либо в систему, подчинение определенному порядку, правилам и нормам. Само назначение правового регулирования состоит в установлении определенных правил и организации их соблюдения [18, с. 88]. Термину «воздействие» такая «жесткая» привязка к цели не свойственна. Нет, соответственно, и требования в качестве обязательного к характеристике воздействия как упорядочения, построения логически непротиворечивой системы, которая бы в своей основе соответствовала какому-либо желаемому образцу, правилу, норме. Поэтому объем понятия «воздействие» шире, из него исключено требование о достижении императивного результата. В то же время понятие «воздействие» не отрицает существования в качестве желаемого общего направления движения к не конкретной, но вполне просматриваемой цели.

Правовое воздействие, охватывающее собой все виды влияния и пути воздействия правовых явлений на действительность, достаточно разнообразно. В нем выделяют два основных канала, по которым общее идеологическое воздействие осуществляется – информационный и ценностно-ориентационный.

Первым на существование соответствующих каналов (аспектов) воздействия права указал В.Н. Кудрявцев, дополнительно выделяя третий канал – принудительное воздействие права. Но, как справедливо в этой связи подчеркнул С.С. Алексеев, данный канал относится к иной плоскости его функционирования – к специфически-правовому регулированию [3, с. 212]. В то же время, большинство авторов предпочитают вести речь не о каналах, а о формах правового воздействия. Нам представляется, что по отношению к информационному и ценностно-ориентационному воздействию правильно использовать термин «канал», поскольку им скорее характеризуется определенная грань проникновения и осуществления процесса влияния правовых явлений, которая в отрыве от других сторон существовать не может.

Информационное воздействие права состоит в рассмотрении права в качестве вида социальной нормативной информации.

Все процессы в рамках социального управления, характеризует тот факт, что некоторые их стороны предстают в качестве появления, движения, переработки и усвоения социальной информации. Наличие в нормах права признаков и свойств информации позволяет говорить о них как инструменте социального воздействия через волю и сознание людей. Свою регулирующую функцию норма способна выполнить только тогда, когда она воспринята и понята, соответственно и регулировать общественные отношения можно лишь постольку, поскольку право информирует адресата о чем-либо.

Информационно-правовое воздействие на личность подчиняется общим законам психологии и информации, но лишь в той степени, в которой проявляются отражательные свойства права, способность права выражать идеологические и теоретические формы нашего знания, быть средством познания и элементом общего коммуникативного процесса передачи, восприятия, переработки в сознании личности социальной информации. Поэтому информативно-правовое воздействие, прежде всего, направлено на сознание личности, обеспечение присвоения ею правовой программы, осознание социального и личностного значения права [21, с. 61–62]. В этом отношении информация в качестве атрибута действия права влияет на мотивы субъектов, которые ложатся в основу их поведения, что позволяет рассматривать ее в информационно-психологическом аспекте.

Исследование различных аспектов воздействия информации о моделях поведения, которое с точки зрения государства и общества желаемо, поощряемо, требуемо, дозволено или запрещено, позволяет обнаружить скрытые стороны связей и закономерностей такого воздействия, способствует созданию не только стройной и рабочей, но и эффективно функционирующей системы права.

Осуществляя информационный анализ проблем правового воздействия и управления в области права, М.М. Рассолов рассматривает данные процессы в качестве реализации совокупности информационно-значимых функций: постановки целей управления в области права; получения и восприятия поступающей правовой и иной информации, ее регистрации, хранения и обработки; принятия определенного юридического решения, акта (либо без такового); передачи и использования социально-правовой информации. При этом он отмечает, что исходя из трактовки права как инструмента социального управления, информация не может касаться исключительно норм права или сведений об их действии, она должна содержать и данные о взаимодействии экономических и правовых механизмов, определенные юридические сведения о деятельности субъектов права [29, с. 83–84]. Как представляется, вполне логично поступают те авторы, которые понимают под правовой информацией «не только информацию, содержащуюся в правовых нормах, но и те сведения, носителями которых являются генеральные идеи справедливости, свободы, гуманизма, равенства, различные правовые акты (интерпретационные, реализации прав и обязанностей), правовое сознание (общественное, групповое, индивидуальное)» [28, с. 62].

Ю.В. Кудрявцев обоснованно различает два аспекта правовой информации: общее информационное действие права (как и других идеологических форм) и информационное действие, осуществляемое через систему юридических средств,

т. е. через механизм правового регулирования [13, с. 17–18]. В этом смысле информационный аспект рассматриваемой проблемы позволяет выделять не только категории «правовое воздействие» и «правовое регулирование», но и рассматривать динамические характеристики компонентов данных феноменов, которые образуют соответствующий механизм.

Информация о правовых явлениях, которую усваивает получивший ее субъект, может воздействовать в нескольких аспектах. Так, Л.И. Петражицкий указывает на 1) мотивы поведения, которые побуждают к совершению определенных действий и к воздержанию от других и 2) изменения в самой психике индивидов и масс, развивая и усиливая одни привычки и склонности, ослабляя и искореняя другие [23, с. 126–127]. Поэтому в литературе закономерно выделяется другой канал правового воздействия – ценностно-ориентировочный.

В основе ценностно-ориентировочной стороны действия права лежит положение о праве как самостоятельной ценности, о праве, закрепляющей самые важные для человека, общества и государства политические, духовные и другие ценности, которые подлежат уважению, сохранению и приумножению.

Ценность – значимость для человека чего-то в мире. Особенностью ценностей является их постоянство и важность, они не могут быть изменчивыми и неустойчивыми. Ценности не присущи предметам и явлениям сами по себе, они выявляются только в ходе активного взаимодействия человека с окружающим миром, т.е. в рамках социальной практической деятельности, в ходе общественных отношений.

Совокупность ценностных ориентаций образует «ось сознания», обеспечивающую устойчивость личности, общества, государства, стабильность общественных отношений, которые выражены в направленности потребностей и интересов.

В литературе подчеркивается двойственная природа ценности права [37, с. 21]. Право как общесоциальный регулятор обладает инструментальной (служебной) ценностью. Выражается это в том, что: 1) правовые средства используются различными субъектами социальной жизни; 2) свойства права позволяют ввести стабильную, постоянную, определенную, всеобщую и гарантированную государством систему моделей поведения; 3) право обеспечивает нормальное функционирование всего общественного организма, в том числе организованность жизнедеятельности, социальный мир и согласие, снятие социальной напряженности и т.д.

Собственную ценность права видят в том, что оно выражает абсолютные ценности – свободу, равенство, справедливость, стабильность в формально-правовом смысле. Спорным моментом здесь является отнесение первых трех явлений к правовым ценностям, поскольку они – суть идеалы и для нравственности и религии. Что касается стабильности, то это свойство общественных отношений обеспечивается и другими социальными регуляторами. Поэтому следует поддержать вывод П.М. Рабиновича о том, что собственная ценность права состоит в способности его обеспечить данные идеалы и свойства в наибольшей степени, в максимальной мере [26, с. 29].

И если право, выражая свободу, равенство, справедливость и стабильность позволяет с помощью специального юридического инструментария обеспечить их в наибольшей степени, это не может не оказывать влияния на формирование у субъектов системы ценностей, на правовое воспитание личности. Более того, на внутренний мир личности, на его правовые установки оказывает общеидеологическое воздействие вся правовая действительность, которая взаимообуславливается существующей системой правовых ценностей.

Как мы уже отмечали, правовое регулирование, в отличие от правового воздействия, предметом изучения становится относительно постоянно. Аналогичная ситуация сложилась и с анализом его механизма.

Правовое регулирование имеет собственный специальный механизм, позволяющий не только охарактеризовать те правовые средства, которые воздействуют на общественные отношения, но и обозначить в этом процессе их динамические роли.

Механизм правового регулирования определяется С.С. Алексеевым как взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения. Несколько позже автор уточнил свое определение, предложив понимать под механизмом правового регулирования взятую в единстве систему правовых средств (юридических норм, правоотношений, актов и др.), при помощи которых осуществляется правовое воздей-

ствие на общественные отношения [4, с. 153]. С теми или иными уточнениями данный подход стал разделяться большинством юристов.

Научная ценность указанной категории выражается, прежде всего, в том, что механизм правового регулирования позволяет представить в единстве и взаимодействии основные правовые средства (инструменты), которые непрерывно и взаимосвязано воздействуют на регламентацию общественных отношений.

В то же время вопрос о составе механизма правового регулирования или системе правовых средств не получил в юридической литературе однозначного решения.

С.С. Алексеев считает, что механизм правового регулирования состоит из трех основных элементов или частей: юридических норм, правовых отношений и актов реализации субъективных юридических прав и обязанностей [2, с. 34]. Другие авторы видят структуру механизма правового регулирования более шире, дополнительно включая в нее в различных сочетаниях правосознание, правотворчество, законность, правосубъектность граждан, юридический факт (состав), акты реализации прав и обязанностей, акты применения права и т.д. [39, с. 142]. Так, Т.Н. Радько полагает, что если в механизм правового регулирования включать только нормы права, правоотношения и акты реализации, то его познание теряет всякий теоретический и практический смысл, поскольку каждый из этих элементов является самостоятельным правовым явлением фундаментального характера и изучается давно и достаточно глубоко [27, с. 491].

При разрешении вопроса о составе элементов механизма правового регулирования должны учитываться несколько моментов. Во-первых, механизм правового регулирования должен рассматриваться как система правовых средств воздействия; во-вторых, эта функционирующая система правовых средств и, в-третьих, правовые средства данной функционирующей системы выполняют главные специфические функции (роли) в процессе правового регулирования. Соответственно, и выделение элементов механизма правового регулирования связывается с определением этапов, стадий правового регулирования.

В литературе обычно выделяются стадии 1) формирования и действия правовых норм, 2) возникновения прав и обязанностей (правоотношений), 3) реализации прав и обязанностей. В качестве четвертой, факультативной стадии, которая может предшествовать возникновению правоотношений или обеспечивать их реализацию называют стадию применения права.

Понятие механизма правового регулирования имеет сложную структуру, которая не исчерпывается констатацией наличия трех основных элементов. Кроме основных, главных элементов в механизме правового регулирования функционируют элементы, которые примыкают к ним, образуя определенную подсистему, в рамках которой правовые явления функционируют в единстве и взаимосвязи. Например, на стадии возникновения прав и обязанностей целостную подсистему образуют вместе с правоотношениями (основной элемент) правосубъектность и юридические факты.

Нельзя не заметить, что концепция структуры механизма правового регулирования, несмотря на присущую ей ориентацию на социальную реальность, имеют явно выраженный специально-юридический характер.

Между тем действие права может рассматриваться в более широком плане. Механизм правового воздействия или механизм социального действия права, как указывает Л.С. Явич, включает всю совокупность взаимосвязанных элементов и процессов влияния правовой действительности на существующий общественный строй. Поэтому анализ такого действия включает исследование соблюдения, исполнения и применения правовых норм, использования прав и выполнения обязанностей, режима законности и правопорядка, правовых отношений, юридической ответственности за правонарушения, правосознания и правовой культуры, пропаганды права и правового воспитания. Если же механизм действия права рассматривается в социологическом аспекте, то имеются в виду 1) социальные условия, находящиеся вне правового механизма, среда его функционирования и социальные факторы и процессы, органически включенные в этот механизм и 2) социальные факторы и процессы, органически включенные в сам механизм действия права [40, с. 248].

Но можно ли рассматривать механизм правового воздействия вне его связи с иными социальными регуляторами, в отрыве от единой общественной системы или отрицать наличие в самом праве социальной действительности. Наверно можно, но это неизбежно ставит вопрос об эффективности, правового регулирования. В под-

тверждении этого можно привести тот факт, что в более чем в трех четвертях случаев именно различные неправовые явления выступают в роли факторов, препятствующих реализации норм права.

Поэтому весьма актуальным выглядит предложение В.П. Казимирчука рассматривать социальный механизм действия права в аспекте перевода нормативно правовых требований в социальное поведение людей на всех уровнях его действия, где в качестве элементов механизма выделяются:

– управляющие социальные системы – государственное и социальное управление, формирующее политические цели и цели правового регулирования; право как нормативная система;

– социальные факторы (экономические, идеологические, организационные, демографические), опосредующие действие права и одновременно с правом влияющие на общественные отношения;

– информационное, нормативно-оценочное и социально-психологическое воздействие, формирующее поведение;

– регулируемые социальные системы (общество, коллектив, личность), являющиеся субъектами общественных и правовых отношений;

– поведение – правомерное и социально-активное – субъектов права как финальный момент действия права [11, с. 12].

Следовательно, социальный механизм действия права – это механизм взаимодействия правовых и иных социальных факторов, принимающих участие в жизни права на всех этапах его функционирования.

В то же время механизм правового воздействия в отличие от социального механизма действия права характеризует процесс влияния лишь правовых факторов на иные правовые явления, а также различные сферы общественной жизни, что позволяет в необходимых случаях вычленить и подвергнуть анализу воздействующее правовое явление во взаимосвязи с объектом его воздействия. Сказанное не означает, что исследование влияния экономических и других социальных факторов должно быть забыто. Здесь мы имеем в виду лишь возможность их последующего отбора в зависимости от воздействующих правовых явлений.

По своей сути, механизм правового воздействия – есть приведенные в действие необходимые элементы правовой системы, характеристика их системной работы в качестве процесса. Использование термина «механизм правового воздействия» не только позволяет раскрыть структурные особенности правовой надстройки, рассматриваемый в движении, в динамике, но и способно объяснить существующее сочетание воздействующих средств, выявить причины проблем, которые возникают при нарушении последовательности такого развертывания в действенный и эффективный механизм. Только с учетом систем передачи и усвоения правовой информации и ценностно-ориентировочного аспекта восприятия права можно понять условия, в которых непосредственно осуществляется правовое воздействие, а также использовать соответственные знания для увеличения степени эффективности его специально-юридической части.

Выше указывалось на нецелесообразность выделения этапов механизма правового воздействия. В то же время системный анализ механизма правового воздействия предполагает выделение в обособленных средствах правового воздействия узловых элементов, что позволяет определить их специфические функции, роли и структурные связи. Это, в свою очередь, дает возможность привязать все иные правовые явления к основному элементу и охарактеризовать их под углом зрения тех специфических функций, которые являются центральными для данного сосредоточения элементов правового воздействия. Следует учитывать условный смысл понятия «механизм правового воздействия», так как это не целостное системное образование, рассматриваемое в действии, а скорее стороны функционирования права, которые не всегда между собой связаны или имеют связь относительного характера

На основании изложенного, механизм правового воздействия как влияющая на действительность система правовых явлений, рассматриваемая с точки зрения выделения основного воздействующего правового явления, включает следующие элементы.

Правовые принципы как основные, исходные идеи, положения, начала, выражающие объективно обусловленные закономерности развития правовых явлений и процессов, составляют основу возникновения, развития и функционирования права.

Правосознание. Правосознание выступает инструментом познания права, оно накапливает

и хранит знания о праве, оценивает право, а также влияет на выбор варианта поведения.

Правотворчество. Деятельность по установлению, изменению или отмене правовых норм, упорядочению нормативно-правового материала оказывает стимулирующее или ограничивающее воздействие на поведение субъектов.

Нормативно-правовая основа. С нее начинается правовое регулирование. Оно не включает в себя процесс формирования правовых норм, поскольку для того, что бы что-либо регулировать, необходимо иметь соответствующие правовые средства. Но как только на уровне позитивного права определяются общие статические характеристики субъектов права: правосубъектность, правовое положение, компетенция и полномочия и т.д., а также закрепляются абстрактные возможности и необходимость определенного поведения, иные правовые средства, процесс правового регулирования запускается.

Правоотношение. Типизированные возможность и необходимость на основе наступивших юридических фактов переводятся в конкретные, имеющих непосредственных носителей, субъективные права и обязанности. В рамках правоотношений потенциальная возможность, которая предусмотрена нормативно-правовой основой, преобразуется в возможность реальную, конкретизированную.

Выделение элементов механизма правового регулирования связывается с определением этапов, стадий правового регулирования (стадии действия нормативно-правовой основы и стадии правоотношения). Стадия реализации субъективных прав и обязанностей может выделяться в качестве самостоятельной при «узком» понимании правоотношения как связи между субъектами только посредством прав и обязанностей. На этом этапе, как правило, достигаются цели правового регулирования. Акты реализации субъективных прав и обязанностей выражаются в формах соблюдения, исполнения и использования.

Если реализовать субъективные права и обязанности беспрепятственно не удается, то возникает необходимость в другой, факультативной стадии – стадии применения права. Данная стадия также может предшествовать стадии правоотношений.

Еще раз подчеркнем условность выделения указанных основных воздействующих правовых явлений. Такой вывод представляется правильным не только потому, что воздействующие факторы, являющиеся критерием определения той или иной стадии оказывают или могут оказывать влияние и на других стадиях, но и в связи с неодинаковой степенью силы их воздействия на социальную жизнь. В то же время, применительно к исследованию феномена правовых состояний личности такая методология оказывается способной охарактеризовать комплекс воздействующих правовых явлений в аспекте развертывания процесса правового воздействия.

Какое место и какую роль занимают правовые состояния личности в механизме правового воздействия? Если верно, что предельность, потенциальные возможности правового воздействия необходимо рассчитывать не на внешние поведенческие акты, а на внутреннюю поведенческую структуру, на свойства личности, определяющие ее поведение в целом [21, с. 49], то правовые состояния личности в механизме правового воздействия следует рассматривать с точки зрения влияния на действительность всей системы правовых явлений, в аспекте выделения среди них основного. В этом отношении механизм правового воздействия включает такие элементы как правовые принципы, правосознание, правотворчество, нормативно-правовая основа и правоотношение, в соотношении с которыми правовые состояния личности можно охарактеризовать не только в качестве объекта воздействия, но и как фактор воздействия.

Поэтому ответ на поставленный вопрос позволит более полно раскрыть динамический аспект деталей и нюансов правового воздействия и взаимодействия той совокупности элементов правовой надстройки, которая непосредственно связана с человеком, его интересами и потребностями, выявить, в чем проявляется и как происходит перевод свойств правовой материи в упорядоченность действий людей, на которых право воздействует.

Подводя итог характеристике соотношения правового воздействия и правового регулирования, следует подчеркнуть следующий важный момент. Сфера социальных явлений не является областью механической закономерности. Ее характеристики зависят от целеполагающей деятельности человека, которая не может быть связана жестко с безусловной необходимостью. Правовое воздействие, включающее в себя все виды влияния и пути общего воздействия правовых

явлений на действительность, не является механическим процессом, который можно сравнить с мойкой, покраской или сборкой автомобиля на специальном оборудовании, когда его результат предопределен и зависит лишь от законов физики и механики. Преобразование отношений в обществе посредством правовых явлений нельзя уподоблять конвейеру, где в итоге автоматически появляется новый предмет или предмет с новыми свойствами. Такой аспект больше характерен для исследования процесса упорядочения общественных отношений с точки зрения их правового регулирования.

Ценность категории «правовое воздействие», на наш взгляд состоит в том, что здесь для анализа порождаемых правом эффектов используется весь известный арсенал правовых явлений в том или ином отношении влияющих на действительность. Специально-юридическое действие права всегда сопровождается общеидеологическим воздействием права, что не только позволяет избежать исключительно механистического представления о действии права, но и не забывать, что право как феномен цивилизации, есть весьма сложное, многогранное образование, созданное человеком и для человека.

Механизм правового воздействия включают в себя в качестве составной части элементы механизма правового регулирования. При этом следует учитывать, что рассмотрение механизма правового регулирования как составной части механизма правового воздействия наряду со специально-юридическим, актуализирует информационный и ценностно-ориентировочный аспекты исследования. Данные каналы воздействия «включаются» раньше правового регулирования, «подключаются» в процессе его запуска и работы и оказывают влияние после завершения правового регулирования.

Библиографический список

1. *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования: Дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006.

2. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966.

3. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

4. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. – Свердловск, 1972. – Т. 1.

5. *Алексеев С.С.* Теория права. – М., 1995.

6. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Изд. 2-е, доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005.

7. *Бобылев А.И.* Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. – 1999. – № 5.

8. Большая Советская Энциклопедия: В 51 т. – Т. 36 / Гл. ред. Б.А. Введенский: 2-е изд. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1955.

9. *Витченко А.М.* Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права. – Вып. 1. – Саратов, 1968.

10. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972.

11. *Казимирчук В.П.* Социальное действие права в условиях развитого социализма: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1977.

12. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1997.

13. *Кудрявцев Ю.В.* Нормы права как социальная информация. – М., 1981.

14. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология // Избранные труды по социальным наукам: В 3 т. Т. 1: Общая теория права. Уголовное право. – М.: Наука, 2002.

15. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.

16. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое государство. – М., 1972.

17. *Мицкевич А.В.* Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму // Правоведение. – 1962. – №3.

18. *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. – Львов, 1959.

19. Общая теория государства и права. Академический курс: В 3 т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 3. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 2008.

21. *Орзих М.Ф.* Личность и право. – М., 1975.

22. *Орехова Т.Р.* Правовое воздействие на экономику: понятие и формы // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2000. – № 1.

23. *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. – СПб., 2000.

24. *Поляков А.В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. – СПб., 2003.

25. *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Лекции по общей теории права и теории государства. – М.: «Городец», 2010.

26. *Рабинович П.М.* Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985.

27. *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. – М., 2010.

28. *Радько Т.Н. Толстик В.А.* Функции права: Монография. – Н. Новгород, 1995.

29. *Рассолов М.М.* Проблемы управления и информации в области права. – М., 1991.

30. *Раянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права (Юриспруденции): Учебный курс. – М.: Право и государство, 2003.

31. *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: Дис. … докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.

32. *Скакун О.Ф.* Теория государства и права (энциклопедический курс): Учебник. – Харьков: Эспада, 2007.

33. *Степанян В.В.* Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе. – Ереван, 1986.

34. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997.

35. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. – М., 1980.

36. *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. – Л., 1959.

37. *Цыбулевская О.И.* Нравственные основания современного российского права. – Саратов, 2004.

38. *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права / Учебное пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2003.

39. *Шабалин В.А.* Методологические вопросы правоведения (В связи с теорией и практикой социалистического управления). – Саратов, 1972.

40. *Явич Л. С.* Общая теория права. – Л., 1976.

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

pravoborise@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА

В данной работе рассматриваются основные особенности генезиса науки российского трудового права. Обращается внимание на значимость трудоправовой идеологии, являющейся основой парадигмы трудового права. Приводятся «имена» заметных исследователей социально-трудовой сферы, общественных и политических деятелей нашего государства, стоявших у истоков становления российской науки трудового права и оказавших существенное влияние на ее развитие.

Ключевые слова: *российская наука трудового права, трудоправовая идеология, парадигма трудового права, фабричное законодательство, трудоправовые нормы, конкретно-исторические условия, рабочий вопрос.*

Российское трудовое право прошло свой, достаточно сложный и противоречивый эволюционный путь. Современное российское трудовое право уходит своими «генетическими корнями» в историческое прошлое российского общества и имеет самобытный опыт правового регулирования социально-трудовой сферы. Очевидно, что любое социальное явление не может возникнуть спонтанно (локально от общества), а формируется в конкретно-исторических условиях, взаимодействуя с общественными процессами (экономическими, политическими, социальными, духовными), соответствующего исторического периода. Научный интерес к историческому аспекту российского трудового права стал постепенно возрождаться в постсоветский период, в связи с общим процессом переосмысления отечественной истории. Исторический опыт не только указывает на общие предпосылки (корневые причины) соответствующих социально-трудовых явлений, но и (в определённой степени) предопределяет настоящее и прогнозирует будущее. Более того, по справедливому утверждению современного исследователя

 © Рощин Б.Е., 2011

Е.Б. Хохлова, на современном историческом этапе «существует необходимость в переоценке конкретных исторических фактов, а также личности политических деятелей и деятелей науки… Возвращение в научный оборот имён старых русских профессоров и практических работников означает не только восстановление исторической справедливости, но и возможность использования теоретических идей и практических разработок этих деятелей, многие из которых не потеряли своего значения и по сию пору…Изучение истории развития правового регулирования труда имеет, в конечном счёте, чисто прикладное значение- ибо позволяет с большим знанием дела сформулировать предложения по реформированию действующего сейчас в России механизма правового регулирования труда» [10, с. 185]. Целью работы является рассмотрение (в сжатой форме) некоторых особенностей генезиса российской науки трудового права.

Современное трудовое право России принято традиционно рассматривать в трёх аспектах: 1) как самостоятельную правовую отрасль российской национально-правовой системы, 2) как юридическую науку, 3) как одну из основных правоведческих учебных дисциплин. Самостоятельная правовая отрасль формируется и эволюционирует благодаря соответствующей системе законодательства (т.к., законодательство несёт в себе правовые нормы, а любая отрасль права (в т.ч., трудового) представляет собой совокупность правовых норм, взаимосвязанных между собой предметом и методом правового регулирования). Систематизация законодательства (в частности, трудового), осуществляемая на основе соответствующей идеологии, создаёт поле деятельности для науки. Наука трудового права формулирует системообразующие (сущностные) категории: понятие предмета правового регулирования, специфику отраслевого метода правового регулирования, отраслевые принципы, институты (и подинституты) и др., а также прогнозирует тенденции дальнейшего развития трудоправовой отрасли, изучает историю её эволюции, эффективность действующих трудоправовых норм, место и значение трудоправовой отрасли в системе российского права. Говоря о российском трудовом праве как о науке необходимо чётко представлять специфику парадигмы данной науки, в конкретно-исторических условиях. Парадигма представляет собой фундаментальную, исходную концептуальную схему (некую формулу), модель постановки проблем и их решения, систему соответствующих исследовательских методов (господствующих в течение определённого периода истории), а также парадигма-это есть теория, воплощённая в системе понятий, выражающих существенные особенности реальной действительности. Так, основополагающей парадигмой фабрично-трудового права в дореволюционный период российской истории являлась, своего рода, «доктрина личного трудового найма», а в советский период в основу самостоятельной обособленности трудового права была положена парадигма особого (отличного от договоров гражданско-правового характера) значения (и своеобразия) социалистического трудового правоотношения, сформулированная Н.Г. Александровым в известной монографии «Трудовое правоотношение» (1948 г.) В постсоветский период формируется парадигма социального партнёрства, «определяющая правовое регулирование не социалистического, а наёмного труда и не только государством, но и работодателем, нормотворческая деятельность которого во многом определяет правовое состояние наёмного работника в организации» [1, с. 12] Очевидно, специфику научной парадигмы предопределяет соответствующая идеология, т.к. именно идеология лежит в основании формирования парадигмы. Как известно, идеология является упорядоченной системой идей, представлений, понятий, которая выражается в разнообразных формах общественного сознания и присуща определённому периоду развития общества и государства. Система соответствующей идеологии включает в себя (в качестве подсистемы) идеологию права. Правовая идеология представляет собой систему правового мировоззрения различных слоёв населения российского общества. Элементом системы правовой идеологии является идеология трудового права. Трудоправовая идеология представляет собой систему правовых взглядов, идей, убеждений, прежде всего соответствующих субъектов трудового права (работников, работодателей, профсоюзных деятелей и др.) о процессе правового регулирования социально-трудовой сферы. Трудоправовая идеология всегда была (и остаётся в настоящее время) достаточно политизированной и во многом проявлялась «как форма реализации политики государства на том или ином этапе… При смене одного общественного

строя другим изменения в идеологии, а следовательно, и в парадигме трудового права неизбежны. Это может быть и революционная смена взглядов общества на цели и задачи отрасли, права в целом, и вялотекущий эволюционный процесс» [1, с. 14, 17]. Процесс зарождения (возникновения) российской науки трудового права совпал с формированием системы соответствующих правовых источников, призванных регулировать сферу наёмного труда российских трудящихся. Система фабрично-трудового законодательства (активное развитие которого пришлось на два последних десятилетия XIX в.) обусловила формирование и развитие одноимённой отрасли права. К началу XX в. Принимаются основные нормативно-правовые акты, составившие своеобразный костяк трудоправовых источников. Среди них: 1) закон от 1.06.1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках, и мануфактурах» (нацеленный на охрану труда женщин и детей); 2) закон от 12.06.1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах» (нацеленный на организацию школ при промышленных предприятиях); 3) закон от 3.06.1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» (нацеленный на запрет ночных работ женщин и подростков мужского пола, не достигших 17 дет); 4) закон от 3.06.1886 г. «Об утверждении проекта правил о надзоре за фабричной промышленностью, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции»(нацеленный на комплексное регулирование трудовой сферы в целом); 5) положение от 12.06.1886 г. «О найме на сельские работы» (нацеленное на регулирование трудовых отношений в сельском хозяйстве); 6) закон от 2.06.1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности» (нацеленный на упорядочение рабочего времени, унификацию максимальной продолжительности рабочего дня); 7) закон от 2.06.1903 г. «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности» (нацеленный на защиту жизни и здоровья трудящихся от производственных факторов); 8) закон от 10.06.1903 г. «Об учреждении старост в промышленных предприятиях» (нацеленный на организацию и регулирование посредничества между работниками и администрацией промышленных предприятий); 9) временные правила о профессиональных обществах от 4.03.1906 г., легализовавшие российские профсоюзы. Возникновении и формирование российской науки трудового права осуществлялось, в определённой степени, под влиянием схожих процессов в ряде стран (Германия, Англия, Франция, Италия, Бельгия и др.) В государствах Запада проблемы правового регулирования труда исследовались, в большей степени, учёными-социалистами, которые видели сущность трудового права в возможности решения рабочего вопроса правовыми средствами. Они обосновывали необходимость формирования системы социального партнёрства, осуществления мероприятий по социальному страхованию работников, развития представительных рабочих органов и т.п. Соответствующие идеологические установки (цели, задачи) по совершенствованию регулирования социально-трудовой сферы воплощались в программных документах определённых социалистических партий. В наибольшей степени влияние на российских учёных, исследовавших проблемы регулирования труда, оказывал опыт Германии, где законодательному решению так называемого «рабочего вопроса» придавалось существенное значение. Так, муниципальная программа Германской социал-демократической партии (принятая в Бремене в 1904 г.) устанавливала «в области коммунальной рабочей политики» ряд ключевых требований: 1) организация департаментов труда, задачи которых включали осуществление помощи безработным, ведение статистики труда, контроль за включением в трудовой договор специального пункта «о приличной заработной плате»; 2) организация рабочих комитетов «для представительства интересов городских рабочих»; 3) установление размеров оплаты труда, согласно тарифам профсоюзов; 4) установление 8-ми часового рабочего дня и отпуска с сохранением заработной платы; 5) организация для всех городских рабочих системы социального страхования (от болезней, старости, инвалидности) [6, с. 233]. В России научный интерес к проблемам правового регулирования наёмного труда проявился, по-видимому, во второй половине XIX в., в связи с развитием рынка наёмного труда (в результате отмены крепостного права) и реформированием фабрично-трудового законодательства

(в связи с активным развитием капиталистических отношений). Осознание трудового процесса (как целенаправленной деятельности человека, реализующего свои способности (физические и умственные) для получения определённых материальных или духовных благ) не в качестве товара (материального объекта в традиционном понимании его свойств), а в качестве особого (многоаспектного) объекта правоотношений (который не укладывается в рамки гражданско-правовых сделок) и неизбежностью объективного обособления этого объекта, обусловило возникновение науки трудового права на российской почве. Согласно объективному мнению М.В., А.М. Лушниковых «…на рубеже XIX–XX вв. в России явственно обозначились и активно проявили себя предпосылки формирования науки трудового права… Определённая зрелость общественных отношений и достаточно высокий уровень развития гуманитарных, в том числе юридических, наук, привели к тому, что уже в применении к началу XX в. мы можем говорить о существовании новой для России юридической науки» [4, с. 19]. У «колыбели» этой новой науки стояла плеяда теоретиков и практиков «рабочего вопроса» в России (учёные-социологи, экономисты, правоведы, общественные и политические деятели, теоретики марксизма, фабричные инспектора), труды которых (теоретические работы) в настоящее время являются (в большей степени) библиографической редкостью и представляют собой (несмотря на очевидную актуальность) «утраченное наследство». В настоящее время отцом-основателем российской науки трудового права признан Л.С. Таль (1867–1933), разработавший (актуальную в настоящее время) теорию трудового договора, раскрыв и обосновав такие вопросы как: юридическая природа договора, стороны договора, предмет, форма, содержание, прекращение трудового («рабочего») договора. Л.С. Таль, в своём фундаментальном цивилистическом исследовании «Трудовой договор» (1918 г.) сформулировал определение такого договора как «всякую сделку (независимо от отрасли хозяйства и социального положения работника), которою одно лицо обещает другому приложение своей рабочей силы на определённый или неопределённый срок к его предприятию или иному хозяйству в качестве несамостоятельного работника, подчиняясь в пределах, определяемых договором, законом или обычаем, хозяйской власти работодателя и внутреннему порядку его предприятия или хозяйства» [7, с. 378]. Пристальное внимание Л.С. Таль уделял проблемам, связанным с правовой природой хозяйской (работодательской) власти. «Предприятие представляет собою авторитарно организованную ячейку хозяйствующего общества, имеющую свой особый внутренний порядок. Авторитарный характер организации сказывается в том, что люди, входящие в состав предприятия, не занимают в нём равного положения, что во главе его стоит хозяин, которому остальные должны повиноваться как носителю хозяйской власти», – полагал Л.С. Таль [8, с. 23]. Важный вклад в развитие науки российского (а затем и советского) трудового права внёс И.С. Войтинский (1884–1943), который одним из первых учёных-трудовиков сформулировал доктринальную дефиницию предмета трудового права: «Предметом трудового права является правовая организация несамостоятельного труда или иначе говоря, правовое регулирование трудового отношения». Важную роль в формировании трудового права как юридической науки сыграли фабричные инспектора, среди которых следует назвать А.Н. Быкова, Е.М. Дементьева, А.А. Микулина, В.П. Литвинова-Фалинского, И.Х. Озерова, И.И. Янжула.

Следует признать, что существенное воздействие на генезис и развитие науки трудового права (не только российского) оказала марксистская идеология. Основоположник учения исторического материализма К. Маркс (1818–1883) проанализировал и критически оценил (с классовых позиций) обширный материал по истории регулирования трудовых отношений, придя к выводу о невозможности принципиального изменения (качественного улучшения) положения рабочего класса при помощи рабочего законодательства. К. Маркс (рассматривая труд в качестве соответствующего товара) осуществил глубокое исследование таких понятий (институтов) как заработная плата (превращение стоимости, соответственно цены рабочей силы, в заработную плату; повременная и поштучная плата, национальные различия в заработной плате), трудовая дисциплина, рабочее время. Так, исследуя вопрос о продолжительности рабочего дня, К. Маркс констатировал: «…рабочий день есть не постоянная, а переменная величина… капитал есть мёртвый труд, который, подобно вампиру, оживает лишь вследствие всасывания живого труда и живёт тем

дольше, чем больше поглощает живого труда. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу» [5, с. 175]. Среди российских легальных марксистов, оказавших заметное влияние на возникновение трудоправовой науки, важное место занимает экономист М.И. Туган-Барановский (1865–1919). Среди основных его работ, касающихся проблем правового регулирования рабочего вопроса, следует выделить: «Основы политической экономии» (1912 г.), «Периодические промышленные кризисы» (1894 г.), «Русская фабрика в прошлом и настоящем» Т. 1 (1898 г.). М.И. Туган-Барановский, являясь сторонником взглядов К. Маркса на труд как на разновидность товара, утверждал: «В формальном отношении договор о найме рабочего не отличается принципиально от всякого другого найма, а является таким же меновым актом, как купля-продажа любого товара» [цит. по: 4, с. 42]. В своём фундаментальном исследовании: «Периодические промышленные кризисы» М.И. Туган-Барановский провёл объективный анализ не только причин, но и социальных последствий таких кризисов: «Всякий промышленный кризис выбрасывает из среды рабочего класса тысячи рабочих. Которые не могут больше существовать своим трудом и переходят в разряд нищих и преступников… Современная промышленность попеременно то привлекает к себе массы рабочих, то отталкивает их от себя… безработица отнюдь не сокращается по мере развития капитализма и даже принимает, в некоторых отношениях, более тягостные формы. Правда, существуют средства борьбы не с безработицей, но с нуждой, создаваемой безработицей» [9, с. 217, 358–359, 479]. Данные строки (более, чем вековой давности) поражают своей удивительной актуальностью. Классическим шедевром является фундаментальная работа М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем», где, в частности, проведён критический анализ фабричного права, действовавшего на тот период. Особое внимание в данной работе уделялось проблемам правового регулирования детского труда. Так, описывая условия труда детей на российских фабриках «в эпоху либеральных веяний 60-х годов», М.И. Туган-Барановский констатировал следующее: «Нужно знать условия работы на наших фабриках того времени, весь ужас положения несчастных детей, лишённых всякой защиты и отданных в полное распоряжение фабриканта, заставлявшего их зарабатываться прямо на смерть…». В то же время, жёстко критикуя несовершенство фабричного законодательства, М.И. Туган-Барановский не призывал к его отмене, а ратовал за дальнейшее его совершенствование, полагая, что данное законодательство способно установить определённый «баланс интересов» (некоторое равновесие) между трудом и капиталом.

Существенное влияние на становление науки российского трудового права оказали российские марксисты-большевики, для которых решение рабочего вопроса являлось магистральным (ключевым) направлением их партийной идеологии. Среди наиболее известных исследователей трудоправовых проблем (в начале XX в), разделявших идеологию большевизма, был М.Г. Лунц (1872–1907). Основные его работы (написанные с узкоклассовых позиций и содержавшие резкую критику действовавшего фабричного законодательства) содержали решительное отрицание идеи «классового мира», компромисса и социального партнёрства сторон трудовых отношений. Среди его работ следует назвать: «Фабричное законодательство в России»; «К истории фабричной инспекции в России»; «Рабочий вопрос и фабричное законодательство в России»; «Закон 2 июня 1903г. и применение его на практике»; «Полицейский социализм в России (Зубатовщина)»; «Фабрикант и рабочий. Две жизни». В работе «Фабричное законодательство в России», опубликованной в 1906г., отмечалось: «…при ближайшем рассмотрении всё наше фабричное законодательство оказалось…результатом протеста рабочих масс против невыносимых условий труда. Результатом давления рабочих на самого законодателя. Это-уступка, вырванная против воли правительства…Фабричные законы выплыли наружу не тогда, когда этого хотело правительство, и не потому, что оно этого хотело, – их выдавила сила самого рабочего движения» [3, с. 9].

На формирование и эволюцию науки российского трудового права существенное влияние оказал В.И. Ленин. В этой связи особый интерес представляет ряд работ (из ленинского наследия) по проблемам и решению «рабочего вопроса» в России. Прежде всего обращают на себя внимание две работы, написанные в период становления российской трудоправовой науки: 1) «Объяснение закона о штрафах, взимаемых

с рабочих на фабриках и заводах» (написана в 1895 г.); 2) «Новый фабричный закон» (написана в 1897 г). В первой работе В.И. Ленин, с позиций классовой идеологии, осуществил критический анализ таких острых вопросов, как: что такое штрафы; как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах; по каким поводам фабрикант может налагать штрафы; как велики могут быть штрафы; каков порядок наложения штрафов и др. Во-второй работе проведён глубокий анализ закона от 2.06.1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени…», поставлены и раскрыты такие (острые для данного времени) вопросы, как: чем вызвано издание нового фабричного закона; что следует считать рабочим временем; на сколько сокращает рабочее время новый закон; что считает закон «ночным временем» для рабочих; чем обеспечено исполнение нового закона; какое значение имеет новый закон и улучшит ли он положение рабочих и др. В.И. Ленин обоснованно утверждал, что новый фабричный закон, изначально нацелен на защиту интересов предпринимателей, а практическая значимость закона, в котором отсутствуют санкции за его нарушение, ничтожна. «При издании нового закона определяют всегда, каким наказаниям подвергается тот, кто его не исполняет… Отсутствие в законе особого наказания за неисполнение его фабрикантом есть вопиющая несправедливость, прямо указывающая на то, что наше правительство хочет как можно дольше оставить закон без применения, что правительство не желает строго требовать от фабрикантов подчинения закону» [2, с. 79]. Представляют определённый интерес и другие многочисленные работы В.И. Ленина по регулированию «рабочего вопроса»: «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (1895 г.); «О промышленных судах» (1899 г.); «О стачках» (1899 г.); «К деревенской бедноте» (1903 г.); «Эра реформ» (1903 г.); «Об отпусках для рабочих» (1913 г.); «Система Тэйлора – порабощение человека машиной» (1914 г.); «Об экономических мерах борьбы с разрухой» (1917 г.); «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917 г.); «Как организовать соревнование?» (1917 г.); «Очередные задачи советской власти» (1918 г.), где, в частности, во главу угла поставлены вопросы о повышении производительности труда, укреплении трудовой дисциплины, организации трудовых соревнований и др.

По мнению М.В. и А.М. Лушниковых идеология марксизма, проникшая на российскую почву «оказала существенное воздействие на возникновение и развитие науки трудового права. Было бы явным преувеличением, как это делалось в советский период, связывать формирование данной науки только с марксизмом-ленинизмом. Другой крайностью было бы полное отрицание или односторонне негативная оценка влияния данной идеологии на изучение трудоправовой проблематики» [4, с. 39]. Очевидно, что марксистско-большевистская идеология (на определённом историческом этапе российского общества) сформировала соответствующую парадигму российского (советского) трудового права, предопределив на несколько десятилетий специфический облик науки советского трудового права, избыточно идеологизированной и политизированной.

Библиографический список

1. *Лебедев В.М.* Современное трудовое право. – М.: Статут, 2007. – 301 с.

2. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: Госполитиздат, 1959. – 519 с.

3. *Лунц М.Г.* Сборник статей. – М.: «Печатное дело», 1909. – 366 с.

4. *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Очерки теории трудового права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 940 с.

5. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 665 с.

6. *Петров М.* Муниципальные задачи социализма. – Петроград: «Революционная мысль», 1918. – 200 с.

7. *Таль Л.С.* Трудовой договор. – М.: Статут, 2006. – 539 с.

8. *Таль Л.С.* Очерки промышленного рабочего права. – М.: Научное издательство, 1918. – 225 с.

9. *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 479 с.

10. *Хохлов Е.Б.* Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. – СПб, 2000. – 196 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 331.5:330.1

Миропольский Дмитрий Юрьевич
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТИМУЛИРУЮЩЕЙ И РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ*

В статье на основе двухсекторной модели хозяйственной системы исследуются эффекты стимуляции, мобилизации и их взаимодействия. На основе взаимодействия данных эффектов решается вопрос о сравнительной эффективности рыночной и плановой экономик, моделируется переход России к рынку и степень его успешности.

Ключевые слова: *рынок, план, базовый сектор, пионерный сектор, эффект стимуляции, эффект мобилизации.*

Рассмотрим теперь эффект мобилизации. Эффект мобилизации означает, что экономическая система может перераспределять и контролировать ресурсы для реализации крупных проектов, необходимых обществу. Эффект демобилизации, наоборот, предполагает отток ресурсов из сфер значимых для общества. Изобразим эффект мобилизации (демобилизации) при помощи рисунка 7.

На рисунке 7 верхний график – рыночная экономика с относительно маленьким пионерным сектором и нормальной прибылью на вложенный капитал. Нижний график показывает, что происходит, когда эта рыночная экономика становится плановой. Для выразительности мысли мы исходили на рисунке 7 из того, что эффект дестимуляции равен нулю, то есть линии затрат и результатов не смещаются. В итоге весь прибавочный продукт в объеме ABC перемещается в пионерный сектор и он увеличивается до размеров DCE'G'. Вновь образовавшаяся часть пионерного сектора (GEE'G') и есть эффект мобилизации. Соответственно, если мы будем двигаться от нижнего графика к верхнему, то увидим эффект демобилизации, свойственный рыночной экономике.

На графике, эффект стимуляции и мобилизации как правило сочетаются в разных комбинациях. Рассмотрим одну из таких комбинаций. (рис. 8).

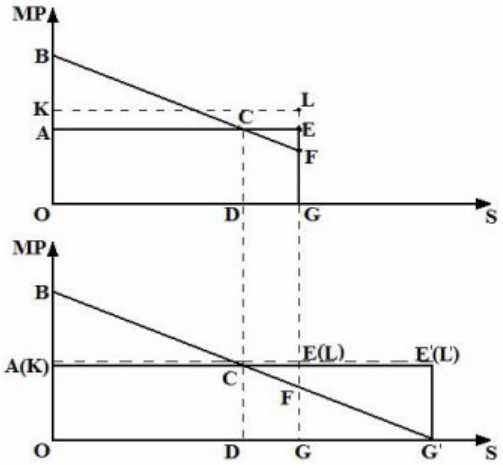


Рис. 7. Эффект мобилизации

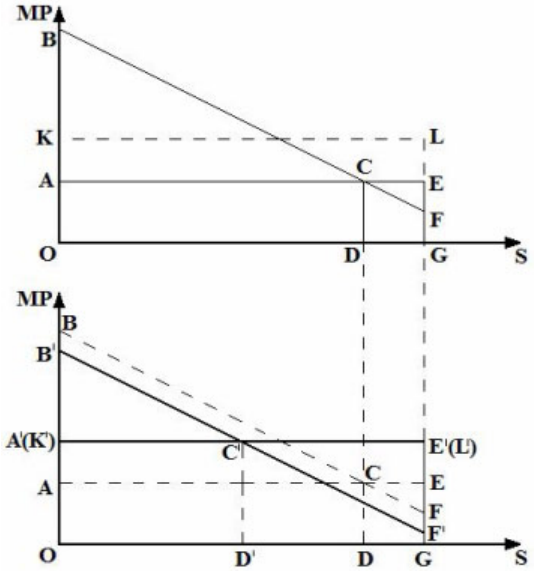


Рис. 8. Эффект дестимуляции, погашающий эффект стимуляции

* Окончание. Начало см.: Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – №1. – С. 316–320.

© Миропольский Д.Ю., 2011

На рисунке 8 демонстрируется ситуация перехода от рыночной экономики (верхний график) к плановой (нижний график). Переход к плановой экономике сопровождается эффектами дестимуляции и мобилизации. Эти два эффекта сочетаются в рассматриваемом случае следующим образом. Линия рыночных затрат AE перемещается в положение A'E'. Линия рыночных результатов BF сдвигается в положение B'F'. В следствие этого экономические субъекты, расположенные на отрезке DD', становятся в стоимостном смысле убыточными, то есть для их воспроизводства требуются ресурсы извне. Эти убыточные субъекты образуют псевдопионерный сектор. И теперь пионерный сектор как сумма пионерных и псевдопионерных производств, равен площади фигуры D'C'E'G.

Пришедшая к власти бюрократия, имеет в своем распоряжении сократившийся прибавочный продукт (A'B'C'<ABC). Однако, обладая мобилизационными возможностями плановой экономики, бюрократия может использовать на нужды пионерного развития весь прибавочный продукт, и этого прибавочного продукта как раз хватает для покрытия стоимостных убытков пионерного сектора. (A'B'C'=C'E'F').

Итог перехода, показанного на рисунке 8, довольно смешной. Если на рисунке 7 демонстрируется максимальная мобилизация ресурсов базового сектора на развитие пионерного, то на рассматриваемом рисунке 8 вся возможная мобилизация «съедена» эффектом дестимуляции. Поэтому хозяйственная система, перейдя к плану, не стала прогрессивнее. В ее структуре не появился ни один дополнительный пионерный продукт.

Ситуация на рисунке 8 доказывает еще одну идеею: эффективность рыночной или плановой экономики можно и должно оценивать как затраты по отношению к комбинации двух эффектов – эффекта стимуляции и эффекту мобилизации. Либеральные критики плановой экономики типа Е.Т. Гайдара односторонне берут в расчет только эффект стимуляции (дестимуляции) и на этой основе однозначно заключают, что рыночная экономика эффективнее по определению. Если брать ситуацию на рисунке 8, то здесь, действительно, плановая экономика менее эффективна, чем рыночная, ибо в плановой экономике одинаковый с рыночной пионерный сектор поддерживается при более высоких затратах и меньших результатах[1]. А вот на рисунке 7, наоборот, плановая экономика явно эффективнее рыночной, так как при одинаковом уровне затрат и результатов (эффект дестимуляции стремится к нулю), плановая экономика может обеспечить функционирование более масштабного пионерного сектора и тем самым обеспечить более быстрый прогресс общества.

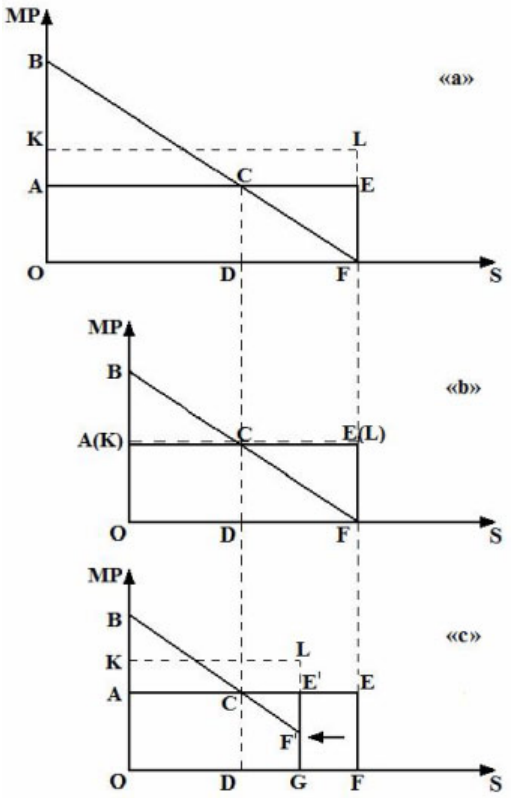


Рис. 9. Эффекты стимуляции и демобилизации при переходе России к рынку

Рисунок 8 можно рассматривать и противоположным образом: снизу вверх. Тогда мы получаем модель эффективного перехода от плана к рынку. Пионерный сектор при таком переходе ни как не пострадал, так как общество получило дополнительные ресурсы за счет мощного эффекта стимуляции.

Попробуем применить изложенные выше теоретические рассуждения к практике российского перехода от плана к рынку (рис. 9).

На рисунке 9 изображено три графика. Верхний «а» – это стратегический противник Советского Союза, то есть США. Мы видим, что удельный вес пионерного сектора в экономике США мал и она в состоянии питать его ресурсами ры-

ночным способом: все субъекты на оси X имеют нормальную прибыль.

График «b», расположенный ниже, это экономика Советского Союза. С одной стороны, если уж Советский Союз взялся вести с США холодную войну, нужно иметь паритетный пионерный сектор. Видно, что на графиках «a» и «b» пионерные секторы одинаковые. С другой стороны, базовый сектор СССР меньше, чем базовый сектор США. По этому поддержание паритетного пионерного сектора возможно только за счет плановой экономики, позволяющий максимально мобилизовать прибавочный продукт в базовом секторе.

График «c» показывает переход СССР, ставшего Россией, к рынку. Специфика этого перехода, на наш взгляд, состоит в том, что он сопровождается масштабным эффектом демобилизации при эффекте стимуляции стремящейся к нулю. Такое сочетание указанных эффектов на графике «c» видно. За счет выросших цен выручка (OKLG) становится выше затрат (OAE'G). Эта разница формирует некую прибыль на капитал, возникший в результате приватизации. Однако, возникновение этой прибыли означает, что ресурсов на всех участников рынка не хватит. Ведь базовый сектор не изменился по сравнению с графиком «b» и прибавочный продукт (ABC) – тот же. Кто-то должен быть ликвидирован. Этот кто-то – субъекты пионерного сектора на отрезке GF. То есть, рынок, вполне естественным образом, проявил свои демобилизационные свойства.

Однако при этой демобилизации линия затрат (AE') и линия результатов (BF') не изменили своего положения в лучшую сторону. Это означает, что ни у новой российской буржуазии, ни у новых лиц наемного труда рынок не породил существенного стремления снижать затраты и повышать результат. Понятно, что такой переход к рынку нельзя считать эффективным, а возникшая рыночная экономика менее эффективна, чем бывшая плановая. Ведь российское общество, потеряв значительную часть пионерного сектора, не стало богаче. Действительно богаче можно стать только снижая затраты и наращивая результат. У нас же ресурсы, которые советское общество тратило на пионерный сектор, просто перекочевали в карман новой русской буржуазии в виде прибылей. Вот и все.

Почему в России рынок не породил должного эффекта стимуляции? Это сложный вопрос, требующий отдельного исследования условий, порождающих разные соотношения эффектов стимуляции и мобилизации. Пока можно лишь предположить, что столь деструктивное соотношение эффектов демобилизации и стимуляции в российской экономике вызвано к жизни сочетанием двух причин. Первая причина – это упадок российской цивилизации в ее советской форме накануне перехода к рынку. У народа, находящегося в фазах исторического подъема и упадка, процессы стимуляции и мобилизации, по всей видимости, связаны по-разному (рис. 10).

Допустим, что мы можем измерять уровни мобилизации и стимуляции в экономике в неких единицах. Допустим также, что X_1 – это максимально возможная степень мобилизации ресурсов в условной хозяйственной системе. Мы начинаем изменять уровень мобилизации ресурсов от нулевого, где частные собственники имеют максимальные прибыли, а пионерным сектором можно пренебрегать, до максимального, когда бюрократия держит людей на голодном пайке во имя великих строек. Изменение уровня мобилизации сопровождается двумя траекториями стимуляции. Эти траектории отражены линиями aa и bb. Линия aa – это гипотетическое изменение уровня стимуляции у народа, находящегося в состоянии взлета цивилизации, а линия bb – упадка. Различия состоят в том, что во-первых, линия aa при любом уровне мобилизации выше линии bb. Это говорит о том, что нация, находящаяся в состоянии подъема трудолюбивее, энергичнее и ответственнее, чем нация в состоянии спада. Даже максимальные прибыли (нулевой уровень мобилизации) порождают разную экономическую активность людей. ($Y_3 > Y_1$). Во-

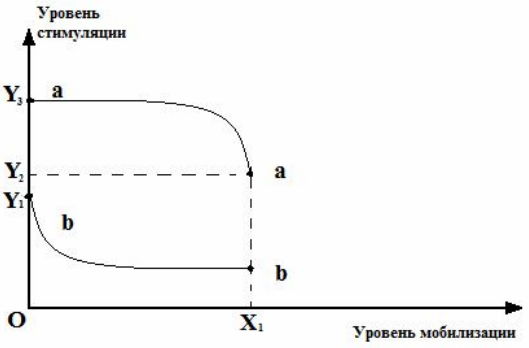


Рис. 10. Взаимосвязь уровней мобилизации и стимуляции

вторых, по мере нарастания уровня мобилизации у народа, находящегося на подъеме, экономическая активность падает медленно и только когда уровень мобилизации достигает значений, близких к X_1, наблюдается заметное сокращение этой активности (Y_2). У народа, пребывающего в упадке, даже несущественная мобилизация вызывает резкое падение стимулов к экономической деятельности. И после этого падения он влачится в бедности и безделье.

Если рисунок 10 отражает реальность, то для достижения эффекта стимуляции, равного Y_1, в России необходима еще большая либерализация, которая привела бы к сбросу всех пионерных и малоприбыльных базовых производств. Это максимально увеличило бы доходы новой русской буржуазии, доведя ее экономическую активность до хилого значения Y_1. Что касается лиц наемного труда, то их трудовую активность поддерживали бы более высокая зарплата и ужасающая нищета и безысходность многочисленных образовавшихся безработных.

Но даже если отвлечься от проблем вывоза прибылей за рубеж, нежелания русской буржуазии инвестировать вообще и в пионерный сектор в особенности, неэквивалентного обмена с Западом, то все равно уровень стимуляции Y_1 слишком низок для существенной компенсации эффекта демобилизации, который этот уровень породил.

Вторая причина того, то эффект рыночной стимуляции в России близок к нулю состоит на наш взгляд в том, что существенная часть российского общества накануне реформ психологически представляла собой (и представляет до сих пор) не рыночных, а плановых людей[2]. Резкий, шоковый переход к рынку вместо создания новых стимулов к экономической деятельности, порождает в душах таких людей лишь страх, ненависть и отвращение к любой деятельности.

Если предположения, выдвинутые в данной статье, относительно низкого стимулирующего действия рынка в России верны, то выводы логично сделать следующие. Во-первых, упадническая и, кроме того, нерыночная психология бывших советских людей не может быть изменена. Здесь можно уповать только на будущее поколение, представители которого, при счастливом стечении обстоятельств, возможно станут пассионариями рыночного типа, готовыми за копейку работать по 16 часов в сутки.

Во-вторых, учитывая нерыночную реакцию на рыночные стимулы значительной части современного российского общества, сегодня необходимо новое усиление роли государства в экономике.

Примечания

[1] Имеются ввиду реальные пионерные продукты, а не псевдопионерные.

[2] Основы теоретической экономики / Под ред. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. – С. 295–297.

УДК 657.5

Грабова Ольга Николаевна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
graon07@kmtn.ru

ШКОЛЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Цель статьи состоит в разработке новых теоретических подходов к обоснованию методологии бухгалтерского учета на основе возможного синтеза юридического и экономического направлений. Это позволит решать современные проблемы повышения эффективности деятельности предприятий в результате темпового согласования динамики развития отношений собственности и институциональной среды бухгалтерского учета.

Ключевые слова: *теория и методология бухгалтерского учета, собственность, институциональная среда.*

Бухгалтерский учет имеет две стороны: практическую (счетоводство) и теоретическую (счетоведение). Научные основы, зарождаемые и развиваемые в счетоведении, в дальнейшем обобщают практику и совершенствуют ее. Возможно, теория не нужна тем, кто механически выполняет процедуры бухгалтерского учета, но тем, кто исследует глубинные проблемы бухгалтерского учета, разрабатывает нормативные документы и выбирает те или иные методологические приемы для достижения большей эффективности работы организации, теория необходима как воздух.

Теоретической проблемой, решаемой большинством ученых, было и остается объяснение природы двойной записи. На практике сложились определенные традиции разноски по счетам, но научные объяснения причин и необходимости такой записи неоднозначны. С начала XIX в. в итальянском учете наметились два направления. Представители первого выводили учет преимущественно из правовых отношений, возникающих между лицами, участвующими в хозяйственном процессе, они связывали бухгалтерский учет с правом (*юридическое направление*). Ученые второго направления акцентировали внимание на учете материального имущества, а точнее ценностей, и говорили о бухгалтерии как о точной политической экономии (*экономическое направление*). Это разграничение стало одним из эпохальных в теории, так как бухгалтеры начали искать базовую науку, на которую следовало опереться.

Взаимопроникновение юридического и экономического направлений настолько органично и глубоко, что принадлежность теории природы двойной записи того или иного автора достаточно сложно определить. Поэтому нами выдвигается следующее теоретическое предположение о природе двойной записи: хозяйственная деятельность отдельной организации (предприятия) с момента ее зарождения (регистрации) и до момента ликвидации основана на собственности. Собственность – это фундаментальное хозяйствообразующее понятие. Но собственность имеет двойственную природу. С одной стороны – это экономические отношения присвоения-отчуждения объектов, отношения между людьми, присваивающими ценности. С другой стороны – собственность есть в то же время социально-экономический институт, характеризующийся правовыми нормами (для юридического лица (организации) – это, прежде всего, юридически закрепленные нормы). Поэтому движение ценностей всегда будет происходить во взаимосвязи и взаимообусловленности с движением прав на эти ценности.

Юридическая школа. Суть юридической трактовки бухгалтерского учета сводилась к смене прав и обязательств экономических субъектов: собственника, администратора и корреспондентов (лиц, с которыми предприятие ведет расчеты). Поскольку контролировать права и обязательства можно только по документам, то предмет учета составляют не сами ценности, а сведения о них. Сущность двойной записи вытекала из непрерывного возникновения права (обязательства) у одних лиц и его погашения у других.

До конца XVI в. юридическое направление учетной теории считалось приоритетным и успешно развивалось в трудах испанского математика и юриста Д. дель Кастилло (1522 г.), который каждый факт хозяйственной жизни трактовал как договор. Поэтому предметом учета он признавал договоры, а целью бухгалтерского учета считал отражение юридических прав и требований участников договоров.

© Грабова О.Н., 2011

Начало юридическому направлению положил *Николо д'Анастасио* (итал.) (1803). Он сформулировал два важных утверждения: 1) учет – это регистрация прав требований и обязательств собственника; 2) в центре учетной системы находится счет «Капитал». Все факты хозяйственной жизни затрагивают капитал собственника. Например, оприходование товаров, поступивших от поставщиков, оформлялось проводками: дебет счета «Товары» – кредит счета «Капитал» и дебет счета «Капитал» – кредит счета «Поставщики». Это объясняется тем, что при оприходовании товаров выполняются два договора: поставки (между поставщиком и собственником) и материальной ответственности (собственник передает товары администратору). Все остальные операции также необходимо было отражать на счете «Капитал». Поэтому такую систему называли четвертной, ибо каждая операция требовала минимум четыре записи. Такой подход усиливал контрольное значение бухгалтерской регистрации, так как на одном счете (и притом главном – «Капитал») должны были получаться контрольные итоги, подтверждающие правильность бухгалтерской разноски. Четвертная бухгалтерия д'Анастасио предполагала учет движения ценностей между участниками хозяйственного процесса и смену их прав и обязательств. При этом любое движение, как утверждал *д'Анастасио,* протекает из одного места в другое и имеет двойной эффект, а счета – это «станции», созданные для отражения изменений правоотношений лиц, участвующих в хозяйственном процессе.

Ипполит Ванье (1840) развивал мысль, что счета ведутся не от имени собственника, а от имени хозяйства как юридического лица. Все счета распадаются на три группы: счета коммерсанта (в эту группу входят счет капитала и счет прибылей и убытков), счета ценностей, находящихся в хозяйстве и являющихся объектами операций, счета корреспондентов. Все счета у Ванье являются личными. Даже счета ценностей понимаются как счета лиц, которые отвечают за эти ценности. Например, счет касса надо понимать как счет кассира. Однообразие признаков счетов (все личные) приводит к установлению общего для всех них правила счетных записей. «Счет является дебитором, если он получает товары, наличные деньги, векселя, какие-либо ценности или принимает на себя интересы, расходы, издержки и другие убытки разного рода; счет является кредитором, если он выдает или доставляет товары, наличные деньги, векселя, какие-либо ценности или приносит интересы, доходы и другие прибыли разного рода».

Лоуренс Роберт Дикси (1864–1932) (англ.) доказывает, что в основе закона двойственности лежит понятие трансферта, т.е. передачи чего-либо от одного лица или места другому лицу или месту. При этом следует отличать хозяйство от его собственника. Хозяйство включает, с одной стороны, ценности и права требования к третьим лица, т.е. то, что известно под общим названием актива, а с другой стороны – обязательства по отношению к третьим лицам, или пассив. Разность между активом и пассивом, или капитал, также должна быть отнесена к пассиву, так как сумма обязательств характеризует величину обязательств хозяйства перед его собственником. Происходящие под влиянием хозяйственных операций изменения в активе, пассиве и капитале хозяйство учитывает на счетах. Дикси предлагает следующую классификацию счетов, открываемых хозяйством: 1) реальные счета, имеющие дело с материальными ценностями; 2) личные счета, отражающие сделки с разными лицами, с которыми имеются деловые взаимоотношения; 3) номинальные или безличные счета, имеющие дело с различными доходами и расходами. Несмотря на предложенную классификацию, Дикси заявляет, что какой-либо существенной разницы между реальными и личными счетами не существует, так как за всеми ценностями стоят лица, ответственные за них перед хозяином.

Тосканская школа. Юридический аспект (слой) бухгалтерской теории был развит тосканской школой бухгалтеров, основателем которой был *Франческо Марчи* (1822–1871). По Марчи, суть предприятия в людях, в нем или с ним работающих. Поэтому необходимо выделить четыре группы лиц-агентов (материально ответственных лиц), корреспондентов (лиц, с которыми ведутся расчеты), администратора и собственника. Каждой группе лиц соответствует определенная группа счетов. Все лица, связанные с предприятиями, находятся в определенных юридических отношениях, смысл которых раскрывается в учете. Каждый факт хозяйственной жизни сводится к изменению юридических отношений между участниками хозяйственного процесса. Этот подход приводил Марчи к формулированию правила двойной записи: тот, кто получает ценность или ста-

новится должником, – дебетуется, тот, кто выдает ценность или становится заимодавцем, – кредитуется.

Продолжил дело Марчи *Джузеппе Чербони* (1827–1917), который и стал главой тосканской школы. Он рассматривал бухгалтерский учет как часть юриспруденции. Его учение было названо логисмографией, т.е. логикой записи. Оно предусматривало иерархическую последовательную дифференциацию счетов и структуры бухгалтерского аппарата, причем и дифференциация, и структура должны были быть адекватны организационному построению предприятия. Твердым убеждением Чербони было то, что счетоведение прежде всего должно изучать человека. Бухгалтер регистрирует только внешние факты, но «внешние факты, писал Чербони, являются лишь последствиями внутренних движений нашей души». [Цит.: Галаган, 1928, с. 39].

Всю научную работу в области учета он делил на четыре раздела. Первый – исследование фактов хозяйственной жизни в целях раскрытия, с одной стороны, действия объективных законов, управляющих хозяйственной деятельностью предприятия, а с другой стороны, субъективных поступков администраторов и тех результатов, к которым эти поступки приводят. Второй раздел – исследование хозяйственной структуры, функций и их эффективности в общей системе управления предприятием. Третий – изучение математических методов с целью выбора аппарата описания фактов хозяйственной жизни. Наконец, четвертый этап – логисмографическое исследование фактов путем их координирования с целью выявления юридической и экономической сущности, а также влияния на хозяйство в целом.

В логисмографии следует различать теорию и форму счетоводства. В основе теории лежат два принципа: персоналистичность – за каждым счетом непременно должно стоять лицо или группа лиц (без лица нет счета), и – сальдо счета собственника равно сальдо совокупного счета агентов и корреспондентов. Принцип дуалистичности, известный как постулат Чербони, расшифровывается следующим образом: сумма кредиторской задолженности предприятия его собственнику всегда равна сальдо расчетов этого предприятия со своими агентами и корреспондентами.

В логисмографии все хозяйственные операции делились на три группы: 1) собственно юридические, отражающие расчеты с корреспондентами; 2) статистические, приводящие к внутренним изменениям в составе имущества; 3) экономические, изменяющие суммы расчетов предприятия с собственником, например с государством (логисмография, в частности, применялась как форма учета государственных предприятий итальянского королевства). Первая и третья группы операций назывались модификациями, так как они изменяли итог баланса, вторая – пермутациями (так как они не меняли итога).

Смысл логисмографии – в последовательном разложении и персонализации счетов, цель – в контроле деятельности агентов и корреспондентов хозяйства, предмет – права и обязательства физических и юридических лиц, метод – регистрация. Все лица, имеющие отношение к хозяйству, могут быть подразделены, согласно принципам Марчи, на четыре группы.

Структура счетов должна быть адекватна структуре предприятия. Поскольку любое предприятие представляет собой органическое единство, то оно представлено и единым счетом – балансом. Баланс – счет высшего порядка, он распадается на два счета: 1) собственника и 2) агентов и корреспондентов. Последний является синтезом двух счетов: агентов и корреспондентов. Счет агентов делится в свою очередь на счета «Основные средства», «Товары», «Касса» и т.д., счет корреспондентов распадается на счета расчетов с дебиторами и кредиторами. Каждый из этих счетов может делиться на более мелкие, аналитические счета, например, счет «Товары» можно подразделить на счета товарных групп, которые в свою очередь выделяются по наименованиям, а наименования – по сортам, и т.д. Так возникает иерархическая структура счетов, называемая логисмографическим разложением баланса.

Логисмография, развивая идеи Савари о разделении синтетического и аналитического учета, привела к многоуровневой классификации счетов и к возникновению субсчетов. Постулаты Савари были уточнены Чербони.

– Сумма сальдо всех счетов предыдущего порядка должна быть равна сальдо того последующего счета, к которому они были открыты.

– Сумма оборотов по дебету и сумма оборотов по кредиту всех счетов предыдущего порядка должна быть равна оборотам по дебету и кредиту того последующего счета, к которому они были открыты.

Эти постулаты позволяли Чербони утверждать, что благодаря логисмографии «двойная бухгалтерия дает средства от высшего синтеза доходить до самого тонкого анализа» [Цит.: Галаган, 1912,с. 8].

Экономические теории двойной записи. Экономические теории бухгалтерского учета рассматривают учет как часть политической экономии. Расцвет экономического направления в теории бухгалтерского учета приходится на конец XIX – начало XX вв. Целью счетоведения становится выявление эффективности хозяйственных процессов. Под эффективностью понимается соотношение выгоды и затрат, то есть результат от хозяйственной деятельности в виде прибыли и убытка. В бухгалтерском учете финансовый результат хозяйственной деятельности выявляется в результате регистрации доходов и расходов, этому предшествуют другие цепочки движения ценностей – экономических благ. Отсюда закон двойственности выводится из акта мены – обмена ценностями. Несомненно, акт мены – это недостаточное положение для обоснования всех хозяйственных операций. Но сам акт мены может пониматься как один из аспектов более широкого фундаментального политэкономического понятия – экономических отношений по поводу собственности (прежде всего на микроуровне). Следовательно, экономическую теорию двойной записи следует базировать не на акте мены, а на движении собственности: ценностей (благ) с одной стороны и юридических прав – с другой.

Начало экономическому направлению положил *Джузеппе Людовико Криппа* (1838). Он указывал, что «цель учета состоит в исследовании результатов хозяйственной деятельности», которая сопряжена с постоянными изменениями объема и состава имущества. Эти изменения и есть предмет учета. Все счета делятся на две группы: первая включает счета капитала и его частей, вторая раскрывает структуру первых. Для Криппы недопустимо утверждение о том, что бухгалтерия учитывает права и обязательства лиц, участвующих в хозяйственном процессе. Учет фиксирует изменение ценностей, движение вещей, а динамика обязательств – это только следствие хозяйственного процесса, причем далеко не самое значительное.

Взаимное влияние теории и методологии в Итальянской школе представлено на рис. 1.

Глава венецианской школы Фабио Беста (1845–1923) в противовес тосканской школе развивал экономическую трактовку учета. Он считал, что бухгалтерский учет как средство экономического (хозяйственного) контроля изучает движение ценностей, которое связано с опреде-

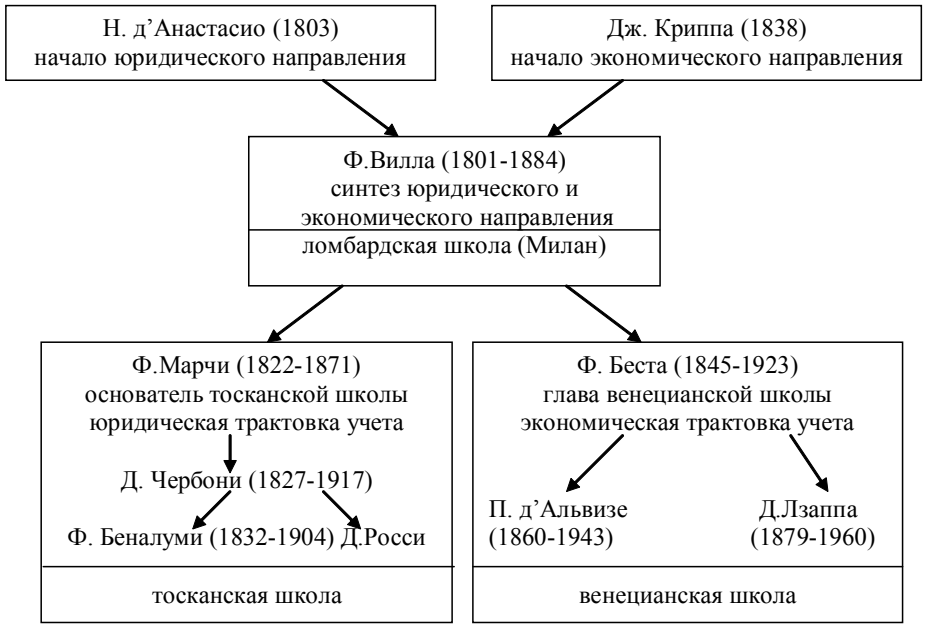


Рис. 1. Взаимное влияние учетной теории и методологии в Итальянской школе

ленными действиями: по руководству, управлению и контролю агентов хозяйства. Руководство предполагает достижение поставленных целей; управление требует оптимизации средств и времени достижения поставленной цели и при наличии заданного и ограниченного набора финансовых ресурсов. Наконец, контроль предполагает установление степени соответствия управления поставленным целям. «Хозяйственный контроль, – подчеркивал он, – должен принудить каждого работающего на предприятии быть честным, хотя бы и против желания» [Счетоводство, 1893, с. 365].

В соответствии с экономической трактовкой учета Беста подчеркивал, что в учете изучается не количественная и качественная структура хозяйственных ценностей, а их стоимость. Из этого следовало, что факты хозяйственной жизни, не вызывающие изменения стоимости, не должны отражаться на бухгалтерских счетах. Таким образом, внутренние обороты выносились за границы баланса и Главной книги. В этом было принципиальное отличие экономического направления. Здесь придерживались «бритвы Оккама» – логического приема, требующего не умножать сущности без необходимости. Перемещение ценностей внутри предприятия не меняет их объем и оценку, а следовательно, это перемещение несущественно для оценки экономической работы предприятия. Юридическое направление, наоборот, считая объектом ответственность людей, а не ценности, придавало огромное значение внутренним оборотам. Провозгласив, что объектом учета выступают не сами ценности, но их стоимость, выдвинул ставшую знаменитой теорию фонда.

Фонд – это общий объем стоимости, вложенный в предприятие. Фонд состоит из отдельных элементов. Каждому элементу соответствует определенный счет. Все счета носят стоимостный характер и делятся на прямые и производные. Прямые включают весь актив и кредиторов, производные счета – собственные средства и результаты. Изменения всех прямых и производных элементов могут носить активный и пассивный характер. Прямые счета фиксируют состав конкретных ценностей, в то время как производные отражают общий объем фонда и результаты хозяйственной деятельности. На прямых элементарных счетах записи отражаются как на активных, на производных – как на пассивных. У Бесты мы находим четкое деление баланса предприятия не только по вертикали (актив – пассив), но и по горизонтали (основные и оборотные средства; собственные и привлеченные источники средств). Весь фонд собственных средств противопоставляется его имущественным элементам. Причем факты хозяйственной жизни меняют только стоимостную оценку фонда.

Евстафий Евстафьевич Сиверс (1852–1917) – глава петербургской школы бухгалтерского учета. Знания о практике учета Сиверс назвал счетоводством, а науку об учете – счетоведением. Такой подход стал общепризнанным в русской учетной литературе вплоть до 1929 г. В теории учета Сиверс выделял две части (два отдела): теорию учета (теорию бухгалтерского учета в общем смысле) и теорию книг, где излагается методика ведения различных регистров, причем под регистрами понимались только книги. Теория книг трактовалась Сиверсом как наука о методах бухгалтерского учета. Сиверс известен как автор меновой теории, сущность которой заключается в том, что в основе двойной записи лежит обмен (мена) благами. Значение, придаваемое Сиверсом мене в образовании двойной записи, привело его к выводу, что сама двойная запись является основным законом бухгалтерского учета, то есть в данном случае он трактовал двойную запись подобно природному закону, например, закону всемирного тяготения. Исходя из позиции меновой теории, Сиверс группировал и все хозяйственные обороты, трактуемые как меновые, причем присвоение прибыли рассматривалось как обмен ценностей на «права» собственника. Положение о мене как о причине двойной записи привело его к выводу, что баланс является следствием счетов.

Александр Павлович Рудановский (1863–1934) устанавливает, что счетоводство имеет задачей учет и исчисление объема, свойств и состояния хозяйственных средств предприятия, измеренных деньгами. Эта совокупность всего исчислимого и составляет баланс хозяйства как объект учета. Соответственно принципу двойственности, состоящему в «связанном противоположении», баланс распадается на две области – внутреннюю и внешнюю. Эти две области связываются определенными соотношениями, совокупность которых образует третью область – промежуточную, или пограничную.

Таким образом, все хозяйственные средства данного предприятия, состояние, объем и свойства которых исчислены в деньгах, распределяют-

Таблица 1

Баланс (в теории А.П. Рудановского)

АКТИВ	ПАССИВ
Актив безусловный Счета материальные **Актив условный** Счета дебиторов Счета расходов	**Пассив безусловный** Счета капитала Счета кредиторов **Пассив условный** Счета доходов

ся между двумя областями – внутренней и внешней, причем масса, которая образует область внутреннюю, называется активной, или активом, а масса, входящая в область внешнюю, – пассивной, или пассивом. Совокупность отношений между активной и пассивной массой составляет бюджетную массу, или оборот данного хозяйства.

Актив хозяйства представляет имущество – совокупность вещей данного хозяйства и, вообще, совокупность чисто экономических отношений, а пассив указывает происхождение этого имущества или принадлежность его и отношение к отдельным лицам, т.е. пассив представляет совокупность юридических отношений – прав, имеющих экономическое значение, каковые экономические права есть суть капитала. (В этом положении мы находим полное подтверждение тезису, выдвинутому в начале работы.)

Указанные три совокупности – актив, пассив и бюджет – слагают баланс, или, как сказано выше, совокупность всего исчислимого в хозяйстве. Таким образом, баланс распадается на три части: счет актива, счет пассива и счет бюджета (табл. 1).

Синтез юридических и экономических направлений. Попытку синтезировать юридические и экономические цели учета предпринял выдающийся итальянский теоретик, юрист по образованию, *Франческо Вилла* (1801–1884). Именно с ним современная история учета связывает возникновение бухгалтерского учета как теоретической дисциплины. Вилла считал, что все его предшественники говорили о бухгалтерии только как об искусстве ведения счетов и книг. По его мнению, для того чтобы бухгалтерия поднялась до уровня науки, она должна исследовать свои принципы и категории. Принцип двойной записи он выводил из следующей логики. Бухгалтерский учет необходим для эффективного управления, а управление – это часть административного права, оно осуществляется не путем контроля ценностей, а посредством контроля деятельности работников предприятия, из которых решающую роль играют материально ответственные лица – хранители, как их называл Вилла. Хранители, принимая ценности, возлагали на себя ответственность перед собственником, которая увеличивается при поступлении и уменьшается при списании ценностей. Все счета в учете должны открываться агентам (работающим внутри предприятия) и корреспондентам (лицам, сторонним по отношению к предприятию). Поскольку экономическая деятельность предполагает постоянное перемещение ценностей, а следовательно, и прав между агентами и корреспондентами, возникает необходимость непрерывного увеличения ответственности у одних и уменьшения ее у других лиц. Отсюда координация прав и обязательств определяет двойную запись: лицо, чья ответственность увеличивается, – дебетуется, чья уменьшается – кредитуется. Однако такая формулировка порождает проблемы в объяснении записей по многим счетам: расчетов с поставщиками, собственных средств и по результатным счетам. Вилла проделал большую работу по систематизации бухгалтерских знаний, концептуальному осмыслению основных учетных категорий. Однако ему не удалось преодолеть разрыв между юридическими и экономическими представлениями о бухгалтерском учете. Тем не менее его учение дало значительный импульс развитию обоих направлений.

Балансовые теории бухгалтерского учета. Балансовую теорию бухгалтерского учета разрабатывали в основном представители германоязычных стран Европы, а также российские авторы. Расцвет балансовой теории приходится на первую половину XX в. Если юридическая и экономическая школы объясняли бухгалтерский учет исходя из юриспруденции и политической экономии, то представители балансовой теории исходили из самой бухгалтерии. Сущность бухгалтерского учета они видели в тех документах и регистрах, которые поступают бухгалтеру. Учетная процедура – «от баланса до баланса» – это цель, метод и предмет бухгалтерского учета. Представители балансовой теории уделяли огромное внимание изучению баланса и упрощению его структуры, Они считали, что баланс должен быть понятен любому грамотному человеку, чтобы он мог принять верное решение. Двигаясь от общего к частному, они считали, что счета логически выходят из баланса (соответствуют его статьям),

Баланс 1			Баланс 2			Баланс 3			Баланс 4	
Актив	Пассив		Актив	Пассив		Актив	Пассив		Актив	Пассив
+ -			+	+		-	-			+ -
Актив не изм.	Пассив не изм.		Актив увел.	Пассив увел.		Актив умен.	Пассив умен.		Актив не изм.	Пассив не изм.

Рис. 2. Изменения в балансе под влиянием хозяйственных операций

а не наоборот. Здесь, несомненно, имеет место основной принцип взаимосвязи диалектики: взаимосвязь части и целого. Счета необходимы для точного и полного выявления изменений в отдельных статьях баланса. Счета в наиболее общем виде сохраняют структуру баланса, то есть делятся на две части и имеют органическую связь с балансом. Все хозяйственные операции, отражаемые на счетах, можно представить в виде схем, позволяющих установить их влияние на статьи баланса, принимая знак «+» для обозначения увеличений и знак «–» для обозначения уменьшений (рис. 2).

Отсюда выводится закон двойственности: каждая хозяйственная операция двойственна по своей природе, так как всегда изменяет дебет одного счета и кредит другого счета, а следовательно, изменяет две статьи баланса, при этом никогда не нарушается равенство итогов его актива и пассива.

Таким образом, проблемы учета необходимо решать, базируясь на синтезе методологии юридического и экономического направления, при этом системообразующим понятием будет выступать собственность. Конечно, в современных условиях практика бухгалтерского учета имеет национальный характер, а его цели и задачи формируются в зависимости от исторически сложившихся условий и уровня развития экономики и стоящих перед нею задач в конкретной стране. Это лишь подтверждает положение о том, что в целом динамика учета определяется сложным взаимодействием двух процессов: развития собственности и институциональной среды. Тем самым усложняется проблема диагностики экономического поведения хозяйствующих субъектов в современных условиях. Институциональные факторы (нормативные акты по бухгалтерскому, налоговому учету и др.) могут приводить к деформации собственности, что резко снижает ее эффективность как основы экономического роста и национального благосостояния. Поэтому необходимо стремиться к темповому соответствию развития экономических отношений собственности и нормативной базы бухгалтерского и налогового учета.

Библиографический список

1. *Лупикова Е.В.* История бухгалтерского учета. – М.: КНОРУС, 2009.

2. *Соколов Я.В., Соколов В.Я.* История бухгалтерского учета. – М. Магистр, 2009.

Коновалова Екатерина Владимировна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
konowalowacat@yandex.ru

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена рассмотрению роли семьи в формировании человеческих ресурсов как основного фактора производства в инновационной экономике. Доказана необходимость развития концептов экономической теории семьи в дискурсе роли человеческого капитала в инновационных процессах.

Ключевые слова: *человеческий капитал, институт семьи, экономическая теория семьи, функции семьи.*

С переходом к VI технологическому укладу правительство и общественность многих стран волнует состояние не только «воспроизводящей» функции семьи, как перспективы обеспечения экономики трудовыми ресурсами, но и функции семьи в формировании и развитии человеческого капитала, запасы которого складываются и накапливаются в семье в течение всех этапов её жизненного цикла. Семья определяет развитие личности в единстве всех её аспектов – физического, интеллектуального, духовно-нравственного – и создаёт основу для деятельности других институтов, формирующих человека и человеческий потенциал. Многие социологи и экономисты утверждают, что «семейная социализация» не ограничивается усвоением лишь тех норм и ценностей, которые приняты в данной стране в данное время, но служит важнейшим механизмом передачи основных цивилизационных характеристик. Одной из главных характеристик современной цивилизации является развитие инновационных процессов в экономической сфере общественной жизни.

Отличительной особенностью инновационного общества является определяющая роль человеческих ресурсов, их опережающее развитие. Инвестирование в технику и технологии при явном отставании развития человеческого фактора производства мало что дает. «Вкладывать средства в неэффективную действующую систему – это все равно, что бросать деньги на ветер» [2]. Трансформация роли человеческих ресурсов в основной фактор производства в инновационном обществе повышает значение отдельной человеческой личности, что заставляет при исследовании человеческого фактора всё больше переходить от статистики, оперирующей тысячами и даже миллионами человек, к изучении одного отдельного взятого человека, свойств его личности, его мотивации и других сугубо индивидуальных особенностей, начиная с семейного воспитания и ценностных установок, заканчивая способностью воспроизводить новую генерацию трудовых ресурсов [5, с. 13].

Основанием системы человеческих ресурсов служит семья. Воспитание детей, повышение образовательного и в целом культурного уровня всех членов семьи, сохранение здоровья и формирование качеств, повышающих их конкурентоспособность на рынке труда, – эти основные функции семьи одновременно могут рассматриваться и как механизм формирования рабочей силы. Капиталовложения в человека стали в настоящее время несопоставимо больше, чем в советские времена. Это связано прежде всего с изменением качества внутрисемейного труда, который определяется как свободный, нетоварный, добровольный труд родителей, превысивший в 1970-е гг. затраты труда во всех отраслях экономики. Новые качества этого труда преобразили всю культуру быта. Он стал «абсолютно необходимым для развития и каждой семьи, и общества в целом, создал важную, но «невидимую» составную часть дохода нации, скрытую семейную добавленную стоимость, которая, по оценкам, сделанным в 1990-е гг., гигантски превышает промышленную «прибавочную стоимость» – «все виды доходов от капиталов и земель» [1, с. 54]. Новое качество культура быта вырабатывает новые интересы и потребности семьи, тем самым формируя новый спрос, новые рынки, что в свою очередь способствует преодолению кризиса и подъёму экономики.

Семья сегодня оказалась объектом внимания учёных экономистов. Существенный вклад в развитие экономической науки в контексте человеческого капитала принадлежит Г. Беккеру. Беккер исследовал семью как социальный институт, который ранее почти полностью игнорировался экономической теорией. Создатели классической

© Коновалова Е.В., 2011

теории рыночной экономики выводили институт семьи за рамки рыночных отношений, ибо в то время его жизнедеятельность регулировалась религиозными нормами, традициями. А. Смит в своей работе «Теория нравственных чувств» подчеркивал важность этических отношений, строящихся на понимании личных интересов других людей, и существование в душе каждого индивидуума «внутреннего судьи», ради которого мужественно сдерживаются собственные эгоистические побуждения. Семья, по Смиту, – место наиболее интенсивного проявления нравственного чувства, а не низкоэффективное предприятие, производящее малорентабельный продукт – детей. Беккеровская трактовка семьи расходилась со старой концепцией семьи как единого субъекта потребления. Семья стала рассматриваться как производственная единица, принимающая решения и производящая «совместную полезность» с помощью ресурсов времени, умений и знаний разных членов семьи. Выдающийся теоретик и практик менеджмента П. Друкер приводит примеры эффективного семейного бизнеса в мировом масштабе на примере компании «Du Pont». Он считает, что в семейном бизнесе существуют серьезные отличия от других форм малого бизнеса, «конечно, между профессионально управляемым и семейным предприятием нет разницы в аспекте всей функциональной работы: исследований или маркетинга, или бухгалтерского учета. Но по отношению к менеджменту семейный бизнес требует собственных и очень особенных правил. Эти правила должны жестко соблюдаться. В противном случае семейный бизнес не сможет выжить, не говоря о том, чтобы процветать» [3, с. 395]. Таким образом, известные ученые Запада выделяют наличие особенностей экономического поведения в семье и в семейном бизнесе. Их подход показывает, что данные идеи должны более глубоко разрабатываться в экономических науках.

Особенности деятельности семьи в качестве первичной экономической единицы общества нуждаются в более глубоком анализе, учитывая их глобальные изменения в условиях формирования инновационной экономики. Экономическая теория семьи переносит узкий неоклассический взгляд с таких экономических субъектов, как фирма и домохозяйство, на семью, что позволяет реализовать те возможности, которые предоставляет новый теоретический подход к семье, не только как к «воспроизводящей» и потребляющей, но и как производственной единице (за пределами знаний, то есть культурной составляющей качества рабочей силы). Социокультурное развитие семьи, выработка новых потребностей даже при низком уровне доходов образуют динамичные, всё более сложные рынки. Именно динамичное расширение рынков всё более технологически сложной продукции даёт простор количественного и, что ещё важнее, качественного развития экономики. Таким образом, основой и новой формой богатства общества эпохи инноваций является революция в сфере потребностей всей массы населения. Семья становится центром формирования новых потребностей и устремлений, для которого характерна динамичность развития. Формирующий личность добровольный и самоотверженный внутрисемейный труд любящей матери, учёба детей и молодёжи, труд врача, пастора или учителя – всё это деятельность вне товарного производства, вне рыночных отношений, в которой исключительно велик элемент творческого созидания, преображения человека в человека. Это позволило обосновать вывод, что культура – основная составляющая качества рабочей силы, главная производительная сила, несопоставимо более мощная, чем капитал и наука, и главный фактор накопления [1, с. 55].

Семью можно считать начальной формой групповой жизни людей, так как именно здесь закладывается и формируется умение жить в обществе. Поэтому любая деформация родительской семьи приводит к отрицательным последствиям в развитии личности ребенка. По сравнению с другими социальными группами, семья занимает совершенно особое положение. Все остальные социальные группы с известной степенью допущения можно считать искусственными.

Воспитательно-экономические ресурсы современной семьи, на наш взгляд, мало изучены, а на повестке дня остро стоит вопрос о модернизации всех ресурсов и потенциалов семьи применительно к инновационной экономике. Подготавливать и адаптировать к требованиям инновационной экономики необходимо не только подрастающее поколение, но и взрослых членов семьи. Огромный внутрисемейный труд часто ограничивает саморазвитие домохозяйки, а фетишизм материальных и социальных благ, социального статуса и семейных интересов, действительно, может деформировать жизнь людей, ограни-

чить их интеллектуальные и духовные силы. Поэтому возрастание роли женщины в производственной сфере, изменение её положения в семье снизили статус традиционной брачно-семейной модели, появились иные новые формы организации частной жизни. В основе разрушения семьи лежат экономические причины. Современная женщина образованна, профессиональна, лучше мужчины приспособлена для рутинного монотонного труда в офисе, являющимся в информационном обществе преобладающим. Доля работающих женщин увеличилась во всех возрастных группах. Рост был практически непрерывным. Некоторое сокращение отмечалось лишь в отдельные периоды в самых старших возрастных группах, что объясняется совершенствованием пенсионного обеспечения по старости и инвалидности и соответственно более раннему уходу с работы. Поэтому коэффициенты трудового участия мужчин и женщин существенно сблизились. Женщины всё чаще зарабатывают гораздо больше мужчин.

Причем домашний неоплачиваемый труд , по статистике, ежедневно занимает (независимо от профессии и рода занятий) примерно 4 часа в сутки. Американские исследователи экономики труда высчитали, что, по расценкам наемного персонала, домашний труд женщины, если бы он был оплачиваемым, оценивается в 80–90 тыс. долларов США в год [5, с. 15]. В результате при сравнении эффективности двух сфер – производственной и семейной – с точки зрения получения личного дохода выясняется, что вложения в собственное образование, здоровье, карьерный рост приносят в денежном эквиваленте гораздо больший доход, являются более выгодными инвестициями, чем затраты времени и средств на семью и детей. Инвесторы-родители оказываются в проигрыше как в краткосрочном, так и долгосрочном аспекте. На определенном этапе развития объективно меняется баланс социальных ролей женщины, соответственно меняется и место семьи в обществе. Семья уже не дает возможности полной самореализации. В этой ситуации женщина делает выбор в пользу производственной карьеры не только по материальным, но и по морально-психологическим соображениям. Согласно опросам, 67% женщин из американских семей, где работают оба супруга, ответили, что продолжили бы трудиться, даже если бы не нуждались в деньгах. В американском обществе окончательно утвердился и преобладает тип женщины, для которой образование и деловая карьера значат не меньше, чем семья и материнство [6, с. 75]. При таком подходе традиционная семья проигрывает другим формам организации частной жизни, которые кажутся более гибкими и более приспособленными к реалиям постиндустриального общества. Эти новые формы организации частной жизни уже вполне приняты и в корпоративном секторе, и в обществе в целом.

В то же время, как уже отмечалось выше, любое общество заинтересовано в том, чтобы семья, даже существенным образом изменившаяся, продолжала выполнять свою основную функцию – формирование и развитие человеческого капитала, главным образом через воспитание. Оптимальные условия для воспитания и образования детей может создать только полноценная семья, где каждый из родителей вносит свой вклад в развитие личности ребенка. Так, А. Карлсон, президент Центра им. Говарда «Семья, религия, общество», в течение 13 лет собиравший и систематизировавший материалы по этой проблематике, приходит к выводу, что дети «здоровее, счастливее, лучше учатся в школе, менее склонны к употреблению алкоголя, наркотиков и к совершению преступлений, если они живут с обоими родителями, состоящими в законном браке. Любые отклонения от этой полной структуры семьи ведут к нежелательным последствиям» [4, с. 46]. Для создания оптимальных условий воспитания у правительств есть бюджетные, кредитные и налоговые рычаги.

В европейских государствах существует комплексная семейная политика, содержащая разнообразные меры. Они могут помочь женщине сделать свободный выбор, дать возможность уделить больше времени семье, освободив от необходимости трудиться ради заработка. Широкое применение системы экономических рычагов позволяет влиять на такие параметры функционирования домашних хозяйств, как уровень и динамика личного потребления. Эти показатели позволяют судить о состоянии трудовых ресурсов, которое зависит от качества потребления. Согласно принятой Всемирным банком методике стоимостного расчета национального богатства и человеческого капитала как одной из его частей, значительная часть потребительских расходов – текущие расходы семей – рассматриваются в качестве капитальных затрат. В целом спрос становится всё

более наукоёмким: быстрее всего растут затраты на товары длительного пользования. Динамика расходов населения на оплату различного вида услуг подтверждает тенденцию роста «наукоёмкости» потребления, что положительно воздействует на экономику [6, с. 79].

Развивая идеи зарубежных и отечественных ученых об особенностях экономического поведения семьи, невозможно не учитывать определенные нюансы культуры семейных отношений. К важному психолого-экономическому ресурсу семьи следует отнести уровень гордости ее членов по отношению к своей родословной, талантам предков, заслугам членов семьи перед государством и обществом. Все это повышает мотивационные исполнительские и творческие потенциалы семьи, ее вклад в общественное производство, усиливает заботу о качестве своей работы. Именно семья выполняет важнейшую общественную функцию – передачу от поколения к поколению основных культурных кодов, ценностей и установок. «Здесь закладываются те феномены развития социального человека, которые затем реализуются (или не реализуются) в высших достижения мировой культуры, в достижениях наций и человечества, мировой экономики и международных отношений» [1, с. 53].

Итак, можно констатировать необходимость развития концептов экономической теории семьи в дискурсе роли человеческого капитала в инновационных процессах.

Библиографический список

1. *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека. Фактор семьи // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 53–63.

2. *Грёйсон Д.* Американский менеджмент на пороге XXI века / Д. Грейсон, К.О' Делл. – М.: Экономика, 1991. – 528 с.

3. *Друкер П.Ф.* Друкер на каждый день. 366 советов по мотивации и управлению временем. – М.: ООО «И.Д. Вильяме», 2007.

4. *Карлсон А.* Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. – М., 2003.

5. *Лопухин В.Ю.* Развитие системы человеческих ресурсов как определяющий фактор построения в России инновационного общества // Инновации в социальной сфере. – 2010. – № 1. – С. 11–18.

6. *Никольская Г.* Семья в условиях постиндустриального общества (На примере США) // Мировая экономики и международные отношения. – 2006. – №8. – С. 71–80.

УДК 338.24

Муравьев Алексей Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕТЕВОЙ СТРУКТУРЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ АКТОРА В СЕТИ

В статье рассматривается возможность использования в рамках сетевого похода инструментария теории графов, обосновывается возможность оценки реализации рентоориентированного поведения актора в сети.

Ключевые слова: *сетевой подход, теория графов, центральность и престиж актора, рента за центральность актора.*

Существуют различные трактовки термина «сеть». Наиболее употребимым является понимание сети как инструмента информационного обмена[1], совокупности объектов единой функциональной направленности или организационной принадлежности, организационно-распределительного механизма, целеориентированного хозяйственного объединения, пространства неформальных контактов.

С нашей точки зрения, основным принципом, позволяющим выделить сетевую организацию экономических взаимодействий, является принцип доверия. Используя этот принцип, под сетью мы будем понимать форму экономических взаимодействий, возникающих в результате *отношений доверия*[2], форму реализации однонаправленных экономических интересов, *форму достижения индивидуальной выгоды каждым актором.*

Таким образом, мы идентифицируем сетевую организацию экономических взаимодействий (отношенческий подход).

© Муравьев А.А., 2011

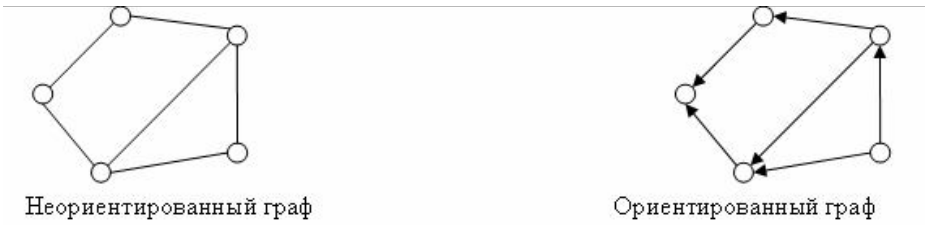


Рис. 1. Пример неориентированного и ориентированного графов

В рамках отношенческого сетевого подхода в литературе особое внимание уделяется вопросам структуры взаимодействия. Как отмечает А. Олейник, «помещение в центр анализа структуры взаимодействий позволяет использовать наработки такого направления в математике, как теория графов»[3]. Сеть экономических взаимодействий можно представить в виде графа, что мы и сделаем ниже. А пока отметим, что использование в рамках сетевого похода инструментария теории графов позволяет оценивать эффективность сетевой структуры и анализировать положение актора в этой структуре.

Теория графов: центральность и престиж актора. Под графом понимают совокупность непустого множества точек, которые называются вершинами, и множества пар вершин, которые называются ребрами. Если на каждом ребре графа задается направление, то граф называется ориентированным, если направление не задается – неориентированным, или просто графом.

На рис. 1 изображены неориентированный граф с 5 вершинами и 6 ребрами и ориентированный граф с аналогичным числом вершин и ребер.

Степенью вершины называют количество рёбер, для которых она является концевой. Чем меньше степень вершины, тем меньше связей у актора. Вершина степени 1 называется висячей.

Важным показателем для анализа сетевой структуры является такая характеристика, как плотность графа. Она характеризуется коэффициентом плотности Δ.

$$\Delta = \frac{2L}{g(g-1)}, \qquad (1)$$

где L – число ребер графа, g – число вершин. Этот параметр характеризует количество связей между вершинами сетевой структуры.

Важной характеристикой положения актора в сети служит мера его центральности[4]:

$$C_D^{'}(n_i) = \frac{d(n_i)}{g-1}, \qquad (2)$$

где $C_D^{'}(n_i)$ – показатель центральности актора n_i, $d(n_i)$ – степень его вершины, g – число вершин в графе. Этот показатель характеризует включенность актора в различные связи, а следовательно, и его положение в сети.

Для ориентированного графа используется понятие «престиж актора»[5]. Это понятие описывается при помощи использования двух показателей – показателей базового и расширенного престижа:

$$P_D^{'}(n_i) = \frac{d_{in}(n_i)}{g-1}, \qquad (3)$$

где $P_D^{'}(n_i)$ – базовый престиж актора, $d_{in}(n_i)$ – число входящих в актор ребер. Таким образом, показатель базового престижа определяется через количество входящих ребер.

$$P_E^{'}(n_i) = \frac{\frac{I_i}{g-1}}{\sum_{i=1}^{g} \frac{d(n_j, n_i)}{I_i}}, \qquad (4)$$

где $P_E^{'}(n_i)$ – расширенный престиж актора, I_i – число акторов в зоне влияния актора *i*. Показатель расширенного престижа включает в себя как прямые, так и непрямые связи данного актора. Проиллюстрируем практическую применимость вышеприведенных рассуждений.

В таблице приведены показатели центральности и престижа для анализа направленных торговых отношений между странами.

Страна является центральной, если она экспортирует товары в другие страны, и престижной, если она импортирует товары из других стран. Из таблицы ясно, что Ливия и Сирия ничего не экспортируют, хотя и импортируют товары из ряда стран. У них индекс центральности равен 0. США, напротив, экспортирует свои товары во все страны. Более развитые страны имеют более высокие показатели центральности.

Что касается показателей базового и расширенного престижа этих стран, то они свидетельствуют о мере вовлеченности страны в импорт коммерческих товаров из других стран.

Чтобы найти показатель расширенного престижа, нужно прежде всего определить I_i – количество стран, которые могут достичь i-ю страну. Многие страны импортируют товары почти из всех перечисленных стран и, таким образом, обладают высоким престижем.

Отметим, что наиболее престижные страны являются и наиболее центральными, а наименее престижные – наименее центральными. Исключение составляют Таиланд, который достаточно престижен, но не слишком централен, и Бразилия, которая центральна, но не очень престижна.

Рента за центральность актора. С помощью показателей центральности и престижа можно анализировать положение актора в сети. Эти показатели учитывают количество связей актора, его вовлеченность в сетевые отношения. Но при этом не учитывается, что те или иные связи в сети обладают разной ценностью. Возникает также вопрос, какую выгоду получает актор от участия в сети и от своего положения в ней.

Таблица 1

Показатели центральности и престижа в сети торговых отношений между странами

Страна	$C'_D(n_i)$	$P'_D(n_i)$	$P'_E(n_i)$
Алжир	0,174	0,565	0,661
Аргентина	0,565	0,435	0,599
Бразилия	0,913	0,478	0,619
Китай	0,913	0,652	0,710
Эквадор	0,087	0,391	0,599
Египет	0,391	0,522	0,599
Эфиопия	0,087	0,435	0,710
Финляндия	0,913	0,652	0,590
Гондурас	0,043	0,391	0,581
Индонезия	0,609	0,609	0,599
Израиль	0,478	0,435	0,599
Япония	1,000	0,739	0,767
Ливия	0,000	0,391	0,564
Мадагаскар	0,043	0,261	0,532
Новая Зеландия	0,478	0,609	0,684
Пакистан	0,565	0,609	0,684
Испания	0,957	0,739	0,767
Швейцария	1,000	0,652	0,710
Сирия	0,000	0,522	0,619
Таиланд	0,609	0,652	0,710
Великобритания	0,957	0,695	0,767
США	1,000	0,826	0,799

Источник: *Кузьминов Я.И.* Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 443 с.

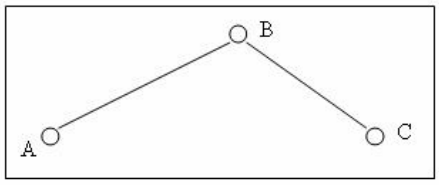


Рис. 2. Центральность актора (неориентированный граф)

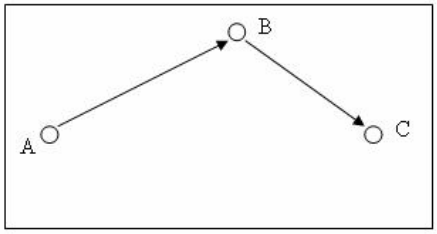


Рис. 3. Центральность актора. Связь актора А с актором С

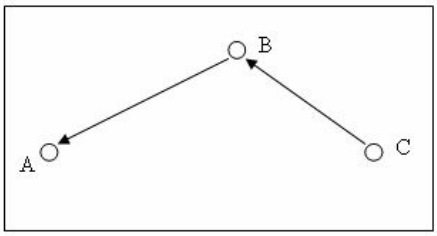


Рис. 4. Центральность актора. Связь актора С с актором А

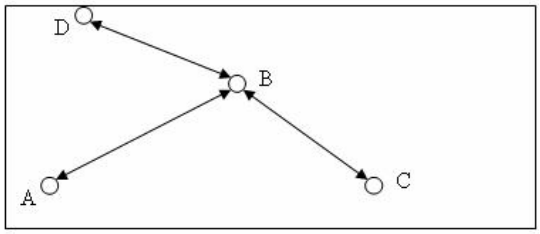


Рис. 5. Монополия актора и неэффективная сетевая структура

Обратимся к рисунку 2. На нем акторы А и С не связаны между собой напрямую. Их взаимодействие осуществляется через актор В. Актор В является по отношению к А и С центральным актором. Плата, которую он получает за связь акторов А и С, – **рента за центральность**[6]. Обозначим ее как r_B.

	n_1	n_2	n_3	n_4	n_5
n_1	0	r_{12}	r_{13}	r_{14}	r_{15}
n_2	r_{21}	0	r_{23}	r_{24}	r_{25}
n_3	r_{31}	r_{32}	0	r_{33}	r_{34}
n_4	r_{41}	r_{42}	r_{43}	0	r_{45}
n_5	r_{51}	r_{52}	r_{53}	r_{54}	0

Рис. 6. Рента за центральность – матричное представление

При этом рента за связь A с C и C с A может быть разной. Представим отношения между акторами A, B и C в виде ориентированного графа. На рис. 3 инициатором связи выступает актор A, r_{ABC} – рента, которую получает актор B за связь актора A с актором C.

На рис. 4 инициатор связи – актор C, r_{CBA} – рента, которую получает актор B за связь актора C с актором A.

На рис. 5 актор B связан с тремя акторами (A, C, D), не связанными между собой. Совокупная рента за центральность, которую в этом случае будет получать актор B, равна:

$$r_B = r_{ABC} + r_{CBA} + r_{ABD} + r_{DBA} + r_{DBA} + r_{CBD} + r_{DBC}.$$

r_B можно рассматривать как потери акторов A, C и D, связанные с отсутствием достаточного количества связей и неэффективной сетевой структурой. В данном случае актор B занимает монопольное положение в сети.

Ренту, получаемую различными акторами за свое центральное положение в сети, можно представить в виде матрицы (рис. 6). r_{12} – совокупная рента за центральность, которую получает актор 2 от актора 1.

$\sum_{j=1}^{5} r_{1j}$ – рента за центральность, которую платит актор 1 участникам сети. Этот показатель можно рассматривать как потери актора 1, вызванные недостаточным количеством связей в сети.

$\sum_{i=1}^{5} r_{i1}$ – рента за центральность, которую получает актор 1 от всех участников сети. Разность этих двух показателей позволяет оценить выгоду или потери, связанные с положением актора в сети.

Примечания

[1] См. например: *Паринов С.И., Яковлева Т.И.* Экономика 21 века на базе Интернет-технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/economy21.htm

[2] Об анализе отношений доверия в социально-экономических обменах см.: *Ляско А.К.* Проблема доверия в социально-экономической теории. – М.: Институт экономики РАН, 2004. – 189 с.

[3] *Олейник А.* Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. – 2003. – №8. – С. 132–149.

[4] См. например: *Целых Ю.А.* Теоретико-графовые методы анализа нечетких социальных сетей // Программные продукты и системы. – 2008. – №2.

[5] См.: *Кузьминов Я.И.* Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 443 с.

[6] В дискурсе задач нашего исследования рента за центральность актора рассматривается в контексте идей неприродной ренты (управленческая, статусная, образовательная и т.д.).

УДК 338.24

Ратькова Александра Борисовна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

КОРРЕКТИРУЮЩИЕ ЛАГИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема корректирующих лагов регулирующего воздействия государства как координационного механизма в динамично развивающейся экономике.

Ключевые слова: *государственное регулирование, «провалы» рынка, «провалы» государства.*

Для современного этапа динамично развивающейся экономики характерно усиление взаимообусловленности государства и рынка как механизмов координации экономического взаимодействия.

Это проявляется, прежде всего: во-первых, в их растущей взаимозависимости. Современный рынок нуждается в инфраструктуре, совокупности правил для «игрового поля» и системе защиты «игроков» от внешних и внутренних угроз. Государство испытывает потребность в материально-финансовых ресурсах для самосуществования и реализации своих функций. Оно предоставляет институциональную базу для развития рынка и частной предпринимательской деятельности. В свою очередь фирмы стремятся эффективно использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы с целью получения прибыли. Тем самым они создают то богатство, а следовательно, и финансовые ресурсы, которые необходимы государству для реализации возложенных на него функций.

Во-вторых, в единстве противоречий. Государство и рынок обладают относительной самостоятельностью. Это обусловливает наличие различных, иногда противостоящих экономических интересов, что вызвано тем, что оба механизма – как рыночный (по линии фирм), так и государственный – представляют собой системы, построенные, в той или иной мере, по централизованной иерархии. «Современное государство организовано и как иерархическая структура, и как система уровней и элементов, между которыми разделены полномочия (или которые связаны отношениями политической конкурентной борьбы)» [2, с. 15]. У каждой из них, помимо общих целей, существуют и свои собственные устремления, побуждающие к самостоятельной экспансии, к своему «личному» доходу. В итоге на конкурентном пространстве неизбежно столкновение частных и государственных агентов с противоположными устремлениями и интересами.

В-третьих, в позитивных эффектах взаимовлияния. Встречное влияние приводит к эволюции и взаимной адаптации обоих механизмов. Государство приобретает более либеральный, толерантный, по отношению к бизнесу, характер. К системе правил адаптируется и бизнес. Хотя такое явление, как уклонение от налогов, сохраняется всегда, однако в целом оно становится менее активным. Кроме того, взаимодействие двух механизмов обеспечивает проявление дополнительной результативности, что рождает так называемый «синергетический эффект». Государственное регулирование не только нейтрализует ряд «провалов» рынка, но и обеспечивает дополнительный эффект, выраженный в динамизме рыночной экономики.

В этом контексте следует отметить, что к «провалам» рынка приводит неспособность рыночной координации обеспечить выбор наиболее эффективных вариантов решения социально-экономических проблем. Корректирующими воздействиями государства в случае «провалов» рынка являются, прежде всего, создание нормативно-правовой среды, где регламентируются отношения собственности, контрактные отношения, права потребителей, антимонопольное законодательство и регулирование деятельности естественных монополий, качество работы судебных органов. Меры косвенного воздействия могут включать в себя налоги, субсидии, штрафы за причиненный ущерб, страхование рисков. Величина получаемого позитивного результата зависит во многом от оптимального сочетания государственного и рыночного регулирования. В контексте сказанного приведем выдержку из работы нобелевского лауреата Джозефа Стиглица: «Сегодня, говоря о роли государства, экономисты ставят вопрос не только о провалах рынка, но также и об ограничениях для правительства, чтобы предлагаемые им средства лечения не оказались дороже рыночных недомоганий» [3, p. 143–144].

Действительно, чрезмерное вмешательство государства подрывает действие системы само-

© Ратькова А.Б., 2011

регулирования и приводит к снижению эффективности. Кроме того, при чрезмерном вмешательстве само государство страдает от бюрократизма и коррупции, появляются так называемые «провалы» государства. Они бывают, как отмечают А. Аткинсон и Дж. Стиглиц, не реже чем «провалы» рынка [1, с. 399–438, 482–494]. Причем «провалы» государства могут дополнять, а иногда и усиливать «провалы» рынка. Поэтому государственное вмешательство оправдано, если возникающие проблемы существенны, связаны с большими рисками для общества и не могут быть преодолены механизмами рыночного саморегулирования, а государственное регулирование способствует появлению чистого общественного выигрыша по сравнению с ситуацией отсутствия регулирующего воздействия. Если же возникающие проблемы сопровождаются незначительными потерями, то государственное регулирование, возможно, окажется нецелесообразным.

Для определения целесообразности регулирующего воздействия необходимо сравнить последствия от государственного вмешательства и последствия от невмешательства. В случае целесообразности регулирующего воздействия важны разработка и принятие эффективного решения социально-экономических проблем, что предполагает рассмотрение альтернативных вариантов или наиболее выполнимых из них. Условно можно выделим следующие альтернативы: саморегулирование, когда проблема не связана со значительными потерями и рисками для общества и может быть решена рыночными механизмами; смешанное регулирование, предполагающее взаимодействие государственного и рыночного регулирования (при этом предпринимательский сектор самостоятельно разрабатывает и реализует меры по решению проблем, а государство обеспечивает законодательную основу его действиям); государственное регулирование, которое необходимо, в первую очередь, для разрешения значительных проблем, связанных с большими рисками.

Осуществляя регулирующее воздействие в случае «провалов» рынка и, прежде всего, предупреждая их, государство должно следить за возможными неблагоприятными последствиями своих действий и, при необходимости, корректировать их. Необходимо учитывать, что между принятием решений, их реализацией и результатами реализации возникают временные интервалы (лаги), которые также могут привести к «провалам» государства. Внутренний лаг – это промежуток времени между возникновением экономической проблемы и принятием определенных решений. Внешний лаг – это промежуток времени между моментом принятия решения и моментом, когда эти решения начнут давать результаты. В течение этих промежутков времени состояние экономической системы изменяется. Это может привести к тому, что даже правильные решения, принятые ранее, в новых условиях могут вызвать негативные последствия. В связи с этим важно помнить о законе непредвиденных последствий, суть которого заключается в том, что в результате осуществления каких-либо мероприятий желаемый результат не достигается, достигается с большими издержками или достигается противоположный результат. Например, даже качественный прогноз увеличения или уменьшения налоговых сборов при снижении ставки налогов может оказаться ошибочным.

Следует обратить внимание, что наряду с государством, оказывающим существенное корректирующее воздействие на «провалы» рынка, наблюдаются элементы корректирующего воздействия механизмов рынка на «провалы» государства. Так, интеграция в государственную структуру норм экономического поведения, свойственного рынку, сказывается на развитии рынка, что позволяет большинство проблем решать быстрее и эффективнее за счет компромиссных решений, выгоды от которых для рыночной системы больше издержек.

В заключение следует отметить: поскольку как рыночному, так и государственному регулированию присущи «провалы», не вызывает сомнений то, что ни один из названных механизмов регулирования не может претендовать на роль исключительного инструмента управления экономикой. Необходимо взаимодействие и взаимодополняемость государства и рынка. Это предполагает, что государственное регулирование должно компенсировать «провалы» рынка, а рынок должен способствовать преодолению «провалов» государства. Именно симбиоз, а не противопоставление государственного регулирования и рыночного механизма позволит решить основные социально-экономические проблемы современного общества.

Библиографический список

1. *Аткинсон А., Стиглиц Дж.* Лекции по экономической теории государственного сектора. – М.: Аспект-пресс, 1995.

2. Механизм регулирования экономики в Германии: как он функционирует / Под ред. А. Шюллера, Р. Петерхоффа, В. Гутника. – М.: ВлаДар, 1995.

3. *Stiglitz J.* Principles of Macroeconomics. – Stanford University, 1996.

УДК 339

Сердцева Ольга Андреевна
Филиал Газпромбанка (Открытое акционерное общество) в г.Костроме
arenda@kostroma.ru

РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена исследованию роли фондового рынка в развитии экономики, изучению проблем российского фондового рынка, а также определению приоритетных направлений его дальнейшего развития.

Ключевые слова: *рынок ценных бумаг, фондовый индекс, ликвидность, акция, волантильность, капитализация.*

В условиях глобализации рыночного пространства функционирование фондового рынка имеет чрезвычайно большое значение. Рынок ценных бумаг представляет собой сферу, в которой формируются финансовые источники экономического роста, концентрируются и распределяются инвестиционные ресурсы между отдельными производствами, отраслями и экономиками различных стран. Таким образом, состояние фондового рынка является важнейшим показателем, характеризующим «здоровье» экономики и экономической системы в целом. Более того, фондовый рынок является опережающим индикатором к реальной экономике, прогнозируя её поведение.

Существующий в настоящее время в России фондовый рынок является типичным крупным развивающимся рынком. Он характеризуется, с одной стороны, высокими темпами позитивных количественных и качественных изменений, а с другой – наличием многочисленных проблем, носящих комплексный характер и препятствующих его более эффективному развитию.

Резкий спад фондового рынка России в 2008 году, по мнению многих, выявил одну из его самых слабых сторон – малочисленность внутреннего инвестиционного ресурса, который попадает на рынок через инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды, страховые компании, банки и т.д. Другими словами, основная при-

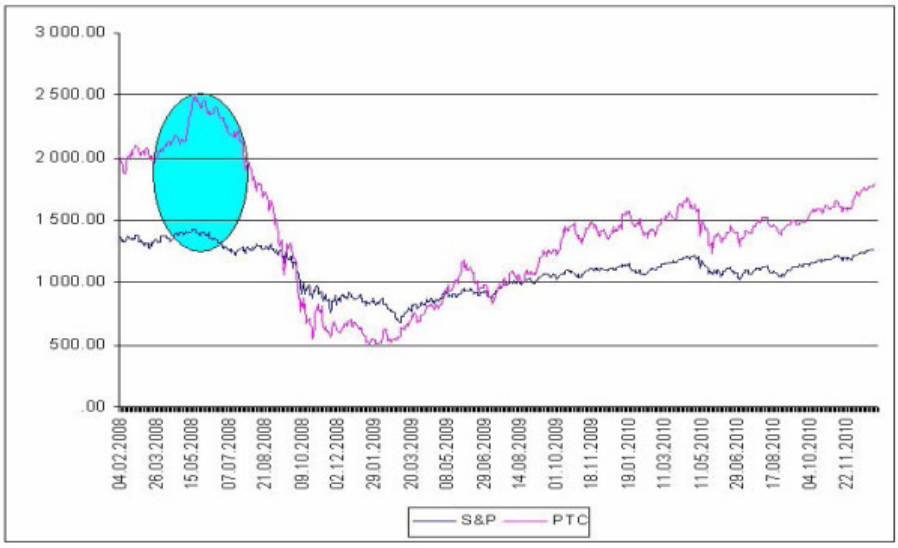


Рис. 1. Образование «локального пузыря» на российском рынке

 © Сердцева О.А., 2011

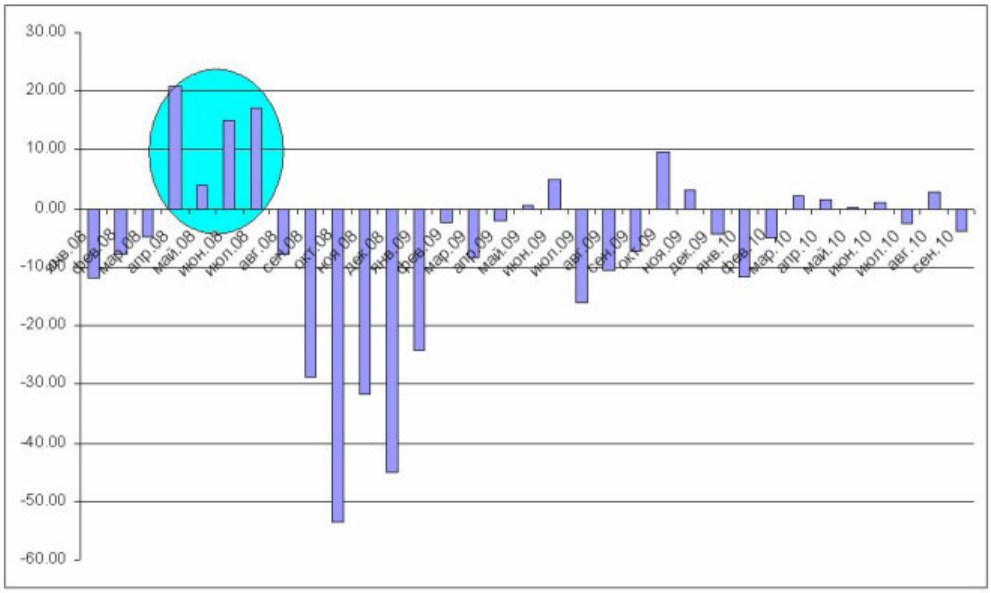


Рис. 2. Чистый ввоз / вывоз капитала частным сектором, млрд. долл. США (по данным платежного баланса РФ)

чина падения рынка – внешняя, а именно – это преобладание спекулятивных ресурсов и внешних источников фондирования и, связанный с этим, резкий отток иностранного капитала в период проблем с ликвидностью на западных рынках.

Если рассматривать кризисные явления на фондовом рынке 2008 года, поместив на одном графике российский (RTS) и американский (S&P) фондовые индексы, можно выделить отрезок времени, на котором рынок США практически перестает расти и начинает разворачиваться, в то время как на российском рынке начинается резкий подъем (см. рис. 1).

Принимая во внимание резкое снижение корреляции между рассматриваемыми индексами за данный период, а также резко возросшее значение притока иностранного капитала (см. рис. 2), можно сделать вывод, что причиной «пузыря» на данном временном промежутке, действительно, является резкий приток иностранного капитала.

Уже давно известно, что любая экономика развивается циклически и за резким падением всегда наступает мощный подъем. Итоги 2009–2010 гг. являются ярким тому подтверждением. Так, индекс РТС своего максимального значения достиг в мае 2008 года (2487,92), а минимального – в январе 2009 г. (498,2). Снижение составило почти 5 раз! После чего уже к концу 2009 года индекс вырос на 189,97% (1444,61) [1]*. Если же рассматривать период с 11 января 2008 г. по 11 января 2011 года, то можно отметить, что за указанный промежуток времени российский фондовый рынок вырос в целом на 287% (см. рис. 1).

Насколько такой рост оправдан и не ждет ли российский фондовый рынок достаточно глубокая коррекция? Лежат ли какие-то фундаментальные основы в таком росте? Текущая ситуация на фондовом рынке с учётом объективных экономических показателей напоминает ралли – желание инвесторов рисковать, формирование очередного «пузыря». Уж слишком сильно темпы роста фондового рынка опережают фундаментальные экономические показатели. Так, показатель ВВП России за период с 2009 по 2010 гг. вырос всего лишь на 7,8%, что еще раз подтверждает тезис о том, что рост российского фондового рынка не подкреплен реальной устойчивостью экономики и носит преимущественно спекулятивный характер. Это же подтверждается и участием банков на рынке ценных бумаг. В 2009 году кредитные портфели банков практически не росли. В то же время вложения банков в ценные бумаги выросли более чем в 2 раза: с 193,4 млрд. руб. на 01.01.2009 года до 411,8 млрд. руб. на 01.01.2010 г. [2]. Таким образом, существующий восходящий тренд на фондовом рынке в любой момент может смениться на нисходящий.

Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что рынок ценных бумаг в России в значительной мере подвержен влиянию изменений в ценах сы-

рьевых товаров: нефти, газа, металлов. В структуре торгового оборота ММВБ в 2009 году доля сырьевых компаний была достаточно велика: только на 6 компаний (ОАО «Газпром», ОАО «Лукойл», ОАО «Роснефть», ОАО «ГМК Норильский Никель», ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Татнефть») приходилось 49,1% совокупного оборота рынка акций [4]. В структуре самого индекса ММВБ на конец 2009 года на нефтяные и газовые компании приходилось 52%, металлургию и горнодобычу – 16,9%. Таким образом, очевидно, что ликвидность российского фондового рынка достаточно узка, а серьезные колебания в котировках акций перечисленных эмитентов, возникающие вследствие изменения спроса экономик многих стран на сырьевые товары, вызывают повышенную волатильность самого фондового рынка [3].

Таким образом, в России всего лишь 8–9 эмитентов, по сути, формируют основу фондового рынка. Кроме того, сохраняется высокая концентрация капитализации (а также оборотов) в акциях предприятий, представляющих топливно-энергетический комплекс. По данным Центра развития фондового рынка, на эту отрасль приходится почти половина общей капитализации российских эмитентов. Более того, доля этих эмитентов на нем не отражает их места в экономике. А отсюда можно заключить, что отечественный фондовый рынок не справляется с задачей эффективного перераспределения ресурсов.

При сохранении существующих тенденций Россия не только будет значительно отставать от большинства развитых финансовых рынков, но от ряда из них (США, Великобритания, Япония) это отставание будет существенно увеличиваться. И что особенно печально, по капитализации рынка мы уже значительно уступаем и Китаю, и Бразилии, и Индии (от 3,66 до 1,77 раза) [3]. Данное обстоятельство будет способствовать оттоку операций из России на зарубежные рынки, снижению конкурентоспособности российского фондового рынка на глобальном рынке капиталов и, в конечном счете, – утрате Россией ликвидности на внутреннем рынке.

Диверсификация производства и переориентация экономики на внутренний спрос – вот самые важные проблемы, решение которых даст толчок к новому направлению развития отечественной экономики. В настоящее время для российского фондового рынка принципиально важен рост объемов и привлечение на рынок новых эмитентов, поскольку при малых объемах появление любого крупного игрока может одномоментно обрушить фондовый рынок. Кроме того, на рынок необходимо привлекать широкие слои частных инвесторов. Участие большого числа мелких частных инвесторов позволит сделать рынок более устойчивым к колебаниям рыночных настроений. Для решения этой задачи предстоит провести программу, направленную на ликвидацию финансовой безграмотности населения, а также комплекс маркетинговых мероприятий, имеющих целью представить фондовый рынок для инвестора как возможность получения доходов при благоприятной рыночной конъюнктуре, и особо отметить недооцененность активов в длительной перспективе.

Примечание

* Рассчитано автором по материалам источника.

Библиографический список

1. Quote: информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.quote.ru

2. Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru

3. *Герасимов А.М.* Мировой экономический кризис и рынок ценных бумаг в России // Вестник КГТУ. – 2010. – №24. – С. 26–29.

4. ММВБ – Micex: официальный сайт [информация о торгах, курсе обмена валют, котировках, фондовых индексах] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.micex.ru

5. Investfunds: информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.investfunds.ru

6. Официальная статистическая информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru

7. Причины пузырей на российском фондовом рынке: исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mit.su/psychology/3-psychology-research/6-samkov-bubbles-research.html

Симонов Алексей Геннадьевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
boxformail@list.ru

ГАРМОНИЧНОСТЬ ЭКОНОМИКИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается проблема гармоничности развития российской экономики.
Ключевые слова: *российская экономика, гармония, гармоничность экономики.*

Что такое *гармония*? Если обратиться за ответом на этот вопрос к словарю В.И. Даля, то мы найдем следующее определение: «Гармония – соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, равномерность, равнозвучие, взаимность, соотношение, согласие, согласность, соглас, стройность, благостройность; соразмерное отношение частей целого; правильное отношение». Гармонировать, по В.И. Далю, – значит «отвечать, соответствовать, согласоваться, созвучить; быть под одно, под стать, под масть, под лад». Как можно применить это понятие к экономике? В ответе мы солидарны с занимавшимся этим ранее Г.Б. Клейнером, членом-корреспондентом РАН.

По Г.Б. Клейнеру, гармоничность – это некое *состояние,* в котором соблюдаются некоторые условия. «Базовым условием гармонии является умеренная скорость изменений пространственных и временных характеристик экономики. Для человека, как участника экономической деятельности, одинаково неприемлемы и слишком частые и существенные перемены экономических условий (“эпоха перемен”), и слишком редкие перемены (“эпоха застоя”), и слишком дробная структура экономического пространства (“ущелья”), и слишком монотонная структура такого пространства (“пустыня”)» [1].

В настоящей публикации мы не ставим задачу, получить точный показатель или коэффициент, изменение которого позволит судить о степени гармоничности экономики. Нас интересует сама возможность существования такого показателя и факторов, влияющих на его величину.

Снова обращаясь к трудам Г.Б. Клейнера, который говорит о том, что показатель гармоничности экономики, вероятнее всего, схож по своей структуре (если можно так выразиться) с коэффициентом Джинни.

Как провести параллель между коэффициентом Джинни и гармоничностью экономики? Коэффициент Джинни – статистический показатель, свидетельствующий о степени расслоения общества страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку (к примеру, по уровню годового дохода – наиболее частое применение, особенно при современных экономических расчётах). Как и кривая Лоренца, коэффициент Джинни может использоваться для выявления уровня неравенства по накопленному богатству.

$$G = \left| 1 - \sum_{k=1}^{n} (X_k - X_{k-1})(Y_k + Y_{k+1}) \right|,$$

где G – коэффициент Джинни, X_k – кумулированная доля населения (население предварительно ранжировано по возрастанию доходов), Y_k – доля дохода, которую в совокупе получает X_k; n – число домохозяйств.

Возникает вопрос: как применить данный коэффициент при расчете гармоничности? Гармоничность экономики на первичном уровне определяется степенью изменчивости экономики в пространственном аспекте и волатильности – во временном аспекте. Необходимо определить факторы, влияющие на эти характеристики экономики. Оказывается, что изменчивость и волатильность зависят от структуры имеющихся в стране экономических систем. Г.Б. Клейнер считает (и мы с ним согласны), что функционирование экономики складывается из взаимодействия четырех типов взаимозависимых систем: объекты, проекты, среды, процессы (рис. 1).

Нам остается обосновать математический аппарат для расчета гармоничности экономики (хотя бы в первом приближении).

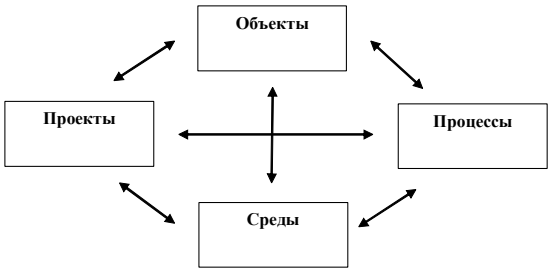


Рис. 1. Взаимодействие четырех типов экономических систем (источник: Клейнер Г.Б., 2008).

© Симонов А.Г., 2011

В экономической теории принцип гармоничности может в определенной степени заменить известный принцип максимизации. В стандартной теории предполагается, что рациональный экономический субъект оценивает результаты своей деятельности по значениям какого-либо показателя (дохода, прибыли, стоимости, капитализации и т.п.) и стремится к достижению максимального уровня этого показателя.

Г.Б. Клейнер отмечает, что принцип гармонии не требует от агента концентрации на каком-либо одном показателе, и, наоборот, рекомендует оценивать результаты работы по степени сбалансированности всех основных характеристик производства. Соответственно, под контролем должны быть все виды систем, от которых зависит деятельность агента, и все стороны этой деятельности.

Новая стадия экономической политики развития страны должна базироваться на актуальной экономической теории, отражающей стремление к гармонии, как базовый принцип принятия решений экономическими агентами и государством. Имманентные свойства, присущие каждому типу экономических систем, определяют и характер взаимоотношений между ними. Учет этих особенностей дает возможность создавать устойчивые гармонизированные социально-экономические комплексы в сфере корпоративного управления, стратегического менеджмента, государственного управления.

Гармоничность экономики требует сбалансированности и в пространственном, и во временном аспектах. Поэтому реализация принципа гармоничности невозможна без стратегического видения экономики. Гипертрофированное или, наоборот, недостаточное развитие систем любого из четырех видов на каждом уровне экономики грозит экономике коллапсом, а обществу – бедами. Предотвратить их помогло бы создание многоуровневой системы стратегического планирования экономики под эгидой государства. Соответственно, необходим и систематический мониторинг и анализ гармоничности экономики, и федеральный орган по управлению сбалансированностью на макроэкономическом уровне.

Гармония экономики не в состоянии избавить экономику от тех или иных напряжений, а порой и встрясок. Но в гармоничной экономике, в отличие от дисгармоничной, заложен мощный внутренний потенциал преодоления противоречий в рамках эволюционного развития. Сохранять устойчивую конкурентоспособность может лишь гармоничная экономика. То самое креативное разрушение, которое, по Шумпетеру, является источником предпринимательских инноваций, только тогда приносит пользу, когда его результат укореняется «на экономической почве». А это возможно при наличии глубинной «генетической» гармонии между новшествами и средой их абсорбции.

По сути дела, сегодня мы стоим перед выбором: либо продолжать закрывать глаза на источники постоянной социально-экономической дисгармонии и осуществлять «ручное управление», латать возникающие то в одном, то в другом секторе экономики прорехи, либо поставить цель построения в стране гармоничной экономики.

В литературе существует большой разброс мнений о возможности построения гармоничной экономики в России. Так, например, У. Баймуратов [2] отмечает, что гармоничная экономика возникает путем трансформации существующих моделей социальной рыночной экономики в новую социальную рыночную экономику.

По мнению У. Баймуратова, формирование гармоничной социальной экономики предполагает трансформационные процессы по этапам:

– преимущественная индустриализация первичной сферы (сырьевые, топливно-энергетические, сельскохозяйственные и другие производства), начало диверсификации экономики;

– индустриализация вторичной и третичной сфер экономики (перерабатывающие и наукоёмкие производства, инфраструктура). Реализация стратегии индустриально-инновационного развития с ориентацией на сервисно-технологические производства с высокими добавленными стоимостями, формирование и многовекторное развитие новой национальной системы производительных сил;

– формирование постиндустриального общества.

Гармоничная экономика пространственно ограничена границами государств в условиях неравномерности размещения природных ресурсов по регионам, странам мира и разного уровня производительным силам. Такая экономика, к сожалению, не может возникнуть повсеместно и одновременно. У каждого государства или их объединений свой путь развития.

Библиографический список

1. *Клейнер Г.Б.* Экономика должна быть гармоничной // Экономика и жизнь. – 2008. – №19.

2. *Баймуратов У.* О некоторых мифах в экономической теории и о гармоничной экономике в странах с тремя «D» (продолжение статьи «Общество и его экономика – арена действия закона о гармонии») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aef.kz/virtualforum/forum/forum 12/topic153/

Чекмарёв Василий Владимирович
доктор экономических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

Юдина Татьяна Николаевна
доктор экономических наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломаносова

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТРИЦАМИ ЕЛИЗАВЕТОЙ ПЕТРОВНОЙ И ЕКАТЕРИНОЙ (II) АЛЕКСЕЕВНОЙ РОМАНОВЫМИ

В статье исследуются проблемы домостроения в российской державе с позиций современной макроэкономической инстутуциональной теории.

Ключевые слова: *институционализация, домостроительство, макроэкономическая институциональная теория.*

В XVIII в. две Великие российские императрицы: Елизавета Петровна Романова (годы жизни: 18 декабря 1709 – 25 декабря 1761 г.; императрица: 1741–1761 гг.) и Екатерина II Алексеевна Романова (годы жизни: 21 апреля 1729 г. – 6 ноября 1796 г.; императрица: 1762–1796 гг.) продолжили Великие реформы Петра Великого. Каждая из них претворила в жизнь свой имперский проект. Много общего было в их великих институционально-экономических преобразованиях (реформах) и в целом домостроительстве как совершенствовании, строительстве и укреплении Российской империи – Дома-Хозяйства. Их объединяло то, что они окружали себя русскими имперскими людьми, придерживались русских традиций в экономике и одновременно ее модернизировали. Государственными мужами XVIII в., внесшими свой энциклопедический вклад в экономическую науку и домостроительство, были В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, а также член-корреспондент Российской Академии Наук П.И. Рычков. Их идеями обогатились экономическая наука и практика домостроительства.

Придя к власти 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна I провозгласила возрождение и продолжение дел своего отца и Отца своих верноподданных россиян, Отца Отечества. В монографии «Русские царицы и царевны» констатируется: «Между тем елизаветинское двадцатилетнее царствование, при ближайшем рассмотрении, является одной из важнейших страниц исторического прогресса в нашей стране. Поэтому существует и другое утверждение, состоящее в том, что Елизавета была образцовой монархиней, в которой соединились все свойства Великой государыни и правительницы» [1, с. 160].

Императрица Елизавета Петровна Романова (после своей коронации 25 апреля 1742 г. в Успенском соборе Кремля) провозгласила курс на дальнейшие социальные и институционально-хозяйственные реформы. Так в ее царствование постепенно меняется статус дворянства как служащего класса; дворян привлекают к предпринимательству, науке. Для развития отечественного предпринимательства императрица Елизавета Петровна подписала в 1760 г. Указ, разрешавший помещикам ссылать на поселение в Сибирь крестьян, с зачетом их за рекрутов. Ранее, в 1746 г. Елизавета Петровна дала разрешение купцам и разночинцам покупать крестьян. Во время царствования Елизаветы Великой происходило освоение природных богатств Сибири, Урала, развитие металлургии и других промыслов. Подготовка и проведение елизаветинских реформ определялись участием таких выдающихся отечественных мыслителей и экономистов, как Шувалов Петр Иванович (1710–1762 гг.), Татищев Василий Никитич (1686–1750 гг.), Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765 гг.), Рычков Петр Иванович

© Чекмарёв В.В., Юдина Т.Н., 2011

(1712–1777 гг.), Шувалов Иван Иванович (1727–1797 гг.) и др. В частности, фактически главой елизаветинского правительства был Петр Иванович Шувалов. Он являлся одним из инициаторов и главой исполнительной власти по проведению экономических реформ.

Способ принятия решений в отношении домостроительства в Российской империи императрицей Елизаветой Петровной, которая была Матерью Русского Дома, очень похож на сталинский манер. Действительно, и императрица Елизавета Петровна и «советский император» Иосиф Виссарионович Сталин медлительно, но мудро принимали свои решения, предварительно выслушав высказывания всех тех людей, которые участвовали в выработке государственного решения. Так историк С.М. Соловьев отметил, что, «выслушивая одно мнение, она принимала его и по живости характера не могла удержаться от выражения своего одобрения; не торопясь решать дело по первому впечатлению, она выслушала другое мнение и остановилась на новой стороне дела, приведенная в затруднение, сравнивая и соображая, она, естественно, медлила и тем приводила в раздражение людей, желавших, чтоб их мысль была приведена как можно скорее в исполнение. Они кричали, что императрица не занимается делами государственными, отдает все свое время удовольствиям» [2, с. 163–164]. Однако в этом состояла государственная мудрость Елизаветы Великой, не спешившей принимать государственное решение для общего блага Дома–Хозяйства и Дома–Государства.

Л.Г. Кислягина в своем исследовательском проекте о государственных учреждениях Государства Российского XVI–XVIII вв. [3] определила, что: «правление Елизаветы Петровны отмечено дальнейшей централизацией власти». Великая русская императрица решала единолично не только важные государственные вопросы, но и очень мелкие. Действительно, императрица Елизавета Петровна продолжила Петровское строительство «государской экономии», «доброй економии или домостроительства» (по В.Н. Татищеву).

В период елизаветинского царствования проводились социальные реформы. Их результатом стало строительство инвалидных домов, богаделен, смягчение правовых норм, также фактическая (не юридическая) отмена смертной казни. В 1744 г. Елизавета Петровна Романова утвердила указ Сената «О неотмене смертной казни для воров, разбойников, убийц и делателей фальшивых денег», однако ни один из людей, приговоренных к смертной казни, не был казнен. «Смертники», наказанные кнутом, становились каторжниками. Через один месяц после восшествия на престол в 1741 г. царица отменила, т.е. простила, недоимки за 1719–1730 гг., затем упразднила Доимочную комиссию при Сенате. Регулярно на 3–5 копеек снижалась подушная подать. Были прощены недоимки за 1730–1747 гг.

Следует выделить институциональные изменения в Российской империи за период 1741–1761 гг. Среди этих изменений можно выделить следующие:

– Главной институциональной особенностью отечественного домостроительства того периода стало возрождение и «выращивание» системы петровских институтов и элементов в области государственного хозяйственного устройства, т.е. государственного регулирования экономики, а также одновременное упразднение инородных норм и правил, введенных, «экспортированных» при Бироне. Так был восстановлен прежний статус Сената, т.е. был возвращен Сенат без внешних ведомств: военного, морского и иностранных дел. Сенат ведал только всеми внутренними делами (экономикой, в том числе финансами, культурой и др.). Одновременно он выполнял законодательную и судебную функции власти. Основное институциональное правило Елизаветы Петровны, по мнению историка С.Ф. Платонова, – это управлять Русским Домом – Государством и Домом-Хозяйством в духе Петра Великого, привлекая к государственному управлению русских православных людей.

– Начало университетского и профессионального образования в Российской империи. Именно императрица Елизавета Петровна является главной учредительницей и основательницей Императорского Московского университета (ИМУ) в 1755 г. по проекту Михаила Васильевича Ломоносова. И.И. Шувалов, также один из трех его основателей, стал первым куратором ИМУ. Наряду с Московским университетом была создана гимназия при нем, а также – гимназия в г. Казани. В елизаветинский век просвещения и художеств учреждается Академия художеств в Санкт-Петербурге в 1757 г. (ее название «Академия знатнейших художеств»).

Знаменательным фактом является также то, что в 1742 г. при императрице Елизавете Петров-

не в Академию наук, основанную 28 января / 8 февраля 1724 г. в Санкт-Петербурге Указом императора Петра I, был избран великий русский ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов, внесший огромный вклад в развитие многих отраслей науки и в целом в становление русской науки и оказавший влияние на работу самой Академии Наук. Деятельность АН Российской империи в XVIII в. развивалась преимущественно в области математических и естественных наук, а также изучения природных богатств, пространственной экономики и экономической географии и состава населения; был проведен ряд научных экспедиций.

Наряду с университетским образованием в Российской империи развивается профессиональное образование, кстати это актуальная задача в РФ. В дело подготовки специалистов среднего звена внес русский энциклопедист В.Н. Татищев. Программа подготовки техников, ремесленников, работников для развивающегося мануфактурного производства, в частности, в горнозаводских школах на Урале, изложена В.Н. Татищевым в его статье «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» [4, с. 51–132]. С 1755 г. в России издавался первый русский научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В нем печатались экономические материалы, касающиеся вопросов предпринимательства, в частности, купеческой деятельности как одной из его форм, торговли, внутренней и внешней, денег, бухучета и др. [5] В нем публиковались в 1755 г. статьи, касающиеся проблем пространственной экономики, например, П.И. Рычкова «Переписка между двумя приятелями о коммерции [6], состоящая из нескольких писем.

– 30 августа 1756 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны в Санкт-Петербурге был открыт первый русский театр. На языке институциональ-

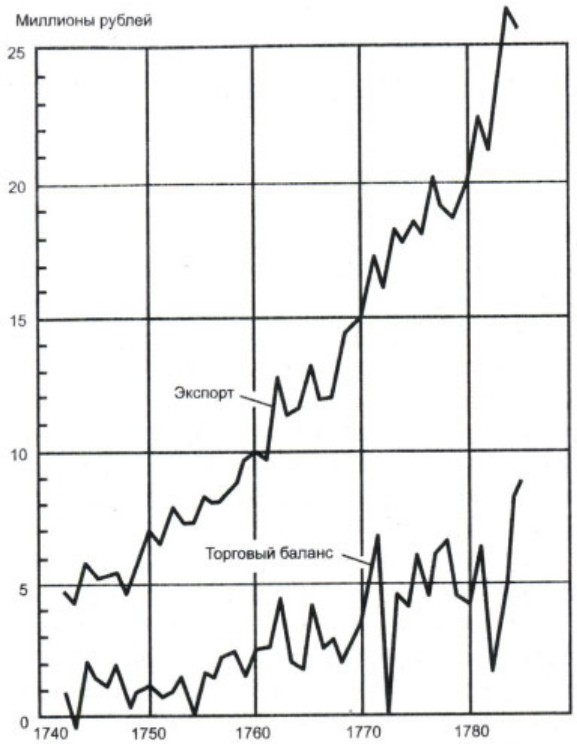


Рис. 1. Неизменно положительный баланс российской торговли (1742–1785 гг.).

Источник: ЦГАДА, Фонд Воронцова, 602-1-59. По данным документа из ЦГАДА в Москве (фонд Воронцова, 602-1-59), который приводит баланс российской торговли, как сухопутной, так и морской. Два непродолжительных ухудшения баланса – в 1772 и 1782 гг., – несомненно, следствие расходов на вооружения. См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономия и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. – 2-е изд. – М.: Издательство «Весь мир», 2007. – С. 504.

ной экономики о театре можно говорить как об организации, а на языке воспроизводственного хозяйства – как о субъекте непроизводственной сферы, производящим нематериальный, культурный продукт. Таким образом, в век Просвещения петровская «государственная экономия», «добрая економия или домостроительство» дополняется отраслями непроизводственной сферы и/или услуг (образование, наука, культура).

– Важным институциональным фактором укрепления Российской империи являются решения императрицей Елизаветой Петровной вопросов о престолонаследии. Елизавета Петровна никогда не забывала решения Земского Собора 1613 г., вознесшего царя Михаила Федоровича из рода Романовых как Помазанника Божия на Российский престол. Таким образом, императрица Елизавета Петровна укрепляла институт самодержавия.

Среди институциональных изменений следует описать, проанализировать, а, главное, представить синтез елизаветинских институциональных преобразований – реформ.

– Во-первых, они касались торговли, внутренней и внешней. Указами Елизаветы Петровны от декабря 1753 г. и апреля 1754 г. отменялись внутренние таможенные пошлины по всей стране и одновременно увеличились ввозные (импортные) пошлины. Под влиянием реализации елизаветинских таможенных указов и в целом таможенной реформы 1753 г. всероссийский рынок, начало которого было положено при дедушке царицы – императрицы Елизаветы Петровны – царе Алексее Михайловиче Романове – еще в XVII в. и даже ранее в конце XVI в., более эффективно развивался. Протекционистская внешнеэкономическая политика Елизаветы Петровны выразилась в новом таможенном тарифе 1757 г., повышавшем тарифные ставки на импортные промышленные товары. Императрица Елизавета Петровна Романова придерживалась следующего финансового принципа: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли». В царствование «дщери Петра» в целом одновременно расширялась и внутренняя, и внешняя торговля. Российская империя имела активный торговый баланс, т.е. положительное сальдо торгового баланса (см. рис. 1).

– Во-вторых, как во времена Великих реформ Петра Великого в Российской империи, так и в период двадцатилетнего царствования Великой дочери Петра I обеспечивался дездефицитный государственный бюджет, несмотря на то, что велись войны: русско-шведская война (1741–1743 гг.), Семилетняя война. В Семилетней войне Россия выступила в союзе с Австрией, Францией, Саксонией и Швецией против Англии, Пруссии, Португалии. Чтобы государственная казна не опустошалась, по рекомендации графа П.И. Шувалова возросли косвенные налоги путем повышения цены на соль, вино. Елизавета Петровна воздерживалась от внешнего государственного долга. Продажа соли, вина была монополизирована государством. Повысились доходы государственной казны и за счет прямых налогов, т.е. подушной подати, которая была упорядочена в результате второй ревизии податного населения Российской империи.

– В-третьих, императрица Елизавета Петровна совершенствовала денежное обращение, начатое еще при Петре Великом, проводила денежные реформы. Елизаветинское правительство, возглавляемое П.И. Шуваловым, решило в целом вопросы медных, серебряных и золотых денег в империи. Так медные деньги (монеты) чеканились как в Москве, так и в Екатеринбурге, чтобы не было дефицита в медных монетах на обширном экономическом пространстве России. Денежная реформа в области серебряных денег проявилась в завершении обмена мелких серебряных монет и в чеканке мелких серебряных денег в Москве на Медном дворе на Неглинной. Чеканка 10-рублевых золотых империалов и 5-рублевых полуимпериалов с ноября 1755 г. – свидетельство успешной реализации елизаветинской денежной реформы.

Нововведением в области кредитно-денежной системы явилось открытие в 1754 г. Дворянского банка и в 1757 г. первого Купеческого банка в г. Санкт-Петербурге. В результате этих институционально-экономических новшеств, дворяне и купцы могли получать ссуды под 6% годовых с условием возврата половины самой ссуды и еще половины суммы процентов серебряными деньгами.

– В-четвертых, в период елизаветинского царствования была проведена военная реформа, в результате которой были полностью перевооружены армия и флот, что обеспечило Российской империи блестящие победы, прежде всего под предводительством генералиссимуса А.В. Суворова, не знавшего ни одного поражения на суше, и Святого ныне адмирала Ф.Ф. Ушакова, не имевшего ни одного морского поражения.

– В-пятых, синтезирующим результатом хозяйственных реформ Елизаветы Великой является значительный рост населения, свидетельством чему является перепись того периода подушного населения Российской империи. Есть исследования народонаселения Я.Б. Володарского и Б.П. Вейнберга. Так Володарский рассчитал, что население Российской империи в XVIII в. увеличилось в 2,4 раза, с 15,5 млн. человек в 1719 г. до 37,2 млн. чел. в 1795 г. [7, с. 578].

Итак, наш анализ показал, что в елизаветинское царствование Российская империя добилась главной цели – роста народонаселения. Проводила сильную социальную политику. Русский Дом-Хозяйство как «государская экономия», «добрая економия или домостроительство» дополнился объектами непроизводственной сферы в области культуры, просвещения и науки. Важный итог – сбалансированные государственные финансы, отсутствие внешнего государственного долга положительный торговый баланс, а также укрепление самодержавия.

Другой Великой императрицей является Екатерина Алексеевна Романова [8, с. 1064]. Императрицу Екатерину II часто называют продолжательницей Петра Великого как за проведенные ею внутренние реформы, так и за присоединенные земли Крыма и других территорий, т.е. за расширение экономического пространства Российской империи. В первые годы царствования, изучив свое государство и порядок управления, Екатерина II убедилась в неизбежности реформирования прежде всего законодательства, т.е. изменении институциональных основ Дома-Хозяйства. Ее домостроительство имело специфические черты.

Развивался Всероссийский рынок. Сильно увеличился вывоз хлеба из Российской империи, возросло число мануфактур. Натуральное хозяйство в своей основе – крепостническое хозяйство – продолжало господствовать. Усилилась борьба между сторонниками крепостничества, выразителем взглядов которых выступал князь М.М. Щербатов [9] (1733–1790 гг.), и представителями торгово-промышленной буржуазии – П.И. Рычковым (1712–1777 гг.), М.Д. Чулковым (1743–1793 гг.) и др. Дворяне, имевшие монопольное право земельной собственности, требовали для себя монополии и на промышленную разработку недр, на обработку сельхозпродуктов и т.д. Требования дворянства различных монополий было направлено на подрыв предпринимательства купцов и отчасти крестьянства. Предприниматели из числа купцов и богатых крестьян занимали двойственную позицию. С одной стороны, они боролись против дворянских монополий и привилегий, против феодальных ограничений купеческого самоуправления и суда и т.д. С другой стороны, купечество добивалось запрещения дворянам и особенно крестьянам заниматься промышленным предпринимательством и торговлей. Среди отдельной части дворянства стала распространяться идея о необходимости отмены крепостного права и перехода к капиталистическому хозяйству.

Императрица Екатерина II понимала, что условия эпохи Просвещения, в которых оказались западные страны и Российская империя, требовали не просто пересмотра, а коренной перестройки законодательства, с одной стороны, на принципах просветительной западной философии и права, с другой стороны, учитывающего нужды различных социальных сословий. Для определения начал нового законодательства Екатерина Великая составила «Наказ» в 1767 г., где изложила свои общие взгляды по всем основным вопросам. Она использовала новые идеи в области политики и права, которые начинали входить в сознание людей в Европе в эпоху западноевропейского Просвещения. Она цитировала Монтескьё, Вольтера, Галлиани, Неккера, Беккария и даже ненавистного ей Руссо, когда это было нужно для подтверждния и аргументации своих положений. Поэтому «Наказ» получился очень либеральным и гуманным. Вольность по «Наказу» «не в том состоит, чтобы делать все, что кому угодно, но она есть право все то делать, что законы дозволяют». Характерной чертой «Наказа» было стремление убедить всех, что для Российской империи наиболее подходящим и одновременно целесообразным хозяйственным строем является по-прежнему домострой с институтом крепостничества, а политическим режимом – самодержавие. Вопрос о крепостном праве свелся в «Наказе» лишь к совету ограничить чрезмерное злоупотребление помещиков в отношении крестьян и к пожеланию стимулировать их труд. «Наказ» был издан на четырех языках (русском, французском, немецком и латинском). Цензура за границей не везде его пропускала как чересчур либеральную книгу.

«Наказ» императрицы Екатерины II Алексеевны Романовой никогда не имел силы действующего закона. Однако он важен как первая по-

пытка в Российской империи положить в основу законодательства выводы и идеи осмысленные, не противоречащие традиционным взглядам просветительской западной философии и права. Во второй, выдержке из «Наказа» Екатерины II своим «верноподданным гражданам» определено, что: «....всякаго честнаго человека въ обществе желание есть, или будетъ видети, все отечество свое на самый вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия». Очевидно, что домостроительство нацелено на повышение благополучия человека и общества в целом, а так же на достижение славы, блаженства и спокойствия.

Императрица Екатерина II, сравнивая Российскую империю со Вселенной, считая ее «самобытной», в качестве системообразующегося института называла самодержавие. В 10-й выдержке «Наказа» Екатерина II писала: «Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особе, которая онымъ правитъ... Какой предлогъ самодержавного правления? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы действия ихъ направити къ получению самаго большаго ото всех добра.»

Императрица Екатерина II как Мать (Матушка) Дома-Хозяйства заботилась о сохранении и размножении российского народа. Она утверждала: «При великом благополучии государства легко умножается число гражданъ» (выдержка 272).

Общее государственное строительство по мнению Екатерины II разделяется на политическое и хозяйственное (выдержка 646).

В свою очередь «политическое объемлетъ всецелость народа и вещей...» (выдержка 647).

Таблица 1

Динамика численности населения России до начала XX в. (млн. чел.)

Дата	Европейская Россия в границах 1914 г. (Б.Ц. Урланис, 1941)	В границах России на соответствующую дату (Б.П. Вейнберг, 1915)	Я.Е. Водарский (1973)	В границах СССР (В.И. Козлов, 1969)	В.В. Покшишевский (1970)	Оценка ООН (расчет Д. Дюрана, 1967)
5 тыс. лет до н. э.	-	-	-	1	-	-
Начало н. э.	-	-	-	5-10	-	-
1000	8,5	-	-	10-15	13	-
1100	10,0	-	-	-	-	-
1200	11,0	-	-	-	17	-
1300	11,0	-	-	10-15	-	-
1400	13,0	-	-	-	17	-
1500	15,5	-	6,5 (сер. XVI в.)	15-20	-	-
1600	18,3	8,9 (1613)	7,0 (к. XVI в.)	18-25	22	-
1650	18,3	-	10,5 (1678)	-	-	-
1700	21,0	11,6 (1724)	15,5 (1719)	20-30	25	-
1750	24,0	27,2 (1780)	-	25-45	-	42 (31-52)
1800	39,0	43,3 (1819)	37,2 (1795)	40-55	45	56 (46-66)
1850	61,6	65,5 (1846)	74,0 (1858)	65-80	-	76 (66-85)
1863	-	74,8	-	-	80	-
1900	111,2	128,3 (1897)	128,9 (1897)	125-135	130	134 (121-140)

Источник: Вейнберг Б.П. Положение центра населенности России с 1613 по 1913. // Известия Русского географического общества. – 1915. – Т. 51. – Вып. 6.; *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. – М., 1941. – С. 414–415; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – н. XX в.). – М., 1973. – С. 151; *Козлов В.И.* Динамика численности народов. – М., 1969; *Покшишевский В.В.* О гипотезе динамики численности и населения СССР за длительный исторический период. История географических значений и историческая география. Этнография. – М., 1970. – Вып. 4; Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. 1. Ч. 1. – С. 56–57 (данные американского демографа Д. Дюрана, опубликованные в 1967).

В отношении домостроительства («хозяйственного строительства») императрица Екатерина II утверждала: «Хозяйское строительство имеет следующие предлоги: въ разсуждении начальных оснований строительства надлежитъ хранить безвредными источники онаго, сделать ихъ, если можно, обильнейшими, и почерпать из нихъ, не приводя в скудость и не изсушая их» (выдержка 649).

Екатерина II стремилась к тому «чтобы все расходы, если можно, не превышали доходов» (выдержка 653).

Однако она впервые в истории Российской империи институализировала внешний государственный долг[10].

Мудрейший «Наказ» Екатерины Алексеевны Романовой в пунктах 10, 643 и 949 подтверждает тот факт, что русское хозяйство – это домострой, русская государственность – самодержавие. Домостроительство Екатерины Великой направлено на сохранение и размножение российского народа (см. табл. 1), душеспасительство.

Действительно, в отличие от своих предшественников (русских императоров и императриц XVIII в.) императрица Екатерина II Алексеевна Романова, вступив на российский престол, имела вполне определенное представление об институциональных принципах и целях Дома-Государства и Дома–Хозяйства. Несмотря на то, что в мире господствовали западноевропейские принципы Просвещения XVIII в., «принципы разума», а именно: священное право частной собственности, равенство людей от рождения, построения государства на основе «общественного договора» между гражданами и властью, русская императрица Екатерина II смогла выработать свои «самобытные» принципы «просвещенного абсолютизма». С домостроительством и самодержавием. Императрица Екатерина II Алексеевна следовала принципам домостроительства, не императрицы Елизаветы Петровны, а императора Петра I, отвергая его жесткие, «варварские» методы, предпочитая более либеральные, «просвещенные». Целью Екатерины II была реализация идеи «всеобщего блага», что является традиционным для самодержавия (монархии) через развитую законодательную систему. Эта система должна обеспечивать полноту прав и взаимных обязанностей самодержавной власти и верноподданного народа.

«Правила управления» императрицы Екатерины II, которыми она руководствовалась в своей деятельности как МАТУШКИ Отечества, следующие:

– «Судите в правду». «Да сотворю суд людям Твоим по Закону Святому Твоему» [11, с. 115].

– Просвещать научно, которой должен управлять.

– Ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

– Способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

– Сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

– Учредить в государстве хорошую полицию [12, с. 72].

В целом, знаменитый «наказ», составленный самой императрицей Екатериной II стал не только крупнейшим актом целостной государственной политики и законодательной доктрины второй половины XVIII в., но и самобытным выражением теории, в том числе домостроительной, и политики «просвещенного абсолютизма». Плановость, постепенность, последовательность, проработанность, принципиальность («судити в правду»), как главные характеристики деятельности императрицы Екатерины II на поле институциональных преобразований.

Библиографический список

1. *Семенкова Т.Г., Карамова О.В*. Русские царицы и царевны. Монография. – М.: Компания Алес, 2001. – С. 160.

2. *Семенкова Т.Г., Карамова О.В*. Русские царицы и царевны. – С. 163–164.

3. *Кислягина Л.Г*. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII веков. – М., 1991.

4. *Татищев В.Н.* Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. – Л.: Наука, 1979. – С. 51–132.

5. Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755–1757.

6. *Рычков П.И*. Переписка между двумя приятелями о коммерции // Ежемесячные сочинения. К пользе и увеселению служащие. 1755.

7. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское хозяйство / Гл. ред., составитель О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2006. – С. 578.

8. Екатерина II: pro et contra / Сост., прим., вступ. статья С.Н. Искюля. – СПб.: РХГА, 2006. – 1064 с.

9.О взглядах князя М.М. Щербатова см.: История русской экономической мысли. Т. I. Ч. I. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 465–480; М.М. Щербатов. Соч. Т. I. – СПб., 1896; Т. II. – 1898.

10. Печатается по: Наказ Ее Императорского Величества Екатерины Вторыя, Самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении проекта новаго Уложения. – С-Петербургъ: Изд-е Л.Ф. Пантелеева, 1893. – С. 2–200 (Кроме буквы «ъ», дано современное написание букв).

11. История государственного управления в России: Учебник. – Изд. 4-е, перераб. и доп. / Под общ. ред. Р.Г. Пиохои. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – С. 115.

12. Екатерина II. Наказ // О величии России. – М.: Эксмо, 2006. – С. 72.

УДК 330

Чистяков Сергей Витальевич
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

Основная идея сетевых взаимодействий образовательных учреждений заключается в том, что экономические отношения по производству образовательных продуктов осуществляются не в обезличенном пространстве, наполненном бесконечно большим количеством участников рынка, а в локальном, ограниченном определенным кругом субъектов отношений.

Ключевые слова: *сетевая форма, информационно-сетевая культура, сетевой подход, трансформация форм взаимодействия.*

Поводом написания настоящей статьи стало, повсеместное распространение сетевых взаимодействий акторов в процессе функционирования современных рынков [7; 9]. Особенно ярко сетевая форма организации экономических отношений проявляет себя на рынке образовательных услуг [2; 15]. Практика осуществления сетевых взаимодействий в высшей школе становится уже общепризнанной. Сошлемся хотя бы на опыт Европейской академической сети деканов (DEAN) [4, с. 115] или на опыт сетевого института экономического образования, в рамках которого сотрудничают Новосибирский, Костромской, Пермский, Казанский государственные университеты, Московский педагогический (все – Россия), Ольденбургский университет (Германия) и университет Париж-8 (Франция). М. Кастельс отмечает, что «согласно закону сетевых структур, расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче тогда, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат одной и той же сети».

Главной характеристикой, определяющей размер сети, является возможность совместного использования условий производства образовательных товаров и услуг (товарного комплекса). При этом особо следует отметить, что в литературе различают фактический и ожидаемый размер сети [8; 9, с. 500–535], что имеет принципиальное значение с точки зрения экономических интересов производителей/потребителей образовательного продукта [1; 15]. Совпадение (совместимость) фактического и ожидаемого размера сети есть равновесие интересов.

М. Кац и К. Шапиро провели интересный анализ частных и общественных стимулов к сетевой совместимости, результаты которого могут быть адаптированы для анализа сетевых взаимодействий в сфере образования. Вывод: основная идея сетевых взаимодействий образовательных учреждений заключается в том, что экономические взаимодействия по производству образовательных продуктов (товаров и услуг) осуществляются не в обезличенном пространстве, наполненном бесконечно большим количеством участников рынка, а в локальном, ограниченном определенным кругом субъектов отношений. Более четкой и понятной становится структура взаимодействий субъектов сферы образования. При этом каждая из сетей живет по своим локальным правилам, по своей собственной «конституции» [5, с. 83; 12, с. 148]. Причем для членов локальных сообществ внутригрупповые нормы всегда значимее, чем любые нормы, навязываемые извне. Для универ-

 © Чистяков С.В., 2011

ситетского образования, в задачу которого входит, в том числе сохранение культурных особенностей тех или иных регионов, последнее обстоятельство особенно значимо, ибо являет собой механизм реализации миссии университетов как центров образования и национальной культуры. Наряду процессом сетевизации высшей школы в России также имеет место взаимодействие учителей средних школ в сетевых сообществах [2, с. 56–60].Основной целью данного сообщества должна быть подготовка учителей для профессиональной деятельности в сети. Л.П. Владимирова отмечает, что сетевым пространством, информационной средой может являться профессиональное сетевое сообщество учителей иностранных языков. Учителя иностранных языков могут найти рекомендации по возможной деятельности в сети, методические разработки по участию или проведению различных мероприятий в сети (проектов, конкурсов, конференций, форумов и т.д.). Одним из важнейших факторов является то, что участники профессиональных сетевых сообществ имеют возможность получать новые знания в области своей деятельности, повышая тем самым уровень своей профессиональной компетентности. Это и есть не что иное, как пример обучения в течение всей жизни (Long-life Learning) [3].

Профессиональное сетевое сообщество для учителей должно соответствовать специфике профессиональной деятельности в области образования. Необходимо учитывать опыт профессиональных отечественных и зарубежных сетевых сообществ [10]. Профессиональная деятельность учителя направлена, с одной стороны на ученика, с другой стороны – на самого себя. Участвуя в деятельности профессионального сетевого сообщества, учитель расширяет свои знания в педагогике, методике, страноведении и т.д., повышая тем самым уровень своей профессиональной компетенции [13].

Первопричиной поиска новых форм организации экономических взаимодействий, к которым мы относим сетевые, является социальная ответственность учреждений сферы образования перед участниками многих групп интересов. И в этом контексте очевидны преимущества сетевых взаимодействий перед иерархическими [14]. Покажем их суть на примере производственных организаций.

Тенденция формирования оптимальной рыночной структуры приводит к выработке стратегии, ориентированной на создание мощной корпоративной основы новой экономики. Но возникает вопрос, какова же должна быть организационная основа таких корпораций? П. Дракер считает, что корпорации XXI в. будут «флотилией, состоящей из производственных модулей, каждый из которых включает либо стадию производственного процесса, либо ряд схожих операций». Таким образом, корпорация XXI в. – это взаимосвязанная совокупность модулей, ориентированных на потребителя. Причем при сохранении общего руководства, корпорацией у модулей будет своя полноценная система управления. И каждый модуль будет иметь возможность принимать самостоятельные решения по вопросам взаимодействия с внешней средой и с другими модулями. Такая организация корпорации обеспечит гибкость и возможность быстро вносить изменения в производственные процессы. При этом, как отмечает П. Дракер, для каждого модуля может быть разработан баланс между стандартизацией и гибкостью. Такая организация потребует формирования новой системы коммуникации и информации. Одной из основных черт новизны является то, что часть бегло информации будет передаваться по горизонтальным каналам связи, т.е. произойдет постепенный переход от иерархии к сетевым организациям [6].

Безусловно, такой тип организации не универсален. Наиболее эффективен он для компаний, где преобладает стохастический характер деятельности: НИОКР, консультационная, нововведенческая (новаторская и научная) деятельность. Очевидно, что сетевые взаимодействия давно существует в сфере образования. При этом распространение информационных технологий во всех сферах деятельности общества и конкретно в образовании выдвигает в качестве одной из первоочередных задач целенаправленное формирование и развитие *информационно-сетевой культуры* пользователей [11][1]. Что же такое информационно-сетевая культура? Какой смысл вкладывается в это понятие? Следует заметить, что этот термин еще не устоялся. В основном речь идет об информационной культуре. Анализ публикаций показывает, что у специалистов нет единого взгляда на понимание информационной культуры. Несмотря на широкое распространение термина «информационная культура», его общепринятого толкования нет.

Как представляется, под информационной культурой следует понимать готовность челове-

ка и общества в целом к быстрому восприятию и обработке больших объемов информации, умение использовать сетевые Интернет-технологии [7]. Однако в настоящее время специалист в узкой области не успевает даже просмотреть все работы по интересующей его области знаний, опубликованные только за один год. Поэтому социальный запрос на пересмотр методологии и технологии формирования и развития информационно-сетевой культуры пользователей приобретает особую актуальность. Таким образом, можно утверждать, что информационно-сетевая культура имеет системно-структурное строение. Системообразующим ядром служит информационная деятельность людей (ученых, учителей), обусловленная менталитетом, характером и уровнем развития личности и общества. В условиях интенсивной информатизации, массового внедрения современных технологий, а также быстрого роста числа пользователей поиск инновационных методов формирования и развития информационно-сетевой культуры становится составной частью всей системы образования.

Вместе с тем в условиях расширения и диверсификации производства успех достигается децентрализацией управления, и это стало главной тенденцией развития организационных форм крупных производственных организаций [17]. Процессы децентрализации и разукрупнения неразрывно связаны с поэтапным переходом от линейно – функциональных к дивизиональным и матричным структурам управления, а от них – к сетевым организациям. Последняя форма получила широкое распространение в мировой практике как наиболее надежное средство выживания предприятий, прежде всего малого бизнеса, в условиях жесткой рыночной конкуренции. Под сетевыми организациями понимаются кооперативные соглашения, объединяющие, как правило, малые и средние производственные организации. Обратим внимание читателя на нижеследующий переход от внутрифирменных сетевых взаимодействий к межфирменным.

Сетевая организация отвечает стратегическим требованиям которые выражаются прежде всего в необходимости гибкого и интегративного обслуживания рынков, а также расширения компетенций благодаря использованию межорганизационных информационных систем. Для более гибкого выполнения производственных программ фирмы (производственные организации) разбиваются на самостоятельные в хозяйственном, а иногда и в правовом отношении центры (хозяйственные единицы, отделения, производственные сегменты, центры прибыли) [18].

Сети представляют собой достаточно гибкую структуру, позволяющую входящим в нее компаниям конкурировать между собой, привлекать новых партнеров и одновременно организовывать и координировать деятельность своих членов. Сетевые организации объединяют два противоположных принципа – конкуренцию и кооперацию. Особое значение приобретают вопросы определения степени децентрализации и разукрупнения, так как отклонения в ту или иную сторону ведут к отрицательным последствиям.

Хотя сетевые организации обладают чертами, отличающими их от других организационных форм, они могут соединять в себе элементы разных организационных системкоординации. В итоге сетевая организация включает в себя элементы специализации функциональной формы, автономность дивизиональной структуры и возможность переброски ресурсов матричной организации. Переход к сетевой организации, как правило, происходит постепенно, т.е. традиционная иерархия должна последовательно замещаться на более плоские структуры прямого сотрудничества [16], в которых постепенно вытесняются бюрократические отношения. При этом существенно меняется роль менеджеров. В сетевой структуре все менеджеры оказываются практически в равных условиях, иерархия исчезает. (Для вузов – это давняя практика!)

Процесс становления сетевых организаций характеризуется отставанием фундаментальных научных исследований от практического опыта. Организационная практика ориентируется при этом на рыночные потребности. С научной точки зрения сетевой подход можно рассматривать как приемлемый эвристический принцип стратегически направленной организации. Некоторые проблемы здесь можно оценить как своего рода болезнь роста, свойственную любой инновационной концепции.

Сетевое взаимодействие вузов в рамках реализации Болонского процесса призвано организовать систему информационной и консультационной взаимопомощи вузов для активизации их участия в интеграционных процессах в сфере образования. Оно представляет собой формирование логического объединения информацион-

ных ресурсов вузов-участников, предполагающее предоставление части ресурсов в общий доступ для совместного использования по определённым правилам через публичные сети.

Реализация сетевого взаимодействия вузов предполагает достижение следующих специфических целей:

– обеспечение информационной поддержки вузов-участников Болонского процесса в Российской Федерации, а также потенциальных потребителей (пользователей) информационных ресурсов различных категорий (головные вузы, региональные вузы-координаторы, а также вузы, желающие принять участие в Болонском процессе, юридические и физические лица);

– формирование добровольного сообщества вузов, принимающих участие в реализации Болонского процесса;

– реализация механизмов управления информационными потоками в рамках логической сети.

Создаваемая сеть должна обеспечивать выполнение функций по следующим направлениям.

1. Информационная поддержка основных направлений Болонского процесса в Российской Федерации, в том числе:

– развитие системы высшего профессионального образования, основанной на двух уровнях: бакалавриат и магистратура;

– изучение и введение системы зачетных единиц (ECTS) как инструмента академической мобильности;

– создание и обеспечение деятельности сопоставимой системы признания иностранных документов об образовании в Российской Федерации и российских документов в государствах-участниках Болонской декларации;

– введение приложения к диплому о высшем профессиональном образовании, совместимого с общеевропейским приложением к диплому о высшем образовании (Diploma Supplement), как инструмента академической мобильности;

– повышение качества образования и разработка сопоставимых методологий и критериев оценки качества образования.

2. Мониторинг реализации принципов Болонского процесса. Обработка информации и ее анализ.

3. Взаимодействие с внешними по отношению к данной сети образовательными системами и сетями.

4. Поддержка академической мобильности студентов и преподавателей.

Функции информационной поддержки основных направлений должны обеспечивать предоставление нормативной, справочной, консультационной и другой информации участникам сетевого взаимодействия посредством ИКТ. Кроме этого, должны быть предоставлены описания лучших практик реализации принципов Болонского процесса в Российской Федерации. Информационная поддержка должна способствовать более эффективному функционированию консультационных центров по определенным направлениям деятельности в рамках Болонского процесса на базе головных вузов.

Функция мониторинга, сбора, обработки и анализа информации должна обеспечить ведение контроля за ходом реализации принципов Болонского процесса в Российской Федерации с целью принятия соответствующих административных решений.

Реализация функции взаимодействия с внешними по отношению к данной сети образовательными системами и сетями должна обеспечить передачу информации по определенным форматам между сетью участников Болонского процесса и другими российскими и европейскими образовательными сетями.

Важная задача, решению которой призвана содействовать создаваемая сеть, – это обеспечение функций поддержки российской и международной академической мобильности студентов и преподавателей.

При реализации создаваемой сети должны быть решены следующие задачи.

1. Информационная поддержка включающая:

– предоставление нормативных документов и другой информации по тематике болонского процесса;

– предоставление головными вузами информации по определенным направлениям работы (в контексте Болонского процесса);

– предоставление региональными вузами-координаторами информации по реализации принципов Болонского процесса в вузах соответствующего федерального округа;

– описание лучшей практики внедрения принципов Болонской Декларации в Российской Федерации;

– реализацию сетевой поддержки функционирования консультационных центров на базе головных вузов.

2. Мониторинг реализации принципов Болонского процесса в российских вузах, а также обработка информации и ее анализ, включая:

– организацию процесса сбора информации по мониторингу участия российских вузов по основным направлениям Болонского процесса (от региональных вузов-координаторов, головных вузов и других вузов-участников);

– организацию процесса обработки и анализа информации от вузов – региональных координаторов, головных вузов и иных вузов-участников) по мониторингу результатов российских вузов по основным направлениям Болонского процесса.

3. Взаимодействие с внешними по отношению к данной сети образовательными системами и сетями, в том числе:

– обеспечение информационного обмена между сетями по заданным форматам;

– реализация мультиязыкового предоставления информации для конечных потребителей.

4. Поддержка академической мобильности студентов и преподавателей, а также прочих пользователей путем обеспечения доступа к информации по академической мобильности (нормативные документы, форматы представления и др.).

Создаваемая сеть должна обеспечить взаимодействие между всеми учреждениями и организациями – участниками реализации Болонского процесса в Российской Федерации, имеющими разный статус, включая:

– федеральные органы управления образованием (Минобрнауки России, Рособрнадзор, Рособразование);

– организации – координаторы работ по соответствующим проектам в рамках Федеральных целевых программ;

– головные вузы по определенному направлению деятельности в рамках Болонского процесса;

– региональные вузы-координаторы;

– вузы, принимающие участие в реализации Болонского процесса;

– потребители (юридические или физические лица – студенты, преподаватели, заинтересованные организации – работодатели).

Широкая география вузов-участников Болонского процесса предполагает реализацию системы сетевого взаимодействия вузов в виде распределенной информационной системы.

Участниками сетевого взаимодействия выступают следующие категории организаций и лиц:

– головные вузы и организации;

– региональные вузы-координаторы;

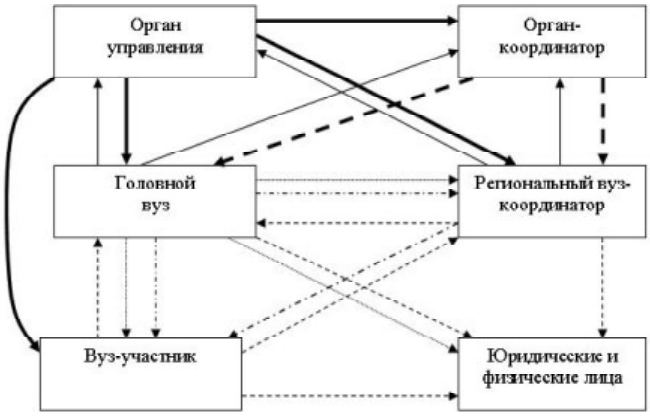
– внешние пользователи, в том числе:

– органы управления образованием;

– вузы, не вошедшие в перечень головных и региональных вузов-координаторов;

– потребители (юридические и физические лица).

Структура и функционирование модели сетевого взаимодействия определятся административной схемой взаимодействия, а также составом и функциями ее компонентов, в качестве которых выступают вузы-участники Болонского процесса.



Обозначения отношений между участниками взаимодействия

→	управляет	⇢	запрашивает информацию	⇢	предоставляет информацию
⇢	контролирует	→	отчитывается	⇢	консультирует

Рис. 1. Существующая административная схема взаимодействия

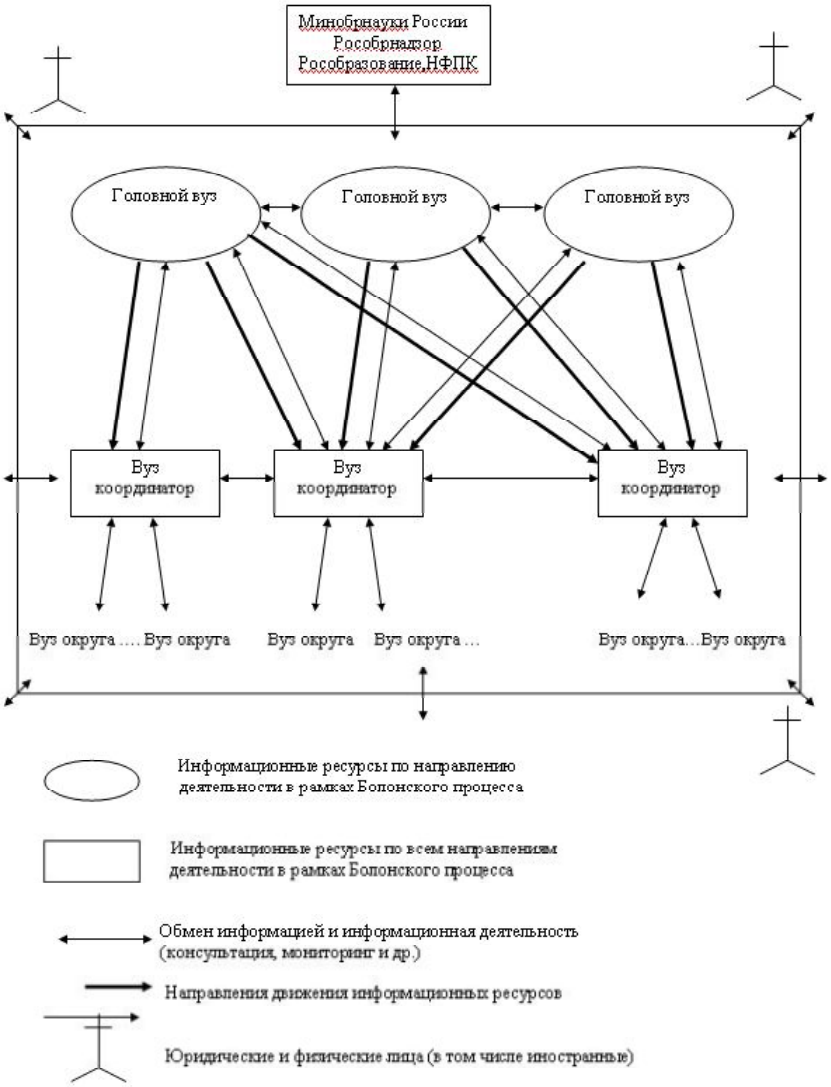


Рис. 2. Модель сетевого взаимодействия вузов, основанная на существующей административной схеме

Модель сетевого взаимодействия вузов, основанная на существующих административной схеме взаимодействия, составе и функциях его участников представлена на рисунке 1.

На административной схеме показаны отношения между участниками сетевого взаимодействия. Обозначена реализация контролирующей, консультационной и других функций по отношению к участникам взаимодействия.

Участники взаимодействия осуществляют активный обмен информацией между собой. Модель сетевого взаимодействия, существующая в настоящее время, представлена на рисунке 2.

Информационные ресурсы по отдельным направлениям деятельности в рамках Болонского процесса формируются в головном вузе. Эта информация предоставляется вузам-координаторам федеральных округов Российской Федерации, которые используют эту информацию при координации деятельности вузов в пределах своих федеральных округов.

Консультационная поддержка всем участникам сетевого взаимодействия осуществляется головными вузами по своим направлениям деятельности в рамках Болонского процесса.

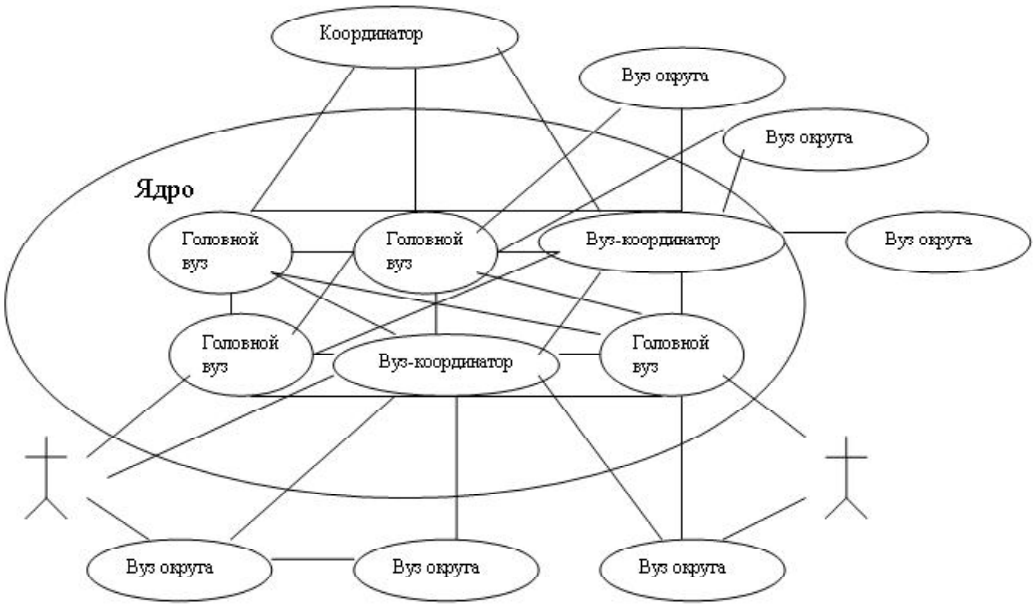


Рис. 3. Перспективная модель сетевого взаимодействия вузов

В свою очередь, вузы-координаторы консультируют вузы-участники в пределах федерального округа по всем направлениям деятельности в рамках Болонского процесса.

Головные вузы и вузы-координаторы в рамках своей компетенции могут консультировать физические и юридические лица.

Вузы-координаторы в пределах федерального округа в целях мониторинга осуществляют сбор информации у вузов-участников.

В зависимости от своего назначения информация в рамках системы сетевого взаимодействия может быть предоставлена в открытый и авторизованный доступ. Система предполагает возможность прямого обращения к держателю информации посредством современных информационно-коммуникационных технологий.

Вышеописанная модель имеет ряд достоинств:

– приспособленность к решению конкретной задачи;

– логическая простота построения;

– возможность реализации на существующей технической базе вузов-участников Болонского процесса;

– минимальный необходимый объем передачи данных. Очевидно, что эта модель имеет следующие недостатки:

– низкая отказоустойчивость (при отказе узла вуза-координатора информации о реализации Болонского процесса по федеральному округу становится недоступной);

– однонаправленность передачи ресурсов;

– отсутствие информационного узла с полной информацией участия вузов всех федеральных округов по всем направлениям Болонского процесса.

Существующая модель сетевого взаимодействия вузов-участников Болонского процесса на основе информационно-коммуникационных технологий нуждается в дальнейшем развитии, которое целесообразно осуществлять в рамках реализации нижеописанной модели сетевого взаимодействия вузов.

Предлагаемая модель сетевого взаимодействия, позволяющая решить отмеченные проблемы, представлена на рисунке 3.

Для данной схемы в зависимости от статуса участника распределяются следующие роли:

Координатор (Минобрнауки России, Рособрнадзор, Рособразование, иная организация) оказывает управляющее воздействие на систему в соответствии со своими функциями, а также размещает и модифицирует информацию на одном из узлов ядра, является потребителем информации.

Головные вузы и *вузы-координаторы* осуществляют размещение, модификацию и потребление информации.

Вузы округа размещают (через вуз-координатор) и потребляют информацию.

Юридические и физические лица являются потребителями информации.

В основе данной модели сетевого взаимодействия лежит принцип децентрализованной распределенной сети. В рамках системы взаимодействия выделяется ряд узлов, образующих ядро системы. Каждый узел ядра содержит полную копию информации по всем направлениям Болонского процесса. Все узлы ядра идентичны по своему информационному наполнению.

Трансформация форм взаимодействия в экономике, в общем, так и в сфере образования в частности, как правило, происходит постепенно. Традиционная иерархия последовательно замещается на плоские структуры прямого сотрудничества, в которых постепенно вытесняются бюрократические отношения.

Примечание

[1] Т.П. Николаева отмечает, что становление информационного общества характеризуется появлением нового, не употреблявшегося ранее термина – «пользователь». Понятие «пользователь» как субъект экономической и иной деятельности, «не разделяет» людей по профессиональному или иному какому-либо признаку, а указывает на единый, общий и для специалистов, и для неискушенных потребителей способ ведения дел.

Библиографический список

1. *Богачев Е.Н.* Региональные интеллектуальные комплексы на базе высшего учебного заведения. – М, 1992.

2. *Владимирова Л.П.* Взаимодействие учителей в сетевых сообществах // Информатика и образование. – 2006. – №6. – С. 56–60.

3. *Владимирова Л.П.* Организация профессиональной деятельности учителей в сети // Материалы XVI Международной конференции «Применение новых технологий в образовании». – Троицк, 2005.

4. *Груздинский А.О.* Университет как предпринимательская организация // Общественные науки и современность. – 2003. – №2. – С. 115.

5. *Доброчеев О.В.* Проектирование социальных систем: теоретический базис и контуры перспективных решений // Философия хозяйства. – 2002. – №3. – С. 83.

6. *Дракер П.* Создание новой теории производства // Проблемы теории и практики управления. – М., 1991. – С. 57.

7. *Дятлов С.А.* Основы информационно-сетевой экономики. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 2004.

8. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999.

9. *Кац М.Л., Шапиро К.* Сетевые внешние эффекты, конкуренция и совместимость // Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков. – Т. 5. / Под общ. ред. А.Г. Слуцкого. – СПб., 2003. – С. 500–535.

10. *Кравцова А.Ю.* Основные направления использования зарубежного опыта для развития методической системы подготовки учителей в области информационных и коммуникационных технологий (теория и практика). – М.: Образование и Информатика, 2003.

11. *Николаева Т.П.* Инновационный характер экономической структуры в постиндустриальном обществе // Инновации. – 2001. – №9.

12. *Олейник А.* Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. – 2003. – №8. – С. 148.

13. Педагогические технологии дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под. ред. Е.С. Полат. – М.: Академия, 2006.

14. *Рюэгг-Штюрм Й., Янг М.* Значение новых сетеобразных организационно-управленческих форм для динамизации предприятий // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №6. – С. 106–109.

15. *Чекмарев В.В.* Система экономических отношений в сфере образования. – Кострома, 1998.

16. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство и его сотово-сетевая организация. – Кострома, 2002.

17. *Doyle F, White A.* Redefining Corporate Responsibility: A Private, Public and Individual Enterprise // Directorship. – 1996. – July/August. – Vol. 22. – Issue 7.

18. *Smith S.C.* On the Law and Economics of Employee Ownership in Privatization in Developing and Transition Economics. – Washington: D.C., GWU, 1994.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Пефтиев В.И.

МУЖЕСТВО БЫТЬ СВОИМ СОБСТВЕННЫМ АВТОРИТЕТОМ, ИЛИ НЕ ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО: ДИНАМИКА СОСЕДСТВА, ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ (К 60-ЛЕТИЮ В.В. ЧЕКМАРЕВА)

Мы скаковые лошади азарта,
На нас еще не мало ставят карт.
И, может быть, мы тяжко рухнем завтра.
Но это завтра…
А сейчас азарт

А. Дементьев

О Заслуженном деятеле науки РФ, докторе экономических наук, профессоре, заведующем кафедрой экономической теории с 2001 года и по настоящее время написано немало*. Но мне хотелось бы показать иные грани этого человека, который с полной ответственностью и правом может сказать, что его профессия – профессор.

Замысел первый: *Интеллектуальный продукт обременителен*

Если русский человек решил ничего не делать, то его никто не остановит

По мнению многих исследователей, экономическая теория требует серьезной реконструкции, масштабного процесса пересмотра основ экономической науки. С позиций Яноша Корнаи практически единственным реальным вариантом реконструкции является системная парадигма.

Изучение экономических систем В.В. Чекмаревым явилось следствием его исследовательских установок на понимание конструкций организации экономической жизни. Системы как конструкции являются более значимым предметом исследования, чем те детали действительности, которые характеризуют отдельные способы достижения экономических целей. Небезынтересен, но менее значим процесс изучения «материала», из которого сделаны «детали» конструкции. Главное – логика взаимодействия частей, причинно-следственные связи и отношения. Глубинное – всегда неочевидное, но составляющее суть экономических явлений.

* См., например: *Михайлов Н.* Жизнь делают люди беспокойные // Костромской край. – 1992. – 1 января (№1); *Рубанкова Г.* Василий Чекмарев: он уже родил сына, построил дом и посадил рощу // Костромские ведомости. – 1995. – 21 июня (№25); *Захаров И.З.* Экономика и образование: человек, общество, рынок / И.З. Захаров, В.Н. Маин, И.И. Никонов // КЛИО: журнал для ученых. – СПб.: Изд-во НЕСТОР, 1997. – №3. – С. 257–261; Чекмарев Василий Владимирович // Костромской университет: страницы истории и современность. – Кострома, 1999. – С. 169–176; *Дружинин Ю.В*. Интроекция мониторинга личности ученого // Василий Владимирович Чекмарев: библиографический указатель. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 1999. – С. 3–20; *Маин В.Н.* Социально-экономические интересы и формирование хозяйственного механизма организации образовательных услуг / В.Н. Маин, И.И. Никонов // КЛИО: журнал для ученых. – СПб.: Изд-во НЕСТОР. – 1999. – №3. – С. 359–362; Чекмарев Василий Владимирович. В энциклопедии: Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.), Т. 2. Лица России / Под общ. ред. А.И. Подберезина. – М.: ЗАО «РАУ – Университет», 2000. – С. 994; *Добрынин А.И., Дятлов С.А*. Социальная эксклюзия личности // Чекмарев В.В.: библиографический указатель. – Кострома, 2001. – С. 3–20; Чекмарев Василий Владимирович // Костромской государственный университет: страницы истории и современность. – 2-е изд., испр. и доп. – Кострома, 2002. – С. 186–189; История университета в событиях и лицах / Сост.: В.С. Елманов, С.В. Сажин. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – С. 106, 179; Профессора Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – С. 17–25; Кто есть кто в средне-волжском отделении Академии военно-исторических наук. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – С. 61–64; Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2008.– С. 57–58, 61.

© Пефтиев В.И., 2011

Пытаясь докопаться до глубины окружающей нас реальности В.В. Чекмарев непрерывно совершенствует свое умение применять математику в качестве мощного инструмента анализа. И все вроде бы складывалось как нельзя лучше, пока не оказалось, что необходимо использовать в качестве компонентов математического описания экономического мира объекты, не имеющие классического физического смысла.

«Нефизические объекты экономической науки» – так называется одна из работ В.В. Чекмарева. Однако с момента ее опубликования мир стремительно изменяется и сегодня, изучая экономическую динамику и ее формы, можно усмотреть прозорливость Чекмарева, что все то, что ранее называлось богатством (вещным богатством) сегодня таковым становится все менее и менее.

При применении топологических приемов для исследования формирующегося качественно нового объекта экономической теории – экономического пространства – оказалось, что мощность даже этого класса математического инструментария недостаточна.

Добавлю, что, как только возникает необходимость анализа случайных событий, составляющих в неравновесной экономической системе большинство наблюдаемых явлений, так математическое моделирование крайне сложно возможно к применению. Получается парадокс: чтобы смоделировать случайное событие, необходимо математически описать процесс его генерации, а такое описание сразу же становится алгоритмом и, по сути дела, определяет причины его возникновения. А раз известны причины события, значит, его нельзя назвать истинно случайным.

Замысел второй: *Я – это...*

– Есть что-нибудь выпить?
– Вода.
– А покрепче?
– Лёд.

Я – это то место, откуда начинается поступок. При этом возникает (по В.В. Чекмареву) «воспринятая ответственность». А ответственность (по В.В. Чекмареву) – это восприятие себя как причины поступка помимо имманентных причин и необходимостей. Очевидно, что если человек не ощущает себя как центр поступка, если его Я – это лишь образы Я и социально-ролевые самокатегоризации, то с него не может начинаться поступок. Чекмарев – центр поступка. Он не просто реагирует, а его действия являются причиной событий в мире окружающем и не являются их следствиями. Чекмарев – это когда действие выходит за рамки естественных причинно-следственных связей.

Решение проблемы множественных, неустойчивых и нередко конфликтных идентичностей современного человека возможно, если этим займется не представитель некоторого множества социальных групп и общностей, а автономная личность, имеющая в себе точку опоры, независимую от того, в каких социально-ролевых категориях или индивидуальных характеристиках она может дать ответ на вопрос «кто я». Главный ответ личности: «Я – это Я». Это означает, что перед нами человек, имеющий опору и источник активности внутри себя, способный на поступок и принимающий на себя ответственность за него. Идентичность не является проблемой для того, кто ощущает свое Я как внутренний центр помимо любой словесно формулируемой идентичности; он способен решать конфликт идентичностей, конструируя свое Я в соответствии со своими ценностями, а не наоборот. Это задачи, не имеющие правильных ответов, и никакие расчеты, прогнозы и экстраполяции не помогут их найти. Единственный путь – максимально трезвое и объемное видение всех альтернатив, их внутренняя «примерка» к себе и чуткое прислушивание к своему внутреннему голосу, хотя эта работа предполагает уровень личностной зрелости, которого достигают далеко не все взрослые. Наличие в обществе критической массы таких людей приведет его к процветанию. Вопрос в том, где взять нужную критическую массу личностей и как обеспечить им режим благоприятствования, то есть как тиражировать Чекмарева.

Замысел третий: *Соответствие и аналогия*

Определив существование в древности экономики как истинной науки, способ ее передачи (академия) и главные предметы, которым она предпочтительно учила, профессор Чекмарев (развивая идеи своего учителя М.И. Скаржинского) посчитал возможным выработку новых, соответствующих современным исследовательским задачам методов анализа. Разработка этих методов позволила ему экономическую теорию из науки тайной, науки присвоенной «священными коро-

вами», обозначить как *формирующуюся* науку. Основная его цель заключается в определении невидимого посредством видимого, нумена посредством феномена, идеи посредством формы.

В обозначенном ряду первый вопрос, который нужно разрешить, сводится к выяснению: существует ли на самом деле это отношение невидимого к видимому, и не служит ли эта мысль выражением чистейшего мистицизма. Нам удается определить, что обозначил Чекмарев в своих исследованиях, посредством аналогий, которыми он пользовался: «Тектоника экономики образования» (1996), «Иеремиада или гносеологические пролегомены политической экономии» (1998), «Генетическая репликация неолиберальной экономической доктрины» (1999), «Диглоссические особенности рынка труда» (1999), «История будущей экономической теории» (2000), «Распятие духа на кресте материи» (2000), «Рынок ролей экономических концепций» (2000). И это экскурс только в публикациях ушедшего века. Но и этого достаточно, чтобы обозначить умение профессора Чекмарева открыть невидимое, скрытое в каком-нибудь экономическом явлении. И главный его метод – это аналогия. *Аналогией он определяет отношения, существующие между явлениями.* Изучению видимого помогает *индукция,* изучению невидимого – *дедукция.* Чекмарев, соединяя эти два метода, рассматривает отношение, существующее между объектом анализа и его функцией, или между двумя функциями, или между двумя объектами, то есть осуществляет анализ посредством *аналогии.*

Метод аналогий нельзя назвать ни дедукцией, ни индукцией: он пользуется преимуществами, происходящими от соединения этих двух методов.

Употреблять одну метафизику (как это делает богослов) настолько же ложно, как употреблять только физику подобно физикам. Соедините «нумен» с «феноменом», и вы сделаете шаг к истине.

Достаточно простой наблюдательности, чтобы заметить, что очень большое количество фактов подчиняется(описывается) небольшим числом законов. Однако формулировка законов – дело исключительно значимое, формирующее реализацию прогнозной функции экономической науки. Формулирование законов предполагает нахождение для идеи соответствующей формы. И профессором Чекмаревым такая форма найдена. Он назвал её *экономическим пространством.*

Замысел четвертый: *Три единое*

Древние установили аналогичность человека со вселенной. Вследствие этого они назвали человека малым миром – *микрокосмом*, а вселенную большим миром – *макрокосмом*. Значит, чтобы узнать движение жизни во вселенной, достаточно изучить жизненное течение в человеке, и наоборот, чтобы узнать подробности рождения, роста и смерти человека, нужно изучить те же самые явления в истории мироздания. По аналогии, видимо, появилось деление на макроэкономику и микроэкономику. Но такой подход есть абстракция высшего порядка, более того, не исчерпывающая многообразие миросуществования. И профессор Чекмарев, исповедуя три единое, придерживается троичной градации: факты – законы – принципы. Отсюда его структурирование экономической теории на три части в соответствии с вопросами «в чьих интересах?», «как эффективнее?», «при каких условиях?» (политическая экономия, экономикс, экономическая политика: душа, тело, разум).

Замысел пятый: *Имена собственные и их польза*

Василий Чекмарев родился 25 июля 1951 года. Получается, что он трижды лев. Год рождения – год кошачьих, т.е. и льва тоже. 25 июля – лев по гороскопу. Василий – означает «царствующий», то есть лев (царь зверей). Какова же польза от имени собственного (Лев)? Лев-год – инстинкт, лев-месяц – истина, лев-имя – мудрость. Эти три свойства наполняются особым смыслом при воздействии воли. А волей профессор Чекмарев обладает. Результат? Идеи, раздаренные людям. Идея, оставаясь в голове ее творца, невидима прочим людям. А идеи Чекмарева воплощены в подготовке им докторов и кандидатов наук. Новые, пока еще невидимые идеи, сегодня осваивают еще 12 его аспирантов и докторантов. Ученики Чекмарева обладают способностями невидимое делать видимым, но их способности вряд ли могут реализоваться без творческой силы, независящей от них, но властной над ними. И сила эта – *воля* их руководителя.

Я воздерживаюсь указывать на ее происхождение – затруднительное для понимания, к тому же здесь не место такому объяснению, да никто, полагаю, и не станет отрицать существование воли.

Бывает, что мы речи произносим
У гроба по написанной шпаргалке.
О, если б мертвый видел, как мы жалки,
Когда в кармане речь свою приносим.
Умеем мы бездумно иногда
Публично нашей радостью делиться,
Не отрывая взгляда от страницы…
Еще бы научиться нам стыдиться,
Да жаль, что нет шпаргалки для стыда.

Замысел шестой: *Об аналитическом выражении идей*

Разброд и шатания в сфере теории и методологии отнюдь не исключительное событие в истории экономической мысли. Немаловажным катализатором «кризиса» экономической теории являются различные теории стоимости – трудовая, информационная, энергетическая. И дело в том, что в рамках марксовой концепции трудовой стоимости затраты труда как основания стоимости прямо и непосредственно несоизмеримы, от чего стоимость, говоря языком математики, попадает в класс нерешаемых задач, ибо неизвестное определяется через неизвестное. С помощью теории стоимости невозможно объяснить парадоксы современного ценообразования в неоднородном экономическом пространстве. Наверное, и поэтому В.В. Чекмарев отходит от экономики «шахматной доски» (т.е. упрощенных схем и графиков) и разрабатывает теорию экономического пространства. Глобальное экономическое пространство – это пространство мировых экономических процессов. Они нелинейны, иерархичны и ассиметрично взаимосвязаны. Профессор В.В. Чекмарев на протяжении последних пятнадцати лет пространственный подход использует практически во всех своих исследованиях экономической жизни общества. В трех его авторских сборниках («Книга об экономическом пространстве» (2001), «Экономика в трехмерном формате: феноменология экономического пространства» (2010), «Экономическое пространство: странствия по двум мирам» (2010)) собраны 87 статей по тематике экономического пространства, опубликованных в различных изданиях в стране и зарубежом. Готовится к изданию многостраничная монография. Это будет первая в России монография на тему экономического пространства.

Пространственный подход позволяет профессору Чекмареву развивать синкретическое направление экономической теории, пока еще не получившее научного статуса. Одни ученые называют его эконофизикой (в России в 2009 году прошел Первый конгресс эконофизиков), другие (и к ним относится профессор Чекмарев) – физической экономикой.

Опуская щепетильный вопрос о том, чего больше в эконофизике – физики или экономической теории, и вопрос о том, является ли физическая экономика оппозицией мейнстриму, неортодоксальной экономической теории и пр., отмечу, что разработанный В.В. Чекмаревым курс лекций «Физическая экономика» с большим вниманием изучают уже три года студенты четвертого курса физико-математического факультета Костромского госуниверситета.

А что – может быть действительно энергетическая теория стоимости заместит трудовую в нашем понимании экономики?

В любом случае профессора Чекмарева можно отнести к сонму экономистов-реформаторов, которые находят невостребованное у дальних своих предшественников и безжалостно отбрасывают устарелое или кажущееся устарелым у ближних поколений, предлагают нетривиальную комбинацию ключевых идей и тем самым переформулируют объект и предмет исследований, дают толчок отпочкованию новых разделов в структуре экономической теории («Экономическая теория образования», «Экономическая теория семьи») или способствуют появлению «гибридных» дисциплин («Физическая экономика») и на базе интегративных знаний создают новый облик экономической теории.

Именно поэтому Василий Владимирович Чекмарев – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член пяти академий, член редколлегий шести научных журналов и т.д. и т.п.

Замысел седьмой: *Инволюция и эволюция*

Ранний институционалист Антуан де Монкретьен обосновал в 1615 году новаторский вывод о том, что хозяйство – это дело государево и что экономика должна быть политической, то есть идти через союз с властью и учитывать ее стратегические установки. И до сих пор франкоязычная литература по экономике не отказывается от прилагательного «политическая». Пройдя ряд ступеней своего развития в середине XX века с помощью Дж.М. Кейнса экономическая наука на-

полнилась еще одним разделом – макроэкономикой. Макроэкономическая теория имеет на своем счету немало новаций, но ей не удается выйти за пределы заданных границ – национальная экономика. Профессор В.В. Чекмарев усомнился (и совершенно справедливо!) в правомерности незыблемости отмеченного и начал поиски новой парадигмы, адекватной эпохе глобализации. Очевидно, что эта будущая парадигма должна вобрать в себя все самое ценное, что обнаружено и истолковано существующими доктринами и концепциями. Профессор Чекмарев стремится при обобщении накопленных данных не растерять и всеобщие понятия, и показательные детали, подробности, частности. (Назову лишь такие его работы, как «Человечески мир как мир экономический» (2001); «Эпистемология экономической теории начала XXI века» (2002), «Постмодерн и экономическая онтология» (2003); «Рессентисмент в экономической науке» (2004), «Общее и особенное в экономическом анализе» (2004); «Стратегемы институционализма» (2005), «Формат обновления предмета и методологии экономической науки» (2008), «Элегантная вселенная экономической науки (или подъем с переворотом)» (2009), «Экономика в трехмерном пространстве: феноменология экономического пространства (2010)).

На мой взгляд главное у В. Чекмарева не только и не столько в его исследовательской манере (очевидно, не всегда совершенной), сколько в стремлении вырваться из колеи привычных тем и объяснений, разрушить сложившиеся табу и предрассудки, творимые частью научного сообщества. Начавшийся с 90-х годов XX века и ускоряющийся процесс глобализации как процесс сближения национальных экономик в планетарном экономическом пространстве, исследуется профессором Чекмаревым более двух десятков лет. Опубликовано сотни статей, несколько десятков монографий. Глобализация – сложная взаимозависимость национальных экономик друг от друга и от общего состояния мировой экономики. Соответственно в общей экономической теории предстоит совершить кардинальную инверсию: не от простого к сложному, а от расщепленного сложного через промежуточные ступени к простому. Надеюсь, что профессору Чекмареву удастся стать соучастником этой инверсии, ведь остальное – яркий талант и фантастическая работоспособность у него есть.

Чекмарев Василий Владимирович

ПОВЕСТЬ О ПУТНИКЕ, *ИЛИ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ НОВОВВЕДЕНИЙ* (к двадцатилетию в должности проректора и в связи с 60-летием)

Теория ошибок в измерении –
функция вероятности.

Сергей Николаевич Николаев. Не фотогеничен. (Это как посмотреть). И не прост (а уж это точно). Однако многолетнее общение (дружба?) не позволяет (по умолчанию) не взять в руку ручку и (поклоняясь Солнцу) с улыбкой (через нижеследующий текст) позволить читателям (почитателям?!) предложить улыбнуться.

А как же иначе воспринимать (т.е. без улыбки) *серьезного человека*! Способный и энергичный физик (все-таки защита кандидатской диссертации в Дубне что-то значит) уже через несколько лет после начала работы в Костромском государственном педагогическом институте выталкивается наверх по ступенькам организационной лестницы и становится (если бы только заведующим кафедрой – то Бог ему простил) проректором по учебной (для пединститута – *ключевая* должность!) работе.

Уйдя от жизни в её виртуальную составляющую, т.е. от физики – в бюрократию, С.Н. Николаев (а это было двадцать лет назад) и до настоящего дня потерялся. Ибо уже – не физик, – и ещё – не бюрократ (хотя задатки появились, особенно в части ответа на вопрос: который час?). И вроде бы физику-то любит. Продолжает общаться со студентами (это те – кого он единственно любит!). Но. А что «но»? Он же ещё и проректор. А это значит, что у него быстро возрастает объем чисто организаторской деятельности, которая распадается на множество мелких операций административного характера, необходимых для того, чтобы обеспечить нормальные условия проведения научной работы. С каждым годом доля времени, приходящегося на такие функции, увеличивается, а возможности непосредственного участия в экспериментальной работе всё более ограничиваются. Так происходит самоотстранение физика-экспериментатора от эксперимента.

Эксперимента отлучения от Бога.

Отлучение, ностальгически звучащее музыкой стихов:

Пешки и короли…
Залы, где днем темно…
Жизнь мою извели
Шахматы и кино.
Что меня к ним влекло?
Чёрта я в них нашел?
Шахматы и кино
Были заместо штор.
Пешки и короли,
С молодости маня,
Зорко подстерегли,
Взяли, как западня.
Каждый киносеанс
Был как уход в ничто,
Был как забыться шанс
Сразу минут на сто.
Шахматы и кино –
Скучное бытие…
Лучше бы уж вино,
Лучше бы уж бабьё…
Все-таки те грехи
Тем хороши хотя б,
Что за грехи – стихи
Душу вовсю когтят…
Но мне прожить в стихах
Было не суждено:
Гнал меня хлипкий страх
К шахматам и кино.
…Шахматы и кино –
И пустота в душе…
Так-то… И никого
Не удивить уже.

Впрочем, достаточно о С.Н. Николаеве и его пути в бюрократию. Те, кто вместе с ним прожил эти «транзитивные» двадцать лет (как быстро бежит время) вспомнят и другие подробности (бо-

© Чекмарев В.В., 2011

левые точки характера и степень глубины личности С.Н. Николаева). Позволю себе о другом. О другом, то есть о Человеке, именуемом Сергей Николаевич Николаев. (Держись, Серёга!).

С большим волнением взялся я за написание этих кратких заметок о замечательнейшем человеке, с которым меня связывают десятилетия взаимодействия (и взаимопонимания!) в самых различных ипостасях.

Мне бесконечно повезло, что имею возможность часто общаться с Сергеем Николаевичем в неформальной обстановке (азартный шахматист! (см. стихотворение выше) А уж в застолье просто незаменим!)

Умышленно не собираюсь приводить подробные биографические данные С.Н. Николаева (ну и что, что он, как и я, родился 25 июля 1951 года, что он, как и я отец троих детей). Не буду специально останавливаться и на научных взглядах и интересах. Но тогда кто он, С.Н. Николаев, свидетель ушедшего века, созидатель текущего столетия? Восприятие, конечно же, личное (социально-культурный статус рациональности человека определит будущее).

Чтобы постичь целостного человека, следует его обнять. Рациональность (это по-экономически) постигает его только по частям. Но следует ли обнимать руку, ногу, и т.п.? Вспомним слова «Ты лети быстрее света…», написанные лет за десять до того, как физики («цеховики» С.Н. Николаева) объяснили волновую природу света и было определено, что это предельная возможная скорость (мышление С.Н. Николаева де-факто опровергает физиков: скорость его мышления превышает скорость света!).

Не согласны?

Тогда довод: скорость мышления определяется *состоянием* жизни чужими мыслями и своими чувствами. У Николаева наоборот: он живет своими мыслями и чужими чувствами. Хотя не могу не отметить, что из вышеотмеченных четырех типов складывается все многообразие человеческой породы.

У Сергея есть черта не редко дразнить меня, но всегда по-товарищески, без какого бы то ни было желания сказать мне что-нибудь действительно неприятное. Может быть, это происходит оттого, что его заражает мое ироническое отношение ко многим вещам и он невольно впадает в этот тон. А может, что в этом случае он обретает душевную свободу.

Чаще всего, ученых и преподавателей вуза представляют с позиций их вклада в науку и образование. Мне же хотелось поделиться с вами, дорогие читатели, восприятием С.Н. Николаева (хоть он и канд. физ.-мат. наук, и первый проректор, профессор кафедры теоретической физики) как простого человека, неординарного и разностного.

Острейший ум, мгновенная реакция, остракизм ситуации – это характеристические особенности личности С.Н. Николаева.

Цитата из разговоров:

«Если ты не можешь объяснить в целом, грубо хотя бы значимость того, чем ты занимаешься, первому встречному, то, значит, ты сам не представляешь, что такое физика».

Цитата из моего его понимания:

«Некоторая нарочитая небрежность к себе. Даже к стоматологу не идет! (Что бы улыбка была полнобелозубой)».

Сергей Николаевич Николаев человек независимый, обладающий смелостью суждений. Зачастую – нескрываемая формальность и лукавство при решении тех или иных вопросов. И при этом – уважительность к собеседнику (просителю!)

Приятно вспомнить о любви Сергея Николаевича к Природе. Заядлый грибник.

Жизненный путь С.Н. Николаева совершенно не типичен для сложившихся в вузе традиций, более того – во многом путь парадоксален. Он не стал последовательно проходить ступени вузовской карьеры, хотя и был завкафедрой и проректором по учебной работе. При том, что многим казалось, что С.Н. Николаев жестко запрограммирован на традиционную вузовскую траекторию (докторская диссертация, профессорство).

С.Н. Николаев обладает на редкость острым умом и мгновенной точной реакцией на слова собеседника или на окружающие (?!) события.

Один пример о 5-курснице двоечнице и ее письме Медведеву. (Ну об этом, с признательностью к своему заму, пусть вспомнит ректор).

Николаев как проректор, не может быть охарактеризован как *излишне* добрый человек. Он скорее, по-деловому жесткий. Сложная работа наложила на него неизбежный отпечаток. Вне стен кабинета он «оттаивает» охотно встречается с друзьями, которым всегда рад.

Может быть Сергей Николаевич – рационалист. На работе он никогда не спешит выкладываться полностью. Необходимо и достаточно –

похоже этот математический принцип можно считать принципом его работы.

Однако, опять о работе. А хотелось-то о человеке. И здесь размышляя о С.Н. Николаеве как о человеке нельзя не охарактеризовать его как сатира.

Сатир Николаев и сатира. Об этом дальнейший сюжет этого эссе. Поговаривают, что сатира – это от Мольера и прочих западников. Но, как мне кажется, сатира – изобретение отнюдь не только западное. Соответствующее китайское слово переводится буквально как «смех с ножами». Наше слово менее яркое – оно происходит от латинского satura, что значит «смесь» или «мешанина». Первоначально оно имело кулинарный оттенок, обозначая, например, миску с разными ягодами, причем миску совершенно обычную – нечто здоровое, приятное и радостное. Считалось, что сатире положено быть грубой и вульгарной.

Это генезис сатиры (позаимствованный мною у Л. Рона Хаббарда) позволяет рассмотреть С.Н. Николаева как человека.

Сатир?

Почему вообще возник именно этот вопрос? Отвечу сам себе (как автор эссе о друге) нижеследующим образом.

Меня всегда интересовал человек и его стремление к знанию.

Поэтому сатир (?) С.Н. Николаев – для меня философ, обнаруживший (для меня), что пространство – это всего лишь идея, точка зрения.

Он утверждает, что не сознание определяется окружающим миром, а наоборот. (Кто поспорит, что это не радикальная мысль?).

Конечно же, с помощью этой точки зрения можно разделаться с такой неприятной мелочью, как время. Но это уже проблема физиков. Хотя последние и утверждают, что сатира может быть смешной, но не все, что смешно – сатира.

Подумаем вместе (без физиков).

И без комедийного хохота. Ведь комедия базируется на необоснованных чувствах (и отношениях). Хохот, вызываемый ею, – это отторжение, радость распознания ошибки.

Представьте себе, например, элегантно накрытый стол – тончайший фарфор, блеск серебра и хрусталя, горящие свечи... Плохо только одно. На тарелке у героя лежит старый башмак. Герой отрезает кусочек, накалывает на вилку, старательно пережевывает, промокает уголок рта снежно-белой салфеткой и сердечно улыбается соседу по столу, прежде чем взять еще кусочек.

Разыгранная таким великим актером и клоуном, как Чарли Чаплин, эта сцена была бы смешной. Но смешон не башмак. Смешон гость, а точнее – его отношение к происходящему. Попытка не просто съесть башмак, а сделать это по-светски делает всю сцену еще более нелепой. Отсюда и смех.

Но сатира ли это?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует выяснить, высмеивается ли тут что-нибудь. Разница между комедией и сатирой состоит в том, что сатира – это карикатура, преувеличение реальных, черт; то самое подчас делают художники с лицами политиков, а имперсонаторы – с голосами и манерами, так что их подчас обвиняют в том, что они больше похожи на своих жертв, чем те сами. Талант и тех и других заключается в поиске характерных черт и вынесении их на передний план. Когда выделение характерного становится преувеличением, на сцену выходит сатира – стиль, намеренно отходящий от реализма.

Хотя сатиру часто смешивают с комедией – а сатира бывает очень смешной, – для нее характерно прежде всего обличение каких-то черт или деталей. А от критики сатиру отличает обертка нелепости – как горькую пилюлю покрывают сахаром, так стрелы сатиры смягчаются юмором. Но и в этом случае сатира не смеется – высмеивает и насмехается.

Сатира (как и ее дальние родичи, каламбур и остроумие) требует определенной подготовки. Шутку надо уметь найти. Чувство юмора основано на наблюдательности. Человек, воспринимающий слова буквально, не поймет шутки, особенно основанной на игре слов – до него «не доходит». Недаром говорится, что чувство юмора человека отражает его интеллект и образование. «Скотный двор» Джорджа Оруэлла (1945) покажется намного смешнее человеку; знакомому с тем, что такое коммунизм (если он только сам не коммунист). Но мишени сатиры обычно не смеются. До них по каким-то загадочным причинам «не доходит». Впрочем, сатира пишется не для них, а для окружающих– чтобы те увидели, что, как в известной сказке, король-то голый».

Потому-то и смешна сатира.

Надеюсь, что вышеизложенное защитит меня в моем понимании С.Н. Николаева, как satura, хотя я совершенно уверен, что некоторые лично-

сти обвинят меня в том, что «ягоды кислые». (Приятного аппетита!)

Выбор контекста моего же поздравления Сергею Николаевичу обусловили наши с ним и общими друзьями разговоры об идиллиях гуманизма и реалиях человечности.

Поясню для не присутствовавших при разговорах.

На исходе XIX века Ф. Ницше, предвосхищая катастрофы века грядущего, пафосно писал о сумеречном декадансе западной, сократовско-христианской культуры. По завершении Первой мировой войны и ее революционных отголосков С.Л. Франк аргументирование констатировал крушение кумиров культур оставив, впрочем, людям толику надежды. Голоса философов не канули в Лету, однако молох нигилизма продолжал раскручиваться с нарастающей скоростью... На пепелище очередной мировой бойни европейскому гуманитарию уже ничего не оставалось, как вслед за Т.В. Адорно признать: «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой – всего лишь мусор».

Именно в таком негативно-парадоксальном ключе («ни то, ни другое»), по ту сторону бинарной оппозиции «приятие – отвержение» дискутировалось второй половине XX столетия проблема гуманизма, который с давних, возможно, еще эллинистических времен фундирует западную и, отчасти, соседствующие с ней системы ценностей. В своем словарном значении *гуманизм есть рефлектированный антропоцентризм, утверждающий высочайшую ценность не отчужденного от собственной сущности человека*.

Современный русский язык предлагает нам сразу два слова, которые можно считать слепками с латинского «humanitas»: «гуманность» и «человечность». В определенном отношении они близки по смыслу, синонимичны. Но не всегда. Обнаруживается по крайней мере один контекст, где их значения заметно или даже существенно разнятся. Это та семантическая конфигурация, в которой различаются определенным образом «мораль» и «нравственность». Мораль рассматривается по отношению к человеку и малой социальной группе преимущественно как внешняя инстанция, направляющая их поведение откуда-то со стороны, с позиции больших (глобальных) социальных групп; в то время как нравственность, выступающая имманентной причиной человеческих поступков, понимается как сущность и состояние внутреннего нрава людей, прошедшего не столько анонимно-социальную, сколько экзистенциальную, личностную корректировку. Мораль требует послушания, почитания общественного мнения, преклонения перед ним. Нравственность проистекает из ответственности, в первую очередь – перед самим собой. Нрав сам по себе, без нравственной доделки и моральной опеки, бездонен, непредсказуем – и тем опасен. Он бывает тяжелым и легким, крутым и кротким, капризным и стоическим. Зачастую – противоречивым. Но всегда – непосредственным и в этом смысле истинным, внеморально и безнравственно истинным. Мораль – нередко лжива, двулична. Ее универсальное, казалось бы, требование – «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе!» – не защитит людей ни от непредсказуемых порывов насилия, ни от болота тотального безразличия. Выражаясь натуралистически, «мораль – это масло для тех, кто не имеет хлеба».

Очерченный выше контекст, в отличие от всепримиряющей дополнительности («и то, и другое»), позволяет обнаружить в доселе привычном культурном ландшафте противоречия, могущие оказаться антагонистическими, стимулирующими определенный поворот или даже переворот бытийно-ценностной панорамы.

Кому-то может показаться странным вышеизложенные рассуждения, что гуманное – еще не человечное (где же личность С.Н. Николаева?).

И здесь я (со своей структурой и сущностью) должен (в полный рост – Б. Шостенко) заявить, что онтология гуманизма непременно предполагает обсуждение содержания и структуры человеческой сущности. Вследствие чего мой эссенциалисткий дискурс, однозначно возвышающий С.Н. Николаева и над энергией (Аристотель), и над явлением (Г.В.Ф. Гегель), получает солидную эвристическую фору (перед теми, кто еще не успел поздравить Сергея с его «унылым проректорством и мирными шестьюдесятью годами), правда быстро растрачиваемую на метафизических тропах судьбы.

Сергей Булдаков (ты же философ, по крайней мере старше меня и Николаева) ответь на вопрос: является ли первейшим структурным свойством всякой сущности себе тождественность, равенство самой себе?

Твой ответ = характеристика С.Н. Николаева.

Однако вернусь к пониманию С.Н. Николаева как проректора (все же 20 лет его бюрократичности меня обязывает это сделать). Николаев – бюрократ и Николаев – человек.

Гуманность и человечность – вот в чем (по классике) вопрос.

Порассуждаем вместе.

Для «затравки» мысли вернусь к тезису «сущность Николаева есть равенство самому себе».

Сохранение этого исходного метафизического баланса считается ценностно-позитивной нормой, его нарушение – непростительным аксиологическим изъяном. Будучи рассудочно упорядоченной, отрефлексированной, интуитивно открывшаяся в форме идеи онтологическая сущность превращается в сущность изрядно гносеологизированную: понятийную или категориальную, короче говоря, – в понятие или категорию, которые выступают кратчайшими, точечными определениями соответствующих онтологических образцов. В стремлении получить более содержательные определения познающий субъект связывает понятия (и категории) между собой, тем самым меняя их структуру, уменьшая их объем. В результате эссенциалист оказывается на распутье, и без концептуальных потерь ему уже не обойтись. Он вынужден либо отстаивать и далее неизменность онтологических сущностей, отрывая их от текучих рационализированных дубликатов; либо настаивать на прочной связанности обеих сущностных граней, признавая изменчивость той и другой. Но и тогда открытым останется вопрос о степени их соотнесенности, в конце концов – о репрезентативности понятий и категорий. Скажем, насколько рассудочная и рассудительная *гуманность,* как понятийная инстанция, и *гуманизм,* ее идеологический покровитель, адекватны онтологически полновесной, жизненно-противоречивой *человечности?*

Вышеприведенные филофствования – это для тех, кто любит

Сергея Николаевича Николаева, и готов с ним поразмышлять за жизнь сидя без него дома на кухне (подполное субъективирование существования для интеллектуалов).

Итак: Сергей Николаевич Николаев – это звучит гордо! (Врагам не сдается наш гордый Сергей…).

А что не так?

Наверняка из гуманистического рескрипта педагогическая часть читателей настоящего эссе меня вычеркнет, ибо мое отношение к С.Н. Николаеву покажется недостаточным (или коробящим) humanitas. Однако, надеюсь, что думающие (философы жизни) избегут нигилистического тупика апофатики («Человек – вообще не есть сущее»). Надеюсь, что поймут С.Н. Николаева (в контексте эссе о нем) как человечность из её близости к бытию (которое и шире всякого сущего, и содержательнее его).

Сергей Николаевич!

Поздравляю! (аплодисменты)

Желаю:

Научиться любить себя самого – любовью дельной и здоровой, чтобы выносить себя самого и не скитаться повсюду, путник!

В. Чекмарев, сосед по планете Земля
и соучастник-бюрократ
(читай: управляющий жизнью)

P.S. Друзья не физики просили меня, просить тебя (с точки зрения нужд и перспектив образовательной деятельности) ощущать, что нас объединяет понимание того, что необходимы глубокий анализ таких феноменов, как знание, интеллектуальная и духовная культура, изучение роли рационального и духовного в науке, религии, искусстве, идеологии; рациональности и духовности как альтернативных способов постижения истины.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Sergey A. Kusmanov, Valeriy V. Gunin, Tat'yana K. Akayeva, Oleg P. Akayev, Vyacheslav A. Okhlopkov

EXTRACTION INTERACTION IN THE SYSTEM CAO – N_2O_5 – P_2O_5 – H_2O – TRIBUTYL PHOSPHATE

The article touches upon the questions of getting purified phosphoric acid from the products of nitric acid decomposition of natural phosphates. It shows high degree of extraction of phosphoric acid by extraction methods when using tributyl phosphate as an extraction agent. The article also gives the optimum ratio of the components in the extraction system and specifies the duration process.

Keywords: phosphoric acid, extraction, tributylphosphate, the degree of extraction.

Mamedov Chingiz Agamusa

THE RESERVES OF INCREASE OF EFFICIENCY OF REPRODUCTION OF STURGEON FISHES IN STURGEON FISH HATCHERIES IN MODERN ECOLOGICAL CONDITIONS

Method for protection of sturgeon caviar from saprolegniosis was elabourated. It implies prophylactic treatment of incubated caviar with violet "K" (concentration 0,2–0,3 mg/l). This method (Patent №2165696) enables incubation of caviar with different fertilization characteristics. This method can be helpful in incubating fertilized roes of other fish species.

Keywords: Saprolegnia fungi, sturgeon caviar, violet "K", fertilization.

Aleksandr V. Murylyov, Aleksandr V. Petukhov

CRYSTALLIZATION POINT OF BODY TISSUES OF HONEYBEES *APIS MELLIFERA MELLIFERA L.* И *APIS MELLIFERA CARNICA*

The year cycle of crystallization point of different departments of a body of honeybee is shown in dynamics. Distinction of crystallization point of tissues of honeybee in *Apis mellifera mellifera* and *Apis mellifera carnica* is noted. The given indicator will allow to explain the mechanism of adaptation of bees at physiological level to adverse winter conditions and acclimatization on the north of the range.

Keywords: honeybee, crystallization point, maximum overcooling point, Central Russian bees, Carpathian bees.

Vladimir I. Parfenyuk, Mariya V. Tesakova

THE LOW-TEMPERATURE CATALYST FOR DRASTIC PROCESSING OF NATURAL CARBOHYDRATES

The efficient catalyst on base of ultra-dispersed copper-containing powders for reaction of monoxide conversion by water vapor was developed. For obtaining copper containing compounds the method of cathodic reduction from water-organic solutions of electrolytes was used. The application of synthesized product as a catalyst make it possible to decrease temperature of reaction of monoxide conversion by water vapor and to increase selectivity of process to comparison with using industrial pattern of catalyst.

Keywords: electrochemical synthesis, nanodimensional particles, catalysts, vapor conversion of synthesis gas.

A.N. Tauki, N.A. Smirnov, A.F. Kuz'min, A.V. Smirnov

THE COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF PROTECTIVE ACTION OF PREPARATIONS OF LICORICE AND ESSENTIAL PHOSPHOLIPIDS ON WHITE RAT'S ORGANISMS IN CONDITIONS OF ACUTE TOXIC HEPATITIS

This article discusses the evaluation of pharmacological effectiveness of drugs with hepatoprotective activity in experimental model of toxic hepatitis. The method of two-staged pharmacological screening. Key findings: of the 8 investigated drugs with different hepatoprotective activity none is discovered to worsen the condition of the liver against toxic hepatitis; the combination of essential phospholipids and glycyrrhizic acid is substantially of more significant hepato-protective activity, in comparison with the effectiveness of this combination of components that are applied separately.

Keywords: toxic hepatitis, essential phospholipids, glycyrrhizic acid.

Anna D. Tsvetkova, Oleg P. Akayev

RESEARCH OF THE PROCESS OF CUPRUM IONS ADSORPTION BASED ON MODIFIED SILICON DIOXIDE

The article touches upon adsorption characteristics of silicon dioxide (silica gel) – a large-tonnage by-product of producting aluminum

fluoride. The degree of purification the aqueous solution from cuprum ions (both with the help of modified types of sorbent) is also mentioned. In the article, there are kinetic parameters of the adsorption process – constants of the adsorption speed, energy of activation.

Keywords: adsorption, silicon dioxide, heavy metal ions, modification.

SYSTEM ENGINEERING

A.V. Kostrov, T.N. Tairov

TO THE AIM OF RATIONAL FORMATION OF TECHNOLOGIC EQUIPMENT COMPLEX

Approach to characteristic and assessment of equipment usage ratio taking into account its technologicity level is put forward; typical situations of appearance of losses due to irrational equipment usage are asserted; method of grounding the acceptable level of losses as well as of multiplicators' accounting is proposed. Basing on this, just-in-time definition of rational loading ratio of equipment in the conditions of custom production, piece-production and small-scale production is possible.

Keywords: technologic equipment, custom production, piece-production, small-scale production, technologicity.

PHILOSOPHY

Zinaf A. Badretdinov, Vadim Z. Badretdinov

THE CONSTRUCTION OF THE POWER DISCOURSE IN THE SOCIAL WORLD: FORMAL AND TENSIONAL ASPECTS

The article tells about power as control and governing oneself and other people in the process of self-realization through cooperation in social relationships.

Keywords: power, discourse, biography, will.

Marina A. Bogdanova

HUMAN'S CORPOREALITY IN M.M. BAKHTIN'S HUMANITARIAN THINKING PARADIGM

The author analyses M.M. Bakhtin's method of humanitarian thinking as applied to the understanding of concept "corporeality". The research proves that corporeality can not be just minimized to anatomy and physiology. Analyzing Bakhtin's works, the author shows the relation of the category of human corporeality to the Middle Ages world outlook, emphasizes the body perception distinctions in national and official culture and their consolidation in a language.

Keywords: M.M. Bakhtin, humanitarian thinking, laugh culture, grotesque realism, Rabelais, carnival body, foul language.

Yekaterina L. Zelenova

NATIONAL CONTRADICTIONS ARE THE BASIS OF GLOBAL CONFLICTS

The purpose of the article is to analyze the ratio of national contradictions over the contradictions of globalization.

Keywords: philosophy, globalization, national conflicts, internationalism, ethnoses.

Ol'ga V. Kanunnikova

META-LANGUAGE AS METHOD OF ABSTRACTIONS` GENERATION IN SCIENTIFIC COGNITION

Meta-language is analyzed in the article as method used to generate abstractions in scientific cognition. The author makes it clear that the different method of abstractions` generation with respect to formal logical method may be used. The author presents the specific features of finding, analyzing, correlation and comprehension of general abstract concepts in linguistics and psychology of culture.

Keywords: meta-language, abstractions, formal logical method, primitives, concrete-scientific cognition.

T.V. Karpova

RUSSIAN PHILISOPHIC BASES OF STATE-CONFESSION RELATIONSHIP IN POST-SOVIET RUSSIA

This article analyses basic approaches of Russian philosophic schools to investigation of state-confession relationship in Russia.

Keywords: state-confession relations, social relations, negative dialectics, Euro-Asia-paradigm.

Dmitriy M. Koshlakov

PROBLEM OF BEING OF SCIENCE IN RESEARCHES OF RATIONALITY

From modern philosophic positions, the analysis of a circuit «Science – Technique and Technology – Ecology», describing interrelation of various levels of life of a science is spent. It is underlined, that the similar analysis should promote increase of connectivity of various approaches of philosophy of a techno-sphere, development of methodology of management by techno-sphere and the decision of some of the problems, concerning researches of rationality.

Keywords: being of Science, Science, Rationality, Technique and Technology, Techno-sphere, Ecology.

Irina N. Lavrikova

THE NATURE OF THE HOLIDAY: SEARCHING THE TRUTH

The holiday is a criterion of humanity and one of sources of the ordered life. Experiencing decline during the separate periods of history, this element of culture does not disappear absolutely; it is considered to be the most ancient of constantly reproduced. Every time, facing a problem of leisure in a society, authorities use the celebratory standards checked up by centuries: the important means of formation of public integrity.

Keywords: methodology of holiday, free time, leisure, element of culture, authorities, upbringing of person, theory of laughter.

Nataliya V. Malakhova

SUBJECTIVE CONDITIONS OF DISCOURSE OF CORPOREALITY

In this article we analyse foundation of discourse of corporality, those foundations are a complex of conditions where one discovers cohesion and entirety. Corporeality carries the resource of harmonisation of the relations of the person with the other world if the person consciously constructs the phenomenological adjustment where the verbal practises, gestures, interactive understanding compose unrestricted volume of self-organisation and impact of the person on the surrounding people.

Keywords: corporeality, subjectiveness, discourse, body of language, body language, phenomenological adjustment.

Natal'ya S. Oboturova

CONCEPTUALIZATION OF THE IDEAS OF NON-TRADITIONAL THEORY OF COGNITION IN THE ANALYTICAL PHILOSOPHY OF D.DAVIDSON AND H.PUTNAM

The article shows the contribution of D.Davidson and H.Putnam, who combined formal logical understanding of the language with the method of mutually coordinated interpretation, as well as classical theory of reference with the method of conventional regulation and mental representation, into formation of the main ideas of non-classical theory of cognition.

Keywords: non-classical theory of cognition, conceptual schemes, conventional regulation, mutually coordinated interpretation, inner realism, new theory of reference.

R.K. Omel'chuk

ONTOLOGY OF BELIEF: PERSONAL AND SOCIO-CULTURAL MECHANISMS OF VALUES' CONTINUITY

The problem of belief which is considered not as a religious phenomenon or phenomenon of the knowledge theory, but through being and values is considered in the article. It is considered, how the belief and identity are understood from the viewpoint of the ontological model of person. It is proved that belief is a specific mechanism of overcoming egoism, self-identity and values' continuity.

Keywords: ontology of belief, identity, ontological model of person, tradition.

Yelena V. Ryzhakova

LONELINESS AS THE PHILOSOPHICAL PROBLEM

The article is devoted to very topical and significant theme – loneliness problem. The author considers various philosophical approaches to this point in question. At the same time the new view on essence of a phenomenon of loneliness to this point in question studying is offered.

Keywords: loneliness, solitude, alienation, individuality, society, world, relations.

Arkadiy A. Tuman-Nikiforov,
Irina O. Tuman-Nikiforova

THE PERSON'S ESSENCE AS AN OBJECT OF THE SCIENCE STUDY

This paper is devoted to studying the current state of human nature. The object nature comprehension forms the science goal. Modern philosophical anthropology often operates person's image without essence. That leads to a number of errors in social practice. Author's definition of the person's essence as a combination of biological, social and spiritual qualities is given.

Keywords: essence, phenomenon, nature, person, system.

Andrey G. Shustrov

CONTEMPLATION OR ENLIGHTENMENT AS A CONDITION OF CULTURE IN EVALUATION OF THE GREEK CHURCH FATHERS

The aim of this paper is to introduce the Eastern Roman Empire Christian heritage, considered to be the basis for Russian humanities. Particular attention is drawn to the practice of spiritual contemplation

as the highest form of knowledge and transformation of the world.

Keywords: contemplation, enlightenment, energy, human nature, culture, identity.

Fyodor V. Tsann-kay-si, Lyudmila S. Andreyeva

HISTORY HUMANISTIC MEASUREMENT

On the basis of activity-culturological (philosophical-anthropological) approach, the article reveals the humanistic sense of history as an alternative to modern pessimistic concepts of «the end of history».

Keywords: multidimensionality of history, humanism of history, culture, activity-culturological approach, alienation, subject of history, sense of history, goal of history, philosophy of the history of Marxism.

CULTURE AND ARTS SCIENCE

Lidiya V. Balakhnina

ARTISTIC SOURCES, SHOW THAT MODIFICATION OF THE S-SHAPED PROFILE OF FEMALE SILHOUETTE OF THE 70-IES – 80-IES OF THE 19TH CENTURY

Fashion is associated with all the changes taking place in society. After a time, works of art become the most valuable historical evidence about fashion tendencies of the 70-ies–80-ies of the 19th century.

Keywords: S-shaped silhouette, profile silhouette, scenic sources, documentary sources, history of fashion.

Irina I. Irkhen

METHODOLOGICAL APPROACHES TO STRUCTURING OF THE PROCESS OF CULTURAL GLOBALIZATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

The paper represents an attempt to think over the existing methodological approaches to structuring of the process of cultural globalization in Russia. A more definite characteristic is given to the content of its levels representing changes of space-and-time continuum, and process characteristics of each of them are given a more concrete treatment.

Keywords: globalization, cultural globalization, regionalization, cultural unification, structure of cultural globalization.

Rozaliya M. Sharipova

CANTATA-ORATORIO CREATIVE WORK OF THE TATAR COMPOSERS (THE 60-IES–80-IES YEARS OF THE 20TH CENTURY)

Development of choral creative work of the Tatar composers has naturally led to development cantata-oratorio and other multipart choral genres. Numerous cantatas and oratorios intended for the big cast with an important role of chorus as leading participant of action. Among authors: B.Mulyukov, R.Gubaydullin, A.Monasypov, M.Yarullin, L.Hayrutdinova, S.Timerbulatov and others.

Keywords: cantata, oratorio, choral song, musical language, Tatar composers, choral collective.

HISTORY

E.D. Borshukova

PUBLICISM OF TIMES OF THE WORLD WAR I AND THE SOCIAL CONSCIOUSNESS FORMING IN THE RUSSIAN SOCIETY

Social and political background of Russian patriotism is closely connected with national identity and social awareness in various social classes of Russian society. Specific characteristics of patriotic feelings expressed through mass media during World War I. Political issues in Russia are described through its influence on public opinion.

Keywords: patriotism, forms of expressing patriotic awareness, mass media, periodicals, political party characteristics of publicism, means of manipulating, social consciousness, social and gender aspects of patriotism.

Il'ya N. Matviyevskiy

EDUCATION AND ACTIVITIES OF THE UNION OF OCTOBER 17 IN KOSTROMA PROVINCE

The purpose of this study is to investigate the separation of the Party "Union of October 17" on the territory of Kostroma province. The object of study is the local committee Octobrist party and the subject is social and political activity of the Octobrists in Kostroma province. Topicality of the work lies in the fact that it investigates such a little-studied subject as activities of the pre-October-revolution liberal parties on the regional level.

Keywords: "Union of October 17"; Octobrists, Kostroma province, local committee, election, State Duma.

Il'ya S. Nagradov

THE RELATIONSHIP OF THE OLD BELIEVERS, THE RUSSIAN GOVERNMENT AND THE SYNODAL CHURCH IN THE 1905–1917

The article investigates peculiarities of confessional policy of the Russian government and the synodal church in respect to Old Believers in the 1905–1917. We consider the acts of law, administrative decrees and their applying in regions of Russia.

Keywords: confessional policy, Legislation, Old Believers.

Andrey V. Chibisov (Hegumen Manuel)

THE RELATION OF THE RUSSIAN GOVERNMENT TO THE FACT OF ESTABLISHMENT OF BELOKRINITSKAYA HIERARCHY

The value of the fact of establishment of Belokrinitskaya Hierarchy for Russian old believe church has been defined. Diplomatic relations of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian empire with the Austrian government have been shown. Motives of counteraction to the fact of establishment of Belokrinitskaya Hierarchy have been revealed. The actions of the imperial government directed on the destruction of old believe hierarchy have been considered.

Keywords: Metropolitan Ambrose, old believe hierarchy, negotiations of Russian government, diplomatic complication, canonical status of Metropolitan.

SCIENCE OF LITERATURE

V.G. Andreyeva

LEVIN AND VRONSKY IN THE ARTISTIC WORLD OF THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY L.N. TOLSTOY

The article confirms that heroes of the novel "Anna Karenina" and their actions can be correctly valued only in comparison. The author examines characters of Levin and Vronsky and remarks how reserved parallels help Tolstoy to express unity of life laws, to show the ideal and divergences of it.

Keywords: orderly hierarchy of characters, life path of Levin and Vronsky, family idea and striving for faith, contrasts and similarity of characters.

T.P. Batalova

SYMBOLICS OF "OVERCOAT" IN N.V. GOGOL'S CYCLE "ST. PETERSBURG STORIES"

The author of this article analyses N.V. Gogol's cycle "St. Petersburg Stories". Motif of "overcoat" is inherent in all these stories. It expresses the contradiction between conventions of rank and individuality of man.

Keywords: Gogol, overcoat, motif, image, grotesque.

Yelena F. Griror'yeva

THE PROBLEM OF S.T. AKSAKOV'S LITERARY POSITION WITHIN THE LAST DECADE OF HIS LIFE

The aim of this work is to draw attention to the unexplored "innermost sphere", which is evident in Aksakov's trilogy. The "innermost sphere" is integrated into all the author's works and becomes vivid during the study of interconnections of the parenthetic remarks and paralipsis of the trilogy with the author's comments on his motives for writing which are directed towards the future historian of the Russian Literature.

Keywords: position of devotion, materials collector, innermost Sphere.

Mayya M. Katkova

THE BRITISH PERCEPTION OF RUSSIA IN A. PLATONOV'S «EPIFAN LOCKS»

The article under discussion illustrates British perception of Russia and image of British self-consciousness in A.Platonov's «Epifan Locks».

Keywords: A.Platonov, perception, British self-consciousness, national character.

Tat'yana Yu. Malkova

MOTIF OF REVIVAL IN M. BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA»

Thanks to a number of symbols, in M.A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» the paradigm reflecting extremely generalizing character of myth is created. It gives possibility to investigate images and motifs of product in myth-poetical aspect. «The genre situation» of the novel itself is caused by crisis condition of the world and the person.

Keywords: M.A. Bulgakov, "The Master and Margarita", cosmocentricity, poly-worlds, signs of sacral, archetypes, ambivalence.

LINGUISTICS

Anna A. Anikayeva

CONSTRUCTIVISM AS CONCEPTION OF FORMATION OF STYLE IN DESIGN OF THE PRINTED ADVERTISEMENT

In the article, history of origin of constructivism style is examined as to ideological artistic conception in the Russian printed advertisement. The author analyses means of artistic expressiveness of constructivism and application of these means in the modern printed advertisement.

Keywords: constructivism, advertisement, design, conception, construction, tectonics.

Aleksandr I. Vasil'yev

PHRASEOLOGICAL VARIANTS IN THE OLD EAST SLAVIC LANGUAGE

The article is devoted to the description of the Old East Slavic phraseological units variants, which

are formed as the result of different conditions. It is quite vital for understanding the development of the Russian phraseological system beginning from the old time and ending its modern condition.

Keywords: Old East Slavic language, phraseological unit, phraseological variants.

Natal'ya Ye. Gegner

USAGE OF CONSTRUCTIONS WITH THE INDEFINITE PERSONAL PRONOUN *MAN* AS A PERIPHRASIS OF STRUCTURES WITH PASSIVE VOICE IN THE GERMAN PRINT ADVERTISING.

This article describes the linguistic forms related to the semantic category of passivity. The author examines the characteristics of the indefinite personal pronoun *man,* explores the possibility of transfer of the possible voice relations by means of the constructions with the component *man*. As illustrative material ads from the German press are used.

Keywords: advertising, Passive voice, indefinite personal pronoun *man*, construction.

Svetlana M. Glushetskaya, Aleksey A. Kolesnikov

DIACHRONIC POLYSEMY OF THE GERMAN NOMINATION *WAMS*: LINGUA-CULTURAL ASPECT

The article is devoted to the substantion of the necessity of diachronic polysemy of German nominations of the thematic group «Clothes» with the purpose of the development of lingua-cultural dictionary.

Keywords: lingua-cultural approach, diachronic polysemy, lingua-cultural dictionaries.

Nadezhda V. Dubinkina

THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC AND METAPHORICAL IMAGERY BASED ON THE PHRASEOLOGICAL SEMANTICS (BASED ON THE NOVEL OF L.N. TOLSTOY «ANNA KARENINA»)

In this article, the metaphorical vividness of idioms is examined in the novel of L.N. Tolstoy «Anna Karenina», reflecting multiplicity of associative connections of objects. Idioms may function in the role of signals of the emotional state. The features of the idioms use in the novel are shown as bases for the construction of images.

Keywords: idiom, metaphorical vividness, imagery, phraseological semantics, associative sign.

Zhanna A. Zubova

PHRASEOLOGICAL UNITS, CHARACTERIZING APPEARANCE, IN THE PATOIS OF OREL REGION

The presented article analyses semantic group of set-phrases, which are characterizing appearance. The phraseology of patois secures the knowledge about the system of values of Russian native speakers. Semantic phraseological units are described in the article.

Keywords: phraseological field, micro-field, Orel patois, seme, human appearance.

Irina A. Kovynyova

IDEOLOGY OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS: AIMS OF CREATION AND FUNCTIONS

In the article, the following reasons of creation of Holophrastic constructions are presented: linguistic – for the purpose to animate the narration, variability of language devices, word plays, for the semantic compression and generality of statement, extralinguistic – linguametaphysical, ideological and the principle of analogy.

Keywords: holophrastic constructions, linguistic, extra-linguistic reasons.

Ol'ga N. Kondrat'yeva

DIACHRONIC ASPECT OF STUDYING CONCEPTUAL METAPHORS

In the article, the history of a metaphor «soul is a house» in Russian lingua-culture is considered. The frames structuring the given metaphor are consistently described, the lexical units included in metaphoric representation are established, the bases of metaphorical carry and their specific character for different temporary stages are defined. Material of research are Old East Slavic texts and texts of the classical literature of the early modern period.

Keywords: conceptual metaphor, frame, conceptualization, concept, lingua-culture, diachrony, soul, house.

L.O. Kuchmezova

EPENTHETIC CONSTRUCTIONS IN ASPECT OF GENDER LINGUISTICS

The article focuses on the analysis of epenthetic constructions by 4 aspects: «functional activity», structure, «belonging to certain part of speech» and semantics. The primary purpose of this research is description and explanation how gender comes out in language, which estimations are attributed in language to man and woman and what semantic areas they are most widespread in.

Keywords: epenthetic construction, aspect, gender linguistics, semantics, structure.

Lyubov' S. Nagradova

PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT 'LIBERTY' IN PLAYS BY A.OSTROVSKY

The article presents the analysis of one of the basic concepts in Russian culture – Concept 'liberty' – in terms of the peculiarities of its representation by means of phraseological units in plays by the Russian playwright A.N. Ostrovsky.

Keywords: phraseological unit, concept, basic Concepts in Russian Culture.

Svetlana V. Mamayeva, Larisa S. Shmul'skaya

GRAMMATICAL FEATURES OF DISCURSIVE ACTIVITY OF TEENAGERS

The article covers the analysis of morphological peculiarities of teenagers' spontaneous speech. It is mentioned that using of come grammatical categories deflects age-related traits of their discursive activity.

Keywords: anthropocentrism, linguistic personality, verbal portrait of schoolchildren, oral discourse, grammatical category, norm.

Galina N. Ryabova

COMMON-INFORMATIVE COMMUNICATIVE-SYNTACTIC TYPES OF THE SENTENCE IN POETIC TEXT

One of not enough developed questions of the communicative syntax is studied in the article, i.e. the building of the classification of the sentence that takes into consideration peculiarities of interrelation between communicative and syntactic structures of the sentence in the poetic text. The classification of common-informative types of the sentence is built on the material of Russian and Spanish languages.

Keywords: actual (communicative) sentence division, theme, rheme, communicative-syntactic sentence type, common-informative sentence type.

Yekaterina V. Smirnova

SYNONYMY IN MODERN MEDICAL TERMINOLOGY AND ITS LEXICOGRAPHIC REGISTRATION (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH-RUSSIAN DICTIONARIES)

The article is devoted to the studying of synonymy in Russian and English languages. The classification of terminological synonyms is given. We analyze the process of registration of synonymous terms in modern medical dictionaries from the lexicographical point of view.

Keywords: synonymy, medical terminology, terminological synonyms, terminological doublets, medical dictionaries, registration in dictionaries.

Genzhemurat Tleumuratov

ON CHANGE OF GENDER STRUCTURE IN MIDDLE ENGLISH

The article is concerned with the ascertainment of categorial status of the grammatical gender in Middle English. The stages of its gradual changes from grammatical to non-grammatical category that acquires the tendency of logical-semantic properties and its functional loading in the sphere of animateness and inanimateness are analyzed.

Keywords: categorial status, grammatical gender, deictic function, flexional form, communicative situation, gender-indicator pronouns, animateness, inanimateness, structural changes, process of personification, activity, inactivity.

G.Kh. Shamseyeva

THE ANALYSIS OF PARTS OF SPEECH AND STRUCTURAL CHARACTERISTIC OF LAW TERMS IN ENGLISH AND TATAR LANGUAGES

The problem of the systematization of law terminology is given in the article bellow. It is proved, that law terms should be studied systematically. The analyses of parts of speech and structural characteristic of law terms in English and Tatar languages are described.

Keywords: system of law terms, terminology and parts of speech, noun-terms, simple terms and composite terms.

Ol'ga V. Shatalova

AUTHOR AND CHARACTER: SYNTACTICAL REALIZATION IN NON-INTRINSICALLY DIRECT SPEECH

The article studies ability of syntactical structure in characterization of character and author in non-intrinsically direct speech (I.A. Goncharov's "Oblomov").

Keywords: linguistic personality, author, character, priority structure, syntaxes.

Artyom I. Yakovlev

PARODY AS AN INTER-TEXTUAL LINGUISTIC CATEGORY (BASED ON THE PARODY OF PUSHKIN'S INTER-TEXT IN ANDREI BELY'S "PETERSBURG")

The article is devoted to the inter-textual elements of parody in the novel "Petersburg" by

Andrei Bely. Using theoretical material stated by Yury Tynyanov in his article "On Parody", the author explores the linguistic basis of A.Bely's parodical reevaluation of Pushkin's works, classifies the inter-textual elements and shows their important role in the narrative semantic and structural organization of the text.

Keywords: parody, irony, grotesque, intermediality, gradation, pretext.

Artyom I. Yakovlev

CENTO EXPERIENCE: THE SHORT STORY "THE MASQUE OF THE RED DEATH" BY E.A. POE IN THE NOVEL "PETERSBURG" BY ANDREI BELY

The article is devoted to the cento within Andrei Bely's "Petersburg" – a huge series of quotations and allusions which connect Bely's novel with E.A. Poe's short story "The Masque of the Red Death". Bely creates a unique "double-talk", highly allegorical language, based on complex epithets and metaphors, which reevaluates the pretext. Semantically and structurally transformed quotations and allusions are used in the climax of the novel; they refract its main conflicts.

Keywords: inter-textuality, para-textuality, cento, metaphor, epithet, contamination.

Polina P. Vinogradova

DERIVATIONAL DISTRIBUTION OF DENOMINATIVE NAMES OF PIES ON THE TERRITORY OF KOSTROMA REGION

In the dialects of Kostroma Region, a group of denominative names of pies motivated by the kind of filling is very demonstrative in terms of lexical, derivational and areal analysis. Most of these lexemes are «univerbates» of combinations such as "adjective + noun *пирог* " with suffixes *-ик/-ник* (*картофельный пирог → картофельник, луковый пирог → луковник*). Within the word families, there are peculiarities in the territorial distribution of lexemes.

Keywords: dialectology, word formation, lexicology, linguistic geography.

PSYCHOLOGY

Yekaterina A. Abrosimova

SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO THE AUTOBIOGRAPHICAL RETROSPECTIVE

This article discloses the concept of the autobiographical retrospective from the point of social psychology. The author examines socio-psychological characteristics of the autobiographical retrospective such as subjectivity, the influence of socio-cultural environment, the impact of the aims of reference group, the need in positive evaluation of your own past. The autobiographical retrospective is seen as a structural part of 'Self-concept' personality.

Keywords: autobiographical retrospective, sociality, subjectivity, socio-cultural environment, aim, 'Self-concept', reference group.

Ruslan V. Borisov

LINGUISTIC FACTOR OF INTERETHNIC RELATIONSHIPS IN A TRADITIONAL SOCIETY OF DAGESTAN

The results of investigation of a linguistic aspect in the system of interethnic relationships in the Republic of Dagestan are presented in the article.

Keywords: language of interethnic communication, traditional society, poly-cultural society, Dagestan.

T.S. Medvedskaya

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE PROBLEM-SOLVING STRATEGY AS A MARKER OF THE ESTIMATE-BEHAVIORAL COMPONENT OF PERSONAL ACTIVITY

The article is devoted to the specificity of personal activity display and its components in connection with the objectively arising obstacles permission. The level of subject efforts efficiency is analyzed in the course of reality situations overcoming depending on estimate-behavioral component of personal activity features.

Keywords: personal activity, structurally-functional model of activity, problem solving, effective coping.

Lyudmila N. Molchanova

CONDITION OF MENTAL BURNING OUT OF REPRESENTATIVES OF TRADES OF THE EXTREME STRUCTURE IN THE CONTEXT OF PERSONAL EXPERIENCE OF PARTICIPATION IN OPERATIONS

This article gives the theoretical and empirical substantiation of displaying of the valuable and semantic maintenance of forms of personal experience of participation in operations on genesis of conditions of mental burning out of representatives of trades of an extreme structure.

Keywords: condition of mental burning out, genesis, personal experience of participation in combats, fixed, potential and operative forms, barrier ability–reliability.

N.V. Skripkina

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF TEACHERS' PERSONAL ATTITUDE TOWARDS CHILDREN

To study the characteristic features of teachers' personal attitude towards children, system of individual valuation sets of 166 respondents aged 21 to 69 years was investigated. The study brought out the structure of professional values (attitude to children) of the teachers from educational institutions, as well as the nature of other professionals' personal attitude to children. It was statistically proven that such factors as marriage and parentage reduce the possibility of manifestation of negative attitudes and increase the possibility of manifestation of positive attitudes towards children.

Keywords: love for children, personal attitude to children, system of individual valuation sets, marital status, parentage.

PEDAGOGY

Alyona S. Babenko

OVERCOMING THE STEREOTYPES OF IDEATION WITH THE HELP OF STUDYING CONTINUOUS DYNAMIC SYSTEMS

The continuous dynamic system defined by differential equation and the question about overcoming the stereotypes of thinking in the process of studying of nonlinear dynamics are investigated in the article.

Keywords: continuous dynamic system, differential equation, stereotype of thinking, overcoming of the stereotypes in thinking.

O.A. Brailko

PEDAGOGIC CONDITIONS OF LEGAL ACTIVITY FORMATION REGARDING STUDENTS OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTION UNDER CONDITIONS OF MILITARY EDUCATIONAL SYSTEM MODERNIZATION

The present article covers pedagogic efficiency conditions of legal activity formation process regarding students of military higher education institution. Their implementation contributes to extention, systematization and conceptualization of the existing scientific views on specifics and peculiarities of students' legal socialization at the changeover period of the Russian society.

Keywords: personal activity, military higher-educational institution student, legal activity, forming, pedagogic conditions, military higher-educational institution educative process.

Anna V. Bykova, Irina V. Grachyova

RESEARCH ACTIVITY AND STATE EDUCATIONAL STANDARD OF NEW GENERATION: RESULTS AND PERSPECTIVES OF COMPETENCE-BASED APPROACH

Stages and first results of the research aimed at estimation of students research competence level are described in this article. According to the state educational standard of new generation, competence-based approach is the principle component of the system of education at higher-education institution, including students' research activity.

Keywords: students' research activity, competency, research competence, professional activity, activity, resultativeness.

S.M. Voronin

PHYSICAL-TRAINING CULTURE AND SPORTS REFORMING BASES

A present day alarming situation in physical culture and sport needs finding a way out. It is necessary to develop all forms of physical culture. The level of the society track record depends on mass sport and physical fitness of children, teenagers and youth.

Keywords: physical culture, sport, health improvement.

Lyudmila A. Ivanova

MEDIA WORLD LEARNING BY RISING GENERATION: GENDER AND AGE SPECIFICITY

The article deals with the problem of "gender stereotypes" and age media preferences of modern generation. The research purpose is to define the ways of effective media education of various age groups according to the received results.

Keywords: modern mass-media, gender stereotypes, age media preferences, family valuable installations, negative influence.

Saldutsa H. Kankulova

EXPECTED VALUE OF EDUCATIONAL PROCESS

Since any processes occurring in didactic systems and connected with process of training are called didactic processes, we will characterize the condition of the trainee in considered process by that quantity of the information which is acquired by the person by given time.

Keywords: model, teaching model, system, didactic system, didactic process, force, axiom, resistance, force of deduction.

Irina M. Morozova, Yuliya A. Kulagina

CRITERIA OF THE ESTIMATION OF QUALITATIVE PREPARATION OF TEACHERS OF PROFESSIONAL TRAINING TO USE THE ELEMENTS OF DISTANT TECHNOLOGIES

Components, criteria and levels of estimation of effective preparation of teachers of professional training to the organization of educational process with use of elements of technologies of distance training in vocational schools are opened in article.

Keywords: estimation criteria, competence in field of distance training, levels of preparation, technologies of distance training.

Yelena S. Stakina

THE CONSTRUCTION OF FRACTAL SETS AS A MEAN OF FORMATION OF INFORMATIONAL COMPETENCE OF STUDENTS

The means of construction of fractal sets are produced in the given article. It's stated how the process of studying of fractal geometry should be organized in order to direct it to the developing of informational competence of students.

Keywords: informational competence, fractal set, L-system, Julia set.

Valentina B. Salakhova

THE HIGHER VOCATIONAL EDUCATION IN PENITENTIARY SYSTEM

The results of the research of the problem of correction an re-upbringing of the condemned person in the modern penal system are presented in this article. The contradictions are found out and the alternative of their decision within the methods and approaches of the penitentiary system is offered. The characteristic of the educational and professional activity in the system of execution of the punishment is given.

Keywords: penal system, penitentiary system, correction and re-upbringing of condemned ones, educational and professional activity.

Tsarev Evgeniy Alexandrovich

SOCIALLY AXIOLOGICAL POTENTIAL OF PHYSICAL ACTIVITY AND FORMATION OF A HEALTHY WAY OF LIVING.

This article is directed at the definition of the meaning of “a healthy lifestyle” and mechanisms and means of sport which help to form “a healthy way of living”.

Keywords: socialization. Socially axiological potential of sport. Motivation of health forming. Definition of the meaning.

SOCIOLOGY

Regina A. Gayazova

LEGITIMACY OF THE GOVERNMENT AS RESULT OF SOCIALLY-COMPROMISE INTERACTION OF SOCIETY AND THE STATE

Key factors legitimacies of the state policy are revealed in the article. The essence of the new social contract, as the result of social-compromise interaction of society and the state is analyzed. The maintenance of process of designing of an image of the legitimate power is considered.

Keywords: legitimacy of state policy, uniting ideology, system modernization, humanitarian innovations, social contract, image of legitimate power.

Aleksandr A. Maksimenko

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF VALUE CONCEPTION

In this article, the author highlights the process’ value conception foundation in sociological theories as well as in sociology of management.

Keywords: interpretation of value conception, axiological approach, sociology’ theories, sociology of management.

Adelya M. Tugusheva

SOCIO-CULTURAL ORIENTATIONS OF FUTURE CIVIL AND MUNICIPAL EMPLOYEES (ON THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Inflow to the civil and municipal service of talented and devoted to interests of society young people is one of the most important factors in increasing the effectiveness of civil and municipal administration. The aim of our work is making known socio-cultural orientations of future civil and municipal employees.

Keywords: socio-cultural orientations, values, young people, civil and municipal servants, system of administration.

SCIENCE OF LAW

Ol’ga V. Aleksandrova

THE FEATURES OF THE CIVIL PLEAS PROCEEDING AND SOLUTION IN THE CRIMINAL PROCEDURE ACCORDING TO THE LEGISLATION BY THE LATE 19TH CENTURY

In this article, the proceedings of general rules and civil pleas solution in the criminal procedure are enumerated. They are fixed by the Rules of Criminal Procedure from the 20th of November in 1864. On the basis of analysis of Kostroma nearby Court’s

jurisprudence by criminal cases from the 19th century, the interpretations features and the regulations usage of the Rules of Criminal procedure in the part of the victims requirements solution about the reparation of damages caused by an offence.

Keywords: civil pin in criminal procedure, verdict of non-guilty, guilty verdict, satisfaction of claim, dismission of appeal.

Vladislav V. Gruzdev

THE MATTERS OF CORRELATION OF LEGAL INFLUENCE AND LEGAL REGULATION

Theoretical methods of approach to the understanding of legal influence, its basic elements, mechanism are investigated in the article. The matters of correlation of legal regulation and legal influence are examined, their common and distinctive signs are determined.

Keywords: right, legal influence, legal regulation, legal means, mechanism, action of right.

Boris Ye. Roshchin

RUSSIAN LABOUR LAW AS AN ACADEMIC SUBJECT: GENESIS PECULIARITIES

The study gives a brief description the main peculiarities of the Russian labour law genesis. Labour law ideology is discussed specially due to its role as a key paradigm of labour law. The article outlines the contribution of outstanding researchers of social and labour relations, public figures and politicians who founded labour law as an academic subject and had a significant influence on its development.

Keywords: Russian labour law as academic subject, labour law ideology, labour law paradigm, factory legislature, labour laws and regulations, particular historic conditions, working class issues.

ECONOMY

Dmitriy Yu. Miropol'skiy

INTERACTION BETWEEN STIMULATING AND REGULATING ECONOMY FUNCTIONS

Effects of stimulation, mobilization and their interaction are researched in the article on the basis of two-sectored economy model. Question of comparative effectiveness of market and planned economies is solved on the basis of these effects interaction, Russia's adoption of market and its successfulness extent is modeled.

Keywords: market, plan, basic sector, pioneer sector, stimulation effect, mobilization effect.

Ol'ga N. Grabova

SCHOOLS OF BOOK-KEEPING AS BASIS OF THEORETICAL, METHODOLOGICALAND PRACTICAL DEVELOPMENT

The subject of this article is the following: to work out new theoretical approaches to found methods of book-keeping on basis of juridical and economic directions. It will allow to solve problems of plants' effective activities as a result of sequence dynamic development in the relationships of property and institutional medium.

Keywords: theory and methods of book-keeping, property, institutional medium.

Yekaterina V. Konovalova

THE ROLE OF FAMILY IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL INNOVATION ECONOMY

The article considers the role of family in developing human resources as the main factor of production in the innovation economy. The need to develop concepts of economic theory in the discourse of the family role of human capital in innovation processes is proved.

Keywords: human capital, family institution, economic theory of family, family functions.

A.A. Murav'yov

SOME APPROACHES TO THE NOTION OF THE EFFECTIVENESS OF THE NETWORK STRUCTURE AND THE REALIZATION OF THE RENT-ORIENTED BEHAVIOR OF THE ACTOR IN THE NET

This article considers the possibility to use the tools of the graph theory as a part of the network approach, and substantiates the possibility to evaluate the realization of the rent-oriented behavior of the actor in the net.

Keywords: network approach, graph theory, centricity and image of actor, rent for centricity of actor.

Aleksandra B. Rat'kova

CORRECTIVE LAGS OF STATE REGULATION

The paper addresses the problem of correcting the regulatory impact of lags of the state as a coordination mechanism in a dynamic economy.

Keywords: government regulation, market "failures", state "failures".

Ol'ga Andreyevna Serdtseva

RUSSIAN SECURITIES MARKET: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT UNDER CURRENT ECONOMIC CONDITIONS

The article is regarding to the research of the role of the stock market in the economy, the analysis of problems of the Russian stock market and also the determination of priority directions of its further development.

Keywords: securities market, stock index, liquidity, stock, exchange rate volatility, market capitalization.

A.G. Simonov

HARMONIC ECONOMY: THE PROBLEM APPROVAL

In the article, formulation of the problem of harmonious development of the Russian economy is carried.

Keywords: Russian economy, harmony, harmonic economy.

V.V. Chekmaryov, T.N. Yudina

INSTITUTIONALIZATION OF HOUSE-BUILDING BY EMPRESSES ELIZABETH AND CATHERINE II ROMANOVS

Problems of house-building in the Russian Empire from the positions of modern macro-economic institutionalization theory are researched in the article.

Keywords: institutionalization, house-building, macro-economic institutionalization theory.

S.V. Chistyakov

TRANSFORMATION OF FORMS OF THE ORGANIZATION OF ECONOMIC ATTITUDES IN EDUCATION

The basic idea of network interactions of educational establishments consists in economic attitudes on manufacturing educational products are carried out not in the depersonalized space filled infinitely by a lot of participants of the market, but in local space, limited by the certain circle of subjects of attitudes.

Keywords: network form, information-network culture, network approach, transformation of forms of interaction.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Для заметок

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 04.04.2011
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 38,0 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 168.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная